

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

VI

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик **Е. А. КОСМИНСКИЙ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *Б. Д. Греков*, академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*, член-корреспон-
дент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *М. В. Левченко*, *К. Р. Симон*,
Э. В. Удальцова (отв. секретарь).

**ЗНАЧЕНИЕ РАБОТЫ И. В. СТАЛИНА
„ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР“
ДЛЯ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ**

В нашу великую эпоху — эпоху крушения капитализма и торжества социализма — с небывалой силой проявляется мобилизующая, организующая и преобразующая роль передовой революционной теории. Всепобеждающее учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина освещает путь построения коммунизма в нашей стране, раскрывает широкие перспективы борьбы народных масс всех стран против империализма, за мир, демократию и социализм. Новым драгоценным вкладом в марксистско-ленинскую науку является гениальный труд И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“. Классическое произведение И. В. Сталина озаряет ярким светом революционной теории путь к дальнейшему процветанию нашей Родины, к дальнейшему росту материального благосостояния и культурного уровня трудящихся нашей страны, путь к полному торжеству коммунизма. „В этом труде всесторонне исследованы законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определены научные основы развития социалистической экономики, указаны пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Своей разработкой вопросов экономической теории товарищ Сталин продвинул далеко вперед марксистско-ленинскую политическую экономию“.¹ И. В. Сталин выдвинул программные положения об основных предварительных условиях подготовки перехода от социализма к коммунизму, дал научное решение таких важных социальных проблем и программных вопросов коммунизма, как уничтожение противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом.

Огромное принципиальное значение имеет обоснование в труде И. В. Сталина объективного характера экономических законов. И. В. Сталин учит, что законы экономического развития — законы политической экономии — являются объективными законами, отражающими процесс экономического развития, совершающийся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, использовать в интересах общества, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы. Экономические законы не создаются волей людей, но возникают на базе новых экономических условий. Это целиком относится, учит И. В. Сталин, и к экономическим законам социалистического общества.

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 99.

При социализме, как и в досоциалистических формациях, люди должны считаться с наличными производительными силами, которыми они владеют, и не могут произвольно изменять производственные отношения. Для того, чтобы перейти от социализма к коммунизму, необходимо прежде всего обеспечить мощное развитие производительных сил.

Познание законов общественного развития — сложный и трудный процесс, но задача науки в том и заключается, чтобы, отправляясь от фактов и событий, углубиться в познание их сущности, выявить законы, определяющие развитие исторических событий. Объективные законы общественного развития так же познаваемы, как познаваемы законы природы. Данные марксистской науки о законах развития общества являются достоверными, имеющими значение объективных истин.

И. В. Сталин подверг уничтожающей критике тех правоведов, экономистов, философов, которые вообразили, что социалистическое государство может произвольно „устанавливать“ экономические законы.

И. В. Сталин разгромил получившие в нашей литературе распространение анимарксистские субъективистские, идеалистические, волюнтаристские взгляды, согласно которым Советское государство якобы может „создавать“ и „отменять“ экономические законы социализма.

В то же время И. В. Сталин опроверг и другого рода ошибочные, немарксистские представления некоторых экономистов по вопросу о характере экономических законов при социализме. Некоторые экономисты, признавая на словах объективный характер экономических законов, смешивают объективное со стихийным. Они считают, что экономические законы могут быть только стихийными, что действия этих законов неотвратимы, что общество, в частности — социалистическое общество, бессильно перед ними. И. В. Сталин указывает, что такого рода трактовка есть фетишизация законов, отдача себя в рабство законам. Как свидетельствует история, общество не беспомощно перед действиями экономических законов: „... люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними“¹.

Таким образом работа И. В. Сталина нанесла новый сокрушительный удар всем видам и формам идеализма, отрицающим объективный характер законов развития природы и общества.

Крупнейшим вкладом в марксистскую политическую экономию является открытие И. В. Сталиным основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма. Основной экономический закон дает ключ к пониманию и объяснению всех закономерностей данного экономического строя.

„Открытие товарищем Сталиным основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма наносит сокрушающий удар всем апологетам капитализма. Эти основные экономические законы свидетельствуют о том, что если в капиталистическом обществе человек подчинён безжалостному закону извлечения максимальной прибыли, во имя чего люди обрекаются на тяжкие страдания, нищету, безработицу и кровопролитные войны, то в социалистическом обществе все производство подчинено человеку с его непрерывно растущими потребностями“².

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 9.

² Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 105.

Коммунизм возникает, как результат сознательного творчества миллионных масс трудящихся. Теория самотека и стихийности глубоко чужда всему экономическому строю социализма. И. В. Сталин показал, что на базе обобществления средств производства в противовес закону конкуренции и анархии производства, в нашей стране возник закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Но закон планомерного развития народного хозяйства не является основным экономическим законом социализма, и наша практика планирования не может дать положительных результатов, если не будет опираться на основной экономический закон социализма.

„Задачи нашего продвижения вперед, — указал Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду, — обязывают деятелей партии, работников в области общественных наук, ... руководствуясь программными указаниями товарища Сталина, всесторонне разрабатывать вопросы марксистско-ленинской теории в неразрывной связи с практической созидательной работой“.¹

Новый классический труд И. В. Сталина имеет исключительно большое значение для советских ученых разных специальностей — экономистов, философов, правоведов, историков, и, в частности, — для историков-медиевистов. В своем труде И. В. Сталин подчеркивает исторический характер действия экономических законов, большинство из которых являются специфичными для определенной общественно-экономической формации. Ясно, следовательно, что и феодальной формации присущи свои специфические экономические законы. Вместе с тем, как указывает И. В. Сталин, „различные общественные формации в своём экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций...“.² Поэтому общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами. Такими законами, общими для всех формаций, являются прежде всего закон единства производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон о соотношении между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Сюда же относятся законы воспроизводства.

Ни одно общество не может существовать, не воспроизводя средств производства, рабочей силы и т. д. Процесс производства в каждой общественно-экономической формации разворачивается по своим особым законам. Однако во всяком обществе процесс воспроизводства содержит в себе элементы, обязательные для производственного процесса вообще. И. В. Сталин по этому поводу говорит: „... марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства... они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации. Такие основные положения марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производство средств производства и производство средств потребления; положение о преимущественном

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 106.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 71.

росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве; положение о соотношении между I и II подразделениями; положение о прибавочном продукте, как единственном источнике накопления; положение об образовании и назначении общественных фондов; положение о накоплении, как единственном источнике расширенного воспроизводства, — все эти основные положения марксовой теории воспроизводства являются теми самыми положениями, которые имеют силу не только для капиталистической формации и без применения которых не может обойтись ни одно социалистическое общество при планировании народного хозяйства“.¹

Общим для всех формаций является открытый впервые К. Марксом закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. И. В. Сталин в своих гениальных трудах дал ясное и всестороннее теоретическое обоснование этого закона, дал классическую формулировку экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, раскрыл великое значение этого закона в борьбе рабочего класса против капитализма.

И. В. Сталин показал ошибочность утверждения о том, что роль производственных отношений в истории общества ограничивается ролью тормоза, сковывающего развитие производительных сил. „Наоборот, новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах“.²

Мы, историки-медиевисты, обычно недостаточно отмечаем соответствие производственных отношений характеру производительных сил, которое имело место, например, в истории Западной Европы в период образования так называемых „вольных городов“, городов-республик, освобождения городов из-под власти феодалов, когда в городах складываются новые производственные отношения; такое соответствие имело место и в XV—XVI вв., когда буржуазия ознаменовала свое появление на исторической арене революционной борьбой против тысячелетнего царства феодалов, против средневековой схоластики, против католической церкви, против обветшалых канонов средневекового искусства. Этот период Ф. Энгельс характеризует, как „величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством“.³

В истории каждой страны в средние века можно найти время, когда новые производственные отношения определяют дальнейшее развитие производительных сил. Мы, византинисты, в частности, обращаем недостаточное внимание на исторически прогрессивную роль новых производственных отношений, которые складываются в Византии во второй половине VII и в VIII вв. и которые определяют переход Византии от рабовладельческого строя к феодальному.

Характеризуя особенности экономических законов, И. В. Сталин указывает, что „...использование экономических процессов, экономических законов в интересах общества происходит в той или иной мере не только при социализме и коммунизме, но и при других формациях“.⁴

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 80—81.

² Там же, стр. 61.

³ Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1952, стр. 4.

⁴ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 49.

При этом в условиях классового общества использование экономических законов всегда и везде имеет классовую подоплеку. Класс феодалов или буржуазия олицетворяют общественные порядки, основу которых составляет частная собственность на средства производства и эксплуатация большинства населения ничтожным меньшинством; конечно, это самым непосредственным образом сказывается и на использовании этими классами экономических законов.

Одна из особенностей экономических законов в отличие от законов природы состоит в том, что экономические законы, или по крайней мере большинство из них, недолговечны. Они возникают на базе определенных экономических условий, на базе данного способа производства. С изменением этих условий, с заменой одного способа производства другим, старые экономические законы теряют свою силу и уступают место новым законам, соответствующим новым экономическим условиям.

Закон стоимости, отвечает И. В. Сталин, есть закон товарного производства. Он существовал до капитализма и продолжает существовать, как и товарное производство, в нашей стране, правда, с ограниченной сферой действия. Но одним из основных предварительных условий для перехода от социализма к коммунизму является замена товарного обращения системой продуктообмена, поднятие колхозной собственности до уровня общественной собственности. А конец товарного производства будет означать и конец связанных с ним законов и категорий — стоимости и различных форм и проявлений закона стоимости. Поэтому глубоко ошибочными являются утверждения некоторых экономистов, что стоимость, формы стоимости, как внеисторическая категория останется и при коммунизме.

В этой связи важное значение для медиевистов имеет положение И. В. Сталина о том, что товарное производство „существовало при феодализме и обслуживало его“.¹ Из этого следует, что при феодальной формации несомненно имел место экономический закон стоимости, ибо „там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закон стоимости“.² Закон стоимости и простое товарное хозяйство тесно связаны между собой. Историкам средневековья необходимо обратить большее внимание, чем это делалось до сих пор, на действие закона стоимости при феодализме.

К. Маркс подчеркивает, что превращение стоимости в цену товара совершается на основе исторического развития товарного хозяйства из простого товарного хозяйства в капиталистическое. В „Капитале“ мы читаем: „... Независимо от подчинения цен и их движения закону стоимости, является вполне правильным рассматривать стоимости товаров не только теоретически, но и исторически, как *prius* (предшествующее) цен производства. Это относится к таким укладам, когда работнику принадлежат средства производства, а таково положение, как в старом, так и в современном мире, крестьянина, живущего собственным трудом и владеющего землей, и ремесленника“.³

Выход в свет нового труда И. В. Сталина ставит перед историками-византинистами задачу обратить на изучение экономики византийского общества гораздо большее внимание, чем это они делали до настоящего времени.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15.

² Там же, стр. 19.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 184.

Чрезвычайно существенным для медиевистов является следующее замечание И. В. Сталина: „Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю“.¹

Тем самым, И. В. Сталин исчерпывающим образом разрешает вопрос, являвшийся предметом споров в нашей исторической науке — вопрос об основе феодализма. И. В. Сталин указывает, что основой феодализма являлась феодальная собственность на землю. Это положение И. В. Сталина налагает на историков-византинистов обязанность внимательнее изучать вопрос о феодальной собственности, выяснить ее отличия от собственности рабовладельческой и капиталистической. Обычно историками-византинистами этот вопрос определяется очень просто,² но на самом деле он значительно сложнее. Больше внимания должны обратить историки-византинисты и на изучение базиса византийского общества — производственных отношений. „Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положения различные социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: „взаимный обмен своей деятельностью“; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов“.³

Все это вместе составляет прежде всего предмет политической экономии, но изучение развития производительных сил и производственных отношений людей должно лежать и в основе работы историков. В Кратком курсе истории партии И. В. Сталин пишет: „... историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов“.⁴

Советские византинисты немало занимались и занимаются историей аграрных отношений в Византии, но ими еще очень мало сделано по изучению византийского города, который в Византии играл значительно большую роль, чем города в период раннего средневековья в Западной Европе. По этому вопросу единственными в сущности работами, выпущенными в советское время, являются исследование Н. В. Пигулевской об Эдессе начала VI в. и статья М. Я. Сюзюмова „Ремесло и торговля в Константинополе“, напечатанная в IV томе „Византийского Временника“, а также его перевод „Книги епарха“. Недостаточное знание истории византийского города тормозит дальнейшие успехи советского византиноведения.

Классический труд И. В. Сталина показывает, что одним из важнейших вопросов истории феодального общества является вопрос о диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Но мы, советские византинисты, почти совершенно еще не занимались вопросом о развитии производительных сил в Византии, о византийской технике ремесла и сельского хозяйства, о совершенствовании там орудий труда.

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 41.

² См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., М., 1952.

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 73.

⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 116.

Конечно, при изучении проблемы развития орудий труда в Византии и византийской техники перед нами встают значительные трудности, связанные прежде всего с недостатком источников и, конечно, с тем, что некоторые византийские технические изобретения полностью погибли. „Как мало были гарантированы от полной гибели развитые производительные силы, даже при сравнительно обширной торговле, показывает пример финикиян, большинство изобретений которых погибло на долгое время благодаря вытеснению этой нации из торговли, ее завоеванию Александром...“,¹ пишут К. Маркс и Ф. Энгельс.

Участь Византии в этом смысле до известной степени была сходна с участью финикийцев. Но все же Византия сохранила гораздо больше источников, вещественных памятников, и поэтому более полное изучение византийской техники, ее развития является возможным. Оно должно быть осуществлено советскими историками.

Характеристику производства раннего средневековья дает Ф. Энгельс в „Анти-Дюринге“: „В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, — пишет он здесь, — производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи. Там же, где, как в деревне, существовали отношения личной зависимости, производство удовлетворяло также потребности феодала. Следовательно, здесь не существовало обмена, и продукты не принимали характера товара. Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудие и одежду, так же как и жизненные средства. Производить на продажу она начала только тогда, когда стала производить излишек сверх собственного потребления и уплаты натуральных повинностей феодальному господину; этот излишек, пущенный в общественный обмен, предназначенный для продажи, становился товаром. Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д. Производство с целью обмена, производство товаров еще только возникало. Отсюда — ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру, объединение внутри местных рамок, марка в деревнях, цехи в городах“.² Там же Энгельс замечает, что в это время законы товарного производства были как бы погружены в дремоту.

Эта характеристика раннесредневекового производства может быть применена и к Византии, но в социально-экономическом развитии в Византии имелись некоторые особенности. Византия не начала с такого „первобытного состояния“, как Западная Европа в средние века. Константинополь до открытия Америки был огромным мировым рынком торговли.³ Оживленными торговыми центрами являлись также Фессалоника и Трапезунд. Своеобразие экономической структуры Византии состояло в сочетании домашнего хозяйства и производства на рынок, в наличии — наряду с промышленными городскими центрами с высокоразвитым ремесленным производством и торговлей — внутренних

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 45.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 256.

³ См., например, характеристику Константинополя в XII в. у Вениамина Тудельского: *The Itinerary of Benjamin of Tudela* by M. N. Adler, London, 1907, p. 12—13.

земледельческих областей, остававшихся иногда в стороне от торгового развития.

Это своеобразие должно быть показано советскими византинистами путем внимательного изучения истории византийского города, докапиталистических видов ренты, существовавшей в Византии системы кредита, путем изучения вопроса о роли торгового капитала в Византии в разные периоды ее истории. Важно выяснить вопрос о том, почему в Византии торговля господствовала над промышленностью. Само собой разумеется, что без детального изучения истории византийского города эти вопросы разрешить не удастся.

При этом всегда нужно помнить, что на разных этапах развития одной и той же общественной формации базис и надстройка имеют некоторые специфические черты, и на разных этапах своего развития базис по-разному соотносится с производительными силами (в одних случаях он в основном соответствует производительным силам, в других — не соответствует им).

Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин доказали, что конфликт между производственными отношениями и производительными силами составляет экономическую основу социальной революции. В то же время классики марксизма-ленинизма предостерегают против узко „экономического“ подхода к революции. Они показали, что в антагонистических общественно-экономических формациях конфликт между производственными отношениями и производительными силами выражается в конфликте между классами, в ожесточенной и непрерывной борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров.

Поэтому следует тщательно избегать ошибок, свидетельствующих о наличии у некоторых наших историков пережитков так называемого „экономического материализма“. Характерной чертой „экономического материализма“ является, как известно, принижение роли классовой борьбы, недооценка явлений надстроечного характера и сведение всей истории человечества к механическому стихийному саморазвитию экономики.

В своем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ И. В. Сталин указывает советским ученым на недопустимость скольжения по поверхности явлений при анализе экономики. Он требует строгого различия между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями.

Чтобы выполнить задачи, встающие перед византиноведами в связи с выходом в свет гениального труда И. В. Сталина, советским византинистам необходимо постоянно работать над повышением уровня своей теоретической подготовки, все глубже овладевать теорией марксизма-ленинизма, все смелее развивать научную критику и самокритику. „Только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает их идти вперед, преодолевать недостатки своей работы. Там, где нет критики, там укореняется затхлость и застой, там нет места движению вперед“.¹

М. В. Левченко.

¹ А. Жданов. Доклад о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, Госполитиздат, 1952, стр. 23.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Как государственный деятель Константин VII Багрянородный занимает очень скромное место в истории Византии. Гораздо большее значение имела его литературная деятельность, хотя Скилица несомненно преувеличивает заслуги Константина в этой области.

Константин был большим любителем литературы. Он окружил себя группой литераторов, которая под его руководством развила оживленную деятельность. Кроме того, он интересовался историей и археологией, очень любил искусство, сам был художником и мастером художественного ремесла. Константин много писал, — впрочем, его произведения не отличаются ни глубиной мысли, ни достоинствами изложения, и хотя литературная деятельность как самого Константина, так и возглавлявшегося им кружка являлась по своему характеру не творческой, а компилятивной, тем не менее эта деятельность византийцев X в. имеет немаловажное значение для историка.

Дошедшие до нас и носящие имя Константина произведения служат источником для изучения не только истории Византии, но и сопредельных стран, в частности, — для истории народов СССР. При Константине и по его инициативе в Византии составлялись справочники и энциклопедии по военному делу, международной политике, гражданскому праву, сельскому хозяйству и медицине. Больше всего известий о русских дает трактат Константина, посвященный вопросам международной политики и описанию сопредельных Византии стран и составленный в 948—952 гг.¹ Мы называем его трактатом „О народах“ (Περὶ ἐθνῶν) или — чаще — „De administrando imperio“: так назвал это сочинение его первый издатель — Меурсий в первом печатном издании 1611 г.

Константин поставил своей задачей написать на основе разных источников своего рода хрестоматию, предназначенную для учебно-педагогических целей и, прежде всего, — для обучения и наставления в вопросах международной и внутренней политики своего сына Романа II. Во введении к трактату Константин обещает разобрать в нем следующие вопросы: 1) принципы византийской политики в отношении к соседним народам: „чем они опасны и как их можно удерживать, поднимая против них другие народы“; 2) „неосновательные требования народов и как на них отвечать“; 3) происхождение, нравы, отличие народов, география

¹ Cp. J. B. Bury. The Treatise De administrando imperio. „Byzantinische Zeitschrift“, XV. 3—4, 1916, p. 518.

их стран, „также о том, что происходило в разное время между отдельными народами и ромеями“; 4) „о различных нововведениях, происходивших в стране ромеев“.

При составлении хрестоматии Константином были использованы документы императорских архивов и канцелярий, сочинения историков, донесения послов и описания путешествий, материалы разных справочников.

Несомненно, византийский двор X в. располагал значительными материалами для решения задачи, поставленной Константином. Со времени Юстиниана в Византии придавали большое значение собиранию всевозможной информации относительно „варварских“ стран, окружавших империю, информации, которую можно было использовать для практических целей. Такая информация прежде всего получалась через посольства. До нас дошли знаменитое описание двора Атиллы Приском, членом византийского посольства, отчет Петра Патрикия о посольстве к Хозрою. Ему было разрешено опубликовать служебный отчет в качестве полуофициального описания дипломатического путешествия в Иран. Менандрово описание посольства к туркам было несомненно также основано на официальном рапорте Зимарха. В области дипломатии от византийских дипломатов многому научились венецианцы. Знаменитые *relationi* посланников Венеции были заимствованы из восточно-римской дипломатической практики.

Мы не знаем, насколько заботливо сохранялись в византийских архивах документы прошлых веков. Константин VII, подобно Юстиниану, очень интересовавшийся вопросами дипломатических отношений с народами, которых византийцы называли варварами, явился, как известно, инициатором составления *Ἐκλογαί*, содержащей в своих двух частях известия о посольствах чужеземных народов (*Ἐθνηκοί*) к римлянам и римлян — к этим народам.¹ Этот труд состоит не из документов византийских дипломатических архивов, а из фрагментов исторических сочинений. Но из этого нельзя заключать, что старые архивы к X в. уже погибли. Константин ведь ставил в своей исторической „энциклопедии“ задачу собрать все лучшее из сочинений греческих историков, а не из придворных архивов. Большое количество дипломатического материала, отраженного в *De administrando imperio*, могло быть собрано уже во времена самого Константина, причем эти материалы, прежде чем дойти до императора, подвергались предварительной обработке переводчиками (*ἐρμηνευταί*).

Переводчики (арабские, латинские, грузинские, армянские, славянские и др.) составляли значительный постоянный штат ведомства логофета дрома, выполнявшего в X в. и функции ведомства иностранных дел.² Сношения с славянскими народами не представляли никаких трудностей, так как в самой Византии, особенно в Македонии и Фракии, было множество людей, понимавших язык, на котором говорили в Киеве. Было нетрудно найти переводчиков и при установлении связей с хазарским царством, — например, в Херсонесе: здесь изучил хазарский язык знаменитый составитель славянской азбуки Кирилл.³

Особенно часты и оживленны были дипломатические отношения Византии с вассалами империи, такими, как Венеция, грузинские

¹ *Excerpta Historica*, ed. de Boor, Berolini, 1903.

² *Constantini Porphyrogeneti De administrando imperio* (ниже всюду — *De adm. imp.*), c. 43, ed. Bonn, 1840. Θεόδωρου τοῦ τοῦ Ἀρμενίων Ἑρμηνευτοῦ.

³ F. Dvornik. *Les légendes de Constantin et de Méthode*, Paris, 1933, p. 184.

и армянские феодальные княжества. Византийские историки рассказывают о частых посещениях Константинополя армянскими и грузинскими феодалами и о частых поездках византийских дипломатических агентов в Закавказье. Относительно этих стран Константин мог располагать достаточным количеством данных официального характера. Наличием такого материала объясняется ряд важных и ценных сведений, сообщаемых автором о печенегах, венграх, южных славянах, о постройке крепости Саркел и т. д.

В целом, однако, нельзя сказать, что задача, поставленная автором, была решена в его книге успешно, с достаточной полнотой и обстоятельностью.

А. Рамбо полагал, что главы книги писались в том порядке, в каком они дошли до нашего времени, а именно, что первые 29 глав написаны в 949 г.; затем работа была прервана на середине главы, касающейся Далмации; она не возобновлялась в течение двух лет, весь же труд был закончен только в 953 г.¹ Анализ текста, однако, показал, что глава 26 была составлена позднее 27; главы 29, 31—36 представляют последовательный текст, а глава 30 — позднейшее добавление. Часть работы, содержащая сведения об арабах (главы 14—25), также не составлена последовательно и по единому плану. Она содержит повторения; имеются два различных, независимых друг от друга, сообщения о Моавии.²

Далее установлено, что труд Константина не является законченным произведением. Доказательством этого может служить отсутствие логической последовательности в изложении. Работа Константина должна была повествовать о чужеземных народах и о внутренней администрации Византии. В свою очередь, материал о чужеземных народах должен был состоять из историко-географического описания этих народов и изложения принципов византийской внешней политики. В действительности же расположение разделов и глав книги не соответствует такому замыслу и местами перепутано. Так, глава 9 не может входить в первый раздел; глава 53 должна была бы помещаться вместе с главой 30 (о Далматийской феме).

Во введении Константин ставит своей задачей рассказать, что в разное время происходило между римлянами и различными народами (*τὰ ἐν τῇσι χαίροις μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ διαφόρων ἔθνων συμβεβηκότων*); на деле автор ограничивается лишь описанием переговоров между Юстинианом II и халифом о переселении киприан (*περὶ τῶν Κυπρίων μεταναστάσεως*).³ Глава 42 носит название „Землеописание от Фессалоники до реки Дуная и города Белграда“; между тем, о географии Балканского полуострова в данной главе ничего не сказано.⁴

Доказательством незаконченности трактата является и то, что в своем описании народов Константин удивительным образом проходит мимо некоторых из них.⁵

Мы могли бы ожидать у него исторического и географического описания Болгарии и Хазарии, которые являлись непосредственными соседями Византийской империи. Однако относительно хазар в трактате говорится только вскользь в связи с характеристикой печенегов, венгров,

¹ A. Rambaud. L'Empire Grec au dixième siècle, Paris, 1870, p. 165.

² J. B. Bury. The Treatise De administrando imperio. „Byzantinische Zeitschrift“, XV, 3—4, 1916, p. 531.

³ De adm. imp., p. 66.

⁴ Там же, стр. 177.

⁵ Ср. J. B. Bury. Ук. соч., стр. 531.

в связи с описанием пути от Дуная до Кавказа. Особенно странным является почти полное (если не считать нескольких попутных упоминаний) молчание Константина относительно Болгарии.

В трактате Константина имеются только отдельные замечания о Германии, хотя известно, что в 945 г. при дворе Оттона I находилось византийское посольство, что в 949 г. в Германию посылался византийский посол с подарками, который возвратился в том же году с Лиутфредом, торговцем из Майнца.¹

Говоря о Руси, Константин ограничивается в основном описанием торгового пути по Днепру в главе 9 и несколькими другими замечаниями, хотя, несомненно, он располагал относительно Руси большей информацией; известно, что договор 944 г. с Русью был заключен при его участии.

Сам автор в своем трактате не дает никакого объяснения этим „упущениям“. Комментаторы Константина отказывались признать, что Константин сознательно хотел исключить эти народы из своей *ἐθνολογία*, и делали отсюда вывод, что Константин, занятый другими литературными предприятиями, оставил в 952 г. эту работу незаконченной.

Отмечено, что даже деление на главы в трактате нельзя признать исходящим от автора. Скорее всего, как полагал Бьюри, это деление возникло из последующих пометок на полях рукописи о содержании текста. Оно нарушает основные разделы трактата, указываемые во введении Константином. Например, в главе 13 слито содержание разных разделов; заголовки не покрывают содержания глав. Последний абзац главы 9 по своему содержанию не имеет никакого отношения к ее названию — он непосредственно связан со следующей главой 10. Даже внутреннее содержание разделов не вполне согласовано, и частью эти разделы представляют собой результат чисто внешнего соединения известий, восходящих к разным источникам, известий, иногда противоречащих друг другу, причем иногда заметны редакторские попытки (местами неудачные) их примирения.

Таким образом, анализ трактата „О народах“ показывает, что этот труд не является законченным произведением. Содержащийся в нем материал дан в сыром виде, лишь кое-где он подвергнут обработке. Этим обычно и объясняют ошибки, противоречия, неточности, допущенные в работе как при изложении событий истории византийской империи, так и в описании сопредельных народов.

Нетрудно составить целый список таких очевидных и грубых ошибок. Так, в главе 13 Константин утверждает, что Лев IV взял из Хазарии жену Ирину. На самом деле хазарская принцесса Ирина приходилась матерью Льву IV. В той же главе 13 изобретение так называемого греческого огня приписывается Константину I, а в главе 48 оно относится ко времени Константина Погоната. В главе 21 Константин ошибочно относит бегство в Испанию Омейяда Абдеррахмана ко времени Юстиниана II, между тем, как Абдеррахман бежал в Испанию в 756 г.

В главе 26 допущены (как мы увидим дальше, сознательно) ошибки и неточности при изложении родословной короля Гуго.² В главе 27 Константин совершенно ошибочно приурочивает потерю Италии (Ланго-

¹ Liudprandi Antapodosis, lib. VI, cap. 4, Monumenta Germaniae Historica Scriptores (MGHSS), Annales Quedlinburgenses sub anno 949, MGHSS, t. III, p. 57.

² Г. Ласкин. Сочинения Константина Багрянородного „О фемах“ и „О народах“, М., 1899, стр. 98.

бардии) ко времени императрицы Ирины и представляет знаменитого евнуха Нарзеса ее современником. В главе 29-й еще Бьюри был отмечен ряд ошибок и неточностей при изложении истории областей Адриатического побережья и Южной Италии IX в.¹ Многих ошибок, впрочем, Бьюри здесь не заметил. Константин, например, утверждает, что со времени своего водворения в Далмации (при императоре Ираклии) славяне подчинились Византии, что они будто бы находились под ее властью в течение VII и VIII вв. и освободились от этой зависимости только в 20-х годах IX в., воспользовавшись слабостью тогдашнего императора Михаила II (820—829 гг.).² Но это утверждение не соответствует действительности, так как из других, более достоверных источников известно, что еще около начала IX в. жившая на северо-западе часть этих славян была подчинена Карлом Великим.³ Что они и до этого не входили в состав Византийской империи, показывает Ахенский мир Карла с византийцами.⁴ Константин рассказывает далее, что хорваты освободились от подчинения франкам в 20-х годах IX в.; это утверждение, однако опровергается грамотой Терпимира, из которой явствует, что Каролинги пользовались верховной властью в Хорватии еще в 852 г.;⁵ из другого, также достоверного источника (письмо императора Людовика II к Василию Македонянину) мы узнаем, что власть франков здесь продолжала сохраняться еще в 871 г.⁶ Военные действия Василия Македонянина против далматинских славян показывают, что их подчинение Византии происходило далеко не так гладко, как уверяет нас Багрянородный.⁷

Не выдерживает никакой исторической критики и утверждение Константина, что сербский правитель с самого начала находился под верховной властью римского императора и никогда не повиновался болгарскому царю.⁸

Константин, например, заявляет, что Петр Гойникович и все его предшественники еще со времени Ираклия были будто бы преданными слугами Византии.⁹ В одном месте он пишет даже, что и болгары до Бориса находились в зависимости от Византии. Стоит только припомнить эти странные утверждения автора трактата „О народах“, чтобы усомниться в истинности его только что приведенного заявления относительно Петра. В одном месте Константин сам проговаривается, что Петр находился в дружественных отношениях с Симеоном.¹⁰ Это замечание свидетельствует о несостоятельности утверждения Константина относительно того, что Петр будто бы занимал подчиненное положение по отношению к Византии, так как подчиненность Византии и дружба с Симеоном — факты несовместимые. Характерно, что Багрянородный, который в своем сочинении „De ceremoniis“ подчеркивал тесную связь с „друзьями — болгарами“, в трактате „De thematibus“ отмечает, что эти „друзья“ отняли у Византии большую часть фракийской фемы; Константин называет болгар „богомерзким

¹ J. B. Bury. Ук. соч., стр. 534.

² De adm. imp., p. 149.

³ Einhardi. Vita Karoli imperatoris, cap. 15, MGHSS, t. II, p. 451.

⁴ G. Finlay. History of the Byzantine and Greek Empire. Oxford, 1856, v. I, p. 118—120.

⁵ М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X веке, М., 1875, стр. 38.

⁶ Там же.

⁷ De adm. imp., p. 159.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 149, 159.

¹⁰ Там же.

народом“,¹ а в трактате „De administrando imperio“ преподает своему сыну и наследнику наставления, — каким образом он может вредить болгарам.²

Путаницу и ошибки, допущенные Константином в главе 46 при изложении событий истории древней Грузии, отметил еще Броссэ. Немало ошибок и неточностей имеется также и в главах, посвященных Северному Причерноморью.

В главах 1—14 рассматривается важный для византийской дипломатии вопрос о том, как должны византийцы относиться к различным народам, живущим к северу от Черного моря (к „скифским“ народам) и на какой из этих народов Византии следует опираться в своей политике. Автор трактата устанавливает, что опорой византийской политики в Северном Причерноморье должны быть печенеги, потому что они — сильные, и, действуя в союзе с ними, Византия может не бояться нападения болгар, русских и других „скифских“ народностей.

В главах 4—6 подробно разъясняется, почему для Византии необходимы союз и дружба с печенегами. Константин тенденциозно рисует русских и венгров как грабителей, которые якобы готовы воспользоваться первым удобным случаем, чтобы напасть на империю или вынудить у нее большой выкуп за мир. Дружба с печенегами и должна, по мнению Константина, обеспечить безопасность от этих набегов.

Союз Византии с печенегами заставит болгар отказаться от нападений на империю, так как печенеги живут близко к болгарам и, когда захотят — ради ли своей собственной выгоды или из расположения к императору ромейскому, — легко могут выступить против болгар и благодаря своему превосходству в численности и силе разбивать их и наносить им большой урон.³ Наконец, — заявляет Константин, — „если они (печенеги. — М. Л.) не состоят с нами в дружбе, то могут выступить против Херсонеса, делать набеги и грабить самый Херсон и так называемые климаты“.⁴

В главе 8-й говорится о частых (ежегодных) путешествиях императорских послов — василиков (βασιλικοί) к печенегам; об этом свидетельствует особенно первая часть этой главы, по своему характеру напоминающая выписку из правительственной инструкции.⁵ Дипломатические поездки василиков предпринимаются, в частности, с целью использования печенегов для диверсий против русских, болгар или венгров. Василики отправляются к печенегам на военных судах — хеландиях; последние, не заходя в Херсон, направляются в устье Днепра, Днестра и Дуная, где императорские послы вступают в сношения с печенегами. Точные предписания устанавливают формы, в рамках которых василики должны вести переговоры с печенегами; эта дипломатическая процедура применялась и при сношениях с другими народами, по своему образу жизни сходными с печенегами. Но хотя императорские василики ежегодно посещали становища печенегов и натравливали их на Русь, болгар или венгров (сообразно нуждам византийской дипломатии) и, следовательно, могли доставлять о них в Константинополь достаточно подробную информацию, составление трактата путем механического объединения отдельных документов, часто не имеющих связи между собою, привело

¹ Constantini Porphyrogeneti De thematibus (ниже всюду — De themat.) ed. Bonn, p. 45.

² De adm. imp., p. 71.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 68.

⁵ Там же, стр. 73—74.

к тому, что глава 8-я также оказалась образованной из двух разнородных частей, противоречащих одна другой.

В первой части главы автор говорит о том времени, когда печенеги уже владели устьями рек Северного Причерноморья и территорией южно-русских степей от Дуная до Саркела; содержание же второй части (посольство клирика Гавриила) свидетельствует о том, что венгры соседят с печенегами и живут к западу от Днестра, а печенеги — к востоку от Днестра.¹ Таким образом, ясно, что первая часть главы 8-й более позднего происхождения, чем вторая. Бьюри полагает, что посольство клирика Гавриила к венграм состоялось еще при Льве VI, когда венгры находились под свежим впечатлением нанесенного им печенегами поражения.²

В критической проверке нуждаются также сведения, сообщаемые Константином о территориальном расселении печенегов и восточнославянских племен. Из его сообщений в главах 14 и 42 вытекает, что печенеги заняли все морское побережье от Дуная до Крыма и всю область южно-русских степей от Дуная до Дона и являлись соседями Руси и подвластных ей племен. В главе 37 говорится, что руссы занимают особую территорию, отделенную от территории славянских племен, находящихся у них в подчинении. Перечисляя четыре печенежских рода, кочующих к западу от Днестра, автор трактата пишет: „Округ Харовой соседит с Русью, а округ Явдертим соседит с подвластными русской земле областями: ультинами, деревленинами, лензенинами и прочими славянами“.³ Таким образом, Константин помещает Русь и подвластные ей славянские племена на запад от Днестра, как будто не было славян, которые бы жили к востоку от этой реки. На этой стороне Днестра он помещает в качестве соседей печенежских колен (с северной и восточной стороны) только „Узию, Хазарию, Аланию, Херсон и прочие климаты“,⁴ что, конечно, является грубой ошибкой. Константин забывает о северянах, которые упоминаются в главе 9 его трактата; это обстоятельство показывает, какие смутные представления были у Багрянородного о расселении восточнославянских племен.

Переходя к описанию территории западнее Днестра, Константин сообщает, что печенеги отстоят от Руси на один день пути. На сколько дней пути отстояли печенежские кочевья от территории уличей, древлян, лучан и как далеко простирались они от Черного моря на север, он не сообщает. Но судя по тому, что автор трактата помещает Русь „в верховьях Днестра“, надо думать, что он предоставляет, повидимому, все пространства южно-русских степей кочевникам-печенегам, не упоминая о каких-либо следах здесь оседлой жизни и перечисляя только несколько опустевших городов между Днестром и Дунаем. Это противоречит прямым указаниям русской летописи, согласно которой поселения уличей и тиверцев были расположены по нижнему течению Днестра и Буга (до моря).

Уличи (угличи, улучи) обитали в X в. к югу от древлян и волынян. Новгородская летопись рассказывает о войне Игоря с уличами и сообщает: „и бѣша сѣдѣе Угличѣ по Днѣпру вѣнизъ, и посемъ приидоша межѣ Бѣгъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо“.⁵

¹ Там же, стр. 73—74.

² J. B. Bury. Ук. соч., стр. 563—568.

³ De adm. imp., p. 166.

⁴ Там же.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 109.

Следовательно, до войны с Игорем уличи жили по нижнему течению Днестра, а затем передвинулись на запад. Часть их ушла в Поднепровье, в район будущей Галицкой Украины, на территорию современной Молдавии и Бессарабии, другая — отходила на север в районы верховьев Южного Буга и Днестра. Еще дальше на юго-запад жили тиверцы, „толковины“, т. е. союзники Олега во время его похода на Византию. Уличей знает не только наша летопись. О них упоминает Константин, именующий их *οὐλίτινοι*. Баварский географ сообщает, что это — „многочисленный народ“ (*populus multus*), имеющий 318 городов (*civitates*).¹

Летопись помещает уличей и тиверцев по Бугу и Днестру „присъяху къ Дунаеву... или до моря“.² Таким образом, согласно данным летописи, бассейн рек Буга и Днестра до Черного моря был занят оседлыми славянскими племенами, причем летопись говорит об уличах и тиверцах, что „бе множество их“. На основании данных этой летописи мы можем констатировать существование — в довольно позднее время — поселений уличей и тиверцев на территории, отводимой Константином исключительно печенегам.³ „И суть городи их и до сего дне“, — говорит летописец.⁴ Хотя наша летопись была составлена в XII в., но интересующее нас в данном случае место могло представлять собою более раннюю запись, вошедшую в летописный свод. Во всяком случае, летопись свидетельствует о том, что остатки поселений уличей и тиверцев сохранились в нижнем течении Буга и Днестра во второй половине X и XI вв.

Трудно допустить, чтобы появление печенегов привело к уничтожению всего оседлого населения в этих районах, и в половине X в. памятниками бывшей оседлой жизни оставались только развалины опустевших городов, названия которых перечисляет Константин. Наши источники свидетельствуют, что в тот период границы расселения восточных славян — хорватов, дулебов, уличей и тиверцев — заходили далеко на запад, юго-запад и юг.⁵ Русское население Венгрии, современной Закарпатской Украины, Буковины, Бессарабии, Подунавья не было пришлым; его пребывание здесь не являлось результатом позднейшей колонизации. Целый ряд фактов — походы Святослава в Болгарию, совет, который дал ему воевода Свенельд, — возвратиться оттуда сухим путем, как самым безопасным („пойди княже на конихъ коло, стоять бо печенежи в порозѣх“),⁶ обстоятельства последнего неудачного похода русских на Царьград в 1043 г., посылка Мономахом на Дунай в 1116 г. Ивана Войтишича, который ставит в дунайских городах русских посадников, — все это заставляет думать, что сообщение между нижним Дунаем и Приднпромьем для киевских князей было обеспечено более или менее надежно.⁷

Конечно, после появления печенегов сплошного славянского населения здесь уже не было. Часть оседлого населения отхлынула к северу, но другая осталась на месте, вела борьбу с кочевниками, в условиях которой складывался особый тип военной общины.

¹ P. J. Šafařík. *Slovanské starožitnosti*, v Praze, 1887, стр. 981.

² Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Л., 1926, стр. 13.

³ И. П. Барсов. *Очерки русской исторической географии*, Варшава, 1885, стр. 95.

⁴ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, СПб., 1908, стр. 10.

⁵ В. Мавродии. *Образование древнерусского государства*, Л., 1945, стр. 90—91.

⁶ Лаврентьевская летопись, стр. 73.

⁷ Н. П. Барсов. *Ук. соч.*, стр. 96.

Источники говорят нам, что в низовьях Днепра и Днестра в конце X в. сохранялись пункты с оседлым населением. Таково селение Борион, где пришлось довольно долго пробыть греческому топарху (прежде чем унялась начавшаяся зимняя выюга).¹ Согласно „Записке греческого топарха“, византийский военный отряд направляется домой в зимнее время по южно-русской степи — в направлении Маврокастроны. В половине XI в. мы видим даже в этом Маврокастроне византийскую церковную митрополию, носящую название „Маврокастрон“ или „Новая Россия“.² Торговые сношения велись не только по Днепру, но и по Днестру. В таможенных правилах, изданных в Раффельштетте около 904 г., говорится о славянских купцах, приходящих из Чехии и „Ругии“, т. е. Руси („Ругией“ в Западной Европе называли Русь, о чем свидетельствует продолжатель Регинона, называвший Ольгу правительницей ругов).³

Ибрагим ибн Якуб (X в.) сообщает, что из Кракова приходят в Прагу Русь и славяне и привозят туда рабов, олово и меха.⁴ Из письма хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту явствует, что существовал торговый путь из Праги через Карпатские перевалы в Буковину; здесь этот путь через Днестр переходил на Днепр и далее вел в Азовское море и Хазарию. Везде по этому пути были расположены еврейские торговые колонии.⁵ Еще Г. Манойлович справедливо усомнился в правильности сообщений Константина о заселенности юга Северного Причерноморья между Днепром и Дунаем исключительно печенегами и о полном отсутствии здесь оседлой жизни в половине X в.⁶

До сих пор не было обращено внимание на то, что Константин, описывая взаимоотношения печенегов с Русью, преувеличивает роль и значение этих кочевников. При этом Константин противоречит самому себе. С одной стороны, он сообщает, что печенеги часто грабили Русь и причиняли ей много вреда и убытков, что русские стараются жить с ними мирно, потому что в случае войны они чувствуют себя отрезанными от юга, главным образом от Царьграда. Враждебные печенеги в таком случае ждут русских у днепровских порогов и здесь, пользуясь их затруднительным положением при переходе порогов, избивают их и обращают в бегство. Константин утверждает даже, что „руссы не могут приезжать в сей царствующий град Ромеев, если не живут в мире с печенегами, ни ради войны, ни ради торговых дел“ (οὐτε πολέμου χάριν οὐτε πρᾶγματείας).⁷ Поэтому чтобы избавиться от их вражды и воспользоваться их помощью, русские избегают воевать с печенегами и иногда вступают с ними в союз. Но вместе с тем в главе 9 автор трактата сообщает, что русские торговые караваны ежегодно совершают путь по Днепру и Черному морю в Константинополь, успешно отражая нападения печенегов, что последние не

¹ В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха, „Труды“, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 149; М. А. Шангин. Византийские источники о войне Свято-слава с греками. Архив ЛОИИ, стр. 114.

² „Revue de l'Orient Chrétien“, XIV (1909), p. 212; E. Honigmann. Studies in Slavic Church History. „Byzantion“, v. XVII, 1944—1945, p. 158.

³ М. С. Грушевский. Киевская Русь, т. I, СПб., 1911, стр. 359.

⁴ А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Записки АН, т. XXXII.

⁵ F. Westberg. Ibrahim's Ibn Jacob's Reisebericht über die Slavenlande. „Записки императорской Академии наук по историко-филологич. отд.“, 8 серия, т. III, № 4, СПб., 1898, стр. 135.

⁶ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“, стр. 46—52 (Рукопись, Архив АН СССР).

⁷ De adm. imp., p. 75—79.

вызывают у Руси никакой паники, что Русь вовсе не занимает по отношению к печенегам такого подчиненного положения, которое Константин приписывает ей в главе 2 своего труда.

Мы знаем, что последующие события очень скоро показали ошибочность суждений византийского императора. Печенеги не могли воспрепятствовать Руси ни торговать с Византией, ни воевать с ней при Святославе и Владимире.

О недостаточном знакомстве с экономикой Руси свидетельствует утверждение византийского императора, что на Руси не разводятся домашнего скота, что руссы торгуют с печенегами и покупают у них скот (быков, коней, овец), так как на Руси якобы ни одно из названных животных не разводится.¹

Русь, конечно, могла покупать и покупала у степных кочевников скот, но утверждение, что на Руси в X в. не разводили домашнего скота, является несомненно ошибочным. Мы имеем достаточно исторических данных, показывающих, что восточные славяне X в. были земледельцами, прекрасно умевшими разводить домашний скот. Еще Маврикий, автор конца VI в., сообщал, что у славян и антов большое количество разнообразного скота и плодов земных.² Раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладогe показывают, что население Ладоги уже в VIII в. имело прирученных домашних животных, мясо которых шло в пищу.³ Раскопки П. Н. Третьякова в верхнем Поволжье показали, что в VII—VIII вв. здесь происходит переход от подсечного к пашенному земледелию и лошадь, мясо которой в прежнее время употреблялось в пищу, в связи с этими переменами начинает использоваться в качестве тягловой силы, необходимой для земледелия. Наша летопись с середины X в. упоминает о княжеских селах и княжеских угодьях.⁴ В источниках начала X в. уже говорится о боярах, т. е. употребляется термин, который в XI в. означал феодала, крупного землевладельца.

Среди ошибочных известий Константина о русско-печенежских отношениях, свидетельствующих о его недостаточном знакомстве с положением дел на Руси, особняком стоит одно очень важное сообщение, в котором отмечается факт проникновения в печенежский язык русского, и притом весьма показательного в известном смысле, термина — „закон“. Константин пишет: „печенеги дают царскому чиновнику клятвы по своим законам“ (*χατὰ τὰ ῥαχάνα αὐτῶν*);⁵ этот текст указывает на то, что печенеги взяли недостававшее им слово „закон“ от Руси; известно, что точно так же в венгерский язык проникло из русского слово „воевода“ и все термины, относящиеся к земледелию.⁶

Отмеченные Константином факты говорят о культурном влиянии, которое земледельческий народ Руси оказывал на соседние кочевые народы, о более высоком по сравнению с общественным строем кочевников уровне общественных отношений на Руси, о наличии там уже сформировавшихся элементов права.⁷

Константин VII является единственным византийским писателем, который пытается дать характеристику внутреннего быта Киевской

¹ De adm. imp., p. 69.

² Маврикий. Тактика и стратегия. Русский перевод Цыбышева, СПб., 1903, стр. 180.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 44.

⁴ Лаврентьевская летопись под 946 г. Указ. изд., стр. 58 сл.

⁵ De adm. imp., p. 73.

⁶ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 378.

⁷ Там же, стр. 379.

Руси. При этом весь материал по этому вопросу сосредоточивается у него в одной главе 9, так как Русь не была в числе тех народов, которые привлекали преимущественное внимание автора.

Глава 9 трактата „О народах“ представляет собою описание торгового пути из Киева в Константинополь. Купцы из русских городов уже давно приходили этим путем в византийские города на Черном море и в Константинополь. Исследования Манойловича показали, что эта глава, подобно ряду других, составлена из отдельных фрагментов, причем второй из них начинается словами: „зимний же образ руссов суров“.¹ В первом говорится о северных руссах, имевших политический центр в Новгороде, а во втором — о тех руссах, политическим центром которых являлся Киев, расположенный на земле не упоминаемых Константином полян. Манойлович предполагает, что известия источников, явившихся основой для первого и второго фрагментов, принадлежали разным авторам, причем автор второго сообщения пишет о более позднем времени. В обеих рубриках по разному транскрибируется название Киева: в первой — $\kappa\iota\omicron\upsilon\beta\alpha$ (стр. 75), во второй — $\kappa\iota\alpha\beta\omicron\varsigma$ (стр. 79). По-разному читается название кривичей: в первой рубрике — $\kappa\rho\iota\upsilon\tau\alpha\tau\eta\nu\omicron\iota$ (стр. 75), тогда как во второй рубрике правильнее — $\kappa\rho\iota\upsilon\tau\iota\varsigma\omicron\iota$ (стр. 79). По первой рубрике руссы отправляются в Константинополь из Новгорода, в котором сидел Святослав, а также из Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода, а по второй — руссы, проводящие зиму в полюдье, отправляются в Царьград из Киева. Очевидно, что вторая рубрика написана другим лицом и во всяком случае — позже первой. Замечание в первой рубрике, что в Новгороде сидел Святослав, есть более поздняя вставка, произведенная уже при редактировании текста. Притом едва ли можно допустить, чтобы в 948—952 гг., когда писался трактат, малолетний Святослав мог являться представителем русского правительства в Новгороде, тогда как Ольга оставалась в Киеве. „Повесть временных лет“ говорит только о пребывании Ольги и Святослава в Новгороде в 6455 (947) г.²

У Константина имеются некоторые сведения, показывающие, что в это время с областью руссов соединялось представление именно о Киевской земле. Лодки собираются в Киеве, где их „продают русским. Князья „выходят со всеми руссами“ из Киева и отправляются в полюдье, и именно в славянские земли: Вервианов (древлян), Другувитов (дреговичей), Кривичей, Севериев (северян) и остальных славян, платящих дань руссам.³

В этих словах норманнисты усматривают прямое подтверждение этнического отличия руссов от славян; используя текст Константина, они пытаются доказать, что даже в юность Святослава руссы были якобы особым правящим народом и говорили не по-славянски, а на скандинавском языке. При этом приверженцы норманнистских жетеорий не замечают только одного: среди подвластных руссам племен названы дреговичи, кривичи, древляне, северяне, лучане, — нет только племени полян, а ведь поляне в первую очередь должны были признаваться данниками Руси, если в последней видеть норманнов. Но отсутствие упоминания о полянах понятно, ибо они были Русью, т. е. жителями Киевской земли. Если мы спросим, какую территорию, отделенную одним днем пути от печенежского округа Харовой, подразумевал

¹ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“, стр. 44—46.

² „Повесть временных лет“ по Лаврентьевскому списку под 947 г.

³ В главе 37 Константин называет еще восточные славянские племена ультинов (уличей) и лезининов (лучан), как соседей печенегов.

Константин, говоря о месте поселения руссов, то единственно возможным ответом на это будет указание на территорию полян с главным городом Киевом.

М. Н. Тихомиров показал, что в XII—XIII вв. название „Русь“ в узком смысле обозначало вполне определенную страну — Киевскую землю.¹ Но и в X в. под Русью и русской землей понималась в первую очередь Киевская земля.

Летописные повести X в. явно различают варягов и Русь. Для летописцев, однако, не было никакого сомнения, что русская и славянская грамота — одно и то же, а славянский и русский язык — один: „... аще и поляне звахуся но словенская речь бе“. Ни Д. Бьюри, ни А. Грегуар, ни А. Васильев не могут, конечно, объяснить, почему внук Рюрика (если верить летописной родословной) носил уже чисто славянское имя Святослав, почему послы Олега и Игоря при заключении договоров 911 и 944 гг. клялись не скандинавскими, а славянскими богами, почему Олег и Игорь в начале X в. пользовались в сношениях с Византией славянским (русским) языком в сохранившихся „Повестью временных лет“ русско-византийских договорах.

После исследований Н. А. Лавровского, С. Геденова, В. Сергеевича, А. А. Шахматова и особенно академика С. П. Обнорского, давшего лингвистическое исследование текста договоров, совершенно неоспоримо доказано, что дошедшие до нас договоры 911 и 944 гг. не только являются подлинными, но и написанными одновременно с их заключением. Договор 911 г. хотя и пропитан болгаризмами, но написан все же русским языком.² Таким образом, наличие русской славянской письменности в начале X в. — факт совершенно очевидный. Установлено, что договоры Олега с Византией составлялись в двух экземплярах: на греческом и славянском языках. Сохранившийся второй экземпляр ясно показывает, что русский язык начала X в., вопреки норманистской теории — это славянский, а не германский язык. Названия русских городов, на которых Византия, по сообщению летописца, давала „уклады“ по соглашению 907 г. (Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Любеч) — славянские названия: этот факт является лишним подтверждением того, что Русь в X в. не представляла собой чужеземного племени.

Византийские источники никогда не называют Русь норманнами. Они обозначают Русь либо как скифов, либо — тавроскифов. Русь у Фотия является народом скифским (а скифами византийцы IX в. обычно называли славян), народом бесчисленным, степным. Характеристика эта не подходит к скандинавским викингам.³ В сочинении Льва Дьякона также содержится ряд указаний на то, что тавры, составлявшие войска Святослава, были славянами. Византийский историк рассказывает, что в 970 г., когда Цимисхий выставил против русских заслон во Фракии (под командой Варды Склира и патрикия Петра), он приказал послать в неприятельский стан воинов, одетых в скифское платье, знающих оба языка, — с тем, чтобы они узнавали намерения русских.⁴ Этими двумя языками, знание которых требовалось от разведчиков, могли быть только греческий и славянский языки. Варяжские наемники (даже

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“. „Советская этнография“, 1947, VI—VII, стр. 80.

² См. подробно М. В. Левченко. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 114 сл.

³ A. Nau. Lexicon Vindobonense. Petropolis, 1867, p. 201—205.

⁴ Leo Diaconus. Historia, ed. Bonn, 1828, p. 108.

если предположить их наличие в Византии в то время) обычно не знали греческого языка — к ним всегда приставлялся переводчик, да если бы и знали, то византийцы не рискнули бы посылать их к соплеменникам. Ясно, что византийцы посылали в русский лагерь шпионов, знавших греческий и славянский язык (в Византии было немало лиц, владевших обоими языками). Но из этого следует, что войско Святослава говорило на славянском языке.

Характерно, что когда в 970 г. Русь сражалась с византийцами, имея союзниками болгар, венгров и печенегов, то русские выстраивались всегда вместе с болгарами как говорящие на одном языке.¹ Назвав „катархонта тавров“ Святославом, Лев Дьякон прибавляет, что так он называется на их языке.² Наконец, спайка и храбрость, проявленная войском Святослава в борьбе с византийской армией в 971 г. (эти качества русских отмечают все византийские источники) является прекрасным опровержением „теории“ норманнистов, которые характеризуют положение на Руси X в. как период господства норманнов над поработанными славянами.

Сам Константин приводит в своей книге русские слова: „полюдь“,³ „закон“,⁴ „воевода“,⁵ славянское происхождение которых ни в ком не вызывает сомнений; эти факты свидетельствуют о том, что русские в X в. говорили на славянском языке.

Норманнисты ищут опоры своим „теориям“ в приводимых Константином названиях Днепровских порогов, которые он дает по-русски и по-славянски. Но названия русских порогов у него в значительной степени искажены, так же, как и приводимые им названия русских городов. Работы С. В. Юшкова („К вопросу о происхождении русского государства“, 1946) и М. Н. Тихомирова („Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“, 1947) дают новое и совершенно убедительное толкование проблемы названия Днепровских порогов у Константина. С. В. Юшков показал, что названия Днепровских порогов, в передаче Константина, — „международная номенклатура“. Поскольку путь по Днепру в X в. был путем международного значения, по которому везли свои товары представители разных народностей, естественно, что в Киеве название Днепровских порогов было усвоено купцами этих народностей; в их числе были и норманны. Советские историки объяснили также, почему Константин путал Русь X в. с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийском войске.

Таким образом, если норманнистам не удалось доказать, что русские названия порогов представляют собой перевод славянских названий порогов, то тем более нельзя принять мнения о том, что русский язык в середине X в. был скандинавским языком. Следовательно, сообщение Константина вовсе не является, как это утверждают норманнисты, доказательством тождественности Руси и норманнов.

Сведения, сообщаемые Константином о Руси, высоко расцениваются норманнистами, признаются „классическими“, имеющими для истории древней Руси такое же значение, как сочинение Тацита „De Germania“ для истории древних германцев. Эта точка зрения является необоснованной. Советский историк академик Б. Д. Греков совершенно справед-

¹ Skylitz (Cedrenus), *Compendium Historiarum*, t. II, ed. Bonn, 1839, p. 386.

² Leo Diac., p. 150.

³ De adm. imp., p. 79.15.

⁴ Там же, стр. 170.15.

⁵ Там же, стр. 168.5.

ливо высказал весьма критическое отношение к известиям о Руси, имеющимся в трактате Константина, „известного русофоба и потому не могущего в своих сообщениях о Руси быть объективным, к тому же писавшего издаека“.¹

Из предшествующего видно, что хотя во время написания трактата „О народах“ между Русью и Византией поддерживались постоянные торговые и дипломатические отношения, но эти отношения нельзя назвать нормальными. В них ясно чувствуются натянутость и недоброжелательство. Об этом говорит содержание глав 4—6 сочинения Константина, в которых, как уже указывалось, император оправдывает необходимость союза и дружбы Византии с печенегами, ссылаясь на враждебность к империи русских и венгров.² О напряженности русско-византийских отношений свидетельствует и глава 13, в которой византийский император жалуется на алчность к деньгам, неуместные требования, дерзкие домогательства северных народов (хазар, венгров и русских) — и наставляет своего сына, как отклонять эти домогательства. По словам Константина, хазары, венгры, русские и другие „скифские“ народы часто добиваются присылки им принадлежностей императорских одеяний, венцов и другого убранства, часто требуют от императора выдачи секрета жидкого огня, выбрасываемого из труб. Некоторые народы из „этих неверных и худородных жителей севера“ требовали даже „войти в свойство с императором Ромейским“ и „либо взять его дочь в невесты, либо дать собственную дочь в жены императору и императорскому сыну“. Константин рекомендует первые два домогательства отклонять указанием на „божественные установления“, запрещающие будто бы выдавать кому бы то ни было принадлежности императорского облачения и раскрывать тайну жидкого огня. На третью же „неразумную и неприличную просьбу худородных народов севера“ Константин считает уместным отвечать ссылкой на запрет Константина Великого — запрет, по которому император Ромейский никогда не должен вступать в свойство с народом, имеющим несходные и чуждые обычаи, — за исключением, впрочем, одних только франков. Если императоры-иконоборцы нарушали этот запрет, то ведь они были еретиками и за это преданы церковью анафеме. Если Роман Лакапин породнился с болгарами, то он был простец, человек необразованный, узурпатор; он получил за это заслуженное наказание при жизни и подвергается осуждению и по смерти.³

Рассуждения Константина Багрянородного в главе 13 ярко иллюстрируют то высокомерие, с которым византийские политики X в. продолжали относиться к „неверным и худородным жителям севера“ — хазарам, венграм и русским.

Отсутствие нормальных отношений у Византии с Русью подтверждается далее результатами поездки русской княгини Ольги в Константинополь в 957 г. Это путешествие Ольги было важным политическим шагом. Ольга предприняла его не только для того, чтобы принять христианство, но и для того, чтобы договориться с византийским правительством по всем вопросам, затрагивающим русско-византийские отношения. Император, конечно, не преминул поразить Ольгу пышностью и великолепием константинопольского двора, но поездка ее не привела к ожидаемым результатам. Ольгу и русских принимали как очень важных послов, но все же — только как послов. Между тем, Ольга —

¹ Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 275.

² См. выше, стр. 16.

³ De adm. imp., p. 114—118.

„игемон и архонтисса“ — могла рассчитывать на иной прием, достойный владетельной особы. Ольгу обидело долгое и утомительное ожидание в „Суде“ первого и второго приема,¹ очень скромны были и денежные подарки, полученные русскими. Во всяком случае, Ольга осталась не вполне довольной результатами своего путешествия в Константинополь и обратилась к германскому императору Оттону I по вопросу об организации в Киевском государстве христианской церкви.²

В византийских канцеляриях X в. была тщательно разработана иерархическая табель государств Европы и Азии. В зависимости от значения и важности того или иного государства для Византии определялись формулы дипломатических обращений и ценность золотых печатей, привешиваемых к документам. В этой византийской иерархической табели государств Русь вместе с венграми и печенегами занимала очень невысокое место. В обращениях к багдадскому халифу его имя предшествовало имени императора. Халиф, именуемый протосимволом и диактором агарян, имел право на три почетных эпитета (*μεγαλοπρεπείστας, εὐσεβέστας, περίελεπτος*). Формула дипломатического обращения к хазарскому кагану была такова: „Во имя отца и сына и святого духа, единого истинного бога, Константин и Роман, верные в боге римские императоры, наибогороднейшему и славнейшему кагану Хазарии“; к документу, содержащему это обращение, привешивалась печать стоимостью в 3 золотых солида. К русскому же князю писалось: „Грамота Константина и Романа, христолюбивых императоров римских, к архонту России“, — т. е. без всяких почетных эпитетов, — и к документам привешивалась печать ценою в два солида.³

Все эти факты говорят о том, что отношения с Русью были при Константине отнюдь не дружественными. Вместе с тем, эти факты подтверждают характеристику, данную автору трактата „О народах“ Б. Д. Грековым. Сам Константин, как видно из его высказываний, относился к Руси враждебно и потому естественно в своих суждениях не мог быть объективным. При анализе его известий о Руси мы видим, что в своих сообщениях о полюдьи, о торговом пути по Днепру он дает мало нового, такого, что не было бы известно из „Повести временных лет“ и других источников; в то же время Константин вносит много путаницы, приводит большое число неверных, ошибочных сведений, что служит ярким показателем его недостаточной осведомленности о положении дел на Руси. Мы видели, что таких ошибок и неточностей встречается немало и в других главах его книги. Обычно эти ошибки и неточности объясняют ограниченностью самого писателя и неумением овладеть собранным материалом, а также тем, что его труд остался недоработанным. Но еще никто не пытался объяснить, почему Константин об одних народах говорит много и подробно, а другие оставляет без внимания; еще никто не пытался определить истинную цель его работы, поставить ее содержание в связь с политическими воззрениями византийских императоров X в., которые, именуясь повелителями вселенной (хотя уже на деле не повелевали ею), все еще сохраняли прежние притязания.

Нужно признать, что сочинение „О народах“ вместе с другими произведениями, приписываемыми Константину, содержит значительный материал, важный для понимания политических воззрений руководящих

¹ Constantini Porphyrogeneti De cerimoniis aulae byzantinae (ниже всюду — De cerim.), II, cap. 15; ed. Bonn, 1829, p. 595, 899.

² Reginonis Prunensis Chronicon, p. 170.

³ De cerim., II, cap. 48, p. 680 sqq.

византийских верхов, принципов византийской политики X в., для понимания того, как византийские правители этого времени представляли себе историческое прошлое Византии и определяли ее международную роль в настоящем.

Константин не отрицает того кризиса, который пережила Византийская империя в VII в. Он рассматривает его как бедствие, упадок, почти катастрофу. „Было время, — пишет Константин, — когда римское господство распространяло свои сети на весь мир. Но с того времени, как Рим был взят готами, дела римлян стали приходить в упадок, и сети эти стали гнить и разрываться“.¹ Автор умалчивает об истинных причинах этого загнивания. По его мнению, империя Ромеев (Восточно-Римская) начала терпеть увечья, отторжения и уменьшаться в границах благодаря безбожным агарянам. „Со времени царствования Ираклия Ливийского империя была сужена и урезана с Востока и Запада, и ее императоры, не имея возможности где-либо проявлять свою деятельность, разделили на небольшие части свое государство, огречились, а родной римский язык изгнали из употребления“.² Константин полагает, что империя Ромеев едва не зачахла вследствие лености и нерадения царствовавших в то время императоров, особенно Михаила III.³ Своим дурным отношением к лежащим на нем государственным обязанностям Михаил III вооружил против себя все слои общества — сенат, гражданскую администрацию, войско, население столицы, окружил себя дурными советниками, растратывал государственную казну на личные потребности, кощунственно относился к православию, проявлял неуважение к законам. Возрождение государства началось, по мысли Константина, со времени Македонской династии, со времени Василия I, который якобы заложил прочный фундамент здоровой государственной политики и должным образом направлял мировое судно. Василий I правил при поддержке сената, светской и духовной администрации, войска, столичного населения. Он раздавил нечестивых павликиан и совершил апостольское дело обращения в христианство евреев и болгар. Образцовый государь и образцовый человек, он делал царское дело, вникая во все отрасли государственного управления. Константин считает себя продолжателем дела, начатого Василием I, и всех великих традиций империи.

Несмотря на все постигшие Византию испытания, Константин не думает отказываться от представления об империи как о всемирной монархии, представления, ведущего начало еще от Евсевия Кесарийского.⁴

Он придерживается учения о том, что подобно тому, как есть только один бог, а не два или три, так существует только один император, — потому что земное царство есть отражение небесного. Константинополь — столица мира, а византийский император — владыка вселенной. Отсюда — вывод, что все другие короли и князья получают свою власть от византийского императора или, по крайней мере, правят с его согласия. Их называют βασις или ἄρχων, — одинаково, как в исторических сочинениях, так и в официальных актах. В отдельных случаях необходимость иногда вынуждала византийских правителей поступать этим принципом и признавать, например, за Карлом Великим или болгарским царем титул βασιλεύς, но эти вынужденные уступки при первой возможности брались обратно. Титул βασιλεύς со времени новеллы Ираклия

¹ De themat., p. 45.

² Там же, стр. 12—13.

³ De adm. imp., p. 29.

⁴ Eusebii Werke, herausg. von Heikel, 1902. De laudibus Constantino.

629 г. становится официальным титулом византийских императоров, равнозначным латинскому *imperator*: в официальных актах, написанных на латинском языке, формуле *πιστοὶ ἐν χριστῷ βασιλεῖς* всегда соответствует *fideles in Deo imperatores*.

Этот титул, полагали византийские правители, принадлежит „законо“ только византийскому императору, стоящему во главе „всемирной“ монархии.

Каким языком императорская канцелярия характеризовала Византийскую империю, показывает письмо Романа Лакапина египетскому эмиру Ихшиду. Мы читаем в этом документе: „Ты познал и от многих других слышал о высоте и величии царства ромеев, о том, что оно является самым сильным на земле, о том, какими богатствами и земными благами оно владеет“¹.

Византия, в представлении Константина, как уже было сказано, — всемирная монархия; в силу этого она сохраняет право на все территории, которыми когда-либо владела. Поэтому Константин в своей книге говорит и о северной Африке, и об Италии, и об Испании, подчеркивая, что эти земли некогда принадлежали империи. Задача императора — вернуть потерянные территории. Поэтому, по мысли Константина, императора должны прежде всего занимать вопросы внешней политики. Внутреннее благосостояние страны рассматривается им как нечто, стоящее на втором плане, потому что в качестве необходимого своего условия предполагает внешнее могущество государства. Но необходимость заставляет исходить не из отвлеченных теорий, а из опыта, заставляет считаться с фактическим положением дел. В „*De administrando imperio*“ нет места отвлеченным теориям. Политика, говорит Константин, получает ценность в зависимости от того, насколько она обоснована фактическим положением дел. С этим-то фактическим положением дел в вопросах международной политики Константин и хочет познакомить своего наследника.

Сопредельные страны привлекают внимание Константина VII не в одинаковой мере. Больше места уделяется, естественно, арабским странам, с которыми Византия вела вековую непримиримую борьбу (главы 15—23). В X в. в Византии были распространены пророчества о близкой гибели сарадинского мира, и когда назначенный срок проходил без изменения, устанавливались другие сроки.² Не без связи с этим в собранном Константином материале, представляющем главным образом выписки из Феофана, обращается внимание на гороскоп (ὀρῶντιον) Стефана Математика, согласно которому могущество арабов должно было продолжаться всего 309 лет. Его падению должен был предшествовать период анархии в 56 лет.

Очень много внимания в книге Константина уделено западной части Балканского полуострова (главы 29—36-я) — Далмации, Хорватии, Сербии. И этот интерес отнюдь не носит чисто „академического“ характера: после заключения византийско-болгарского мира 927 г. Византия развивала лихорадочную деятельность в этих областях (и при Романе Лакапине и при Константине), оказывала всяческую поддержку Чеславу, чтобы подчинить сербские земли византийскому влиянию, закрепить это влияние в Сербии и противопоставить Сербию Болгарии.³

¹ Ρωμανοῦ βασιλέως ἐπιστολαί. Δελτίον, т. I, 1889, р. 406—409.

² Skylitza (Cedrenus), т. I, р. 717; J. В. Вугу. Уж. соч., стр. 534.

³ В. Н. Златарски. История на първото Българско царство, ч. 2, София. 1918, стр. 540—541.

Еще более ярко эта агрессивная тенденция византийских политиков проявляется в главах трактата „О народах“, посвященных Закавказью — Армении и Грузии (главы 43—46). Главу 43 („Об области Тарон“) составитель начинает торжественным заявлением: „Но довольно тебе, любимое дитя, рассказано о северных скифах, знание чего во всяком случае будет тебе со временем полезным и нужным. Тебе должно также знать и о землях, что на Востоке, каким образом они снова стали подвластны ромеям, после того, как сперва освободились от их владычества“.¹ Таким образом, Армения и Грузия интересуют автора исключительно с точки зрения возможности возвращения их под власть Византии. Византия еще при Василии I при содействии армянских феодалов сумела прибрать к своим рукам пограничные районы Армении. Одну из главнейших целей византийской внешней политики составляло дальнейшее внедрение в Армению. Византийские политики X в. считали, что только занятие высоких плоскогорий и горных хребтов Армении создаст прочный заслон Византии с Востока, обеспечивающий власть над Закавказьем, охрану кавказских проходов. В этом отношении Византия продолжала старые римские традиции. Обладание Арменией для парфянских и новоперсидских властей, с одной стороны, и римских, — с другой, было вопросом господства во всей Передней Азии. Борьба за Армению как бы перешла „по наследству“ от римлян и персов — к арабам и византийцам. Византийские правители X в. всеми средствами продолжали эту борьбу. Гфрёрер характеризует политику императоров Македонской династии в этом вопросе как мелочную, эгоистическую, алчную и коварную;² но вместе с тем, она отличалась известным упорством и настойчивостью. Деятельность императорских политиков в этих областях Закавказья была особенно напряженной в то время, к которому относятся известия в „De administrando imperio“.³ Отсюда происходил и интерес высших кругов Византийской империи к сообщениям из этих областей. Отсюда же — и знание внутренних отношений в них; осведомленность византийцев в этом вопросе возрастала вследствие переселения в пределы империи знатных армянских семейств, представители которых играли все возрастающую роль в системе государственного управления империи и порой достигали самых высоких чинов (таков, например, неоднократно упоминаемый Константином VII Мелия).⁴ Указанные обстоятельства объясняют нам содержание четырех глав трактата „О народах“ (главы 43—46) — об Армении и Иверии.

Политика империи, направленная к постепенному захвату этих стран, не могла бы иметь успеха, если бы византийцы действовали против воли местной правящей феодальной верхушки. Поэтому византийская дипломатия всячески стремилась привлечь на свою сторону представителей феодальных верхов областей Закавказья: она достигла в этом отношении определенных успехов. Эгоистическая феодальная олигархия Армении, в частности, добивалась прежде всего своих личных выгод, жертвуя интересами народа. И закавказские феодалы и князья, опираясь на Византию, получали лично для себя ощутительные выгоды: значительное ежегодное жалованье, часто — дворцы в Константинополе или доходные поместья в соседних провинциях империи, высокие придворные чины протоспафариев, патрикиев, магистров, которые выделяли этих

¹ De adm. imp., p. 159.

² A. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Graz, 1872—1877, Bd. III, S. 13.

³ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“ императора Константина VII Багрянородного, стр. 64.

⁴ De themat., p. 33.

представителей армянской и грузинской знати из среды местных феодалов, наконец, защиту в случае каких либо бедствий и неудач. Нужно сказать, что в X в. византийское правительство пользовалось более сильным, внушительным и постоянным влиянием в Армении и Грузии, чем слабое правительство в Багдаде.

Константин VII внушает своему сыну, что византийский император имеет все права на владение Арменией, что армянский царь („князь князей“) — „слуга римского императора“, так как им поставляется (προβαλλόμενος) и от него получил этот сан (ἄξιωμα).¹ Для Константинополя не имеет никакого значения, что багдадский халиф, как государь Армении, по праву завоевания послал Ашоту I царский венец и назначил его остиканом (наместником) над всей Арменией. В Константинополе имеет силу только тот сан „архонта архонтов“, который признан за армянскими Багратидами и дан им императором, а из этого ясно, что все города, общины, земли, над которыми господствует „князь князей“, принадлежат римскому императору.² А если сам армянский царь — слуга императора, то тем более ему слуги — мелазкертские эмиры, которые до гибели Смбата I были слугами армянских царей. Поэтому империи необходимо подчинить своему влиянию города на Ванском озере, особенно Хлат, Арзес и Перкри, так как они — императорский форпост против Азербайджана и надежная преграда против вражеских войск, которые захотели бы из Ирана напасть на империю.

Константин настойчиво убеждает сына, что эти три города нужно взять во что бы то ни стало.³ Они должны принадлежать империи, стать ее собственностью, ибо Ахмет (пасынок Аполесфута) был подданным императора и платил ему дань, как за себя, так и за дядю, государя Мелазкерта и его округа. Вообще все члены этой династии платили императору дань, как за свои собственные области, так и за главный мелазкертский удел, который они получили в порядке наследования. (Уплата этой дани началась, повидимому, с успешно завершившейся для империи войны 930/931 гг., уже после смерти армянского царя Ашота при Льве VI.)

В рубриках главы 44 содержатся как бы наброски правовой теории, при помощи которой должна была быть обоснована аннексия вышеупомянутых городов на Ванском озере, а может быть, и всего Мелазкертского эмирата в пользу Византии.

Грузинские феодалы с большой настороженностью относились к притязаниям Византии на грузинские земли. Автор не скрывает неоднократных неудач, которые приходилось испытывать византийской дипломатии при попытках осуществления ею здесь своих захватнических целей.⁴ Сам Константин приводит случаи дипломатических отступлений и поражений Византии, но основная тенденция его сочинения и здесь состоит в том, чтобы показать — и он настойчиво делает это, — что в Иверии с давних времен установилось верховенство императора, хотя он и терял эти области на более или менее длительные сроки. Подтверждение подвластности названных стран императору Константин утверждает в том, что грузинские магнаты носили византийские титулы — патрикиев, магистров и др. Верховный же государь Грузии постоянно носит византийский придворный титул куропалата. Из всего этого делается вывод, что и Иверия должна принадлежать Византии.

¹ De adm. imp., cap. 44.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 196.

⁴ Там же, гл. 46.

В памяти читателя воскрешается установленный Куркуасом стратегический принцип, согласно которому византийская граница в Закавказье должна проходить на реке Арако.

В рассмотренных разделах трактата „О народах“ наиболее отчетливо раскрываются его непосредственные дидактико-политические цели. В нем собраны практические примеры из истории дипломатии и политики, которые должен был знать наследник престола для того, чтобы на этих примерах изучить, с одной стороны, как и в каком направлении велись государственные дела в прошлом, а с другой, — понять, как они должны вестись в будущем, для того, чтобы уяснить, что главной целью внешней политики империи должно быть возвращение потерянных ею областей на Балканах, в Азии и Италии. В соответствии с этим автор трактата „О народах“ без стеснения говорит обо всем том, что в других случаях скрывалось бы от огласки. Здесь подвергается откровенной оценке поведение каждого из „друзей“ и „слуг“ империи, не скрываются дипломатические поражения, понесенные ею, ясно обнаруживаются подлинные стремления и планы византийских политиков.

То же мы наблюдаем и в главах 1—14, 42 и 53, посвященных Северному Причерноморью. Глава 42 содержит описание Черноморского побережья от Дуная до Сотириуполя (Пицунды); в ней помещены краткие гидрографические указания о реках и озерах, а также приводятся несколько существенных известий о политических, торговых и иных отношениях в Северном Причерноморье: указывается, что печенеги контролируют устья Днепра, Днестра и Дуная и что они занимают черноморское побережье от низовьев реки Дуная до хазарской крепости Саркела.¹ О русских в этой главе ошибочно говорится, что они живут „в верховьях реки Днепра“.² Здесь же сообщается о русской торговле. Всех этих вопросов автор трактата касается только попутно.

Основное внимание Константина в главе 42 — сообразно общей цели книги — направлено на вопрос о восстановлении и упрочении византийской власти в Северном Причерноморье. В связи с этим автор обращается к истории постройки византийцами (при императоре Феофиле) крепости Саркел на Дону (для хазар) и превращения тогда же города Херсонеса и „климатов“ в Крыму в византийскую фему, подчиненную стратигу. Константин подробно рассказывает об обстоятельствах того и другого. Конечно, византийцы строили крепость Саркел для хазар не даром. Наличие какого-то общего врага, который в трактате не называется, заставило Византию и Хазарию столкнуться между собою; в результате этого сговора Византия, построив для хазар Саркел, восстановила свою власть на южном берегу Крыма. Очевидно, угроза со стороны этого же врага заставила херсонесцев согласиться с появлением в Херсонесе византийского стратига. Но, как видно из главы 53, опасность отпадения Херсонеса не была исключена и в Х в.

Большая глава 53 названа „История города Херсонеса“. Материалы этой главы являются, видимо, извлечением из какого-то херсонесского литературного источника. Характерно, что здесь отсутствуют вводные

¹ Местоположение Саркела удалось точно установить в результате работ северокавказской экспедиции ГАИМК у станицы Цымлянской на левом берегу Дона. См. литературу о Саркеле в работе М. И. Артамонова — Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935. Из прежних археологических исследований, намечавших местоположение Саркела, см. А. Н. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел? „Труды IX Археологического съезда“, т. I, стр. 271.

² De adm. imp., p. 189.

ιστόριον ὅτι или просто ὅτι, как правило, сопровождающие всякий новый абзац основной части трактата Константина.¹ Т. Моммзен считал рассказы, приведенные в этой главе, „херсонесскими сказками“.² Иначе относился к ним Р. Гарнетт, который трактовал эти рассказы как исторически достоверные и старался лишь уточнить их хронологию и имена действующих лиц.³ Г. Манойлович видит в главной части главы 53 текстуальную копию херсонесской летописи или сказания (ιστορία) и считает несомненным, что основой для этого литературного произведения служила херсонесская летопись, в которую были внесены поправки и дополнения (порой баснословного характера) о необычайных или важных событиях.⁴

Действительно, как показывает анализ этой главы, нельзя отрицать, что в основе передаваемых здесь сказаний лежит какое-то историческое зерно, хотя оно окружено таким количеством вымышленных фактов, что не может быть еще выделено с большей или меньшей точностью. За известную реальность рассказа говорит его рельефно выступающий местный колорит, точное знание города и его округа, ссылка на поставленные в нем памятники. Даже Т. Моммзен находил заслуживающим внимания указываемые в этой главе городские привилегии и владения.⁵ Но центр тяжести главы 53 заключается не в этой ее части, заимствованной из херсонесской летописи. Вслед за ней следует дополнение, начинающееся стереотипным ιστοριον: это дополнение представляет собой наставление наследнику престола; здесь перечисляется ряд мероприятий, которые следует провести византийскому правительству в случае возможного отпадения Херсонеса от империи. Этот небольшой отрывок более важен, чем вся длинная предшествующая история Херсонеса, изложенная в стиле занимательного рассказа. Он повествует о современных событиях и содержит перечисление тех репрессивных мер, которые византийское правительство должно обрушить на головы херсонитов в случае отпадения их города от империи.

Из всего вышесказанного становится понятной как главная цель работы, так и то обстоятельство, что автор обращает усиленное внимание на одни народы и оставляет без внимания другие или говорит о них только мимоходом. Главная цель его работы заключается не в том, чтобы дать своему сыну и наследнику обстоятельное и объективное описание сопредельных стран и народов, а в том, чтобы повзвратить его в агрессивные замыслы Византии.

Стремясь внушить сыну мысль о необходимости возвращения захваченных арабами византийских территорий, он подогревает надежды на скорый крах арабского могущества. Чтобы ввести наследника в курс захватнических планов Византии по отношению к сербам и хорватам, он останавливается на географии Сербии, Далмации, Хорватии, подробно излагая предшествующую историю этих народностей и тенденциозно извращая ее в интересах византийской политики. С историей южных славян тесно связывается история венгров; поэтому Константин не может обойти молчанием и Венгрию. Не упускается из поля зрения Южная Италия и Венеция. Такой же „интерес“, продиктованный

¹ Ср. Изв. ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 68; прим. 106.

² Т. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1885, S. 291, Anm.

³ R. Garnett. The Story of Giccia, „The English Historical Review“, v. XII, 1895, p. 100—105.

⁴ Г. Манойлович. Ук. соч., стр. 17—36.

⁵ Ср. С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908, стр. 5, прим. 5.

преимущественно соображениями захватнической политики, мы наблюдаем в главах, посвященных Армении и Иверии, равно как и Северному Причерноморью. Восстановление и упрочение власти Византии — вот что в первую очередь занимает автора трактата „О народах“. Важную роль в X в. в византийской политике должны были, по мысли Константина, играть печенеги; так как они не образовывали единого политического целого, то Константин вынужден был обстоятельно остановиться на всех вопросах, связанных с печенегами. Обо всех остальных проблемах, касающихся Северного Причерноморья, Константин говорит только попутно и мимоходом.

Русь в X в. была уже настолько крупной политической силой в Восточной Европе, что Константин не мог обойти ее полным молчанием. Но он уделяет ей мало внимания, так как Русь по своей отдаленности не могла быть объектом захватнических воцелений Византии, и византийские политики в то время еще сомневались в возможности „завербовать“ ее в качестве своего постоянного союзника (наподобие печенегов). Византийского императора интересует только вопрос о том, как не допустить нового нападения Руси на Константинополь. Если Константин допускает грубые ошибки в своих сообщениях, касающихся самой Византии и близлежащих стран, то тем естественнее предполагать наличие таких ошибок в известиях, касающихся отдаленной Руси. И мы видели действительно, что сообщения Константина о Руси в трактате „О народах“ не лишены ряда ошибок и нуждаются в строгой критической проверке.

Такой же проверки требуют известия Константина о Руси и в других его произведениях. Так, в пятой книге „Продолжателей Феофана“, представляющей биографию Василия Македонянина, написанную его внуком Константином, содержится рассказ о крещении Руси: этот рассказ повторяют другие, более поздние византийские хронисты — Скилица-Кедрин, Зонара, Глика.¹ Казалось бы, располагая византийскими архивами, Константин мог дать ясное и точное описание времени, места и действующих лиц, при которых произошло это событие.

Но наши ожидания и здесь не оправдываются: сообщение Константина носит в значительной степени легендарный характер. Указывается, что Василий I склонил к дружбе „народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, и, установив с ним дружбу и соглашение, уговорил его принять крещение“.² После этого следует длинный рассказ о чуде, которое будто бы совершил архиепископ, присланный Игнатием. По требованию языческой Руси он положил евангелие в огонь, и оно осталось нетленным. Тогда Русь, пораженная чудом, крестилась и приняла архиепископа. Константин не указывает, кого он (в территориальном отношении) подразумевает под крестившимися руссами, не дает ни одного географического названия, ни названия крестившихся русских вождей. А. Грегуар видит в этом сообщении Константина сознательное извращение фактов и стремление перенести на своего деда деяния Михаила III и патриарха Фотия.³ Действительно, до нас дошла официальная энциклика патриарха Фотия, который в 866 г. торжественно объявил о принятии христианства русскими. Б. Меллоранский в свое время высказал предположение, что это противоречие только кажущееся. Игнатий,

¹ Theophanes Continuatus, ed. Bonn, p. 97.

² Там же.

³ H. Gregoire. Etudes sur le neuvième siècle. „Byzantion“, VIII, p. 536.

заявив патриарший престол, низложил епископов, поставленных его врагом Фотием, и заменил их своими ставленниками. Среди низложенных и замененных мог быть и русский епископ.¹

Можно признать, что в сообщении Константина есть доля исторической истины. Заботы о христианизации Руси как нельзя более соответствуют общему (в этом отношении) направлению деятельности Василия Македонянина. Известны его старания утвердить православие в Болгарии. При Василии приняли христианство пелопоннесские славяне. При нем же настойчиво, хотя и безуспешно, проводилось насильственное обращение евреев в христианство. Следовательно, имеются основания допустить, что при Василии и Игнатии крестились и некоторые группы населения Киевской Руси. Подтверждением этого может служить ватиканский кодекс болгарского перевода летописи Манассии, к которому добавлено несколько глосс болгарского переводчика XIV в., говорящих о крещении Руси при Василии I.² Константин, однако, умалчивает о роли Болгарии в христианизации Руси.

Установленная Фотием и Игнатием церковная иерархия по греческому образцу на Руси едва ли пережила политический переворот в Киеве, о котором рассказывает „Повесть временных лет“ (под 882 г.), но христианская община здесь не погибла. Христианизация Киевской Руси была вековым, длительным процессом, в котором до официального крещения при Владимире болгаро-славянское христианство оказывало более активное воздействие на древнюю Русь, чем христианство византийское.³

У нас есть серьезные данные полагать, что богослужение в Киеве в конце IX в. совершалось на славянском языке и по книгам славянским, получаемым из Болгарии. Таким образом, можно думать, что письменность на Руси появилась вместе с христианством.

Открытия советской археологии все больше разрушают ошибочное представление о крайне слабом развитии письменности на Руси в X в. Гнездовская надпись, недавно обнародованная Д. А. Авдусиным и М. Н. Тихомировым, показывает, что грамотность на Руси восходит к концу IX в. и начальным десятилетиям X в., причем русская письменность была с самого начала славянской (кирилловской).⁴ Если мы вспомним, что кириллица была распространена в Болгарии, с которой Русь в X в. имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представляется вполне закономерным. Соседняя и родственная нам славянская страна переживала в конце IX в. значительный подъем своей культуры. Правда, дошедшие до нас русские источники мало говорят о русско-болгарских отношениях, но это не значит, что их не было. Исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова выяснили в значительной степени судьбу этих источников, подвергавшихся неоднократно тенденциозной переработке, при которой в них тщательно

¹ Б. Мелиоранский. Рецензия на кн. А. Васильева „Византия и арабы“. „Византийский Временник“, 1893, вып. 3, стр. 569.

² См. С. Шевырев. О славянских рукописях ватиканской библиотеки. ЖМНП, 1839, т. XXII, стр. 106—114; А. Д. Чертков. О переводе Манассиевой хроники на славянский язык, М., 1842; Его же. Описание войны великого князя Святослава Игоревича, М., 1848; Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876; П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского, стр. 442.

³ Научно-исторический журнал под ред. проф. Н. И. Кареева в 1914 г., № 4, стр. 32.

⁴ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. „Вестн. АН СССР“, 1950, № 4, стр. 78.

вытраивались следы крупного значения Болгарии в распространении христианства на Руси, а христианизация Руси представлялась исключительным делом греческого духовенства. Но некоторые данные по этому вопросу в указанных источниках все же сохранились. Почти во всех рукописных списках „Повести временных лет“ под 898 г. значится: „Яже грамота естъ в Руси и в болгарѣхъ дунайскихъ“.¹ Если верить этому сообщению летописи, то еще за сто лет до официального крещения Руси славянская грамота употреблялась в Болгарии и на Руси; это была прежде всего церковная, религиозная литература. В некоторых древних рукописях „Повести временных лет“ устанавливается зависимость между крещением болгар, переводом церковных книг на славянский язык и крещением Руси.² Далее: до нас дошла булла папы Иоанна XIII, который в 972 г., за несколько десятилетий до крещения Руси Владимиром, признает существование на Руси такого же христианства, как в Болгарии. Папа указывает на тождественность христианского обряда, бывшего в употреблении у болгарского и русского народов, и запрещает этот обряд в Моравии.³ Наконец, в первом томе исторического труда Татищева, который пользовался ныне утраченными источниками, имеется сообщение о том, что „Симеон Болгарский отправил на Русь иереи учены и книги довольныя“.⁴ Указание на „книги довольныя“ подтверждается многочисленными находками на Руси сохранившихся и до настоящего времени старинных произведений болгарской „преславской школы“. Указанные источники подтверждают, что церковным языком в Киеве и до Владимира был болгарский язык, и богослужение в соборной церкви Илии при Константине велось на болгарском, а не на норманнском, готском или греческом языках.

Немало споров и недоразумений вызывало среди историков и помещенное в книге Константина „De cerimoniis“ описание приема при византийском дворе Ольги в 957 г. Само по себе это описание в отношении своей достоверности не может возбуждать никаких сомнений, так как оно представляет выписку из дворцового журнала, в котором описывались парадные приемы послов и посетителей из иностранных государств.⁵ Повод к недоразумениям создало то, что Константин просто привел эту выписку из дворцового журнала, не сопровождая ее никакими пояснениями. Мы должны принять хронологическую дату посещения Ольгой Константинополя, сообщаемую багрянородным императором, — 957 г., и признать неверной датировку крещения Ольги в Константинополе, которую дают древние русские источники — „Повесть временных лет“ и „Похвала Владимиру“ Якова Мниха, — 955 г.

Так как Константин ни единым словом не упоминает о крещении Ольги в Константинополе, то Е. Голубинский сделал попытку целиком отвергнуть русскую летописную традицию, допустив, что Ольга крестилась не в Константинополе, а в Киеве. Этой точки зрения придерживались также В. И. Ламанский и Ф. И. Успенский, обратившие внимание на то, что Ольга, по описанию Константина, имела в своей свите священника (παππς) Григория. Отсюда делался вывод, что Ольга уже была христианка.⁶ На этой же точке зрения стоят и некоторые совет-

¹ „Повесть временных лет“, ч. 1, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 21.

² ПСРА, т. XV, стр. 11.

³ Козмае Pragensis Chronica Boemorum, XIII, MGHSS, nova series, v. II.

⁴ Татищев. История России, т. I, ч. 1, стр. 18.

⁵ De cerim., II, cap. XV, p. 594.

⁶ См. ЖМНП, 1904, т. I, стр. 153; Ф. И. Успенский. Византия и Русь в X в., Киев, 1889, стр. 19.

ские историки, как, например, В. В. Мавродин. Но указанные ученые упускают из виду, что Константин не приводит никакого рассказа о пребывании Ольги в Константинополе. Он дает только выписку о придворных церемониях при ее приеме во дворце. Глава книги *De cerimoniis*, где описывается прием Ольги, названа: *Ἡ ὁσα δὲ παρασκευάζονται δοῦναι τῇ βασιλίσσῃ ἐν τῷ μεγάλῳ τρικλινίῳ τῷς Μαγνάραις τῶν δεσπότην καθελομένων ἐπὶ τοῦ Σολομονίου*¹ („О том, что нужно соблюдать при приемах, происходящих в большом триклинии Магнавы, когда владыки восседают на Соломоновом троне“). Под таким заголовком нельзя было писать о крещении Ольги. Е. Голубинский считает невозможным, чтобы Константин не упомянул об этом исключительном событии.² Но Константин писал руководство по придворному церемониалу, в котором он описывал не необычное, а то, что происходило постоянно и годно было для обычной практики.³ Нет ничего удивительного в том, что Ольгу сопровождал священник, если она готовилась принять крещение у Константинопольского патриарха. Если присутствие священника в свите Ольги не доказывает, что она уже была крещена, то зато из описания Константина можно вывести заключение, что Ольга представлялась ему, будучи еще язычницей. По крайней мере, Константин называет Ольгу ее языческим именем *Ἑλφα*, между тем как после крещения она носила христианское имя Елена, в честь жены Константина Багрянородного. Во всяком случае отвергать крещение Ольги в Константинополе нельзя, так как о том, что оно произошло в Киеве, не говорит ни один источник, а о том, что Ольга крестилась в Константинополе, согласно говорят все независимые друг от друга источники: русские („Повесть временных лет“, „Похвала Владимиру“ Якова Мниха), византийские источники — Скилица-Кедрин, Зонара и, наконец, западноевропейский, совершенно независимый от источников греческих и русских — Адальберт, утверждающий, что Ольга была крещена в Константинополе — *sub Romano imperatore Constantinopolitano baptizata*. Известие это не является ошибочным, так как Роман был соправителем своего отца в 957 г., а когда германский летописец делал свою запись, Роман (после смерти своего отца) являлся уже единодержавным правителем (959—963 гг.). Сообщением Адальберта нельзя пренебрегать, так как он мог получить эти сведения от русского посольства, приходившего к Оттону I два года спустя после крещения Ольги, а также во время собственного пребывания в Киеве.

М. Д. Приселков считает, что Ольга два раза была в Константинополе: в 955 г. она приняла здесь крещение и в 957 г. снова посетила византийскую столицу, чтобы здесь решить вопрос о церковной организации Руси.⁴ Но при этом остается непонятным, почему „Повесть временных лет“ не упоминает о второй поездке Ольги, и почему, если Ольга крестилась в 955 г. и приняла тогда христианское имя Елены, Константин при приеме в 957 г. называет ее старым языческим именем.

В целом трактат „О народах“ в части, касающейся древней Руси, является источником очень недостоверным; в нем много противоречий и фактических ошибок. Известия Константина Багрянородного о Руси требуют весьма критического к ним отношения.

¹ De cerim., II, cap. 15, p. 566.

² Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 1, изд. 2-е, стр. 238—244.

³ C. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930, S. 104.

⁴ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 12.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

**БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ СВЯТОСЛАВА
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Война Руси с Византией и русско-болгарские отношения конца 60-х и начала 70-х годов X в. являются одним из наиболее значительных моментов в истории взаимоотношений трех крупнейших государств Причерноморья в период раннего средневековья. На протяжении нескольких лет на территории Болгарии и пограничных областей Византийской империи шла упорная и напряженная борьба двух славянских народов под руководством русского князя против византийской агрессии.¹ В этой борьбе, в которой Русь и болгары отстаивали государственную независимость своих стран против попыток вмешательства Византии, определялись характер и степень русского влияния на Балканах и устанавливались юго-западные рубежи Киевского государства — общей колыбели братских народов Восточной Европы.

Эпический размах и значение событий, во время которых „Свято-слав завоевал Силистрию и угрожал Константинополю“,² живо ощущали современники. Русским князем „интересуется весь тогдашний мир“³ — и, в самом деле, редко можно указать событие X в., о котором сохранилось бы такое количество известий, принадлежащих византийским историкам и хронистам, русским летописцам, арабским и армянским писателям. При этом каждая группа свидетельств, передавая общую в основных чертах картину событий, освещает их всякий раз по-иному, отличается в подробностях и порой даже противоречит показаниям других групп источников. Поэтому только сравнительное изучение всей совокупности наличных известий и генетических связей между ними может послужить надежной опорой для воссоздания подлинной истории самих событий. Эта задача является тем более важной и актуальной, что господствующие в буржуазной науке формальные и метафизические методы исследования, органически вытекающие из общих порочных идеалистических взглядов буржуазных историков на исторический процесс, не дали — да и не могли дать — сколько-нибудь прочных и обоснованных выводов в вопросе о сравнительной ценности и взаимосвязи исторических памятников, являющихся источниками для истории Балкан-

¹ См. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. СЛСб, ОГИЗ, 1947, стр. 143 сл.; ср. также П. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава, ВИ, 1951, № 8, стр. 101 сл.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 439.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 454.

ских войн Святослава;¹ указанное обстоятельство создавало благоприятные условия и для искажения — под влиянием произвольных ненаучных построений и в угоду предвзятым воззрениям — самих фактов. К сожалению, в советской исторической литературе источниковедческой стороне этой проблемы не было уделено достаточного внимания.²

Наиболее полное и последовательное, хотя и резко тенденциозное описание русско-византийской войны 968—971 гг., содержится в византийской исторической литературе: в „Истории“ Льва Диакона (X в.), в хронике Иоанна Скилицы (XI в.), во многих позднейших „всемирных хрониках“. Кажется бы, что наибольшего доверия должен заслуживать самый ранний из источников, но это положение требует в данном случае — вследствие некоторых особенностей византийской исторической литературы — существенных оговорок. Необходимо отнестись со вниманием и к общему соотношению всех памятников, содержащих какие-либо упоминания о византийско-русских и русско-болгарских отношениях изучаемого периода, — тем более, что соответствующие наблюдения не лишены и некоторого самостоятельного значения.

Основным и лучшим источником для истории Балканских войн Святослава принято считать исторический труд Льва Диакона, которого обычно называют очевидцем и даже участником событий.³ Но то, что известно об этом писателе (главным образом из его собственного сочинения), не дает основания для таких утверждений. Лев родился в начале 50-годов X в. в малоазийском городе Калое, Фракийской фемы. Общественное положение его отца, которого звали Василием, неизвестно; вряд ли он был, впрочем, знатным или богатым человеком. Еще подростком Лев переселился в столицу для получения обычного образования, где был, между прочим, свидетелем возмущения народа против Никифора Фоки в мае 967 г. В декабре следующего года Лев, находясь все еще в Константинополе, видел описанное им затмение солнца. Впоследствии он бывал в Азии, а в августе 986 г. находился при императоре Василии Болгаробойце во время его неудачного похода против болгар и с трудом спасся бегством после поражения византийского войска. В то время Лев был диаконом и, вероятно, не продвинулся выше этой должности; во всяком случае, так же именуется он и в надписании своего сочинения. Время смерти его неизвестно.⁴

¹ Например, см. работы таких „столпов“ буржуазного византиноведения, как Ф. Дёльгер (F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen, BZ, Bd. XXXII, 1932, S. 283 и прим.); А. Грегюар (H. Grégoire. La dernière campagne de Jean Tzimiscès contre les Russes. Byz., t. XII, 1, 1937, p. 268, n. 2) и Г. Острогорский (G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates, München, 1941, S. 147, текст и прим. 1). В последние годы византинисты англо-саксонских стран лишь некритически повторяют традиционные — и кстати сказать, блестяще опровергнутые М. Я. Сюзюмовым — взгляды на Льва Диакона (см. Byzantium, Anntroduction to the East Rome Civilization, ed. by N. Baynes and W. St. Moss., Oxford, 1948, p. 231).

² Из некоторых случайных упоминаний (ВВ, т. I, 1947, стр. 383; ВВ, т. IV, 1951, стр. 66) нам известно о хранящейся в ЛОИИ рукописи покойного М. А. Шангина „Византийские источники о походах Святослава“. Однако, насколько можно судить по опубликованной схеме соотношения между источниками (в статье „Записка греческого топарха“, ИЖ, 1941, № 9, стр. 121), выводы автора существенно отличаются от итогов предлагаемой работы.

³ Например, Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 331; Его же. Иностранцы о славяно-русском войске, ИЖ, 1941, № 9, стр. 105; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 23; К. В. Базилевич. История СССР, ч. I, М., 1946, стр. 81 и мн. др.

⁴ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X e recensione C. B. Hasii, etc., Bonnae, 1828, p. 5.4—11; 64.22—65. 15; 72.1—18; 165.4—7; 172.18—173.7 (далее —

Труд Льва (в десяти книгах) обнимает годы правления Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, т. е. время от конца 959 г. до начала 976 г., выходя, однако, в нескольких местах за пределы указанного периода. По всей вероятности, „История“ завершалась там же, где обрывается сохранившийся текст, который, как кажется, не был окончательно подготовлен к опубликованию, скорее всего, из-за смерти составителя.¹ Очень может быть, что этому же Льву, константинопольскому диакону, принадлежит ненапечатанная похвала архангелу Михаилу и похвальное слово в честь Василия II.²

Историческое сочинение Льва Диакона дошло до настоящего времени в единственной рукописи XI или начала XII в., содержащей также и „Историю“ Пселла,³ и было подготовлено к печати в начале XIX в. французским эллинистом Ш. Б. Газе в качестве заключительного тома „Парижского свода византийских писателей“ (1819 г.).⁴ Ввиду ценности известий Льва для изучения Киевской Руси почти одновременно появился русский перевод, выполненный профессором Петербургского университета Д. Поповым и остающийся до настоящего времени единственным. Перевод Попова был неплохим для своего времени (1820 г.), однако на нем заметно сказались недостаточное знакомство автора со специально византийским словоупотреблением и поспешность работы.

По своему характеру „История“ является типичным памятником византийской феодальной историографии. Произведение Льва Диакона можно назвать хроникой военной и придворной жизни: в центре внимания автора постоянно находятся императоры с их непосредственным окружением, полководцы и высшие сановники церкви; народ упоминается лишь изредка и почти всегда в пренебрежительном тоне.⁵ Вся первая половина труда состоит из рассказа о Критской и Сирийской войнах Никифора Фоки, прерываемого описанием экспедиции его брата Льва против арабов и сообщениями о неудачных походах самого императора в Болгарию, а его полководцев — в Сицилию. Наряду с этим подробно изложены обстоятельства воцарения и гибели Никифора, перемежающиеся описаниями землетрясений и затмений, виденных самим Львом. Во второй половине „Истории“, после рассказа о воцарении Цимисхия

Leo Diacon.; ср. также *Hasii praefatio*, p. XVII—XVIII; K. Krumbacher. *Geschichte der Byzantinischen Literatur*, 2. Auflage, München, 1897, S. 266 f.; Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*, v. I, Budapest, 1942, S. 236 f.

¹ G. Wartenberg. *Das Geschichtswerk d. Leo Diak.*, BZ, Bd. VI, 1897, S. 106. Иначе считают М. Я. Сюзюмов („Об источниках Льва Диакона и Скилицы“, ВО, т. II, вып. 1, 1916, стр. 136, прим. 1) и К. Крумбахер (Ук. соч., стр. 267), настаивающие на основании одного места Льва (p. 176.12—13) на незаконченности его труда. Однако эти слова правильно истолкованы еще Газе, в чем убеждает, вопреки сомнениям В. Фишера (W. Fischer. *Beiträge zur hist. Kritik d. Leon Diak.*, MIOG, т. VII, 1886, S. 355—357), как сравнение с другим высказыванием историка (p. 104.21—22), так и то, что служащее продолжением „Истории“ сочинение Пселла непосредственно примыкает к сохранившемуся тексту.

² A. Ehrhard в указанном сочинении К. Крумбахера, стр. 169. Ср. J. Sykutzes. *Λεόντος τοῦ διακ. ἀνεκδότων ἑῷωνον*, ΕΕΒΣ, 10, 1933, σελ. 425 κтл.

³ О рукописи см. *Hasii praefatio*, p. XXI—XXIII; также В. Г. Васильевский. Хроника Логофета, ВВ, т. II, 1895, стр. 93—94, 146 сл. и E. Renaud. *Chronographie de Michel Psellos*, v. I, Paris, 1926, p. LXI—LXII.

⁴ Случайная гибель почти всего тиража вызвала уже в 1828 г. переиздание „Истории“ в составе „Боннского корпуса“ (в настоящей работе все ссылки приводятся по этому изданию); кроме того, текст „Истории“ воспроизведен в 97-м томе „Греческой патологии“ Ж.-П. Миня.

⁵ Ср. Leo Diacon., p. 94.21—95.4; 169.16—17; 175.20, также p. 91.13—17; 113.3—9 и весь рассказ о возмущении против Никифора, p. 64.22—65.19.

и назначениях новых церковных иерархов, следует обзор войн с Русью¹ и сирийских походов Цимисхия; здесь же и в заключении помещены известия о возмущениях Фокадов, о чудотворной иконе, о новых церковных назначениях, о небесных знамениях и предсказанных ими бедствиях последних лет, приведших, по словам историка, Римскую империю к почти совершенной гибели. „История“ завершается сообщением о смерти Иоанна Цимисхия. Кроме того, Лев дважды возвращается к истории византийско-болгарских отношений в прошлом, приводя в одном случае рассказ о ранней истории болгар, а в другом — сообщение об Анхимальской битве, и один раз, напротив, забегают вперед, сообщая о неудачном восстании Варды Фоки и о походе императора Василия II против болгар, едва не окончившемся гибелью самого историка вместе с большей частью греческого войска.²

По своему мировоззрению автор „Истории“ вполне сын средневековья; он искренно верит в чудеса, о которых охотно и часто упоминает, восхваляет подвиги христианского аскетизма, не упускает случая выразить похвалу императорам за заботы о строительстве и украшении храмов, боится ведовства, верит предсказаниям и приметам, особенно астрологическим. Это человек ограниченный, любящий блеснуть своими далеко не обширными познаниями. Иногда он приводит довольно объемистые исторические экскурсы, иногда мифологические замечания, причудливо пересыпанные цитатами из Гомера и из библии, порой включает в свой труд целые рассуждения на естественно-научные темы, но чаще всего дает краткие географические или исторические справки — об истоках рек или об основаниях городов. Лев не чужд и нравоучительных тенденций; его морализирующие поучения обычно сводятся к рассуждениям об изменчивости человеческого счастья, но местами они превращаются в целый назидательный рассказ. Мир его узок, представления о природе наивны; Льва привлекает все необычное: уродливые близнецы, землетрясения, затмения солнца, появление комет, падение метеоров, даже сильный дождь. Образование его, в общем, довольно поверхностно, начитанность невелика: она ограничена пределами сведений, почерпнутых из библейских книг, Гомера и историков VI в., т. е. произведений, служивших в то время обычными школьными пособиями. По словам его первого издателя, ничто не позволяет заключить, что Лев знаком с Фукидидом, Полибием или Плутархом; незаметно и влияние Геродота, на которого историк ссылается в начале своего труда.³

Язык „Истории“ напыщен, часто неясен, стиль насыщен тяжеловесными метафорами и описательными оборотами; Лев всячески стремится избегать обиходных слов и простонародных выражений. Этот стиль, как и некоторые неправильности речи, не являются личными особенностями историка; они характерны и для других „полуобразованных византийцев“.⁴ Следуя античной традиции, усвоенной и византийскими учеными, Лев часто вводит в текст вымышленные речи (по подсчету одного из исследователей, они составляют около шестой части всего

¹ Leo Diac., p. 102.22—111.16; 124.22—126.9; 128.8—145.8; 147.23—159.9, ср. также стр. 63.5—13.

² Там же, стр. 103.18—104.23 и 122.16—124.21, также стр. 169.14—176.13.

³ Там же, стр. 5.20—21; ср. Nasii praefatio, p. XX и K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267.

⁴ Nasii praefatio, p. XIX—XXI, его примечания на стр. 469—470, 485, 489 и др.; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 268; также Д. И. Иловайский. История России, т. I, изд. 2-е, М., 1906, стр. 685; Н. П. Благоев. Критичен поглед върху известията на Льва Дякон, МП, год. 6, 1930, кн. 1, стр. 25.

труда¹). В рассказе его имеются повторения, а единство плана заменяется чисто внешним стремлением как можно реже менять место действия.² Однако и это правило не выдерживается, зато почти каждое из частых отступлений сопровождается особыми оговорками.³ Цифровые данные его по большей части не заслуживают доверия, причем Лев сплошь и рядом противоречит самому себе — и не только в этих показаниях.⁴

Наконец, хронологические указания Льва неопределенны, а зачастую и просто ошибочны. Как правило, он не приводит точных дат, называя лишь время года; иногда, правда, историк указывает положение солнца среди звезд или фазы луны, иногда — церковные праздники. В тех же немногих случаях (во всей „Истории“ их четыре), когда Лев сообщает год, индикт, месяц и число, эти сведения противоречат друг другу, но индикт указан всегда верно.⁵ Не представляется возможным усмотреть в этих противоречиях какую-либо систему; быть может, они зависят от ошибок переписчика, так как в единственном месте, где дата выражена словесно, она правильна. Время (в годах) царствования императоров вычислено также верно во всех случаях. В нескольких местах у Льва встречаются и изолированные календарные даты, т. е. указания чисел месяцев без обозначения индикта или года. Кроме того, Лев часто прерывает рассказ, отклоняется от нити повествования, возвращается назад и не всегда сохраняет даже правильную последовательность в изложении событий. Показательным примером может служить в этом отношении четвертая книга „Истории“, где, несмотря на внешнюю видимость прагматизма, отправление экспедиции в Сицилию, относящееся к 964 г., описано после сообщения о возмущении народа против Никифора Фоки, которое имело место в 967 г., а разрыв с Болгарией и посольство Калокира к Святославу, которые могли произойти не ранее 967 г., передвинуты вплотную к событиям 965 г.⁶

Несмотря на все сказанное, авторитет Льва Диакона в исторической литературе достаточно велик. Его обыкновенно рассматривают как очевидца, подробно, верно и беспристрастно описавшего виденные им события. Так, например, по отзыву Крумбахера, достоверность рассказа Льва „лишь слегка нарушается лояльностью его направления“.⁷

¹ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 145. Один лишь Никифор Фока произносит три больших и несколько кратких речей, составляющих около десятка страниц.

² Например, Leo Diac., p. 6.5—10 и 30.14—19; 32.19—33.1 и 98.15—18; 46.18—47.1 и 94.2—8; 59.8—13 и 96.16—98.2; 107.13—16 и 117.1—6; ср. также G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 106—110.

³ Leo Diac., p. 26.10—11; 31.13—14; 70.3—4; 72.18—19; 81.10—11; 148.1; 176.15.

⁴ Ср., например, сообщение о четырехсоттысячной армии византийцев под Тарсом с известием о десяти тысячах, составлявших правый фланг (p. 56.7—8 и p. 57.23, а также p. 59.6—7) и с тем, что под осажденной Антиохией был оставлен всего лишь полторатысячный отряд (p. 74.17—18); таковы же показания о боевых потерях, всегда непомерно преувеличенные для врагов и крайне преуменьшенные для греков (например, p. 11.3—5, p. 155.8—13 и мн. др.). Из других противоречий можно отметить замечания об ослеплении Льва Фоки (p. 114.15 и 145.14—19) или о судьбе убитый Никифора (p. 91.13—17 и 99.7—9).

⁵ Вот эти случаи: а) воцарение Романа II в ноябре 3 индикта 6467 г. (p. 5.23—6.1), — следует 6468, т. е. 959 г.; б) воцарение Никифора 16 августа 6 индикта 6470 г. (p. 48.5—6), — следует 6471, т. е. 963 г.; в) смерть Никифора Фоки в ночь с 10 на 11 декабря 13 индикта 6478 г. (p. 93.3—7), — дата верна; д) смерть Цимиския 10 января 4 индикта 6485 г. (p. 178.13—14) — следует 6484, т. е. 976 г.

⁶ Leo Diac., p. 64.22—66.13 сл.; p. 61.1—62.12 сл.; ср. также F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen, BZ, Bd. XXXII, 1932, S. 290—291, Anm.

⁷ Ср. Nasii praefatio, p. XXI; А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава против болгар и греков. РИСб, т. VI, кн. 3—4, 1843, стр. 321—322; E. Kunik.

Неудивительно поэтому, что известиям Льва отдают безусловное предпочтение перед сообщениями всех других византийских писателей, распространяя это доверие порой на самые незначительные детали.¹

Между тем, такое отношение, в значительной мере покоящееся на словах самого историка, обещающего писать на основании личных наблюдений или показаний очевидцев,² не выдерживает критики: во-первых, приведенное место является подражанием;³ во-вторых, во время походов Никифора Фоки, относящихся к первой половине 60-х годов и подробно описанных в начале „Истории“, Лев был почти ребенком, а труд его начат не ранее последних месяцев 989 г. (это видно из того, что уже в первых строках „Истории“ говорится о явлении кометы, предвещавшей, по мнению автора, землетрясение; последнее же произошло, по свидетельству ряда источников, в октябре указанного года⁴). С другой стороны, упоминание о Цимисхии как о единственном императоре, победоносно воевавшим в последние годы с болгарами, указывает на составление по крайней мере всей предыдущей части „Истории“ (т. е. первых пяти и половины шестой книги) в годы, предшествовавшие успешным походам Василия II и, во всяком случае, взятию в плен греками болгарского царя Романа в 991 г.; вся остальная часть была завершена вскоре после этого, как можно полагать, — до поражения Самуила на берегах Сперхея весной 996 г.⁵ Действительно, последнее известное Льву событие — восстановление разрушенного землетрясением купола св. Софии — имело место в мае 994 г.⁶

Die Berufung des Schwedischen Rodsen, т. II, СПб., 1845, стр. 445 и 460; В. Г. Васильевский. К истории 976—986 гг., Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 64; Его же. Заметка к статье Н. Ламбина. Труды, т. IV, А., 1930, стр. 3 и 5; К. Иречек. История Болгар, Одесса, 1878, стр. 240, прим. 1; Д. И. Иловайский. Уж. соч., стр. 685; Д. Я. Самоквасов. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-руссов к грекам, ВУИ, 1886, № 6, стр. 27 (отд. оттиск); К. Kumbacher. Уж. соч., стр. 267; Н. Знойко. О посольстве Калокира. ЖМНП, 1907, № 4, стр. 234; М. Грушевский. История України-Руси, т. I, Киев, 1913, стр. 568; Н. П. Благоев. Царь Борис II. ГСУ юф, кн. 25, 1930, стр. 4 (отд. оттиска).

¹ См., например, выводы Е. Белова („Борьба Святослава с Иоанном Цимисхием. ЖМНП, 1873, № 12, стр. 173—174 и 180—184).

² Leo Diaс., р. 4.22—5.4, р. 5.9—14 и 19—22. Именно на эти слова ссылаются, как на доказательство правдивости историка, Н. Ламбин (О годе смерти Святослава. ЗАН, т. XXVIII, кн. 2, 1876, стр. 138—139), Д. И. Багалеи (История Льва Диякона как источник для русской истории. КУИ, т. V, 1878, приб. 1, стр. 2—3), А. А. Липовский (История греко-болгарской борьбы в 10—11 вв. ЖМНП, 1891, № 11, стр. 122), К. Крумбахер (Уж. соч., стр. 267), Н. П. Благоев (Критичен поглед... МП, год, 6, 1930, кн. 1, стр. 25 и 27) и Г. Моравчик (Уж. соч., стр. 137).

³ Это отметил уже Газе, прим., стр. 397—400 и 401—402 (ср. ниже).

⁴ Leo Diaс., р. 4.10—12 и 175.22—23, ср. р. 169.11—13. О времени землетрясения см. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 101—105.

⁵ Leo Diaс., р. 104.17—21. М. Я. Сюзюмов (Уж. соч., стр. 138—139) считает, что весь труд Льва написан до пленения византийцами болгарского царя Романа в 991 г. Однако взятие в плен „номинального“ царя (о чем, кстати, Скилица сообщает совершенно не так, как Яхья Антиохийский), равно как и последовавшие грабительские набеги на Болгарию, не помешали Самуилу в 995—начале 996 г. быстро возвратить утраченные земли и распространить свою власть вплоть до Фермопил. Таким образом, до самой Сперхейской битвы у Льва Диякона были основания для того пессимизма, который чувствуется во всем его сочинении. См. В. Н. Златарски. История на Българията държава, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 682 сл.

⁶ Leo Diaс., р. 176.4—7; ср. текст Яхьи у В. Р. Розена (Император Василий Болгаробойца, СПб., 1883, стр. 26.29—27.1) и замечания Розена (стр. 225—226), а также А. И. Панадопуло-Керамевс. К истории греческих этимологиков. ЖМНП, 1908, № 9, стр. 115. М. Я. Сюзюмов объявляет отмеченное место Льва вставкой, но с его аргументацией трудно согласиться.

Таким образом, исторический труд Льва Диакона составлен около 990—995 гг. под живым впечатлением потрясений, постигших византийское государство в предшествовавшее пятнадцатилетие. При этом „История“ составлена если и не в один прием, то, во всяком случае, и не из современных описанным событиям памятных записей Льва, начатых еще при Цимисхии.¹

Но если личные наблюдения историка относятся, за исключением одного-двух случаев, только к мелким и несущественным фактам,² то приобретает особую важность вопрос об использованных им источниках. Приблизиться к разрешению этого вопроса можно лишь при сравнении известий Льва Диакона с данными других византийских авторов, писавших о тех же событиях.

Таким автором является, прежде всего, Иоанн Скилица, живший в конце XI в. и занимавший высокие придворные должности. Можно предполагать, что и он, подобно Льву, происходил из Фракийской фемы.³ Произведение Скилицы, сохранившееся в нескольких рукописях,⁴ напечатано лишь в старинном латинском переводе иезуита Габия (1570 г.) и представляет собой хронику, обнимающую период от 811 до 1079 г. Эта хроника уже вскоре после появления была почти без всяких изменений включена в другой аналогичный труд — во всемирную хронику Георгия Кедрина. Последняя дошла до нашего времени также в нескольких списках, причем один из них относится к первой половине XII в.⁵

Кедрин был монахом; биография его вовсе неизвестна, а время жизни приходится, вероятно, на конец XI или начало XII в. (в своем предисловии, говоря о Пселле, он опускает слова Скилицы, называвшего его современником).

Кедрин начинает свой „Синописис“ с „сотворения мира“ и переходит от ветхозаветной истории к греческой и римско-византийской, завершая последнюю воцарением Исаака Комнина (т. е. 1057 г.). „Всемирные хроники“ вообще не отличались самостоятельностью, но Кедрин в этом отношении особенно неразборчив: он перепиывает в свой труд чужие произведения почти дословно (еще Скалигер охарактеризовал его сочинение как „stabulum quisquiliarum“).

¹ Так считал G. Wartenberg (Ук. соч., р. 106 и 110—111).

² Лев был очевидцем поражения византийцев в 986 г. (р. 171.1—173.11). Очевидцем выступает он и в следующих местах: р. 64.22 sqq., 72.1 sqq., 165.3 sqq.; с известной долей вероятности — также р. 169.10 sqq. и 175.6 sqq. Совершенно непонятно, каким образом А. А. Куник, обычно внимательный к подробностям, считает, что Лев находился при войске Цимисхия во время войны с Русью (Замечания на „Каспий“ Б. Дорна, СПб., 1875, стр. 637).

³ О жизни Скилицы см. В. Г. Васильевский. Варяго-русская дружина. Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 180, 198, 218; F. Hirsch. Byzantinische Studien, Leipzig, 1876, S. 358—359; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884, стр. XII; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1891, стр. 26; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 365; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 190; N. Jorga. Médaillons d'hist. lit. byz., Byz., II, 1925, р. 275 и сл.

⁴ О рукописях Скилицы см. L. Mabillis. Zwei Wiener Handschriften des Skylitzes, Breslau, 1890, и рецензию П. В. Безобразова на это сочинение (ЖМНП, 1891, № 11, стр. 231 сл.); Ф. И. Успенский. Охридская рукопись Скилицы, ИРАИК, т. IV, вып. 2, 1899, стр. 1 сл.; C. de Boor. Zu Skylitzes, BZ, Bd. XIII, 1904, S. 366 f.; Его же. Weiteres zu Skylitzes, BZ, Bd. XIV, 1905, S. 105 f.

⁵ О рукописях Кедрина см. K. Praechter. Quellenkritische Studien zu Kedrenos, SBAW ph. h. C, 1897, Bd. II, S. 3 f.; K. Schweinburg. Die ursprüngliche Form der Kedrenchronik, BZ, Bd. XXX, 1929—1930, S. 68 f.

Невзирая на то, что сам Кедрин называет среди своих источников Скилицу, его французский издатель А. Фабро считал, будто последний использовал труд Кедрина. Это заблуждение продержалось до второй половины XIX в.¹ На самом деле труд Кедрина почти буквально воспроизводит Скилицу не только от 811 г. и до конца, но и обширное предисловие списано у него же.² Главными источниками Кедрина в той части его сочинения, в которой он независим от Скилицы, являются псевдо-Симеон, Феофан, Георгий Амартол и, наконец, Логофет, которых он использует почти так же дословно.³ Впрочем, при передаче текста Скилицы Кедрин опускает некоторые незначительные подробности (в Боннском издании эти места приводятся в виде сносок), а в последней части вносит отдельные изменения, навеянные и подсказанные, по выражению В. Г. Васильевского, чтением Пселла.

К сожалению, ввиду отсутствия изданного текста хроники Скилицы и засвидетельствованной неточности габиева перевода, не представляется возможным проверить, не вносил ли Кедрин мелких добавлений и при изложении событий X в. Благодаря этому „Синописис“ Кедрина, не являясь самостоятельным источником, сохраняет значение для всей части, совпадающей с хроникой Скилицы, лишь как воспроизведение этой последней и в дальнейшем изложении привлекается только в этом смысле.

Возвращаясь к Скилице, следует отметить, что и его труд представляет собою компиляцию. Однако это произведение выполнено гораздо более внимательно и добросовестно, чем хроника Кедрина. Время его составления определяется следующими соображениями: уже в предисловии Скилица упоминает об истории Пселла, причем именно о второй ее части, написанной, по всей вероятности, в первой половине 70-х годов XI в.;⁴ с другой стороны, судя по тому, что заимствования из истории Атталиата, законченной в конце 1079 или в начале 1080 г., начинаются только с рассказа о правлении Исаака Комнина,⁵ можно считать, что к указанному времени труд Скилицы был уже доведен до времени царствования этого императора. Окончание хроники относится

¹ В последний раз, насколько нам известно, оно встречается у Гфррера (A. Gfrörer. *Byzantinische Geschichten*, Bd. III, Graz, 1877, S. 273, 621 и др.).

² В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 179—180; т. II, вып. 1, стр. 64—65; т. IV, стр. 4; Его же. Обзор трудов по византийской истории, вып. 1, СПб., 1890, стр. 23—24; F. Hirsch. Ук. соч., стр. 356 и 357—376; Ф. И. Успенский. Очерки, стр. 26; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 367, 369; G. Wartenberg. *Leo Diakonos und die Chronisten*. BZ, Bd. VI, 1897, S. 286—287; K. Schweinburg. Ук. соч., стр. 77; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 143.

³ Об источниках Кедрина см. H. Gelzer. *Sextus Julius Africanus*, Bd. II, 1, Leipzig, 1885, S. 280, 357—384; C. de Boor. *Römische Kaisergeschichte in der byzantinischen Fassung*. BZ, Bd. II, 1893, S. 1 f.; K. Praechter. Ук. соч., стр. 105—106; П. Г. Преображенский. Летописное повествование св. Феофана исповедника, Вена, 1912, стр. 19—24, 264 и мн. др.

⁴ Georgius Cedrenus Joannis Scylitzae ope, ab Imm. Bekkero suppletus et emendatus, t. I, Bonn, 1838, p. 4. 23—24, но первые заимствования относятся только ко времени Константина Дуки, например, рассказ о смерти этого императора [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 659.14—660.11 = Psellus (ed. Renauld), t. II, p. 150.25—152.9], об ослеплении Романа Диогена [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 704.16—705.13 = Psellus, t. II, p. 171.20—172.15]. О двух редакциях труда Пселла см. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. III—V и XII—XIII; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 437; J. B. Bury (E. Gibbon. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, v. V, London, 1898, p. 505); Renauld. Ук. соч., стр. XLIX, sq.

⁵ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 637.19—649.22 = Attaleiata (ed. Bonn), p. 59.15—70.13. Ср. В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 333—336, 348—349; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 270.

к царствованию Алексея Комнина, упомянутого в одном беглом замечании уже в качестве императора.¹

Историческому труду Иоанна Скилицы предпослано любопытное и не лишнее значения предисловие. Хронист отмечает, что его предшественники оставили либо слишком сжатые и схематические перечисления событий, либо специальные труды, причем оба эти вида исторических сочинений чересчур тенденциозны и содержат ошибки. Ввиду этого он решился, используя наряду с такими сочинениями и устные рассказы, дать занимательное, беспристрастное и достоверное изложение византийской истории, лишенное внутренних противоречий.² В этом предисловии Скилица приводит и имена использованных им писателей, многие из которых совершенно неизвестны. Затем следует история византийских императоров (по царствованиям), начиная от Михаила I и до Никифора Вотианиата.

В части, совпадающей с „Историей“ Льва Диакона, хроника Скилицы значительно отличается от этой последней. При рассказе об экспедиции Никифора Фоки на Крит в изложении Льва все события сосредоточиваются вокруг осады Кандии, Скилица же сообщает о взятии многих других городов и о последующем отозвании Фоки. Только Скилица приводит имя взятого в плен сарацинского эмира; с другой стороны, только у Льва находим известие о триумфе Никифора.³ По-разному рассказано и о походе Льва Фоки: согласно Льву Диакону, войну начали арабы, согласно Скилице — византийцы.⁴ Вообще во всем рассказе о правлении Романа II Лев интересуется только войнами Фокадов.⁵ В описании событий, происшедших в период между смертью Романа II и провозглашением Никифора, только Иоанн приводит важное известие о возобновлении мира с Болгарией; он же сообщает о мнимой связи Никифора с Феофаном, о мерах Никифора по ограничению церковного землевладения, о финансовых мероприятиях императора и о завоевании Кипра.⁶ По-разному изложено и окончание конфликта императора с патриархом Полиевктом и взятие Антиохии византийцами.⁷ Все повествование о дворцовом заговоре и смерти Никифора также различается многими мелкими подробностями.⁸ В описании Русской войны расхо-

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 738.28—739.1. Мнение о том, будто Скилица составил свою хронику в два приема, сначала до 1057 г. и затем до конца (например, В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 180; I. Seger. Byzantinische Historiker des X und XI Jahrhunderts, München, 1888, S. 39), опровергнуто Н. Скабалановичем (Ук. соч., стр. XII—XIII, текст и прим. 4), где указана и литература вопроса. Ср. также А. v. Gutschmid. Kleine Schriften, Bd. V, Leipzig, 1894, S. 442; F. Hirsch. Ук. соч., стр. 358—359; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 365—366. В последнее время считают, что рассказ о событиях 1057—1079 гг. не принадлежит Скилице, а составлен в качестве продолжения его труда. См. Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 193—194.

² Scylitza (Cedrenus), t. I, p. 3—5, сноска.

³ Leo Diac., p. 7.15—16.23; 24.9—28.12 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 340.8—341.4; 344.10—13, ср. П. Сырку. Византийская повесть об убийстве имп. Никифора Фоки, СПб., 1883, стр. 10—12; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 303—304.

⁴ Ср. Leo Diac., p. 17.7—18.14 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 341.4—15. а также места, сопоставленные Вартенбергом.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 122 и 127.

⁶ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 346.21—347.1; 348.12—18; 368.14—380.16; 381.4; 369.10—16 и 363.19—22. Ср. В. Г. Васильевский. Меры в защиту крестьянского землевладения. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 319—327. Следует отметить, что данные нумизматики не подтверждают показаний Скилицы о финансовых мероприятиях Фоки.

⁷ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 351.14—353.5 и Leo Diac., p. 49.20—50.14. а также Scylitza, p. 364.1—13; 365.5—367.20 и Leo Diac., p. 70.3—12; 72.18—74.23; 81.13—83.1. Ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 24—27.

⁸ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 375.7—378.4 и Leo Diac., p. 83.1—90.11. Подробный анализ см. у П. Сырку (Ук. соч., стр. 47—61); также М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 117—118; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 309—310.

ждения не так заметны, но у каждого из историков имеются все же свои детали. Наконец, Лев Диакон лучше осведомлен о последних годах правления Цимисхия.¹

Таким образом, даже беглое сравнение известий Льва Диакона и Скилицы показывает, что хроника последнего является необходимым дополнением к „Истории“ Льва при изучении времени правления Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, не говоря уже о том, что она представляет собою важный источник для последующих событий.

Однако обещания, данные историком в предисловии к его труду, остались им невыполненными. Скилица не свободен от противоречий и очень часто усваивает противоположные тенденции использованных им источников, что очень затрудняет определение его личных симпатий.² Его труд рассчитан на относительно широкий круг читателей. Как и Льва, Иоанна Скилицу интересуют знамения и чудеса, а главным предметом его повествования являются военные и придворные события; особенно подробно рисует хронист батальные сцены. Длинные речи, в отличие от Льва, он предпочитает излагать своими словами; язык его сравнительно прост, но сух и однообразен (иногда, впрочем, Скилица произвольными сокращениями искажает смысл передаваемых им известий).³ Цифровые его данные заслуживают доверия еще в меньшей степени, чем соответствующие известия Льва: например, число руссов в сражении при Аркадиополе показано в 308 тысяч, в то время как у греков насчитывалось только 12 тысяч, причем руссы, по сообщению хрониста, почти все погибли, а византийские потери исчислялись в 25 человек. Прочие числовые данные также баснословны.⁴

Хронологические показания Скилицы, в общем, гораздо более надежны, хотя среди них попадаются и явно ошибочные.⁵ В занимающей нас части его труда можно указать два различных применявшихся хронистом способа обозначения времени: смерть императоров, как правило, указывается полной и правильной датой, выраженной числом, месяцем, индиктом и годом, согласованными между собой;⁶ прочие события обозначаются чаще всего только индиктами, иногда с указанием месяца и числа, или годами правления, порой — вместе с индиктами. Счет годами правления систематически выдержан только для царствования Никифора Фоки, а в рассказе о правлении Цимисхия содержится вообще чрезвычайно мало хронологических данных.⁷ Уже это позволяет предположить, что для правления Фоки и Цимисхия Скилица пользовался разными

¹ Leo Diac., p. 160.1—163.9; 165.17—166.22; 168.4—10; 176.14—178.22; Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 414.12—415.22.

² Например, о смерти болгарского царя Петра сообщено уже на стр. 347.1, а затем приводится рассказ о его переписке с Фокой, стр. 372.4—7; два различных рассказа приводятся о Скире, стр. 483.4—7 и 487.1—3. Ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 107.

³ Ср., например, Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 666.22—667.1 и Attaleiata (ed. Bonn.), p. 101.18—19.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 384.16—17 и 22; 388.11—13; 398.17—22; 400.12—14 и мн. др. Об этих числах вполне справедливы суждения А. Д. Черткова (Ук. соч., стр. 238, 343—344 и др.).

⁵ А. Липовский. Ук. соч., стр. 121; также Б. А. Прокић. Почетак Самуилове владе. ГСГА, другий разред, т. 64, вып. 40, 1901, стр. 123—124.

⁶ Смерть Константина VII — на 15-м году правления 9 ноября 3 индикта 6468 г. — р. 337.13—14 и 23; смерть Романа II — 15 марта 6 индикта 6471 г. — р. 344.22—345.2; смерть Никифора — в ночь на 11 декабря 13 индикта 6478 г. — р. 375.15—16; исключение представляет неверная дата смерти Цимисхия — р. 415.20—21.

⁷ Кроме одного важного указания, р. 392.21, ср. Н. Ламбьян. Ук. соч., стр. 123 сл.; D. N. Anastasievic. Die chronologischen Angaben des Skylitzes, BZ, Bd. XXXI, 1931, S. 328.

источниками, причем в первом даты приводились по годам правления императора, а во втором, как кажется, вовсе не было точных хронологических данных.

Так как Скилица является для времени Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия сравнительно поздним писателем, а вопрос о его источниках для названного периода был до недавнего времени разрешаем в том смысле, что он использовал сочинение Льва Диакона,¹ то большинство русских и иностранных исследователей предпочитали ему последнего. Однако уже Газе, устанавливая, как ему казалось, почти постоянную и часто дословную зависимость хроники Скилицы от „Истории“ Льва Диакона, отметил, что хронист должен был располагать и другими материалами. Подобные соображения высказывали мимоходом также В. Г. Васильевский и другие ученые,² но только в 1916 г. была напечатана работа М. Я. Сюзюмова, внесшая ясность в этот вопрос.

Прежде всего, можно считать твердо установленным, что при описании периода от 959 до 975 гг. Скилица пользуется, по меньшей мере, двумя источниками. Об этом с несомненностью свидетельствуют приводимые им во многих случаях параллельные рассказы об одних и тех же событиях, но с добавлением некоторых деталей. Эти места резко рознятся и своей тенденцией — благожелательной к Никифору Фоке — в одних случаях, и враждебной — в других.³ Так, например, он приводит два рассказа о воцарении этого императора, а в передаче известий о его гибели колеблется, которой из имевшихся в его распоряжении версий отдать предпочтение.⁴ Сравнение таких повторяющихся мест Скилицы с рассказом Льва Диакона показывает, что те сведения, которые автор излагает в благожелательном тоне по отношению к Фоке, очень близки к сообщениям Льва, чего нельзя сказать об известиях, окрашенных противоположной тенденцией.⁵ Однако невозможно видеть здесь прямое заимствование со стороны хрониста, так как в сходных со Львом местах повествование Скилицы не только более обильно подробностями, — оно яснее и последовательнее. Таков, например, рассказ об убийстве Никифора, подробно проанализированный П. А. Сырку, таково и известие о народном возмущении в цирке, изложенное у Льва Диакона крайне сбивчиво и неясно, и некоторые другие места.⁶

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением Г. Вартенберга,⁷ отрицавшего по внешне-формальным основаниям всякую зависимость

¹ Например, *Hasii praefatio*, p. XXI; В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 3—4; J. B. Bury. Ук. соч., стр. 507; Hirsch. Ук. соч., стр. 374; K. Krumphacher. Ук. соч., стр. 366; В. Н. Златарски. Ук. соч., стр. 602, прим.: 628—629, прим.; 691 и др.

² *Hasii praefatio*, p. XX, прим. p. 397 A—B, 400 C, 401 C, 476 B; В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 198, 218; т. IV, стр. 6—9; Hirsch. Ук. соч., стр. 278, 286, 294 и 298; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 302 sqq.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 107—109.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 345.15 и 346.20; 347.8—348.11 и p. 348.12—18; в первом случае Никифор представлен жертвой происков Вринги, во втором — автор сообщает о давней любви Фоки к Феофану и о его стремлении к власти. Ср. также p. 378.3—4 и p. 441.13.

⁵ Leo Dias., p. 31.13 и 48.10 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 345.15—346.20, 347.8—351.6, также Leo Dias., p. 83.1—96.15 и Scylitza, p. 375.7—380.2. Ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 20—21; 46—61; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 303—316; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 110—120.

⁶ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 375.7—380.2 и Leo Dias., p. 83.1—96.15; П. Сырку. Ук. соч., стр. 46—64; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 309—310; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 111—112, 118. Ср. также Scylitza, p. 370.13—372.2 и Leo Dias., p. 63.13—65.19; нельзя не признать, что Лев совершенно запутывает ход событий.

⁷ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 303, 305, 307, 312, 315, 316—317.

между Львом и Скилицей и противопоставлявшего их рассказы как два различных и независимых повествования. В сходных по содержанию местах Льва Диякона и Иоанна Скилицы наблюдается не только общая близость всего рассказа, но и последовательное сходство каждого предложения, так что отсутствие одних и тех же слов (на чем особенно настаивает Вартенберг) не может служить, — в особенности, если учесть синонимическое богатство греческого языка и различие всего стиля изложения Льва и Скилицы, — решающим доводом в пользу совершенной независимости их друг от друга. Таким образом, хотя упоминаемый Скилицей Лев Азиат (у Кедрина — Лев Кариец) есть скорее всего именно диякон из Калон,¹ каких-либо оснований в пользу непосредственного заимствования Скилицей своего материала из „Истории“ Льва не имеется, если не считать двух буквально выписанных характеристик Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, встречающихся, однако, только в одной рукописи.² Ввиду этого следует принять мнение М. Я. Сюзюмова, что в близких по содержанию и тенденции к хронисту местах и Лев Диякон, подобно своему младшему собрату по перу (и вопреки общепринятому мнению), не является первоисточником, но что оба они имели перед собой труд неизвестного современника событий 959—976 гг.³

Для восстановления, — разумеется, несколько гипотетического, — особенностей и объема этого утраченного произведения, в котором естественнее всего видеть труд исторического характера,⁴ необходимо учесть вообще методы работы Скилицы над его источниками там, где последние известны.

Как было давно доказано, для начальной части хроники Скилица пользуется преимущественно продолжателем Феофана и Генесием. При этом он, подобно всем византийским хронистам, следует по большей части какому-либо одному автору, так что переходы от Генесия к продолжателю Феофана могут быть установлены без особых затруднений, равно как и возвращения к первоначальному источнику.⁵ Однако, переходя попеременно от одного к другому, Скилица порой сокращает обоих, иногда дополняет их подробностями, почерпнутыми из иных, не всегда известных источников, или даже из собственной фантазии. Наряду с этим Скилица, несмотря на стремление придать изложению некоторый прагматизм, не производит коренной переработки своих материалов, а дает лишь очень слабо согласованные между собою извлечения.⁶ Равным образом в последней части хроники, где Скилица пользовался сочинением Атталиата, „Историей“ Пселла, собственными

¹ Scylitza (Cedrenus), t. I, p. 4.33 и Cedrenus, там же, lin. 8. Ср. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 67; Его же. Хроника Логофета, ВВ, т. II, 1895, стр. 135; Fischer. Ук. соч., стр. 376; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 266 и 367, а также возражения М. Я. Сюзюмова (Ук. соч., стр. 112, прим. 3).

² Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 375.5—22 и Leo Diac., p. 48.10—20 и 91.8—13; Scylitza, p. 415.24—25; 416.16—36 и Leo Diac., p. 96.16—98.2; впрочем, Вартенберг (Ук. соч., стр. 287) считает эти места просто читательскими глоссами, что вполне вероятно. Правда, в некоторых случаях изложение хрониста напоминает пересказ соответствующих известий Льва (например, Leo Diac., p. 157.21—159.2 и Scylitza, p. 412.19—413.15), но и здесь нельзя отрицать возможности обобщенного использования одного утраченного первоисточника.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 112—113, 117 и мн. др. Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 137.

⁴ Представляется несколько искусственным мнение Вартенберга, видевшего в рассказах Льва Диякона и Скилицы общий песенный источник (G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 311—312).

⁵ Hirsch. Ук. соч., стр. 362—375; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 367; ср., впрочем, замечания Ф. И. Успенского (Очерки..., стр. 26—28).

⁶ Hirsch. Ук. соч., стр. 364, 368, 370—375.

наблюдениями и каким-то неизвестным источником (по предположению В. Г. Васильевского — хроникой Феодора Севастийского), метод его работы остается прежним.¹

Мало того, приводя выписки из различных сочинений, он не только не проявляет никакого критического чутья, но и воспроизводит выражения, теряющие смысл в его компиляции; он часто повторяется и нередко искажает факты.² И для интересующей нас части хроники Скилицы приемы его работы, естественно, сохраняются без изменений.³ Последнее обстоятельство позволяет на основании анализа рассказов Скилицы и соответствующих им по содержанию и характеру мест Льва составить некоторое представление об их общем источнике.

Этот несохранившийся памятник византийской историографии уже содержал, как можно полагать, кое-какие сведения о правлении Романа Лакапина и Константина Багрянородного,⁴ а со времени Романа II автор его интересуется в особенности тем, что имеет отношение к Никифору Фоке и его родственникам. При описании правления Цимисхия автор касался главным образом войны с Русью, и заканчивался этот труд, по всей вероятности, смертью Цимисхия.⁵ Поскольку это утраченное произведение было проникнуто крайне враждебным настроением по отношению к евноху Василию, всеильному временщику первых лет самостоятельного правления Василия Болгаробойды, а смещение проэдра Василия имело место в 985 г., можно заключить, что оно было составлено вскоре после этого времени;⁶ однако не менее вероятно, впрочем, также и то, что это историческое сочинение было написано несколькими годами ранее и исходило из непосредственного окружения Варды Фоки, фактически занимавшего после подавления в 979 г. мятежа Варды Склира положение неограниченного владыки византийского Востока.

Во всяком случае, если учесть, что в центре внимания общего источника Скилицы и Льва стоит, безусловно, император Никифор и все его окружение,⁷ то можно полагать, что это произведение появилось до подавления мятежа Варды Фоки (т. е. до апреля 989 г.). Трудно сказать, составлялось ли оно по частям, подобно „Истории“ Пселла (как то предполагает Сюзюмов), но весьма возможно, что именно это сочинение (или его начало) могло быть той семейной хроникой Фокадов, следы которой уловлены Гиршем у продолжателя Амартола, а Сюзюмовым — у Яхъи Антиохийского.⁸ Вполне допустимо также, что его неизвестный автор (а не Лев Диакон) был участником и очевидцем войн с Русью.⁹

Вместе с тем в распоряжении Иоанна Скилицы был для периода 959—975 гг. и другой источник, резко враждебный императору

¹ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XIII, текст и прим., стр. XIV—XVII; В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 180 и 333—335; S. Röckl. Studien zu byzantinischen Geschichtsschreibern, BBGSW, XX, 1884, S. 277; XXI, 1885, S. 4 f.

² Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XIV и XVI и приводимые там примеры.

³ Ср. наблюдения М. Я. Сюзюмова (Ук. соч., стр. 132—133).

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 287.5—288.17 и Leo Diac., p. 176.14—124.12; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 373—374; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 120—121.

⁵ П. Сырку. Ук. соч., стр. 7—12; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 122, 124, 127.

⁶ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 414.21—415.22; Leo Diac., p. 176.14—178.16; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 124—126. О времени смещения паракимомена Василия см. Яхъи, изд. В. Р. Розен, ук. соч., стр. 20.12 и примечание Розена, стр. 172—175.

⁷ Эта тенденция еще более сильно выражена в „Истории“ Льва Диакона. Ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 7—11 и 51—54.

⁸ Hirsch. Ук. соч., стр. 50—51; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 123.

⁹ F. Dölger. Ук. соч., стр. 288; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 312; А. А. Куник. Замечания на „Каспий“ Б. Дорна, СПб., 1875, стр. 637.

Никифору. Первые следы его использования заметны также в рассказе о времени Лакапина, а для царствования Константина Багрянородного, Романа II и Никифора Фоки этот источник является главным, уступая свое место только что охарактеризованному труду лишь с момента описания начала борьбы Иоанна Цимисхия со Святославом.¹ Составитель этого также несохранившегося памятника отличался узко церковным мировоззрением. Он относится ко всем событиям и лицам только с клерикальной точки зрения, противопоставляя порой церковные интересы государственным.² Вместе с тем, нет оснований считать этот труд произведением простого монаха: консервативный аристократизм (проявляющийся в возмущении тем, что при Константине Багрянородном высокие государственные посты замещались иногда людьми простого происхождения), а также хорошее образование заставляют скорее предполагать в авторе крупного чиновника, постригшегося после неудачи на служебном поприще, при императоре Константине.³

Это наблюдение позволяет приблизительно установить время составления второго источника Скилицы — скорее всего его можно отнести к первым годам после смерти Цимисхия.⁴ По своему характеру этот утраченный источник мог, конечно, быть, согласно предположению Сюзюмова, продолжением составленной при Романе Лакапине церковной истории, сведения о которой приводит де Боор, но ввиду того, что эта последняя известна по одному заглавию, такое мнение остается недоказуемым.⁵

Использование двух произведений, близких по времени возникновения к описанным в них событиям, совпадающих в значительной части по содержанию и различных по тенденции и подходу к материалу, а также по системе хронологических показаний, делает хронику Иоанна Скилицы важным историческим документом, независимо от того, воспользовался ли Скилица трудами своих неизвестных предшественников или он нашел их уже соединенными в каком-либо тоже не дошедшем до нашего времени труде. Несмотря на обычную для византийских хронистов неряшливость приемов литературной работы, из текста хроники можно получить представление об ее источниках, а сравнение с „Историей“ Льва Диакона показывает, что малопритязательный позднейший хронист (В. Г. Васильевский называет его „добросовестным и почтенным компилятором“) оказался более внимательным, аккуратным и подробным, чем претенциозный современный историк.⁶

Рассмотрение источников Скилицы подводит нас вплотную к вопросу об источниках „Истории“ Льва Диакона. Уже Г. Вартенберг, вопреки мнению подавляющего большинства ученых, которые не сомневались,

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 392.21 сл.; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 372—374; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 128, 132.

² Scylitza (Cedrenus), t. II, 326.20—23; 332.6—335.23; 351.20—352.18, 367.22—370.12; особенно р. 359.20 сл.; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 128—129.

³ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 325.21—326.7; ср. Похвалу Константину Багрянородному за его любовь к наукам, стр. 326.8—20; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 131.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 130. Вряд ли, впрочем, вообще на письменном источнике основан рассказ о наездничестве Филорея [Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 343.3—9]; что касается места о Фокадах (р. 330.3 сл.), то оно скорее восходит к общему со Львом источнику.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 134; см. также C. de Boor. Zur kirchenhistorischen Literatur, BZ, Bd. V, 1896, S. 16 f.

⁶ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 64—68; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 166 и др.; ср. мнение К. Крумбаха (Ук. соч., стр. 366), который, в противоречии с собственным резким отзывом о хронисте, все же вынужден отметить у него и живой интерес к прошлому, и „почти ясное“ понимание цели своего труда, и умение использовать источники, и, наконец, знание запросов своего времени.

что Лев был современником и даже чуть ли не участником событий, высказал — правда, лишь мимоходом и в качестве случайного предположения — мысль, что у Льва был письменный источник, составленный очевидцем.¹ Это предположение оправдалось: как показано выше, М. Я. Сюзюмов не только подтвердил самый факт, но и доказал, что тот же источник был использован и Иоанном Скилицей; он попытался также определить вероятный объем, характер и время составления этого утраченного памятника.

Кроме того, этот же исследователь указал и на другой источник Льва, который, впрочем, был известен и прежде. Еще первый издатель „Истории“ — Газе отметил в своих примечаниях многочисленные заимствования, сделанные Львом из исторического сочинения Агафия Миринейского (VI в.), оставившего описание войн, которые Византия вела в конце царствования императора Юстиниана.² Сюзюмову удалось доказать, что здесь идет речь не о чисто стилистическом подражании или о механическом заимствовании отдельных слов и выражений, как считали Газе и Крумбахер, но о гораздо более глубокой взаимосвязи: Лев Диакон усматривал аналогию между временем Агафия, писавшего свою „Историю“ в 60-х—70-х годах VI в., и византийской современностью X в., когда после побед и завоеваний Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (так же как некогда после успешных походов Велизария и Нарзеса), византийское государство вступило в полосу кризиса.³ Избрав своим руководством „Историю“ Агафия, Лев Диакон следует за ним везде, где для того представляется малейшая возможность. Почти дословно списаны, например, детали обучения войск Никифором Фокой, некоторые эпизоды Критского похода и войны с Русью, а также многие речи;⁴ в предисловии Льва заимствованы от Агафия не только план, но и значительная часть содержания.⁵ Наконец, Агафий служит Льву и образцом для стилистического подражания; его влияние чувствуется и в синтаксисе и в лексике многих мест „Истории“.⁶ Вообще Лев Диакон, как правило, приступая к описанию какого-либо события, „пользовался фактическими данными лишь в самых общих чертах, подробности же обстановки он придумывал сам, стараясь по возможности находить их у Агафия“.⁷ Не приходится говорить, насколько проигрывает при таком способе работы достоверность его труда.

¹ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 302, 313.

² Nasii praefatio, p. XX, также примечания, p. 397 A—B; 400 C; 401 C; 403 B; 409 A; 411 A; 413 A; 415 B и мн. др. Об Агафии и его „Истории“ см. М. В. Левченко. Византийский историк Агафий Миринейский, ВВ, т. III, 1950, стр. 62 сл.; также К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 240—243.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 140; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 228, 241, 267.

⁴ Leo Diac., p. 35.1—36.7 = Agathias (Historici Graeci Minores, ed. L. Dindorfius, v. II, Lipsiae, 1871, p. 178.1—11), ср. Leo Diac., p. 16.18—22 и 17.5—7, также примечание Газе, стр. 448 C; Leo Diac., p. 15.5—16.5 = Agathias, p. 159.5—160.11, причем Leo Diac., p. 15.23—16.2 = Agathias, p. 164.6—12; Leo Diac., p. 26.1—8 = Agathias, p. 156.3—15, ср. примечание Газе, стр. 409 A, 411 A, 419—420; Leo Diac., p. 132.15—134.8 = Agathias, p. 317.6 sqq.; речь Льва Фоки повторяет речь Велизария, ср. Leo Diac., p. 20.13—21.23 = Agathias, p. 376.1—379.21. См. Газе, стр. 417 B; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 142—144.

⁵ Leo Diac., p. 3.1—5 = Agathias, p. 132.1—133.14, в особенности Leo Diac., p. 5.14—22 = Agathias, p. 137.27—32 и 140.7—10; Leo Diac., p. 4.5—5.4 = Agathias, p. 134.18—135.1, после чего оба сообщают, наконец, свое имя и место рождения, Leo Diac., p. 5.4—9 и Agathias, p. 135.31—136.8. См. примечания Газе, стр. 397 AB, 400 C, 401 C; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 140—141.

⁶ Примечания Газе, стр. 403 A, 413 B, 415 B, 416—417 AB и др.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 144.

Отмеченное влияние Агафия сказывается неравномерно в разных частях сочинения Льва; оно наиболее ощутимо в речах и в тех местах, где вкраплены цитаты из Гомера или из библии, где содержатся личные отступления, — т. е. именно там, где авторство Льва Диакона не вызывает сомнений. В местах же, находящихся соответствие в хронике Скилицы, оно менее заметно и сводится только к подражаниям в языке.¹ Однако, несмотря на то, что в первом случае Лев иногда сообщает подробности, опущенные у хрониста,² и вопреки тому, чего можно было бы ожидать от близкого современника событий, его сообщения и в этих случаях сбивчивы и страдают отсутствием ясности; таков, например, рассказ о панике в цирке, свидетелем которой был Лев.³ Иногда ошибки в его рассказе, незамеченные новейшими историками, служили даже основанием для выводов; так, например, Е. А. Белов и М. С. Дринов заключали из явно ошибочного указания Льва Диакона о переброске византийских войск в Европу после битвы Склира с Русью, что греки потерпели поражение у Аркадиополя.⁴ Следует также добавить, что по большей части туманные выражения Льва проистекают не от одной только невнимательности автора и витиеватой напыщенности его речи, как это полагают буржуазные ученые,⁵ но в значительной степени зависят и от политической тенденциозности историка.

Тенденциозность Льва находит свое выражение, во-первых, в непомерном преклонении перед мощью византийского оружия и в самом неумеренном хвастовстве.⁶ Во-вторых, она проявляется в постоянном, настойчивом и назойливом восхвалении, возвеличении и прославлении императора Никифора Фоки. Буквально захлебываясь от верноподданнического восторга, Лев не находит слов для описания его выдающихся военных способностей, храбрости, ума, предусмотрительности и талантов государственного деятеля.⁷ Эта тенденция, особенно ярко выступающая при сопоставлении всех остальных источников,⁸ сплошь и рядом порождает путаницу, что снижает ценность свидетельств „Истории“.⁹

¹ Там же, стр. 145; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 66; ср. примечания Газе, стр. 403 и мн. др.; также К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267; N. Jorga. *Médaillons d'histoire littéraire byzantine*, Byz. II, 1925, p. 242, 267—268.

² Например, о количестве золота, врученном Калокиру для передачи Свято-славу (Leo Dias., p. 63.11), о посольстве Никифора к болгарам (p. 79.13—80.5), ряд деталей в сцене убийства Никифора Фоки (ср. П. Сырку. Ук. соч., стр. 57—61; G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 309—310).

³ Leo Dias., p. 63.13—65.19 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 370.13—372.2; ср. G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 307—308; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 156—157.

⁴ Leo Dias., p. 111.7—8; ср. Е. А. Белов, ЖМНП, 1873, № 12, стр. 173—177; М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. Сочинения, т. I, София, 1909, стр. 469—470 и мн. др.

⁵ *Hasii praefatio*, p. XX; К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 267—268; Н. П. Благоев, МП, год. VI, кн. 1, 1930, стр. 25.

⁶ Например, Leo Dias., p. 80.5—7, также почти все рассказы о сражениях; ср. М. Д. Присекалов. Киевское государство второй половины X в., УЗ АГУ, т. 73, кн. вып. 8, 1941, стр. 243.

⁷ Leo Dias., p. 7.13—14; 10.18—11.3; 29.9—30.2; 31.22—25; 34.2—5; 44.1—7; 48.17—20; 52.15—16; 56.6—7; 61.15—16; 65.15—16; 67.19—68.1; 76.15—21; 78.15—18; 79.4—5; 89.15—90.8. Вряд ли после этого можно говорить о беспристрастии Льва, как это делает Д. И. Багалей (Ук. соч., стр. 2).

⁸ Свод почти всех источников см. у П. Сырку. Ук. соч., стр. 7 сл.

⁹ Так, Лев систематически опускает все подробности, рисующие Никифора Фоку неблагоприятными чертами. Таково, например, сообщение о его кротости при завоевании Крита (p. 26.8—28.2), резко противоречащее показаниям других современников; ср. Theodosii Diaconi de Creta expugnatione acroas, V, verss. 85—114, e recensione F. Jacobii, в Боннском издании Льва Диакона, p. 304—305; Philopatris dialogus, a B. H. Niebuhrio recognitus et repetitus, в том же издании,

Впрочем, и преданность Фоке не является у Льва последовательной и безусловной: придворный диакон и, по всей вероятности, официальный историограф Василия II сумел найти краски и для описания доблестей Иоанна Цимисхия, только что переступившего через труп его возлюбленного монарха;¹ да и другие сильные мира сего, как светские, так и духовные, превращаются под его пером в героев и праведников. Таковы характеристики императора Романа II, болгарского царя Петра, Льва Фоки, Варды Склира, стратопедарха Петра, патрикиев Николая и Никиты, паракимомена Василия, патриархов Полиевкта, Василия и Антония, а также антиохийских патриархов Христофора и Феодора. Утомительное повторение однообразных хвалебных эпитетов сопровождается почти всякое упоминание о перечисленных лицах.² Превознося, таким образом, почти всех поименованных им представителей господствующего класса, Лев гораздо более последователен в своей ненависти к „безумным стремлениям подлой и презренной черни“, всегда готовой, по его мнению, „к расхищению имений, к разорению домов, а порой и к убийству собственных сограждан“.³ Такая позиция, безусловно, не могла не отразиться на всем характере и степени достоверности его труда, рассчитанного на узкий круг высших чиновников, придворных и клира и написанного по прямому поручению правительства.⁴

Официальный — или, точнее, быть может, официозный — характер „Истории“ облегчает нахождение еще одного источника Льва Диакона, использование которого повышает достоверность ряда его сообщений; этим источником являются архивные материалы. В самом деле, сообщая о переговорах между византийскими императорами и иностранными государями и вообще касаясь сношений между политическими деятелями описываемого периода, Лев Диакон не только отмечает всякий раз, что эти переговоры происходили в письменной форме, но и систематически включает в свое изложение отрывки из соответствующих посланий. Таковы письмо Вринги к Цимисхию, Никифора к патриарху Полиевкту, Цимисхия к Святославу, его же, а затем императорского полководца Склира к мятежному Фоке.⁵ Кроме этого, Лев сообщает, не приводя цитат, о посольствах и письмах, отправленных Никифором к африканским сарацинам, им же — к болгарам, и Цимисхием — к Святославу (после падения Преславы).⁶ В пользу документальной достоверности основы всех этих сообщений, несмотря на литературную их обработку в обычном для Льва стиле, говорит, во-первых, то, что в неко-

р. 330.2—11. См. также В. Н. Niebuhr. *Kleine Schriften*, 2-e Sammlung, Bonn, 1843, S. 74; Gfrörer. Ук. соч., Bd. III, S. 66; E. Rohde. *Philopatris*, BZ., Bd. V, 1896, p. 1—2. Весьма показателен также рассказ о воцарении Фоки [Leo Dias., p. 31.13—48.10 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 345.15—346.20, где Лев выпускает, например, обещание Фоки постричься]; таков рассказ о взятии Антиохии (Leo Dias., p. 70.3—14, 72.18—74.23, 81.12—82.24 и Scylitza, p. 364.1—367.20, особенно конец). Об этом см. П. Сырку. Ук. соч., стр. 14—21, 46; М. Я. Сюзюмов, Ук. соч., стр. 152—155.

¹ Leo Dias., p. 97.1—98.2; 99.3—100.12; 127.9—16; также 38.1—2; 50.9—13; 85.7—9.

² Leo Dias., p. 6.5—10; 30.14—19; 78.11; 18.14—21; 107.15—16; 108.22—23; 117.2; 81.20; 107. 17—19; 103.9—11; 66.1; 46.22—23; 94.7; 32.19—33.1; 98.15—99.2; 102.14—16; 163.20—164.2; 164.6—165.2; 100.16—24.

³ Leo Dias., p. 94.21—95.4; ср. также p. 165.15—17; 175.20; 91.13—17; 113.3—9 и весь рассказ о возмущении против Никифора, p. 64.22 сл.

⁴ Ср. W. Fischer. Ук. соч., стр. 358, 372—377.

⁵ Leo Dias., p. 37.23—38.13; 44.22—45.11; 103.11—18; 105.1—107.6; 115.1—116.16; 117.22—119.20 и 126.2—9.

⁶ Leo Dias., p. 75.6—76.15; 79.9—80.5; 138.7—16.

торых случаях историк указывает, через кого были переданы соответствующие письменные известия (например, письмо Никифора к патриарху вез евангелистский епископ Филофей, его же послание к болгарам — патрикий Никифор Эротик и тот же епископ Филофей, письмо Цимисхия к Святославу было передано через пленных), и, во-вторых, то, что в одном из приводимых Львом посланий Цимисхия к Святославу содержится упоминание о прежних византийско-русских договорах.¹ Наконец, следы использования документальных материалов можно уловить и в известиях о количестве золота, полученного Калокиром для передачи Святославу, о численности войск Цимисхия при выступлении в поход против грозного русского князя, а также о числе русских воинов, получивших от греков хлеб при заключении мирного договора с Русью.²

В том, что перечисленные сообщения не восходят к общему со Скилицей источнику, убеждает, с одной стороны, то, что у хрониста все эти сообщения отсутствуют (он упоминает лишь вскользь о факте переговоров Цимисхия со Святославом в начале войны и о заключении после ее окончания мирного договора³), и, с другой — то, что весьма неопределенному известию Скилицы о переговорах Вринги с Цимисхием соответствуют два известия Льва Диакона, в одном из которых лишь отмечается, как и у хрониста, самый факт переговоров и передается краткое их содержание, а в другом, помещенном несколько выше, историк приводит выдержку из послания Вринги к будущему императору.⁴ Таким образом, несмотря на то, что во внешнем оформлении этих материалов Лев является, как всегда, усердным подражателем Агафия, в основании их лежат либо непосредственно виденные историком документы, либо официальный сборник соответствующих материалов, наподобие хорошо известных трудов „О посольствах“ более раннего времени.⁵

Подводя итоги, можно заключить, что труд Льва Диакона остается очень важным (хоть и мало надежным во многих случаях) источником, а сам автор представляется скорее „посредственным историком-подражателем“, чем „самостоятельным современным автором“, чем „одним из наиболее компетентных писателей-историков“ да к тому же еще непосредственным свидетелем и даже участником войны Византии с Русью.⁶

¹ Leo Diac., p. 106.4—12, ср. также p. 144.5—8.

² Leo Diac., p. 63.11; 129.16; 132.17—20; 156.9—13. Пятнадцать кентинариев составляют 108 тыс. солидов; эта сумма не покажется слишком большой, если сравнить ее, например, с тем, что Никифор назначил Афонской лавре ежегодную плату в 240 тыс. солидов; см. F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453*, Bd. I, München, 1924, S. 90—91, № 704—706. Анализ суммы, врученной Калокиру, см. Н. Знойко. О посольстве Калокира, ЖМНП, 1907, № 4, стр. 240—247.

³ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 384.3—6 и 412.1—7.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 347.8—348.6; Leo Diac., p. 38.15—19; ср. также Leo Diac., p. 37.28—38.13.

⁵ Вряд ли можно оспаривать вообще факт всякого использования письменных материалов, основываясь на введении к „Истории“, как это делает Ламбин (Ук. соч., стр. 138—139), так как само введение в такой же мере списано у Агафия, как предисловие Кедрина — у Скилицы. Равным образом, трудно согласиться и с заключением Ламбина, что между Цимисхием и Святославом могло иметь место только одно посольство и будто „грозные напыщенные речи Цимисхия и такие же ответы Святослава одна только риторика, пустозвонство“ (там же, стр. 131, ср. стр. 128—132 и 135—136).

⁶ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 140, 157, 165—166; ср. В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 9; т. II, вып. 1, стр. 64; также Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 331 и указанную выше литературу: стр. 37, прим. 3; стр. 40, прим. 7.

Темный, запутанный и напыщенный стиль изложения соответствует в общем сбивчивости и неясности содержания.¹ Подражание Агафию и мало уместные заимствования из его „Истории“, легковерие, неумеренное хвастовство и значительная доля официозности понижают его ценность как наблюдателя.² Вместе с тем, Лев располагал ценным источником и, как отмечено выше, кое-какими документами. Он дает портреты своих современников, нарисованные, правда, скорее „с полицейской точностью“,³ чем с проникновенностью художника: таковы, например, портреты Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, а также знаменитое изображение Святослава.⁴ Ему известны многие подробности, подтверждаемые другими источниками, — например, о походе и гибели Игоря, о взятии Веррей болгарями и т. п.⁵ Кроме того, Лев сохранил, наряду с не лишенными значения крохами античной учености, и такие детали, которые, помимо его желания, бросают порой яркий свет не только на одни события военной истории и придворной жизни, но и позволяют заметить отдельные моменты острой классовой борьбы в Византийской империи. Таковы сообщения Льва о регулярно повторявшихся возмущениях столичного населения при каждой смене на престоле и о восстании против Никифора Фоки в мае 967 г.⁶

Если, таким образом, можно предположить, что сообщения Льва Диакона и Скилицы в части, касающейся Балканских войн Святослава, восходят к общему утраченному источнику, то следует, проверив это положение, определить, кто из них лучше сохранил именно эти сведения, и, кроме того, выяснить, не располагали ли они оба или один из них дополнительными материалами по истории русско-болгарских отношений изучаемого периода.

Сравнивая рассказы Льва Диакона и Иоанна Скилицы о русско-византийской войне, можно прежде всего отметить, что сведения обоих сходятся в некоторых существенных моментах; при этом известия Скилицы подробнее, последовательнее и яснее показаний Льва. Оба видят причину вмешательства Руси в болгаро-византийские дела в посольстве, отправленном императором Никифором к Святославу после неудачной попытки подчинить себе Болгарию. Рассказ Скилицы проще: Никифор, после того, как Петр, властитель болгар, уклонился от выполнения его

¹ См., например, отзыв А. Л. Бертье-Делагарда. Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС, т. XIV, вып. 1, 1909, стр. 305—306.

² М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 23; М. Д. Приселков, Ук. соч., стр. 243.

³ F. Wilken. Ueber die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. APAW ph-h. K, 1829, S. 124.

⁴ Leo Diac., p. 156.18—157.11. Вряд ли можно видеть в этом описании, верно запечатлевшем облик князя, отраженный в его летописной характеристике, лишь литературное подражание (М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 144 и еще прежде Газе, стр. 488 С). Попытки норманистов усмотреть в этом изображении черты скандинавского происхождения Святослава (напр., Дж. Финлей. История византийской и греческой империи, ч. I, М., 1878, стр. 313) были с достаточной убедительностью разоблачены еще С. А. Геденовым (Варяги и Русь, ч. 1—2, СПб., 1876, стр. 360—365). Не может быть сомнения, что при правильном понимании этого места речь могла бы идти скорее о чертах представителя степных народов (ср. А. И. Соболевский. Рецензия на книгу Л. Нидерле „Жизнь древних славян“, ЖМНП, 1914, № 8, стр. 360—361; В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности, Л., 1924, стр. 90), чем викингов или запорожцев (М. Грушевский. Ук. соч., стр. 458; ср. также А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, М., 1938, стр. 84; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 285).

⁵ Leo Diac., p. 106.4—12, 175.10—11 и др.

⁶ Leo Diac., p. 94.21—95.4 и 98.4—10; p. 46.7—47.8.

требования не пропускать венгров¹ на византийскую территорию, отправляет возведенного в сан патрикия Калокира, сына херсонесского протевона, к русскому князю, побуждая последнего щедрыми обещаниями к войне против болгар. В следующем году руссы совершают нападение на Болгарию и, захватив богатую добычу, возвращаются восвояси, но через год снова выступают в поход.² В рассказе Скилицы заслуживает внимания указание на происхождение Калокира и точная датировка событий тремя последовательными годами правления Никифора.³

В противоположность этому Лев Диакон приводит драматический, но маловероятный рассказ о публичном оскорблении болгарских послов, прибывших в Константинополь за данью, приводит речи Никифора, рассказывает о его походе в Болгарию (которая при этом рисуется такими чертами, как будто византийцы никогда не ступали на почву древней Мезии), о внезапном возвращении императора и об отправлении Калокира к Святославу, а затем переходит к другим событиям.⁴ Лишь после рассказа о волнениях в столице, о Сицилийской экспедиции, о походе Никифора к Антиохии, а также о землетрясении и о затмении солнца, Лев возвращается к Калокиру и сообщает об успехе его миссии, о походе Святослава в Болгарию и о смерти царя Петра. Никифор, узнав об этих событиях, готовит войско, укрепляет столицу и решает заключить союз с болгарам, для чего и направляет туда посольство.⁵

Несмотря на риторичность и сбивчивость этого рассказа, вовсе лишнего каких-либо хронологических указаний, в нем содержатся весьма ценные детали: о количестве золота, врученном Калокиру, о союзе побратимства, заключенном между ним и Святославом,⁶ о количестве русских и болгарских войск, об отступлении последних в Дорогостол,⁷ наконец, о посольстве патрикия Эротика и епископа Филофея к болгарам и об укреплении императором Константинополя. Зато очень важный вопрос о переговорах Калокира со Святославом Лев излагает таким образом, что, согласно его версии, Калокир предлагает русскому князю Болгарию не от имени империи, а от собственного, при условии содействия ему в захвате власти.⁸

¹ Об участии венгров (по терминологии византийских авторов — гуннов или турок) в событиях 968—971 гг. на стороне Руси свидетельствуют и Лев Диакон (р. 108.19) и Скилица (р. 372.6—8, 384.11—17 и 386.3 sq., причем в двух последних случаях наряду с венграми хронист упоминает и печенегов). Вряд ли, однако, здесь может идти речь о чем-нибудь большем, чем о совместных действиях летучих конных отрядов, которые еще до начала русско-византийской войны совершали нападения на византийскую территорию. В этом убеждает, кроме византийских известий, также и свидетельство Лиудприанда (*Liudprandi episcopi Cremonensis Relatio de legatione Constantinopolitana, Opera omnia, ed. III recognovit E. Dümmler, Hannoverae, 1877, p. 155.35—156.6*). Ср. также L. Szalay. *Geschichte Ungarns*, Bd. I, Pest, 1866, S. 41 f.; R. Lüttich. *Ungarnzüge in Europa im X Jh.*, Berlin, 1910, S. 146 f.; В. Н. Златарски. Известие на Ибрахим-ибн-Якуба за България, СБАН, т. XXII, 1922, стр. 67—75.

² Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 372.3—18.

³ См. П. О. Карышковский. О хронологии русско-византийской войны при Святославе, ВВ, т. V, 1952, стр. 130.

⁴ Leo Diac., p. 61.12—63.13; ср. Н. П. Благоев. Ук. соч., стр. 28—31.

⁵ Leo Diac., p. 77.3—80.7.

⁶ Leo Diac., p. 77.23—78.1; ср. М. А. Шангин. Византийские мероприятия по охране границ, ИМ, 1941, № 4, стр. 89—92.

⁷ Leo Diac., p. 78.7—10; ср. П. Мутафчиев. Съдбините на средновековния Дръстр. „Силистра и Добруджа“, кн. I, София, 1927, стр. 135—136.

⁸ Leo Diac., p. 77.4—15 и 79.10—13. У Скилицы (р. 383.17—384.1) этот мотив проявляется лишь позже, после сообщения о смерти Никифора и уже при описании пребывания Святослава в Болгарии.

Таким образом, в этом случае рассказы обоих византийских писателей дополняют друг друга и должны быть использованы оба, причем общий ход событий лучше очерчен в кратком наброске хрониста.

Иоанн Скилица возвращается затем к русско-болгарским событиям уже после гибели Никифора, вслед за рассказом о церковных делах и отношениях с арабами. Он сообщает, что Русь, в нарушение договора, заключенного с Никифором, закрепляется в Болгарии. При этом хронист указывает на происки Калокира, на отклонение предложений, присланных через послов грозному Святославу, и переходит к описанию войны. По его словам, руссы, присоединив к себе болгар, печенегов и венгров, укрепились у Аркадиополя, а византийский военачальник Склир, пользуясь тем, что враги ослабили бдительность, выслал наблюдательный отряд, который столкнулся с печенегами и увлек их в засаду, где они и были разбиты. При этом хронист подробно описывает борьбу с печенегами, притворное бегство ромеев и новое наступление Руси. Затем следует бой основных сил, исход которого решается, по Скилице, поединком Склира со скифским богатырем и подвигами его брата Константина, которые привели к поражению скифов. После этого войско Склира по приказу императора было переброшено в Азию для подавления мятежа Фокадов.¹

Подобно этому и Лев Диакон переходит к продолжению повествования о войне с Русью лишь после рассказа о гибели Никифора и о первых шагах Иоанна. Он подробно рассказывает о посольстве к Святославу, передает слух о жестокости последнего, о неудаче переговоров, о военных приготовлениях греков и, наконец, о самой войне. Здесь, однако, говорится о двух византийских армиях — одной под командой Склира и другой под начальством евнуха Петра. Правда, о действиях последней сообщается лишь немного и, по обыкновению, сбивчиво, неопределенно и неясно.² Но рассказ о Склире в общем сходен с сообщениями Скилицы: здесь есть и засада, и подвиги Варды и его брата, и поражение врагов. После сражения Склир был отозван, а его преемник, Куркуас, не смог воспрепятствовать продвижению врага в Македонскую фему.

И в этом рассказе некоторые детали могут быть установлены лишь путем параллельного изучения данных Скилицы и Льва: первый сообщает, что в авангарде Руси были печенеги, а второй указывает на венгров и болгар; место битвы названо только у первого, но лишь второй сообщает о действиях Петра;³ можно подметить различие и в описании битвы;⁴ наконец, Лев сообщает подробности о посольствах Цимисхия к Святославу, — но, как обычно, не обходится без путаницы в другом важном месте: у него получается, что после победы Склира византийские войска были спешно вызваны в Европу (см. выше). Тем не менее, и здесь необходимо использование обоих авторов.

В третий раз Скилица возвращается к описанию русской войны после рассказа о возмущении Фокадов и его подавлении.

Хронист упоминает о заботах Иоанна Цимисхия по комплектованию и снабжению войска, а затем переходит к изображению военных действий. Сообщив о поступке императора со скифскими лазутчиками, Скилица говорит о его внезапном переходе через Балканы, о сражении

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 383.14—388.19.

² Leo Diac., p. 102.22—103.18; 105.1—111.16, также 126.10—127.9.

³ Leo Diac., p. 107.19—108.9; ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 163—164, с чем нельзя не согласиться.

⁴ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 311.

у Преславы, затем о взятии города, о пленении болгарского царя Бориса и, наконец, о приступе, предпринятом против городской цитадели, где засел последний отряд руссов. Вслед за этим, император, отпраздновав в захваченном городе пасху, выступает против Святослава, укрепившегося в Доростоле. Скилица описывает первую битву под стенами города, датируя ее днем св. Георгия, сообщает о прибытии византийского флота, поднявшегося по Дунаю, и переходит к рассказу об осаде Доростола, во время которой происходит еще несколько сражений; тогда же к Цимисхию прибывают послы из некоторых болгарских городов с изъявлением покорности. В заключение хронист приводит известие о ночной вылазке руссов за провиантом и об установлении тесной блокады города.¹

У Льва Диакона последовательный рассказ о Русской войне начинается с того же, с чего ведет повествование и Иоанн Скилица, но историк еще прежде сообщает, что во время пребывания Склира в Азии руссы успешно воюют против магистра Иоанна Куркуаса.² Приготовления к войне описаны в обычном для Льва напыщенном тоне, а рассказ о походе в Болгарию украшен речами, произнесенными императором и его военачальниками при вступлении в балканские горные проходы. Затем следует рассказ о взятии Преславы и о дальнейших событиях, причем сообщения Льва значительно короче и обильно уснащены словесными украшениями.³

В этом случае можно также указать ряд различий в изложении Льва Диакона и Скилицы. Хронист датирует поход вторым годом правления императора Иоанна, приводит имя друнгария Льва, снаряжавшего византийский флот, сообщает о русских послых или лазутчиках, захваченных греками, а историк — о создании „отряда бессмертных“ и о колебаниях ромеев при вступлении в горные теснины; по-разному рассказывают тот и другой о сражении у Преславы (это отметил уже Газе), причем Скилица ошибочно относит к этому месту речь Святослава к воинам,⁴ а Лев правильно указывает, что русский князь стоял с главными силами у Доростола; Лев знает также имя первого воина, взобравшегося на стены, а Скилица сообщает, что город был взят в течение двух дней.

Об осаде Доростола сведения Скилицы и Льва Диакона снова дополняют друг друга: Иоанн Фракийский точно датирует первое сражение, называет военачальника Феодора, командовавшего передовым отрядом византийцев, рассказывает о ночной вылазке руссов за провиантом, о подчинении болгарских городов Цимисхию; Лев, со своей стороны, подробно сообщает об укреплении византийского лагеря. Различие между ними заметно и в описании сражения, где пал Сфенкел: по Льву, гибель военачальника решила исход битвы, а по Скилице, руссы стали отступать, лишь когда узнали о том, что греки отрезали им возвращение в город. Зато Лев сообщает еще имя Феодора Лалакона, побившего немало врагов своей железной булавой.

Итак, для восстановления хода событий опять-таки необходимо использовать показания обоих авторов.

К повествованию о заключительной части русско-византийской войны Скилица подходит после сообщения о побеге Льва Фоки и о его

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 392.21—403.21.

² Leo Diac., p. 126.10—127.9.

³ Leo Diac., p. 128.1—145.8.

⁴ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 394.7—11, этому противоречит все дальнейшее — см. p. 397.19 sqq.; ср. также Leo Diac., p. 134.10—19.

попытке поднять возмущение против Цимисхия. Скилица рассказывает о гибели Куркуаса, затем о поединке Икмора с Анемой и, наконец, о военном совете руссов и последнем сражении. После этого хронист сообщает о переговорах, заключении мира и свидании Цимисхия со Святославом, а в заключение приводит известие о посольстве уже известного нам епископа Феофила к печенегам и, — несколькими строками ниже, — о гибели русского князя на обратном пути на родину.¹ Лев Диакон излагает события в том же порядке,² но подробно останавливается на похоронных обрядах руссов. Последний бой описан у Льва короче и, как это было отмечено Вартенбергом, одни и те же события изложены в другом порядке: Скилица говорит о начале сражения, о притворном отступлении византийцев, о стычке Феодора Мистейского с руссами, о безуспешном предложении Цимисхия покончить сражение единоборством со Святославом, об обходном движении, порученном Склиру и другим византийским военачальникам, затем о гибели Анемы, наконец, о буре и чудесном вмешательстве св. Феодора, решившем исход битвы. Лев Диакон начинает описание боя с гибели Анемы, которая вызвала отступление греков, рассказывает о переходе последних в атаку под личным предводительством императора, затем о буре и „сверхъестественной“ помощи, ниспосланной грекам, а потом неожиданно сообщает, что руссы были окружены Склиром.³ О предложении единоборства, о намеренном отступлении греков, о том, что маневр Склира был выполнен по указанию императора, Лев не говорит ни слова, но зато отмечает, что Святослав был ранен и едва не пал в бою.

Переходя к описанию дальнейших событий, оба писателя снова расходятся между собою: Лев подробно излагает условия мирного соглашения с Русью; создается даже впечатление, что он имел в своем распоряжении текст договора.⁴ По всей вероятности, показание о числе русских воинов, получивших хлеб при заключении мира, взято из письменных источников: вряд ли Лев имел основания выдумывать, что именно двадцати двум тысячам руссов было выдано ровно по два медимна зерна.⁵ Кроме того, в рассказе о личном свидании Цимисхия со Святославом Лев приводит знаменитое описание наружности русского князя и сообщает, что последний говорил с императором, сидя на скамье в лодке; этот факт имеет не только политическое значение, на что обратил внимание академик Б. Д. Греков,⁶ но и свидетельствует о хорошей осведомленности того источника, откуда Лев почерпнул эту деталь.⁷ Зато Скилица упоминает о посольстве, отправленном Цимисхием к печенегам, что не оставляет сомнения в причастности византийцев к гибели Святослава.

Сравнение известий Льва Диакона и Скилицы о Балканских войнах подтверждает вышеизложенную точку зрения на взаимное отношение этих авторов. Различия в их показаниях не настолько велико, чтобы можно было считать, будто оба писателя являются совершенно незави-

¹ Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 405.3—412.21 и 413.15—19.

² Leo Diac., p. 147.24—159.9.

³ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 313—314.

⁴ М. Д. Приселков. Ук. соч., стр. 244.

⁵ Leo Diac., p. 156.10. Вряд ли можно усматривать в этом месте что-либо большее, чем простое сходство с летописным текстом, говорящим о получении Святославом дани с греков из расчета на 20 тыс. человек; см. Лаврентьевскую летопись, ПСРА, т. I, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926, стр. 70.4—7, также Ипатьевскую летопись, ПСРА, т. II, вып. 1, изд. 3-е, Л., 1923, стр. 58.29—31.

⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 460.

⁷ Leo Diac., p. 157.9—11.

симыми друг от друга (Вартенберг). В то же время, целый ряд деталей, сохраненных только Скилицей, — причем в местах особенно близких к труду его предшественника, — делает неосновательным предположение об использовании хронистом „Истории“ Льва (Газе). Значительное сходство некоторых мест, приводимых у обоих авторов в различном порядке, подтверждает мысль, впервые высказанную М. Я. Сюзюмовым, что в основе их рассказа о болгаро-русских делах лежит один и тот же утерянный первоначальный источник. При этом изложение хрониста в общем последовательнее, отличается наличием хронологических указаний и внушает больше доверия. Тем не менее, путаница встречается и у Скилицы, который опускает некоторые существенные известия, использованные Львом. Наконец, в рассказе последнего заметно влияние архивного материала; на основании которого могли быть даны известия о переговорах Цимисхия со Святославом, о посольстве Цимисхия к Святославу после взятия Преславы, а также о договоре, заключением которого окончилась война.

Отсюда следует, что при изучении истории русско-византийских и русско-болгарских отношений в 60-х—70-х годах X в. только критическое использование известий Льва Диакона и Скилицы и сопоставление их показаний в каждом отдельном случае позволит определить, кому следует отдать предпочтение. Однако для этого необходимо привлечь и соответствующие данные других византийских источников, сохранивших известие о тех же событиях.

Кроме Льва Диакона и Скилицы известие о войне Руси с империей содержится еще в целом ряде византийских хроник. Таковы труды Иоанна Зонары, Константина Манассии, Михаила Глики, так называемый Синописис Сафы и еще несколько других. Из них наиболее подробным и важным является рассказ Зонары.

Иоанн Зонара, бывший, как и Скилица, крупным сановником, жил в первой и начале второй половины XII в.¹ Уже в зрелом возрасте он постригся в монахи и занялся учено-литературной деятельностью. Согласно пожеланиям своих друзей (вероятно, также монахов) Зонара приступил к составлению всемирной хроники. В нескольких местах своего труда он жалуется на отсутствие на острове, где он жил, необходимых для работы книг.² Хроника Зонары обнимает события от „сотворения мира“ до воцарения Иоанна Комнина. Скорее всего его труд был выполнен при этом последнем и являлся первым произведением автора; как и большая часть византийских историков и хронистов, Зонара не считал „полезным и своевременным“ продолжать рассказ о правлении царствующего императора.

Хроника Зонары была одной из популярнейших византийских хроник; текст ее сохранился в многочисленных рукописях, из которых самая

¹ Время жизни Зонары, которое прежде определяли первой четвертью XII в., установлено А. С. Павловым (Замечания на программу издания церковных правил, ЗНУ, т. XVI, 1875, приложение, стр. 4—9; ср. его же. К вопросу хронологическом отношении между Аристином и Зонарой, ЖМНП, 1896, № 1, стр. 173—183). О Зонаре см. Hirsch. Ук. соч., стр. 377 сл.; Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XVII; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 370 сл.; М. Красножен. Толкователи канонического кодекса Восточной церкви, изд. 2-е, Юрьев, 1911, стр. 88—95 и 129 сл.; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 196 сл.; N. Jorga. Ук. соч., стр. 284 сл.

² Joannis Zonarae Epitome historiarum, edidit L. Dindorfius, vol. I, Lipsiae, 1868, p. 5.15—21; 9.9—14, ср. vol. II, p. 399.8—20. Уже Павлов (Замечания, стр. 7, прим. 1) показал, что это остров Св. Гликерии (один из Принцевых островов в Мраморном море); см. также M. Heinemann. Questiones Zonarae, part. I, Lipsiae, 1895, p. 14 sqq.

ранняя относится к концу XIII в.¹ Она начинается с рассказа о шести днях творения, затем следует обычное изложение иудейской и римской истории, после чего идет рассказ о византийских императорах от Аркадия до Алексея Комнина включительно. Изложение в этой последней части довольно равномерное и плавное, отличается церковной окраской. Вообще вся хроника Зонары, как и его церковные сочинения, написаны точным, ясным и в то же время образным языком.

Зонара, судя по его труду, был гораздо более самостоятельным писателем, чем многие византийские хронисты, не говоря уже о таком рабском списывателе, как Кедрин. Правда, в предисловии автор отказывается от всякого согласования противоречивых показаний различных историков и обещает даже сохранять в своем повествовании их манеру изложения и особенности языка.² Однако это правило соблюдается лишь по отношению к древним авторам. Переходя к византийской истории — и чем ближе к концу хроники, тем это заметнее, — Зонара все более и более свободно перелагает труды своих предшественников, сознательно сокращает их рассказы, иногда сравнивает их известия, исправляет ошибки, выражает даже порой недоверие к их сообщениям, а передавая кажущиеся ему невероятными места, прямо ссылается на показания своих источников.³ Изредка Зонара даже перемежает историческое повествование с изложением собственных взглядов: например, в передаче речи императора Юстина II к Тиверию, которую Кедрин, как и следовало ожидать, просто списал у так называемого Льва Грамматика (т. е., собственно говоря, у Симеона Логофета), Зонара высказывает свои взгляды на общественные обязанности государя.⁴

Но все же его сочинение остается почти на всем своем протяжении не более чем добросовестной компиляцией с сильно выраженной церковной тенденцией. Уже в предисловии Зонара объявляет всякую светскую науку делом суетной праздности, а составление своей хроники объясняет неотступным настоянием окружающих и приводит в подтверждение длинные наставления своих друзей. В качестве побудительного мотива к составлению своего труда хронист выставляет также и благочестивое желание занять время и прогнать низменные заботы, а тяжкий грех подобного времяпрепровождения целиком возлагает на тех, кто принуждал его к этому труду.

¹ К концу истекшего столетия было известно 42 рукописи, из них 19 полных и 10 содержащих только византийскую историю; см. В. Г. Васильевский. Обзорение, стр. 135—136; Th. Büttner-Wobst. Studien zur Textgeschichte des Zonaras, BZ. Bd. I, 1892, S. 219 f., U. Ph. Boissevain. Zur handschriftlichen Ueberlieferung des Zonaras, BZ, Bd. IV, 1895, S. 255 f.

² Zonaras, v. I, ed. Lipsiae, p. 5.25—6.6.

³ Например, он исправляет неправильную ссылку Скилицы на „Историю“ Пселлы (Joannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII—XVIII, edidit Th. Büttner-Wobst, v. III, Bonnae, 1897, p. 704.9—13, ср. также p. 507.15—16; 584.6 sqq.; 596.16—597.21; ср. В. Г. Васильевский, Труды, т. II, вып. I, стр. 65, Hirsch. Ук. соч., стр. 380). Ср. его попытки согласовывать противоречия в соборных определениях (М. Красножен. Ук. соч., стр. 145—160).

⁴ Zonaras, v. III, ed. Bonn, p. 178.9—17; ср. Cedrenus, t. I, p. 685.20—686.19 (см. также В. Е. Вальденберг. Речь Юстина II к Тиверию, ИАН ОГН, 1928, № 2, стр. 135—137). Равным образом и в своих толкованиях на соборные определения Зонара сетует, что императорская власть в его время стала тиранической, а значение сената упало (комментарий к 28-му правилу Халкидонского собора, в известном сборнике Рали и Потли, т. II, стр. 282.8 сл.), а также указывает на нарушения императорами церковных правил (там же, стр. 247.11 сл., Комментарий к 12-му правилу того же собора; ср. в хронике т. III, Боннского издания, стр. 505.13—16 и 506.10—19). Вряд ли в этом, впрочем, позволительно видеть что-либо иное, кроме довольно слабой оппозиции удалившегося от дел сановника.

Не касаясь в рамках настоящей работы вопроса об источниках до-византийской части хроники Зонары,¹ следует сказать, что для собственно византийской истории он использовал многие труды. Так, Зонара обнаруживает знакомство с „Историей“ Прокопия, знает хроники Феофана и Георгия Амартола с их продолжениями, а также пользуется и сочинением Скилицы. Вполне вероятно, что он имел в своем распоряжении и некоторые неизвестные произведения.² Для истории XI в. Зонара прибегает к трудам Пселла и Атталиата; наконец, история Алексея Комнина изложена у Зонары совершенно самостоятельно, „здесь он является современником и очевидцем и имеет значение источника первоначального“.³

Для времени Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия повествование Зонары представляет сокращенный пересказ соответствующей части хроники Скилицы, не всегда удачный во всех деталях именно из-за краткости. Зонара передает текст своего источника шаг за шагом, в той же последовательности, сохраняя все существенное содержание рассказа, но опускает многие подробности — имена второстепенных участников событий, точные топографические и географические обозначения и многие хронологические даты — одним словом, все то, что утратило непосредственный интерес для его читателей.⁴ Так как он не является, кроме того, просто переписчиком, а излагает прочитанное своими словами, то у него получаются иногда некоторые неувязки и шероховатости, выясняющиеся при сравнении с соответствующими местами Скилицы. Так, например, Зонара не указывает точного времени смерти Романа II, провозглашения и коронации Никифора и многих других дат, имеющих у его предшественника. Он опускает также подробности сражений и событий придворной жизни, а некоторые известия передает в другом порядке: например, приказ, отданный Цимисхием Варде Склиру, Зонара приводит лишь после сообщения о попытке Льва Фоки к бегству; весь рассказ о последнем, вставленный Скилицей в изложение событий войны с Русью, у Зонары приводится уже после смерти Цимисхия и предваряется особой оговоркой.⁵ При этом хронист не чужд и некоторых риторических приемов; он оживляет рассказ внесением в него вымышленных подробностей или своих замечаний, не имеющих, естественно, документального характера.⁶

Если бы, таким образом, труд Зонары был для периода 959—975 гг. лишь сокращенным пересказом Скилицы (к этому склоняется, повиди-

¹ Об источниках первых 12 книг и поныне не потеряла полностью значения работа Шмидта, перепечатанная из малоизвестного журнала в 6-м томе Лейпцигского издания; ср. также Th. Büttner-Wobst. *Die Abhängigkeit des Zonaras von den erhaltenen Quellen*, Leipzig, 1890; E. Patzig. *Ueber einige Quellen des Zonaras*, BZ., Bd. V, 1896, S. 34 f. Краткий обзор источников указан у К. Крумбаха (Ук. соч., стр. 372—376); ср. дополнения у Моравчика (Ук. соч., стр. 199—200).

² Об источниках собственно византийской истории см. продолжение указанной статьи Патцига, BZ. Bd. VI, 1897, S. 322 f. (до правления Маврикия); P. Sauerbrei. *De fontibus Zonarae*, CPJ, vol. I, 1881, стр. 1 сл. (от Маркиана до Никифора I); Hirsch. Ук. соч., стр. 377—391 (от Михаила I до Романа II); G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 291—302 (правление Никифора Фоки и Цимисхия); Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XVII—XX (от Константина VIII до конца).

³ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XIX. Автор справедливо отвергает мнение Диндорфа, будто Зонара пользовался „Алексиадой“, и показывает, что, наоборот, здесь мы имеем дело со вставкой в текст Анны отрывка из Зонары. На стр. XVIII Скабаланович сводит в примечаниях все места, заимствованные Зонарой у Пселла и Атталиата.

⁴ См. G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 299—300.

⁵ Ср. Zonaras, ed. Bonn, III, p. 525.16—526.2 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 388.14—19, а также Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 538.3—14.

⁶ Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 496.11—13, также p. 485.3—10 и мн. др.

мому, В. Г. Васильевский¹), то он не представлял бы какого-либо интереса для историка. Однако в хронике имеется ряд сообщений, отсутствующих в ее главном источнике и не возбуждающих никаких сомнений в своей достоверности. Эти известия иногда сводятся лишь к незначительным подробностям, как, например, приведенное хронистом прозвище Романа II, но чаще не лишены известного значения. Зонара упоминает — правда, довольно неопределенно — о военной реформе Никифора Фоки, о намерении его оскопить детей Романа II (об этом сообщают также многие западноевропейские и восточные источники), о том, что женитьба Цимисхия на Феодоре произошла по настоянию паракимомена Василия, а также приводит ответ болгарского царя Петра Никифору Фоке.² Наличие этих деталей при общей близости всего рассказа Зонары к повествованию Иоанна Скилицы делает весьма вероятным предположение, что Зонара использовал наряду с хроникой последнего и тот церковно-исторический труд, который был указан выше в качестве одного из источников Скилицы.³ В пользу этого говорит и некоторое усиление клерикальных — и притом именно враждебных Фоке — тенденций у Зонары, вряд ли являющееся результатом стремления хрониста выразить свои собственные воззрения.⁴ Следует указать также, что сведения об этом отрезке времени, заключающиеся в одном источнике Зонары (см. ниже), вообще значительно короче его рассказа об интересующем нас периоде; поэтому отмеченные детали не могли быть заимствованы из этого источника. Таким образом, хроника Иоанна Зонары является, хотя и не первостепенным, но все же существенно важным источником и не может быть оставлена без внимания при изучении русско-византийской войны при Святославе.⁵

Меньшую ценность, чем рассмотренная хроника Зонары, имеют произведения других хронистов. Такова, прежде всего, хроника младшего современника Зонары, Константина Манассии. Автор ее, живший при Иоанне и Мануиле Комнинах, по справедливости может считаться их придворным поэтом.⁶ Манассии принадлежит целый ряд стихотворных и прозаических сочинений, лишенных, по большей части, какого-либо исторического значения. Кроме того, он оставил краткую хронику в 6733-х пятнадцатисложных стихах. Хроника доведена до воцарения

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 4—5 и 7—8.

² Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 493.7—14; 516.6—8; 527.5—7; также 513.3—7.

³ G. Wartenberg. Ук. соч., стр. 291—297; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 133; В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 66; об этом говорят и наблюдения Прехтера (Ук. соч., стр. 45, 77 и др.).

⁴ Например, Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 497.1—3, 500.3; 502.4—5 и др.

⁵ Необходимо отметить, что славянские переводы исторического труда Зонары, выполненные в XIV в. в Сербии, а также краткая редакция славянской хроники Зонары не содержат в интересующей нас части никаких добавлений по сравнению с греческим текстом. Так как славянский перевод Зонары все еще не издан, приходится руководствоваться сообщениями, имеющимися в литературе. Ср. А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, М., 1869, стр. 8—15; V. Jagić. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik, ASPH, Bd. II, 1877, S. 14—17; П. Лавров. Южно-славянская переделка Зонары, ВВ, т. IV, 1897, стр. 452—461; U. Nuzio. Alcune pagine di storia bulgare, „Bessarione“, v. I, 1901, p. 404 сл.; v. II, 1902, p. 221; v. III, 1902, p. 71 сл.; П. О. Потапов. Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе, ИОРЯС, т. XXII, 1918, кн. 2, стр. 140—186. Равным образом не содержит никаких добавлений и та редакция Зонары, которая составляет продолжение славянского перевода хроники Симеона Метафраста и известна под его именем; Симеона Метафраста и Логофета Списание мира от бытия и летоуик, изд. АН, СПб., 1905, стр. 145.28—155.2, ср. Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 490.3—538.14.

⁶ О жизни и литературном наследстве Манассии см. Ф. А. Терновский. Изучение византийской истории в древней Руси, вып. 1, Киев, 1875, стр. 118—121; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 376—379; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 203—204.

Алексея Комнина (1081 г.), истории которого, равно как и его преемников, придворный стихотворец не касается под предлогом того, что они совершили „слишком много великих дел“.

Хроника Манассии носит отпечаток поэтических и риторических увлечений автора. Рассказ ведется напыщенным языком, со многими мифологическими экскурсами и частыми моральными наставлениями. Автор вовсе не интересуется вопросом достоверности своих источников; все его помыслы направлены на соблюдение правил стихосложения и чистоты языка. Даже в последней части он вносит в повествование собственные измышления; вообще во всей хронике содержится немало ошибочных известий.¹

Рассказ Манассии в части, совпадающей с повествованием Льва Диакона, заключен в 279 стихах.² Кратко отметив, что при Романе II правительственные дела находились в руках Вринги, хронист касается семейной жизни императора, затем сообщает о походе на Крит и о войне в Азии; после этого, упомянув о смерти Романа, он переходит к событиям, связанным с воцарением Никифора Фоки. Кроме трескучих и бессодержательных похвал этому последнему, Манассия сообщает лишь самые скудные сведения о его правлении, отмечает скупость Никифора и наступившую при нем дороговизну, затем рассказывает о заговоре против императора и о его убийстве. Наконец, в повествовании о Цимисхии хронист кратко касается его восточных походов и лишь после этого, нарушая всякую последовательность событий, останавливается в нескольких стихах на русской войне, вставляя в свое изложение обычные риторические прикрасы.³ В заключение следует характеристика Цимисхия; все повествование завершается кратким послесловием. Никаких существенных дополнений рассказ Манассии не содержит, если не считать указания на страсть Романа II к охоте, упоминания о триумфе Фоки после Критского похода и ошибочного известия о двукратном взятии Антиохии.⁴

Для выяснения источников отмеченной части хроники Манассии перво-степенное значение имеет опубликованная в конце прошлого века К. Сафой обширная анонимная хроника, охватывающая период „от Адама“ до занятия Константинополя греками при Михаиле Палеологе. Этот труд, обычно называемый Синописисом Сафы,⁵ распадается на две самостоятельные части: первая, после краткого вступления, где неизвестный составитель откровенно указывает на компилятивный характер своего труда и сравнивает себя с украшенной чужими перьями вороной из басни, излагает в обычном порядке события древнееврейской истории; далее от рассказа о Персии автор переходит к Александру, перечисляет эллинистических царей Египта и затем приступает к изложению римской истории, которую доводит до Августа. Здесь составитель снова возвращается к иудейским делам и лишь от Тиберия начинается повествование о римских и византийских императорах, причем довольно обширный рассказ о Константине предваряется особым заголовком. Это повествование обрывается на событиях правления Никифора Вотаниата, за посвященной которому статьей приводится грамота Алексея Ком-

¹ См. перечисление их у Н. Скабалановича (Ук. соч., стр. XXV).

² Constantini Manassis Breviarium Historiae metricum, recognovit Imm. Bekkerus, Bonnae, 1837, verss. 5630—5908, p. 239—251.

³ Manasses, verss. 5888—5896, p. 250.

⁴ Manasses, verss. 5664—5674, p. 241, также verss. 5648—5651, p. 240. Ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 405 сл.

⁵ Иногда автором его называют Федора Скутариота, церковного деятеля времени Михаила Палеолога. Ср. Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 329 сл.

нина, — после нее следует вторая часть. Здесь резко меняется весь стиль изложения, которое становится весьма обстоятельным, исчезают заголовки, отделявшие одно царствование от другого, появляются в значительно большем числе точные хронологические даты: этот характер изложения сохраняется до конца всего текста памятника.¹

Не трудно убедиться, что в первой части, доходящей до 1081 г., Синописис имеет значительную близость с сочинением Зонары, будучи в то же время короче его и приближаясь в этом отношении к хронике Манассии. Вообще не может быть сомнения в существовании связи между стихотворной хроникой последнего и Синописисом, причем речь идет не только об общем сходстве содержания и текста, но и о прямом использовании Синописиса Манассией.² Принимая во внимание разницу во времени составления обеих хроник, следует предположить, что Манассия использовал именно первую часть Синописиса, очевидно существовавшую в виде отдельной хроники и лишь впоследствии включенную в изданный Сафой свод.³ О степени близости между этой анонимной хроникой и трудом Манассии можно судить по тому, что те известия хрониста, которые встречаются только у него, имеются и в первой части Синописиса Сафы, но притом без ошибок, допущенных хронистом. Так, отмеченное выше известие о вторичном взятии Антиохии может быть исправлено на основании Синописиса; равным образом ошибочное сообщение стихотворца о мнимом объединении церквей патриархом Евфимием также отсутствует в Синописисе, несомненно послужившем источником Манассии для всего данного места.⁴

Известия анонимного источника Синописиса Сафы о событиях правления Романа II, Никифора и Цимисхия не отличаются особой обстоятельностью. В рассказе о Романе II упомянуты его полководцы и фактический правитель государства — Вринга, затем говорится о Критском походе Фоки. После этого следует упоминание о письме, посланном Врингой к Цимисхию, о благородном отказе последнего от его соблазнительных предложений и о провозглашении Никифора императором. О правлении последнего говорится очень кратко и вслед за известием о воцарении приводится сообщение о его смерти. Далее помещен абзац, содержание которого важно для установления хронологии событий, а за ним идет столь же сжатый обзор событий правления Цимисхия, причем рассказ о смене патриархов сопровождается снова краткой хронологической справкой. Весь отдел завершается характеристикой Цимисхия. Ни о войне с Болгарией, ни о войне с Русью никаких известий в этом месте не содержится.⁵ Следует, таким образом, полагать, что данные об этих событиях Манассия почерпнул из хроники Зонары, послужив-

¹ Относительно второй части Синописиса К. Сафа выставил совершенно неприемлемое и необоснованное предположение, будто изданный им текст послужил источником Никиты Акомината и Георгия Акрополита (см. введение, стр. 249 и сл. греч. пагинации). На это заблуждение указал (в рецензии на издание Синописиса, BZ, Bd. V, 1896, стр. 183—185, ср. SBAW phhC., 1899, Bd. II, S. 516 сл.) А. Гейзенберг, установивший, что от стр. 188.9 рассказ Синописиса представляет, напротив, переложение Акомината, а затем Акрополита, к тексту которого сделаны не лишние значения добавления. Ср. также рецензию А. Кирпичникова, ВВ, т. II, 1895, стр. 442 сл.

² Рассмотрение этого вопроса см. в указанной выше статье Патцига, BZ, Bd. V, S. 36f.

³ K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 377, 389.

⁴ Anonymi Compendium Historiarum, Bibliotheca Graeca Medii aevi, edidit C. Sathas, vol. VII, Parisiis, 1894, p. 154.14—17 и Manasses, verss. 5666—5674, p. 241; также Anonymi Compendium Historiarum, p. 146.10—147.5 и Manasses, verss. 5379—5403, p. 229—230.

⁵ Anonymi Compendium Historiarum, p. 153.17—157.15.

шей для него главным источником и в дальнейшем изложении,¹ а в качестве дополнения использовал стихотворения византийского поэта X в. Иоанна Геометра.²

Несмотря на отмеченные качества труда Константина Манассии, он пользовался значительным распространением и сам послужил источником для других хроник, большая часть которых не напечатана до настоящего времени. К одной не сохранившейся переработке хроники Манассии, выполненной, как можно полагать, неизвестным духовным лицом вскоре после появления этой последней, восходят так называемые народные хроники, т. е. исторические произведения на новогреческом языке, составленные частично уже в очень позднее время.³

На первом месте среди этих хроник следует поставить напечатанное Э. Муральто второе продолжение хроники Георгия Амартола, охватывающее: по Парижской редакции — период от 948 до 1081 г., по Венецианской — до 1071 г. и по Московской (б. Синодальной библиотеки) — до 1143 г. Последние две редакции не представляют для темы настоящей работы интереса по своей краткости, но и наиболее обширная — Парижская — также не имеет для истории 959—975 гг. значения самостоятельного исторического свидетельства. В самом деле, начиная с конца рассказа о царствовании Романа II, она представляет собой не что иное, как прозаический пересказ на разговорном языке соответствующей части стихотворного труда Манассии или, говоря точнее, его утраченной переработки. Это сходство простирается на все существенное содержание отрывка; составитель продолжения Амартола опускает лишь часть риторических украшений и вводит краткие хронологические справки перед началом каждого правления, а в одном случае просто включает в текст довольно большое извлечение из хроники Зонары.⁴

В полном виде текст указанной народной хроники сохранился в ряде неизданных рукописей, из которых Бернская подробно исследована Прехтером.⁵ Она делится на две части: первая являет собой краткое повествование о событиях от „сотворения мира“ до Диоклетиана, вторая содержит обзор римско-византийской истории от Диоклетиана до Никифора Вотианиата. Начало этой второй части (до правления Юстиниана) заимствовано из хроники Феофана, а дальнейший рассказ ведется по Манассии с привлечением отдельных сообщений из трудов Кедрина и Зонары. Время составления этой народной хроники относится, по всей вероятности, к XV в.; некоторые подробности позволяют предположить, что она была окончена уже после падения Византийской империи.⁶

¹ Hirsch. Ук. соч., стр. 408; ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXV, где тщательно отмечены многочисленные заимствования из Зонары.

² См. П. Сырку. Ук. соч., стр. 97 сл.

³ K. Praechter. Eine vulgärgriechische Paraphrase der Chronik des Manasses, BZ., Bd. IV, 1895, S. 273—274, 299—313; Его же. Zur vulgären Paraphrase des Manasses, BZ., Bd. VII, 1898, S. 588—593; В. М. Истрин. Хронографы в русской литературе, BB., т. V, 1898, стр. 146—152. H. Grégoire. Un continuateur de Manasses. Mél. Schlumberger, II, Paris, 1924, p. 272 сл.

⁴ Georgii Monachi dicti Hamartoli Chronicon etc., edidit de Muralto, SPbg., 1859 (УЗ II отд. АН, кн. 6, 1861), p. 858 sqq. и Manasses, verss. 5666 sqq.; например, рассказ о царствовании Фоки (Hamartoli Continuatio, p. 860.26—864.18 = Manasses, verss. 5732—5870, p. 244—249); рассказ о царствовании Цимисхия (Hamartoli Continuatio, p. 865.9—866.18 = Manasses, verss. 5871—5914, p. 249—251); отрывок о воцарении Цимисхия заимствован у Зонары (Hamartoli Continuatio, p. 864.22—865.8 = Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 520.14—521.12.

⁵ K. Praechter. Eine vulgärgriechische Paraphrase., BZ., Bd. IV, 1895, S. 272—313.

⁶ Во всяком случае, в изданном Муральто продолжении Амартола приводятся турецкие географические названия (p. 888.9); автору неизвестны функции византий-

Что касается Парижской редакции продолжения Амартола, то она имеет ту особенность, что заменяет целые отрывки прямыми извлечениями из хроники Зонары, причем эти последние вставлены чисто механически и нередко повторяют уже содержащиеся выше известия.¹ Сравнительное изучение Парижской и Бернской редакций приводит к выводу, что обе они представляют собой близкие, но самостоятельные переработки утраченной парафразы Манассии: с одной стороны, Парижская редакция вообще ближе к изложению последнего, но с другой, — Бернская сохраняет иногда отдельные выражения, отсутствующие в напечатанном Муральто текст.² Наконец, так называемые экскерпты Плануды и позднейшая хроника, обыкновенно приписываемая Дорофею Монеувасийскому, являются также пересказом, в первом случае — хроники Манассии или ее первой переработки, а во втором — скорее всего, которой-нибудь из упомянутых народных хроник.³

Кроме того, труд „премудрого Манассии летописца“ был широко использован русскими и южнославянскими книжниками при составлении хронографов. При этом в основу был положен, по всей вероятности, не греческий текст, а славянский перевод, сделанный в Болгарии в 30-х годах XIV в. и известный в нескольких списках, самый ранний из которых был выполнен в 1345 г. и хранится в настоящее время в Москве.⁴ Этот славянский перевод имеет особенный интерес, так как он дополнен сообщениями, которые представляют собою как бы краткий набросок истории Болгарии и болгаро-греческих отношений. Указанные дополнения состоят из 26 небольших заметок, помещенных на полях и внизу страниц.⁵ Хотя эти скудные сообщения и не могут заменить утраченных памятников болгарского летописания, остатками которого их обыкновенно считают,⁶ они все же привлекаются иногда в качестве источника для истории южных славян.⁷ Некоторые из этих глосс имеют отношение к Балканским походам Святослава; важнейшая из них гласит: „При сем Никифоре цари пленишу Руси българтскуу земя по дващ в двею лету. Цареви Никифору изведшу Святслава на них“.⁸ Этому известию придают значение при уточнении запутанной

ских должностных лиц (р. 890.31—891.3). Ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXVIII, прим. 6.

¹ Hamartoli Continuatio, p. 880.9—882.4 = Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 653.1—655.11 и 655.13—15; Hamartoli Continuatio, p. 882.6—884.6 = Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 665.18—666.14 и 672.11—674.6.

² K. Praechter. Ук. соч., стр. 299—304.

³ C. de Boor. Römische Kaisergeschichte in der Byzantinischen Fassung, BZ, Bd. II, 1893, S. 202—203; K. Praechter. Ук. соч., стр. 294—295; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 322—323, 377, 400—401; В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 148—149.

⁴ I. Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobulgara, Bucarest, 1922; о рукописях славянских переводов Манассии см. И. Иванов, Български старини из Македония, изд. 2-е, София, 1931, стр. 618—620 и указанную там литературу.

⁵ Эти приписки издавались несколько раз по различным спискам: А. Д. Чертков. О переводе Манассиной летописи на словенский язык, РИСб, т. VI, кн. 1—2, 1843, стр. 39 сл. (по Московскому списку); П. Т. Гудев. Българския ръкопис в Ватикан, СбНУНК, т. VI, 1891, стр. 317—345 (по Ватиканскому списку XIV в.); И. Иванов. Ук. соч., стр. 620—623 (по Хилендарскому списку XVI в.).

⁶ Например, в самое последнее время Н. С. Державин (История Болгарии, т. II, М., 1946, стр. 149) и мн. др.

⁷ Например, В. Н. Златарски. История на Българската държава, т. I, ч. 1, София, 1918, стр. 261, прим.; 408; т. I, ч. 2, 1927, стр. 589—590, прим.; 594, прим.; 714, 726, прим.

⁸ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 114, № 20; П. Т. Гудев. Ук. соч., стр. 340; И. Иванов. Ук. соч., стр. 622.24—26.

хронологии походов Святослава,¹ хотя и без достаточных оснований, ибо, во всяком случае, четыре приписки, относящиеся к этим событиям, заимствованы не из болгарских летописей, а из славянского перевода хроники Зонары в редакции, близкой к той, которая служит продолжением славянского же перевода хроники Логофета.² В этом убеждает, если говорить о первой приписке, кроме словесного сходства, также и то, что она ошибочно относит, следуя Зонаре (повторяющему, впрочем, известия Скилицы), смерть болгарского царя Петра ко времени Романа II.³ Вторая приписка, целиком приведенная выше, а также и третья и четвертая, тоже являются переложениями соответствующих мест Зонары.⁴ Поэтому неправильно утверждение А. Н. Попова, считавшего, что этих болгарских глосс „нет вообще у византийцев“.⁵ (Следует попутно отметить, что и остальные приписки представляют собой также заимствование из Зонары, и отражают не местную болгарскую, а византийскую хронографическую традицию⁶.) Само собой разумеется, что и славянский перевод Манассии, как и его оригинал с зависящими от него греческими хрониками, не является — по крайней мере, для правлений Романа II, Никифора и Иоанна Цимисхия, — сколько-нибудь существенным историческим источником.

К изложению Манассии и связанных с ним хроник, равно как и к произведению Зонары, очень близко повествование о тех же событиях в „Летописи“ Михаила Глики. Биография этого византийского писателя не вполне выяснена и до настоящего времени.⁷ Известно, однако, что он жил в XII в.; в 1158 г. был заточен за участие в каком-то политическом заговоре, и, несмотря на представленный императору Мануилу

¹ Например, А. Ф. Гильфердинг (История сербов и болгар. Собр. соч., т. I, СПб., 1868, стр. 144, текст и примечание 3); А. А. Шахматов (Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 121); В. Н. Златарский (Ук. соч., т. I, ч. 2, стр. 594, прим.) и мн. др. ученые.

² Об этом переводе см. В. Г. Васильевский. Хроника Логофета, ВВ, т. II, 1895, стр. 140 сл.

³ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 112, № 19; П. Т. Гудев. Ук. соч., стр. 339; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 622.20—22, ср. Симеона Метафраста Списание мира, стр. 146.27—32, а также Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 495.7—11; Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 346.21—347.4. О времени смерти царя Петра см. В. Н. Златарский. Ук. соч., т. I, ч. 2, стр. 589—592; также Й. Иванов. Ук. соч., стр. 383 сл.

⁴ А. Д. Чертков. Ук. соч., стр. 114—115, № 20—22; П. Т. Гудев. Ук. соч., стр. 340—341; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 622.24—623.5; ср. Zonaras, ed. Bonn, v. III, p. 513.11 сл. и 535.10 сл.; также Симеон Логофет, стр. 149.26—29 и 154.16—25.

⁵ А. Н. Попов. Ук. соч., стр. 18, 59.

⁶ К таким выводам относительно всех приписок приходит М. Вейнгарт (M. Weingart. Byzantische Chroniken in der literatur kirchenslavischen, т. I—II, Братислава, 1922—1923). Труд Вейнгарта известен мне лишь по рецензии в журнале „Україна“, 1928, № 6(31), стр. 155 сл.

⁷ Византисты XVI—XVIII вв. относили время жизни Глики к XV в.; затем была выдвинута гипотеза о тождестве хрониста с еретиком Михаилом Сикидитом, который был ослеплен при Мануиле Комнине за волшебство. Несмотря на то, что Крумбахер отвергает это отождествление, нельзя отрицать большого сходства в судьбе обоих: и тот, и другой были секретарями императора, оба были ослеплены и занялись после этого теологией (см. К. Krumbacher, Michael Glykas, SBAW, phhC, 1894, Bd. II, S. 443—446). О ереси Сикидита находим сведения у Акомината (Nicetae Choniatae Historiae, ed. Bonn, p. 681.17—685.11) и в опубликованном Ф. И. Успенским отрывке из неизданного богословского сочинения Никиты (Очерки, стр. 238—243), причем многие близкие положения находим в письмах Глики (на это указывает О. Евстратиadis в предисловии к I тому изданных им писем). Объясняя рукописное написание некоторых списков хроники *σικιδιότης* как искаженное *σικιδιότης*, можно скорее прийти к заключению о тождестве обоих Михаилов; ср. E. Kurz, Anzeige von Glyka's Briefe, BZ, Bd. XVII, 1908, S. 170—171.

Комнину сборник пословиц и стихотворные просьбы о помиловании, — наказан ослеплением.¹ После освобождения из тюрьмы Глика впал в бедность. Вероятно в 60-х годах XII в. он составил всемирную хронику или летопись, обращенную к своему сыну.² В старости занимался богословием и оставил ряд писем, адресованных к разным лицам, с подробным толкованием теологических проблем. Время смерти Глики неизвестно.

Летопись или Хроника Глики состоит из четырех частей. В первой он касается истории „сотворения мира“, но сухой библейский рассказ расширяется за счет обширных выписок из „Физиолога“, Элиана и других сочинений этого рода.³ Глика охотно сообщает сведения географического характера, приводит любопытные известия о различных животных, растениях и минералах. Вторая часть, начинающаяся „от Адама“, посвящена обычному рассказу о событиях ветхозаветной истории. Третья обнимает историю Римской империи от Цезаря до Константина и завершается списком императоров до Иоанна Комнина включительно. Последняя часть содержит собственно византийскую историю и заканчивается описанием царствования Алексея Комнина.

Всемирная хроника Глики во многом отличается от других подобных сочинений. Написанная разговорным языком, с большим количеством поговорок и пословиц,⁴ она была рассчитана на самые широкие круги читателей, учитывала их вкусы и имела большой успех. Кроме обширных отступлений в первой части, хроника Глики содержит множество упоминаний о всяких редких явлениях, а также включает большое количество цитат из библии и из произведений авторитетных церковных писателей. Наконец, Глика стремится везде, где только возможно, вывести нравоучение для читателей, а частые личные обращения к последним придают всему изложению своеобразный отпечаток задушевности.⁵ Вообще нельзя не согласиться с мнением Крумбахаера, специально изучавшего жизнь и труды Глики, в том, что этот писатель принадлежал к числу редких в византийской литературе представителей народного направления и должен был обладать немалым мужеством, чтобы выступить против господствовавшего в его время мелочного подражания классическим образцам.⁶

Главным достоинством своего исторического повествования Глика считал краткость. Но именно в силу этого его хроника не представляет по большей части важного исторического документа и содержит много

¹ По довольно вероятному предположению — за участие в заговоре Стипиота, ср. С. Neumann. Griechische Geschichtsschreiber und Geschichtsquellen im XII Jh., Leipzig, 1888, S. 51, Ант. 2. Общие сведения о Глике см. в указанной в предыдущем примечании статье Крумбахаера, также в рецензии В. Г. Васильевского на эту последнюю, ВВ, т. V, 1898, стр. 524—537; новейшую литературу указывает Moravcsik. Ук. соч., стр. 260—261.

² К. Krumbacher. SBAW, phhC, Bd. II, 1894, S. 406—420, но даты 1156 и 1151 гг. подлежат исправлению, см. В. Г. Васильевский, ВВ, т. V, стр. 531—532.

³ К. Krumbacher. SBAW phhC, Bd. II, 1894, S. 393; его же. Geschichte der byzantinischen Literatur. Auflage 2, S. 382; В. Г. Васильевский. Обзорение, стр. 105—106; его же, ВВ, т. V, стр. 525—526.

⁴ К. Krumbacher. SBAW, phhC, Bd. II, 1894, S. 393—394; П. Ернштедт. Заметка к тексту тюремных стихов М. Глика, ЖМНП, 1912, № 5, стр. 221, 230—232.

⁵ Например, Michaelis Glycae Annales, recognovit Imm. Bekkerus, Bonnæ, 1836, p. 25.16—20, 29.2.—31 и мн. др.

⁶ К. Krumbacher. SBAW, phhC, Bd. II, 1894, S. 443; его же. Geschichte, S. 381.

ошибок.¹ Для времени Романа II, Фоки и Цимисхия повествование Глики несколько подробнее рассказа Манассии, но общий характер изложения очень близок к манере стихотворца; оно отличается лишь некоторыми деталями, восходящими к Зонаре и Скилице.² Автор кратко сообщает о правлении Романа II, перечисляет походы Фокадов, рассказывает о происках Вринги и о воцарении Никифора, об отношении последнего к патриарху Полиевкту, о его войнах с арабами, упоминает о дороговизне, приводя заимствованный у Зонары или Скилицы анекдот о старике,³ говорит о взятии Антиохии и, наконец, о гибели императора. В последнем случае хронист, вопреки своему обыкновению, указывает точную дату этого события. Правление Цимисхия изложено еще более кратко: война с Русью рассказана буквально в трех строках и занимает столько же места, сколько и сообщение о появлении кометы,⁴ а затем следует известие о походах императора на Восток и его смерти. Повествование Глики не содержит каких-либо самостоятельных добавлений, разве только продолжительность царствований Никифора и Цимисхия высчитана самим автором.

Источники Глики перечислены им самим в нескольких местах его летописи. Для византийской истории в целом — это хроники Георгия Амартола, Кедрина, Скилицы, Зонары, иногда, как кажется, сочинения Манассии и Пселла.⁵ Говоря о событиях правления Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, Глика использовал в качестве своего главного источника труд Скилицы, хотя отдельные известия его у Глики опущены. Некоторые детали, встречающиеся только у Глики, — лишь результат недостаточного внимания хрониста к использованным им источникам. Это, естественно, лишает хронику Глики всякой ценности при изучении русско-византийской войны 968—971 гг. и всех связанных с нею событий.

Для полноты обзора следует упомянуть еще хронику Иоанна, составленную в середине XIII в. и доведенную до завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. В части, совпадающей с рассказом Льва Диакона, она является только скудной выдержкой из Скилицы: весь рассказ о событиях 959—975 гг. уместен на полтора страницах, а о русско-болгарских делах не содержится вовсе никакого упоминания;⁶ да и вообще, в тех случаях, когда Иоанн вносит свои дополнения, они ошибочны и представляют собой результат неправильной комбинации известий того же Скилицы.⁷

¹ Glycas, p. 3.4—4.3; ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXIV.

² Glycas, p. 563.21—575.19; ср. Hirsch. Ук. соч., стр. 397—403.

³ Glycas, p. 570.12—571.7; ср. Zonaras, ed. Bonn., v. III, p. 515.10—18 и Scylitza (Cedrenus), t. II, p. 374.9—13.

⁴ Glycas, p. 574.9—12, ср. p. 574.14—17.

⁵ К. Krumbacher. Geschichte, S. 383. Долгое время считали, напротив, что Глика был источником Манассии (Hirsch. Ук. соч., p. 406—407; Н. Скабаланович, там же, стр. XXV, прим. 4; К. Крумбахер, SBAW, phhC, 1894, Bd. II, S. 420) и, хотя уже в 1887 г. В. Г. Васильевский указывал, что сходство между ними является скорее следствием „пользования Манассиею со стороны Глики“ (Обозрение трудов по византийской истории, ЖМНП, 1887, № 9, стр. 143), это было доказано на Западе лишь несколько лет спустя (Е. Patzig. Johannes Antiochenus und Johannes Malala, Leipzig, 1892, S. 5) и принято Крумбахером и другими учеными. Непонятно, почему М. А. Шангин (судя, впрочем, только по схеме, см. ИЖ, 1941, № 9, стр. 121) повторяет прежние мнения.

⁶ Joëlis Chronographia, recognovit Im. Bekkerus, Bonnæ, 1836, p. 58.12—59.20; ср. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXV—XXVI; К. Krumbacher. Geschichte, стр. 385; Gy. Moravcsik. Ук. соч., стр. 200.

⁷ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. XXV, прим. 3.

Наконец, сравнительно подробный рассказ о русской войне находим в стихотворной хронике Ефрема. Автор ее ближе неизвестен; скорее всего, он был монахом. Судя по приложенному к хронике списку патриархов, доведенному до Исая (избран в октябре 1323 г., умер в 1334 г.), Ефрем писал в начале второй четверти XIV в.¹ Труд его обнимает в 9564-х ямбических триметрах период от Калигулы до торжественного въезда Михаила Палеолога в отвоеванную у латинян столицу. Начало хроники утрачено; о римских императорах сведения Ефрема обычно очень кратки, но, начиная с Константина, попадаются более обширные статьи.

Периоду Романа II, Фоки и Цимисхия Ефрем посвящает около 130 стихов.² О Романе сообщается только то, что относится к его семейным обстоятельствам, и дается общая характеристика личности императора. О Никифоре рассказ Ефрема более подробен: хронист сообщает о его победах на Востоке (хотя внимание Ефрема привлекают главным образом привезенные в столицу ворота Мопсуэстии и захваченное изображение Христа) и особенно подробно останавливается на антицерковных мероприятиях Фоки, упоминая с возмущением, в частности, о попытке императора добиться канонизации воинов, павших на войне с арабами. После сообщения о гибели Фоки Ефрем описывает воцарение Цимисхия, останавливается на его личных качествах, сообщает о столкновении его с патриархом и затем переходит к описанию Русской войны. Однако здесь Ефрем не приводит ничего существенного, подробно повествуя лишь о „чудесном“ вмешательстве св. Феодора и связанных с этим фантастических деталях.³ Весь рассказ завершается упоминанием восточных походов и смерти императора.

Источником как всей первой половины хроники Ефрема, так и отмеченной части является по преимуществу труд Зонары, откуда заимствован весь конкретный материал повествования. Вероятным представляется также использование стихотворной хроники Манассии, но некоторые могущие показаться оригинальными места в изложении Ефрема сравнительно с Зонарой объясняются невнимательностью стихотворца и лишены какой-либо исторической ценности.⁴

Таким образом, произведение византийской хронографии XII—XIV вв., за исключением одного Зонары, не имеют значения самостоятельных источников как для всего периода 959—975 гг., так, и в особенности, для событий, связанных с Балканскими войнами Святослава, и являются лишь свидетельством длительного сохранения в Византии интереса к героическим походам отважного русского князя. Поэтому использование всех их на равных основаниях, как это имеет место, например, в трудах Г. Шлюмберже, создает лишь обманчивую видимость богатства и обилия привлеченных источников, но ничего не добавляет по существу.⁵ В действительности только „История“ Льва Диякона, хроника Иоанна

¹ Hirsch. Ук. соч., стр. 391—392; K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 390, но приводимые обоими даты избрания и смерти патриарха Исая следует исправить (см. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 651).

² Ephraemius e recognitione Im. Bekkeri, Bonnae, 1840, verss. 2742—2872, p. 120—125.

³ Ephraemius, verss. 2845—2866, p. 124—125.

⁴ Hirsch. Ук. соч., стр. 392—396; Н. Скабала-нович. Ук. соч., стр. XXVII, текст и прим. K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 392.

⁵ G. Schlumberger. Un empereur byzantin au X siècle, Nicéphore Phocas, Paris, 1890, p. 99, 227, 259, 280, 362, 701, 707, 746 и др.; его же. L'épopée Byzantine a la fin du X siècle, I Partie, Paris, 1896, p. 18, п. 20, и мн. др.

Скилицы (доступная лишь в составе Синописа Кедрина или в неточном латинском переводе) и всемирная хроника Иоанна Зонары исчерпывают собой круг греческих нарративных памятников, необходимых для изучения русско-византийской войны 968—971 гг. Наибольшее значение среди них должно принадлежать Скилице, использовавшему, хотя и довольно беспомощно, оба первоначальных источника, и Льву Диакону, который дополняет известия, почерпнутые у одного из них, документальными материалами. Что касается хроники Зонары, то она, несмотря на сравнительно большое количество сведений, важна лишь постольку, поскольку содержит известия, почерпнутые, как можно полагать, из одного источника со Скилицей, но отсутствующие у этого последнего.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВИ — Вопросы истории
 ВУИ — Варшавские Университетские Известия
 ГСКА — Глас Српске Краљевске Академије
 ГСУ юф — Годишник на Софийския Университет, юридичен факултет
 ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
 ЗАН — Записки Императорской Российской Академии Наук по историко-филологическому отделению
 ЗНУ — Записки Новороссийского Университета
 ИАН ОГН — Известия Академии Наук СССР, отделение гуманитарных наук
 ИЖ — Исторический Журнал
 ИМ — Историк-марксист
 ИОРЯС — Известия Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Российской Академии Наук
 ИРАИК — Известия Русского Археологического Института в Константинополе
 КУИ — Известия Университета св. Владимира (Киев)
 МП — Македонский преглед
 ПСРА — Полное Собрание Русских Летописей
 РИСб — Русский Исторический Сборник
 СБАН — Списание на Българската Академия на Науките, клон историко-филологичен и философско-обществен
 СбНУНК — Сборник за Народно Умование, Наука и Книжника
 СлСб — Славянский Сборник
 УЗ II отд. АН — Ученые Записки Второго Отделения Императорской Российской Академии Наук
 УЗ ЛГУ син — Ученые Записки Ленинградского Государственного Университета, серия исторических наук
 АРАW phhK — Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse
 ASPH — Archiv für Slavische Philologie
 BB GSW — Blätter für Bayrische Gymnasialschulwesen
 Byz — Byzantion.
 BZ — Byzantinische Zeitschrift
 CPJ — Commentationes Philolog. Jenenses
 MIOG — Mitteilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung
 SBAW phhC — Sitzungsberichte des Philosophisch-philologischen und historischen Classe der Königlichen Bayrischen Akademie der Wissenschaften
 ΕΕΒΣ — Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν

М. Я. СЮЗЮМОВ

**О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
„ВАСИЛИК“**

В гениальных трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания дано в предельно ясной форме определение надстройки, порождаемой базисом и в то же время активно воздействующей на него. В письме к тов. Крашенинниковой И. В. Сталин указал: „Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения“.¹

Это положение И. В. Сталина заставляет нас по-новому поставить вопрос о юридических памятниках и, в частности, о памятниках римского права. В юридических документах принято было видеть только отражение общественных условий того времени, когда они были изданы. Рескрипты Северов, действительно отражавшие социально-экономические отношения в Римской империи на рубеже II—III вв., использовались историками лишь для характеристики римского общества этого времени; исследователи не считали возможным использовать их для характеристики общества VI и IX—X вв., когда эти рескрипты были включены в состав „Кодекса“ Юстиниана и „Василик“. Между тем эти рескрипты могли сделаться действующими законами VI и IX—X вв. только потому, что они соответствовали материальным интересам господствующих классов и юридическим воззрениям того времени. Войдя в своды действующего права IX—X вв., эти законы направляли деятельность соответствующих юридических учреждений, активно воздействовали на базис, стимулировали или задерживали развитие общественных отношений того времени. Таким образом, труды И. В. Сталина заставляют нас пересмотреть традиционное отношение к „Василикам“, которые прежде исследователи считали простой копией старинных законов, утверждая, что текст „Василик“ (довольно близкий к „Дигестам“) якобы не может служить источником для характеристики общества IX—X вв.

Между тем именно нормы „Василик“, а не „Эклоги“, были действующим правом с конца IX в., по крайней мере в крупных городах Византийской империи. Это мы можем заключить из требований „Книги Эпарха“, из сборника судебных решений XI в. („Пира“), из многочисленных компендиумов и алфавитных справочников, из категорических указаний церковных комментаторов, которые считали действительными только новеллы, включенные в свод „Василик“.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 36.

В ряде купчих грамот XIII—XIV вв. приводятся обязательства продавца не возбуждать дела об аннулировании сделки, причем указывается название именно тех статей „Василик“, на основании которых можно было объявить сделку недействительной.¹ Афонские акты показывают, что римская юридическая теория владения (*possessio*) и собственности (*dominium*) использовалась в спорах сторон.² Все положения „Василик“ об оформлении завещаний, о свидетелях, о легатах в основном соблюдены в афонских актах.

Все это говорит о том, что на „Василики“ следует смотреть не как на некое литературное изложение старинных законов, а как на действовавшее в X в. право. Случаи из юридической практики II—VI вв. послужили как бы юридическим прецедентом, на основании которого действовало право X—XI вв. При этом для исследователя общества X—XI вв. важен не самый прецедент, а те юридические воззрения и установки для судебной практики, которые обосновывались данным прецедентом.

При использовании текста „Василик“ необходимо иметь в виду исключительную сложность обстановки генезиса феодализма в Византии.

После краха рабовладельческого строя, после славянских вторжений в Византию в VI—VII вв. Юстинианов свод законов оказался неприемлемым. Византийская деревня и аграризировавшиеся мелкие города провинции стали развиваться приблизительно по тому же пути, по которому шло развитие Меровингской Франции. Свободный крестьянин-общинник стал основным непосредственным производителем. Дальнейшее развитие деревни шло по линии превращения свободного крестьянина в феодально-зависимого. Этот путь развития отражен в „Земледельческом законе“ и в новеллах X в. Но в Византии осталось несколько городов, значение которых не только не уменьшилось, но даже возросло. Такими городами были Константинополь, Фессалоника, Трапезунд и некоторые другие.

Именно в период глубокого упадка культуры на Западе Константинополь был поставщиком предметов роскоши для церкви и феодальной знати Запада, равно как Фессалоника являлась посредником в торговле между греческим и славянским миром.

Эти города были, по выражению К. Маркса, „крупными эмпориями“, „где, стало быть, производство, так сказать, естественно, рассчитано на меновую стоимость“,³ где элементы натурального хозяйства могли быть минимальными и где товарные отношения преобладали на общем фоне натурально-хозяйственных отношений в провинции.

Эти немногочисленные города-эмпории имели большое население, были крупными центрами потребления, а также и культурными центрами и оказывали мощное влияние на идеологию и характер политических учреждений того времени.

„Эклога“ ни в коем случае не могла бы регулировать отношения внутри крупных городов-эмпорий. Эти города должны были иметь юридические воззрения и нормы права, соответствующие своей экономике. Но для этого константинопольским дельцам X в. нечего было изобретать новое право — они могли воспользоваться готовыми формулами Юстинианова права, ибо оно представляло собой совершеннейшую

¹ L. Petit. Actes de Chilandar. „Византийский Временник“, т. XVII, 1911, прилож., стр. 66, 69, 234.

² F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, München, 1948, № 57.

³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Партиздат, 1940, стр. 48.

форму права, имеющего своей основой частную собственность.¹ Иначе говоря, издание „Василик“ было вызвано потребностями торгово-ремесленной верхушки больших городов-эмпорий, где существовали сложные отношения обязательств, товариществ и кредита. Поэтому мы не можем согласиться ни со взглядами юристов школы Пухта, которые отрицали всякое значение „Василик“, ни с теми историками,² которые в характеристике правовых норм X—XI вв. не считались с данными „Василик“.

Значение „Василик“ не ограничивалось тем, что они являлись действующим правом городов-эмпорий и втянутой в товарные отношения периферии этих городов. Дело в том, что византийским городам-эмпориям не удалось подчинить полностью провинцию, не удалось превратиться в аристократические торговые республики типа Венеции. Поэтому в „Василиках“ учтены не только интересы городов-эмпорий, но и интересы развивающейся по „меровингскому“ образцу фемной знати и интересы высшего чиновничества. Все это сделало „Василики“ документом чрезвычайно сложным, где формулировки старинного юридического прецедента преломлялись через призму противоречивых интересов различных прослоек господствующего класса Византии в эпоху генезиса феодальных отношений.

В настоящей статье мы не ставим перед собою задачи разбора норм действующего права „Василик“ в целом. Нашей целью является освещение вопроса об отношении „Василик“ к различным формам насилия.

И. В. Сталин в своем гениальном труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ предостерегает от ошибочного преувеличения роли внеэкономического принуждения при феодализме. Он пишет: „Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю“.³ Таким образом, И. В. Сталин особо подчеркивает, что основой феодализма является феодальная собственность на землю, вместе с тем указывая на то, что известную роль в укреплении власти феодалов сыграло также и внеэкономическое принуждение.

Само собою разумеется, что законодательство, отражавшее в основном интересы товаропроизводителей в городах-эмпориях, должно было в первую очередь защищать от насилия частную собственность, ибо без ее охраны было бы невозможно накопление. Но также несомненно, что в законодательстве византийского общества X—XI вв., на которые приходится завершающий этап генезиса византийского феодализма, эта „защита собственности“ не могла стать эффективным средством охраны трудовой собственности, не должна была препятствовать хищническим аппетитам ростовщической и торговой аристократии городов и фемной военно-землевладельческой знати.

Наше исследование мы начнем с анализа отношения „Василик“ к сделкам и соглашениям, заключенным под давлением насилия.

Подобные сделки могли быть заключены под страхом перед незаконными действиями чиновников, угрожавших использовать свою власть, чтобы заставить богатого собственника заключить невыгодную сделку.

¹ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 97.

² В настоящее время А. П. Каждан отрицает всякое значение „Василик“ как источника для X—XI вв. (Рабы и мистия в Византии в IX—XI вв. „Ученые записки Тульского пединститута“, вып. 2, 1951).

³ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

Однако законодательство города-эмпории должно было встать на защиту собственника против превышения власти чиновников.

Но, с другой стороны, в византийском обществе X—XI вв. грабеж мелких свободных собственников проходил под „благовидной“ формой „законного“ соглашения терроризованного бедняка с влиятельным соседом — вельможей. Поэтому в интересах господствующего класса было придать таким сделкам некоторое формальное обоснование, помешать протесту ограбленных бедняков.

В Юстиниановом праве статьи, рассматривающие вопрос о насилии при заключении сделок, сосредоточены в Cod. II, 20: De his, quae vi metusve causa gesta sunt (о том, что было совершено под воздействием насилия или угрозы). В титуле приведено 12 решений императоров III—V вв. по случаям судебной практики.

Соответствующие статьи помещены также в Dig. IV, 2: Quod metus causa gestum erit (что будет сделано под воздействием угрозы). Титул состоит из фрагментов сочинений юристов II и начала III вв., главным образом Ульпиана, Павла и отчасти Гая.

В „Василиках“ данная тема разбирается в очень пространным титуле (Basil. X, 2), который имеет заглавие *ὑπερ φόβου χάριν πραττόμενον εἶη*, т. е. „о сделках, заключенных под воздействием угрозы“. 23 статьи этого титула заимствованы из Dig. IV, 2, а 12 — из Cod. II, 20.

Основное положение закона:

1. Сделка, заключенная под воздействием угрозы, не имеет законной силы (*τὸ κατὰ φόβον γινόμενον οὐκ ἔρρωται*).

2. Под насилием понимается применение мощного воздействия, противостоять которому нет возможности (*βία δὲ ἐστὶ μεγάλην πράγματός ἐπέλευσις, ἣν οὐ δυνατόν ἀποδείσθαι*).

В качестве образца сделки, совершенной под воздействием угрозы, приводится следующий пример: человек, задолжавший 40 номисм, был запуган и дал обязательство уплатить триста номисм. Суд присуждает насильника выплатить пострадавшему в четверном размере.¹

Бросается в глаза необычная для „Василик“ краткость передачи текста „Дигест“. Наоборот, статьи „Кодекса“ приведены в необычной для „Василик“ распространенной форме.

Лаконичные резолюции римских императоров переданы в картинном изложении, в виде небольших рассказов, причем везде употребляется слово *βασιλεὺς*, словно речь шла о византийской практике.

При ближайшем ознакомлении с содержанием этих статей можно видеть, что они посвящены не столько мерам по обузданию тех, кто осуществляет насилие, сколько защите тех, против кого был вчинен иск *quod metus causa* (из 12 статей 8 отвергают жалобы обиженных). Таким образом, правильнее было бы назвать этот титул: „Против тех, кто жалуется на насилие“.

Приведем вкратце содержание некоторых статей.

Некий проситель (ст. 25) пожаловался императору, что он под воздействием насилия принял на себя обязательство (*ἐπρωτόγη κατὰ βίαν*) и потом выполнил его; он просил теперь, чтобы ему вернули деньги, как исторгнутые путем насилия. Император отверг иск, аргументируя тем, что проситель, насилием принужденный дать обязательство, не должен был его выполнять.

Аргументация императора несостоятельна: ведь если могущественное лицо могло силой заставить дать обязательство, то неужели оно не

¹ Basil. X. 2.14, 14 (из Dig. IV, 2.14, 14).

может силой заставить и выполнить обязательство? Ответ императора явно защищает насильника.

Пожаловался проситель (ст. 29) царю, что он продал сенатору (συγκλητικῷ τινι) некоторое имущество; по его словам, продажа была вынужденная, причем мотивировал он это разницей в положении простого человека (ιδιώτης) и сенатора (συγκλητικός). Император отклонил жалобу, считая мотивировку недостаточной.

Необходимо заметить, что несколько десятилетий спустя, когда наступление династов на свободное крестьянское землевладение затронуло интересы константинопольской знати, подобный вывод (разница в положении контрагентов) считался вполне достаточным для аннулирования сделки. Совершенно ясно, что династ-сенатор имел возможность принудить бедняка к заключению невыгодной для последнего сделки, ибо отказ от сделки, предложенной сильным и влиятельным человеком, мог повлечь за собой неприятные последствия.

Некто пожаловался императору (ст. 31), что продал сад и дом протевону города (πρωτεύων τῆς πόλεως). Он заявил, что эта продажа была совершена под воздействием угрозы, так как протевон мог назначить его на общественные повинности (λειτούργηματα πολιτικά). Жалобщик просил императора аннулировать сделку и заставить покупателя вернуть ему дом и сад. Император отклонил просьбу, считая, что попытка спастись от общественной повинности незаконна и не может быть выставлена как аргумент в пользу истца.

Кто же такой этот протевон? В Cod. II, 20.8 (откуда заимствована данная статья) нет латинского термина, обозначающего положение покупателя и соответствующего πρωτεύων „Василик“. Очевидно, πρωτεύων τῆς πόλεως данной статьи — это не архонт, а знатный горожанин, который наряжал население на выполнение civilia munera, общественных повинностей.

Из речей Либания мы узнаем, в каких ужасных условиях приходилось отбывать эти „общественные повинности“. Трудно представить, что эти условия изменились к лучшему за время с IV по X в. Понятно, что простые горожане, желая спастись от повинностей, нередко соглашались на невыгодные сделки.

„Василики“, отказываясь признавать в таких случаях иск quod metus causa, фактически стоят на защите интересов насильника.

Некто пожаловался (ст. 32) на то, что угрозами его принудили заключить соглашение: „Он много кричал на меня или заставил других кричать (κράζας πολλά κατ' ἐμοῦ ἢ καὶ ποιήσας καὶ ἑτέρους τινὰς κράζει)“. Царь отклонил просьбу, заявляя, что одни крики и угрозы не есть достаточная причина страха, что необходимо выставить более серьезные основания, чтобы доказать незаконность сделки. Подобным же образом в ст. 33 рассматриваются случаи, когда некоторые лица, боясь, что против них будет возбуждено судебное преследование, или желая, чтобы противник прекратил судебное дело, заключали те или иные сделки и позднее просили аннулировать эти сделки, как совершенные под воздействием угроз. Согласно закону, эти сделки не могли считаться вынужденными.

В ст. 21 указывается, что если договор заключен под угрозой какого-либо разоблачения, пострадавший не может жаловаться (например, вольноотпущенник, которому грозили разоблачением его непочтительного отношения к патрону) — в данном случае „не имеет места иск по статье «под воздействием угрозы», так как он сам причина своего страха“ (οὐ χώρα τῇ διὰ τὸν φόβον αἰτία, αὐτὸς γὰρ ἐαυτῷ τὸν φόβον ἐπήγαγεν).

Эта статья давала простор для разного рода вымогательств у вольноотпущенников, ибо именно они по большей части занимались мелкой торговлей и ремеслом.

Мы видим, что законодательство оставляло много лазеек для того, чтобы знать имела возможность путем насилия заставить мелких собственников заключать невыгодные для себя сделки.

Для уточнения того, что понималось под термином „сделка под воздействием угрозы“, в Basil. X, 2.30 (из Cod. II, 20.7) перечислялись условия, дававшие возможность требовать аннулирования продажи, обязательства, перевода имущества и других сделок. Только угрозы физических мучений или осуждения на смертную казнь могли служить достаточными основаниями для возбуждения дела.

Ст. 22 предусматривала случай, когда контрагента заключили в тюрьму в целях запугивания: „Если кто-нибудь заключит другого в тюрьму и заставит заключить сделку, последняя не будет иметь силы“.

Таким образом, только тогда, когда обиженный мог доказать, что ему угрожала смерть, физические муки или же, когда его бросали в тюрьму, чтобы вынудить заключить сделку, — только в этих случаях он мог возбуждать иск φόβου χάριν. Иначе говоря, „Василики“ воспрещали только такие формы давления, которые нарушали общий строй торговой жизни города.

Необходимо отметить еще одну меру, якобы предупреждающую вынужденные сделки. В ряде законодательных постановлений заключалось строгое запрещение архонтам (по „Василикам“ — ἄρχοντες, по „Кодексу“ — quicumque administrationem gerunt) приобретать во время отправления должности движимое и недвижимое имущество. Согласно „Эпанагоге“, ¹ ὁ κρατὼν ἐφεσίχων ἐν ἐπαρχίᾳ οὐ δύναται ἀκίνητον ἢ κίνητον ἀγοράζειν ἐν αὐτῇ, εἰ μὴ παρὰ τοῦ δημοσίου, — т. е. лицо, отправляющее должность в провинции, не может покупать ни движимого, ни недвижимого имущества. Разрешалось покупать имущество только через казну (очевидно имелась в виду покупка конфискованных угодий и запущенных земель, перешедших в казну), так как при покупке у казны не могло быть совершено насильственной сделки. Совершенно очевидно, что законодательство считало всякую сделку, совершенную чиновником в управляемой им области, насильственной. Но в законах об иске φόβου χάριν это обстоятельство не признавалось достаточным мотивом.

Запреты должностным лицам совершать сделки повторяются в законах многократно, причем для константинопольских чиновников эти запреты были не столь строги, как для фемных: в столице архонты могли приобретать имущество с разрешения императора, а после сложения с себя должности могли принимать дарения, тогда как в провинции дарственные в пользу бывшего архонта даже по прошествии 5 лет после сложения им должности считались недействительными.² В данном случае мы имеем дело не столько с заботой об ограждении населения от вынужденных сделок, сколько со стремлением не допустить превращения городской знати в поместную.

Лев VI оставил в силе запрет правителям провинций (стратигам) приобретать имущество в управляемой провинции. Рядовым архонтам провинций он разрешил совершать сделки, но только с согласия

¹ Изд. С. Е. Zachariae von Lingenthal. Collectio librorum juris graecoromani ineditorum, Lipsiae, 1852, XXIII, 18—19.

² Basil, IV, 3.51 (из Cod. I, 53, 1).

страти́га, тогда как для всех архонтов Константинополя 84 новеллой¹ все ограничения в купле имущества в городе были сняты. В качестве аргументов в пользу издания этого постановления законодатель выставлял следующие мотивы: старинные постановления имели целью оградить население от возможного насилия со стороны властей. Однако, к чему этот запрет, раз в столице, „всякий, бедный и богатый, может пожаловаться на насилие и получить от императора защиту?“ Таким образом, византийское законодательство конца IX в. поощряло захваты чиновничества.

Интересно отметить, что знатные лица не могли применять иск φόρου χάριν. В Basil. X, 2, 23 мы читаем: „Не следует в городе верить знатному человеку, если он, заплатив долг, заявит, что он это сделал под принуждением: ведь он мог пожаловаться архонту и предупредить насилие (ἐν πόλει καταβαλὼν ἄξιωματικός οὐ πιστεύεται λέγων βιαίως μὴ χρεώσ-
τουμένου δέδοκέναι—ἡδυνάτο γὰρ ἀρχόντι προσελθεῖν εἰς τὸ κολύσαι τὴν βίαν)“.

На первый взгляд этот закон кажется вполне справедливым: как можно застрашать вельможу? (если не путем угрозы разоблачений, что под закон φόρου χάριν не подпадает). Однако вельможа мог быть принужден угрозами народа совершить какой-либо акт против воли. Такие факты безусловно были. Значит ли, что вельможа, ἄξιωματικός, вообще не имел права жаловаться на „насилие“, как это утверждают Basil. X, 2, 23? Оказывается, что знатный мог жаловаться, но не по статье φόρου χάριν, а по более суровому закону—Lex Julia de vi.

Перейдем к разбору статей, относящихся частично или полностью к случаям прямого физического насилия, совершенного без прикрытия какими-либо „благовидными“ предлогами. Подобные случаи рассматривались в Dig. XLVIII, 16 (ad legem Juliam de vi privata), Dig. XLVIII, 6 (ad legem Juliam de vi publica). [оба эти титула соединялись в Cod. IX, 12], Dig. XLIII, 16 (de vi et de vi armata), Cod. VIII, 4 (unde vi), Institutiones 4, 2—Cod. IX, 33, Dig. XLVII, 8 (vi bonorum raptorum), Dig. ALI, 3 (de usurpationibus), Dig. XLIII, 17 Cod. VIII, 6 (uti possidetis), Dig. XLIII, 31 (de utrobi), Cod. VIII, 5, Dig. XLIII, 16 (si per vim perturbata sit possessio).

В „Василиках“ эти статьи сосредоточены в разных местах: Basil. L, 3 (περί καταχρήσεων), Basil. LVIII, 17 (περί βιαιῶς πραγμάτων ἀρπαγέντων, καὶ περί ὀχλαγωγίας καὶ περί βίας ἐνόπλου), Basil. LX, 18—(ἐκ τοῦ νόμου τοῦ Ἰουλίου περί βίας δημοσίας καὶ ιδιωτικῆς). 60-я книга дошла со всеми схолиями полностью, поэтому при ее разборе мы можем пользоваться подробными разъяснениями византийских комментаторов.

В титулах 17 и 18 самым аккуратным образом выписаны все статьи „Дигест“, рассматривающие вопросы о насилии, с многочисленными и подробными схолиями, предусматривающими мельчайшие детали. Схолии подробно комментируют постановления „Дигест“, вошедшие в „Василики“, причем прежде всего разбирается вопрос, под какой закон попадает данная форма насилия.

В этих титулах рассматриваются случаи насильственного захвата земельного участка. Насильственный захват деревянного дома квалифицируется иначе, чем захват каменного (Basil. LX, 17, 7, sch. 12); особо квалифицируется захват корабля или коляски, присвоение имущества в захваченном доме или вне его; особо рассматриваются захваты при помощи толпы вооруженной или невооруженной, специально созванной или собравшейся произвольно.

¹ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, v. III. Lipsiae, 1857.

„Василики“ строго запрещают акты насилия, совершаемые вельможами. Случаи осуществления насилия со стороны влиятельных лиц при помощи вооруженных рабов или зависимых людей были, очевидно, нередки. В проповедях и в сочинениях историков нередко рассказывается о захвате „сильными“ людьми у „слабых“ домов, участков земли, проастиев. Этот захват осуществлялся, разумеется, через подосланных зависимых лиц. В „Василиках“ эти случаи рассматриваются в особом титуле (Basil. LX, 17).

В схолии 5 предусматривается случай, когда кто-нибудь соберет людей, рабов или свободных, безоружных или вооруженных (Basil. LX, 17.2, sch. 5). Очевидно речь идет о насилии со стороны вельмож при помощи вооруженных или невооруженных рабов или наемных лиц. Примеры судебных процессов, возбужденных в связи с подобными актами насилия, приводятся в „Пире“.

Однако в этих законах и судебных процессах нельзя видеть стремление защитить слабого и бедного от сильного. В отдельных случаях насилие угрожало не только мелкому собственнику, но и государственной власти, т. е. интересам господствующего класса в целом.

Только насильственные действия, совершенные через посредство вооруженных или невооруженных подчиненных людей, подпадали под закон Юлия о насилии общественном и частном — *Lex Julia de vi publica et privata* (Basil. LX, 18). При этом действие народной толпы рассматривалось как опасное преступление, тогда как совершенное один-на-один принуждение со стороны могущественного соседа квалифицировалось значительно мягче.

Анонимный схолиаст к Basil. LX, 18.5 прибавляет: „Надлежит знать, что в том случае, когда кого-либо толпа — вооруженная или безоружная — принуждает действовать против воли, надлежит возбудить дело *περί βίας* (*Lex Julia de vi* и *metus causa*). Если же кто-либо один-на-один будет вынуждаем к этому (*ἀπαιτηθῆναι*) динамом или лицом, обещанным властью, то имеет место только иск *metus causa*.“

По закону каждый мог защищаться; против насильника можно было применить силу, против вооруженного нападения — оружие. „Надлежит силу отражать силой, оружие оружием!“ (*ἑστῶτι βίᾳ τῇ βίᾳ ἀποδείσθαι καὶ ὅπλα ὅπλοις*).¹ Этот вывод несколько странно звучит, если принять во внимание, что согласно Basil. LX, 18.1, по закону „Об общественном насилии“ (*περί βίας δημοσείας*) должен был отвечать тот, кто имеет оружие или в своем доме, или на своем участке земли или в имении (*ἐν τῷ χωρίῳ*). Ст. 2 уточняла это постановление: оружие могли иметь лишь для охоты, или путешественники, мореплаватели, торговцы, а также те, кто получили оружие по наследству. Таким образом, знать и богатые торговцы имели право хранить оружие и, следовательно, отражать насилие с оружием в руках. Простой горожанин или крестьянин не подходил бы ни под одно определение Basil. LX, 18.2 и, отражая насилие, сам попал бы под действие ст. 1 этого титула.

Постановление „Василик“ о сопротивлении с оружием в руках фактически нужно понимать только как право знатных лиц отражать вооруженной силой народные выступления.

Статьи Basil. LX, 18 под насилием понимают фактически народные волнения против знати — ст. 5 (по Dig. XLVIII, 6, 5) предусматривается случай, когда кто-либо собирает толпу для беспорядков (*ταραχῇ*) или поджога (*ἐμπρησμός*). При этом приводится пояснение римского юриста

¹ Basil. LX, 17.7, 27.

Павла, что „вооруженными“ считаются все те, кто имеет что-либо вредоносное“ (ἐνοπλοὶ εἰσὶ οἱ ὅτινοῦν βλαπτικὸν ἐπιφερόμενοι),¹ — очевидно, даже палку или камень. При этом если даже один участник толпы является „вооруженным“, нападение квалифицируется как вооруженное, хотя бы „оружие“ и не применялось — „достаточен один страх перед оружием“ (ἀρκεῖ γὰρ μόνος ὁ φόβος τῶν ὀπλῶν).²

Если кто-нибудь захватит чужое имущество, то подвергшийся нападению имеет право защищаться, но только немедленно, как требуют „Дигесты“ и как, по всей вероятности, гласил первоначально текст „Василик“. ³ „Законно мне отражать оружием того, кто с оружием напал, однако немедленно. И разрешается не только защищаться, но и выгнать обратно (захватчика), однако только сейчас же (без перерыва во времени) (οὐ μέντοι μετὰ διαρίαν)“.

В схолиях слова „но без перерыва“ (οὐ μέντοι μετὰ διαρίαν) толкуются по-разному. В схолии 9 — слово διαρία понимается как перевод латинского intervallum, промежуток времени. Но в схолии 10 διαρία читается διαρία — что произносится одинаково, но имеет другой смысл — 2 часа. Из схолии 11 явствует, что это понимание слова διαρία стало общепринятым: „Заметь, что насильно изгнанный владелец имеет полное право с оружием в руках изгнать захватчика, однако в продолжении двух часов“ (πλὴν εἰς ὥρα δύο ὀρῶν). Схолиаст рассматривает такое понимание текста как обязательное, но прибавляет, что, по его мнению, (φρονῶ) это неправильное понимание „Василик“, так как „Василики“ имеют в виду не два часа, а intervallum, т. е. всякий промежуток времени (οὐδὲ γὰρ διαρίαν ἔχει ὁ βασιλικός, ἀλλὰ διαρία, ὅπερ ἐστὶ μετὰ καίρον).

Что означало это предписание, разрешающее выгнать захватчика не позднее как через два часа после совершения насилия? Представим себе дом вдовы, участок земли под которым приглянулся какому-то вельможе. Предположим, что никакие угрозы не действовали, вдова отказалась продавать дом. Вельможа силой захватил дом, выгнал вдову, надеясь, что использует на суде свое влияние. В таких случаях она могла бы обратиться за помощью к соседям, созывать на помощь народ.

В Basil. LX, 17.4 sch. 3 подробно описывается, как толпа собирается на чей-либо крик: „Помогите!“ (ἐν τῷ κράζειν: ἐλέησατε). Иначе говоря, толпа собирается из сострадания к потерпевшему (ἐκ τοῦ πρὸς αὐτὸν οἰκτροῦ).

Совершенно ясно, что собрать достаточно большую толпу из соседей, объяснить в чем дело, организовать нападение на захватчика, — на это все потребуется во всяком случае не менее 2 часов.

Всякая попытка прогнать из своего дома захватчика, предпринятая позднее установленного срока, квалифицируется как преступление — „второе насилие“ (δευτέρα βία).⁴ В Basil. LX, 17.7 мы находим объяснение: „Если я тебя выгоню из (захваченного тобою) моего же участка, то это не значит, что участок будет возвращен мне, так как я буду отвечать за насилие“ (περὶ βίας). Когда разбирается дело о насилии, в первую очередь решается вопрос, кто осуществил насилие, а не кто имеет право на владение: в Basil. LX, 18,5 sch. 3 объясняется: „Сначала нужно расследовать вопрос о насилии и только после того судить о праве на собственность или владение“. Если захватчик будет изгнан

¹ Basil. LX, 18,9 и LX, 17,9.

² Basil. LX, 17,9, sch. 5.

³ Basil. LX, 17,9.

⁴ Basil. LX, 17,9, sch. 10.

силой, то он в первую очередь должен быть восстановлен в правах владения.¹

Собственник, отнявший свою собственную вещь при помощи насилия, не имея судебного решения (*διὰ δικαστικῆς κελύσεως*), теряет право на эту вещь (*ἐκπεσῆται αὐτοῦ*) — даже, если он хозяин этой вещи (*εἰ μὲν δεσπότης ἐστί*).²

Закон особо указывал, что в случае, если имел место иск *περὶ βίης*, никакого рассмотрения вопроса о праве владения не могло быть: „Если ты выгонишь меня с участка, которым я владею или вследствие насилия, или тайно, или прекарно, я получу обратно и участок и все движимое на нем имущество“.³

Законодательство выступало против всякого применения силы, особенно, если „толпа“, народные массы организуют расправу с захватчиком.

Если во время насильственных действий будет совершено убийство, то ответственность возлагается, согласно Basil. LX, 18, 25 на нападающую сторону, независимо от того, кто был убит. Согласно этой статье захватчик мог безнаказанно убить хозяина, пытающегося прогнать его из своего же дома. По закону захватчик отвечал четверократной стоимостью захваченного, если дело было возбуждено в течение 1 года после захвата, и в размере его стоимости, если прошло больше 1 года, но меньше 30 лет. Однако выступающие с оружием (хотя бы с целью вернуть несправедливо отнятое) осуждаются на вечную каторгу,⁴ а если нападение соединено было с расхищением имущества или поджогом, то присуждаются к смертной казни.⁵

По закону те, кто посылал безоружных людей для захвата чужого имущества (в первую очередь недвижимости), карались потерей состояния и лишением званий.⁶

Но, несмотря на строгость законодательства, было много возможностей применить к знатному захватчику более мягкие постановления, даже если он будет признан виновным.

Basil. X, 2.9,1 предусматривают случаи совершения насилия: 1) одним лицом, 2) народными массами, 3) цехом или коллегией (*εἴτε τὴν βίαν εἰς ποίησει, εἴτε δῆμος, ἢ σύστημα, ἢ σωματεῖον*).

На основании этой статьи можно было бы предположить, что ремесленники целым цехом „совершали насилия“. Но мы видели, что под „насилием“ часто нужно понимать защиту своих прав. При таком столкновении термина *βία* данная статья о насилии со стороны народа и цехов делается совершенно ясной.⁷

Мы видим таким образом, что авторы „Василик“, заинтересованные в том, чтобы суд и расправа не совершались помимо государства, чтобы не осуществлялось кулачное право и функции государства не переходили частным лицам, тем не менее защищали не столько мелкого собственника от захватов со стороны знати, сколько знатных захватчиков от народной расправы.

¹ Basil. LX, 17.7, sch. 49.

² Basil. L, 3.55. Ср. Пира, XLII, 20 и Синописис, изд. С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, v. V, 1870, p. 140.

³ Basil. LX, 17.20 и схолии 1—2.

⁴ Basil. LX, 18.10, 2.

⁵ Basil. LX, 18.11.

⁶ Basil. LX, 18.12.

⁷ Статья включена в „Василики“ из Dig. IV, 2.9,1 вполне сознательно: несоответствующие условиям новой эпохи положения „Дигест“ исключены из текста „Василик“.

Византийское право более позднего времени, полностью восприняло из Юстинианова права противопоставление понятий *possessio* — владение и *dominium, proprietas* — собственность. В Юстиниановом праве владение обозначало фактическое обладание вещью или недвижимостью, независимо от того, на каком основании покоится это обладание, „законном“ (наем, вручение на сохранение, отдача под залог и т. д.) или даже „незаконном“. Буржуазные юристы считали, что этого требовало „спокойствие гражданской жизни, гражданский мир, а вследствие этого даже интересы самих собственников“.¹

Во время составления Юстинианова свода уже чувствовалось, в связи с разложением античной собственности, возникновение элементов формирования новой, феодальной собственности, и противопоставление *possessio* и *dominium* стало приобретать новый феодальный смысл. „Василики“ сделали это противопоставление владения и собственности еще более рельефным. „Нет ничего общего между собственностью и владением“ (οὐ κοινὸν εἶναι τῇ δεσποτείᾳ τῇ νομῇ), формулируется в Basil. L, 2.11, положение Dig. XLI, 2, 12.1.

Во время издания „Василик“ это противопоставление имело особый смысл. В провинции создавалась феодальная собственность, и статьи о защите владения стимулировали и защищали фактически (если пока не юридически) возникновение этой новой собственности. А в городе-эмпории шел процесс наступления на мелкую трудовую собственность. И в данном случае выдвижение на первый план понятия владения было обусловлено коренными интересами господствующего класса больших городов-эмпорий.

В „Василиках“ представления византийского права о владении и собственности развиваются в 50-й книге, которая, к сожалению, полностью не сохранилась.

Владение обозначается термином *νομή*, собственность — *κυριότης* и *δεσποτεία* (последнее преобладает в тексте). Заглавие основного титула о собственности следующее: Περὶ τῆς ἐκ διαφόρων τρόπων συνισταμένης κυριότητος διὰ ὑποτίκας νομῆς, т. е. „О различных способах возникновения собственности в результате длительного владения“. В „Дигестах“ (XLI, 1) заглавие соответствующего титула иное: *de acquirendo rerum dominio*. Принцип перехода через владение к собственности выражен в „Василиках“ очень ярко.

Четко и ясно подчеркивается в ряде статей, что интересы защиты владения стояли в законодательстве на первом плане. Преимущество владетеля состояло в том, что он не обязан был доказывать законность владения. Если насильником был захвачен дом или виноградник и если собственник возбуждал процесс против насильника, *onus probandi* лежал не на насильнике, а на собственнике, который хотел восстановить свое владение. Не насильник должен был представить доказательства своего права владения, а истец. Суд разбирал документы и заслушивал свидетелей со стороны истца, — и если истец не мог представить вполне удовлетворительные доказательства, то выигрывал дело фактический владетель, так как от него не требовалось никакого доказательства законности владения. „Если возбуждающий дело о вещи не докажет, что он собственник, в судебном процессе побеждает обвиняемый, хотя бы и ничего не представив в доказательство“ [Ἐὰν ὁ τὴν περὶ πράγματος ἀγωγὴν ποιῶν μὴ ἀποδείξῃ ἑαυτὸν δεσπότην, πάντως ὁ ἐναγόμενος νικᾷ

¹ И. А. Покровский. История римского права, изд. 4-е, Птгр., 1918, стр. 266.

κάν μηδὲν αὐτὸς ἀποδεικνύων (Basil. XXII, 1, 36) ὁ ἐναγκόμενος ἀποδεδεῖν οὐ βαρεῖται (Basil. XXII. 22, 1.42)].

В статье, где регламентируется ведение тяжбы о рабе, законодатель указывал, что сначала должен быть расследован вопрос о владении, и только потом уже вопрос о собственности (πρότερον... περί τῆς νομῆς ἐξέτασις γενέσθαι, καὶ τότε ἡ περί δεσποτείας ζήτησις τηρεῖται).¹

Владение (как законное, так и незаконное) защищалось гораздо энергичнее, чем юридически законная собственность.

В случае, если в отсутствие владеющего кто-либо захватит владение и если владеющий оставил кого-либо, — раба, мистота, друга, родственника, отца, — то архонт должен был немедленно вернуть владение сторожу (ὁ ἄρχων ἀποκαθιστᾷ τὴν νομὴν τῷ φύλακι).²

Ничего подобного не было в отношении восстановления собственности: предстоял длительный процесс с изучением оснований собственности. Власти были ограничены в отношении применений воздействия на несправедливо владеющего имуществом.

Передавая текст Cod. VIII, 5.2 в Basil. L, 3.6, авторы подчеркивают, что власти не имеют права изгнать из владения захватчика в его отсутствие до тех пор, пока не явится сам захватчик.

„Если отсутствующий имеет чужое имущество, мы не можем его изгнать из владения ни письменным ответом на жалобу, ни распоряжением архонта. Но необходимо ждать (возвращения) отсутствующего“ (ἐάν ἀπὸν ἔχη ἀλλοτρίον πράγμα, οἷδε ἀπὸ ἀντιγραφῆς ἢ κελεύσεως ἀρχοντικῆς δυνάμεθα τοῦτο ἀποσπᾶν ἀπὸ τοῦ νομῆας. — ἀλλὰ δεῖ τὸν ἀπόντα μείναι).

„Василики“ в данной статье формулируют мысль гораздо более четко, чем Кодекс.

Человек, насильственно лишенный владения, мог возбудить дело περί βίας — и суд немедленно присуждал ему, помимо возврата владения, также и возвращение дохода от владения, притом не в том количестве, которое извлек изгнавший, а в том, какое мог бы иметь владелец, если бы его не изгнали из владения (καὶ ἀπαιτεῖ κέρπους, οὓς ἔδυνάτο λαβεῖν ὁ βιασθείς, οὐ μὴν ὁ βιασάμενος).³ Имущество, похищенное насильником, находилось под защитой закона до тех пор, пока не возбуждался иск об изъятии незаконного владения (exceptio vitiosae possessionis) и не последует решения о передаче его законному хозяину. (Законный хозяин „из страха“ мог вовсе не возбудить судебного дела — и похититель свободно мог распоряжаться похищенным.)

Титул о восстановлении во владении (εἰς τὸ κατασχεῖν νομὴν ἔτοι περί τοῦ uti possidetis)⁴ имел ту же цель — воспрепятствовать самостоятельному выступлению обиженного и защищал не собственность, а владение.

Византийское право защищало владельца от насильственных действий собственника и в том случае, когда этим владельцем становилась казна. Basil. L, 3.55 (из Cod. VIII, 47) предусматривали случай, когда законный хозяин стремился силой вернуть свое имущество, незаконно захваченное правительственным агентом: „Если кто-нибудь силой отнимет имущество, которое находилось во владении казны или какого-либо лица, то даже если это был сам хозяин, он лишается его“ (ἐάν τις, ἢ τοῦ δημοσίου ἢ ἄλλου τινὸς νεμομένου πράγμα, βία ἀφέλῃται αὐτό, εἰ μὴν δεσπότης ἐστίν, ἐκπασσέται αὐτόν).

¹ Basil. XV, 1.92 из Cod. III, 32.13.

² Basil. L, 3.60.

³ Basil. L., 3.31.

⁴ Basil. LVIII, 17.

Помимо интердиктов *uti possidetis, unde vi, bonorum raptorum*, имущество захватчика охранялось специальными исками в тех случаях, когда он передавал его в пользование или отдавал в залог.¹

Если собственник увидит у вора свою украденную вещь, он может ее украсть у вора. Вор не имеет права обвинить собственника в воровстве (*περί κλοπῆς*). Собственник может сломать у вора свою вещь. Вор не может возбудить иск о нанесении ему убытка (*περὶ νόμου τοῦ Ἀκουσίου περὶ ζητίας*), так как вещь не принадлежала ему. Но если собственник отнимет (с применением насилия) свою вещь, то вор может подать в суд по статье *bonorum raptorum* или *περὶ βίας*. В этом случае суд не должен был считаться с тем, что насилие совершал собственник, стремившийся вернуть свою вещь.

Если мы представим, что захваченная вещь — дом, — то понятно, что дом можно возвратить только силой, выгнав насильника. Именно это и возвращалось. Правда, ограбленный собственник мог подать в суд, но пока суд не наложит интердикт, насильник полностью и безопасно пользовался захваченным.

Не всегда было безопасно подавать в суд. Иногда запуганный бедняк не решался выступать против могучего архонта. Ведь в текст „Василик“ был включен принцип Юстинианова права, объявлявший святотатством сомнения в достоинствах лица, которому императором доверено выполнение должности (*τὸ ζητεῖν, εἰ ἄρα ἄξιός ἐστι τῆς ἀρχῆς ὁ πιστευθεὶς αὐτήν — ἱεροσυλία ἐστὶ*).² Легко можно было жалобу на влиятельного архонта подвести под статью о святотатстве, за которой следовала казнь или в лучшем случае изгнание и конфискация. Совершенно ясно, что всякая жалоба против влиятельного вельможи была сопряжена с риском, и потому простой человек нелегко решался на подобную жалобу. В таком случае захватчик мог считать себя в совершенной безопасности.

В „Василиках“ сохранено положение *Cod. III, 7.1* о том, что „никого нельзя принуждать возбуждать имущественный иск или уголовное обвинение, если обиженный сам того не желает (*οἷδεῖς οὐδὲ χρηματικὴν δίχην κινεῖν, οὐδὲ ἐγκλημα γυμνάζειν κατὰ τινος ἀναγκάζεται, μὴ βουλομένου*).³

О невозможности судиться с крупным вельможей говорят и новеллы императоров X в. Император Василий II в новелле 996 г. считал почти невозможным добиться законного возвращения собственности от крупного вельможи, который рассуждал: „Пока я в настоящее время при власти, не может против меня бедняк возбудить дело...“ (*ἐπεὶ ἐγὼ σήμερον εὐμερῶ — καὶ οὐ δύναται κατ' ἐμοῦ ὁ πένης κινῆσαι...*).

Василий II говорит в новелле 996 г. о положении в провинции, но его слова о невозможности для бедняка судиться с лицом, облеченным властью, касались, хотя и в меньшей степени, и городских центров.

Как в тексте „Василик“, так и в схолиях, те постановления „Дигест“, которые можно было использовать к выгоде высокопоставленных захватчиков, воспроизведены со всею тщательностью. Хотя византийское право пыталось казаться вполне беспристрастным, при детальном разборе текста и схолий „Василик“ от формальной беспристрастности законодательства не останется и следа. В *Basil. LX, 39.14 sch. 1* говорится: „Каждый в опасности должен полагаться на себя и не ждать, пока ему придет помощь со стороны закона“ (*χωρὶ ἐκαστον ἐν τοῖς κινδύ-*

¹ См. *Basil. XIII, 1.16* (и схолия) и *Basil. XIII, 2.31, 1*.

² *Basil. LX, 45.19*.

³ *Basil. VII, 19.4*.

νοῖς ἑαυτῷ βοτᾶν καὶ μὴ περιμεῖναι τὸν νόμον) — это, конечно, на деле могло быть использовано только богатым собственником „ойкии“, имеющим многочисленную челядь. Согласно этой статье, каждый, убивший нападающего, не подлежал ответственности, „если дело шло о жизни“.¹ Схолия 2 специально разъясняет, как понимали тогда слова „дело идет о жизни“; из нее следует, что обороняющиеся только в том случае не несли ответственности за убийство, если не могли бежать (περὶ τῆς ζωῆς ἐκινδύνευσεν, — τούτέστιν, εἰ μὴ ἔδυνάτο φυγεῖν ἀσφαλῶς). Значит, если имелась возможность бежать, сопротивляться вооруженному нападению не разрешалось... Следовательно, напрашивается вывод: если знатный нападал с целью захвата на простого собственника, то последнему оставалось только бежать и возбуждать перед судом дело, которое могло и затянуться, а до решения суда захваченная собственность попадала под защиту закона. Далее, о самозащите законного владельца в Basil. L, 3.48 говорится, что противодействовать насилию следует приличествующим образом и умеренно (πρέποντως καὶ συμμετρημένως).

Конечно, сильный и богатый собственник мог защищаться от грабителей с помощью своей челяди, не поднимая особого шума (θόρυβον), но бедняк мог сопротивляться захватчику только путем привлечения на помощь толпы, а это не могло совершиться „приличествующим образом“, так как привлечение толпы на помощь входило в понятие „охлагогии“. Если в результате выступления на помощь толпы происходил θόρυβος, то возбуждалось дело об „охлагогии“ даже в том случае, если не сам пострадавший созвал толпу.² Имеется в „Василиках“ еще одна оговорка в интересах захватчика, запрещающая в том случае, если захватчик не имел целью убийство, но лишь захват имущества, убивать его, а значит и защищаться с оружием в руках (ἐὰν οὖν προέλαβεν οὐ ψυχῇ τοῦ φονεύειν, ἀλλὰ ψυχῇ τοῦ τοῦτον ἀποδῶσαι, οὐκ ὀφείλει φονεῦσθαι).³ Эта оговорка совершенно обезоруживала защитника своего участка или дома. Ведь влиятельный захватчик действительно не имел цели убивать, его цель была захватить чужую недвижимость...

Интердикт unde vi, согласно Basil. LX, 17.7, применялся не при всяком случае насилия, но лишь если насилие признавалось тяжким: οὐ πρὸς πᾶσαν βίαν, ἀλλὰ πρὸς μόνην τραχέα.

Само собой разумеется, что это давало возможность судье произвольно отказаться от применения интердикта под предлогом, что насилие не было „тяжким“. От судьи фактически зависело, подвести ли случай под статью об общественном насилии, περὶ βίας δημοσίας (грозила конфискация всего имущества) или под статью περὶ βίας ιδιωτικῆς (конфискация одной трети имущества).⁴ Имела значение также и разница в наказании — в случае, если столкновение окончится убийством, знатному виновному грозило изгнание, а простому человеку — смертная казнь.⁵ Знатный рисковал меньшим даже в случае полного признания его виновным. К тому же влиятельное лицо, имевшее большое количество рабов и наемных слуг, всегда могло остаться безнаказанным, заявив, что его рабы и слуги совершили нападение без его приказа. Согласно Basil. LX, 17.7 (из Dig. XLIII, 16, 1, 15) господин мог выдать рабов для наказания и остаться свободным от обвинения: εἰς νόσον ἐκδί-

¹ Basil. LX, 39.14 (из Cod. IX, 16.2).

² Basil. LX, 17.4, sch. 3.

³ Basil. LX, 39.15, sch. 1.

⁴ Basil. LX, 17.7, sch. 7.

⁵ Basil. LX, 39.3.5 (из Dig. XVIII, 8.3.5).

δοῦναι τοὺς δούλους καὶ ἀγγέλους μένω. Переложить вину господин мог не только на рабов, но и на наемных лиц — мистив.¹

В „Василиках“ мы находим явное противоречие, важное для судопроизводства в делах о восстановлении во владении. В титуле, касающемся интердикта *uti possidetis* и озаглавленном *εἰς τὸ κατασχεῖν νομὴν* — „о восстановлении владения“,² основной мыслью является, что восстанавливается любое владение; трижды подчеркивается, что закон восстанавливает во владении, даже если оно по существу незаконное... Но в другой книге, в титуле *περὶ καταχρήσεων καὶ νομῶν* — „о захватах и владениях“³, приводится тот же интердикт *uti possidetis*, но в измененном тексте Юстинианова Кодекса (*Cod. VIII, 6*), где высказывается противоположная мысль: „Когда идет разбор дела об удержании владения, побеждает тот, кто владеет не силой, не тайно или не на основании прекарного права“ (*ὅτε ἡ τῆς διακατοχῆς κινεῖται ἀγωγὴ περὶ νομῆς νικᾷ ἐκεῖνος, ὁ μὴτε βίᾳ, μὴτε λάθρα, ἢ ἄρῳν κατὰ παράκλησιν νεμόμενος*). Противоречие очевидное; но оно давало простор для коррупции, так как от судьбы зависело отнести один и тот же случай, юридически требующий интердикта *uti possidetis*, либо к титулу *περὶ καταχρήσεων*, либо к титулу *εἰς τὸ κατασχεῖν νομὴν*. Нам кажется, что составителями „Василик“ это противоречие сохранено сознательно. Дело в том, что обычно в „Василиках“ вслед за переложением положений „Дигест“ приводятся переложения отрывков из „Кодекса“. В данном случае составители „Василик“ отступили от своего обыкновения и поместили один и тот же интердикт *uti possidetis* в книге 58-й (из *Dig. XLIII, 17*) и в 50-й (*Cod. VIII, 6*). Такие противоречия в законодательстве были удобны как для защиты собственности городских владельцев, так и для допущения захватов со стороны влиятельных лиц. Очевидно текст „Василик“ составляли искушенные в делах классовой юстиции юристы.

В статьях о защите владения особенно ярко проявляется боязнь действий случайно собравшейся толпы. *Basil. LX, 17.4* (из *Dig. XLVII, 8.4.6*) идет речь о такой толпе случайно собравшихся людей, которые сбежались по просьбе потерпевшего. При этом подчеркивается, что виновным в „охлаггии“ является и тот, который своими словами привел толпу в возбуждение, хотя бы и не руководил ее поступками. В схолии 1-й объясняется, что под понятие *δορυβος* („народные беспорядки“) подпадает созыв толпы в 10 человек. Всякое движение взволнованных масс завершалось разгромом и поджогом имущества богачей и феодалов и каралось по закону самым ужасным образом: „Простые и бедные свободные, совершающие поджоги в городе вследствие вражды или грабежа, обезглавливаются или сжигаются“ (*οἱ δημόδεις καὶ εὐτελεῖς ἐλεύθεροι ποιοῦντες ἐμπρησμοὺς ἐν πόλει δι' ἑχθρὰν ἢ πραιδὰν, ἀποκεφαλίζονται ἢ καίονται*).⁴ При этом во 2-й схолии подчеркнуто, что эти суровые наказания применялись лишь в случаях народных волнений в городе: *ἐπὶ πόλεως δὲ νοεῖν*; в деревне же этот закон не применялся: „Более снисходительно наказываются те, кто сжигает избу или посев“ (*ἐλαφρότερον δὲ τιμωροῦνται οἱ καλύβην ἢ ἀγρὸν καίοντες*). Совершенно ясно, что в таком центре, где бок о бок сосуществовали невероятная роскошь и невыносимая нищета, господствующему классу было за что тревожиться.

¹ В *Basil. LX, 17.7* они названы „теми, которых мы имеем вместо рабов“ (*οὗς ἐν τόπῳ δούλων ἔχομεν ἐλεύθερους ὄντας*); в схолиях 27 и 28 к этой статье употреблен термин *μίσθιοι* и отмечается, что мистии находятся на положении рабов.

² *Basil. LVIII, 17*.

³ *Basil. L, 3.62*.

⁴ *Basil. LX, 51.12* (из *Dig. XLCIII, 19.28, 12*).

В условиях большого города-эмпории, разумеется, должны были действовать известные нормы, направленные на сохранение спокойствия, и для самоуправства влиятельных лиц было меньше простора, чем в деревне. В деревне меньше стеснялись — согласно Basil. LX, 39.16, в деревне можно было безнаказанно убить всякого, попавшегося на пути, если тот замышлял напасть (ἐπιβουλευόντα τοῖς παριούσι...), причем во 2-й схолии к этой статье прибавлено, что „не следует при этом разбирать, является ли тот стратиотом или крестьянином“ (οὐδεμία διαφορά ἐν τοῦτῳ — στρατιώτου ἢ παγανού). Но в городе надлежало быть осторожнее: в 1-й схолии, поясняющей ту же статью говорится: „В городе нельзя было допускать убийства, разве только в случае, если иначе не было возможности избежать опасности“ (τὸν γὰρ ἐν πόλει οὐκ ἔστι φονεύειν, εἰ μὴ ἄλλως οὐκ ἔδυνάτο διαφυγεῖν τὸν κίνδυνον). При этом авторы „Василик“ дают ссылку на Dig. LVIII, где, впрочем, о городе ничего не говорится.

В законодательстве „Василик“ охрана земельной собственности проявлялась недостаточно ярко. Там приведен фрагмент из Cod. VIII, 4.5, гласящий, что человек, который захватит пустующую землю, обязан по жалобе собственника вернуть ее без применения обвинения по статье unde vi.¹ Тогда захват владения всегда подпадал под этот интердикт. И это вполне понятно, ибо при охране владения речь шла о конкретном, доходном участке, при охране же права собственности — речь шла о пустующем, бездоходном, даже убыточном участке. Только значительно позднее, когда власть собственника-землевладельца примет характер сеньориальной, т. е. облеченной прерогативами верховной власти, принцип собственности над землей получит в деревне решающее значение. Но к тому времени собственность на землю будет уже феодальной.

Заканчивая исследование о законах по охране владения, мы приходим к выводу, что „Василики“ не только отражали условия большого города-эмпории X—XI вв., но и стимулировали происходившие в то время процессы; они содействовали в городе — накоплению богатств в руках немногих богачей, а в деревне — наступлению на мелкого земельного собственника. Признание полной неприкосновенности рабства придавало „Василикам“ характер реакционного документа, но этот реакционный документ как в городах-эмпориях, так и в деревне использовался в интересах развивающегося феодализма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

Cod. — Codex Iustinianus, rec. P. Krüger, Berl. 1906.

Dig. — Digesta, rec. Th. Mommsen, Berl. 1908.

Basil. — C. D. E. Heimbach, Basilicorum libri LX, Lps, 1833—70.

Пира — Peira, ed. C. E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, v. I, Lps. 1856.

¹ Basil. I, 3.32.

З. В. УДАЛЬЦОВА

**ПОЛИТИКА ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ПРИ ЮСТИНИАНЕ**

Выяснение роли рабовладельческого государства в эпоху перехода от античного общества к феодальному является одной из важных задач советской исторической науки.

И. В. Сталин учит нас, что „надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой“.¹ Такой величайшей активной силой, всемерно способствовавшей укреплению и сохранению своего рабовладельческого базиса, являлось и рабовладельческое государство.

Особенно возросла „охранительная“ роль рабовладельческого государства в эпоху кризиса рабовладельческой системы, в эпоху широкого революционного движения угнетенных масс, сочетавшегося с вторжением соседних племен и народов.

Одно из основных положений марксистско-ленинского учения о государстве гласит, что „государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников“.² Эти замечательные слова И. В. Сталина являются путеводной нитью при изучении политики рабовладельческого государства в эту бурную эпоху. Основной задачей рабовладельческого государства, судорожно стремившегося сохранить рабовладельческий строй, являлась беспощадная борьба с народными движениями, которые, сочетаясь с вторжением различных племен и народов, подрывали и расшатывали основы этого строя.

Именно такую, по существу глубоко реакционную задачу и поставило перед собой правительство Восточной Римской империи в правление императора Юстиниана. Консолидация всех сил господствующего класса Восточной Римской империи перед угрозой народных восстаний и вторжений извне дала возможность рабовладельческому государству в середине VI в. временно перейти в наступление против своих „классовых противников“. В ход были пущены различные средства — от прямого насилия до демагогических уступок народным массам. Цель всех этих мероприятий была одна: сохранение любым способом своего классового господства, т. е. господства класса рабовладельцев в целом.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, М., Госполитиздат, 1950, стр. 7.

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 114.

У кормила правления могли сменять друг друга различные группировки господствующего класса; они могли вести между собою ожесточенную борьбу за власть, но основными функциями государства попрежнему оставались: „внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств“.¹

И. В. Сталин учит, что „если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка“.²

Надстройка в своем развитии и изменении несколько отстает от развития и изменения базиса. Надстройка старого общества еще продолжает жить в тот период, когда уже произошли значительные изменения в старом базисе. Более того, она активно способствует сохранению своего старого базиса. Лишь социальная революция, уничтожающая отжившие производственные отношения, ликвидирует и старую надстройку. Уже после социального переворота, как подчеркивает Маркс, „с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке“.³ Особенно большой преградой на пути развития нового общества, на пути революционной ликвидации отживших производственных отношений является старое государство с его аппаратом принуждения и, прежде всего, — с его армией. Как указывал Энгельс, „в политике только две силы имеют решающее значение: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, стихийная сила народных масс“.⁴

В эпоху перехода от рабовладельческой формации к феодальной сильным тормозом прогрессивного развития общества было старое рабовладельческое государство. Несмотря на разложение рабовладельческого способа производства и зарождение внутри него уже в значительных масштабах элементов феодального строя, государство Восточной Римской империи в VI в. оставалось по своей сущности рабовладельческим; проводя свою политику в интересах господствующего класса, оно стремилось сохранить рабовладельческое общество. Потребовалось еще почти столетие упорной и ожесточенной борьбы угнетенных масс империи и новые грозные вторжения соседних народов, в первую очередь славян, для того чтобы были окончательно подорваны основы рабовладельческого способа производства, а вместе с тем изменился и характер надстройки, в том числе и государства.

Правление Юстиниана было временем последнего напряжения всех сил рабовладельческого государства в борьбе за сохранение рабовладельческого строя. Вместе с тем оно было временем, когда в недрах рабовладельческого строя все интенсивнее росли и крепились зародыши новой феодальной формации, формировались элементы будущей феодальной собственности на землю, являющейся, как подчеркнул И. В. Сталин в своем гениальном труде „Экономические проблемы социализма в СССР“, — „основой феодализма“.⁵

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, М., 1952, изд. 11-е, стр. 644.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6.

³ К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 7.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 475—476.

⁵ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

В этот период государство Восточной Римской империи являлось тормозом прогрессивного развития общества не только на Востоке, но и на Западе. Столь прославленные буржуазной историографией войны Юстиниана на Западе, против королевств вандалов, аланов и готов во многом являются проявлением той же политики „подавления классового противника“, ибо эти королевства возникли в результате огромного подъема волны народных движений в империи и при активной поддержке угнетенных классов. Больше того, завоевание территории империи соседними племенами и народами, в сочетании с восстаниями рабов и колонов, способствовало разрушению рабовладельческого строя, развитию новых феодальных отношений. Поэтому одной из задач рабовладельческого государства, пытавшегося еще спасти и укрепить свой разлагающийся базис, являлось разрушение этих „варварских“ королевств.

Войны Юстиниана на Западе носили ярко выраженный реакционный, реставраторский характер.

Это особенно наглядно проявляется в политике, осуществлявшейся Юстинианом в западных провинциях, захваченных византийскими войсками и, в первую очередь, — в политике по отношению к народным массам завоеванных областей.

В свете труда И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ первостепенное значение имеет также вопрос об изменении статуса и характера собственности на землю в завоеванных провинциях.

Для конкретного уяснения целей и характера политики византийского правительства в Северной Африке необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать социально-экономические и политические последствия вандальского завоевания африканских областей.

Завоевание в 30-х годах V в. Северной Африки вандалами и аланами, сочетавшееся с широким революционным движением в этой провинции,¹ привело к значительным переменам в аграрном строе северо-африканских областей.

Непосредственно после завоевания вандалы захватили земли фиска, церкви и крупных римских землевладельцев. Сведения о конфискации земель, проводившейся вандалами, содержатся в изданном Юстинианом в 534 г. законе, регулирующем устройство вновь завоеванной провинции,² а также в двух новеллах 535 г.³ В первой из этих новелл речь идет, главным образом, о захвате вандалами земель у крупных землевладельцев, во второй — у африканской „ортодоксальной“ церкви.⁴ В законе 534 г. оттеняется то обстоятельство, что „гонениям“ при вандалах подвергались „знатные“, „свободнорожденные“ мужи, подчиняемые „тяжкому игу варваров“,⁵ а также представители „ортодоксального“ духовенства.⁶ Завоеватели захватили имущества и имущество знати.

¹ А. Д. Дмитриев. Социальные движения в Римской империи в связи с вторжением варваров. Докт. диссертация. Автореферат, Л., 1950, стр. 17—18; Н. А. Машикин. Движение агонистиков. „Историк-марксист“, 1935, № 1; Его же. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. „Вестник древней истории“ (ВДИ), 1949, № 4.

² Codex Justiniani, I, 27.1. Ввиду крайней скудости источников, современных вандальскому завоеванию, приходится пользоваться источниками несколько более позднего времени.

³ Novellae Justiniani. (Nov.) XXXVI и XXXVII, ed. E. Ossenbrüggen, Lipsiae, 1872.

⁴ Nov. XXXVII (О землях, отнятых у церкви во времена тирана).

⁵ Cod. Just., I, 27, praef.: corpora vero, liberis natalibus clara, iugo barbarico durissime subiugabant.

⁶ Там же, также Nov. XXXVII.

Конфискация земель была проведена в больших масштабах и при этом — не только у римской аристократии: Прокопий сообщает о конфискации земель у знатных ливийцев — не-римлян.¹ „У прочих ливийцев, — пишет Прокопий, — он (Гензерих. — З. У.) отнял их имения, которые были очень большими и богатыми, и распределил их между племенем вандалов, и поэтому эти земли с того времени и до сих пор называются наделами вандалов (κληρος βανδύλων).“²

Большая часть лучших земель фиска, церкви и крупных землевладельцев была захвачена вандалскими королями и окружавшей их вандало-аланской знатью. Остальные конфискованные земли были розданы рядовым вандалским воинам, которых, по данным Прокопия, насчитывалось до 50 тысяч. За несение военной службы воины получали земельные наделы с правом передавать их по наследству.³ Все эти земли были освобождены от налогов.⁴

Часть наименее плодородных земель была оставлена прежним владельцам. По словам Прокопия, „ту же землю, которая показалась ему (Гензериху. — З. У.) не очень хорошей, он оставил прежним ее владельцам, назначив вносить с нее в пользу государства такие налоги, что получившим свои собственные земли ничего не оставалось“.⁵

Таким образом, важнейшим результатом вандалского завоевания и революционного движения, развернувшегося в Африке в 20-х—30-х годах V в., явилось перераспределение земельной собственности в массовом масштабе. Тем самым был нанесен тяжелый удар крупному римскому землевладению. Правда, крупное землевладение, как таковое, не было уничтожено, ибо вандалские короли и вандало-аланская знать захватили лучшие земли и сами сосредоточили в своих руках большие земельные владения, однако важнейшим последствием завоевания было то, что значительно увеличился удельный вес свободного крестьянского землевладения: часть земель римских посессоров перешла к свободным „варварам“ (на правах аллодиального владения), а, быть может, какая-то часть — и в руки освободившихся колонов и рабов. Лишь незначительная доля и при том — худших земель оставалась у прежних владельцев.

Особенно важные изменения произошли в связи с вандало-аланским завоеванием и революционными событиями начала V в. в положении непосредственных производителей африканской провинции. Источники содержат весьма ценные данные об освобождении колонов, рабов и других категорий зависимых людей в период вандалского завоевания Африки и о массовом бегстве их с земель бывших владельцев. Об этом со всей определенностью говорится в законе Юстиниана, изданном в 529 г. В этом законе мы читаем о „колонах, которые во времена вандалов бежали из поместий и жили среди свободных“.⁶ О бегстве и

¹ Procopius. De bello Vandalico, lib. I, cap. V, § 11. Цит. по изд.: Procopius Caesariensis. Opera omnia, De bellis libri, I—IV, rec. J. Haury, v. I, Lipsiae, 1905.

² Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 12.

³ Об этом см. Victoris Vitensis Historia persecutionis Africanae provinciae sub Geisericco et Hunirico. Monumenta Germaniae Historica (MGH), vol. III, pars I, Berolini, 1877, lib. I, cap. IV, § 13; видимо эти наделы раздавались вандалам в качестве аллодов.

⁴ Так, Прокопий сообщает, что „со всех тех земель, которые он передал своим детям и другим вандалам, Гензерих приказал не брать никаких налогов“. Procopius. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 14.

⁵ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 15.

⁶ Nov. Just., ed. Schoell, App. VI. Далее Appendices к новеллам Юстиниана цитируются по изданию Schoell.

освобождении колонов, рустиков и их детей, „которые до прихода счастливейшего войска (т. е. до византийского завоевания. — З. У.) покинули свои места жительства“, а также о клириках, бежавших с церковных земель, говорится и в постановлении 558 г.¹

Подобное же явление мы наблюдаем в Италии в период народно-освободительной войны под руководством Тотилы. Так, Прагматическая санкция 554 г. сообщает об освобождении рабов (*servos*) во времена правления Тотилы;² об этом же имеются сведения и в других источниках.³

Таким образом, колоны, рабы, прежде всего, видимо, деревенские рабы — *servi rustici*, и другие категории зависимого и угнетенного населения в огне революционных событий начала V в., сражаясь вместе с вандалами против Римской империи и римских землевладельцев, временно добились освобождения и, надо думать, — в довольно значительных масштабах. О том, какие широкие размеры приняло бегство колонов и рабов, свидетельствует настойчивость, с которой после византийского завоевания наследники римских поссессоров стремятся вместе с землями вернуть себе и потомков прежних колонов и рабов, освободившихся в период вандалского владычества в Африке.⁴ Об этом свидетельствуют и постоянные жалобы поссессоров на запустение их земель.⁵

В момент самого завоевания и тесно связанного с ним революционного движения гнев народных масс африканской провинции, действовавших совместно с вандалами, обрушился в первую очередь на римскую и местную рабовладельческую знать, на „знатных ливийцев“. Этим можно объяснить известия Прокопия о том, что самых знатных и богатых ливийцев вандалы обращали в рабов.⁶ Прокопий сообщает, что вандалский король Гензерих „тех из ливийцев, которые отличались знатностью и богатством, вместе с поместьями и всем их имуществом передал в качестве рабов (*ἐν ὑποτάξει τοῖς αἰχμαλώτοις*) своим сыновьям Гонориху и Гензону“.⁷ Многих из знатных ливийцев вандалы изгоняли и убивали.⁸ Другие, хотя и оставались свободными, но, по словам Прокопия, жили в крайней бедности; за ними сохранялось право покинуть свои владения и уйти в другие места.⁹ В новелле 535 г. также говорится о том, что во время правления вандалов были почти уничто-

¹ Nov. Just., App. IX. Характерно, что С. Diehl (*L'Afrique byzantine*, P., 1896, p. 396), признавая факт освобождения многих колонов и рабов в период владычества вандалов, подчеркивает — в полном соответствии со своей реакционной политической концепцией, — что они освободились, „воспользовавшись беспорядком (!), которым сопровождалось правление вандалов“.

² *Pragmatica Sanctio Justiniani*. Цит. по изд. *Novellae Iustiniani*, ed. E. Ossenbrügen, cap. XV. О рабах, которые „во времена тирана женились на свободных“.

³ Procop. *De bello Gothico*, lib. III, cap. XVI, § 14—15; 25—26; cap. XXV, § 16; lib. IV, cap. XXX, § 2, 5—6; etc.

⁴ Nov. Just., XXXVI; Nov. Just., App. VI, IX.

⁵ Nov. Just., LIV, praef., App. I, Nov. CLXII, 2; C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, col. I, Nov. VI, 13.

⁶ Procop. *De bello Vand.*, lib. I, cap. IV, § 1, cap. IV, § 3.

⁷ Procop. *De bello Vand.*, lib. I, cap. V, § 11. Прокопий при этом рассказывает, что Гензерих, после захвата Карфагена, „велел привести пленных к императорскому дворцу, чтобы ему можно было посмотреть и решить, какому господину каждый из них может служить, не унижая своего достоинства“ (Procop. *De bello Vand.*, lib. I, cap. IV, § 3). Это сообщение Прокопия наводит на мысль о том, что для знатных пленников, передаваемых тоже лишь знатым вандалам, речь шла не о рабстве в прямом смысле этого слова, а о каких-то иных, более мягких формах зависимости.

⁸ Procop. *De bello Vand.*, cap. V, § 16.

⁹ Там же, § 13.

жены старые роды африканской знати (... antiquis generibus paene deletis...)¹

Таким образом, во время вандальского завоевания многие римские посессоры в Африке погибли, другие бежали за пределы провинции, и лишь часть их осталась на положении свободных землевладельцев.

В византийских источниках „ортодоксального“ направления содержатся многочисленные жалобы и на „преследования“ католического духовенства со стороны ариан, захвативших в свои руки церковное управление Африкой при вандалах. Об этом сообщают новеллы Юстиниана, а также Прокопий и особенно Виктор Витенский и Исидор Севильский.² О бегстве из Африки знатных римских и африканских посессоров и духовенства весьма красноречиво говорится в новеллах Юстиниана 534 и 535 гг.³ По данным первой из этих новелл, „достопочтенные мужи“ („venerabiles viros“) рассеялись из Африки по разным провинциям, где и окончили свои дни „в изгнании“.⁴

В течение почти столетнего периода господства вандалов в Северной Африке внутри самого вандальского общества произошли крупные изменения. В вандальском государстве складывается и крепнет крупное землевладение, увеличивается богатство и влияние вандальской знати, в связи с ростом имущественного неравенства обостряются классовые противоречия.

Ценным свидетельством глубокой социальной эволюции, происшедшей внутри вандальского общества, является рассказ Прокопия об образе жизни вандалов. По словам Прокопия, с того времени, как вандалы овладели Северной Африкой, „они все каждый день пользовались ваннами и самым изысканным столом, всем, что только самого лучшего и вкусного производит земля и море. По большей части они носили золотые украшения, одеваясь в мидийское платье, которое теперь называют шелковым, проводя время в театрах и ипподромах и среди других удовольствий, а больше всего занимаясь охотой. Они увлекались прекрасным пением и представлениями мимов; у них были распространены все удовольствия, которые услаждают слух и зрение, одним словом, все, что считается у людей наиболее интересным из музыки и зрелищ, было у них в ходу. Большинство из них жило в парках, изобиловавших водой и богатой растительностью, часто они устраивали пиры и с большой страстью предавались всем радостям Венеры“.⁵

Не вызывает сомнения, что это описание роскошной и богатой жизни вандалов относится, конечно, к вандальской знати, родственникам и приближенным вандальских королей, захватившим африканские имения римской рабовладельческой аристократии.

Вместе с тем, можно с уверенностью сказать, что положение рядовых вандальских воинов, хотя и получивших земельные наделы, резко отличалось от положения знати, которая вела столь роскошный образ жизни.

¹ Nov. XXXVI.

² Nov. XXXVII, Cod. Just. I, 27.1; Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 3—4, 7; Isidorus Hispalensis. Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Sueborum. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores (MGH SS), vol. XI, pars. II; Isidorus Hispalensis. Chronicon. MGH SS, vol. XI, pars II, Berolini, 1894.

³ Cod. Just., I, 27.1, Nov. XXXVII.

⁴ Cod. Just., I, 27, praef. Эти данные совпадают с рассказом Прокопия (Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 4).

⁵ Procop. De bello Vand., lib. II, cap. VI, § 6—9.

В связи с развитием социального расслоения внутри вандалского общества, по мере роста могущества и влияния знати, а также отчасти в связи со все большим распространением в ее среде римской культуры происходило некоторое сближение части вандалской знати с сохранявшимися еще в Африке остатками римской и туземной африканской аристократии. Внутри правящей верхушки вандалов появляется „проримская“ партия, под влиянием которой меняется политика вандалских королей как по отношению к Восточной Римской империи, так и по отношению к католической церкви и потомкам местной аристократии. Эта эволюция нашла свое яркое выражение в изменении религиозной политики вандалских королей. Так, если при Гензерихе (428—477) и особенно при Гунерихе (Гонорихе) (477—484)¹ и Гундамунде (484—496)² проводилась политика жестоких „гонений“ против католического духовенства и всех не желавших принять арианство, то уже при Трасамунде (496—523) начинается некоторое смягчение этой политики. По словам Прокопия, Трасамунд „заставлял (правоверных) христиан менять свое исповедание, не мучая их тела, как бывшие до него правители, но предлагая им за это почести, высокие должности и одаряя деньгами...“³

Весьма важно сообщение Прокопия о том, что при Трасамунде резко меняется также политика вандалов по отношению к Восточной Римской империи. Если Гензерих беспощадно грабил и опустошал области Восточной Римской империи — Илирию, Грецию с прилегающими к ней островами, Пелопоннес,⁴ то Трасамунд находился в большой дружбе с императором Анастасием,⁵ а его преемник Гильдерих (523—530) являлся уже открытым сторонником восточноримского императора.⁶ По словам Прокопия, „Гильдерих был ближайшим другом и гостем Юстиниана“;⁷ „Юстиниан и Гильдерих дарили друг другу большие и ценные подарки“.⁸ Недаром Прокопий так восхваляет Гильдериха за щедрость по отношению к подданным и особенно — „христианам“⁹ и, с другой стороны, так чернит Гелимера, свергнувшего в 530 г. Гильдериха¹⁰ с престола.

Однако, если Гильдерих, возглавляя „проримскую“ партию вандалской знати, проводил политику сближения с Восточной Римской империей, то другая часть вандалской знати стремилась к независимости вандалского государства и требовала осуществления самостоятельной политики. Эти слои знати выступали против Гильдериха. Во главе этой части знати стоял Гелимер, „привлекший на свою сторону знатнейших из вандалов“.¹¹ И поэтому вполне понятно, что Юстиниан, рассчиты-

¹ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 3—4.

² Там же, § 7.

³ Там же, § 9. Любопытно, что при Трасамунде происходит также сближение вандалов с остготской знатью и заключается брак Трасамунда с сестрой остготского короля Теодориха—Амалафридой (там же, § 11). Впрочем, известия Прокопия расходятся с данными Исидора Севильского, который утверждает, что и Трасамунд преследовал католическое духовенство (Isidorus Hispalensis. Historia..., MGH SS, vol. XI, pars II, p. 299; ср. Его же. Chronicon, MGH SS, vol. XI, pars II, p. 474).

⁴ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 22—23, до заключения с Зеноном „вечного мира“.

⁵ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. VIII, § 14.

⁶ Там же, гл. IX, § 1—5.

⁷ Там же, § 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же, § 1.

¹⁰ Там же, § 6.

¹¹ Там же, § 8.

вавший через своего сторонника Гильдериха активно влиять на политику вандалского государства, а, быть может, и подчинить его,¹ после переворота, совершенного Гелимером, и свержения Гильдериха выступает защитником последнего и начинает войну с вандалами, подобно тому, как впоследствии он выступит „мстителем“ за убийство остготской знатью королевы Амаласунты.

Рост социальной дифференциации и внутренняя борьба в вандалском обществе привели к ослаблению вандалского государства и послужили одной из важных причин его падения.

Подводя некоторые итоги, можно прийти к заключению, что наиболее существенными последствиями вандалского завоевания африканских областей явились: во-первых, разрушение в довольно значительных размерах римского крупного землевладения и увеличение числа мелких свободных собственников-аллодистов; во-вторых, освобождение, хотя и временное, некоторой части непосредственных производителей — колонов и рабов. Однако, наряду с этими важнейшими изменениями социально-экономических отношений в Северной Африке, внутри самого вандалского общества в период существования вандалского королевства происходит процесс роста крупной земельной собственности и усиления социальной дифференциации, влекущий за собой ухудшение положения непосредственных производителей провинции, попадавших в зависимость от вандалской знати.

* * *

„Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед“.²

Такой отжившей идеей, тормозившей дальнейшее развитие общества, являлась в период кризиса рабовладельческой системы идея „восстановления“ Римской рабовладельческой империи. Осуществлению этой отжившей и бесплодной идеи и посвятил все свои усилия император Юстиниан. С точки зрения претворения в жизнь этой идеи „отвоевание“ старых провинций Римской империи представлялось Юстиниану „великой освободительной миссией“,³ и именно так он стремился изобразить византийское завоевание Африки в своих законодательных актах. Эта „великая миссия“ состояла, по его мнению, в „отмщении обид и оскорблений“, нанесенных вандалами католической церкви, и „в освобождении народов столь большой провинции от ярма рабства“.⁴

Основной своей задачей Юстиниан демагогически провозгласил установление такого порядка во вновь отвоеванной провинции, при котором „ее жители сознавали бы, от какого жестокого рабства и ига варваров они освобождены и при какой свободе они получили возможность жить в наше счастливое правление“.⁵ Однако под прикрытием этих пышных

¹ По словам Прокопия, ходили слухи о том, что Гильдерих хотел передать „все силы вандалов“ Восточной Римской империи и с этой целью будто бы отправил посольство в Византию. Procop., *De bello Vand.*, lib. I, cap. IX, § 8.

² И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 585—586.

³ Cod. Just., I, 27, praef.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

фраз и многообещающих деклараций, немедленно после разгрома вандалов, когда часть провинции еще не была даже занята византийскими войсками, в Северной Африке началось восстановление старых порядков римского рабовладельческого государства.

Прежде всего, Юстиниан позаботился о восстановлении и укреплении гражданской и военной администрации — этого мощного рычага в руках византийского правительства для проведения его классовой политики в завоеванной провинции.

Законом 534 г. в Северной Африке была организована преторианская префектура во главе с префектом претория Африки, который пользовался широкими полномочиями.¹ Вся Африка делилась на 7 провинций — Зевгитана, Карфаген, Бизацена, Триполи, Нумидия, Мавритания и Сардиния. Во главе четырех из них стояли ректоры, другими тремя управляли президы.² Особой нотицией, приложенной к этой новелле, устанавливалось жалование всем чиновникам как гражданской, так и военной администрации, которое выплачивалось за счет собранных с провинции налогов.³ Таким образом, содержание администрации всей своей тяжестью ложилось на плечи народных масс африканской провинции. Помимо этого, население провинции крайне страдало от различных вымогательств и злоупотреблений императорских чиновников. Об этом мы находим свидетельства в самом законодательстве Юстиниана.⁴

Наряду с гражданским управлением в африканской провинции огромную роль играла военная администрация, являющаяся важной составной частью „аппарата принуждения“, находящегося в руках господствующего класса. В. И. Ленин писал: „Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи“.⁵

Организация военной администрации в Африке устанавливалась тем же законом 534 г. Задачей войск, расквартированных в Африке, являлась не только защита границ провинции от набегов туземных племен, но и завоевание тех земель, которые еще не были отвоеваны, — возвращение под власть империи всей провинции в тех размерах, которые она имела до вандалского завоевания.⁶

Вместе с тем, одной из наиболее важных функций византийской армии в Африке, как и в других областях империи, было установление внутреннего „порядка“ в провинции, т. е. борьба с восстаниями народных масс против правительства. Подавление антиправительственных выступлений входило в обязанности не только корпуса комитатов (*comitatenses*), расположенных во внутренних областях провинции, но и пограничных войск — лимитанов. Создание в пограничных областях специальных отрядов лимитанов производилось для того, „чтобы, если случайно произойдет какое-либо волнение (*si aliqua forsitan commotio fuerit*), сами пограничные войска без солдат — комитатов, одни, со своими

¹ Cod. Just., I, 27, 1, § 1.

² Там же, § 2.

³ Там же, § 4 сл.

⁴ Там же, § 5—7.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 441.

⁶ Cod. Just., I, 27, II, § 4, 7, 13.

командирами могли бы защищать те места, где они расквартированы, не выходя далеко за пределы своей области".¹

Важной функцией военных властей, наряду с „охраной порядка“, было также всемерное содействие бесперебойному поступлению в казну налогов с трудового населения провинции. В этих целях закон 534 г. предписывал, чтобы командиры и солдаты были „смелы и свирепы с врагами“, „мягки и милостивы с нашими сборщиками податей“ (*collatores*), чтобы военные власти не совершали никаких злоупотреблений по отношению к трибутариям Африки, стоя на страже интересов фиска.²

Таким образом, гражданская и военная администрация, восстановленная в Африке, должна была служить прежде всего политическим целям правительства, подавлять сопротивление „своих классовых противников“,³ охранять „порядок“ в Африке, бороться как против внешних, так и внутренних „врагов“ империи, пресекать выступления народных масс, обеспечивать регулярное поступление налогов — систематическое, „узаконенное“ ограбление трудящегося населения провинции.

Чрезвычайно важно было и то, что при посредстве этой сложной административной машины проводились социально-экономические мероприятия, направленные к восстановлению в Африке старых порядков римского государства.

Одной из основных задач византийского правительства в Африке была реставрация во всей полноте аграрных отношений, господствовавших в африканской провинции до вандалского завоевания и, прежде всего, восстановление крупного римского землевладения.

Конфискованные у вандалов земли в первую очередь возвращались фиску⁴ и католической церкви.⁵

Проводниками этой политики правительства являлись главнокомандующие византийской оккупационной армией Белизарий, а затем Соломон, который, по словам Прокопия, утверждал, что „земля должна принадлежать императору и римскому государству“.⁶ В „Тайной истории“ Прокопий прямо говорит о том, что Юстиниан в Африке „... лучшие земли присвоил себе“.⁷

Особым покровительством правительства пользовалась церковь, которая являлась опорой рабовладельческой империи и всемерно содействовала укреплению власти господствующего класса. В то же время сам господствующий класс нуждался в ее содействии, ибо „все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость“.⁸

¹ Командирам предписывалось всегда держать солдат в боевой готовности, так как существовала постоянная угроза нападения туземных варварских племен и внутренних волнений (*Cod. Just.*, I, 27, II, § 8—9).

² Там же, § 11.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 114.

⁴ *Nov. XXXVI; Procop. De bello Vand.*, lib. II, cap. XIV, § 10.

⁵ *Nov. XXXVII.*

⁶ *Procop. De bello Vand.*, lib. II, cap. XIV, § 10.

⁷ *Procop. Historia Arcana*, cap. XVIII, § 10.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 206.

В период подъема революционного движения народных масс в империи идеологическое воздействие церкви на народные массы приобретало особо важное значение для господствующего класса. И поэтому, естественно, правительство Юстиниана должно было в первую очередь позаботиться об укреплении позиций „ортодоксальной“ церкви во вновь завоеванной провинции.

Действительно, вскоре после завоевания Африки „ортодоксальная“ церковь была „восстановлена“ во всех своих правах и привилегиях. Все земли, отнятые у нее во времена владычества вандалов, подлежали, согласно Прагматической санкции, изданной в 534 г., немедленному возврату.¹ В 535 г. Юстиниан издал специальную новеллу „De Africana Ecclesia“; по этой новелле за „ортодоксальными“ церквями всего африканского диоцеза на „вечные времена“ закреплялись права собственности на возвращенные им земли, при условии уплаты полагающихся с этих земель податей.²

Земли возвращались также и частным лицам. Прагматической санкцией 534 г. устанавливалось, что все земли, потерянные прежними собственниками во времена владычества вандалов, должны быть отобраны от незаконных держателей (*iniustus detentatoribus*) и возвращены их старым владельцам.³ Под последними имелись в виду как римляне, так и афры (*Afris*), потомки римских поссессоров и африканских землевладельцев, в значительной мере смешавшихся с римлянами и романизированных.⁴

Частично это были также потомки старой римской рабовладельческой аристократии, некогда, в период вандалского завоевания бежавшей из Африки и расселившейся по другим провинциям империи. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что большинство исков о возврате земель исходит, по данным новеллы 535 г., от лиц, живущих за пределами африканской провинции, но ссылающихся на то, что их предки владели землями в этой провинции.⁵

Среди лиц, претендовавших на возврат земель, находились и потомки тех африканских земельных собственников, которые остались жить в Африке во время вандалского завоевания на положении свободных землевладельцев, сохранивших некоторую часть своих прежних владений.⁶

Однако прямых потомков старой римской аристократии сохранилось, повидимому, немного, ибо, как уже упоминалось, в Африке были „почти уничтожены старые роды“.⁷ Зато нашлось очень много претендентов на получение африканских земель как из числа потомков дальних родственников старых владельцев, так и просто посторонних лиц, возможно, чиновников гражданской и военной администрации, стремившихся поживиться за счет земель африканской провинции. В результате этого возникали всякого рода злоупотребления и тяжбы.⁸

¹ Nov. XXXII, 1.

² Nov. XXXVII. Удовлетворялась просьба церковников Африки о том, чтобы „им прочно владеть землями церквей всей африканской провинции, отнятыми у них во времена тирана и возвращенными им нашим благочестивым распоряжением, после одержанных нами с божьей помощью побед над вандалами, в каком бы месте они (эти земли. — З. У.) ни находились, при условии взноса налогов, на основании закона, который по этому поводу уже был обнародован“.

³ Nov. XXXVI.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 15.

⁷ Cod. Just., I, 27, praef.

⁸ Nov. XXXVI. „... Так как были обнаружены большие злоупотребления в связи с такими делами, мы постановляем, что такого рода мошенничества должны быть

Борьба за землю достигла столь большого напряжения, что стала задевать интересы фиска, и это привело к изданию новеллы 535 г., вводившей некоторые ограничения для получения земель в Африке потомками прежних владельцев. Эти ограничения сводились к установлению 5-летнего, а фактически даже 4-летнего срока¹ для возбуждения исков о возврате земель и подыскания законных доказательств прав владения этими землями;² к ограничению права владения землей лишь тремя поколениями ближайших родственников по мужской и женской линии;³ к введению гласного судебного процесса для разбирательства дел о возврате земель. При этом судебный процесс ведется обязательно в присутствии обеих тяжущихся сторон и их родственников,⁴ путем рассмотрения законных документов или опроса заслуживающих доверия свидетелей.⁵ Доказательства родства и прав владения имуществом должны быть представлены обеими тяжущимися сторонами, а не одной лишь стороной, вчиняющей иск⁶ (что, видимо, имело место ранее издания этой новеллы).

Первоначально для доказательства прав на владение землей можно было использовать документы, составленные не в самой Африке, а в Константинополе или в других провинциях; допускалось также разбирательство судебных дел, связанных с возвратом африканских земельных владений за пределами этой провинции. Новеллой 535 г. этот порядок был отменен.

Дела о возврате земель должны были рассматриваться обязательно в самой африканской провинции и лишь в суде префекта претория Африки или в судах президов провинций и островов,⁷ а для доказательства прав владения законными считались только документы, составленные в самой Африке.

Цели, которые преследовало византийское правительство изданием этой новеллы, сводились прежде всего к защите интересов фиска, а также — господствующей церкви.

XXXVI новелла дает яркую и полную жизни картину борьбы за земли, конфискованные в Африке, и всякого рода махинаций и злоупотреблений, связанных с возвратом земель. Повидимому, в Африку нахлынула масса претендентов, „законных“ и „незаконных“, жаждавших прибрать к рукам плодородные земли африканской провинции, в то время как правительство стремилось обеспечить львиную долю конфискованных в Африке земель фиску и церкви. В связи с этим Юстиниану пришлось временно несколько ограничить непомерные аппетиты этих многочисленных претендентов, хотя права „законных“ (с точки зрения правительства) собственников на возврат земель полностью подтверждались и новеллой 535 г.⁸

пресечены, для того чтобы в то время, как мы желаем вернуть кому-либо его имущество, другие лица обманным путем не приобретали бы чужое имущество“.

¹ Год, прошедший с момента издания в 534 г. Прагматической санкции, засчитывался в общий 5-летний срок. Nov. XXXVI.

² Nov. XXXVI.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же: „Если кто-либо представит такого рода документы, будто бы составленные в благословенном городе или в другом месте, мы считаем, что они не должны быть приняты во внимание, хотя раньше это и было позволено. Судебные дела о возврате земель должны рассматриваться не в других провинциях или в этом благословенном городе, но только в африканском диоцезе“.

⁸ Nov. XXXVI: „Итак, этим законом мы постановляем: тот, кто утверждает, что имущество (res) принадлежит либо ему, либо его отцу или делу, и докажет, что оно удерживается другими вопреки закону, пусть его получит“.

В том же 535 г. была издана новелла XXXVII, гарантировавшая права африканской церкви на возвращенные ей земли. Анализируя данные этой новеллы, мы приходим к заключению, что интересы господствующей церкви в какой-то мере также были затронуты той борьбой, которая развернулась в африканской провинции в связи с возвратом земель старым собственникам. Именно ущемлением интересов церкви и были вызваны просьбы африканского духовенства (во главе с епископом Карфагена Репаратом) к императору о закреплении за африканскими церквями всех уже полученных ими земель и о возвращении другого церковного имущества. По существу XXXVI—XXXVII новеллы отражают борьбу за передел африканских земель между крупным церковным и светским землевладением. Юстиниан в этой борьбе принял сторону церкви. Церковным собственникам отдавалось совершенно явное предпочтение перед светскими. XXXVII новеллой закреплялись и подтверждались права владения не только всеми землями, возвращенными церкви, но церквям африканского диоцеза возвращалось и другое имущество, как то: дома, священные предметы, сосуды, утварь, — если будет доказано, как говорится в новелле, — что это имущество удерживается афрами, арианами, язычниками или другими лицами, а ранее оно принадлежало церкви.¹ Все церковное имущество должно было быть возвращено без всякого промедления и притом независимо от того, когда именно это имущество было утрачено тем или иным церковным учреждением: давность владения этим имуществом другими лицами не принималась во внимание.

Таким образом, если для возврата земель светским лицам устанавливались различные ограничения, и, в частности, право владения распространялось лишь на три поколения собственников, то церковь пользовалась в этом отношении значительными привилегиями; ее права на возврат имущества и владение им не ограничивались каким-либо сроком.

Предписывалось проводить возврат церковного имущества, строжайшим образом пресекая всякие злоупотребления со стороны лиц, незаконно его захвативших.²

Новеллой XXXVII вновь подтверждалось распространение на африканские владения церкви закона 535 г. о церковных имуществах, общего для всей империи.³ Согласно этому закону, запрещалось отчуждать церковное имущество, движимое и недвижимое, каким бы то ни было способом, — путем ли продажи, дарения или обмена.⁴ В соответствии с этим в XXXVII новелле церквям африканского диоцеза давалось позволение отобрать у незаконных владельцев как *res proprias*, так и *resessiones*.⁵ Карфагенской церкви предоставлялись все права, которыми пользовались церкви метрополии.⁶ Особым постановлением подтверждалось право дарения земель и другого имущества церквям африканского диоцеза;⁷ приобретенное таким путем имущество закреплялось за церковью.⁸ Все права и привилегии даровались церкви на вечные времена.

Итак, законодательство Юстиниана в Африке, как и в других областях империи, стояло на защите интересов господствующей церкви,

¹ Nov. XXXVII.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Nov. VII, 1.

⁵ Nov. XXXVII.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ограждая в первую очередь имущественные права духовенства в его столкновениях со светскими землевладельцами.

Необходимо отметить, что некоторые ограничения по отношению к землевладельцам, претендовавшим на возврат земельных владений в Африке, диктовались не только интересами фиска и господствующей церкви. Значительную роль при этом сыграли и соображения чисто политического характера. Правительству Юстиниана необходимо было создать себе прочную социальную опору внутри так недавно и столь еще непрочно завоеванной провинции. Непосредственно после завоевания правительство делало ставку, в первую очередь, на те социальные круги провинции, которые активно способствовали победе византийского оружия: прежде всего, оно стремилось удовлетворить аппетиты потомков старой рабовладельческой знати, как живших в самой провинции, так и находившихся в эмиграции. Однако при передаче земель тем и другим встретились значительные трудности, так как приходилось отбирать земли не только у вандалов, но и у части местных африканских землевладельцев, у той романизированной местной знати, которая вновь значительно окрепла в правление Трасамунда и Гильдериха. Между знатыми претендентами на захват африканских земель, прибывшими из других провинций, и местными африканскими землевладельцами началась ожесточенная борьба за земли. Правительство, стремясь расширить свою социальную базу в Африке — привлечь на свою сторону часть местной африканской землевладельческой знати — принуждено было вмешаться в эту борьбу. Характерно, что одной из основных причин введения ограничений для возврата земель в Африке Юстиниан признавал необходимость пресечь внутреннюю войну между африканцами из-за захвата земель.¹

XXXVI новеллой Юстиниан признает за местными африканскими землевладельцами права юридической стороны в процессах о возврате земель старым владельцам. Такие постановления XXXVI новеллы, как рассмотрение дела в присутствии обеих тяжущихся сторон; предъявление обеими сторонами документов и свидетельских показаний для доказательства прав владения имуществом; рассмотрение дела обязательно в африканском диоцезе и на основании документов, составленных лишь в этой провинции; гласность процесса, наконец, самые ограничения срока возбуждения исков, прав владения (три поколения) — все это говорит о стремлении правительства оградить до некоторой степени интересы местных землевладельцев.

Совершенно очевидно, что речь здесь идет не о вандалах, земли которых были почти полностью конфискованы, а сами они в большинстве своем взяты в плен, обращены в рабство или высланы за пределы африканской провинции;² когда в XXXVI новелле говорится о лицах, владеющих теми землями в Африке, на которые претендуют потомки старых землевладельцев, о лицах, которые теперь получают права юридической стороны при рассмотрении дела о возврате земель, — то при этом имеются в виду прежде всего афры, местная африканская романизированная знать. В руках вандалов земли могли кое-где сохраняться лишь в качестве крайне редкого исключения.

¹ Nov. XXXVI: "... для того, чтобы, — поскольку прошло столько лет и так как почти уничтожены старые роды, — африканцам (Afris) нельзя было бы возобновлять старые тяжбы и взаимно наносить друг другу вред и вести внутреннюю войну во время общего мира".

² Procop. De bello Vand., lib. II, cap. XV, § 3, cap. XIX, § 3.

На основе всего вышесказанного можно прийти к заключению, что после византийского завоевания в Африке произошли значительные изменения в распределении земельной собственности: большая часть земель, конфискованных у вандалов, по решению правительства должна была быть передана фиску, господствующей церкви, потомкам старой римской землевладельческой аристократии. Однако на практике дело обстояло значительно сложнее: при передаче земель потомкам старых владельцев трудно было установить права владения землей, и нашлось немало претендентов со стороны, стремившихся захватить африканские земли. Развернулась острая борьба между фиском, церковью, претендентами на землю из среды римской аристократии, а также — местной африканской знатью, стремившейся сохранить земли, которыми она владела. В этой сложной борьбе правительство Юстиниана порою было принуждено лавировать и даже идти на некоторые уступки туземным, африканским элементам, но все же в целом оно стояло на страже интересов фиска, крупного церковного землевладения и старой рабовладельческой римской аристократии.

Подобную же политику проводит Юстиниан и в Италии после завоевания ее византийскими войсками. Из Прагматической санкции, изданной для Италии в 554 г.¹, явствует, что все движимое и недвижимое имущество крупных итальянских землевладельцев, потерянное ими во время народно-освободительной войны, развернувшейся под руководством Тотилы, возвращалось прежним хозяевам.² Земельные и другие пожалования остготских королей — Амаласунты, Аталариха и Теодата, ориентировавшихся в своей политике на союз с римской знатью, — а также пожалования, сделанные в Италии самим Юстинианом и Феодорой, оставались в силе,³ в то время как все пожалования „тирана“ Тотилы — как римлянам, так и другим лицам — считались недействительными.⁴ Отобранное у незаконных держателей имущество возвращалось прежним владельцам (*antiquis dominis*).⁵

Последним создавались все условия для получения своих земельных владений и другого имущества: потеря документов, подтверждающих права собственности, не являлась препятствием для восстановления владения имуществом;⁶ прежним владельцам, по их требованию, возвращалось даже то имущество (в частности, и земли), которое было продано или уступлено на основании законного договора во времена правления „тирана“, ибо все эти сделки считались заключенными в результате „насилия“ или „страха“ и не признавались теперь действительными.⁷ Всем землевладельцам, бежавшим из Италии, а также попавшим в плен (или их наследникам), возвращалось их имущество, в частности, — стада.⁸ Движимое и недвижимое, а также так называемое „самодвижущееся“ имущество, т. е. рабы и скот (*res moventes*),⁹ которыми римляне „со времен Теодориха и до прихода нечестивого Тотилы“ владели лично или через узупруктуариев и других лиц, сохранялось за ними „твердо и нерушимо“ на будущие времена.¹⁰

¹ Pragmatica Sanctio, p. 735—738.

² Там же, гл. I—V; VIII, XI, XIII, XIV—XVII.

³ Там же, гл. I.

⁴ Там же, гл. II.

⁵ Там же.

⁶ Там же, гл. III, XXI.

⁷ Там же, гл. V.

⁸ Там же, гл. IV, XIII.

⁹ Там же, гл. VIII.

¹⁰ Там же.

Прагматическая санкция 554 г. содержит чрезвычайно важные данные о социальной принадлежности лиц, которым возвращалось их имущество. Это, прежде всего, римская рабовладельческая знать — „славнейшие мужи“ (*viros gloriosissimos*) и „великолепные сенаторы“ (*magnificos senatores*),¹ — бежавшие из Италии в страхе перед народным движением, а теперь возвращающиеся обратно. В особой статье Прагматической санкции Юстиниан позволял им „отправиться в провинцию Италию и жить там столько времени, сколько им потребуется для восстановления своих владений, ибо в отсутствие хозяев трудно возродить владения и должным образом вести хозяйство“.²

Из Прагматической санкции видно, что это были крупные землевладельцы, владельцы больших стад скота,³ а также и значительного количества рабов.⁴

Земли и другое имущество возвращалось в Италии также и церкви.⁵ По просьбе римского папы Вигилия Юстиниан подтвердил все пожалования остготских королей,⁶ в том числе и многочисленные пожалования в пользу церкви. Приданое монахинь (в первую очередь, земельные владения), вышедших замуж „во времена тиранической жестокости“, вновь возвращалось монастырям и церквям.⁷

В Прагматической санкции 554 г. не были, конечно, забыты и интересы фиска: так, например, вновь подтверждались и приобретали законную силу все контракты, заключенные с фиском до прихода Тотилы.⁸ Однако, в отличие от Африки, в Италии на первый план выдвигалась защита имущественных интересов непосредственно рабовладельческой знати — многочисленных знатных эмигрантов: в Прагматической санкции, изданной для Италии, в меньшей степени обнаруживается стремление правительства оградить права церкви и фиска — обстоятельство, которое объясняется, конечно, своеобразием политической ситуации в Италии, и прежде всего — большим, чем в Африке, влиянием римской и итальянской рабовладельческой знати.

Однако при всем различии и своеобразии экономических и политических условий в Африке и Италии политика правительства Юстиниана и в той, и в другой завоеванной провинции была по существу одинаковой и сводилась к реставрации старых аграрных отношений Римского государства, в частности — к восстановлению крупной римской земельной собственности и к возврату земель прежним владельцам или их потомкам.

Особенно важным и сложным является вопрос о том, что принесло с собой византийское завоевание трудовому населению завоеванных провинций, в частности, Африки, как оно отразилось на положении непосредственных производителей африканской провинции. Для разрешения этой сложной проблемы мы располагаем лишь весьма скудными данными источников, в первую очередь, юридических.

В новеллах Юстиниана и других императоров, изданных после завоевания Африки и относящихся непосредственно к этой провинции, упоминаются различные категории зависимого сельского населения,

¹ *Pragmatica Sanctio*, гл. XXVII.

² Там же.

³ Там же, гл. IV.

⁴ Там же, гл. VIII, XV, XVI.

⁵ На Италию распространялись все законы, действовавшие в империи, в частности новелла VII о церковных имуществах.

⁶ *Pragmatica Sanctio*, гл. I.

⁷ Там же, гл. XVII.

⁸ Там же, гл. XXIV.

как-то: колоны,¹ клирики, посаженные на церковных землях в качестве колонов,² адскрипции — приписные (*adscripticii*),³ сельские рабы (*servi rustici*) — (τὰ ἀνδράποδα ἀγροικῶν⁴ или τὰ γεωργικὰ ἀνδράποδα).⁵ Наряду с этим в юридических памятниках, относящихся к византийской Африке, встречаются также и упоминания о свободном крестьянстве (*οἱ γεωργοί*).⁶

Наиболее часто в документах речь идет о колонах. Это может служить косвенным показателем того, что в этот период в Африке, как и в других областях империи, получил большое распространение колонат.⁷ Однако и рабство еще сохраняло известное значение в сельском хозяйстве провинции, о чем свидетельствуют постановления Юстиниана относительно рабов, эти постановления имели силу и для африканской провинции.⁸ Впрочем, с точностью установить соотношение между количеством колонов и рабов в Африке в изучаемую нами эпоху не представляется еще возможным, в связи со скудостью источников, но несомненно, что происходило все большее сближение в положении различных категорий зависимого населения.

Итак, по своему социальному составу, сельское население африканской провинции в VI в. было весьма пестрым и состояло как из свободного крестьянства, так и различных категорий зависимого населения, — так называемых „свободных“ колонов, сидевших на землях светских и церковных землевладельцев, колонов приписных — адскрипциев и сельских рабов.

Мы уже указывали, что подобно другим вторжениям различных племен и народов на территорию Римской империи, вандалское завоевание сочеталось с революционными восстаниями народных масс Африки и сопровождалось освобождением колонов и рабов.⁹ Иными словами, вандалское завоевание в сочетании с активной борьбой угнетенных масс за свое освобождение временно привело к серьезному улучшению положения непосредственных производителей африканской провинции.

Можно предположить, что колоны и сельские рабы, бежавшие из поместий африканских землевладельцев и „жившие среди свободных“,¹⁰ продолжали оставаться земледельцами,¹¹ причем первоначально они поселялись в качестве свободных людей на землях, отнятых у римской знати и еще не занятых вандалами.¹² Часть колонов и рабов, активно помогавшая вандалам в борьбе с рабовладельческой империей, могла получить себе участки для обработки. Однако львиная доля земель

¹ Nov. Just., App. VI, IX. C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI, XIII.

² Nov. Just., App. IX — о переманивании клириков, испомещенных в качестве колонов на церковных землях (*in officiis ecclesiasticis constitutos ex iure colonatus*).

³ Nov. VI, XIII. Nov. Just., Const. II. De *adscripticiis et colonis*. О различии между колоном и адскрипцием см. Nov. Just., CLXII, 2.

⁴ Nov. Just., VII, cap. I; Nov. Just. App. IX (о рустиках), Nov. XXXVII [о рабах, о запрещении иудеям иметь рабов (*servos*) христиан и др.].

⁵ Nov. Just., VII, praef., cap. VI. О разнице между адскрипциями и *servi rustici* — Cod. Just. XII, 48.21.

⁶ Nov. Just., VII, praef.; Nov. Just., App. VI; Cod. Just., I, 27. II, § 11.

⁷ См. C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III. Nov. VI, XIII; C. E. Zachariae von Lingenthal. *Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts*, Berlin, 1832, S. 223—224.

⁸ Nov. Just., VII, praef.; cap. I, VI etc.

⁹ См. выше, стр. 91—92.

¹⁰ Nov. Just., App. VI и IX.

¹¹ Там же. Из контекста постановлений 552 г. (App. VI) и 558 г. (App. IX) видно, что потомков колонов и сельских рабов, бежавших при владычестве вандалов, возвращали с земель других владельцев, которые они обрабатывали, а не из городов.

¹² Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 10—17.

в Африке была все же, как уже отмечалось ранее, захвачена вандалскими королями и знатью. Для их обработки требовались рабочие руки. И действительно, по данным источников, на земли вандалской знати в качестве рабов и колонов были посажены военнопленные римляне.¹ Однако это не могло полностью удовлетворить потребности в рабочей силе, и поэтому вандалская знать довольно широко использовала труд местного трудового населения. Оно состояло отчасти из тех непосредственных производителей, которые оставались на землях, захваченных вандалами, но также — из колонов и рабов, временно освободившихся, а затем вновь обращенных вандалской знатью в зависимых людей; этот процесс протекал особенно интенсивно в последний период владычества вандалов, ознаменовавшийся, как мы видели, ростом могущества и влияния вандалской знати.

Оставшаяся в Африке туземная знать, вновь окрепшая в последние годы правления вандалов, также использовала на своих землях труд колонов и рабов. Во всяком случае характерно, что возврат потомков беглых рабов и колонов наследникам старых владельцев (после византийского завоевания) происходил часто с земель других собственников. Особенно „энергично“ в этом направлении действует господствующая церковь, которая возвращает беглых колонов церковных имений — клириков, переманенных на земли светских землевладельцев.²

Таким образом, в результате революционных боев V в., происходивших в период вандалского завоевания, угнетенные массы африканской провинции добились довольно широкого, но лишь временного освобождения от рабства и других форм личной и имущественной зависимости. Вскоре место старых эксплуататоров — римских поссессоров — заняли вандалская и туземная африканская знать. Эксплуатация зависимого населения создавала почву для сближения части вандалской знати с местной африканской аристократией, особенно в правление Трасамунда и Гильдериха.

В свете сказанного об изменении положения непосредственных производителей во время господства вандалов следует рассматривать и вопрос об отношении населения Африки к византийскому завоеванию. Особое значение при изучении этого вопроса имеют данные Прокопия об отношении крестьянства Северной Африки как к вандалам, так и к византийским войскам. Как видно из рассказа Прокопия, византийские войска не встречали активной поддержки со стороны сельского населения, несмотря на демагогическую политику, которую проводил Велизарий для привлечения на свою сторону населения африканской провинции.³ Более того, Гелимер сумел привлечь к себе (по словам Прокопия — раздачей денег и ласковым обращением) „многих ливийских земледельцев“.⁴ По приказу короля вандалов „ливийские земледельцы“ убивали византийских солдат, бродивших по селениям близ Карфагена.⁵ Головы убитых византийских воинов они приносили к Гелимеру.⁶

¹ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. V, § 11.

² Nov. Just., App. IX. Сравните Pragmatica Sanctio 554 г., cap. XVI, где говорится о возврате прежним владельцам рабов или колонов, удерживаемых другими лицами.

³ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. XVI, § 1—10; cap. XVII, § 6—7; cap. XX, § 18—20.

⁴ Там же, cap. XXIII, § 1—4.

⁵ Там же. Прокопий, стараясь скрыть истинное отношение населения к византийским войскам, стремится подчеркнуть, что урон, нанесенный этими „земледельцами“, был невелик, так как они якобы убивали не самих солдат, а рабов и обозных служителей, и что делали они это за высокую плату, получаемую от Гелимера.

⁶ Там же, § 4.

Можно предположить, что поддержку вандалам и активное сопротивление византийским войскам оказала та часть африканского сельского населения, положение которой улучшилось в связи с вандальским завоеванием, т. е. потомки бывших колонов и рабов, которым удалось добиться освобождения и сохранить свою свободу вплоть до вторжения византийских войск в Северную Африку.

Однако основная масса зависимого сельского населения африканской провинции не подняла оружия в защиту вандалов, видя в лице вандальской знати таких же угнетателей, как и римляне, и отнеслась индифферентно к судьбе вандальского королевства.¹ Это обстоятельство во многом и решило исход борьбы между вандальскими и византийскими войсками. Вместе с тем, византийские войска получили активную поддержку в Северной Африке (так же, как впоследствии и в Италии) от уделевших потомков римской аристократии, представителей туземной романизированной знати, ориентировавшейся на союз с Римской империей, и „ортодоксального“ духовенства.² Последнее, сильно ущемленное в своих интересах при вандалах, оказало в Африке особенно активную поддержку правительству Юстиниана. Естественно, поэтому, что победа византийского оружия была восторженно встречена духовенством. Так, на соборе африканских епископов, созванном в 534 г. в Карфагене, духовенство африканских „православных“ церквей выражает свою радость по поводу установления в Африке власти византийского императора.³

Равнодушием к судьбе вандальского королевства большинства угнетенного и зависимого населения Африки, а также поддержкой знати и духовенства в первую очередь и объясняется тот факт, что Велизария, высадившемуся в 534 г. в Северной Африке со сравнительно небольшой экспедиционной армией,⁴ в короткий срок удалось разбить вандалов и захватить большую часть провинции.⁵

Не подлежит сомнению, что византийское завоевание, вопреки утверждениям буржуазных ученых, связанное с реставрацией хищнических порядков рабовладельческой империи, привело к значительному ухудшению положения непосредственных производителей африканской провинции. Особенно тягостным для трудового населения Северной Африки было восстановление старых форм эксплуатации непосредственных производителей, распространенных в римском рабовладельческом государстве.

После победы над вандалами и завоевания африканских областей Юстиниан должен был подумать о вознаграждении своих союзников в Африке, а также знатных эмигрантов и, прежде всего, об удовлетворении притязаний „ортодоксального“ духовенства и потомков рабовладельческой знати. Наряду с требованием возврата земель, наследники старых владельцев претендовали также и на возврат зависимого населения, ранее обрабатывавшего эти земли. Они требовали возвращения потомков рабов и колонов, некогда бежавших из имений и сделавшихся сво-

¹ Procop. De bello Vand., lib. I, cap. XVII, § 6—7; cap. XX, § 1—3; cap. XXI, § 9—10.

² Там же, кн. I, гл. XVI, § 9—10; гл. X, § 22—24; кн. II, гл. XXIII, § 18—29.

³ Labbé. Sacrosancta Concilia, lib. IV, col. 1755.

⁴ В армии Велизария, по подсчетам Прокопия, было 10 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы, 400 герулов и 600 массагетов — всего около 16 тыс. человек. Procop. De bello Vand., lib. I, cap. XI, § 1—10.

⁵ Византийское правительство, как уже упоминалось выше, имело некоторую опору и внутри самого вандальского общества в лице той части вандальской знати, во главе с Гильдерихом, которая явно стремилась к сближению с империей.

бодными людьми.¹ Эти требования были удовлетворены, что подтверждается новеллой 558 г., специально изданной для провинции Африки. В этой новелле упоминается особое постановление, к сожалению, до нас не дошедшее, которым предписывался возврат рустикав на земли их прежних хозяев. В новелле говорится: „Мы по этому поводу уже издали священные постановления, которыми определили, с какого времени должен происходить возврат рустикав, как мужчин, так и женщин“.²

Особую активность в возврате рабов и колонов проявила церковь. По настоянию африканского духовенства, со всей строгостью предписывалось возвращать колонов и сельских рабов, бежавших из поместий церкви на земли других владельцев.³

В новелле 535 г. о церковных имуществах, распространявшейся на Восток, Иллирик, Египет, Рим и Ливию (на области афров),⁴ ограждались права церкви не только на недвижимое имущество, но и на зависимое население и, прежде всего, на колонов и сельскохозяйственных рабов (τὰ ἀνδράποδα ἀγροικῶν).⁵ Строжайшим образом запрещалось отчуждать как недвижимое имущество церкви — строения, поля, сады и т. п., так и сельскохозяйственных рабов (τὰ γεωργικὰ ἀνδράποδα),⁶ или передавать их кредиторам в качестве залога.⁷

Подобная же политика проводилась правительством Юстиниана и в других завоеванных провинциях. Так, например, после завоевания Италии, Юстиниан предписывал Прагматической санкцией 554 г. возвратить старым владельцам не только движимое и недвижимое имущество, но также рабов и колонов.⁸ В особой главе Прагматической санкции говорилось: „рабов же или колонов, если окажется, что они удерживаются какими-либо другими лицами, мы приказываем возвратить их прежним господам, вместе с родившимся в течение этого времени потомством“.⁹

В связи с тем, что в период „варварских“ вторжений и сочетавшихся с ними широких народных движений многие бывшие колоны и рабы женились на свободных женщинах, после византийского завоевания весьма животрепещущим (как для Африки, так и для Италии и других областей) стал вопрос о статусе потомства, родившегося от подобных браков. Недаром установлению положения детей адскрипция и свободной женщины посвящено несколько новелл Юстиниана. Видимо, речь шла о статусе довольно многочисленной категории лиц, и от решения этого вопроса в том или другом направлении (т. е. от того, будут ли признаны дети от такого рода „смешанных“ браков свободными либо зависимыми людьми), зависело решение вопроса о рабочей силе для многих крупных землевладельцев, с одной стороны, о свободе или неслвободе для значительной группы непосредственных производителей — с другой.

¹ Nov. Just., App. IX; C. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI, XIII.

² Nov. Just., App. IX.

³ Gregorii Magni Epistolae, 9, 203; Nov. Just., App. IX. (о сроке возврата кляриков).

⁴ Nov. Just., VII, cap. I.

⁵ Там же, praef.

⁶ Nov. Just., VII, cap. I.

⁷ Там же. Необходимо отметить, что в большинстве случаев речь идет о правах церкви на рабов, и лишь в одном случае — на колонов.

⁸ Pragmatica Sanctio, cap. VIII, XVI.

⁹ Там же, гл. XVI.

В связи с этим развернулась острая борьба, нашедшая свое отражение в изменении законодательных постановлений. Правительство Юстиниана принуждено было лавировать, то выполняя настоятельные требования крупных собственников, то — под давлением широкого народного движения — идя на некоторые уступки народным массам.

Так, в 533 г. был издан закон, согласно которому дети, рожденные от брака адскрипция со свободной женщиной, считаются свободными.¹ Тем самым отменялось древнее постановление, по которому такое потомство сохраняло статус отца, т. е. оставалось на положении адскрипциев. Издание этого постановления было вызвано как экономическими, так и политическими причинами. С одной стороны, оно диктовалось все растущей нерентабельностью труда адскрипциев, близких по своему положению к рабам, с другой — необходимостью пойти на некоторые уступки народным массам в связи с подготовкой к таким широким завоевательным мероприятиям, как поход в Африку и отвоевание западных провинций.

Воспользовавшись этим законом, многие дети адскрипциев покинули поместья своих хозяев, что вызвало опустение имений и многочисленные жалобы землевладельцев; уже в 537 г. Юстиниан под давлением крупных собственников отменил это постановление.²

В 539 г. было издано новое постановление, согласно которому сын адскрипция и свободной женщины в том случае становится лично свободным, если он остается в качестве свободного колона на той же земле, на которой жил его отец в качестве адскрипция.³

Что касается Африки, то уже вскоре после завоевания на нее были распространены общие для всей империи законы.⁴

Однако в Северной Африке Юстиниану пришлось особенно серьезно считаться с народным движением, развернувшимся с большой силой в этой провинции в 30-х—40-х годах VI в. В результате ряда народных восстаний под руководством Стотзы и Иоанна⁵ правительству пришлось пойти на некоторые уступки народным массам. Так, в 552 г., вскоре после относительного „замирения“ Африки, происшедшего, по данным источников, около 548 г., Юстиниан издает особое постановление для африканской провинции, согласно которому колоны, бежавшие из поместий во времена вандалов и жившие среди свободных, не должны были возвращаться в свое прежнее состояние, а сохраняли свободу;⁶ но вместе с тем, запрещался переход колонов на земли других владельцев на будущее время.⁷

Это постановление, изданное под воздействием ряда народных восстаний, длившихся свыше десятилетия и лишь с огромным трудом подавленных правительством, свидетельствует о стремлении Юстиниана некоторыми уступками предотвратить новую вспышку восстаний угнетенных масс в Северной Африке. Это было особенно необходимо сделать еще и потому, что как раз в конце 40-х — начале 50-х годов в Италии пылала народно-освободительная война против империи, требовавшая от византийского правительства напряжения всех сил.

¹ Nov. Just., XXII, 17; Nov. LIV, 1.

² Nov. Just., LIV, praef., cap. I.

³ Nov. Just., CLXII, 2. Новелла издана специально для провинции Иллирик.

⁴ Nov. Just., App. IX.

⁵ См. З. В. Удалцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. „Византийский Временник“, т. V, М., 1952, стр. 15—48.

⁶ Nov. Just., App. VI.

⁷ Там же.

Однако африканские землевладельцы, захватившие плодородные земли этой провинции и нуждавшиеся в рабочих руках, отнюдь не желали выполнять только что названного предписания центрального правительства. Они совершенно беззастенчиво вновь начали захватывать и силой возвращать бежавших из их поместий колонов, рустиков или их детей. Об этом прямо говорится в постановлении Юстиниана от 558 г.: „Нам стало известно о том, что некоторые в нашей провинции, не считаясь с нашими постановлениями, которые мы сделали о возвращении рустиков (*rusticorum*), не прекращают совершать беззакония, возвращая колонов или рустиков или их сыновей, которые до прихода счастливейшего войска покинули свои места жительства“.¹ Кроме того, в постановлении 558 г. особо говорится о том, что поссессоры Африки „не перестают переманивать к себе клириков, помещенных в качестве колонов на церковных землях“.² В связи с этим император предписывает префекту претория Африки любыми способами пресечь эти „незаконные возвраты“.

Из этой же новеллы мы видим, что в Африке существовала сильная оппозиция по отношению к тем постановлениям Юстиниана, которые хоть в какой-то мере означали уступки народным массам. Оппозиционные настроения были распространены в среде крупных землевладельцев, которые стремились противопоставить авторитет старых и общих для всей империи законов, конечно, выгодных для них, — новым постановлениям правительства Юстиниана. Юстиниан особо говорит об этом и подчеркивает, что все его предписания, изданные специально для Африки и касающиеся вопроса о возврате колонов и рустиков, должны иметь силу закона и никаким постановлением общих законов не могут быть аннулированы.³

Однако сам Юстиниан должен был считаться с требованиями африканских землевладельцев: в той же новелле 558 г. он предписывает, чтобы колоны и рустики, бежавшие из имений своих хозяев уже после завоевания провинции Африки византийскими войсками, немедленно возвращались своим прежним владельцам.⁴ Этой же новеллой предписывался возврат клириков на земли, принадлежащие африканской церкви.⁵ Целью издания закона, как ее формулировал законодатель, являлось стремление прекратить „пустые споры и тяжбы“ и добиться того, чтобы жители Африки „знали, в какой срок они должны возбуждать свои иски о возвращении колонов, мужчин и женщин, или клириков“.⁶

Однако африканские поссессоры были крайне недовольны этим законом и возобновили свои настойчивые просьбы к правительству о более строгом прикреплении к земле непосредственных производителей. Эти многочисленные просьбы и жалобы африканских землевладельцев⁷ свидетельствуют о непрекращающемся бегстве колонов и рабов с их земель, о все растущем запустении африканских поместий, отражавшем общий кризис рабовладельческой системы. Непрекращающееся бегство зависимого населения (колонов, сельских рабов) из поместий африканской знати говорит также о том, что даже после подавления

¹ Nov. Just., App. IX.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. При этом указывается, что ранее установленный срок возвращения клириков нельзя удлинять.

⁶ Там же. Выше в той же новелле говорилось и о возврате рустиков.

⁷ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI—XIII.

одного из крупнейших народных движений в Африке, развернувшегося там в 30-х — 40-х годах VI в., упорное сопротивление народных масс продолжалось. Видимо, постоянным давлением со стороны народных масс Северной Африки объясняется то обстоятельство, что на Африку в течение всего правления Юстиниана так и не был распространен закон 539 г., изданный для Илирика и устанавливавший, что сыновья адскриптиев и свободных женщин должны оставаться на землях прежних владельцев в качестве колонов.¹

Лишь при Юстине II в 570 г. настойчивые просьбы африканских поссессоров были удовлетворены: было издано предписание о том, чтобы дети адскриптиев и свободных женщин оставались в имениях хозяев отца на положении колонов.² Мотивом издания этого постановления выдвигалось то, что дети адскриптиев, опираясь на постановление 533 г., противоречащее старым законам, оставляют земельные участки, на которых они родились и, живя в других местах, наносят ущерб как фиску, так и владельцам земли.³

Но, несмотря на издание этой новеллы, бегство зависимых людей продолжалось, продолжалось и переманивание колонов и рабов из имений одних владельцев на земли других. Видимо, некоторые землевладельцы, используя закон 533 г. о том, что дети адскрипция и свободной женщины — свободны и, следовательно, могут сами выбирать себе место жительства, переманивали их и затем удерживали в своих имениях.⁴ В правление императора Тиберия последовали новые настойчивые жалобы и просьбы африканских поссессоров во главе с Публианом, главой карфагенской общины, о подтверждении Прагматической санкции 570 г., изданной императором Юстином II.⁵

В 582 г. Тиберий удовлетворил эти просьбы и особой новеллой подтвердил на будущие времена постановление своего отца о статуте детей адскриптиев,⁶ исходя опять-таки из интересов фиска и крупных землевладельцев.⁷

* * *

Подводя некоторые итоги, мы видим, что политика, проводившаяся византийским правительством в Северной Африке, как и в других „отвоєванных“ у „варваров“ провинциях, носила ярко выраженный реставраторский характер. Основной задачей правительства Юстиниана было восстановление в Северной Африке не только крупного римского землевладения, но и старых форм эксплуатации непосредственных производителей, выражением чего явился возврат в прежнее зависимое и бесправное положение потомков освободившихся в период вандальского завоевания колонов и рабов. Орудием проведения подобной политики служил реставрированный в Африке аппарат гражданского и военного управления, „...аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой“.⁸

¹ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, Nov. XIII.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 442..

Политика правительства Юстиниана в завоеванных провинциях является в то же время чрезвычайно ярким свидетельством той реакционной роли, которую играет рабовладельческое государство в эпоху перехода от античного рабовладельческого общества к обществу феодальному. Оставаясь, как и в античную эпоху, „...преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов...“¹, византийское государство делает при Юстиниане последнюю попытку реставрации римской империи в ее прежних границах, тщетно пытается укрепить разлагающийся рабовладельческий базис этой империи.

В своей политике по отношению к населению завоеванных областей византийское правительство выступает как защитник интересов фиска, церкви и крупных землевладельцев — потомков римских поссессоров. Византийское завоевание Северной Африки приводит к значительному ухудшению положения основной массы непосредственных производителей. Потомки сельских рабов и колонов, освободившихся в период вандальского завоевания, сохранившие свободу вплоть до прихода византийских войск, теперь вновь попадают в зависимое и подневольное положение; их насильственно возвращают на земли прежних владельцев. Немедленно после завоевания в провинции вводятся непосильные налоги, идущие главным образом на содержание военной и гражданской администрации. Содержание разветвленного государственного аппарата и многочисленные злоупотребления чиновников ложатся тяжким бременем на трудовое население Африки.

Реставраторская, по существу глубоко реакционная политика византийского правительства в Северной Африке, как позднее и в Италии, явилась одной из главных причин широкого народного движения, развернувшегося в африканских областях в 30-х—40-х годах VI в. под руководством солдата византийской армии Стотзы. В. И. Ленин писал: „И при рабстве и при крепостном праве господство небольшого меньшинства людей над громадным большинством их не может обходиться без принуждения. Вся история полна непрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянувшиеся войны за освобождение от рабства“.²

Однако эти восстания народных масс жестоко подавлялись господствующим классом. Потерпели поражение и мужественные повстанцы Стотзы. Восстание в Африке было лишь одной из многих неудачных попыток трудящихся сбросить с себя цепи рабства. „Десятки и сотни раз, — говорит И. В. Сталин, — пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными“.³

Однако, несмотря на неудачу этих восстаний, народные движения и вторжения соседних племен расшатывали основы рабовладельческого строя. Народные массы оказывали упорное сопротивление всем попыткам византийского рабовладельческого государства восстановить Римскую империю, укрепить ее разлагающийся базис. Византийское государство принуждено было лавировать и идти даже на некоторые временные

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 147.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 444.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 47.

уступки народным массам, что свидетельствует отнюдь не о его силе, а о его слабости. Кризис рабовладельческой системы был уже столь глубоким, что все усилия рабовладельцев, опиравшихся на сложную государственную машину Восточной Римской империи, не могли спасти разлагающегося рабовладельческого общества, и последняя попытка его реставрации потерпела полную неудачу.

Господствующий класс Восточной Римской империи не в силах был изменить могучего действия объективных экономических законов развития общества и предотвратить гибель рабовладельческой формации. И. В. Сталин в своем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ показал величайшее значение объективных экономических законов в развитии общества, в частности, значение закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.¹ Именно потому, что развившиеся производительные силы рабовладельческого общества пришли в полное несоответствие с существующими производственными отношениями, наступил кризис всей рабовладельческой системы, приведший к обострению классовой борьбы и к революционной смене рабовладельческой формации формацией феодальной. Применяя замечательные теоретические положения товарища Сталина к истории рабовладельческого общества, необходимо подчеркнуть, что закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил уже значительно раньше VI в. „пробивал себе дорогу“ в рабовладельческом обществе и если к этому времени „он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор“, то это потому, что он встречал сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Правление Юстиниана является наиболее ярким проявлением этого ожесточенного сопротивления гибнущего класса рабовладельцев. Товарищ И. В. Сталин учит, что для того, чтобы сломить сопротивление отживающих классов, нужна „общественная сила, способная преодолеть это сопротивление“². Такой общественной силой являлись те социальные группы рабовладельческого общества, которые были кровно заинтересованы в свержении рабовладельческого строя. Восстания рабов, колонов, разоренного крестьянства, сливаясь с мощными вторжениями соседних народов, расшатывали основы рабовладельческого строя и привели к его гибели.

¹ См. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 1—8.

² Там же, стр. 8.

Е. Э. Липшиц

К ВОПРОСУ О ГОРОДЕ В ВИЗАНТИИ В VIII—IX вв.

Вопрос о византийском городе VIII—IX вв., о ремесленном производстве и торговле в Византии этого времени не разработан в буржуазной историографии. Почти полное отсутствие источников приводило к тому, что даже при характеристике хода развития общественно-экономических отношений в Византии VIII—IX вв. вопрос этот обычно просто снимался буржуазными исследователями. Вследствие этого создается, однако, искаженное представление об общественно-экономическом процессе, утрачивающем одно из своих важных звеньев.

Вместе с тем при всей скудости сведений, имеющихся о византийском городе, сопоставление археологического и нумизматического материала с данными памятников письменности позволяет бросить некоторый свет на эту неясную и темную картину и выделить в ней некоторые, хотя бы лишь контурные линии. Нисколько не претендуя на окончательное решение этого вовсе не разработанного и, по существу, даже не поставленного вопроса, мы в настоящей статье сводим воедино наличные материалы. Со временем, быть может, число их можно будет еще несколько дополнить за счет археологических исследований и новых публикаций источников.

Сборник уставов константинопольских цехов X в., так называемая „Книга Эпарха“,¹ характеризующая несколько более позднее время, чем то, которое рассматривается в настоящей статье, свидетельствует о наличии в Константинополе, повидимому, издавна налаженного, высоко развитого и дифференцированного по специальностям ремесленного производства и торговли. Данные этого законодательного памятника подтверждаются и другими источниками: историческими трудами, агиографией и „Василиками“.² Согласно этим данным, в производстве и торговле шелком, например, имело место разделение труда между множеством профессий: в Константинополе жили и трудились мастера, обрабатывавшие шелк-сырец (катартарии), мастера шелковых тканей (сирикарии), красильщики пурпурных тканей, торговцы шелком-сырцом (метаксопраты), торговцы шелковыми одеждами (вестиопраты), торговцы сирийскими шелками и т. д.³

¹ J. Nicole. Le livre du préfet, Genève, 1893; М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха. Уставы византийских цехов X в., Свердловск, 1949.

² К. Heimbach. Basilicorum libri LX, Leipzig, 1833—1870 (далее: Basil.) 1.53 (tit. VII) о винооторговцах; 1. 23 (tit. 4) об агрипропратах (ср. Nov. Just., CXXXVI, l. II, tit. I, 25, 27 (ср. Dig., l. 12 tit. I, 50) и др.

³ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 55, 61 и сл.

С другой стороны, известно, что в Византии еще в VI—VII вв. было создано местное производство шелка.¹

Сравнение этих данных заставляет нас поставить вопрос о том, в какой мере сохранялось это и другие ремесленные производства в Византии VIII—IX вв. В то же время необходимо рассмотреть и другие вопросы, а именно, были ли сосредоточены мастерские в одном только Константинополе? Каково было положение провинциальных городов? Какова была степень отделения ремесла от сельского хозяйства? Какова была роль Византии в международной торговле в рассматриваемое время?

Посильный ответ на эти вопросы содержит предлагаемая статья. Несмотря на то, что торговля, подобно ростовщичеству, не создает данный способ производства, а лишь эксплуатирует его, для удобства изложения нам придется начать с нее. Тем более, что в рассматриваемое время ремесло еще было тесно связано с торговлей и потому самый материал не всегда позволяет отрывать одно от другого.

К VIII—IX вв., после потери Египта, Сирии и Палестины, экономические связи Византии в международном масштабе существенно изменились. Византия лишилась не только районов, богатых продуктами местного ремесленного и сельскохозяйственного производства, снабжавших столицу хлебом и ремесленной продукцией, она потеряла также многочисленные и важные пункты транзитной торговли, расположенные в этих восточных провинциях. Территориальные потери значительно сузили (хотя и не уничтожили вовсе) возможность сношений со странами Средней и Восточной Азии.

Однако в VIII и особенно в IX в. утраченные были связи с Востоком стали налаживаться вновь. Так, обращает на себя внимание тот факт, что в период перемирий с халифатом купцам обоих государств было разрешено беспрепятственно торговать как на территории халифата, так и в пределах византийского государства. Например, из житийной повести о шестидесяти иерусалимских святых, пострадавших от арабов в 724 г. (она была написана во второй четверти VIII столетия на сирийском языке, а затем переведена на греческий),² мы узнаем, что Лев III в 717 г. заключил с арабами семилетнее перемирие с тем, чтобы „купцам обоих государств и областей было разрешено сноситься между собой беспрепятственно и невредимо“.³

Торговля с халифатом была настолько развита, что в начале IX в. император Лев V Армянин (813—820 гг.) должен был издать специальное запрещение (edictum) своим подданным „посещать Сирию и Египет“.⁴ О том же императоре (Льве V) Скилица-Кедрин сообщает, что он послал в подарок некоему Филомилию (монаху, предсказавшему его воцарение) καὶ ἀργυρὰ καὶ χρυσὰ καὶ εἶδε εὐωδῆν τῶν εἰς ἡμᾶς ἐξ Ἰνδίας χορηγούμενων, т. е. „серебряные и золотые сосуды и ароматы, такие же, какие прибывают к нам из Индии“.⁵

¹ Ср. Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 189 и сл. Ср. ее же. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, стр. 83 и сл.

² А. И. Пападопуло-Керамевс. „Православный Палестинский сборник“, т. XXXIV, 1892, стр. 1—7 [по Cod. Coisl. 303 (X в.)]. См. X. М. Лопарев. Греческие жития святых, Пг., 1914, стр. 374.

³ X. Лопарев. Ук. соч., стр. 410.

⁴ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453, Bd. I, 1925, S. 49, под „?“ годом трактует этот запрет как торговый бойкот (Handelsboykott) против арабов. Перечень источников см. у Дельгера (ук. соч.); ср. Cod. Iust., XI, 2; IX, 33, 4 и др.

⁵ J. P. Migne. Patrologia graeca (далее: Migne. PG), t. 121, col. 937.

О товарах, привозимых в Константинополь из Сирии, шелковых тканях (*παράδια*), шелковой одежде, одежде из других тканей, благовониях, красителях, узорчатых скатертях (*ἐξοφόρια*), шерстяных плащах, каких-то багдадских изделиях, может быть, коврах¹ упоминается в нескольких статьях знаменитой „Книги Эпарха“.² Этот же источник (X, 2) рассказывает, что халды и жители Трапезунда привозили в Константинополь благовония.

Тем не менее все же с VII в. и в особенности с VIII в. центр тяжести византийской торговли явно переместился на европейскую территорию, где начали завязываться и быстро окрепли новые связи со славянскими государствами севера Балкан и северо-востока Европы. Та же „Книга Эпарха“ (IX, 1) разрешает отониопратам или митанам „беспрепятственную закупку льняных изделий из-за Стримона, или из-за Черного моря или Керазунта или из какой-либо другой страны“. Далее там же упоминается, что болгарские и иные купцы привозили в Константинополь льняные ткани и мед (IX, 6).

Наряду с Константинополем и Фессалоникой, Фивами и Коринфом появились некоторые другие городские торговые пункты, связывавшие Византию с придунайской Болгарией и более отдаленной Моравией.

В VIII—IX вв. сохранялась старая римская дорога, которая вела из Константинополя в Адрианополь и далее вдоль долины Марицы к Софии (Сардики). Как отметил К. Иречек,³ путь этот и в XIX в. обычно именовался еще „царской дорогой“ — и это название представляло собой явный перевод греческого термина βασιλική οδός.⁴ Другая дорога ответвлялась от нее в Адрианополе, пересекала долину р. Тунды (Тунж), Ямбол (Ямполь) и Балканы и проходила в восточную часть придунайской Болгарии, заканчиваясь в Шумне. В районе между Ямболом и Шумной эта линия торговых связей перекрещивалась с другой — восточной, связывавшей города западного побережья Черного моря (Варну, Месемврию и др.) с северной частью Балканского полуострова.

Среди городских центров, лежавших на этих путях, многие восходили к античной или еще более древней эпохе. Другие возникли впервые в средние века — Верия (Стара-Загора), Сливна, Ямполь (древнеболгарское Дабилано) и некоторые другие пункты в долине Тунжа.⁵

Помимо того, источниками, относящимися, правда, к несколько более позднему времени, засвидетельствовано существование торговых связей Верии (в Загорье) и Филиппополя (Пловдива),⁶ расположенных

¹ Е. Черноусов. Римские и византийские цехи. ЖМНП, 1914, №9, стр. 165 и сл.

² „Книга Эпарха“, V, 1, 2, 4, 5. Ср. также соображения по вопросу о пребывании сирийских купцов в Константинополе у М. Я. Сюзюмова „Книга Эпарха“, стр. 59—60. Там же указана важнейшая литература по этому вопросу. Для более раннего периода см. Н. В. Пигулевская. Ук. соч., стр. 184—212.

³ К. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel, Prag, 1877, S. 83; ср. К. Dieterich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels, „Byzantinische Zeitschrift“, XXXI, 1931, S. 42.

⁴ Римская via Egnatia. Местное греческое население называет ее φαρδός или μεγάλος δρόμος — см. O. Tafrali. Topographie de Thessalonique, Paris, 1913, p. 21. Изучению торговых и стратегических путей на Балканском полуострове в средние века посвящены исследования ряда славянских ученых. См., например, К. Jireček. Die Handelstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien, „Spomenici srpski“, Belgrad, 1892, I. Iagić, в „Archiv für slavische Philologie“, Bd. 35. На основе этих работ написана цитированная выше статья К. Дитериха.

⁵ В источниках, однако, Верия, Сливна, Ямполь упоминаются лишь с X—XI вв. К. Dieterich. Ук. соч.

⁶ Anna Comnena. Alexias, XIV, 8, Bonn, 1878, vol. II, p. 206.

в районе верхнего течения Марицы (по-гречески Хеброс),¹ со среднедунайской Болгарией (Ловеч, Ловч) и долиной Янтры.

Время возникновения всех этих городских центров пока, до проведения систематических археологических исследований на территории Болгарии, остается невыясненным. Однако есть основания полагать, что часть из них существовала уже и в рассматриваемую эпоху.

На факт существования торговых связей Византии с Западной Европой и Северной Африкой имеются прямые указания в актах VII Никейского собора 787 г., где мы читаем: „А ты ревнитель зла... убил там женщин, тогда как тут находились торговцы из Рима, Франции, Вандилии, Мавритании, Готии, словом, из всех внутренних стран запада“.²

О том же свидетельствуют отдельные указания в хронике Феофана³ и в „Книге Эпарха“ (XII, 4).⁴ Вместе с тем в рассматриваемое время стали вновь налаживаться прерванные были связи с Северным Причерноморьем и с Русью; русский флот, спускаясь по Днепру, доходил по морю до самого Константинополя.

Клады в Малой Перецепине, Новых Санджарах на Полтавщине, в Нескрибовке близ Днепропетровска, на Келегейских хуторах на нижнем Днепре свидетельствуют о наличии торговых связей Византии с Северным Причерноморьем в VII в. Последние монеты в составе Перецепинского клада, найденного в 1912 г., доходят до 641—668 гг. Однако хорошо известный факт ссылки императора Юстиниана II в Херсонес в конце VII и начале VIII в. дает основание предполагать наличие каких-то связей и в более позднее время.

С другой стороны, византийскими и арабскими источниками засвидетельствовано большое торговое значение Понта, Пафлагонии, Трапезунда и Амастриды; припонтские города вели торговлю морем с Иберией и Кавказом, Херсоном и Русью. Так, Константин Багрянородный⁵ писал: „крепость Адрануцин (в Иберии. — Е. А.) очень велика и имеет *ραράτιν*, равный по величине целому поселению (*ὡς χωρίον*). Товары (*καὶ πρᾶγματα*) из Трапезунда,⁶ иберии, Абазии, всей Армении и Сирии прибывают туда, и город получает безграничные таможенные пошлины от этих товаров (*χομμερσιον ἐκ τῶν τοιούτων πρᾶγματιῶν ἁπασῶν*)“.⁷ И далее, Константин отмечает, что „когда херсонесцы не ездят в Романию (т. е. в Византию. — Е. А.) и не продают там мехов и воска (*τὰ βαρσάρια καὶ τὰ κηρία*), которые они покупают у печенегов, они не могут жить... Когда они не привозят хлеба из Амиса, Пафлагонии, из феми

¹ Георгий Акрополит указывает, что Хеброс „на народном языке“ назывался Марица. См. Georgii Acropolitae opera. Lipsiae. 1903. Там же содержатся важные сведения о славянских поселениях в этом районе.

² Деяния вселенских соборов, т. VII, 1873, стр. 37.

³ Ср. важное сообщение Феофана о торговле рабами за Абидосом (Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, v. I, p. 487, г. 810): καὶ τοὺς ἀντισταμένους ἐξω τῆς Ἀβύδου σμάτα οἰκίᾳ. Для VII в. ср. сообщение Феофана о том, что Константин III мылся в бане галльским мылом (*ὡς δὲ ἤρξατο γαλλικῇ σμυγέσει* — Theoph. Chron., p. 351 (668 г.).

⁴ Ср. Е. Чернусов. Ук. соч., стр. 106 и М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 86.

⁵ Constantini Porphyrogeniti. De administrando imperio, ed. Bonn., 1840, cap. 46, p. 207.23—208.6.

⁶ Там же, гл. 53. О значении Трапезунда сообщает и арабский писатель Аль Масуди, указывающий, что морем Трапезунд поддерживал сношения с Кавказом и Русью. См. П. В. Безобразов. Трапезунд. Его святыни и древности, Пгг., 1916, стр. 17.

⁷ Ср. также Menandri fr. у C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum, t. IV, p. 230.

Букеллариев и из тех фем, которые расположены близ фемы Армениаки, они не могут существовать“.¹

Усиление связей Византии с Причерноморьем в первой половине IX в. отмечают и новейшие советские исследователи культуры древней Руси. Так, Б. А. Рыбаков указывает, что в эту эпоху „русские купцы-дружинники становятся посредниками между Западом (через Византию. — Е. Л.) и Востоком“. Б. А. Рыбаков ссылается на „Книгу путей и государств“, написанную около 846 г. Ибн-Хордадбе, в которой мы находим упоминание о торговле русских купцов в Византии. Позднее, во второй половине IX в., торговля эта значительно вырастает. „К этому времени относится много кладов серебряных монет“.²

Большое значение понтийской торговли во внешней политике Византии в первой половине IX в. и повышенный интерес правительства к Понту нашли свое отражение в ряде фактов, имевших место в период царствования Феофила — в превращении Амастриды в метрополию, повышении в ранге округа Пафлагонии, ставшего самостоятельной фемой (выделенной из фемы Букеллариев), построении Саркела на Дону.³

Дж. Бьюри обратил внимание на тот факт, что посланная Феофилом экспедиция в Херсонес для построения крепости Саркел нашла в Херсонесе судна (*γαλάνδια*), направленные туда стратигом Пафлагонии.⁴ Интересно, что и в житии Георгия Амастридского, написанном Игнатием, указывается, что амастридские купцы были схвачены в Трапезунде по доносу о неуплате положенных налогов (*δηροσίους*).⁵

Значительность масштабов морских сношений и морской торговли, их роль в экономике византийского государства в рассматриваемое время освещены также и в законодательном памятнике, в так называемом „Морском законе“ (*νόμος ναυτικός*).⁶ Можно лишь удивляться тому, что этот памятник, который сложился в VII—IX вв., никогда не привлекался в исследованиях буржуазных ученых для изучения византийской торговли. О нем или вовсе не упоминают, или упоминают лишь при перечислении законодательных памятников, не давая при этом никакого представления о его содержании.

Время возникновения „Морского закона“ устанавливается на основе его терминологии; к тому же его рукописные версии, представляющие собой разные, значительно отличающиеся друг от друга варианты текста (что указывает на наличие длительной предшествующей традиции), сохранились начиная с X в.

Закон обнимает круг вопросов, связанных с регламентацией отношений между торговцами (*ἐμπόροι*), отправляющими свои товары морским путем, и судовладельцами-капитанами (*ναύκληροι*), между пассажирами, путешествующими по морю (*ἐπιβάται*), и навклерами, между навклерами, эмпорами, пассажирами и судовой командой (*ναῦται*).

Подобно тому, как это имеет место и в других памятниках обычного права, статьи „Морского закона“ представляют собой запись

¹ Const. Porph. De adm. imp., p. 270, 18—23.

² Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. „История культуры древней Руси“, т. I, 1948, стр. 316 и сл., и особенно стр. 337 и далее. „Руссы — а они из славянских племен — приходят из отдаленнейших областей Саклаба (страна славян) к Румскому морю и тут продают шкуры бобра, черной лисницы, а также мечи“, — говорит Ибн-Хордадбе.

³ Ранее Пафлагония, вероятно, была катепанатом.

⁴ J. V. Bury. A History of the Eastern Roman Empire, London, 1912, p. 416; Const. Porph., De adm. imp., p. 177.

⁵ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, Пг., 1915, стр. 42.

⁶ Издан W. Ashburner. The Rhodian sea law, Oxford, 1909.

конкретных, встретившихся или, вернее, часто встречавшихся в жизненной практике случаев; они записывались, когда создавшиеся осложнения требовали специального (очевидно, судебного) разбора и решения в пользу одной из сторон. Именно вследствие своей исключительной конкретности текст закона содержит богатый материал, характеризующий различные стороны жизни купцов и моряков.

Таким образом, закон не только представляет интерес с чисто юридической и историко-правовой стороны, но и содержит ряд сведений, важных для истории социально-экономических отношений интересующего нас времени.

В законе имеется немало конкретных данных об оснащении кораблей, об их ценности, о характере перевозимых грузов, об обстановке мореплавания, о составе судовой команды, о ее взаимоотношениях и т. д.

В то же время обращает на себя внимание отсутствие каких-либо географических или этнических наименований, наименований портов, дающих возможность локализовать пути, по которым шли эти корабли. В этом отношении изложение статей закона носит обобщенный характер, легко объяснимый, вероятно, специфическим назначением этого документа — законодательного памятника.

По данным закона (III, 11), новый, пригодный для перевозки большого и ценного груза корабль вместе со всем своим оснащением оценивался в сумме 50 номисм; старый, пришедший в ветхость, — в 30 номисм. Вместимость обычного торгового судна, имевшего такую стоимость, определялась в 1000 модиев. Вместимость (*μωδισμός*), или водоизмещение, определялось, как это показал М. Гуда (в частности, на основании Патмосских практиков), путем умножения длины, ширины, высоты на величину локтя, выраженную в модиях.¹

Судно должно было иметь высокие борта. Оно должно было быть оснащено хорошими крепкими мачтами (*κεράτων*), реями (*ιστοκερίην*), рулем (*καταρτίους*), прочными парусами (*ισχυράν ἀριμενα*), шкурами или кожами (*διφθέρας*) для покрытия груза с целью предохранить его от непогоды, конопляными веревками (*σχοινία καυνάβρινα*), якорями (*ἀγκύρας*), лодками или ботиком, снабженными рулем.²

На корабле должна была быть закаленная, испытанная в бурях команда (*καὶ ναύτας τοὺς ἀρκούντας ναυτικούς γοργοὺς γρηγορούντας*). Это было необходимо потому, что в плаваньях угрожали бури (*ἐν ζάλλῃ*), кораблекрушение (*ναυάγιον παθεῖν*), встречи с разбойниками, пиратами (*ληστών ἢ πειρατῶν*).³ Команда должна была быть готова ко всем этим испытаниям.

Персонал судна состоял из навклера (*ναύκληρος*), владельца и капитана корабля; кивернета (*κυβερνήτης*), управлявшего рулем и наблюдавшего за матросами в кормовой части судна;⁴ прорея (*πρωρεὺς*) — помощ-

¹ Например, длина — 15, ширина — 7, высота — 2,5, тогда $15 \times 7 \times 2,5$ куб. локтей (византийский локоть — 0,3123 м; византийский фут — 0,46845 м) = 262,5 куб. локтей. Принимая, что 1 куб. локоть = 6 модиям, получаем 1572 модия. Разумеется, цифра 6 условна, так как величина модия как единицы измерения колебалась. См. Я. А. Манандян. Римско-византийские хлебные меры. „Византийский Временник“, т. II, 1949, стр. 60 и сл. Ср. о способах вычисления *μωδισμός* у М. Γοῦδα „Ἡ καταμέτρσις τῶν ἐμπορικῶν πλοίων. Βυζαντίς, т. I. 1909, р. 40; ср. II, 16: εἶναι τὰ χίλιαια τοῦ μωδισμοῦ χρυσίνων, πεντήκοντα μετὰ πάσης τῆς ἐξαρτίας αὐτοῦ... τοῦ δὲ πλοίου τοῦ παλαιοῦ χρυσίνων τριακοντα. „Морской закон“ М. Гуде остался неизвестным, как это ни удивительно.

² „Мор. зак.“, III, 11; III, 43; III, 44.

³ „Мор. зак.“, III, 35—38, 43—46; III, 4; III, 15.

⁴ Ср. J. Starr. The roman imperial navy, 1941, р. 56. О терминологии ср. Claudii Claudiani. Panegyricus in Manlium Theodorum consulem (написан в 399 г.) (Carmina. Lipsiae, 1877).

ника навклера, управлявшего носовой частью корабля и сигнализировавшего о скалах и мелях; каравита-бодмана (*καραβίτης*), матросов (*ναῦται*), парасхарита (*παρασχαρίτης*), заботящегося об огне на корабле;¹ кроме того, имелся особый матрос, правивший парусом (*ἀρμενιστής*), и дозорный (*βιγλιόφορος*). К персоналу „Морской закон“ причисляет также не принимающего участия в плавании кораблестроителя (*ναυπηγός*).

За участие в плавании моряки получали *μίσθος*, известное количество „долей“ прибыли (*μέρος*). Однако размеры прибыли были весьма различны, в зависимости от положения каждого. Навклер получал 2 доли прибыли, кивернет, прорей, каравит — по 1½ доли, матросы — по одной доле, парасхарит — ½ доли. При аварии доля участия каждого расценивалась также различно, что ярко отражало разницу в социальном и экономическом положении участников плавания.

Так, в соответствующей статье закона (III, 9) говорится: „Если навклер намеревается произвести сбрасывание груза, то он должен опросить пассажиров (*τοὺς ἐπιβάτας*), чье имущество (*χρήματα*) находится на корабле. И пусть решат, что делать,² голосованием (*ὅτι δὲ ἕαν γίνεταί, τοῦτο ψῆφον ποιήσωσιν*). Производят складчину всего имущества. Ковры (*στρώματα*), платья (*ῥάτια*), посуда (*σκεύη*) — все должно быть оценено. И если будет произведено сбрасывание груза, то доля навклера и пассажиров приравнивается не более чем к одному литру, кивернета и прорея — не более чем к полулитру, доля матросов — не более чем к трем граммам; рабы (*παῖδες*) или если едет кто-либо иной, не предназначенный для продажи (*μὴ ἐπὶ πρᾶσει ἀγορευόμενος*), то соответственно оценке [в вариантах: в три мины (*κατὰ τριήνων*)], если же едет кто-либо предназначенный на продажу, то не более двух мин... Если же речь идет о товариществе в прибыли (*εἰς δὲ συμφέρον*), то соответственно доле прибыли вычисляется и потеря“.

Приведенная статья (III, 9) интересна в том отношении, что в ней дается цифровое соотношение между имуществом различных членов команды.

Если имущество навклера оценивается (предельно) в сумме одного литра, кивернета и прорея — в сумме полулитра, то имущество матросов оценивается лишь в сумме трех граммов.

Меры стоимости, указанные в этой статье, редко встречаются в текстах. Лишь изредка они упоминаются в некоторых папирусах.³ Если принять за основу обычное весовое соотношение между литром и граммами,⁴ то оказывается, что имущество навклера определялось законом, как стоившее в 96 (288:3) раз дороже, чем имущество матроса.

Навклер и пассажиры, обычно имевшие, как говорит закон, не менее двух слуг (*παῖδες*), принадлежали безусловно к числу евпоров. Имущество же евпоров, по прямым данным законодательных памятников,

¹ D u c a n g e. Glossarium s. v. — cui in navi foci cura incumbit.

² Ср. Lex Rhodia de jactu, Dig. 14,2. Если для спасения корабля от грозившей опасности пришлось выбросить чьи-нибудь вещи или принести какие-либо другие жертвы (например, обрубить мачты), то происшедший вследствие этого убыток должен быть понесен совместно с собственником этих вещей еще собственниками спасенных вещей, корабля или груза. Д. Д. Гримм. Лекции по догме римского права, 1910, стр. 328.

³ Например, Pap. Leipzig., 62, col. II, 384—385 гг. (цитирую по W. Ashburner. Ук. соч., стр. 88, где приводятся и другие — хронологически более ранние — примеры).

⁴ 1 литр = 12 унциям = 72 номисмам = 288 граммам; золотой грамм = ¼ номисмы = τέταρτον τοῦ χρυσίου (D u c a n g e, s. v. γράμμα); 1 серебряный литр (фунт) = 5 золотым номисмам = 60 милиарисиям; 1 милиарисий = 1/12 золотого солида (номисмы).

должно было быть стоимостью выше 50 номисм (золотых). Кроме того, в статье говорится не только о стоимости постели и утвари, а и о χρήματα, т. е. имуществе в целом [может быть, деньгах, ценностях, коврах (στρώματα) и одежде (ἱμάτια)]. Поэтому установленное в статье соотношение следует считать вполне возможным, ясно оттеняющим значительную имущественную дифференциацию, имевшую место между навклером и матросами.

„Морской закон“ перечисляет разнообразные товары, которые перевозили на кораблях; он упоминает золото (χρυσίον), серебро (ἀργυρίον), жемчуг (μαργαρίτας), шелк (όλοσθηκιά), шелковые одежды (βέστην), плащи (ἱμάτια), сосуды (σκεύη), ковры (στρώματα), полотно (ὀθόνην), зерновой хлеб (σῖτος), вино (οἶνος), оливковое масло (ἐλαιον).¹ В одной из статей упоминается и об относительной стоимости некоторых наиболее ценных товаров. Так, в ст. III, 40 говорится: „Если кораблю случилось претерпеть аварию (ναυάγιον παθεῖν) и спасена часть корабля и корабельного груза (καὶ σωθῇ μέρος τοῦ γόμου καὶ τοῦ πλοίου) и если пассажиры везли при себе золото или серебро или чистый шелк (όλοσθηκιά) или жемчуга, то спасенное золото „вносится“ (расценивается. — Е. Л.) (ἐπιφερέτω) из расчета $\frac{1}{10}$ части (δεκάτας), серебро — из расчета $\frac{1}{5}$ (πένπτας), шелк, если он спасен не подмокшим (ἐὰν ἄβροχα σωθῇσι), из расчета $\frac{1}{10}$, так как он подобен по ценности золоту (ὡς χρυσία ὄντα τοῦ χρυσίου). Если же он подмоchen, то вычитается за слинявшийся(?) (τὴν ὑποτριβήν) и промокший (καὶ τὴν ἀποβροχήν), и так производят общий подсчет — складчину. Жемчуга при расценке (καθὼς ἐκτιμηθῇσι) оплачиваются как при гибели золотого груза (χρυσίου φόρτον τελείτωσαν τὴν ἀπωλείαν)“.

На судах путешествовали торговцы-эмпоры, перевозившие груз и рабов, часто предназначенных для продажи, а также и пассажиры (ἐπιβάται). Торговцам разрешалось везти с собой на корабле двух слуг — рабов (παῖδες) с условием оплаты их проезда (ναύλον).

Пассажиру-мужчине отводилось место размерами в три локтя в длину и в один локоть в ширину, женщинам — в один локоть, детям — в половину локтя (источник не указывает ширину). Пассажирам запрещалось жарить на корабле рыбу, рубить дрова. Пресную воду для питья предписывалось употреблять умеренно (ἐπιβάτης ἐν πλοίῳ ὕδωρ μέτρω λαμβανέτω).²

Ценные вещи (например, золото и серебро) пассажир должен был сдавать навклеру, в противном случае он не мог предъявлять претензий о пропаже. Повидимому, случаи кражи у пассажиров были часты и притом нередко с ведома и приказа (κελεύσει) навклера. В последнем случае отвечал не только навклер (он должен был возместить предмет кражи в двойном размере), но и матрос. Матрос, хотя он и действовал по приказу навклера, получал сотню палочных ударов (ξυλαγωγία).³ Если же матрос совершал кражу, особенно золота, по собственной инициативе, то, помимо возмещения украденного, его предписывалось сильно (σφοδρῶς) побить,⁴ — повидимому, 100 палочных ударов считалось слабым наказанием!

Если с ведома матросов навклер бежал в чужую страну, то имущество всех участников плавания конфисковывалось.⁵

¹ „Мор. зак.“, III, 34, 38, 40.

² „Мор. зак.“, III, 15; II, 8, III, 9; II, 13.

³ Вероятно, он проходил сквозь строй.

⁴ В Synopsis Minor, XIII (ed. C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, v. II). ξυλαγωγία παρὰ τῷ νόμῳ καλοῦνται: αἱ διὰ ξύλων ἐπαγομενὲς τίσι μάστιγας.

⁵ „Мор. зак.“, III, 8.

Частые столкновения, драки, приводившие к увечьям, вызвали необходимость в особой „таксе“ за них. Например, за выбитый глаз уплачивалось 12 золотых, за опухоль — 10 золотых. Этот штраф шел для оплаты врачей (τοὺς μισθοὺς τοῖς ἰατροῖς или ἰατροῖα), а также служил платой матросу за все время болезни (καὶ τὸν μισθὸν ὅλου τοῦ χρόνου τῆς ἀργίας καὶ ἐπιμελείας).¹ Из этого можно заключить, что речь шла преимущественно об избииении судовой команды — матросов, тем более, что сумма штрафа рассчитана на обеспеченных людей.

Торговцам возбранялось нанимать для перевозки большого и ценного груза старые, пришедшие в ветхость корабли (III, 11).

Закон предусматривал различные обстоятельства, которые могли осложнить взаимоотношения между ростовщиками, дававшими ссуду золотом и серебром на условиях доли в доходе, и судовладельцем, между командой судна, судовладельцем-навклером и торговцем-эмпором.

„Купец средневековья, — писал Энгельс, — отнюдь не был индивидуалистом, он был по существу своему общинником, как и все его современники... То же относится к горной промышленности, где также каждый пай горного участка давал одинаковое участие, и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями... то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам (Genossenschaft), вызвавшим к жизни заморскую торговлю“.² Эти слова Энгельса находят свое полное подтверждение и в „Морском законе“.

Часто встречающийся на протяжении его текста термин „товарищество“ (κοινωνία) является лучшим доказательством распространения этой формы отношений в морской торговле. Договоры о товариществе заключались, по данным закона, между торговцами (III, 17), между навклерами (III, 21), между торговцами и навклерами (III, 32), между членами команды судна (ср. также III, 9, 27, 28).

Часто упоминается о займе денег под проценты. Это практиковалось как навклерами, так и торговцами. Сравнительно широкое развитие ростовщичества в Византии VIII—IX вв. легко объяснимо, так как „ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров“,³ что и имело распространение в Византии в рассматриваемое время.

Известия о морской торговле содержатся и в других источниках. Генесий, продолжатель Феофана, Псевдо-Симеон и Скилида повторяют рассказ об огромном корабле Феодоры, жены императора Феофила. Этот корабль прибыл в гавань Буколеона и был сожжен императором, „не желавшим из-за подобной жены превратиться, как говорят хронисты, в навклера (по другой версии — в эмпора)“. Продолжатель Феофана, описывая этот корабль, указывает, вероятно „на глазок“, что он был способен перевезти 1000 людей. Когда он со своими огромными распущенными парусами прибыл в Константинополь, то тень парусов легла на всю пристань.⁴

Таким образом, есть все основания считать, что в рассматриваемую эпоху Византия и центр ее — Константинополь играли видную роль в международной торговле и имели широкие торговые связи, несмотря

¹ „Мор. зак.“, III, 5—7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 501—502.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 608.

⁴ Theophanes Continuatus, ed. I. Bekker, Bonn. 1838, p. 88 sq. и p. 628; Genesios, ed. C. Lachmann, Bonn, p. 75, Cedrenus—Migne, PG. t. 121, col. 102.

на завоевание восточных провинций халифатом. В VI—VIII вв. греческие и сирийские купцы посещали города Западной Европы: Рим, Равенну, Марсель, Нарбонну.

Константинополь, славившийся своими редкостными товарами, привлекал купцов со всех сторон. Именно поэтому, вероятно, об организации торговли и ремесла в Константинополе сохранились наиболее полные сведения. Однако было бы неверно считать, что Константинополь был единственным центром ремесленного производства и торговли в Византии VIII—IX вв. Так, например, на VIII—IX вв. приходится расцвет производства шелка в Малой Азии,¹ с которой конкурировали и некоторые местности Эллады.

Следует отметить, однако, что ремесленное производство отнюдь не было сосредоточено только в городских центрах.

Из λόγος ἀποδείκτικὸς к Константину V, написанного Иоанном Иерусалимским в 770 г., известно, что в епископских имениях значительное место занимали не только хлебопашество, скотоводство, виноградарство и разведение оливок, рассчитанные на производство для продажи, но и шелководство (πῶς παρατεύσσονται τὸ ἐρίον καὶ τὸ μέταλλον).²

В Студийском монастыре также было большое количество ремесленников, среди которых упоминаются кожевники, сапожники, портные, ткачи, золотых дел мастера, кузнецы, слесари, ножовщики, специалисты по изготовлению ключей (κλειδοποιοί), цепей, рыболовных крючков, гончары, мастера, изготавливавшие фляги, седла, бичи, корзины, сети, палатки, каменщики, плотники, столяры, красильщики, иконописцы (ζωγράφοι), делатели бумаги (χαρτοποιοί), пергамента (μεμβρανοποιοί), переписчики, переплетчики (ἀμφιβιβηταί, ἀμφιβιβισταί). В монастыре существовали разнообразные мастерские, которые, по свидетельству Федора Студита, изготавливали продукцию не только для непосредственного потребления монахов, но и на продажу.

В агиографической литературе имеется немало сведений того же рода. Так, в житии Федора Эдесского (ум. в 860 г.), которое написано его племянником Василием Эмесским,³ упоминается монах, изготавливавший на продажу τὴν σείρα — веревки.⁴

В житии Афанасия Эгинской (ум. в 860 г.) упоминается о ее занятии ткачеством (sola telam texerat).⁵

Феодора Солунская (ум. в 892 г.), по свидетельству ее современника и биографа клирика Георгия, имела в своей келье, которую она занимала вместе с дочерью, ткацкий станок.⁶

О ремесленниках упоминается в рассказе о перенесении мощей Евфимии, написанном тийским (Пафлагония) епископом Константином на основании его личных воспоминаний.⁷ Константин — автор рассказа — был вероятным участником соборов 869 и 878 гг.

В житии Евстратия (ум. ок. 885 г.), написанном по записям его современников,⁸ упоминается о ἐργαστηριαίς, приведенном к Евстратию своего сына.⁹ В житии Иоанна Психаита (ум. ок. 820 г.), написанном

¹ J. Sölch. Historisch-geographische Studien über bithynische Siedelungen. „Byz. neugr. Jahrbücher“, I, 1920, S. 304.

² Migne P G, t. 95, p. 331b.—332b.

³ И. Помяловский. Зап. СПб. ун-та, ист.-фил. фак-та, 1892, 1—220.

⁴ X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 413.

⁵ Acta Sanctorum Bollandiana (далее — AASS) август, III, p. 170. X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 451.

⁶ Еп. Арсений, Житие и подвиги Феодоры Солунской, Юрьев, 1899.

⁷ AA SS сентябрь, V, 274—283.

⁸ A. Papadopoulos-Cerameus. Analecta, t. IV, СПб., 1897, стр. 367—400.

⁹ Ср. X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 329.

во второй половине IX в.,¹ упоминается о меднике (*χαλκεύς*); в житии Стефана Нового (ум. в 767 г.), написанном диаконом Стефаном в 807 г.,² — о мастеровом [*ῥάπηλος*] и т. д.

В крупных поместьях византийских феодалов, как светских, так и духовных (в монастырях, в епископских имениях), было немало искусных мастеров и мастериц текстильных (шерстяных, льняных, ковровых) изделий. Наиболее ярким документом, свидетельствующим об этом, является рассказ Константина Багрянородного об имении Данилиды в Пелопоннесе. Он указывает, что эта женщина изготовила (руками своих мастериц) и отослала императору Василию I в подарок большие шерстяные ковры (*τάπητας*), носящие наименование „моленных“ (*τοὺς παρ' ἡμῖν τῆς εὐχῆς τὸ ἐπὶ πόντον φέροντας*), чтобы ими закрыть весь пол знаменитой „Новой церкви“, который был украшен мозаикой, составленной из многих драгоценных камней и изображавшей прекрасных павлинов; ковры эти были достойны удивления и по величине и по красоте.³

Многочисленные категории ремесленников и торговцев в городах и сельской округе — ткачи, мыловары, свечники, кожевники, булочники, мясники, ювелиры, строители, торговцы мясом, рыбой, лошадьми, глиняной посудой, менялы и т. д. — находились под постоянным надзором византийских властей; эти последние, по характеристике Федора Студита, жестоко взывали с них налоги и сборы⁴ и регламентировали до деталей всю их деятельность.

В начале X в. некоторые из ремесленников, как можно судить по „Книге Эпарха“, были объединены в корпорации, каждая из которых имела монополию на определенную отрасль производства или торговли, установленное место для своей деятельности и т. д.

В некоторые корпорации (аргиропратов, вестипратов, сирикариев и др.) принимались и несвободные (рабы) при условии полного материального поручительства их господ за них и за их мастерскую. Притом господа должны были обязательно принадлежать к разряду евпоров.⁵

Всякого рода отступления от установленных правил производства и торговли карались жестокими телесными наказаниями, обычно применявшимися в эту эпоху к эксплуатируемым классам общества.⁶

Наиболее важные и доходные отрасли ремесленного производства (шелк) являлись в X в. монополией государства. Данные жития Антония Кавлея (ум. в 901 г.) дают основание считать, что и в интересующий нас период шелковое производство было сосредоточено в руках государства. Так, в житии упоминается об одном из начальников

¹ P. Van den Ven. La vie grecque de S. Jean le Psichaité. „Museum“, N. S., 3, 1902, p. 97—125. Ср. X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 231 сл.

² Migne, PG, 100 col. 1069—1186. Ср. В. Никитин. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 1099—1115; X. М. Лопарев Ук. соч., стр. 144.

³ Theoph. Cont., p. 319.

⁴ См., например, письмо Федора Студита от 801 г. к Ирине — Migne, PG, t. 99, col. 932—933. Русский перевод: „Творения преп. Феодора Студита“, СПб., 1867—1869, т. II, стр. 215—216.

⁵ Евпором византийское законодательство называло человека, который владел имуществом, оцениваемым не менее чем в 50 номисм. Ср., например, Procheir., XXVII, 13 Ecl. ad Proch. mut. XVI, 13. В VIII—IX вв. 50 номисм представляли значительную сумму — за эти деньги можно было купить (согласно „Морскому закону“) новый торговый корабль.

⁶ Ср., например, Ecloga, VIII, 6; XVII, 11. „Ворующий в чужом месте (в пределах). — Е. А.) государства (τῆς πολιτείας) в первый раз — если это свободный (ἐλεύθερος) и состоятельный (εὐπορῆ), присуждается к возмещению покражи; если же — неимущий (εἰ δὲ ἀπορῆ), то будет высечен и выслан в изгнание; во второй же раз присуждается к отсечению руки“.

императорских шелковых мастерских (τῆς τῆς βασιλείου τῶν σιρῶν ἱστορικῆς ἐπιστάτουτων).¹

О развитии ремесленного производства и торговли в провинциальных городах империи, о жизни этих городов в рассматриваемую эпоху мы мало осведомлены.

Имеющиеся сведения носят совершенно случайный характер. Однако сопоставление их все же бросает некоторый, хотя, к сожалению, и весьма недостаточный свет на этот важный и совсем не разработанный в науке вопрос.

Наиболее определенные данные относятся к районам Македонии и Греции, и прежде всего к Фессалонике — второму после Константинополя городу империи, постоянно именуемому „знаменитым, блестящим, прославленным“.² Поскольку свидетельства эти относятся частью ко времени, непосредственно предшествующему интересующему нас периоду, частью к самому началу X в., использование их может до известной степени восполнить недостаток прямых данных.

Фессалоника, как известно, расположена амфитеатром, поднимающимся по склону возвышенности Корфиата над заливом, имеющим ряд удобных гаваней для причала судов. Прославленный фессалоникский порт, благоустроенный еще в IV в. н. э.³, описывается и в „Acta Demetrii“.⁴ Там рассказывается, что порт (σῶμα) был снабжен молом (μύλος), защищенным башней. Автор „Acta“ упоминает, что регулярный подвоз продуктов в город с моря нарушался лишь во время славяно-аварской осады Фессалоники. Город был со всех сторон обнесен мощными стенами,⁵ ограждавшими его от возможности неожиданного нападения как с суши, так и с моря. Подобным же образом и близлежащие монастыри имели столь грандиозные стены и укрепления, что авары и славяне, подойдя к ним, приняли их первоначально за городские.⁶

Внутри города и по ту сторону стен были расположены виноградники и сады. За пределами города находились пашни, принадлежавшие горожанам,⁷ что свидетельствует о тесной связи города с сельской округой, столь характерной для этого периода. В то же время и в пределах самого города (в его восточной части), как показывает запродажная 897 г.,⁸ находились возделанные земли и виноградники.

Поскольку от древней Фессалоники не сохранилось ни одного памятника (древнейшие сохранившиеся относятся к IV в. н. э.), есть все

¹ А. И. Пападопуло-Керамевс. Сборник греч. и лат. памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899, т. I, стр. 1—25, § 26.

² Ср. запродажную 897 г. у G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavre, Paris, 1937, № 1.

³ Zosimi. Historia, ed. Bonn, II, 22 (p. 86). См. О. Tafrali. Ук. соч., стр. 15.

⁴ Migne PG, t. 116, col. 1328 и далее.

⁵ Стены города построены в IV в.

⁶ Примером обнесенного стенами монастыря может служить и знаменитый монастырь Дафни (близ Афин). Стены, ограждающие его территорию, относятся к VI в. См. G. Millet. Le monastère de Daphni. Paris, 1899.

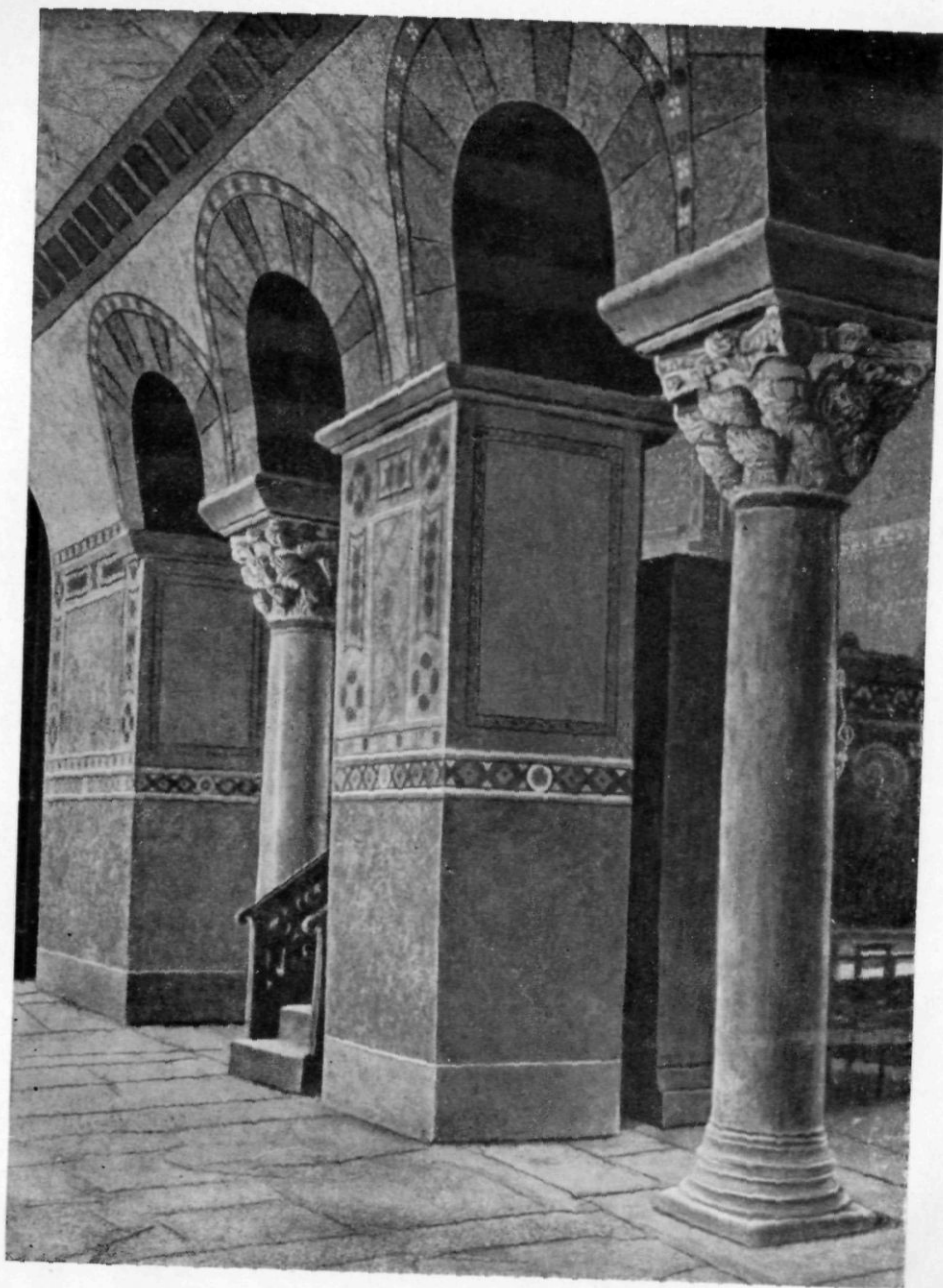
⁷ Автор сказания упоминает о том, что в момент осады горожане находились вне городских стен на полевых работах. „Подъезжая к городу, путешественник был вынужден часами проезжать через богатые насаждения виноградников и деревьев“, — говорит Пукеваль. См. О. Tafrali. Ук. соч., стр. 23. Ср. G. L. F. Tafel. De via Egnatia, Tübingen, 1841. О том же свидетельствуют и надписи.

О садах и растительности внутри города см. Eustathius. De laudatione S. Demetrii. Migne, PG, t. CXXXVI, col. 213. Ср. О. Tafrali. Ук. соч., стр. 140. О виноградниках внутри города см. X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 59. В житии Илариона Грузина рассказывается, что диакон церкви св. Димитрия, отправившись за город для посещения своих нашен, был захвачен в плен скифами (т. е. славянами), когда уже находился на довольно большом расстоянии от города.

⁸ См. ссылку в прим. 2.

Фессалоника. Арка Галетия до реставрации.

Фессалоника. София. Внутренний вид.

основания считать план города в целом созданием средневековой эпохи. От старого плана эллинистического и римского времени Фессалоника сохранила лишь две крупнейшие городские магистрали и площадь, вымощенные плитняком (подобно главным улицам и площадям Константинополя).

Первая из них — знаменитая *via Egnatia* — прорезает город в направлении с запада на восток. Вход на эту широкую улицу (*λεωφόρος*) открывается через Золотые ворота (со стороны Вардара) и украшен внутри города триумфальной аркой. Подобным же образом на противоположном конце улицы перед воротами Кассандра возвышается вторая триумфальная арка.

Параллельно *via Egnatia*, несколько севернее ее, от ворот „Архангелов“ (Телли-Капу) мимо церкви Димитрия, проходит вторая широкая магистраль. На некоторых улицах имелись портики, воспроизведенные на миниатюрах. Близ ворот Кассандра, южнее *via Egnatia*, находился в рассматриваемое время городской рынок.

В описаниях византийских писателей Фессалоника характеризуется как город, богатый растительностью, садами, кипарисовыми насаждениями, имеющий сравнительно хорошее водоснабжение (ключи, цистерны). Как и другие византийские города, Фессалоника имела множество церквей (по местной легендарной традиции — по числу дней в году), по имени которых именовались городские кварталы.

В отличие от эллинистических городов средневековая Фессалоника не имела строго выдержанной геометрической планировки своих улиц и кварталов, если не считать двух главных магистралей, оставшихся от старого плана города. Боковые улицы были узки, тесны.

Яркую картину жизни города рисует Каменьята, рассказ которого во многом дополняет сообщение „*Acta Demetrii*“. По словам этого автора, составившего свое описание вскоре после 904 г., жизнь в Фессалонике была ключом.¹ „Так как через середину города проходит большая государственная дорога (*λεωφόρου δημοσίας*), ведущая с запада на восток, и так как проходящие по ней в силу необходимости вынуждены останавливаться (*ἐν διατρίβειν*) у нас и запасаться необходимыми продуктами (*καὶ τὰ πρὸς τὴν χρεῖαν πορίσασθαι*), то мы имеем возможность пользоваться плодами этого и приобретать себе все, какие ни на есть, прекрасные вещи (*πάν ὅτι οὐκ ἔστιν αἰποὶ τις τῶν καλῶν ἐξ αὐτῶν ἐγκαρποφύετα τε καὶ ποσειδόμετα*). По улицам всегда ходит пестрая толпа из местных жителей и пришельцев, так что легче было бы сосчитать число песчинок в море, чем людей, направляющихся к рынку и занимающихся обменными операциями. Вследствие этого многие приобретали большие сокровища из золота, серебра, драгоценных камней, другие же — сирийские (шелковые) одежды, как и одежды из шерсти. О прочих материалах, таких, как медь, железо, олово, свинец, стекло, а также и тех, которые с помощью огня слагают (соединяются) и создают жизнь (речь идет, очевидно, об алхимии. — Е. Л.), я только упомяну и думаю пройти мимо них. Ибо их такое количество, что из них можно было бы строить и выстроить другой город“.

Эта характеристика вполне согласуется с позднейшим замечательно красочным описанием Фессалоникийской ярмарки, в „Тимарионе“² — сатире, написанной неизвестным писателем в XII в.

¹ Издано вместе с Theoph. Cont, p. 500. Жития святых, живших в Фессалонике и близ нее в IX в. (Житие Феодоры, Евфимии, Григория Декаполчта), дополняют эту картину.

² A. Elissen. *Analekten der mittel-und neugriechischen Literatur*, Bd., IV, Th. 1, S. 45—48. Рынок в это время находился, однако, уже в другой части города. Местоположение рынка в IX в. засвидетельствовано Федором Студитом и житием Феодоры (IX в.). Материалы собраны О. Tafrali. Ук. соч.

По мнению О. Тафрали, рынок так же, как и в Константинополе, был огражден стенами. Он делился на секции по роду торговли наподобие константинопольского рынка, описанного Ибн-Батуттой.

О знаменитых Фессалоникийских солеварнях упоминается в эдикте Юстиниана II (688 г.).¹

Наряду с такими крупными центрами, как Константинополь и Фессалоника, должен быть отмечен и портовый город Энос² с его соляными промыслами.

Археологические исследования последнего времени бросили несколько ярких штрихов на ранее вовсе неизвестную картину жизни менее значительных провинциальных городов, находившихся во внутренней части Македонии.

Если Филиппы³ изучены археологами совершенно недостаточно и в настоящее время нам известны лишь отдельные архитектурные памятники (поэтому историю города приходится изучать на основании весьма скудных упоминаний в письменных источниках), то значительно лучше сейчас известны такие города, как Стоби, Афины, Коринф.

Стоби расположен в долине Вардара, примерно на 100 км севернее Фессалоники, в месте соединения рек Црны и Вардара. Подобно Фессалонике, этот город находился на стыке путей, связывавших Эгейское море с долиной Дуная. Одновременно Стоби имел через долину реки Црны прямую связь с *via Egnatia*, проходившей примерно на 50 км южнее и связывавшей Фессалонику с Адриатическим побережьем через Гераклею (Витоль — Монастырь) и Эдессу (Водену).

Лишенный преимуществ приморских городов, таких, как Фессалоника и Энос, Стоби некогда, в V—VI вв. н. э. — первый город Македонии (*καὶ τὴν πρώτην τῆς Μακεδονίας πόλιν*),⁴ повидимому, и в рассматриваемую эпоху сохранял значение важного центра внутренней Македонии.⁵

Как удалось выяснить в результате систематических раскопок, стены города, охватывавшие площадь 500 × 400 кв. м, представляли собой

¹ A. A. Vasiliev. An edict of the emperor Justinian II., „Speculum“, XVIII, 1943, p. 1—13; H. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinien II., „Byzantion“, XVII, 1944—45, p. 119 sqq.

² Ср. замечательно яркое описание достоинств местоположения Эноса у Критовула (II, 12, 2—7), ed. C. Müller. Ук. соч., v. V, 1870, p. 112 и сл. Вследствие своего приморского положения город, говорит он, уже с древних времен имел изобилие всего. Но важнейшая причина того, что город превосходит почти все соседние города обилием денег и доходов, это добываемая здесь соль, которая нигде не встречается в таком количестве и такого качества. Благодаря продаже соли по всей Фракии и Македонии город собирает много золота и серебра. Немного выше автор рассказывает и о больших доходах от рыболовства и о торговых связях местного населения с городами материка.

³ Филиппы входили в состав фемы Стримон, основанной в 789—809 гг. (Кирикидес) или в 842—850 гг. (Лемерль). Филиппы были покинуты Византией в 812 г. во время войны с Болгарией и перешли в руки болгар. Согласно имеющимся указаниям (в частности, в житии Григория Декаполита), в период с 831 по 838 г. за Византией в этом районе осталась только незначительная территория с Христуполем (где стоял греческий гарнизон) — нет никаких упоминаний ни о феме, ни о стратиге. Центром фемы были Серры, иногда же, когда Серры оказывались в руках врагов, — Христуполис. Опубликованные памятники — остатки двух базилик с чрезвычайно интересной, красочной внутренней орнаментацией панелями — относятся к VI в. См. новейшее исследование по этому вопросу — P. Lemerle. *Philippines et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*, Paris, 1945.

⁴ Malchi. *Philadelphi Fragmenta*. C. Müller. Ук. соч., v. IV, p. 125.

⁵ Б. Сария, однако, считает, что в средние века жизнь в городе Стоби совсем заглохла. Как мне думается, этому противоречат данные раскопок (см. ниже). В римскую эпоху Стоби получил, как Фессалоника и Верия, права римского *municipium*. Об античном Стоби см. B. Sarria в Pauly — Wissowa, *Realencyclopädie*, s. v. *Stobi* с указанием литературы.

местами три ряда укреплений (толщиной 2 м 40 см), имели контрфорсы и башни; по мнению большинства исследователей, они относятся к концу V в.¹ Их сооружение связывают с готским нападением 479 г.

Античный город был значительно больше, о чем можно судить по остаткам зданий, относящихся к тому времени, найденных и на левом берегу реки Вардар.

Как и в Фессалонике, вход в город открывается через ворота, сходные в некоторых чертах по форме с фессалоникийскими Золотыми воротами и Золотыми воротами Константинополя.² На площади, занятой поселением, вскрыто несколько улиц. Одна из них (шириной в 4,85 м, с тротуарами по 2,85 м ширины) вымощена плитами и засыпана гравием. В нескольких местах найдены разбитые колонны, ионические и коринфские капители, с импостами, либо никак не украшенными, либо несущими на себе изображение рельефного креста, дельфинов, рыб, орнамент из виноградной лозы. Колоннада была укреплена в позднейшее время столбами, поставленными через каждые две колонны. Нижняя часть столбов сделана из камня, верхняя — из кирпича. Найдены остатки кирпичных арок; возможно, что колоннада несла сводчатое перекрытие. На середине улицы найдено два античных фундамента, использовавшихся в середине века в качестве баз для императорских бюстов.

Подобные же улицы с колоннадами известны и в других городах империи.³ Поскольку все эти находки датируются IV—V вв., есть все основания считать, что столбы колоннады, относимые Г. Мано-Цисси к позднейшей эпохе, были поставлены в VI, а может быть даже в VII в. К этому же позднейшему времени, вероятно, относятся боковые кривые улицы, так не похожие на правильно расположенную главную улицу.⁴

Мы располагаем интересными данными, свидетельствующими о наличии ремесленного (текстильного) производства на территории города. В некоторых жилых домах, выстроенных из дешевых простых материалов, имелись комнаты абсидальной формы и внутренний двор. В одном из них вскрыты сложные дренажные приспособления, множество морских раковин и орудия, применявшиеся в текстильном производстве. Эти находки дали основание исследователям сделать вывод о наличии в этом доме текстильной мастерской и красильни тканей. Местами в домах найдены кусочки стеклянной смальты.

Наряду с жилыми домами, к сожалению, пока мало обследованными, на территории города вскрыто несколько дворцов с мозаичными полами и театр римского времени.

С другой стороны, о дальнейшей жизни города свидетельствуют и письменные источники и находки, сделанные в епископальной церкви. Так, два епископа города Стоби — Иоани и Маргарит — принимали участие в Трулльском соборе в Константинополе и подписали его акты в 680 и 692 гг.⁵

¹ E. Kitzenger. A survey of the early christian town of Stobi, „Dumbarton Oaks Papers“, № 3, 1946, p. 113

² Там же, стр. 112.

³ В Константинополе, Фессалонике, Эфесе.

⁴ E. Kitzinger (ук. соч.) считает, что первоначальная закладка главной улицы с портиками относится еще к II—III или IV—V вв., когда многие города (Тимгад, Жераза, Пальмира, Антиноя) получили *piano regolare* с улицами, украшенными колоннами и монументальными площадями и экседрами. Подобная же экседра завершает и мощеную улицу в Стоби. Однако аркады в портике вместо прямого архитрава указывают на время после IV в.

⁵ Деяния вселенских соборов, т. VI, 1882, стр. 248, 315.

К VIII в. относится орнаментация епископальной церкви фресковыми росписями. К тому же или немного более раннему времени могут быть отнесены и некоторые найденные на территории церкви фрагменты барельефов из мрамора.

Таким образом, есть основания предполагать, что город не только жил в интересующую нас эпоху интенсивной жизнью, но и продолжал украшаться новыми памятниками искусства.

Некоторые новые данные были обнаружены и во время раскопок на агоре средневековых Афин. Раскопки в восточной части агоры близ стены Валериана пока систематически еще не производились. Однако сделанные здесь случайные находки и находки монет дают основание считать, что именно в этом районе находилось поселение византийского времени.

Самая стена Валериана была построена в III в. н. э. Она была частично восстановлена в VI в. (при Юстиниане). В 662 г. Константин II провел зиму в Афинах. Это свидетельствует о том, что город оставался хорошо защищенным и в VII в. Стена оставалась и в VIII в., и близ нее были найдены следы поселений, относящихся ко времени, которое буржуазные ученые именуют „темными веками“, т. е. к VII—VIII вв. М. Томсон считает, на основании найденных близ стены в большом количестве бронзовых монет 711—741 гг. (Филиппика-Вардана, Артемия-Анастасия II и Льва III), что либо проходящая здесь дорога римского времени продолжала обслуживать население города VIII в., либо вдоль стены и в притык к ней были построены дома, относящиеся к этому времени.¹

Находки монет первой половины VIII в., обнаруженных в значительном количестве у стены Валериана, дали М. Томсон основание сделать вывод, что „вся восточная часть греческой агоры была заселена в VIII в.“

Сравнительно резкое падение количества найденных византийских бронзовых монет в Афинах, как и в Коринфе в VIII—IX вв.,² указывает на экономический упадок этих городов в рассматриваемое время. Тем не менее, следует отметить, что самый характер монет, найденных в Афинах, относящихся ко времени 711—741 гг., нигде не повторяется. Использование ограниченного количества штампов,³ встречающихся только на афинских монетах, указывает на их локальное происхождение и, вероятнее всего, на местный чекан.

¹ M. Thompson. Some unpublished bronze money of the early eighth century. „Hesperia“, 9, 1940.

² Привожу таблицу распределения византийских монет по векам (M. Thompson. Ук. соч., стр. 373, п. 33), так как она наглядно подтверждает это положение.

АФИНЫ		КОРИНФ	
VI в. — 254 монеты		VI в. — 2833 монеты	
VII в. — 736 монет		VII в. — 181 монета	
VIII в. — 113 „		VIII в. — 9 монет	
IX в. — 56 „		IX в. — 1439 „	
X в. — 146 „		X в. — 2513 „	
XI в. — 1983 монеты		XI в. — 14803 монеты	
XII в. — 2580 монет		XII в. — 9071 монета	

³ Все монеты Филиппика были отчеканены шестью штампами. M. Thompson. Ук. соч., стр. 367. По отдельным царствованиям монеты распределяются следующим образом:

Филиппик (711—713) — 44 монеты
 Анастасий II Артемий (713—716) — 3 „
 Лев III (717—741) — 16 монет

Многие из них носят следы перечековки с монет Юстиниана II и Анастасия II. На одной из них под первым чеканом следы штампа Тиберия III.

Фессалоника. Развалины церкви Димитрия.

Таблица монет (Hesperia, IX, 3, 1940)

Все монеты находятся в очень плохом состоянии. Многие носят следы троекратной (или даже более того) перечековки.

С другой стороны, по мнению издателя, находка значительного числа монет (113), падающих на одно только первое сорокалетие VIII в., заставляет по-новому оценивать экономическую жизнь города в это время. На основании этих данных исследовательница признает необходимым подвергнуть критическому пересмотру теорию „темных веков“ и приходит к следующему выводу: „Мнение о том, что Афины представляли собой лишенную значения афинскую деревню в первой половине (точнее, в начале) VIII века, должно быть оставлено, если привлечь во внимание активизацию чеканки монет“.¹

Судя по монетным находкам (см. таблицу), и жизнь Коринфа в IX в. также стала интенсивной. Если на VIII в. падает всего 9 найденных монет, то монет IX в. найдено 1439.²

О жизни других городских центров, игравших также немаловажную роль в рассматриваемую эпоху, имеется совсем мало данных.

Так, например, Никея — главный центр фемы Опсикия в VIII—IX вв., игравшая важную роль в политической истории рассматриваемого периода, в настоящее время известна лишь по случайным и крайне малочисленным данным. По описанию Ибн-Хордадбе, Никея, входящая наряду с десятью крепостями в состав фемы аль-Обсик (Опсикий), расположена в 8 милях от города, на берегу озера длиной в 12 миль, у берегов которого возвышаются три горы. Когда жители города напуганы опасностью, они сажают женщин и детей на лодки и перевозят их на горы близ озера.³

Никея находилась на большой торговой и военной дороге, ведущей из Константинополя в Антиохию и Дамаск. О тесных связях последнего с Византией свидетельствуют, в частности, относящиеся к первой половине VIII в., недавно открытые там мозаичные росписи, выполненные византийскими мастерами. Идриси, воспроизводящий с дополнениями сообщение Ибн-Хордадбе, упоминает о пути, который вел от Никеи к Абрузии, „знаменитому, многолюдному городу с базарами и жилыми домами“.

Продолжатель Феофана характеризует Никею, как многолюдный и издревле богатый город (*ἐκεῖθεν πρὸς Νικαίαν ἐφίσταται πόλιν ἀρχαίον πλουτοῦ καὶ πολύανδρον*).⁴ Никею восхваляли и более поздние византийские писатели.⁵

Хорошее местоположение города на стыке дорог и развитие в Никее ремесленного производства (в частности, производства шелка) от-

¹ M. Thompson. Ук. соч., стр. 377. Из вышеприведенной таблицы распределения монетных находок по отдельным царствованиям ясно видно, что речь должна идти не о начале VIII в. („early VIII century“), как думает Томпсон, а, вернее, о первой половине VIII в., так как часть монет относится к времени царствования Льва III (717—741 гг.).

² Результаты археологического обследования Коринфа, дополняющие картину его жизни в VIII—IX вв., см. G. Davidson. „Archeological evidence for a slavic invasion of Corinth.“ „American Journal of Archeology“ 1936, p. 128—129.

³ Цитирую по книге H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung, 1899, S. 83. Соперничавшая некогда с Никеей Никомидия, принадлежавшая к феме Оптиматов (аль-Офти-Маги), была во времена Ибн-Хордадбе разрушена.

⁴ Theoph. Cont., p. 461.

⁵ Theodoros Scutariotes. Addenda ad Georg Acropol., p. 28, II, Nicephoros Blemmyd. (ed. Heiseberg, Leipzig, 1896, S. 112 сл.) — „город с широкими улицами, окруженный стенами“. Theod. Metoch. Νικαῖος — город, богатый деньгами, продуктами, большим числом церквей (Miscellanea). Ср. также Theod. II. Lasc. εἰς τὴν μεγαλόπολιν Νικαίαν. Цитирую по кн.: Sölch. Ук. соч., стр. 281 сл.

мечается многими авторами. Как уже говорилось, расцвет шелкового производства в Малой Азии падает на VIII—IX вв.¹

Стены Никеи считаются самыми внушительными и наиболее хорошо сохранившимися от византийского времени; их длина достигает 4970 м. Во время последних археологических исследований стены Никеи были замерены и обследованы. Было установлено, что техника эта вполне аналогична той, которая применялась при строительстве стен Константинополя.²

В VIII в., как указывается в сохранившейся надписи, стены Никеи были реставрированы Львом и Константином, повидимому, в связи с победой над арабами в 727 г.³

Город, как сообщает Феофан, пострадал весьма сильно во время землетрясения в 740 г. Если верить Феофану, то это страшное землетрясение, продолжавшееся двенадцать месяцев, разрушило не только церкви и монастыри Константинополя, но и города и поселки Фракии (πόλεις καὶ χωριάς ἐν τῇ Θράκη), Никомидию, Пренет и Никею. При этом в последней „сохранилась лишь одна только церковь“ (ἐν ᾗ μὲν ἐσώθη ἐκκλησία).⁴

Стены города подверглись новой реконструкции в 857—858 гг., о чем также имеются свидетельства в надписях.⁵

Значительные работы по строительству стен и зданий, широко проводившиеся в VIII—IX вв. в Никее, городах Македонии, Греции (кроме выше приведенных данных, сохранились сведения о полной отстройке города Патр Никифором I и, особенно, о строительстве в Константинополе), сами по себе свидетельствуют о большой роли городов в экономической и культурной жизни Византии VIII—IX вв.

Итак, приведенные данные показывают, что в VIII—IX вв., несмотря на наличие развитого ремесленного производства в городах, оно было еще тесно связано с сельским хозяйством. Жители деревни занимались ремеслом наряду со своими основными сельскохозяйственными работами. Характеризуя средневекового ремесленника, Ф. Энгельс писал, что „он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок земли, одну-две коровы, свиней, домашних птиц и т. д.“.⁶ Слова Энгельса, как это вытекает из собранных нами данных, вполне применимы и к Византии VIII—IX вв.

Из всех разнообразных отраслей ремесленного производства мы наилучшим образом осведомлены о ткачестве. Это, вероятно, не случайно, так как ткачество имело распространение и в деревне и в городе.

¹ I. Sölch. Ук. соч., стр. 282 сл. О том же в отношении Бруссy. — Там же, стр. 304.

² A. M. Schneider. The city-walls of Nicaea, „Antiquity“, XII, 1938, p. 438. Ср. A. M. Schneider. The city-walls of Istanbul, „Antiquity“, XI, 1937, p. 465.

³ Надпись находится на мраморной плите, вделанной в стену башни. Она неоднократно переиздавалась. См. Ф. И. Успенский. Две исторические надписи. I. Надпись на башне Артавазда, „Известия Рус. Археол. Ин-та в Константинополе“, III, 1898, стр. 180—183: „Где с божьей помощью (заботой) был посрамлен пыл врагов, там наши любящие Христа императоры Лев и Константин обновляли ревностно город Никею, снова сделав ее указанием на это дело победительницей, воздвигнув башню стофуттовую, которую с трудом выполнил Артавазд всеславный патрикий и куропапат“. Разночтения см. также у I. Sölch (Ук. соч.), который, однако, не знает работы Ф. И. Успенского.

⁴ Theoph. Chronogr., p. 412, s. a. 6232. Сведения эти повторяют и другие хронисты (Никифор, Георгий Монах, Кедрин, Зонара). Однако последнюю фразу, кроме Феофана, мы находим у одного только Анастасия Библиотекаря.

⁵ A. M. Schneider. „Antiquity“, XII, 1938, p. 441.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 499.

В Византии, как и на Западе, „наряду с ткавшими для собственного потребления крестьянами... в городах возник новый класс ткачей, ткани которых были предназначены для всего туземного рынка, а по большей части и для иностранных рынков... Ткачеством занимались очень часто и вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках“.¹

Во всех городах (как в столице, так и в провинции) и в крупных поместьях церковной и светской знати, имелась широкая прослойка ремесленников и мелких торговцев, постоянно упоминающихся почти во всех современных литературных источниках (житиях святых, сочинениях Федора Студита, Никифора и т. п.).

Как и прежде, димоты в Константинополе играют видную роль в народных движениях. Они выступают в союзе со всеми эксплуатируемыми слоями византийского общества.²

Изредка в источниках встречаются сведения и об имевших место возмущениях ремесленников на почве задержки заработной платы. Однако эти сведения носят случайный и единичный характер. Так, например, в житии Германа — игумена одного из македонских монастырей (близ г. Косиниды), написанном в начале X в., рассказывается, как рабочие-строители, закончив постройку здания и не получив обещанной платы (100 золотых χρῆστος), возмутились, схватили Германа, связали его и повели в Драму, где и добились уплаты денег.³

В Константинополе конца VIII в. димоты, по свидетельству Никифора, выступали в качестве соратников иконоборцев и павликиан, вместе с торговцами, ремесленниками, мимами, воинами.⁴ Однако, как и на Западе, в Византии „все крупные восстания средневековья исходили из деревни“,⁵ а не из города.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 46.

² Предшествующие этапы борьбы димов и их политическая роль хорошо освещены в работах советских исследователей: А. П. Дьяконова (Византийские димы и факции в V—VII вв., Византийский сборн., 1945), Н. В. Пигулевской (Византия и Иран, М.—Л., 1946), М. В. Левченко (Венеты и прасины в V—VII вв., „Византийский Временник“, т. I, 1947). В этих работах дана оценка предшествующих русских и зарубежных исследований по этому вопросу (Ф. И. Успенского, С. Манойловича, И. Яннсена, Г. Братиану и др.), М. В. Левченко доказал, что димы продолжали играть политическую роль еще и в конце VII в. при Юстиниане II.

³ Х. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 483.

⁴ Migne, PG, t. 100, col. 555. См. Е. Э. Липшиц. Никифор и его исторический труд, „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 104.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 42.

А. П. КАЖДАН

**ЦЕХИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
В IX—X вв.**

Вопрос об организации ремесла и торговли в Константинополе IX—X вв. много изучался в буржуазной исторической литературе. Взгляды буржуазных историков и экономистов по этому вопросу стояли в тесной связи с их общими представлениями о характере византийского города. Последние определялись прежде всего политическими тенденциями буржуазных исследователей, в силу которых они то осуждали экономическую политику византийского правительства, то, наоборот, всячески превозносили ее.¹ В то же время буржуазная наука почти ничего не сделала для выяснения специфики византийского города. Одни буржуазные историки рассматривали византийский город как типичный средневековый, они идеализировали при этом средневековую систему производства, находя в ней „заботу о производителе и потребителе“ (Г. Гериг). Авторы других работ (Л. Хартманн, Ж. П. Вальцинг, А. Штэкле) изображали производственную жизнь византийского города по образцу античного: они выводили византийские цехи непосредственно из римских коллегий и не видели принципиальных различий между теми и другими. Наконец, в исследованиях последнего времени все более и более настойчиво проводится антинаучное, модернизаторское отождествление византийских цехов с капиталистическими картелями или с фашистским „корпоративизмом“ (Г. Миквид, Дж. Марцемини, Р. Лопес).

К выяснению специфических черт византийского города подошел впервые А. П. Рудаков. Правда, и А. П. Рудаков рассматривал византийский город как непосредственное продолжение античного. По его мнению, „Византия может рассматриваться как агрегат извечных городских общин-полисов“.² Но в то же время он отмечал и некоторые особенности византийского города, в частности, — относительно слабое развитие рабского труда.³ Однако эти правильные наблюдения не связаны с основной концепцией А. П. Рудакова, исходящей из его порочного методологического представления о том, что Византии было якобы

¹ См. об этом А. П. Каждан. Рецензия на работу Р. С. Лопес „Производство шелка в Византийской империи“, „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 291—292 и М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, „Византийский Временник“, т. IV, 1951, стр. 11—13.

² А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии, М., 1917, стр. 72.

³ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 139.

чуждо движение вперед, что в XV в. она оставалась такой же, какой была в IV в.

Вопрос о специфике организации византийского ремесла и торговли был поставлен с большой четкостью только в работе советского византиста М. Я. Сюзюмова „Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века“, содержащей ряд очень важных и в методологическом отношении безусловно верных положений. Несомненно правильной является высказанная им точка зрения относительно наличия внутреннего неравенства в византийских цехах. Приведенный М. Я. Сюзюмовым материал показывает полную несостоятельность мелкобуржуазной идеализации средневековой системы производства, которая была широко распространена среди немецких историков. М. Я. Сюзюмов очень убедительно показал своеобразие византийской внешней торговли, носившей пассивный характер; он правильно отметил также роль знати в константинопольском ремесле и торговле.

Однако нам кажется, что М. Я. Сюзюмов, подчеркивая своеобразие организации ремесла и торговли в Константинополе, отрицает по существу средневековый характер этой организации. Действительно, по мысли М. Я. Сюзюмова, византийский город „сохранил в основном характерные черты эллинистического города“,¹ основными особенностями производственной жизни византийского города он считает значительную роль рабского труда в ремесле и относительную слабость корпоративности в византийском цехе.² Кроме того, М. Я. Сюзюмов находит, что число наемных работников в византийском городе было весьма велико: он говорит о „многочисленной армии поденщиков“, о „массе поденщиков“, о „достаточном количестве наемных рабочих“.³ В соответствии с этим М. Я. Сюзюмов полагает, что в византийских цехах был широко распространен дух предпринимательства: византийский хозяин не был связан определенными требованиями в отношении условий содержания подмастерья, обычных для западноевропейских цехов, торговля была здесь отделена от ремесла и т. д.⁴

Эта картина византийского ремесла со слабо развитыми цехами и сильной конкуренцией, со значительной массой рабов и наемных рабочих и т. д. далека от наших представлений об организации городского производства и торговли в период средневековья. Поэтому автор настоящей работы решил пересмотреть материал для истории византийского города с тем, чтобы выяснить прежде всего черты средневековой организации производства в Константинополе и уже затем некоторые специфические особенности константинопольского ремесла.

* * *

Характерной формой организации средневекового ремесла и торговли являлись цехи, имевшие, как показала В. В. Стоклидкая-Терешкович, различные особенности в разных городах Западной Европы и Руси.⁵

Цеховой строй византийского ремесла и торговли известен главным образом по „Книге Эпарха“ (сборник цеховых уставов), позволяющей охарактеризовать константинопольские цехи. В источниках другого рода

¹ М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 13.

² Там же, стр. 13—16, 19.

³ Там же, стр. 20—21.

⁴ Там же, стр. 14, 17.

⁵ В. В. Стоклидкая-Терешкович. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси, „Средние века“, т. III, 1951.

цехи упоминаются лишь sporadически; особенно незначителен материал о цехах провинциальных городов.¹

Основной ячейкой византийского ремесла и торговли являлся эргастирий, служивший мастерской, лавкой или тем и другим одновременно. В эргастирии ремесленника или торговца работало несколько лиц. Об этом свидетельствует похвальное слово Феодору Эвхаиту: „Несколько аргиропратов объединено в одном эргастирии так, что один выполняет обязанности мастера (*διδασκάλου*), другой — помощника и ученика“.² Это наблюдение подтверждается и данными жития Илии Нового, где рассказывается, что „святой“ по достижении 12 лет был отдан в обучение столяру (плотнику), который обязался платить ему определенную плату. Два года протжил он у своего хозяина, занимаясь не только ремеслом, но и прислуживая за столом. Затем он обзавелся собственной мастерской, и его прежний хозяин, опасаясь конкуренции, предложил Илии вступить с ним в компанию в качестве „сотоварища“ (*κοινωνός*).³

„Книга Эпарха“ говорит об учениках немного. Учеников (*μαθηταί*) имели свечники (XI, 1); М. Я. Сюзюмов предположил, что термин *ἐκλέκτης* (VIII, 7) также обозначает ученика;⁴ если это действительно так, то можно допустить, что учеников имели и сирикарии.

В других случаях место ученика занимал наемный работник — мистий или мистот. Уже М. Я. Сюзюмов отметил, что положение ученика „не отличалось от положения мистия“⁵ (это, впрочем, не мешает ему в другом месте говорить об ученике и мистии, как о разных категориях работников византийской мастерской).⁶ Действительно, принципиального различия между учеником и мистием не было: как мы уже знаем, Илия Новый, например, обучавшийся ремеслу и даже прислуживавший хозяину за столом, считался нанятым (*ἐμισθωόμενος*) и получал определенную плату.

Наемные работники (мистии) применялись, насколько можно судить по „Книге Эпарха“, преимущественно в шелковом производстве (VI, 2 и 3; VIII, 7 и 10) — в качестве помощников при торговле шелком или подмастерьев. Кроме того, известны помощники тавуляриев (*ταυλαρίων*) (1, 17, 19, 24) и ростовщиков-трапезитов (*ὑπηρετωμένους*) (III, 4).

Согласно „Книге Эпарха“, мастер, нанявший мистия, не мог заключить с ним договор на срок более месяца; он не мог также выдавать ему плату более чем за месяц вперед. Мастерам запрещалось переманивать к себе чужого мистия до выполнения им работы у прежнего хозяина (в счет полученной мистием заработной платы).

М. Я. Сюзюмов полагает, что подмастерье не был тесно связан с мастерской: он якобы легко переходил от одного мастера к другому и в то же время не имел возможности превратиться в самостоятель-

¹ В солунских грамотах XIV в. упоминаются цехи мироваров (F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, Münch., 1948, № 111.30) и строителей домов (там же, № 112.33 и W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev. Actes de Zographou, „Византийский Временник“, т. XIII, 1907. Приложение № 25.72). Солунская грамота 1008 г. упоминает экзархов Иоанна и Андрея, в которых издатель актов склонен видеть цеховых старейшин (F. Dölger. Ук. соч. № 109.3—5. Ср. там же, стр. 297—298).

² Acta Sanctorum (AASS), Novembris, IV, p. 62.

³ „Православный Палестинский сборник“, т. XIX, вып. 3, 1907, стр. 45 сл.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, Свердловск, 1949, стр. 73. Ни в коей мере нельзя согласиться и с мнением Е. Черноусова (см. его статью „Римские и византийские цехи“, Журнал Министерства Народного просвещения“, т. 53, 1914, стр. 168), что *ἐκλεκт* — означает надсмотрщик.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, стр. 23.

⁶ Там же, стр. 13.

ного мастера — владельца мастерской.¹ Это мнение представляется нам не вполне обоснованным: „Книга Эпарха“ не содержит никаких запретов и ограничений при приеме в цех ученика или мистия — для этого нужно было лишь представить определенное количество поручителей и уплатить взнос (см. ниже). Известное уже нам житие Илии Нового рассказывает о судьбе ученика-мистия, проработавшего в мастерской два года и сделавшегося затем самостоятельным мастером. Бывали случаи, когда мистий женился на своей прежней хозяйке.² Установление в „Книге Эпарха“ помесичной платы мистию не может служить доказательством того, что на практике мистии были чрезвычайно подвижны: ведь и в западно-европейских средневековых городах встречалась не только годовая или полугодовая плата, но и недельная, полденная и т. п.

Таким образом, как и подмастерье на Западе, византийский мистий хотя и не был прикреплен к мастерской, сплошь да рядом оказывался прочно связанным с ней; он подолгу работал у одного мастера. С другой стороны, он имел возможность сделаться мастером. К византийскому ремеслу целиком относится положение Ф. Энгельса о том, что в средние века наемный труд вознаграждался „...не одной только заработной платой, но и иным путем: цеховой ученик и подмастерье работали не столько ради содержания и платы, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера“.³ В житии Илии Нового это обстоятельство проступает особенно ярко.

И в то же время между мастерами и мистиями возникали существенные противоречия. Некоторые из этих противоречий получили отражение в „Книге Эпарха“. Писцы тавуляриев пытались итти против воли своих хозяев — они подвергались за это увольнению (I, 17); сирикарии пытались продавать своих мистиев (мистотов) и учеников (VIII, 7). Между мастерами и мистиями шла борьба за заработную плату, и мистии переходили к другим мастерам, рассчитывая получить более высокое вознаграждение. В XI в. эта борьба принимает более острые формы: когда в городе Редесто в правление императора Михаила VII Параспинака (1071—1078) началась нехватка продуктов, мистии потребовали повышения заработной платы.⁴

Кроме свободных наемных работников, некоторые мастера применяли труд рабов (*οἰκῆτοι*). „Книга Эпарха“ упоминает ойкетов, занятых в шелковом производстве (VI, 7 и VIII, 7), и ойкетов, находившихся в услужении свечников (XI, 1). В „Книге Эпарха“ встречается и другой термин для обозначения раба — *δοῦλος*, — в данном случае — раб, торгующий мылом (XII, 9).

Рабов, принадлежащих мастерам, упоминают иногда и другие источники. О приобретении ювелиром раба рассказывает раннее житие Иоанна Милостивого.⁵ Раб, находящийся в услужении торговца, назван в „Чудесах иконы богородицы римской“.⁶ Однако агиографические памятники не показывают, какую роль играли рабы в хозяйстве ремесленников и торговцев.

А. Штэкле полагает, что рабами являлись также *ἡνδρόποι*, „люди“, которых дважды упоминает „Книга Эпарха“: в уставе мыловаров

¹ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 20.

² Genesius ed. C. Lachmann, Bonn, 1834, p. 55.12. Разумеется, это лишь единственный случай, которым приходится аргументировать из-за недостатка источников.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 254.

⁴ Attaleiates, rec. I. Bekker, Bonn, 1853, p. 204. 5.

⁵ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 151.

⁶ E. Döbschütz. Maria Romaia, „Byzantinische Zeitschrift“, 12, 1903, S. 199.35.

(XII, 8) и в уставе булочников (XVIII, 1). Он исходит из того, что мастера, как это видно из указанных статей „Книги Эпарха“, должны были кормить своих „людей“.¹ Однако этот аргумент нельзя признать достаточно убедительным: уже Е. Черноусов дал обоснованную критику аргументации А. Штэкле.² К этому можно добавить, что на харчах мастера жил, повидимому, и мистий. К тому же устав мыловаров пользуется, как уже было сказано, для обозначения раба другим термином — *δοῦλος* (XII, 9).

Таким образом, вопрос о социальном статусе так называемых *ἄνθρωποι* остается открытым: скорее всего, этот термин мог обозначать и свободных, и несвободных работников.

Особое место в византийском ремесле занимали рабы, открывавшие собственные мастерские. Раб мог стать плавильщиком золота (II, 89), аргиропротом (II, 10), торговцем шелковой одеждой (IV, 2), сирикарием (VIII, 13). Трудный для понимания текст „Книги Эпарха“ (VII, 3 и 5) должен быть истолкован в том смысле, что раб мог стать катартарием, но не имел права вести торговлю шелком-сырцом.

М. Я. Сюзюмов, много сделавший для изучения вопроса о роли рабов в византийском ремесле, предположил, что раб мог стать мыловаром.³ Основание для такого предположения дает одно место „Книги Эпарха“ (XII, 9), где идет речь о продаже мыла рабом, имеющим весы без специального клейма эпарха; наказанием для этого раба должна была служить отправка его на императорские работы.⁴ Следует все же отметить, что из данной статьи нельзя заключить, был ли упомянутый в ней раб владельцем мастерской или работником.

Рабы, владеющие мастерскими, принадлежали, как это явствует из устава аргиропротов, константинопольской знати.⁵ Своеобразие положения этих рабов состояло в том, что в экономическом отношении они представляли собою мелких, самостоятельно работающих производителей.

Некоторые профессии были недоступными для таких рабов: мы уже узнаем, что раб не мог торговать шелком-сырцом; не мог он стать и трапезитом (III, 1).

Хотя рабы не один раз упоминаются в „Книге Эпарха“, нельзя не заметить, что применение рабского труда в ремесле и торговле было сравнительно ограниченным. Рабы в основном применялись в шелковом производстве; кроме того, их труд использовался в производстве свечей и в некоторых видах торговли. Использование рабского труда в производстве мыла и в хлебопечении представляется проблематичным. Рабы-аргиропроты и т. п., владевшие мастерскими, по существу, являлись мелкими самостоятельными производителями. В своей основной массе ремесленники были свободными людьми и работали без применения рабского труда. Мировары, дубильщики, лоротомы, малактарии, ткачи полотен, мастера по металлу, столяры, маляры, работники по мрамору и целый ряд мелких торговцев не используют рабского труда. Ничего подобного античным рабским *эргастериям* с десятками работающих в них рабов византийский город не знает.

¹ A. Stöckle. *Römische und byzantinische Zünfte*, Lpz., 1911, S. 71.

² Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 168 сл.

³ М. Я. Сюзюмов. *Ремесло и торговля...*, стр. 14.

⁴ Ср. наказание для раба — плавильщика золота: Книга Эпарха, II, 9.

⁵ Книга Эпарха, II, 10. Ср. М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 14—15; А. П. Каждан. Рабы и мистий в Византии IX—XI вв., „Ученые записки Тульского пединститута“, вып. 2, 1951, стр. 72.

Каковы были размеры византийской мастерской? Раскопки в Коринфе свидетельствуют о незначительности размеров византийских эргастериев — в городе не было обнаружено ни одного крупного торгового или ремесленного заведения. Единственными значительными сооружениями средневекового Коринфа вообще были церкви.¹ В мастерской работал сам хозяин, а иногда и его жена;² помощниками хозяина были ученик или сходный с ним по положению мистий, а также раб. Однако далеко не всякий мастер имел помощников: большинство мастеров работало самостоятельно (ἰδιωτὴς).³

Число помощников было невелико. Из устава сирикариев видно (хотя здесь и не говорится об этом прямо), что мастер нанимает одного работника (VIII, 10 и 12). Тавулярии и трапезиты, занимавшие привилегированное положение, могли иметь соответственно только одного (I, 24) и не более двух помощников (III, 4).

Сложнее решается вопрос о числе помощников мыловаров и булочников: „Книга Эпарха“ не определяет количества находившихся в их распоряжении „людей“. Однако у нас нет никаких оснований считать, что их было очень много: ведь в „Книге Эпарха“ говорится неопределенно и о „помощниках“ (οἱ ὑπ' αὐτοῦς) трапезита (III, 6), хотя в другом месте здесь указывается, что число этих „помощников“ не должно было превосходить двух.

Константинопольские ремесленники и торговцы, принадлежавшие к одной и той же профессии, объединялись в коллегию, или цех. Последний в источниках обозначается греческим термином *συστήμα* или более точно *χωρὸν τοῦ συστήματος*.⁴ „Пира“⁵ (51, 7) указывает, что термин *συστήμα* в узком смысле обозначает лиц неремесленной профессии, как-то: метаксопратов, прандиопратов и остальных, — тех, кто сами не работают (αὐτοὶ οὐκ ἐργάζονται); иначе говоря, понятие *συστήμα* распространяется здесь только на купеческие коллегии. В отличие от них ремесленные коллегии обозначаются в „Пире“ термином *σωματεῖον*.

Такого рода деления купеческих и ремесленных коллегий мы не находим в „Книге Эпарха“.

„Книга Эпарха“ перечисляет следующие константинопольские цехи: аргиропраты и золотых дел мастера, катартари (мастера, очищавшие шелк-сырец), ткачи по шелку, парфюмеры, свечники, мыловары, дубильщики, лоротомы (шорники), малактарии (кожевники), булочники, вестиопраты (торговцы одеждой), прандиопраты (торговцы сирийскими тканями), метаксопраты (торговцы шелком), офониопраты (торговцы полотном), салдамарии (бакалейщики), мясоторговцы, свиноторговцы, рыботорговцы, корчмари. Особое место занимали цехи тавуляриев, трапезитов и вофров (посредники при покупке скота).

Перечень коллегий (*συστημάτων τῶν καὶ σωματείων*) содержат также и „Василики“ (VIII, 2.101). Они называют монетчиков, кузнецов, садовников, булочников, свиноторговцев, золотых дел мастеров, рыбаков и судовладельцев. Бросается в глаза то обстоятельство, что большинство названных здесь цехов отсутствует в „Книге Эпарха“, — это может быть объяснено как неполнотой этого памятника, так и архаичностью

¹ С. Н. Morgan. Corinth. The byzantine pottery, Cambridge-Massachusetts, 1942, p. 5—7.

² М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 19—20.

³ Книга Эпарха, XI, 1.

⁴ Там же, V, 3.

⁵ Изд. С. Е. Zachariae von Lingenthal Jus Graeco-Romanum, v. I., Lpz., 1856.

„Василик“. Как бы то ни было, у нас нет оснований утверждать, что в IX—X вв. действительно существовали коллегии садовников, монетчиков, кузнецов, рыбаков и судовладельцев.

В хронике псевдо-Симеона засвидетельствовано существование цеха сапожников: здесь говорится о номике Константине, который был старейшиной сапожного цеха (πρεσβύτερος τῆς αὐτοῦ).¹ Агиографические памятники почти совсем не упоминают цехов, если не считать известия метафрастовой переработки жития Сампсона Ксенодоха о существовании в Константинополе корпорации врачей, ежегодно совершавшей торжественное шествие к храму св. Мокия, где хранились мощи покровителя лекарей — Сампсона.²

Константинопольские ремесленники некоторых профессий не объединялись в цехи; это относится, в частности, к ткачам полотен. Не имели своих цехов и техниты.³

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали, что цеховой строй средневекового ремесла является отражением мелкого, застенелого, неподвижного производства и сам, в свою очередь, содействует этой застенелости и неподвижности. К. Маркс не только говорил об оковах, которые цехи налагают на свободное развитие производства,⁴ но и сопоставлял цехи с кастами, вырастающими из стремления докапиталистических обществ сделать ремесла наследственными.⁵ Ф. Энгельс в „Дополнениях“ к „Капиталу“ подчеркивал, что внутреннее устройство цехов отражало устройство общины-марки.⁶

В „Немецкой идеологии“ К. Маркс и Ф. Энгельс показали другие причины, содействовавшие образованию цехов: объединение цеховых ремесленников было порождено необходимостью оказать сопротивление объединенному господствующему классу, ростом конкуренции со стороны стекавшихся в город беглых крепостных и потребностью в общих рыночных помещениях. Все это и обуславливало складывание корпоративной собственности в городах.⁷

Присущие организации средневекового ремесла черты корпоративности отражены и в „Книге Эпарха“. Она уделяет большое внимание борьбе с конкуренцией мастеров, стоящих вне цехов. Так, устав свечников запрещает торговлю свечами лицам, не имеющим своей мастерской и, следовательно, не принадлежащим к цеху (XI, 1); в другом месте на свечников возлагается обязанность доносить эпарху о посторонних лицах, которые обманным путем изготавливают свечи из огарков (XI, 6). В уставах некоторых цехов запрещается обучать данному ремеслу посторонних: так, устав мыловаров (XII, 1) запрещает обучать этому ремеслу человека, не входящего в состав цеха.

¹ Theophanes Continuatus, ed. I. Bekker, Bonn, 1838, p. 606.16. Издатель неправильно перевел: presbyterum sutoris filium.

² Migne. P. G., t. CXV, col. 34.

³ С. Macri (L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance, Paris, 1925, p. 105) считает, что техниты были организованы в цехи. Более осторожен А. Stöckle (Byzantinische Zeitschrift, 26, 1926, S. 117), полагающий, что доказать это положение невозможно. М. Я. Сюзюмов решает вопрос о технитах различным образом: то он говорит о цехах столяров, слесарей, маляров, работников по мрамору, строителей (Ремесло и торговля..., стр. 14), то осторожно замечает: „Нет никаких данных о том, что они имели цеховую организацию“ (там же, стр. 16), то, наконец, считает возможным „определенно сказать“, что они не имели цеховой организации (там же, стр. 18).

⁴ См. К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 720.

⁵ См. там же, стр. 346.

⁶ См. там же, т. III, стр. 914.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14—15.

Особенно часто в „Книге Эпарха“ затрагиваются случаи, когда лица, не принадлежавшие к цеховой корпорации, пытались конкурировать с константинопольскими торговцами и ростовщиками. „Книга Эпарха“ содержит ряд запретительных статей в отношении деятельности этих лиц, различные предписания о мерах борьбы с такого рода нарушителями привилегий столичных купцов и ростовщиков. Трапезит имел право задерживать и приводить к эпарху „нелегальных“ меня — „мешочников“ (сакуляриев), которые совершали операции из-под полы, стоя на перекрестках со своими мешками (III, 2).¹ Аргиропраты контролировали торговцев и торговок золотом, серебром и драгоценными камнями — особенно, если это были иногородние (II, 4 и 6). Запрещена была также торговля иногородних шелком и шелковыми тканями (IV, 8; VI, 15—16; VIII, 8). Запрещена была деятельность „нелегальных“ метапратов („перекупщиков“), пытавшихся торговать мылом и свиньями (XII, 6 и XVI, 3).

В то же время „Книга Эпарха“ не содержит каких-либо статей, защищающих от конкуренции ткачей по шелку, катартариев, золотых дел мастеров, не говоря уже о техниках и ткачах полотен.

Важную роль в хозяйственной деятельности цехов играла организация совместной закупки товаров у приезжих купцов. Восточные товары (ткани и ковры), привозимые в Константинополь, должны были быть сложены в специальном помещении для временно проживающих иностранных купцов; прандиопраты закупали у последних товары сообща, после чего распределяли их между членами цеха (V, 2—3). Таким же образом происходила и покупка шелка-сырца (VI, 8 и VII, 4); при этом в „Книге Эпарха“ прямо подчеркивается, что конкуренция отдельных купцов и мастеров не должна оказывать влияние на цены (*μη ἀντιστασιντες ἡ ἐλαττωσιντες τὴν τιμὴν*) (VII, 4). Сообща совершалась также покупка офониопратами льняных тканей (IX, 3). Совместная покупка облегчала константинопольским купцам ведение дел и помогала добиваться снижения цен на привозимые товары.

Значительное внимание „Книга Эпарха“ уделяет вопросам конкуренции цехов со знатью. При этом опять-таки следует обратить внимание на то, что цеховые уставы далеко не в одинаковой степени охраняют интересы различных цехов против знати. Мы уже знаем, что плавильщики золота, аргиропраты, сирикарии, катартари, а также торговцы шелковой одеждой должны были считаться с конкуренцией ремесленников-рабов, принадлежавших архонтам. Другие цехи добились ряда привилегий, ограничивших возможности знати заниматься торгово-ремесленной деятельностью. Так, решительно запрещается торговля знатных лиц шелком-сырцом (VI, 10 и VII, 1) и свиньями (XVI, 4); рабам архонтов запрещалось становиться трапезитами и торговцами шелком-сырцом. Различия в положении тех или иных цехов по отношению к конкурировавшей с ними знати объясняются разной степенью независимости этих цехов от архонтов.

Далее, „Книга Эпарха“ регламентирует отношения между цехами, запрещая одному человеку заниматься двумя ремеслами: нельзя было одновременно торговать и шелковыми одеждами, и шелком-сырцом (IV, 7); торговец шелком-сырцом не должен был вмешиваться в сферу деятельности другой коллегии (VI, 1); запрещалось быть одновременно сирикарием и торговцем шелковыми тканями (VIII, 6); свечники не могли браться за чужое ремесло (IX, 2); торговцы благовониями не могли

¹ См. Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 162—163; М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 24.

продавать бакалейные товары (X, 1 и 6); устав салдамариев запрещал членам этого цеха заниматься делом мыловаров, мироваров, офониопратов и корчмарей (XIII, 1).

Особенно детально регламентировалась внутрицеховая конкуренция. „Книга Эпарха“ определяет место ремесленной и торговой деятельности ряда цехов. Прандиопраты должны были вести торговлю в одном месте Эмвола, а не в разных частях города (V, 2); определяется место торговли благовониями (X, 1), скотом (XV, 5 и XVI, 3) и рыбой (XVII, 1); только салдамариям было разрешено открывать лавки по всему городу (XIII, 1). Среди предписаний, касающихся вопроса о местоположении эргастриев, особенно характерно то, в котором устанавливается, что каждый мастер должен иметь свое место, чтобы не причинить ущерба другому (X, 1). В соответствии с этим свечникам запрещалось расставлять прилавки посреди улицы, в неподобающих местах, рассыпать с этой целью рабов и учеников (XI, 1). И трапезиты не могли рассылать своих подручных по площадям и улицам Константинополя (III, 6).

Регламентируется также — в значительной степени с противопожарными целями — расстояние между эргастриями (XII, 3 и XVIII, 3).

В цеховых уставах мы встречаем разработанную систему регламентации процесса производства. Особенно важно отметить наличие запрещения увеличивать размеры эргастрия — в нарушение установленного порядка (XVIII, 5). Правда, прямое запрещение такого рода в „Книге Эпарха“ встречается только один раз — в уставе булочников. Существенно, однако, то, что расширение размеров эргастрия ставится в связь с ухудшением качества продукта, поскольку и то и другое имело целью увеличение дохода.

В цеховых уставах получила отражение забота о качестве товаров, производимых мастерами данного цеха: ювелиры карались за изготовление изделий из неполноценного материала (II, 5); свечникам запрещалось применять негодное оливковое масло и негодный воск (XI, 4); устав булочников содержит в общей форме запрещение продавать товар низкого качества (XVIII, 5).

Мастерам запрещалось переманивать чужих мистиев (VI, 3 и VIII, 10), а также платить мистиям более чем за месяц вперед (VIII, 12). Запрещалось содействовать увеличению энойкиона (ἐνοίκιον) — платы за наем помещения для эргастрия (IX, 4; X, 3; XIII, 6; XIX, 2) — поскольку это могло бы привести к увеличению затрат мастера.

Регламентировались также условия приобретения сырья и товаров. „Книга Эпарха“ запрещает мастерам приобретать сырье в количестве, превышающем то, которое непосредственно необходимо для работы (II, 8, 9; X, 2; XI, 3; XIV, 1; XVI, 5); при этом устав мироваров прямо указывает (X, 2), что это ограничение вводится для того, чтобы злокозненные люди не накапливали товары, дожидаясь их нехватки, и не извлекали таким путем несправедливой прибыли. Специальный чиновник — лигатарий должен был следить за тем, как выполняется запрет накапливать запасы (XX, 3).

Кроме того, ряд уставов запрещает торговцам выезжать за пределы города с целью более дешевого приобретения товаров (VI, 12; XVI, 2; XVII, 3). Своеобразно регламентирует этот вопрос устав торговцев мясом: членам цеха запрещается встречать крестьян, пригоняющих скот в Константинополь, или скупать скот в близких к столице районах, однако разрешаются поездки торговцев в дальние области („за реку Сангарий“) (XV, 3).

Регламентируется и продажа товаров. Цехи устанавливают определенные дни для торговли тем или иным видом товаров (X, 2). Регламентируется цена продаваемого товара. Устав мироваров запрещает продавать благоволия по удешевленным ценам (X, 1), тем самым создается препятствие для конкуренции мастеров. В ряде случаев уставы особенно подчеркивают необходимость соблюдения „справедливой“ цены (II, 2 и X, 2). Уставы борются с попытками торговцев обманывать покупателей (XII, 5 и XIII, 3), особенно — с попытками повышать цену после получения задатка (XI, 11; IX, 2; X, 5; XI, 5).

Наконец, в некоторых уставах встречается регламентация нормы прибыли (XIII, 5; XV, 2; XVII, 3; XVIII, 1). При этом устав булочников отмечает, что мастер с каждой вырученной номисмы должен получать один кератий прибыли, а четыре должен затратить на содержание работников, топку печей и корм лошади, смоловшей жито.

Таким образом, в Византии (или, во всяком случае, в Константинополе) существовала развитая система цеховой регламентации. Из всего этого видно, что нет оснований соглашаться с М. Я. Сюзюмовым, стремящимся доказать, что средневековая корпоративность была сравнительно слабой в византийских городах.¹

Вступление в константинопольские цехи было связано с определенными формальностями. Это нашло свое отражение даже в терминологии: ремесленник принимался, а не вступал в цех.² Основными формальностями, связанными со вступлением в цех и упомянутыми в „Книге Эпарха“, являлись поручительство в благонадежности, проверка знания ремесла, уплата вступительного взноса; кроме того, действовали и социальные ограничения.

Поручительство известно ряду уставов. Устав свиноторговцев указывает, что желающий стать продавцом свиного мяса должен представить поручителей, готовых принять на себя ответственность за честность его поведения (XVI, 1). Точно так же и вступающий в цех трапезитов должен был представить в качестве поручителей „почтенных и честных людей“ (III, 1). Поручители подвергались наказанию, если тот, за кого они ручались, совершал какое-нибудь преступление (II, 10). Некоторые уставы регламентируют количество „честных поручителей“: так, желающий стать ювелиром или вестиопратом должен был выставить 5 поручителей (II, 10 и IV, 5).

Неясно, кто мог быть поручителем. Согласно уставу вестиопратов поручители должны были принадлежать к тому же самому цеху (IV, 5); в других уставах подобного ограничения нет, однако это еще не означает, что его не было в действительности. Вопрос о поручителях остается открытым.

Как показал уже А. Штэкле,³ обычай выставлять поручителей при приеме в цех отличается византийский цех от греческих и римских коллегий; для вступления в последние поручительства не требовалось.

Менее четко устанавливает „Книга Эпарха“ требование знания ремесла. Лишь устав вестиопратов (IV, 5) указывает, что поручители должны гарантировать пригодность нового члена цеха для избранного им занятия (*ἄξιον ἐν τῇ αὐτῇ τέχνῃ*).

М. Я. Сюзюмов считает, что в цех мыловаров принимались люди, не знакомые с этим ремеслом.⁴ Однако это предположение не может

¹ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 13. Ср. там же, стр. 19.

² См. сводку терминов у А. Stöckle. Römische und byzantinische Zünfte, S. 55.

³ А. Stöckle. Ук. соч., стр. 58.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 85.

быть доказано с достаточной точностью. М. Я. Сюзюмов исходит из того, что мыловару запрещалось обучать своему делу постороннее лицо (XII, 1): следовательно, полагает он, всякий принятый в цех был посторонним, т. е. не знающим ремесла. Однако „Книга Эпарха“ (XII, 1) допускает и иное толкование, поскольку интерпретируемая статья разрешает обучать ремеслу постороннее лицо с ведома эпарха или старейшины цеха. Таким образом, вполне вероятно, что желающий вступить в цех сперва — с разрешения одного из этих лиц — становился учеником и обучался ремеслу, а затем уже принимался в члены цеха. Предполагать наличие мыловаров-предпринимателей, не знающих своего ремесла и не работающих лично, не представляется нам возможным.

При вступлении в некоторые цехи надо было уплачивать определенную сумму. Вступающий в цех метаксопратов платил 2 номисмы (VI, 6 и VII, 3), в цех вестиопратов — 6 номисм (IV, 5), в цех мыловаров — 12 номисм (XII, 2). Особенно высоким был вступительный взнос в привилегированном цехе тавуляриев: здесь он составлял 32 номисмы (I, 14). Это были весьма значительные суммы; достаточно сравнить размер вступительных взносов с заработной платой ремесленника-поденщика, получавшего в месяц 1—2 номисмы.

Наконец, некоторые уставы вводят определенные социальные ограничения. Членами ряда цехов (трапезитов, метаксопратов) не могли стать рабы; в цех метаксопратов не допускались также люди неимущие и пользующиеся „дурной славой“ (VII, 5).

Особенно подробно регламентируется прием в цех тавуляриев (I, 1—3). После выступлений поручителей вступающий в цех подвергался испытанию, в ходе которого определялось, имеет ли он соответствующие познания в законах и владеет ли искусством письма. К нему предъявлялось требование быть благочестивым и добродетельным, обладать ясным умом и здоровьем. После испытания весь цех тавуляриев должен был явиться к эпарху и принести присягу в том, что новый тавулярий избран не по родству или протекции, но исключительно благодаря его знаниям и добродетели.

Таким образом, уставы свиноторговцев, трапезитов, ювелиров, вестиопратов, метаксопратов, мыловаров и тавуляриев устанавливали большие или меньшие формальности для приема в цех; в остальных уставах о каких-либо формальностях ничего не сказано.

Порядок приема в цех указывает на известную привилегированность цеховых мастеров. Нет нигде следов характерного для позднего Рима принудительного зачисления в коллегию: ремесленники и торговцы стремятся вступить в цех, а цехи — во всяком случае привилегированные цехи — ставят им известные препятствия. В соответствии с этим и выход из цеха представлял собою, по „Книге Эпарха“, своего рода изгнание, наказание, являвшееся результатом проступка. О добровольном уходе из цеха здесь нет речи.¹

Однако, как правильно указал Е. Черноусов,² последнее обстоятельство не означало прикрепления мастера к цеху, характерного для Поздней Римской империи: просто уход из цеха был вне компетенции эпарха. К тому же в некоторых случаях „Книга Эпарха“ допускает переход из одного цеха в другой (из цеха катартариив в цех метаксопратов), а также свободный выбор той или иной ремесленной профессии (*ἐκλογὴ*) (IV, 7 и VIII, 6). Наличие того и другого подтверждается агиографи-

¹ А. Stöckle. Ук. соч., стр. 62 сл.

² Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 167.

ческой литературой, знающей, например, случай перемены профессии мясника на ремесло брадобрея.¹

Цех обладал определенной организацией. Приведенное выше место из „Василик“ показывает, что коллегии должны были иметь общее имущество и казну, а также синдика, который вел общие дела. „Книга Эпарха“ ничего не сообщает об общем имуществе и казне цехов, нет в ней и сведений об общих помещениях. Зато старейшины цехов постоянно упоминаются в уставах. Во главе цеха тавуляриев стоял примикирий (I, 10, 11, 21, 24), который избирался на общем собрании и утверждался эпархом. Цех прандиопратов возглавлялся экзархом (V, 1); во главе цеха метаксопратов, повидимому, также стоял экзарх (VI, 4). Наличие старейшин (простатов, протостатов, проэстотов и экзархов) засвидетельствовано для цехов аргиропратов, золотых дел мастеров, мыловаров, лоротомов и малактариев, свиноторговцев, рыботорговцев, корчмарей и вофров. Старейшины цехов упомянуты и в других источниках: „Эпаногога“ (V, 5) упоминает проэстота булочников; в хронике псевдо-Симеона назван старейшина сапожников;² архонтов цехов знает Константин Багрянородный.³ Наконец, „Клиторологий“ Филофея называет среди лиц, подчиненных эпарху, экзархов и простатов. Стремление А. Штёкле доказать, что эти чины не тождественны простатам и экзархам „Книги Эпарха“⁴ не представляется нам оправданным.

Число старейшин в цехе могло колебаться: если некоторые уставы говорят об одном старейшине, то в других цехах их было несколько.⁵

Старейшины должны были наблюдать за торговлей и ремеслом (XVI, 3; XVII, 1 и 4; XIX, 1; II, 9 и XII, 1), следя за тем, чтобы не нарушались правила. Кроме того, примикирий тавуляриев должен был разрешать споры между членами своего цеха, и тот, кто осмелился бы не признать постановления примикирия, карался штрафом в 3 номисмы (1, 10). Проэстот ювелиров производил расследование, определяя, не является ли краденым золото и серебро, которым торговал какой-нибудь приезжий (II, 6).

Старейшины получали определенные денежные суммы, о чем, впрочем, свидетельствует только устав вофров. Простат вофров получал по 4 милиарисия за каждое обнаруженное краденое животное, а с тех, кто обращался к нему с просьбой о разрешении спора в отношении цены животного, взимал по 6 фоллов с каждой номисмы спорной суммы; кроме того, вофры ежегодно платили ему небольшую сумму денег (XXI, 10). Устав тавуляриев свидетельствует, что примикирий получал определенный взнос от вступающего в цех нового члена (I, 13—14).

Все это показывает, что константинопольские цехи с их системой регламентации ремесла и торговли, с их внутренним устройством, представлявшим собою не что иное, как приложение общинных порядков к ремесленным привилегиям (Ф. Энгельс),⁶ являлись организацией, выросшей из ограниченности и косности средневекового мелкого производства и в свою очередь содействовавшей сохранению этой ограниченности и косности. В этом смысле мы не можем говорить о каких-либо

¹ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 141.

² См. выше, стр. 138.

³ Constantini Porphyrogeneti. De cerimoniis aulae Byzantinae exrec. I. I. Reiskii, Bonn, 1829 (далее — De cerim.), p. 579.

⁴ А. Stöckle. Ук. соч., стр. 84 сл.

⁵ Там же, стр. 79.

⁶ См. „Дополнения“ Ф. Энгельса к третьему тому „Капитала“. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 914.

принципиальных отличиях в структуре византийского цеха и западноевропейских цехов, хотя, разумеется, константинопольские цехи отличались теми или иными особенностями от того или иного страсбургского, флорентийского или парижского цеха. Как и на Западе, как и на Руси, корпоративность константинопольских ремесленников и торговцев была направлена против господствующего класса феодалов, с одной стороны, и против конкуренции внецеховых мастеров — с другой. Ни в коем случае нельзя согласиться с утверждением А. П. Рудакова, будто бы роль византийских коллегий была лишь „общественно-парадной“ и будто бы они представляли собой только пережиток старинных городских организаций.¹

Константинопольские цехи IX—X вв. могли быть генетически связаны так или иначе с позднеримскими коллегиями, однако между теми и другими существовало принципиальное различие: позднеримские коллегии IV—VI вв. представляли собою организации несвободных ремесленников, тогда как византийские цехи являлись корпорациями свободных мастеров, охраняющими привилегии своих членов. Таким образом, нет оснований подчеркивать, как это делает в своих работах М. Я. Сюзюмов, традиции константинопольских цехов X в. Сохранение в той или иной мере этих традиций — фактор подчиненного значения.

Корпоративность организации ремесла и торговли в Византии не исключала неравенства среди ремесленников и торговцев. Равенства не было прежде всего между отдельными константинопольскими цехами. Члены некоторых цехов должны были обладать имуществом, необходимым для организации сложного производства. Таковы булочники, мыловары² и, в первую очередь, аргиропраты, трапезиты, торговцы шелковыми тканями, которые должны были иметь значительные средства для приобретения товаров. Уже рассмотренный нами материал показывает, что одни цехи применяли труд рабов и мистиев, тогда как в других мастера работали самостоятельно, не используя труда „помощников“.

Это экономическое различие отразилось и на правовом положении отдельных цехов: одни цехи, как мы видели, сумели в значительной степени обеспечить себя от конкуренции, другим не удалось этого добиться. Наконец, доступ в одни цехи был ограничен, тогда как для других цехов ограничения такого рода неизвестны. Более того. В некоторых случаях можно наблюдать подчинение одних цехов другим. Цех дубильщиков находился, повидимому, в подчинении цеха малактариев: впрочем, об этом можно судить лишь на основании того, что дубильщики должны были состоять под надзором простата малактариев (XIV, 2).

Более отчетливо система соподчинения цехов выступает в шелковом производстве. Руководящая роль здесь принадлежала метаксопратам, торговцам шелком. Цех метаксопратов во всех отношениях занимал первенствующее положение: доступ в цех был затруднен, и членами его могли становиться лишь „почтенные люди“; при вступлении в цех требовалось поручительство и вступительный взнос; устав защищал метаксопратов от конкуренции так называемых мелатрариев (латрариев, по остроумной конъектуре М. Я. Сюзюмова), тайных скупщиков шелка-

¹ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 140.

² М. Я. Сюзюмов (Книга Эпарха, стр. 87) даже считает, что мыловары были предпринимателями, не занимавшимися ремеслом и лишь эксплуатировавшими труд своих „людей“.

сырца, равно как и от конкуренции архонтов; наконец, метаксопраты использовали труд мистиев.

В зависимости от метаксопратов находился цех катартариив. Наиболее зажиточные из катартариив (VII, 5) имели право покупать шелк-сырец непосредственно у восточных купцов, вступая в соглашение с метаксопратами (VII, 4); большинство же катартариив должно было покупать шелк у метаксопратов, и притом по цене выше той, в которую обходилась покупка шелка самим метаксопратам (VII, 2).

Отношения между цехами катартариив и метаксопратов представляются в таком виде.

Катартариив очищали шелк; после очистки он возвращался метаксопратам. Об этом можно судить на основании того, что сирикарии могли получать свое сырье только от метаксопратов (VIII, 8). Впрочем, это постановление не совсем ясно. Первая трудность, возникающая при его истолковании, заключается в том, что, согласно „Книге Эпарха“ (VIII, 8), сирикарии должны покупать у метаксопратов метаксу; этим термином обычно называли неразмотанные коконы. Но если принять, что сирикарии действительно покупали неразмотанные коконы, то придется допустить, что они выполняли работу катартариив. Видимо, метаксой в данном случае названы не коконы, а размотанная шелковая пряжа.

Сделав подобное допущение, А. Штэкле и Г. Миквиц приходят к выводу о существовании следующих этапов в шелковом производстве в Константинополе:¹

1. Метаксопраты покупают коконы шелкопряда у восточных купцов.
2. Метаксопраты передают коконы катартариив для размотки.
3. Катартариив возвращают пряжу метаксопратам.
4. Метаксопраты продают пряжу сирикарии.

(5. Вопрос об окраске пряжи решается по-разному и представляется нам спорным и далеким от окончательного решения, — поэтому мы на нем сейчас не останавливаемся).

6. Сирикарии, изготовив ткани, продают их вестиопратам.

Однако и это предположение не дает удовлетворительного решения всех вопросов: оно оставляет совершенно невыясненным положение катартариив. Если действительно метаксопраты передавали катартариив коконы и получали от них пряжу, то они должны были бы платить катартариив за работу. Рассуждая подобным образом, Г. Миквиц считает катартариив мистиями метаксопратов; М. Я. Сюзюмов, хотя он и оспаривает это положение Г. Миквица,² все же утверждает (если это не оговорка), что катартариив „сдавали пряжу метаксопратам“.³ На самом же деле метаксопраты не платили катартариив за работу, и катартариив не сдавали им пряжу: „Книга Эпарха“ (VII, 2) свидетельствует, что катартариив покупают метаксу у метаксопратов.

Но даже внося эту поправку в изложенную выше гипотезу, все же следует признать, что метаксопраты составляли привилегированный цех, а катартариив находились от них в зависимости. Неудивительно, что зажиточные катартариив стремились перейти в цех метаксопратов.

Подводя итоги, мы констатируем, что одни константинопольские цехи были более богатыми и привилегированными, другие — находились в худшем положении. При этом более привилегированными были цехи

¹ A. Stöckle. Ук. соч., стр. 28; G. Mickwitz. Die Organisationsformen zweier byzantinischen Gewerbe. „Byzantinische Zeitschrift“, 36, 1936. S. 71 f. Ср. также М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 73—74.

² М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 64.

³ Там же, стр. 74. Разрядка наша. — А. К.

торговцев и особенно торговцев тканями. Однако строго разработанной системы соподчинения старших и младших цехов, зависимости ремесленных цехов от торговца, раздающего сырье, забирающего товар и уплачивающего ремесленникам за работу, „Книга Эпарха“ не знает. Неравенство цехов находится, собственно говоря, в зачаточном состоянии: здесь не существует даже и формального подчинения труда капиталу.

Существовало неравенство и в пределах одного цеха. Например, табулярии разграничивались по определенным разрядам, в соответствии с чем они получали вознаграждение (I, 8—9). Среди метаксопратов были более богатые купцы, которые скупали шелк-сырец в большем количестве, а затем перепродавали его сотоварищам по цеху с известной надбавкой (VI, 9). В цехе катартариив было много бедняков, мужчин и женщин, которые покупали метаксу небольшими порциями у метаксопратов (VII, 2 и 5). Не случайно, что именно устав этого цеха, в котором было много бедноты, предусматривает возможность изгнания из цеха „болтуна“, ругающегося площадной бранью, и смутьяна, т. е. человека, осмелившегося порицать существующие порядки (VII, 6).

Наряду с мастерами и торговцами, входившими в цехи, в Константинополе имелось большое количество ремесленников и перекупщиков, стоявших вне цеха. Таковыми являлись метапраты, сакулярии, {με}латрарии (т. е. „торгующие из-под полы“), лида, торгующие свечами, изготовленными из огарков, и т. п. Были здесь и ткачи по шелку, не входившие в цехи; об этом свидетельствует запрещение мастерам-сирикариям сдавать в императорскую килистарию (склад) шелковые ткани, изготовленные на стороне („Книга Эпарха“, VIII, 11): повидимому, богатые мастера из цеха сирикариев пытались раздавать сырье не состоявшим в цехе ткачам, и изготовленные ими „на стороне“ ткани сдавали на императорские склады как собственные.

Деятельность других внецеховых ремесленников (ткачи полотен, техниты) была легальной, однако они занимали худшее положение, чем члены цехов. Многие из таких внецеховых ремесленников, не имея своего эргастерия, нанимались за поденную плату. Данные о поденной плате византийских ремесленников чрезвычайно скудны, но все же можно подсчитать, что она составляла примерно 1—2 кератия в день или 1—2 номисмы в месяц.¹ Эта плата была чрезвычайно низкой, так как даже весьма скромное пропитание должно было обходиться в 10—15 фоллов в день, т. е. примерно в 1 кератий. Из жития Андрея Юродивого мы узнаем, что в X в. нищий, если он стоял на „хорошем“ месте, мог получить в день милостыни на 20—30 лепт (фоллов), т. е. примерно 2 кератия.² Тяжелое положение технитов подтверждается и „Книгой Эпарха“, которая отмечает, что они стоят перед угрозой, оставшись без работы, оказаться лишенными пропитания (XXII, 2).

„Книга Эпарха“ устанавливает, что техниты, нанявшиеся к какому-нибудь работодателю, не имеют права бросить начатую работу и переходить на другое место (XXII, 1); технитов, которые бросают работу, устав упрекать в жадности и злонамеренности, угрожая им за это плетью, острижением волос и изгнанием из города; выплаченная им заработная плата должна быть затребована обратно (XXII, 2). Далее, „Книга Эпарха“ порицает тех ремесленников, которые обманывают

¹ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise im Byzanz. „Byzantinische Zeitschrift“, 32, 1932, S. 295 ff.; М. Я. Сюзюмов. Книга Эпарха, стр. 109.

² Migne. PG, t. CXI, col. 656. А. Ср. А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 130.

одного, обнадеживают другого, стараясь лживыми словами повысить свою заработную плату. Таким образом, по всему тону „Книги Эпарха“ видно, что она охраняет интересы работодателя и выступает против технитов.

Техниты, хотя они и являлись наемными работниками, получавшими заработную плату, отличались принципиально от пролетариев нового времени в том отношении, что не создавали своему работодателю прибавочной стоимости. Труд технитов по строительству и украшению зданий был направлен на удовлетворение потребностей работодателей (прежде всего, феодалов), и продукты этого труда не реализовались на рынке. Поэтому и заработная плата технитов не представляла собой переменного капитала, авансируемого предпринимателем, но составляла определенную долю земельной ренты феодала, жалования чиновника, военной добычи полководца и т. п. С другой стороны, техниты отличались от наемных рабочих эпохи капитализма тем, что являлись собственниками орудий своего труда.¹ Таким образом, эксплуатация труда технитов в полной мере соответствовала феодальной системе хозяйства.

Внецеховые ремесленники сплошь да рядом объединялись в своего рода артели. Такое объединение ремесленников рисует раннее житие преп. Симеона: каменотесы-исаврийцы, занятые восстановлением стен Антиохии, жили настоящей общиной и заботливо ухаживали за своими товарищами, потерявшими зрение и силу от тяжелого труда.²

Таким образом, можно видеть, что в Византии IX—X вв. ремесло и торговля были организованы по цеховому принципу с характерной для него регламентацией производства и прибыли, со свойственными ему противоречиями между привилегированными и не привилегированными цехами, между объединенными в цехи мастерами и внецеховыми ремесленниками, между мастерами и мистиями-подмастерьями, между богатыми и бедными мастерами. Рабский труд — пережиток предшествующей формации — не играл существенной роли и нередко уподоблялся труду мелкого свободного производителя (раб, выступающий в качестве владельца мастерской и члена цеха). Конкуренция была неразвита, а наемный труд в тех формах, в которых он существовал (мистий-подмастерье и технит) по своему существу не выходил за рамки средневекового производства.³

Но если византийское ремесло и торговля были организованы в принципе по-средневековому, по-феодальному, то все же они имели некоторые специфические особенности. Одна из своеобразных черт положения константинопольских ремесленников и торговцев заключалась в том, что они были теснейшим образом связаны с императорским двором и высшим чиновничеством, с обслуживанием нужд императорского двора, армии и знати. Большое количество оружейников и корабельщиков обслуживало армию и флот. С удовлетворением потребностей двора было связано производство предметов роскоши: драгоценных шелковых тканей, особенно пурпурных, и ювелирных изделий. „Книга Эпарха“ (VIII, 9 и 11) указывает, что продукция сирикариев сдавалась на императорские склады. Лоротомы обслуживали императорские конюшни, изготавливая ремни и части для повозок.

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 604 (К. Маркс говорит в данном месте об условиях феодальной Индии).

² А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 142.

³ В этой связи следует уточнить данную нами ранее одностороннюю формулировку, согласно которой Византия „унаследовала от античности“ элементы наемного труда (А. П. К а ж д а н. Рабы и мистии, стр. 78—79) — определенные формы наемного труда присущи и феодальной системе хозяйства.

Таким образом, развитие константинопольского ремесла и торговли зависело в известной мере от наличия заказов (или более или менее определенного спроса) со стороны двора и знати. С другой стороны, интересами двора и знати было вызвано ограничение вывоза византийских товаров.

Экономические связи столичных ремесленников и торговцев с византийским двором закреплялись административными. Константинопольские мастера обязаны были принимать участие в торжественных выходах императора и тому подобных церемониях. Устав тавуляриев налагает штраф на члена цеха за неявку на торжественную церемонию в связи с императорским выходом (при этом половину суммы штрафа получали товарищи по цеху) (I, 4). Во время торжественных выходов императоров вестиопраты и аргиропраты должны были украшать пурпурными тканями, золотом и серебром так называемый Трибунал, где императора приветствовали цехи (*εὐστράτια τῆς πόλεως*) во главе с подчиненными эпарху симпоном и логофетом претория.

Некоторые византийские ремесленники, например, пелопоннесские ловцы пурпурных раковин, необходимых для окраски драгоценных тканей, и мастера, изготовлявшие материал для письма, имели „царские чины“ (*βασιλικὰ ἄξιοματὰ*).¹ Константинопольские цехи принимали участие в обороне города. „Книга церемоний“ указывает, что наместник императора, оставленный им в городе, должен распорядиться, где каждый цех (*ἐκαστὸν τοῦτων τῶν εὐστράτιων*) обязан занять место во время обороны города от нападения врагов.²

Связанные экономически и административно с императорским двором, византийское ремесло и торговля были поставлены под неослабный контроль чиновников во главе с эпархом (*ὁ τῆς πόλεως ἐπαρχος*).³

Эпарху — согласно „Книге Эпарха“ — принадлежало право контроля за торговлей золотом и серебром (II, 4 и 7), драгоценными тканями (IV, 2—4; VIII, 1 и 5), мясом (XV, 2), рыбой (XVII, 4), хлебом (XVIII, 4), а также — над меновой торговлей с болгарами (IX, 6). Он должен был следить за поведением аргиропратов (II, 12), мыловаров (XII, 1), техников (XXII, 2—3), пресекать деятельность сакуляриев (III, 2). С ведома эпарха происходил прием новых членов в цехи золотых дел мастеров (II, 11), мыловаров (XII, 2), вестиопратов (IV, 5), метаксопратов (VII, 3); при вступлении в цех тавуляриев примикирий представлял эпарху вновь принимаемого (I, 9). Эпарх назначал старейшин прандиопратов (V, 1), лоротомов (XIV, 1), малактариев (XIV, 2), а может быть и старейшин всех остальных цехов.

Эпарх руководил закупкой сырья у торговцев, привозящих метаксу (VII, 5), и распределял нераспроданные восточные ткани (V, 5); он регулировал сдачу в аренду помещений под эргастирии (IV, 6), контролировал все производство шелка, ставя на шелковые ткани пломбы, — без пломб эпарха ткани подлежали конфискации (IV, 4; VIII, 9). Наконец, все весы и гири должны были иметь печать эпарха (VI, 4; XI, 9; XII, 9; XIII, 2).

Таким образом, наиболее тщательному контролю со стороны эпарха подвергались производство и торговля предметами роскоши: драгоцен-

¹ Migne PG, t. CXIII, col. 395 A.

² De cerim., p. 449.4.

³ См. о нем Ф. И. Успенский. Константинопольский эпарх. „Известия Русского Археологического Института в Константинополе“, т. IV, 1899, вып. 2. А. Stöckle (Ук. соч., стр. 75) ошибается, утверждая, что в источниках VII—IX вв. ничего не говорится об эпархе. — см. Е. Чернусов. Ук. соч., стр. 171.

ными тканями, золотом и серебром, а также торговля продуктами питания.

Из устава шорников (XIV, 1) мы узнаем, что все лица, подведомственные эпарху, т. е. торговцы и ремесленники, обязаны были выполнять государственные повинности (*αἱ τοῦ δημοσίου ὑπηρεσίαι*). Кожевники и дубильщики должны были „платить“ (подчиняться?) (*συντελεῖν*) помощнику эпарха — симпону (XIV, 2). Характер этих повинностей не раскрывается в „Книге Эпарха“, — только в уставе мыловаров (XII, 2) говорится об уплате в казну при приеме новых членов в цех. В отличие от других цехов, булочники были освобождены от государственных повинностей (*λευτοῦργία*) для того, чтобы они могли непрерывно печь хлеб (XVIII, 2). Константин Багрянородный отмечает, что некоторые привилегированные пелопоннесские ремесленники были освобождены от конной повинности,¹ — остальные, следовательно, должны были ее выполнять.

К этому следует прибавить, что некоторые ремесленники должны были сдавать на императорские склады готовую продукцию (VIII, 9 и 11); другие — должны были выполнять особые повинности для императорского двора (*βασιλικαὶ ὑπηρεσίαι*), получая за это плату, назначенную императором (XIV, 1). Царскую службу должны были выполнять трапезиты (III, 6), а аргиропраты поставляли драгоценную утварь для украшения зал дворца.²

Из собранного нами материала видно, что ремесленники и торговцы платили в казну подати и отбывали повинности. Совершенно ошибочным является представление А. Андреадиса, вообще идеализирующего положение трудящихся в Византии, о том, что император якобы не получал от византийских цехов никакой „финансовой выгоды“.³

Константинопольский эпарх обладал значительными административными правами по отношению к ремесленникам и торговцам. За нарушение правил регламентации, за неподчинение старейшинам и властям на цеховых мастеров налагались не только штрафы, но и позорящие наказания: порка,стрижение головы, высылка из города и т. п. Наконец, цеховая организация использовалась государственной властью для создания системы слежки и контроля за ремесленниками и торговцами.⁴

Все это приводило к тому, что отношение мастеров к государству было двойственным: с одной стороны, они зависели от заказов двора и знали и видели в них источник своего существования, с другой — они постоянно чувствовали на себе надзор и контроль государства, налагавшего к тому же на них различные повинности и платежи, ограничивавшего размеры прибыли, препятствовавшего расширению производства.

В буржуазной исторической литературе широко распространено представление о существовании в Византийской империи монополии на торговлю съестными припасами. Эту точку зрения отстаивал А. Гфрэрер, который ссылался на известие западноевропейского хрониста Альберта Ахенского,⁵ утверждавшего, что в Византии никто, кроме императора, не имел права торговать вином, маслом, зерном, мукой, фуражом и вообще какими-либо съестными припасами. Была также предпринята

¹ Migne. PG, t. CXIII, col. 396.A.

² De cerim., p. 572, 17.

³ A. Andréadès. Byzance, paradis du monopole. „Byzantion“, IX, 1934, p. 173 sq.

⁴ Книга Эпарха II, 6; XIII, 4.

⁵ A. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Bd. II, Graz, 1873, S. 396 со ссылкой на Bongars, Gesta Dei per Francos, Hannoverae, 1612, p. 204.

попытка доказать существование государственной хлебной монополии при Никифоре Фоке, причем источником для этого утверждения являлось одно место в хронике Скилицы.¹

Утверждения о наличии государственной монополии хлебной торговли в Византии противоречат многочисленным указаниям хроник, житий и „Книги Эпарха“ на существование частной торговли хлебом и другими съестными припасами. Мы можем лишь думать, что государство контролировало рынок и, в первую очередь, торговлю продуктами питания. Из хроники продолжателя Феофана мы узнаем, что императоры сами заезжали на рынок, осматривали его и следили за ценами.² „Эпанагога“ (IV, 8) предписывает, чтобы эпарх следил за ценой на мясо и поддерживал эту цену в „справедливых“ размерах (δίκαιος τιμήρασι). Особенно тщательно контролировалась хлебная торговля. Торговцам хлебом (σποχῆπτοι) запрещалось скапливать запасы зерна (ἀποτιθῆναι τὸν σίτον).³ Имелись специальные государственные хлебные амбары, находившиеся в ведении особых чиновников: комита амбаров и нумерария.⁴ Наконец, государство контролировало торговлю собственно хлебом и цены на хлеб.⁵ Повидимому, эти ограничения торговли некоторые участники первого крестового похода, со слов которых писал Альберт Ахенский, и принимали за государственную монополию.

Но государство не только держало под постоянным контролем цеховое и внецеховое ремесло и торговлю: существовали специальные государственные мастерские. Эти мастерские были подчинены ведомству идики и управлялись архонтами — ἄρχοντες τῶν ἐργασείων.⁶

В государственных мастерских должна была производиться чеканка монеты,⁷ хотя прямо об этом источники ничего не говорят. Государству также принадлежали рудники и каменоломни, в которые ссылались государственные преступники. В государственных мастерских было сосредоточено производство некоторых видов вооружения и, прежде всего, производство „греческого огня“, окруженное глубокой тайной. В рассказе о перенесении мощей „мученика“ Евфимия (относящемся, правда, к VIII в.) повествуется о том, как император Лев III приказал открыть в одном из храмов оружейную мастерскую.⁸

В „Книге церемоний“ содержатся важные сведения о деятельности ведомства идики. Это ведомство должно было поставлять холстину и кожу, необходимые для строительства кораблей.⁹ При этом, как мы узнаем из другого места того же источника, кожа частично покупалась, частично же выдавалась из складов ведомства идики.¹⁰ Помимо мастеров, продававших государству паруса, существовали мастера, находившиеся в непосредственном подчинении казны: они получали плату (μισθός) казна выдавала им нитки.¹¹

Ведомство идики распоряжалось и иными продуктами: канатами,¹²

¹ Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884.

² Theoph. Cont., p. 87.17.

³ Там же, стр. 479.6.

⁴ De cerim., p. 701.3.

⁵ Cedrenus, ed. I. Bekker. Bonn, 1839, v. II, p. 349.15 и 374.1.

⁶ J. B. Bury. The imperial administrative system in the 9th century, London, 1911, p. 142.10.

⁷ Chr. Macri. Ук. соч., стр. 14 и сл.

⁸ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 145.

⁹ De cerim., p. 671.18.

¹⁰ Там же, стр. 674.21.

¹¹ Там же, стр. 674. 17.

¹² Там же, стр. 676.11

плащами, обувью, льняными и шелковыми тканями, свечами, факелами.¹ Все эти предметы, повидимому, изготовлялись в государственных мастерских.

„Клиторологий“ Филофея упоминает ряд дворцовых ремесленников, в том числе ювелиров, ткачей и портных.² Особенно большую роль играли императорские ткацкие мастерские. В житии патриарха Антония Кавлея фигурирует начальник императорской шелкоткацкой мастерской.³ „Попечителя“ императорской ткацкой мастерской⁴ называет и Лев Диакон: во время заговора против Иоанна Цимисхия этого „попечителя“ просили помочь вместе со всем его „цехом“ (μετὰ τοῦ τῆν ἱστορικῆν χιτονοῦντος συντίματος).⁵ Царские ткацкие мастерские упоминаются, наконец, в одном письме Феодора Студита.⁶

Источниками засвидетельствовано существование государственных ювелирных мастерских. Помимо уже приведенного свидетельства „Клиторология“ Филофея, можно сослаться на упоминание в хрониках некоего Анастасия — сакеярия и начальника ювелирной мастерской (ἄρχων τοῦ χρυσοχόου),⁷ жившего при Романе Лекапине.

Государственные мастерские, как показал уже М. Я. Сюзюмов,⁸ производили огромное количество предметов роскоши, необходимых для украшений императорских дворцов и парадных одеяний императора. Эти же предметы роскоши употреблялись для подкупа правителей соседних народов и их послов, а также для раздачи наград. При Романе Лекапине королю Италии Гуго и его графам были посланы драгоценные подарки (сосуды и шелковые одеяния) — одновременно с просьбой о помощи против восставших жителей византийской Италии.⁹ Константин Багрянородный рекомендует использовать для подкупа печенегов шелковые ткани, а также различные восточные товары, как-то перец и т. п. Шелковые ткани, изделия из золота и серебра византийские императоры раздавали в награду синклитикам и даже монахам.¹⁰ Шелковые ткани, золотые и серебряные предметы требовались для украшения города и парадных зал дворцов во время торжественных приемов или при триумфальных въездах императоров.¹¹ Все эти предметы производились в государственных шелкоткацких и ювелирных мастерских, которые, однако, были не в состоянии удовлетворить полностью потребности двора — поэтому известное количество продуктов император получал в форме повинностей цеховых мастеров.

Источники засвидетельствовали существование еще ряда профессий, занятых обслуживанием потребностей двора. Прежде всего, известны императорские „прачешники“ (σαπώνισται).¹² Возможно, что существовали также государственные мастерские мыловаров: из „Книги Эпарха“ (XII, 9)

¹ Там же, стр. 473—474, 677.20, 678.9.

² J. В. Вугу. Ук. соч., стр. 144.39.

³ А. И. Пападопуло-Керамевс. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха, т. 1, СПб., 1899, стр. 18.25.

⁴ Leo Diaconus, ed. В. Hase, Bonn, 1828, p. 146.24.

⁵ Там же, стр. 147. 2.

⁶ Migne. PG, t. 99, col. 1249.

⁷ Theoph. Cont., p. 892.14. Это известие могло бы быть истолковано иначе, ибо термином ἄρχωντες Константин Багрянородный обозначает также старейшин цехов — см. De cerim., p. 579. Однако трудно допустить, что Анастасий был старейшиной цеха, ибо он имел важный чин сакеярия.

⁸ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля..., стр. 26—28.

⁹ De cerim., p. 661.13.

¹⁰ Cedrenus, II, 54.9; Theoph. Cont., p. 116.7. и 457.6

¹¹ De cerim., p. 499.13, 505.5 и 572.2. Ср. Cedrenus, II, 536.10.

¹² Там же, стр. 578.17.

видно, что раб мыловара может за преступление быть передан в собственность государства. Весьма вероятным представляется существование государственных шорных мастерских, подчиненных ведомству протостратора: для „царской службы“ в них привлекались лоротомы.¹

Наконец, сохранилось известие о специальном императорском архитекторе,² который ведал строительными работами, однако неизвестно, имел ли он в своем распоряжении постоянных работников или пользовался трудом артелей техников.

Чрезвычайно сложен вопрос об организации государственных „цехов“: он почти не освещен в источниках. Скорее всего, эти „цехи“ состояли из ряда мелких мастерских, как и обычные константинопольские цехи. А. П. Рудаков предполагает, что в Византии существовали государственные мануфактуры для производства шелка и пурпура.³ Однако никаких известий о мануфактурной организации шелкового производства в Константинополе X в. в источниках нет. Нет также и прямых известий о наличии здесь оружейных мануфактур.

В государственных мастерских применялся труд рабов. Уже М. Я. Сюзюмов использовал интересный отрывок из письма Феодора Студита, где рассказывается о том, как осужденный за иконопочитание был превращен в царского раба (*βασιλικὸν οἰκέτην*) и помещен среди ткачей.⁴ „Книга Эпарха“ отмечает, что государственным рабом мог стать раб — плавильщик золота, принадлежавший частному лицу, если он нарушал правила своего ремесла (II, 9); такое же наказание было установлено и для раба-мыловара (XII, 9).

Менее определенны два других известия. Хроника псевдо-Симеона рассказывает об императорских рабах, требовавших увеличения полагавшихся им хлебных выдач;⁵ однако из этого известия неясно, чем занимались эти государственные рабы. Иоанн Геометр в одном из стихотворений грозит болгарам, что они будут сокрушены и их заставят работать в государственных мастерских (*δημιουργεῖν*), где их закуют в кандалы.⁶ К этому можно присоединить известие Лиутпранда о том, что арестованные за нарушение порядка направляются на государственные работы.⁷

Все эти факты единичны и в большинстве своем неопределенны. Как правило, государственными рабами, работающими в императорских мастерских, оказываются преступники. Интересы императорского хозяйства IX—X вв., повидимому, не требовали широкого применения рабского труда. Мы уже указывали, что „Прохирон“ (XXXIV, 7) отменил постановление Кодекса Юстиниана о том, что рабы человека, умершего без завещания, переходили казне. Постановление „Прохирина“ было подтверждено 40-й новеллой Льва VI. Кроме того, в 38-й новелле Лев даровал императорским рабам право владения. Эта политика Василия I и Льва VI свидетельствует о том, что рабский труд в императорском хозяйстве и, в частности, в императорских мастерских не играл большой роли. Возможно даже, — если судить по 38-й новелле, — что императорские рабы были наделены средствами производства.⁸

¹ Книга Эпарха, XIV, 1.

² De cerim., p. 701.4.

³ А. П. Рудаков. Ук. соч., стр. 139.

⁴ Migne PG, t. 99, col. 1249.

⁵ Theoph. Cont., p. 673.16.

⁶ Migne PG, t. CVI, col. 919.B.

⁷ Liutprandus. Antapodosis, I, 11.

⁸ А. П. Каждый. Рабы и мистия..., стр. 75.

Кроме рабов, в государственных мастерских работали свободные ремесленники. С этими ремесленниками иной раз приходилось считаться византийским политикам: так, во время заговоров участники их старались привлечь на свою сторону ремесленников царских ткацких мастерских.¹

Как мы уже знаем, эти мастера (или некоторые из них) получали заработную плату. Поскольку они работали рядом с рабами, их положение вряд ли могло быть хорошим. Гипотеза Р. Лопеса о том, что они составляли привилегированную рабочую аристократию, была подвергнута убедительной критике М. Я. Сюзюмовым.²

Кроме мастеров, являвшихся членами цеха, внецеховых ремесленников, мастеров государственных мастерских, существовали еще ремесленники, работавшие в домах вельмож. Из „Книги Эпарха“ (VI, 10; VII, 1 и VIII, 2) видно, что в услужении константинопольской знати находились ткачи по шелку и что знатия стремилась обрабатывать шелк-сырец в своих домах, а не покупать шелковые ткани. Хотя „Книга Эпарха“ (V, 4) настаивает на ограничении вельмож в отношении покупки восточных тканей (они имеют право закупать эти ткани лишь для собственного потребления), в другом месте она допускает, что знатные лица продают вестипротам шелковые одежды (IV, 2). Следовательно, в домах константинопольских вельмож было организовано производство шелковых тканей, известная часть которых шла на продажу.

Другим видам ремесла константинопольские вельможи уделяли меньше внимания, и „Книга Эпарха“ молчит об организации иных мастерских в домах архонтов. Однако из других источников мы узнаем, что при больших церквях существовали собственные мастерские для производства свечей.³ „Книга церемоний“ указывает, что государственные чиновники покупали холстину для парусов в некоторых монастырях.⁴ Особенно крупными были мастерские Студийского монастыря в начале IX в.: у монастыря имелись строители, мастера по металлу, ткачи, сапожники и другие ремесленники из числа монастырской братии.⁵

Подводя итоги, мы можем констатировать наличие в Византии разных форм организации ремесла и торговли. Ведущей формой являлась цеховая организация. Цех состоял из ряда мелких ячеек — эргастириев, в которых трудился сам мастер, использующий труд своей семьи и одного-двух помощников (рабов, учеников или мистиев). Цех регламентировал производство и в большей или меньшей степени защищал мастера от конкуренции внецеховых ремесленников. Но под покровом цеховой корпоративности существовали противоречия между мистиями и мастерами, между богатыми и бедными мастерами; проявлялись и противоречия между разными цехами.

Наряду с цеховыми мастерами существовали и внецеховые ремесленники и торговцы, положение которых было значительно более тяжелым: цеховые уставы пресекали их деятельность; в то же время некоторые цеховые мастера стремились эксплуатировать внецеховых ремесленников. Особое место занимали техниты, обладавшие своими средствами производства, но получавшие заработную плату.

¹ См. выше, стр. 151, прим. 5.

² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля, стр. 28.

³ Theoph. Cont., p. 377.10.

⁴ De cerim., p. 674.12.

⁵ Migne PG, t. 99, col. 168.C и col. 273.C. См. А. П. Доброклонский. Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский, Одесса, 1914, стр. 412 и сл.

Государство эксплуатировало ремесленников различными способами. Оно использовало, в первую очередь, труд рабов и свободных, работавших в государственных мастерских. Кроме того, оно возлагало определенные повинности на цеховых мастеров: они должны были выполнять литургии, платить взносы, сдавать часть продукции на императорские склады, а иногда даже непосредственно привлекались к „царской службе“. Широкое развитие императорских мастерских, производивших прежде всего предметы роскоши, и полное подчинение цехов эпарху, а через него — государству, составляет одну из характернейших черт организации константинопольского ремесла.

Наконец, существовали мастерские, принадлежавшие светским и духовным феодалам: вельможам, церквям, монастырям.

И. В. Сталин в гениальной работе „Экономические проблемы социализма в СССР“ дал исчерпывающую характеристику товарного производства. И. В. Сталин указал, что товарное производство нельзя отождествлять с капиталистическим производством, что оно старше капиталистического производства, что оно существовало при докапиталистических общественно-экономических формациях: при рабовладельческом строе и при феодализме. Но товарное производство при докапиталистических общественно-экономических формациях обладало определенными особенностями. „Нельзя рассматривать товарное производство, — учит И. В. Сталин, — как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий“.¹

Следовательно, товарное хозяйство при феодализме — особенно в период раннего средневековья — обладало рядом своеобразных черт, обусловленных господством феодальной собственности, преобладанием мелкого производства самостоятельных производителей и т. п. Товарное производство средневековых городов было принципиально отлично от капиталистического производства. Здесь отсутствовали все основные элементы капиталистической системы хозяйства: частная собственность на средства производства была ограничена цеховым контролем, рабочая сила, как правило, не выступала на рынке как товар и, следовательно, система эксплуатации наемных рабочих еще не имела серьезного значения.

Собранный нами материал свидетельствует, что производство в Константинополе — хотя оно и носило в большей или меньшей степени товарный характер — было обусловлено в конечном счете совокупностью экономических условий, в которых это производство существовало, т. е. феодальной системой хозяйства. В IX—X вв. рабский труд уже не играл значительной роли в городском производстве, и „рабы“ по большей части являлись мелкими свободными производителями. Основными фигурами городского производства стали к этому времени свободный ремесленник и торговец, выступавшие как члены цеха. Цеховая корпоративность ограничивала частную собственность константинопольских мастеров на средства производства и соответственно этому — прибыль отдельных мастеров. Не производство прибавочной стоимости, а поддержание „приличного“ данному сословию образа жизни² было целью хозяйства византийских (как и вообще средневековых) ремесленников и торговцев.

С ограниченностью частной собственности на средства производства тесно связано и отсутствие системы эксплуатации наемных рабочих,

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 15.

² См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II (VII), стр. 111.

лишенных средств производства. Наемный труд применялся в константинопольском производстве, но он носил специфически средневековые формы: это был либо труд подмастерьев, в большей или меньшей степени связанных с мастерской своего хозяина, либо труд технитов, работавших при помощи собственных средств производства и не производивших для своих нанимателей прибавочной стоимости, — наоборот, в данном случае часть феодальной ренты „... составляет заработную плату рабочих...“¹

Если же говорить о специфических особенностях городского производства в Константинополе, то здесь, в первую очередь, обращает на себя внимание связь и в то же время экономическая и правовая зависимость ремесленников и торговцев от государственного аппарата. Это выражалось не только в существовании многочисленных и разнообразных государственных мастерских, но и в подчиненности константинопольских цехов императору. Указанное обстоятельство было обусловлено особенностями развития феодализма в Византии.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 604.

Н. П. СОКОЛОВ

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ДОЛЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ „НАСЛЕДСТВЕ“

События четвертого крестового похода отдали в руки венецианцев и крестоносцев большое византийское „наследство“. Оно состояло из веками накопленных богатств восточной столицы и обширных территорий Византийской империи. После апрельского разгрома Константинополя в 1204 г. западноевропейские захватчики поделили между собою награбленную добычу и столицу империи; в конце сентября или начале октября того же года они произвели раздел территорий Византии и в течение нескольких лет после этого были заняты реализацией своих „прав“, полученных при разделе империи. Венеции досталась львиная доля из движимой части „наследства“; она намеревалась также получить важнейшую часть его „недвижимости“ — территории Византии. Осуществить это намерение ей удалось только отчасти, тем не менее остается фактом, что в результате четвертого крестового похода и последовавших за ним событий в начале XIII в. фактически возникли две империи — Латинская и Венецианская. Возникновение этих двух империй было одним из наиболее крупных исторических событий XIII в. Этим обстоятельством в первую очередь определяется значение темы настоящей статьи.

1. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ИСТОЧНИКИ

Вопрос о венецианских приобретениях, сделанных в результате четвертого крестового похода, затрагивают в той или иной мере как авторы специальных сочинений по истории Венеции, Византии и крестовых походов, так и составители общих курсов по истории средневековья. Не ставя своею задачей дать хотя бы краткий обзор всей литературы, мы постараемся показать на некоторых сочинениях XIX и XX вв. отсутствие единства и правильности в трактовке этой проблемы и тем самым — обосновать уместность ее постановки (особенно вопроса относительно территориальных приобретений Венеции) в данной работе.

Основной ошибкой, которая часто допускалась и до сих пор допускается буржуазными историками, является отсутствие четкого разграничения между „теоретическими“ правами сторон, установленными при разделе византийского „наследства“, и степенью фактического осуществления этих прав. Это особенно заметно в сочинениях общего характера, авторы которых вынуждены касаться данного вопроса. Приведем некоторые примеры.

В работе В. Зомбарта „Современный капитализм“ венецианские приобретения представлены следующим образом: „В состав ее (Венеции) владений вошли земли Эпира, Акарнании, Этолии, Ионические острова, Пелопоннес, острова южной и западной части Архипелага, ряд городов по Дарданелльскому проливу и Мраморному морю, города во внутренней Фракии, как Адрианополь и другие, Пера, предместья Константинополя, Кандия и вскоре после этого (крестового похода 1204 г. — Н. С.) важный Кипр“.¹ Здесь мы имеем грубое смешение формальных прав с фактическим положением дела, не говоря уже о полном пренебрежении к хронологии: ни Эпиром, ни Этолией, ни Акарнанией, ни Ионическими островами, ни Пелопоннесом, кроме Корона и Модона, Венеция в XIII в. не владела, — она получила их только на бумаге; Кипром Венеция овладела не „вскоре после“ 1204 г., а спустя 285 лет; что касается Перы, то она вообще принадлежала не венецианцам, а генуэзцам.

— Один из новейших буржуазных историков хозяйства Италии в средние века, А. Дорен, пишет: „Владения Венеции распространяются теперь (после четвертого крестового похода. — Н. С.) на материк Греции (Эпир, Акарнания, Этолия, весь Пелопоннес), на Ионические острова и некоторые острова Архипелага, на Крит, наконец, на некоторые города Дарданелл, Мраморного моря и Фракии, последние — с Адрианополем во главе“.² При этом А. Дорен считает возможным повторить старую легенду о том, что в Венеции серьезно якобы рассуждали о перенесении столицы империи на берега Босфора.

В этом же духе трактует вопрос Л. Альфан, по мнению которого венецианцы „сумели оставить за собой лучшие порты, острова, пункты, необходимые для остановки кораблей, ... — на Ионических островах, в Албании, в Эпире, на юге Пелопоннеса, на Крите, в Эвбее, в Архипелаге, во Фракии, в Дарданеллах и даже в самом Константинополе...“³

Современный историк итальянской торговли Ф. Карли считает, что Венеция „овладела доброй половиной империи (Византийской) и превратилась во владелицу всего морского побережья от Дубровника до Босфора, а не только Кандии, Корфу, Кефалонии, Занте, Пароса, Мелоса, Андроса, Миконоса, Сироа, Кеоса и Лемноса и, наконец, трех восьмых константинопольских кварталов“.⁴ При этом Ф. Карли имеет в виду не вообще владения Венеции, которыми она когда-либо распорядилась, но именно те, которые республика св. Марка приобрела в результате четвертого крестового похода.

Такого рода высказывания можно было бы умножить.

В работах XIX в. мы встречаемся с еще более фантастической географией венецианских владений после четвертого крестового похода. Например, Б. Пужула утверждает, что Венеции достались „острова Пропонтиды и Черного моря“.⁵ П. Медовиков определяет владения венецианцев, доставшиеся им по разделу империи, следующим образом: „На долю венецианцев пришлось: Киклады, Спорады (впоследствии и остров Кандия), также острова и весь восточный берег Адриатического моря с Илирией, Эпиром, остальной (?) частью Элады и Мореею; далее Фракийский Херсонес, берега Пропонтиды до Селимврии, Черного моря до Месимврии, Архипелага до Пеллы и Верреи, несколько

¹ W. Sombart. Der moderne Kapitalismus, Bd. I. Münch.—Lpz., 1924, S. 435.

² A. Doren. Italienische Wirtschaftsgeschichte, Bd. I, Stuttgart, 1934, S. 318.

³ L. Halphen. L'essor de l'Europe, Paris, 1932, p. 280.

⁴ F. Carli. Storia del commercio italiano, vol. II, Padua, 1936, p. 190.

⁵ B. Poujoulat. Histoire de Constantinople, vol. I, Paris, 1853, p. 377, 378.

приморских городов в Фессалии (?), берега реки Гебра (?), Вардара (?), город Дидимотика и Адрианополь во Фракии; им определили и Сербию, хотя она никогда (?) не зависела от Византийской империи"¹ Это — сплошное нагромождение ошибок; некоторые из них трудно даже объяснить, — например, отнесение Дидимотики или территорий по Вардару к Венецианской доле: в акте о разделе *provincia Vardarii et Didymoteichon cum omnibus, quae sub ipsa*, прямо отнесены к доле крестоносцев.² Впрочем, к достоинствам диссертации П. Медовикова надо отнести отчетливое понимание того, что в данном им перечне владений Венеции имеются в виду не действительные ее владения, а перечисляются только территории, которые венецианцы намеревались захватить. К сожалению, П. Медовиков не сделал необходимых выводов из этого факта.

Более правильным путем шли те из историков, которые не только усматривали эту разницу, но и стремились установить географические пределы фактически сделанных венецианцами приобретений.

К таким исследователям относятся в первую очередь Г. Л. Тафель и Г. М. Томас,³ К. Гопф,⁴ В. Гейд,⁵ У. Миллер,⁶ Ш. Диль.⁷ Ошибки, или спорные утверждения этих авторов носят частный характер; мы остановимся на них в дальнейшем, при детальном рассмотрении вопроса по существу.

Значительная часть ошибок, неясностей и контrovers в области интересующей нас проблемы должна быть отнесена за счет несовершенства и недостаточности источников, находящихся в распоряжении историка.

Среди источников на первое место мы должны поставить четыре документа, непосредственно освещающих вопросы раздела завоеванной крестоносцами и Венецией части Византии. Мы имеем в виду: 1) договор о разделе добычи и территорий, которые собиралось захватить крестоносное ополчение; 2) проект договора о территориальном разделе Византийской империи между императором, венецианцами и крестоносцами; 3) „Подтверждение“ того и другого договоров преемником императора Балдуина и венецианским подеста восточных владений республике св. Марка; 4) договорную грамоту о покупке венецианцами острова Крита у Бонифация Монферратского.

Первый из названных документов, неоднократно опубликованный в различных изданиях,⁸ вполне ясен и охотно цитировался историками, начиная с Виллардуэна и кончая современными нам авторами. Дата составления документа обозначена в нем самом (март 1204 г.).

¹ П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе. М., 1849, стр. 29, 30.

² „Haec est de prima parte peregrinorum: Didymochium . . . de secunda parte: provincia Vardarii“ (F. Wilken. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. V, Beilagen, Leipzig, 1829, S. 6—7).

³ G. L. Tafel und G. M. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. . . I Theil (814—1205), Wien, 1856, S. 452—501 (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta, v. XII). Ниже в сокращ. — FRADA.

⁴ K. Hopf. Geschichte Griechenlands im Mittelalter, Leipzig, 1868.

⁵ W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, Paris, 1885.

⁶ W. Miller. The latins in the Levant, London, 1908.

⁷ C. Diehl. The Fourth Crusade and the Latin empire („Cambridge Medieval history“, v. IV, Cambridge, 1923, p. 415—431).

⁸ См. Andreae Danduli Chronicon, lib. X, cap. 3, Rerum Italiacarum Scriptores (Muratori, SS), vol. XII, col. 326. J. P. Migne. Patrologia latina, t. CCXIV; J. Villehardouin. La conquête de Constantinople, ed. Paulin de Paris, Paris, 1838, Notes, p. 290 ss.; Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta (FRADA), vol. XII, p. 446 ss.

Договор, таким образом, был заключен за несколько недель до последнего штурма Константинополя крестоносцами.

Совершенно иначе обстоит дело со вторым документом, который мы назвали проектом договора о разделе Византии.

Этот документ¹ содержит более ста различных географических названий, представляющих собой латинизированные греческие наименования провинций империи, ее городов, замков, имений греческой знати и императорской фамилии, а также — церквей и монастырей. Искажение переписчиками этих названий привело не только к большому числу разночтений в рукописях документа, но во многих случаях ставит исследователя в тупик и затрудняет чтение документа в целом. Еще Э. Гиббон писал: „В договоре о разделе большинство названий извращено переписчиками“.² Несколько позднее П. Дарю, поместив отрывок из документа, касающегося Венеции, в своей „Истории Венецианской республики“, заметил также, что очень много географических названий не может быть отнесено к определенным пунктам.³ О „малой определенности“ рассматриваемого документа говорит и О. Лоньон, один из составителей большого исторического атласа Ф. Шрадера.⁴ Эта „неопределенность“ была причиной того, что историки очень редко пользовались названным документом. Развернутое и критическое его рассмотрение мы находим в сущности только у Г. А. Тафеля и Г. М. Томаса; их выводы (в частности, отнесение к венецианской доле Кикладских и Спорадских островов) и определили их взгляды на интерпретацию этого договора, которых придерживается большинство буржуазных исследователей.

Дата составления документа в нем самом не указана, — отсюда отсутствие единства в его датировке. Правильным нужно признать взгляд, согласно которому акт о разделе был составлен в конце сентября или начале октября 1204 г. Это вытекает из данных, которые мы находим у Виллардуэна. Рассказав о ссоре Бонифация Монферратского с Балдуином и об их примирении (при усердном посредничестве Энрико Дандоло и самого Виллардуэна), хронист пишет: „Император Балдуин находился в Константинополе (после его похода на Солунь. — *Г. С.*), и страна была в мире и безопасности... Тогда начали раздел земель...“⁵ Тот же автор несколько выше указывает, что Бонифаций вступил во владение Солунью тотчас же после примирения с Балдуином, в конце сентября.⁶ Сопоставление этих данных и позволяет датировать документ концом сентября — началом октября 1204 г.

Третьим из названных документов является соглашение между Генрихом Фландрским, вторым императором Латинской империи, и Марино Цено, первым венецианским подеста в Константинополе. В нем подтверждались основные пункты мартовского договора 1204 г. (поскольку ими затрагивались венецианские интересы), а также — территориальный раздел империи и венецианские привилегии на Востоке; кроме того,

¹ Издания: Ramnusius. De bello Constantinopolitano, lib. V, Venetiis, 1624, p. 159—168; Muratori, SS, v. XII, col. 328 ss.; F. Wilken. Ук. соч., т. V, Beilagen, стр. 3—8; FRADA, p. 452—501; G. Finley. History of Byzantine and Greek empires, vol. II, London, 1854, p. 329 ss.

² Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, т. VII, М., 1888, стр. 4.

³ P. Daru. Histoire de la république de Venise, vol. I, Paris, 1819, p. 304.

⁴ F. Schrader. Atlas de géographie historique. Paris, 1911, pl. 24 (Croisades).

⁵ J. Villehardouin. Ук. соч., ук. изд., стр. 126.

⁶ Там же, стр. 125: „Et si avoit ja tant de temps, qu'il estoit à l'issue de septembre“...

здесь уточнялись феодальные повинности сеньоров в отношении верховного сюзерена Латинской империи.

Общий характер этого документа,¹ в котором особенно подчеркиваются территориальные и иные права венецианцев, не оставляет сомнения в том, что он был составлен по инициативе правителей республики св. Марка. Это доказывается также и тем, что Венеция в лице своих подеста неизменно добивалась подтверждения документа у всех премников Генриха.²

Датой „Подтверждения“ следует признать конец 1205 или начало 1206 г. Это явствует из того, что Генрих именуется еще не императором Латинской империи, а только братом императора.

Четвертым документом, представляющим большую важность для установления территориальных приобретений Венеции после четвертого крестового похода, является акт о покупке республикой св. Марка у маркиза Бонифация Монферратского острова Крита. Акт³ был составлен 12 августа 1204 г., под Адрианополем, в момент обострения взаимоотношений между Бонифацием и Балдуином. Вероятно, этим объясняется то обстоятельство, что Бонифаций обосновывает свои „права“ на остров Крит ссылкой на... „обещания“ императора Алексея, сына Исаака Ангела,⁴ не упоминая ни о своих феодальных связях с Балдуином, ни того, что он, Бонифаций, был забаллотирован при выборах императора.⁵ (Мнение Муратори, утверждающего, что договор был составлен в 1205 г.,⁶ должно быть признано несостоятельным, так как в акте о разделе империи, составленном во всяком случае в 1204 г., уже не фигурируют ни остров Крит, ни Солунь, а Месинополь, вошедший в состав Солунского королевства Бонифация Монферратского, считается еще венецианским).

Таковы основные документальные источники по интересующему нас вопросу. Они отличаются всеми присущими официальным документам достоинствами и недостатками: формулируя более или менее полно и ясно юридическую сторону дела, они в то же время ничего не говорят о фактическом положении вещей, тогда как именно факты в данном случае интересуют историка больше, чем намерения, пожелания и чаяния.

В этом отношении гораздо большую ценность имеют источники описательного характера, которые дают представление как раз о фактической стороне событий. К сожалению, средневековые анналисты и историки не всегда интересовались теми фактами, которые привлекают внимание современного историка. В источниках повествовательного характера мы находим только отрывочные и случайные сведения относительно действительных владений участников раздела империи, в том числе и венецианцев. Необходимые данные приходится собирать по крохам, не имея полной уверенности в том, что собрано все, отно-

¹ Воспроизведен в тех же изданиях, что и первые два договора, охарактеризованные выше.

² Ф. И. Успенский (История Византийской империи, т. III, М. — Л., 1948, стр. 430 и сл.), придавая этому документу, который он называет договором 1205 г., очень большое значение, ошибочно считает его составленным по инициативе императора.

³ Издания: Ramnusius. Ук. соч., стр. 168—170; Muratori, SS, v. XII, col. 553 ss; FRADA, v. XII, p. 513, 514.

⁴ „Insula Cretae, quae mihi data vel promissa vel concessa fuit per Alexium Imperatorem filium Isachii, quondam defuncti Imperatoris...“ (FRADA, v. XII, p. 514).

⁵ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 84.

⁶ Muratori. Annali d'Italia, v. X, Milano, 1819, p. 657.

сящееся к делу. Думается, что преувеличенные представления многих историков XIX и XX вв. о венецианских приобретениях после 1204 г. отчасти тем и объясняются, что буржуазные исследователи предпочитали писать на основе компактного, хотя и очень ограниченного по своему значению источника, вместо того, чтобы пытаться методом скрупулезных изысканий установить действительное положение дела.

По занимающему нас вопросу (или смежным с ним) современниками было написано довольно много: писали и византийцы, и венецианцы, и участники крестового похода — французы и немцы. Большинство этих сочинений может так или иначе служить нашим целям; мы назовем здесь лишь важнейшие из источников этого рода.

Из византийцев на первом месте должны быть поставлены Никита Хониат¹ и Георгий Акрополит.² Сочинения первого важны как для характеристики захватнических планов крестоносцев и венецианцев, так и для суждения о реализации этих планов, „Летопись великого логофета“ второго — преимущественно для истории фактического становления обеих империй (Латинской и Венецианской).

Из венецианских источников наибольшее значение имеют сочинения Андрея Дандоло и Лоренцо да Моначи.³ Хроника последнего, в частности, является незаменимым источником для уяснения некоторых вопросов, относящихся к судьбам островного мира Архипелага и острова Крита после четвертого крестового похода.

Из сочинений участников четвертого крестового похода на первом месте должна быть поставлена „История завоевания Константинополя“ Виллардуэна.⁴ Мы не можем вдаваться здесь в оценку его труда, но должны сказать, что некоторые географические названия акта о разделе империи могут быть географически ориентированы только на основании этой работы. Выше уже было отмечено, что даже датировка одного из важнейших наших юридических актов может быть установлена лишь на основании данных Виллардуэна.

Многочисленные сочинения других участников крестового похода или лиц, к ним близких, например, труд Робера де Клари,⁵ или произведения различных авторов, собранные в известном издании П. Риана,⁶ представляют ценность преимущественно для решения вопроса о разделе добычи, награбленной крестоносцами в Константинополе.

Некоторое значение для выяснения основного вопроса настоящей работы имеет хроника Эрнуля, одного из продолжателей Вильгельма Тирского.⁷ Историк этот — сирийского происхождения; автор его враждебно настроен по отношению к венецианцам, которых в Сирии не без основания считали главными виновниками того, что крестоносцы в 1202 г. направились не в Египет и не в Сирию, а сначала под Задар, а потом — к Константинополю.

Таковы основные источники повествовательного характера.

Ознакомившись с обеими группами важнейших источников, мы можем приступить к разработке отдельных вопросов нашей темы. Задача наша заключается в том, чтобы, рассмотрев мартовский договор 1204 г.

¹ Nicetae Choniatae Historia, ed. Bonn, 1835.

² Georgii Acropolitae Annales, ed. Bonn, 1837.

³ Andreae Danduli Chronicon, ed. cit.; Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus Venetorum, ed. F. Cornero, Venetiis, 1758.

⁴ J. Villehardouin. La conquête de Constantinople.

⁵ Robert de Clari. La prise de Constantinople, ed. C. Hopf („Chroniques gréco-romanes“, Berlin, 1873).

⁶ P. Riant. Exuviae sacrae Constantinopolitanae, Genevae, MDCCCLXXVII.

⁷ D'Ernoul et Bernard le Tresorier. Chronique, Paris, 1871.

и трактат о разделе империи, попытаться выяснить, каким образом и в какой мере тот и другой были реализованы, претворены в жизнь.

2. МАРТОВСКИЙ ДОГОВОР 1204 г. И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Ближайшим результатом разгрома крестоносцами Константинополя было образование Латинской империи. Трудно сказать, когда созрела мысль о захвате Византийской империи в головах вождей крестоносного войска, — источники не дают нам на этот вопрос прямого ответа. Можно только предполагать, что это произошло не ранее гибели династии Ангелов. Как ни были широки планы крестоносцев и особенно венецианцев в самом начале похода на Константинополь, они все-таки едва ли шли далее получения новых привилегий и новых опорных торговых пунктов для венецианцев, нескольких ленов — для вождей крестоносного войска и богатой добычи — для всех участников восточного предприятия. Гибель династии, полное равнодушие провинций к событиям в столице, изолированное положение знати и бюрократии в осажденном городе, малая боеспособность гарнизона (в чем крестоносцы убедились еще во время первого штурма Константинополя) — все это толкнуло Дандоло, Бонифация и других вождей крестоносцев на более смелые „дерзания“. Во всяком случае надо считать, что к марту 1204 г. план создания новой империи созрел окончательно.

Основателям ее не нужно было отличаться особенным политическим глубокомыслием: „схема“ нового государства была готова, — это было Иерусалимское королевство; „схему“ эту надо было только несколько видоизменить в соответствии с конкретными условиями создания новой империи. Основы этой империи, доля участия в ней партнеров по грабежу были определены в мартовском договоре 1204 г., разработка которого явилась своего рода дипломатической подготовкой создания на Востоке еще одного феодального государства крестоносцев.

Статьи этого договора касаются четырех основных вопросов — о венецианских привилегиях в пределах бывшей Византийской империи, о разделе добычи, которую крестоносцы рассчитывали захватить в столице, об участии в организации управления и доле во власти, наконец, о территориальных правах участников похода.

Для венецианцев на первом плане стоял вопрос об их торговых привилегиях на территории империи. Они хотели сохранить их и приумножить. Этой цели должен был служить специальный пункт, введенный в договор и гласивший: „За нами (венецианцами) должны быть сохранены все преимущества и владения, которыми мы пользовались с давних пор (*quos habere consueveramus*)... и все интересы и права, как обеспеченные писанными документами, так и без таковых...“¹ Последняя формулировка — „*sine scripto*“ — открывала венецианцам, которые стремились занять исключительное положение в экономической жизни империи, широкий простор для самых разнообразных домогательств.

Договариваясь о разделе добычи, венецианцы постарались обеспечить за собой львиную ее часть: из массы захваченных ценностей им (венецианцам) и крестоносцам должна была быть прежде всего оплачена задолженность (во всех ее видах) по обязательствам императора Алексея IV, а остальное должно было быть поделено поровну. По предварительным соображениям венецианских финансистов венецианцы

¹ FRADA, v. XII, p. 446.

в результате такого деления получили бы три четверти всей добычи, тогда как на долю крестоносцев могла прийти только одна четверть. Именно это соотношение и было записано в договоре.¹

Новая империя должна была получить выборного императора. Венецианцы, несомненно, с самого же начала решили отклонить от себя обременительную честь занятия этого ответственного поста, с которым была связана забота об обороне империи, зато они пожелали заполучить в свои руки нити церковного управления, которое никогда не было убыточным и к тому же открывало широкие возможности разнообразного влияния не только на духовные, но и на светские дела, — венецианцы во всяком случае надеялись на это. Они позаботились поэтому оговорить, что та из сторон, из среды которой не будет выбран император, получает пост константинопольского патриарха.² Избирательная комиссия, по договору, составлялась таким образом, что венецианцы с уверенностью могли рассчитывать на то, что на императорский трон будет избран удобный им кандидат. Комиссия должна была состоять из 12 членов, по шести представителей от каждой стороны — от венецианцев и крестоносцев. Имея в своем распоряжении половину голосов, легко было привлечь еще несколько человек из числа остальных шести членов комиссии, представлявших в ней интересы крестоносцев (согласно условиям договора кандидату на императорский трон достаточно было получить для избрания простое большинство голосов; в случае, если голоса выборщиков делились поровну, дело должен был решить жребий).³

Вопрос о территориальных правах участников похода был разрешен таким образом: император должен был получить одну четверть территории империи, остальные три четверти подлежали разделу между крестоносцами и венецианцами поровну. Так родился знаменитый титул дожей — „владыка четверти и полчетверти Византийской империи“. Этот принцип раздела распространялся также и на столицу (при этом к доле императора были отнесены дворцы Влахернский и Вукелеон).⁴

Все участники раздела должны были принести за свои владения ленную присягу императору — империя мыслилась как единое феодальное целое. Однако эта идея уже в самом договоре „компрометировалась“ оговоркой: от обязанности ленной присяги освобождался венецианский дож. Правда, этот пункт смягчался дополнительной оговоркой, согласно которой свобода от ленной присяги распространялась только на самого дожа, но не на тех лиц, которым ему заблагорассудилось бы уступить свои владения.⁵ Это условие венецианцы, несомненно,

¹ Толкование текста этого пункта договора представляет известные трудности, хотя он и легко переводится на русский язык. Этот пункт гласит следующее: „De quo tamen habere nobis et omnibus Venetis tres partes debent solvi, pro illo havere, quod Alexius, quondam Imperator, nobis et vobis solvere tenebatur, quartam vero partem vobis retinere debetis, donec fuerimus in ipsa solutione coaequales...“ (FRADA, v. XII, p. 446). Наше толкование основывается на том соображении, что задолженность Алексея венецианцам была гораздо более значительной, чем крестоносцам (так как венецианцы согласились продолжить срок службы своего флота еще на один год за очень большую плату). Естественно, что они в первую очередь и должны были хлопотать о покрытии этой задолженности, а возможный избыток — разделить пополам — в соответствии с договором, заключенным еще в Венеции.

² FRADA, v. XII, p. 447.

³ Там же, стр. 446, 447.

⁴ Там же, стр. 447.

⁵ Там же, стр. 448. Встречающееся иногда утверждение о том, что венецианцы не были обязаны ленной присягой императору (см., например, A. Luchaire. Innocent III. La question d'Orient, Paris, 1911, p. 211, 212), лишено оснований.

приняли с твердым намерением никогда его не выполнять, что они в дальнейшем и делали.

Таким образом, по вопросу о территориальном разделе была принята только общая, принципиальная установка. Детали раздела должны были быть определены позднее, когда новая империя была бы уже не проектом, а совершившимся фактом. Эту работу должна была провести комиссия из 24 членов, избранных также на паритетных началах.¹ Исключение составляла доля забаллотированного кандидата на императорский трон: он должен был получить малоазийские провинции и остров Крит.²

Таков был план основания новой империи. Легко видеть, что договор лил воду главным образом на венецианскую мельницу. Торговые привилегии в таком объеме получали только венецианцы. Им должна была принадлежать львиная доля награбленной добычи. В сфере организации управления империей они сохранили за собою, как им казалось, важный по своему политическому значению и доходный пост константинопольского патриарха. В воображении венецианских политиков, возможно, возникал образ некоего восточного папы, которого они будут держать в своих руках. Правда, в этом отношении венецианцев ожидали горькие разочарования, но это стало ясным только значительно позднее. План предстоявшего раздела империи также обеспечивал в первую очередь венецианские интересы. Будучи прекрасно осведомлены о действительной географической „протяженности“ Византийской империи, зная экономику отдельных ее районов и областей, учитывая значение отдельных городов и портов Византии, венецианцы надеялись при предстоящем детальном разделе использовать невежество „крестоносных болванов“ и выкроить себе самые лучшие части византийского территориального „наследства“. Наконец, мысль о том, чтобы поставить дожа в особые условия по отношению к императору, мысль о превращении своих владений в экстерриториальные районы внутри новой империи, о слиянии их в одно целое с остальными венецианскими владениями и сферами влияния открывала перспективу создания собственной колониальной империи.

С точки зрения венецианских интересов план был хорош. Дело было за его реализацией.

Первым практическим вопросом, вставшим перед захватчиками тотчас после взятия Константинополя, был вопрос о разделе добычи. Крестоносцы грабили город несколько дней, — по меньшей мере, с 13 по 15 апреля. Прелаты, высокие бароны, венецианская знать, клирики, рыцари и солдаты соперничали друг перед другом в разгроме восточной столицы. „Такой огромной и знатной добычи, — рассказывает Робер

¹ FRADA, v. XII, p. 447.

² J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 84. По свидетельству Виллардуэна, это решение было принято в связи с предстоявшими выборами. В тексте мартовского договора такого пункта нет. W. Miller (ук. соч., стр. 27) и некоторые другие исследователи предлагали читать это место у Виллардуэна не как *isle de Crete*, а как *isle de Grece*. В качестве основания для такой корректуры приводилось то соображение, что позднее сам Бонифаций выводил свои „права“ на Крит из обещаний и уступок Алексея, будто бы сделанных ему последним. Нам думается, что сторонники этого взгляда неправы. Если бы Бонифацию действительно предназначался не Крит, а Пелопоннес, то совершенно непонятно, как могли согласиться венецианцы (по разделу) включить Пелопоннес в состав своих владений, коль скоро он уже принадлежал Бонифацию. Мы указали выше на те мотивы, которые заставили Бонифация обосновывать свои „права“ на остров Крит ссылкой на фантастические обещания Алексея; венецианцам же этот вопрос был безразличен. Из всего этого следует, что текст Виллардуэна в этом месте должен быть сохранен в его обычном чтении.

де Клари, — не было захвачено ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до этих событий, ни после них”.¹ Крестоносцы не щадили ни церквей, ни находившихся в них предметов религиозного поклонения. Анонимный каноник Лангрского капитула рассказывает, как они разбивали „раки, в которых покоились мощи святых“, захватывали золото, серебро и драгоценные камни, а „сами мощи ставили ни во что”.² Новгородский летописец также отметил: „...Иные церкви въ градѣ и вънѣ града, и монастыри въ градѣ и вънѣ града, пограбиша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати”.³ Вместо „организованного“ ограбления города, которое предусматривалось договором, возникли тенденции к беспорядочному, индивидуальному расхищению богатств.⁴ Потребовались суровые меры, чтобы предотвратить развитие этих тенденций и заставить крестоносных грабителей сносить награбленное в специально отведенные для этого помещения („Всю добычу нашу мы снесли в одно место и ею наполнили три огромных башни”).⁵

Конечно, далеко не все, что было награблено, поступило в общий фонд раздела, но и то, что удалось собрать, поражало своим богатством жадную толпу западноевропейских захватчиков. Трудно оценить размеры этой добычи. Наши источники определяют долю, полученную каждым пехотинцем, в 5 марок, клириком, щитоносцем — в 10 марок, рыцарем — в 20 марок.⁶ Венецианцы будто бы предлагали крестоносцам за их долю в добыче 400 тыс. марок, или более полутора миллионов византийских золотых.⁷

Раздел добычи происходил не без споров и затруднений. И это понятно: ведь приходилось делать оценку самым разнообразным предметам, многие из которых представляли собою уникальные вещи. Для „удобства“ раздела крестоносцы превратили в слитки множество художественных изделий, расхищенных в городе. Кое-что, впрочем, венецианцам (которые, разумеется, руководствовались при этом отнюдь не эстетическими соображениями) удалось сохранить в целости — такова, например, знаменитая квадрига константинопольского ипподрома, со времени захвата Константинополя и вплоть до наших дней украшающая площадь св. Марка в Венеции.

Богатства, полученные венецианцами, особенно подробно описаны Рамнузием, который истощил всю свою фантазию и едва ли не весь свой лексикон для обозначения разнообразных драгоценностей, которые составили добычу венецианцев.⁸ Вероятно, тут много измышлений, — автор писал в XVI в., — но несомненно, что венецианцы получили

¹ Robert de Clari. Ук. соч., стр. 64.

² Canonici anonymi Lingonensis Historia; P. Riant, Exuviae... , p. 28.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. — Л., 1950, стр. 49.

⁴ Robert de Clari. Ук. соч., стр. 64, 65; D'Ernoult et Bernard le Trésorier. Ук. соч., стр. 374, 375. Последний источник, автор которого, как уже отмечалось, был враждебно настроен по отношению к венецианцам, нарочито подчеркивает, что палма первенства в грабеже принадлежала этим последним: et cil qui plus emblerent, ce furent livenissiens, qui leportoient par nuit à lor nés (там же, стр. 375).

⁵ Devastatio Constantinopolitana, ed. C. H o p f („Chroniques gréco-romanes, Berlin, 1873), p. 92.

⁶ Devastatio Constantinopolitana, p. 92.

⁷ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 60. Стоимость марки анонимным автором Devastatio Constantinopolitana определена в 4 перпера (ук. соч., стр. 78), хроника Эрнуля (ук. соч., стр. 375) содержит еще более фантастические данные.

⁸ Ramnusius. Ук. соч., кн. III, стр. 129. Цитировано в кн. F. Wilken. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. V, S. 364, 365.

огромные ценности. Замечательно, что ранние венецианские источники избегают описаний страшного разгрома и грабежа, которые были учинены в византийской столице, и умалчивают о богатствах, которые республика вывезла из Константинополя (что не мешает им, впрочем, давать подробные отчеты о реликвиях, захваченных в Константинополе и привезенных в Венецию).¹

Этот раздел награбленных ценностей имел для Венеции в дальнейшем немаловажное значение. В руки венецианских купцов и ростовщиков попали огромные богатства, что способствовало дальнейшему росту венецианской торговли. „Торговый капитал, — говорит Маркс, — когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.“² Приведенные выше факты ярко иллюстрируют это положение Маркса.

3. РАЗДЕЛ ИМПЕРИИ

Вопрос об организации управления был разрешен в полном соответствии с намерениями венецианцев. На императорский трон был избран кандидат Венеции — Балдуин Фландрский. Интердикт, тяготевший над венецианцами со времени взятия Задара, был снят. Иннокентий III принял родившуюся империю под свое покровительство. Так как за Венецией было признано право назначить константинопольского патриарха, то венецианцы поспешили выдвинуть на этот пост своего соотечественника — Томаса Моросини. Избрание происходило заочно, так как Моросини находился в Венеции и, прежде чем получить паллий восточного патриарха от главы католической церкви, который мыслил теперь себя главой всего христианского мира, должен был пройти целый ряд ступеней священства, отделявших скромное звание иподиакона от сана патриарха: на это требовалось время. Основанная крестоносцами империя была поэтому пока без духовного главы, но она имела теперь своего императора и получила санкцию на свое существование со стороны „святого престола“. Пока все шло относительно гладко.

Надо было ожидать, что согласие покинет союзников, как только дело дойдет до раздела тех ценностей, которые в глазах феодалов, главных участников крестового предприятия, являлись основными, — ленов. Так оно и случилось.

Бонифаций, как забаллотированный кандидат в императоры, должен был бы получить малоазийские провинции и остров Крит. Провинции эти, несомненно, были богатейшими в империи, но в данное время они не могли быть „к услугам“ Бонифация, так как были заняты или турками, или греческими феодалами, сгруппировавшимися вокруг Феодора Ласкариса в Никее. Бонифаций, поняв, что заключил невыгодную сделку, поставил перед Балдуином вопрос об обмене азиатских провинций на Фессалию и Македонию с центром в Солуни; он добивался

¹ Andreae Danduli Chronicon, ed. cit., col. 331; Anonymi monachi S. Georgii Translatio corporis beatissimi Pauli martyris; P. Riant. Exuviae..., p. 145, 148; Petri Calo. Veneti ordinis predicatorum Translatio S. Joannis, там же, стр. 179, 180.

² К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 343—344.

также при этом получения титула короля. После некоторых колебаний Балдуин дал на это согласие.¹

Таким образом, вновь рожденная империя имела императора и короля, но состояла пока только из одной столицы. Империи надо было еще завоевать. Однако, когда император и король приступили к овладению византийским „наследством“, дело быстро дошло до разрыва между ними. Балдуин овладел Солунью, а Бонифаций начал осаду Адрианополя, где Балдуин уже поставил свой гарнизон. Энрико Дандоло, Людовико Блуасскому и Виллардуэну, оставшимся в Константинополе, удалось, правда, предотвратить дальнейшее развитие конфликта; но вместе с тем была оставлена и мысль о предварительном — до раздела — завоевании империи, мысль, которая, повидимому, сначала руководила деятельностью крестоносцев, не спешивших с детальным разделом византийского „наследства“. Теперь решено было разделить шкуру еще не убитого медведя.

Виллардуэн, рассказав о ликвидации конфликта, возникшего между Бонифацием и Балдуином, сообщает, что после этого начался раздел территории империи между участниками похода.²

Акт о разделе империи показывает, что участники его поставили своею задачей произвести раздел „по справедливости“. С этой целью империя была, повидимому, сначала разделена на три неравные части: первую, — считавшуюся, вероятно, более ценной, — составляли прилегающие к Константинополю земли во Фракии и северной Македонии;³ в состав второй входили остальные материковые земли в Европе и в Азии; в третью — острова Архипелага и Ионического моря. Каждый из трех участников раздела должен был получить долю в каждой из этих частей. В самом договоре различаются, впрочем, лишь первые две части, но внимательное рассмотрение показывает, что во второй части каждому участнику выделяются и острова.

В центре нашего внимания стоят венецианские владения; поэтому мы будем лишь попутно касаться вопроса о землях, предназначенных для императора и для остальных крестоносцев.

Доля венецианцев, как и других участников раздела, в соответствии с указанным принципом раздела, заключалась прежде всего во фракийских владениях, находившихся в непосредственной близости от столицы, затем — в материковых владениях в южной и западной частях Балканского полуострова и, наконец, — в некоторых островах Архипелага и Ионического моря. Венецианские владения всюду должны были быть перемешаны с владениями крестоносцев и императора; только в Ионическом море и по западному побережью Балкан ни император, ни крестоносцы не могли обеспечить себе владений.

При оценке компетентности членов комиссии в том вопросе, который им надлежало разрешить, а следовательно и при оценке „качества“ их работы, в исторической литературе давались самые противоречивые отзывы: они то изображались людьми, „хорошо знающими“ свое дело,⁴

¹ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 87: Li marchis de Monferrat Li (Bold.) requist qu'il li donast, en eschange de celle terre (la terre d'autre le bras) le royaume de Salenique... Assés en fut parlés en maintes manières. Mais toute voies fu la chose menée à tel fin que il emprères li otroia et li marchis l'en fist hommage...

² J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 64, 65.

³ Возможно, что выделение этих территорий было произведено в целях возложения обязанности обороны Константинополя на всех участников раздела (Ср. С. Манфрони. Storia della marina italiana, Lucca, 1899, p. 340).

⁴ Ф. И. Успенский. История крестовых походов. СПб., 1900, стр. 130.

то — как мало компетентными в нем, если не круглыми невеждами.¹ Последнее мнение опирается на свидетельство византийца Никиты Хониата, который заканчивает свое известие о разделе империи такими словами: „Таким образом подпали их дележу: счастливый, лежащий на реке Ниле город Александрия, Ливия, области, простирающиеся от Ливии до Гадеса, Парфия, Персия, восточная Иберия, Ассирия, Гиркания и все страны, которые омываются водами всех восточных рек...“² Нужно заметить, однако, что во всем этом нет ни слова правды, — ни одна из территорий, названных византийским историком, в договоре не упомянута.

Конечно, не следует преувеличивать степени компетентности членов комиссии, считать их знатоками порученного им дела, — но не все они были и круглыми невеждами: в этом отношении надо проводить резкое разграничение между венецианцами и крестоносцами. Представители республики св. Марка, несомненно, прекрасно разбирались в географии земель, подвергавшихся разделу. Они имели продолжительный опыт в деле заключения договоров с Византией в более раннее время, — в этих договорах были довольно „компетентно“ учтены все области Византийской империи. Этого никоим образом нельзя сказать о крестоносцах, географические познания которых, вероятно, были действительно таковы, что Никита Хониат имел все основания писать о них с такой злой иронией. Во всяком случае именно крестоносцы оказались „обладателями“ тех земель, которые надо было завоевать и которые ими никогда не были завоеваны, — таково большинство территорий в Малой Азии или островной мир в Эгейском море. Мы склонны допустить, что венецианская часть комиссии нарочито вела ее работу в таком направлении, чтобы, создавая видимость больших, но фактически не реальных приобретений крестоносцев, с тем большим успехом обеспечивать реальные венецианские интересы. По крайней мере венецианцам могло казаться, что они действуют именно таким образом; мы увидим, однако, далее, что они в этом сильно ошибались.

Перейдем теперь к рассмотрению самого акта о разделе империи; этот документ, несмотря на все свои „недостатки“ (мы говорили о них выше), позволяет все же правильно — в основных чертах — определить притязания венецианцев на свою долю в византийском „наследстве“, — хотя, разумеется, до конца верное истолкование этого источника едва ли станет когда-либо возможным, разве только будут найдены новые, более совершенные рукописные варианты этого договора. Для удобства мы будем ниже вести рассмотрение акта о разделе империи по районам.

Район Фракии. Здесь венецианцы выговорили себе города: Адрианополь, Аркадиополь, Бургарофль и замок Кортакопль с примыкающими к ним территориями.

Название первого из этих городов не вызывает никаких сомнений. Его отнесение (по разделу) к венецианской доле подтверждается данными других источников — Виллардуэна, Эрнуля и т. д.³ Под Аркадиополем, или просто Кардиополем, разумеется современный Люле Бургас. Принадлежность его по акту о разделе венецианцам подтверждается Виллардуэном.⁴ Бургарофль в акте назван *Bulgarifigo*. О нем

¹ P. Daru. Ук. соч., т. I, стр. 303.

² Nicetae Choniatae Historia, p. 787.

³ D'Ernoul. Ук. соч., стр. 378: La cités d'Adrenoples estoit des Venissiens, qu ele estoit... à lor parti...

⁴ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 153: Li Veniciens garnirent... Garidiople...

упоминает Анна Комнина, помещающая его около Никицы (соответствует современной Хавса на речке того же наименования). О Кортакопле также упоминает Виллардуэн,¹ но местоположение этого пункта может быть определено по данным французского историка только приблизительно, на основе следующих соображений. Летом 1205 г. Генрих, брат Балдуина, спешивший на помощь последнему из Азии, перешел через Геллеспонт в районе Галлиполи и направился под Адрианополь; по дороге он узнал, что войска императора разгромлены, и венецианцы бежали в Родосто. Тогда Генрих меняет маршрут: вместо Адрианополя он двигается на Родосто и останавливается на ночлег в Кортакопле (*se herberja à un casal qui Cortacople est appelez*).² Кортакопль находился на расстоянии одного дня пути от Родосто. Следовательно, с большой вероятностью Кортакопль может быть помещен на 35—30 километров к северо-западу от Родосто. Примерно так же определяют его положение Г. Л. Тафель и Г. М. Томас.³ Территория всех этих городов образует довольно широкую полосу в центре Фракии, простираясь от верховьев Марицы и ее притоков к Мраморному морю.

Район Мраморного моря и Геллеспонта. На побережье Пропонтиды полоса венецианских владений захватывает все пространство от Селимврии до южной оконечности Галлиполийского полуострова. Здесь Венеция особенно заботливо оговорила свои территориальные притязания, перечислив в договоре даже незначительные пункты побережья, с обязательным указанием на „земли к ним тяготеющие“ (*pertinentia*). Таким образом, здесь названы: Гераклея, Родосто, Панизо, Ганос, Пактия, Галлиполи и Мадита. В связи с Мадитой и Галлиполи в договоре упоминается также и Эгоспотамос. Отнесение к доле венецианцев Родосто, Гераклеи, Мадиты и Галлиполи подтверждается и другими источниками.⁴

Мы считаем, что упоминание в связи с этим в договоре о Халкидике, да еще „с городом Родосто“ — плод недоразумения. В варианте договора, приведенном в хронике Андрея Дандоло, это наименование вовсе не встречается. Точно так же нельзя под *Nicodemi* понимать Никомедию, как это иногда делается,⁵ и не только потому, что в одном из вариантов акта на месте *Nicodemi* стоит *Meodimi*, но также и потому, что в акте далее прямо указано, что *provincia Nicomediae* относится „ко второй части владений императора“, который и инфеодировал позднее этот город одному из своих вассалов.

В этой же связи в нашем документе названы разные *casalia*, такие, например, как Керисия, Мирioфит и др.⁶ Термин „*casalia*“ показывает, что под этими пунктами разумеются различные поместья на побережье Пропонтиды, между названными выше портовыми городами.

На противоположном берегу Пропонтиды — в Малой Азии венецианцы получили Лампсак (впрочем, в тексте акта трудно отыскать соответствующее географическое наименование, если только не связывать с Лампсаком загадочных *Lazu et Lactu*).

¹ J. Villehardouin. Ук. соч., гл. 201, 202.

² Там же.

³ FRADA, v. XII, p. 466: *Locus prope Rodostum quaerendus...*

⁴ J. Villehardouin. Ук. соч., стр. 138, 137, 127; D'Ernoul. Ук. соч., стр. 385: *Une cité sur mer qui estoit de Veniciens et a un nom Rodestoke; Georgii Acropolitae Annales*, ed. cit., p. 39: *Περὶ τὰ τῶν Μαδύτων ἔστιν καὶ τὴν Καλιπόλιν καὶ τὰ παραγιάλια πάντα τοῖς Ἰταλοῖς ὑπόφορα ὄντα.*

⁵ См., например, P. Daru. Ук. соч., стр. 307.

⁶ *Casalia Chotriki, Kerisia, Miriofitum...*, *casalia de Raubatis et Examili.*

Таким образом, в результате раздела в руках Венеции должны были оказаться проливы, ведущие из Эгейского моря в Мраморное и Черное: обладание Лампсаком и Галлиполи позволяло контролировать Дарданеллы, а наличие базы в Константинополе — Босфор.

Район островов Эгейды. Крупнейший из островов этого района — Эвбея, или Негропонт, принадлежал венецианцам. В нашем источнике остров выступает в географических наименованиях двух его крайних точек, северной и южной, — городов Ореоса и Каристоса. Затем названы острова Андрос, Эгина и Саламин, последний — под новым названием, которое встречается уже у Птолемея, — *Κουλούρι*.¹ Этим, собственно, и ограничиваются владения венецианцев в Эгейском море, выговоренные ими для себя по акту о разделе империи.

Тем не менее широко распространенным является мнение, что венецианцы при разделе империи получили также Наксос и вообще все Киклады, к которым исследователи охотно присоединяют также и Спорады. Эту точку зрения „обосновывали“ в свое время Г. М. Томас и Г. А. Тафель; их гипотеза потом была принята В. Гейдом² и прочно утвердилась в исторической литературе. Между тем дело обстоит вовсе не так.

Г. А. Тафель и Г. М. Томас усматривали Наксос в *Canisia* (или, по другому чтению, — *Nisia*), однако для этого нет достаточных оснований, так как *Canisia* в тексте договора находится среди географических наименований Ионического моря и западного побережья Балканского полуострова, а не там, где речь идет об Андросе и других островах Эгейды. Что касается Киклад, то названные выше немецкие историки выводят их из *Conchilari*, предлагая читать „cum Cycladibus“; произвольность таких интерпретаций очевидна. Но этого мало: в нашем документе совершенно ясно сказано, что по акту о разделе Киклады были отданы крестоносцам.³ Киклады названы в акте Додеканисом. Относительно значения этого наименования в начале XIII в. легко судить по данным Морейской хроники. В этой хронике, написанной, как известно, греческими стихами, мы читаем:

Πρότον τὸν δίδει ὁ βασιλεὺς διὰ δωρεάν καὶ προίκα
 Ὅλην τὴν Δωδεκάνησον τὴν κρατὶ ἀπάντου...

Издатель Морейской хроники Бюшон поясняет, что речь идет об островах Паросе, Аморгосе, Делосе, Тиносе, Миконосе, Сиросе, Сифносе, Андросе, Наксосе и Серифосе и указывает, что такое общее название Киклад встречается уже у Страбона.⁴ Идентичность Додеканиса с Кикладами признают даже некоторые историки, придерживающиеся по данному вопросу взгляда, противоположного тому, который мы отстаиваем.⁵ Ошибка Г. А. Тафеля и Г. М. Томаса, отождествлявших *Conchilari* с Кикладами, состояла в том, что они совершенно выпустили из виду *Dodecanisus* рассматриваемого источника.

Лоренцо да Моначи, прекрасно осведомленный в венецианских колониальных делах, прямо называет острова — в момент занятия их венецианскими конкистадорами — „ничьими“.⁶ В его хронике мы нигде не встретим указания на то, что острова Эгейды принадлежали Венеции,

¹ FRADA, v. XIII, p. 469.

² W. Heyd. Ук. соч., т. I, стр. 303.

³ De secunda parte peregrinorum... provincia Presepe et Dodecanisus.

⁴ Chronique de Morée, ed. J. A. C. Buchon (Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XII-e siècle, Paris, 1860), p. 63.

⁵ W. Miller. Ук. соч., стр. 25, 90.

⁶ Laurentius de Monacis. Ук. соч., стр. 143: Quae (Insulae) sine regimine fluctuabaut....

чего этот верный сын республики никогда бы не допустил, если бы Венеция имела на Киклады какое-нибудь право. Точно так же Мартин да Канале, писавший во второй половине XIII в. и знавший венецианские дела, не называет Киклад, перечисляя венецианские владения на Востоке.¹

Для доказательства нашего положения еще более важно указать на то, что в Венеции не считали островного мира Архипелага в составе владений республики, хотя большинством островов и владели венецианцы. Это видно из договора Венеции с Михаилом Палеологом от 1268 г. и его воспроизведений в последующие годы. Здесь без всяких обиняков говорится о сеньорах Киклад: „они не подчинены нам (дожу) и коммуне Венецианской“.² Между тем Венеция никогда не отказывалась от своих прав, даже самых сомнительных, — по крайней мере добровольно. Не считала Венеция сеньоров Киклад зависимыми от нее и позднее. В 30-х годах XIV в. байло Негропонта донес венецианскому сенату, что герцог Архипелага — Николо Санудо заключил перемирие с турками, не включив в трактат острова Негропонта, хотя у байло с ним была на этот счет предварительная договоренность. 27 марта 1332 г. сенат вынес решение, согласно которому признавалось, что Николо Санудо, защищая свои интересы, был прав, и сенат запретил байло Негропонта преследовать его за это.³ Около этого же времени в Венеции замышлялась война против турок (в союзе с Андроником III, орденом Тамплиеров и французским королем). В связи с этим была запрещена торговля с турками. Венецианское правительство не приказывает, а только „просит“ (*persuadendo et rogando*) Гизи, сеньеров Тиноса и Миконоса и того же Николо Санудо⁴ следовать этой политике.

Без достаточных оснований к венецианской доле (по разделу) относят иногда также Спорады и Родос.⁵ Никаких указаний в тексте договора или в каких-либо других источниках относительно передачи Спорад венецианцам не имеется. Несколько иначе обстоит дело с Родосом. Хотя в самом акте Родос также не относится к венецианским владениям, но Ибн-аль-Атири указывает, что Родос по разделу империи был отнесен к числу владений Венеции.⁶ Мы должны отвергнуть это известие как стоящее особняком и принадлежащее, очевидно, мало компетентному в данном вопросе автору. Эта некомпетентность отчетливо видна хотя бы из того факта, что, согласно известиям Ибн-аль-Атири, Венеция получила по акту о разделе империи и Крит, чего в действительности, как известно, не было. Если позднее, в 30-х годах, владелец острова Леон Гавала и принес ленную присягу Венеции,⁷ то это не вытекало из каких-либо прав Венеции на этот остров, а было обусловлено обстоятельствами конъюнктурного характера: Леон Гавала думал отстоять независимость своего владения от Никейской империи. Связь с Венецией была кратковременной и не имела никакого практического значения — Венеция и после этого не предъявляла притязаний на Родос, несмотря на то, что около этого же времени на него покушались генуэзцы.

¹ La chronaca dei veneziani del maestro Martino de Canale. Archivio storico italiano, t. VIII, Firenze, 1845, p. 340.

² FRADA, v. XIV, p. 99: Non sunt subjectae nobis et comune Venetiarum...

³ G. J. Brătianu. Les véniciens dans la mer Noire au XIV-e siècle, Bucharest, 1939, Appendix, doc. № 8, p. 44.

⁴ Там же, док. № 14, стр. 47.

⁵ Например, В. Poujolat. Ук. соч., стр. 377.

⁶ FRADA, v. XIV, p. 461: Ducis vero Venetiarum factae sunt insulae maritimae, uti insula Creta et insula Rhodi et alia insuper...

⁷ Там же, т. XIII, стр. 320, 321.

Все эти соображения позволяют нам еще раз подчеркнуть, что венецианские владения в районе островов Эгейского моря ограничивались Негропонтом, Андросом, Эгиной и Саламином.

Район Пелопоннеса. Выше мы уже указывали на несостоятельность точки зрения тех историков, которые считают, что Пелопоннес был якобы отдан в качестве отступного забаллотированному кандидату в императоры. Акт о разделе империи совершенно определенно относит весь Пелопоннес к числу венецианских владений. В акте не только указаны „провинция Лакедемонии“, города Патрас на севере, Каловрита почти в центре и Модон на юге,¹ но перечислены и феодальные владения греческих магнатов — Вранов, Кантакузинов, членов императорской фамилии, монастыря Пантократора и других монастырей,² как территории, которые должны принадлежать Венеции. Если, тем не менее, республика овладела лишь незначительной частью этих земель, то в этом „виноваты“ не составители акта о разделе империи.

Район западного побережья Балкан и островов Ионического моря. Мы только что видели, что венецианские притязания в области островного мира Эгеиды были очень скромны, — зато в Ионическом море Венеция постаралась получить право на все острова без исключения. В нашем документе названы Закинф, Кефаления, Левкада и Корфу.³ Обладание этими островами для Венеции было важно потому, что они лежат на большой морской дороге, которая вела из Адриатического моря на Восток.

Далее, по западному побережью Балкан на довольно значительную глубину от береговой полосы Ионического и Адриатического морей владения Венеции должны были, по замыслу ее уполномоченных в комиссии по разделу земель империи, идти сплошной полосой от середины северного побережья Коринфского залива до Дринополя, или Дрина. В акте был назван ряд известных городов и более мелких пунктов, конечно, с примыкающими к ним территориями: Никополь (прежний Аксиум), территории по реке Ахелою (*de Achello*), Кониска (*de Lesconis*), столица Эпирского деспотата Арта, Вонита на Артском заливе (*Bagenetia, Vagenetia*), округ Янины (*Gianina, Janina*) и Охриды (*provincia Achridis*), территории по реке Арбану (*Arbanus*) и далее — округа Диррахия и Дринополя.

В этом разделе акта несколько загадочным представляется *provincia Lopardii*. Мы не думаем, чтобы здесь могла идти речь о малоазийском Лопадии — это противоречило бы всему остальному содержанию раздела. Будет правильнее усматривать в этом обозначении Лепанто — древнегреческий Навпакт, который около этого времени принимает свое новое название. В этом случае помещение здесь *provincia Lopardii* будет совершенно естественным.

В договоре о разделе империи обращает на себя внимание тот факт, что здесь, как и в договорах Венеции с Византией XII в., совершенно не упоминаются территории Черноморья. Объяснить это ссылкой на то, что Византия фактически уже не распоряжалась на берегах „Большого моря“, нельзя, так как в других аналогичных случаях — и именно там,

¹ Haec est de parte secunda domini nostri Ducis et communis Venetiae: Provincia Lakedemonie... parva et magna pertinentia Kalobrita... Patro et Methonis...

² ... Cum omnibus suis scilicet pertinentiis de Brana, pertinentia de Catacozino et cum villis Kyre Herinis... filiae Imperatoris Kyri Alexii, cum villis de... Pantocratora et de ceteris monasteriorum sive quibusdam villis, quae sunt in ipsis... (F. Wilken. Ук. соч., т. V, прилож., стр. 4).

³ Zikinthus et Kefalinia... Leucas et Coripho... (Там же).

где затрагивались ее интересы, Венеция оговаривала свои права: для примера можно указать на острова Закинф и Кефалению, которыми Византия в это время также не владела и которые, тем не менее, Венеция включила в свою долю при разделе империи. Остается предположить, что до конца XII в. у Венеции не было сколько-нибудь значительных интересов на Черном море.

Выдвигая это положение, мы расходимся с рядом исследователей проблемы итальянской торговли на Черном море. Еще П. Медовиков полагал, что венецианцы получили по разделу несколько пунктов на берегах Понта.¹ Позднее Ф. К. Брун прямо указывал на Сугдею, Согдайю или Сурож наших летописей, как город, выговоренный для себя венецианцами во время раздела (основанием для такого суждения послужило упоминание в договоре *emborium Sagudai*). Lazu et Lastu договора он считал обозначением устьев Днестра и Буга. Юргевич в примечаниях к изданному им тексту „Устава для генуэзских колоний“ со своей стороны нашел возможным заметить, что венецианцы при разделе „не забыли упомянуть“ о Сугдее, или Суроже.²

Согласиться с такого рода суждениями невозможно. Messini нашего документа не означает, как думает П. Медовиков, Месимври: это — Месинополь, что ясно видно из разночтения акта о разделе — *Mesinopolis*.

От части своих догадок Ф. К. Брун отказался в результате полемики с В. Гейдом.³ Но и последний в свою очередь также неправильно относил интересующее нас наименование к одному из пунктов в Малой Азии, причем для обоснования своего вывода ссылался на то место из сочинения Анны Комниной, в котором идет речь о *χωρίοντι τινὶ Ζαχουδάου*, помещаемой автором в районе Никеи.⁴ Но *emborium Sagudai* — это все-таки порт, тогда как *χωρίοντι* Анны таковым не является; кроме того, „порт Сагудай“ в нашем документе находится среди географических пунктов, расположенных на Галлиполийском полуострове.

Из доводов, которые в какой-то мере могут подтвердить мнение о наличии у венецианцев торговых интересов на Черном море, остается один: в „Слове о полку Игореве“, написанном ранее событий, которые мы здесь рассматриваем, упоминается о венецианцах в Киеве. Ф. К. Брун полагает, что они появились здесь, следуя старой большой дорогой из „варяг в греки“.⁵ У нас нет данных, которые мы могли бы противопоставить этой догадке. Стало быть, отрицая наличие у венецианцев серьезных экономических интересов в районе северного Черноморья к началу XIII в., нельзя отрицать вместе с тем некоторых торговых связей у отдельных венецианских купцов с черноморскими портами и до этого времени. Если, тем не менее, в торговых договорах Венеции с Византией в XII в. не содержится упоминаний о портах на Черном море, то это значит только, что заинтересованная в этой торговле группа венецианских купцов не была достаточно влиятельной, чтобы воздействовать в своих интересах на политику Венеции как в XII, так и в самом начале XIII в.

Мы выяснили вопрос о тех территориях, которые выговорили в свою пользу венецианцы по акту о разделе империи.

¹ П. Медовиков. Ук. соч., стр. 29, 30.

² „Записки Одесского общества истории и древностей“, т. V. Одесса, 1863, стр. 817.

³ Подр. см. В. Г. Васильевский. Рецензия на сочинение Ф. К. Бруна „Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России“. „ЖМНП“, ч. CCXI. СПб., 1879, стр. 110—111.

⁴ *Alexiadis libri Annae Comnenae*, ed. Bonn, 1839, p. 314, 315.

⁵ Ф. К. Брун. О поселениях итальянцев в Газарии, М., 1872, стр. 3.

Робер де Клари, рассказав об этом разделе, сообщает, что феодалы, получив лены, отправились в свои земли и оставили там своих бабь¹. Это известие может соответствовать действительности лишь частично: на самом деле и крестоносцам, и венецианцам пришлось еще долго бороться за фактическое овладение теми территориями, которые они поделили между собой. Ход последующих событий внес в планы участников раздела такие коррективы, которые совершенно видоизменили первоначально намечавшуюся карту новой феодальной империи.

Наибольшую часть византийского „наследства“ мог реализовать, конечно, сильнейший из создателей нового государства — Венеция. Она была сильна своим флотом, без которого крестоносцам было почти невозможно реализовать свои „права“ на доставшийся им по разделу островной мир, дисциплиной и сплоченностью своей армии. И тем не менее, действительность разбила не одну мечту венецианских политиков о господстве на Востоке.

Если бы представить себе на один миг, что Венеция действительно получила все те территории, которые она обеспечила за собой по договору, то оказалось бы, что она имела в своем распоряжении широкий массив земель от берегов Далмации до самой южной оконечности Балканского полуострова — с большим количеством портовых городов и удобных морских стоянок, а в Архипелаге только отрезок от Негропонта до Дарданелл остался бы без ее промежуточных опорных пунктов. Возможно, что венецианцы рассчитывали обосноваться — и позже действительно обосновались здесь (острова этого участка были по акту о разделе отнесены преимущественно к доле императора) — иным способом. В Дарданеллах Венеция контролировала доступ в Мраморное море и, следовательно, — в Черное море. В восточной Фракии в ее руках оказался бы большой массив земель, прикрывавший Константинополь. Такие масштабы территориальных притязаний, несомненно, свидетельствуют о широком размахе экспансионистских устремлений венецианских политиков, об алчности ее правящего класса, но вместе с тем здесь налицо несомненная переоценка возможностей успешной реализации такого рода политических „дерзаний“.

Многие из этих земель никогда не входили в состав Венецианской империи, другие входили лишь на краткий срок, третьи сделались действительным достоянием республики св. Марка лишь несколько столетий спустя, и лишь сравнительно небольшой частью их Венеция действительно овладела в момент основания Латинской империи и в первые годы ее существования. Венецианские планы разошлись в этом вопросе с венецианской историей.

4. ВЕНЕЦИАНСКАЯ „ЧЕТВЕРТЬ И ПОЛЧЕТВЕРТИ ИМПЕРИИ РОМАНИИ“

Осуществление намеченной венецианцами программы земельных захватов на Востоке оказалось делом настолько сложным, что, несмотря на сравнительно благоприятную международную обстановку для Венеции в начале XIII в., она смогла реализовать лишь сравнительно незначительную часть своих притязаний.

Венеция приступила к реализации приобретенных ею территориальных прав (так же как и ее „партнеры“) сразу же после заключения акта о разделе. Она начала, естественно, с территорий, находящихся в непосредственной близости к Константинополю.

¹ Robert de Clari. Ук. соч., стр. 80.

Не позднее начала 1205 г. (возможно, даже в конце 1204 г.) венецианцы овладели Адрианополем, поставив там свой гарнизон.¹ Тогда же, вероятно, был занят Аркадиополь: по крайней мере, когда в апреле 1205 г. болгары от Адрианополя направились к Аркадиополю, то венецианский гарнизон, не будучи в состоянии отстоять города, покинул его, — следовательно, венецианцы успели занять город еще до этого времени². О Бургарофле мы не имеем таких сведений, но надо думать, что едва ли этот город, расположенный между только что названными, мог остаться не занятым венецианцами.

На берегах Пропонтиды были заняты Гераклея и Родосто,³ затем Ганос, Пактия, Галлиполи и Мадита. Георгий Акрополит, рассказывая об опустошениях болгар в 1205 и 1206 гг., называет Мадиту и Галлиполи городами, платившими дань итальянцам.⁴ Автор „Летописи великого логофета“ не называет здесь прямо венецианцев, но то обстоятельство, что он не выделяет Галлиполи и Мадиты среди других городов Пропонтиды, несомненно, находившихся в зависимости от венецианцев, позволяет сделать заключение, что Венеция успела реализовать и эту часть программы своих захватов.

Таким образом, реализация венецианцами своих „прав“ на территории, непосредственно примыкавшие к столице, на первых порах протекала вполне успешно. Однако уже в первой половине 1205 г. положение резко изменилось к худшему. Вызывающее поведение завоевателей повлекло за собою всеобщее восстание во фракийских владениях крестоносцев. Восставшие в союзе с болгарским царем едва не положили конец латинскому господству на севере Балканского полуострова в первые же месяцы после утверждения здесь латинских феодалов. Потерянные земли были возвращены при Генрихе I; Венеция восстановила свое положение в ранее приобретенных территориях. Но венецианские политики поспешили сделать практический вывод из только что полученного урока. В Венеции поняли, что защита далеких материковых владений, не представлявших для венецианских купцов к тому же и большой ценности, экономически себя не оправдывает: республика уступила Адрианополь на ленных началах Феодору Вране, одному из греческих магнатов, которого Генрих вынужден был привлечь на свою сторону, инфеодировав ему Дидимотику.⁵ Венеция оставила за собой, однако, все приморские пункты; территориальные потери она начала нести здесь позднее, в период общего распада Латинской империи.

Приведенные факты показывают, что из первой группы владений, доставшихся венецианцам по разделу, они смогли сохранить за собой на ближайшее десятилетие одно только побережье Пропонтиды и Геллеспонта. Эти владения вместе с Лампсаком, расположенным на противоположном берегу, были для них особенно важны: они гарантировали венецианцам господство на Мраморном море и в Константинополе, а также открывали свободный доступ к Черному морю; последнее обстоятельство имело немалое значение, если принять во внимание, что в это время начала быстро развиваться торговля с черноморским побережьем.

Значительно хуже для венецианцев сложилась обстановка на юге и на западном побережье Балканского полуострова, где Венеции

¹ J. Villehardouin. Ук. соч., гл. 137; D. Ernoul. Ук. соч., стр. 378, 379.

² J. Villehardouin. Ук. соч., гл. 215.

³ Там же, гл. 217, 213; D'Ernoul. Ук. соч., стр. 385.

⁴ Georgii Acropolitae Annales, p. 39.

⁵ FRADA, v. XIII, p. 18.

по разделу достались обширные территории Пелопоннеса, Акарнании, Этолии и Эпира.

Пелопоннесом им пришлось поступиться, как мы увидим далее, в пользу Бонифация Монферратского, с согласия которого здесь было образовано зависимое от него княжество Ахейское. Но Венеции все-таки нужны были опорные пункты в Пелопоннесе, так как вблизи южной оконечности полуострова пролегла морская дорога на Восток. В 1207 г. венецианский флот под начальством Р. Дандоло и Р. Премарино появился перед гаванями Модона и Корона и, встретив здесь слабое сопротивление со стороны гарнизонов княжества Ахейского, овладел названными портами.¹ Этими *oculi principales communis Venetiae* республика владела несколько столетий.

Еще менее благоприятной для осуществления венецианских территориальных притязаний оказалась ситуация на восточном побережье Ионического моря и Адриатики. Возникновение сильного Эпирского деспотата превратило договор о разделе — в этой его части — в простой клочок пергамента. Еще во время похода Бонифация Монферратского, который он предпринял летом 1204 г. с целью овладения „своими“ землями, Михаил Ангел, действовавший первоначально совместно с Бонифацием, овладел Никополем и Артой (находившимися под управлением византийского наместника) и положил начало Эпирскому независимому княжеству. Михаил захватил все побережье от Коринфского залива до Сербии, за исключением Драча, в котором летом 1205 г. обосновались, хотя и очень ненадолго, венецианцы. В 1215 г. брат и преемник Михаила Ангела — Феодор, расширяя владения деспотата в направлении Фессалии и Пелопоннеса, овладел и Драчем.² При этих условиях ровно никакого значения не имело то обстоятельство, что Венеция на короткое время удалось было поставить от себя в ленную зависимость владыку Эпира.³

Не был закреплен в руках венецианцев в XIII в. также ни один из островов Ионического моря, хотя они и приложили к этому делу значительные усилия.

Остров Корфу в тот момент, когда венецианские уполномоченные подписывали акт о разделе империи, находился в руках генуэзского пирата Ветрано, который сделал это приобретение не без поддержки своих соотечественников. Упомянутая выше экспедиция Р. Дандоло и Р. Премарино должна была, между прочим, реализовать „права“ венецианцев (по разделу) и на Корфу. Венецианский флот в 1206 г. справился с этой задачей вполне успешно: остров был захвачен, Ветрано взят в плен и повешен, но торжество Венеции было непродолжительным, хотя венецианцы и поспешили поселить на острове своих колонистов.⁴ Быстро возросшая мощь Эпирского деспотата лишила их этого владения: в самом начале своего правления Феодор Ангел вырвал из рук венецианцев эту добычу — и надолго: Венеция не могла здесь осуществлять своих „прав“ в течение двух столетий.

Кефаления и Занте, равно как и Итака, еще до четвертого крестового похода сделались собственностью апулийской фамилии Орсини.⁵ В тот момент, когда корабли Дандоло и Премарино показались у берегов островов, граф-палатин этой островной группы, опасаясь под-

¹ M. Sanuto. *Vite dei duchi di Venezia*, ed. Muratori, SS., v. XXII, col. 565.

² Gregorii Acropolitae *Annales*, p. 28.

³ FRADA, v. XII, p. 119—122.

⁴ Там же, стр. 57, 58.

⁵ Andreae Danduli *Chronicon*, ed. cit., col. 336.

вергнуться участи владельца Корфу, признал себя, повидимому, вассалом республики, но не надолго. В ближайшие годы осторожному графу Кефалении и Занте пришлось признать себя ленником князя Ахейского, сильнейшего из феодалов Латинской империи. Только во второй половине XV в. эти острова были присоединены к колониальным владениям Венеции.¹

Судьба четвертого большого острова Ионического моря — Левкады, или С.-Мауры, как он именовался в это время, была аналогична судьбе Корфу, с той лишь разницей, что венецианцы не владели им и тех десяти лет, в течение которых они держали в своих руках Корфу. „Виновником“ нарушения их „прав“ явился все тот же Феодор Ангел, деспот Эпира.

Несколько более удачно для венецианцев сложились их дела на островах Архипелага.

По разделу Венеция получила два важных пункта на острове Эвбее — города Ореос и Каристос, обладание которыми означало господство и над всем этим островом. Почти наверное можно сказать, что здесь, как и на Пелопоннесе, Венеция уступила свои владения Бонифацию Монферратскому; иначе трудно было бы объяснить, каким образом Бонифаций вскоре после раздела мог самостоятельно распоряжаться островом, не встречая никаких претензий со стороны венецианцев: это было бы совершенно невозможно, если бы они видели в его действиях нарушение своих прав. Не позднее первой половины 1205 г. Бонифаций Монферратский направил на Эвбею, или Негропонт, небольшой отряд под начальством Жака д'Авена. Вскоре остров перешел к Равано делла Корчери — выходцу из Вероны, который завершил его подчинение. После смерти Бонифация (1207 г.) Венеция предъявила свои права сеньеру Негропонта; она добилась того, что Равано признал себя вассалом республики св. Марка.² Ломбардцы, хозяйничавшие (во главе с графом Бандра) в Солунском королевстве во время малолетства наследника Бонифация, безуспешно хлопотали у императора Генриха о признании острова за Солунским королевством³ (наши источники не дают возможности установить, в какой мере этот отказ был делом венецианцев). После смерти Равано (1216 г.) венецианцы разделили остров на несколько ленов, и венецианский байло на острове умело направлял развитие торговых факторий Венеции в городах Эвбеи.⁴

Разнообразные затруднения, которые должны были испытать венецианцы при практическом осуществлении своих прав на полученные по договору о разделе земли, путаница, порожденная вторжением в области раздела посторонних лиц, сопротивление греческой знати в различных частях империи, перемешавшее все карты участников раздела, — все это побуждало Венецию изыскивать иные пути расширения сферы своего влияния на территории Латинской империи. Наиболее подходящим районом для этой цели были острова Архипелага. Как мы видели, по разделу венецианцам достался здесь только один Андрос (если не считать островов в Сароническом заливе и Эвбеи), основная же масса Киклад составила долю крестоносцев. Последние, однако,

¹ W. Miller. *Greece and the Aegean under Franc and Venetian domination (1204—1571)*, в кн. „The Cambridge Medieval History“, v. IV, Cambridge, 1927, p. 465 сл.

² FRADA, v. XIII, p. 90 ss.

³ Continuation de l'histoire de Villehardouin, d'après les mémoires de Henri de Valenciennes. „Nouvelle collection de mémoires pour servir à l'histoire de France“, éd. J. Michaud, t. I. Paris, 1836, p. 137.

⁴ FRADA, v. XIII, p. 97, 98.

не располагали морскими силами, которые были необходимы для освоения этих владений, и именно это обстоятельство открывало перед венецианскими политиками значительные возможности для распространения влияния Венеции и на этот островной мир.

Прямой, „организованный“ захват в данном случае был неудобен по многим причинам, но его можно было осуществить в порядке „частной инициативы“. В 1207 г. в Венеции было постановлено, что каждый гражданин республики, снарядив экспедицию за свой собственный счет, может овладеть любым островом Эгеиды, или любым прибрежным пунктом, не успевшим стать чьим-либо ленным владением.¹ Немедленно вслед за тем развернулась лихорадочная захватническая деятельность венецианских конкистадоров, по своему размаху вышедшая далеко за пределы тех земель, которыми по „праву“ могла распоряжаться Венецианская республика.

Наиболее удачливым захватчиком оказался Марко Санудо с „товарищами“ (*cum suis sequaciis*), который овладел Наксосом, Паросом, Мелосом, Косом, Китносом и некоторыми другими островами. В числе „товарищей“ Марка Санудо мы видим не одних только нобилей, встречаются и имена рядовых купцов — Скъяви, Кастелли, Бевадцани и др.² Братья Гизи — Андреа и Джеремиа — обосновались на Скиросе, Теносе, Миконосе, Скиатосе, Скопелосе.³ Другая знатная фамилия — Квирины — утвердилась на островах Стампали и Аморгосе. Впрочем, два других отпрыска этой фамилии тогда же появились вместе с Сакугулло в Лампсаке в качестве сеньеров этого города.⁴ Веньеро и Вияро получили в качестве феодалов небольшие острова Черигио и Чериготто (Китиру и Антикитиру). М. Дандоло и Д. Виадио „захватывают и сильно укрепляют“ Галлиполи.⁵ Другой представитель фамилии Дандоло прибрал к своим рукам Андрос. Пьетро Джустиниани и Доменико Микьеле захватили Кеос и Сирифос. Леонардо Фосколо стал сеньером Намфио, или Анафе, Якопо Баронци овладел Ферой, или Санторинио и Ферасией, наконец, Филоколо Навигайози обосновался на Лемносе.⁶

Так как предприимчивые венецианские нобили захватили в основном не венецианские территории, то они принесли ленную присягу за эти владения императору. Некоторые при этом получили пышные титулы византийской табели о рангах: Навигайози, например, стал мегадукой империи, т. е. главным адмиралом флота, — пока, правда, еще не существовавшего.

Многие из новых феодальных владельцев продолжали жить в Венеции, находились на службе у республики, занимая иногда довольно видные посты; но по своим островным владениям они были совершенно независимыми от родного города. Таковыми, как мы уже видели, считало их и венецианское правительство. Таким образом, весь этот островной мир принадлежал венецианцам, но не Венецианской республике.

Это, впрочем, не мешало Венеции извлекать из положения ее нобилей в Архипелаге известные выгоды: их господство здесь облегчало

¹ *Andreae Danduli Chronicon*, ed. cit., col. 334; *Laurentius de Monacis*. Ук. соч., стр. 143.

² K. Hopf, *Veneto-byzantinische Analekten* („Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften“, Bd. 32, Wien, 1859, S. 140).

³ W. Miller. *The latins in the Levant*, p. 44.

⁴ FRADA, v. XIII, p. 209.

⁵ *Andreae Danduli Chronicon*, col. 334.

⁶ K. Hopf. Ук. соч., стр. 20, 134.

борьбу с пиратами, создавало целый ряд удобных корабельных стоянок, где можно было укрыться от „людей и моря“, т. е. от морских бурь и разбоев; отсюда иногда можно было получить и военную поддержку. Этим объясняется выявившееся позднее стремление Адриатической республики выговаривать у возродившейся Византийской империи некоторые льготы для венецианских нобилей — владельцев островов, аналогичные тем, какими пользовалась она сама; выговаривая эти льготы, Венеция, однако, отказывалась нести ответственность за действия своих нобилей в Архипелаге.¹

Наиболее значительным и прочным приобретением Венеции, сделанным в результате четвертого крестового похода, был, несомненно, остров Крит: крылатый лев св. Марка несколько столетий цепко держал эту богатую колонию в своих когтях.

Добиваясь овладения Критом, венецианцы проявили большую дальновидность и с первых же шагов повели тонкую дипломатическую игру. Мы уже видели, что они постарались закрепить право на этот остров за тем из кандидатов на императорский трон, который оказался бы забаллотированным. Венецианские политики учитывали, что ни Бонифаций, ни Балдуин не будут в состоянии овладеть островом, так как они не располагали флотом, необходимым для этой цели. Это сулило Венеции возможность увеличить свою долю, полученную при разделе, за счет Крита — весьма важного для нее владения: остров был плодороден и представлял собою не только очень выгодную стоянку для судов, отправлявшихся на Восток, но и удобный пункт для наблюдения за морским путем, ведущим в страны Леванта.

Вероятно, вскоре после выборов императора начались переговоры Венеции с Бонифацием относительно покупки у него Крита (мнение о том, что маркиз предложил сначала остров генуэзцам,² ни на чем не основано). В августе 1204 г. Венеция достигла своей цели. Сохранившаяся запродажная грамота показывает, что предметом сделки был не только интересовавший венецианцев остров, но и фантастические сто тысяч перперов, обещанных будто бы Бонифацию императором Алексеем, из многих дарения которых маркиз выводил и свои права на Крит.³

За уступку всех этих „прав“ Венеция обязалась уплатить Бонифацию тысячу марок серебра и передать в его распоряжение столько земель в западной части империи, сколько было необходимо для обеспечения Бонифацию ежегодного дохода в 10 тыс. перперов.⁴ (Только этим обязательством Венеции можно объяснить тот факт, что она равнодушно отнеслась к захвату Пелопоннеса, доставшегося ей по разделу, Шамплитом и Виллардуэном, а Эвбеи — вассалом Бонифация Жаком д'Авенон). Лишь после смерти Бонифация венецианцы решили заняться возвращением уступленных „прав“ и добились реализации их в довольно значительных размерах на Эвбее и частично на Пелопоннесе. Маркиз в числе принятых им по сделке обязательств дал обещание всемерно содействовать покупателям в деле фактического овладения проданным имуществом, впрочем, это обязательство не имело никакого практического значения.

Из всего этого видно, что венецианцы приложили все усилия к тому, чтобы сделать свои права на Крит юридически безупречными; но и

¹ FRADA, v. XIV, p. 99, 146.

² M. G. Canale. Nuova historia della repubblica di Genova, v. II, Firenze, 1858, p. 12.

³ См. выше, стр. 160.

⁴ FRADA, v. XIII, p. 513.

это не спасло их от многих затруднений, которые пришлось преодолеть прежде, чем удалось прочно обосноваться на острове.

Наибольшее количество забот на первых порах доставили венецианцам генуэзцы, ревниво взиравшие на успехи своего конкурента. Поддерживая Ветрано, Генуя пыталась создать определенные трудности для республики св. Марка уже при овладении Корфу. Венецианский флот легко разбил эти интриги. Значительно более сложным оказалось преодоление генуэзских притязаний на Крит.

В 1206 г. здесь появился мальтийский граф Энрико Пескаторе с намерением оспаривать у Венеции совершенную ею покупку. „Генуэзские Анналы“ довольно подробно освещают деятельность этого авантюриста в восточных водах Средиземноморья. В 1205 г. с двумя галерами и одним большим кораблем он выступил под Сиракузы для борьбы с пизанцами на стороне Генуи, а затем отправился в каперский рейд на Восток. У берегов южной Греции он встретил два венецианских торговых корабля: один из них был захвачен графом-пиратом, а другой потопили сами венецианцы. Далее Пескаторе направился к берегам Сирии, где оказал некоторые услуги графу Триполи в его борьбе с турками, за что тот подтвердил различные права и привилегии генуэзцев в своих владениях. В Генуе по этому случаю „все были преисполнены великой радостью и весельем“.¹ Наконец, после нескольких новых разбойничьих подвигов, „достойный уважения и победоносный граф Мальты, — повествуют анналы, — с кораблями, галерами... и другими вооруженными и быстроходными судами появился на Крите и с бою овладел им, отняв у венецианцев; он сделался властителем острова, держал его в своих руках и получил с его жителей дань...“² Упомянутая уже выше экспедиция Дандоло и Премарино, покончив с делами в Ионическом море и на Пелопоннесе, явилась на Крит для того, чтобы положить конец успехам предприимчивого мальтийского феодала. В 1207 г. началась борьба между венецианцами и генуэзским эмиссаром. В следующем году его дела на острове стали совсем плохи; он отправил в Геную посланцев с мольбой о „совете и помощи“.³ Генуэзцы поспешили откликнуться на этот призыв и послали в поддержку Энрико Пескаторе корабли, людей и коней. В происшедших затем стычках венецианцы понесли значительный урон (погиб и сам Райнерио Дандоло, сын знаменитого Энрико Дандоло). Венецианские силы были явно недостаточны для успешного завершения борьбы на острове, которая угрожала перерасти в большую войну с Лигурийской республикой.

Генуэзцы, заключив к этому времени мир с Пизой, считали возможным померяться силами и с более могущественным противником. Когда в 1210 г. Энрико Пескаторе лично явился в Геную за подкреплениями, генуэзское правительство дало ему восемь галер, два корабля, 100 лошадей и такое количество продовольствия и снаряжения, что для покрытия его стоимости пришлось ввести специальный налог.⁴ Впрочем, генуэзцы попытались сначала уладить дело миром: было выдвинуто предложение о совместном владении островом Пескаторе и республикой св. Марка. Естественно, что венецианцы не хотели и слышать

¹ *Annales Januenses. Monumenta Germaniae Historica, Scriptores*, t. XVIII, p. 125: *Omnes ingenti gaudio et letitia repleti fuere...*

² *Annales Januenses. MGHSS*, p. 125.

³ Там же, стр. 127: *Postulans et implorans consilium et auxillium...*

⁴ Там же, стр. 129.

об этом — „их нельзя было успокоить никакими доводами“.¹ Вот тогда-то Пескаторе и получил нужные ему силы и средства. Внимание Генуи, однако, было отвлечено в следующем году начавшейся войной с Марселем, вследствие чего с Венецией надо было заключить хотя бы перемирие. Перемирие было заключено сроком на три года, причем Энрико Пескаторе должен был расстаться со своими мечтами о Крите, а Генуя обязалась возместить венецианцам стоимость ценностей, захваченных во время войны на одном из их кораблей.²

За годы перемирия Венеция постаралась закрепить свое положение на Крите, направив туда еще в 1211 г. первых военных колонистов.³

Это мероприятие имело целью, однако, не столько борьбу с генуэзцами, сколько борьбу с местным населением, которому венецианская оккупация острова несла порабощение со стороны иноземных и иноверных феодалов. Борьба эта вспыхнула тотчас же, как только появились там венецианцы. Есть основание полагать, что Райнерио Дандоло погиб на Крите не от генуэзского, а именно от повстанческого оружия. Эта борьба была главным предметом забот венецианского правительства и венецианской администрации острова в течение длинного ряда десятилетий.

Движение местного населения, поскольку оно носило характер классовой борьбы против иноземных поработителей, не могло не быть враждебным также и генуэзским феодалам. Главным образом по этой причине борьба венецианцев с генуэзцами, возобновившаяся тотчас же, как только истек срок трехлетнего перемирия, протекала уже за пределами Крита. Венецианцы теперь получили возможность перейти в наступление: в 1215 г. вместе с пизанцами, провансальцами и анконитанцами они организовали крейсерскую операцию в районе Сицилии, захватив несколько генуэзских кораблей.⁴ После этого борьба продолжалась еще некоторое время; она складывалась для Генуи в общем неблагоприятно. В начале 1218 г. по инициативе Генуи начались переговоры, которые привели к заключению мира сроком на десять лет.⁵

Из всего этого видно, что Венеция в ближайшие годы после четвертого крестового похода смогла реализовать сравнительно небольшую часть своей обширной программы территориальных приобретений в пределах Византийской империи, которая была намечена актом о ее разделе.

Во Фракии ей пришлось ограничиться только узкой прибрежной полосой Пропонтиды с городами Гераклеей, Родосто, Панизо и Ганос. В Херсонесе Фракийском Венеция удержала за собою Пактию, Галлиполи и Мадиту. Некоторое время в ее руках находился Лампсак на азиатском берегу Пропонтиды. В вассальной зависимости от нее с 1209 г. находилась Эвбея. Республика твердо держала в своих руках гавани Корона и Модона с небольшими прилегающими к ним территориями. Остров Крит возмещал потери, понесенные венецианцами на островах Ионического моря и в западной части Балканского полуострова — на побережье Этолии, Акарнании и Эпира. Выходы из Венеции владели большей частью островного мира Архипелага, Кикладами и северными Спорадами, но они были вассалами не республики св. Марка, а императора Латинской империи или князя Ахейского.

¹ Veneti ulla ratione acquiescere vellent.

² Annales Januenses, p. 132.

³ FRADA, v. XVIII, p. 130 ss.

⁴ Annales Januenses, p. 136; Martin da Canale. Ук. соч., стр. 352.

⁵ Annales Januenses, p. 137 ss; Martin da Canale. Ук. соч., стр. 352—354.

Таково было положение венецианских владений на территории Византийской империи около 1216 г. Само собою разумеется, что Венеция полностью использовала свои права на территорию в столице империи, где в ее руках оказались теперь все важнейшие причалы великого города, тянувшиеся по побережью как Золотого Рога, так и Босфора. Нет сомнения также и в том, что она усиленно насаждала свои фактории во всех важнейших торговых городах и портах империи, независимо от того, были ли они ленами императора или его вассалов. И тем не менее, подробный обзор территорий, вошедших в состав венецианских владений после четвертого крестового похода, показывает, что размеры этих владений так же мало соответствовали пышному титулу дождей, который они носили, начиная с Энрико Дандоло, — „властитель четверти и полчетверти Византийской империи“, — как и принятый ими ранее титул „герцогов Далмации и Хорватии“.

Приложение: картографическое состояние вопроса

Наблюдения над документами, результаты которых были изложены выше, дают возможность представить полученные нами выводы на географической карте, изображающей, с одной стороны, владения Венеции, какими они должны были бы быть (согласно намерениям участников раздела Византийской империи) (карта № 1), с другой, — какими они оказались в действительности (карта № 2).

Необходимость составления такого рода карт особенно велика потому, что те карты, которые вплоть до настоящего времени находят практическое применение как в научных трудах, так и в высшей и средней школе, страдают — правда, в различной степени, но, тем не менее, все без исключения — более или менее существенными недостатками. Уместно поэтому, прежде чем предложить читателю составленные нами карты, сделать несколько критических замечаний по поводу карт, помещенных в ряде старых исторических атласов (К. Менке-Шпрунера, Г. Дройзена, Ф. Шрадера), в „Кембриджской средневековой истории“, в „Истории Византии“ Ф. И. Успенского, а также карт, применяющихся в качестве наглядного пособия в нашей советской школе.

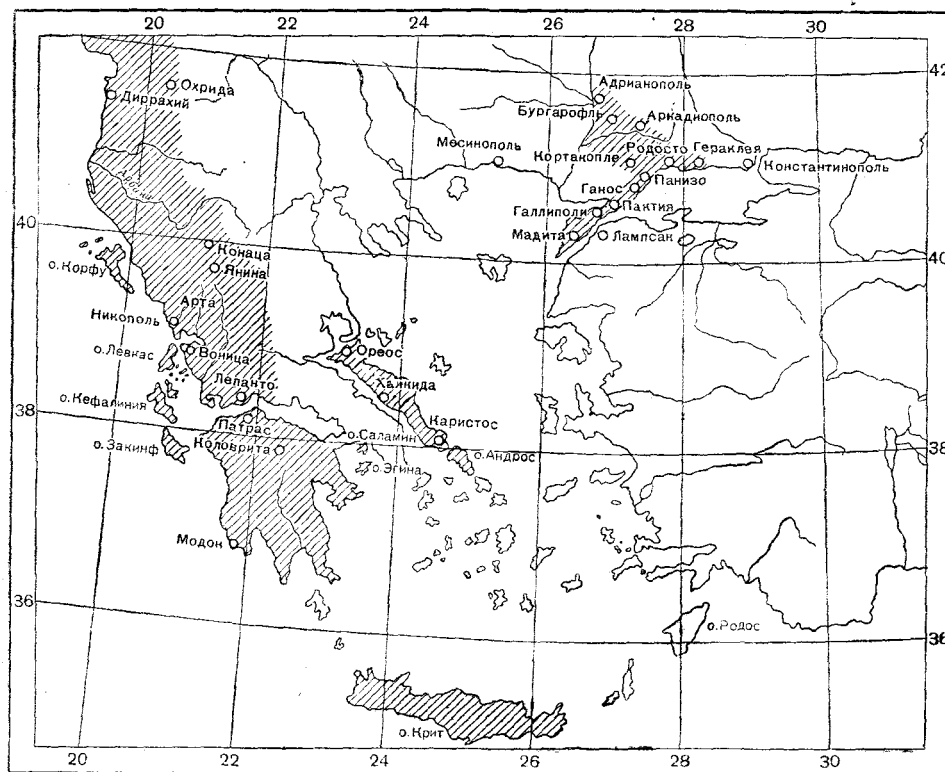
Самой старой из числа намеченных к рассмотрению, но отнюдь не самой плохой картой Латинской империи и венецианских владений на Востоке в период ее существования является карта, помещенная в атласе Менке-Шпрунера¹ (этим атласом пользовался еще Энгельс²). Составитель карты совершенно правильно относил владения венецианских нобилей в островном мире Архипелага к составу Латинской империи; правильно также ряд пунктов по берегам Пропонтиды отнесен к числу владений Венеции; карта не расходится с фактическим положением дела и в том отношении, что Ионические острова не включены в состав венецианских владений. Несмотря на все это, карта нуждается в некоторых исправлениях.

Составитель карты, изображая венецианские владения, ошибочно, по одному только звуковому сходству, отнес к малоазийскому Лопадью (в районе южного побережья Пропонтиды) *Lopadium* акта о разделе: мы указывали выше причины, почему этого не следует делать.

¹ K. Menke-Spruner. Hand-Atlas über die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit, Gotha, 1880.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 428.

В то же самое время Лампсак, совершенно бесспорно являвшийся частью фактических венецианских владений, не показан в их составе. Нельзя согласиться также и с тем, что Мадита (на южной оконечности Фракийского Херсонеса) лежала вне венецианских владений: это противоречит, как мы видели, прямому свидетельству Георгия Акрополита. Составитель карты в данном случае повторяет ошибку К. Гопфа.¹

Владения Венеции по акту о разделе империи в 1204 г. (заштриховано)

Карта, помещенная в атласе Г. Дройзена („Средиземноморские земли после четвертого крестового похода“²), значительно слабее только что рассмотренной. Хотя и здесь Киклады, как и Ионические острова, правильно не включены в состав венецианских владений, но составитель карты оставил вне пределов венецианской колониальной империи также и Негропонт, которым Венеция владела непрерывно в течение нескольких столетий (с 1209 г.); на берегах Мраморного моря не показано никаких венецианских владений, тогда как Венеция утратила их лишь постепенно, в период разложения Латинской и усиления Никейской империи.

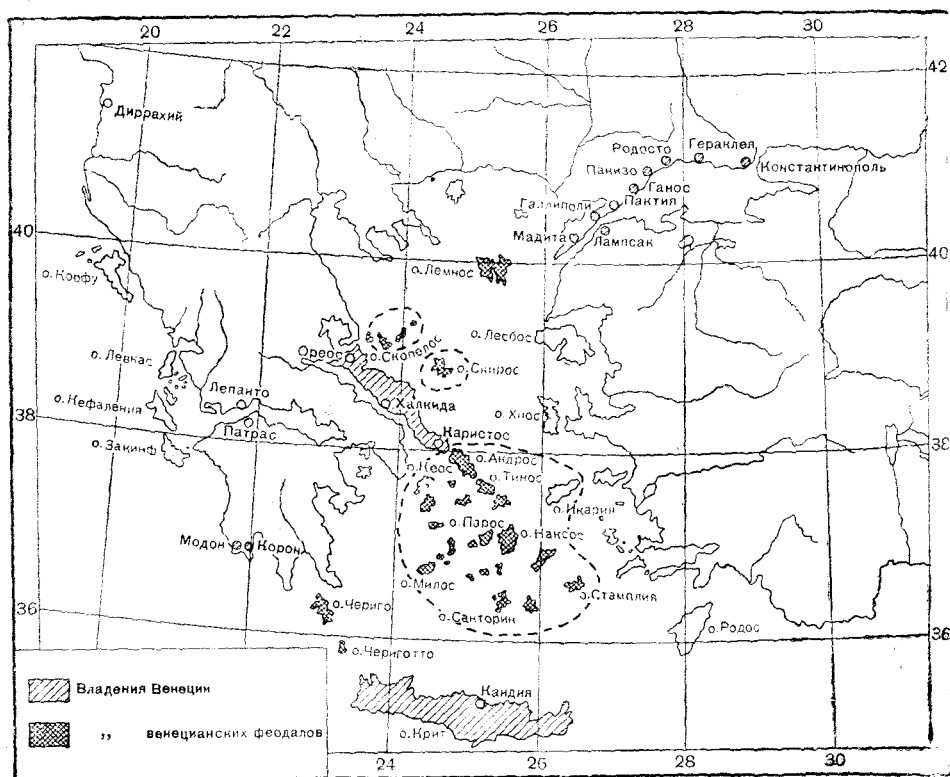
Более новый французский атлас Ф. Шрадера дает интересующую нас карту под названием: „Латинская Константинопольская империя“.³ Составитель ее, Огюст Лоньон, правда, не особенно близко знаком с делом, поскольку мартовский договор 1204 г. и акт о разделе

¹ К. Hopf. Geschichte Griechenlands im Mittelalter, S. 207.

² G. Droyzen. Allgemeiner historischer Hand-Atlas, Billef—Leipzig, 1886, № 74.

³ F. Schrader. Atlas de géographie historique, Paris, 1911, № 24.

считает за один документ (см. сопроводительный текст карты на ее обороте), тем не менее доля венецианцев по разделу указана им более или менее правильно. Этого отнюдь нельзя сказать о его суждениях относительно фактических владений Венеции. О. Лоньон заявляет, например: „Прибавим, что неизвестно, овладели ли венецианцы снова Родосто, Аркадиополем и Гераклеей, подвергшихся нашествию болгар в 1206 г.“ Ясно, что автор не знал о существовании бесспорных данных относительно того, что Родосто и Гераклея, как и ряд других пунктов по Мраморному морю, принадлежали венецианцам и после

Владения Венеции и венецианских феодалов к 1216 г.

1206 г. При такой осведомленности О. Лоньона в вопросе, который он должен был оформить картографически, не приходится удивляться тому, что к венецианским владениям на Востоке отнесен только один Крит.

Несколько более совершенной является карта географического атласа, приложенного к „Камбриджской средневековой истории“.¹ Достоинством этой карты является, между прочим, то, что она фиксирует положение вещей так, как оно сложилось к вполне определенному моменту, именно к 1214 г. (встречающиеся в практике составления исторических карт попытки придать географической карте несвойственный ей динамизм нередко приводят к недоразумениям).

¹ The Cambridge Medieval History. Volume of maps, Cambridge, 1936, № 43.

Составителю карты может быть поставлено в упрек, однако, следующее: во-первых, все итальянские владения, в том числе и венецианцев, объединены, вследствие чего читающему карту надо предварительно знать, что Закинф и Кефаления принадлежали Орсини, вассалам князя Ахейского, чтобы не счесть их за владения Венеции; во-вторых, на карте игнорируются владения венецианцев на берегах Пропонтиды и Геллеспонта.

Новейшими картами, относящимися к интересующему нас вопросу и изданными в нашей стране, являются карты, помещенные в III томе „Истории Византийской империи“ Ф. И. Успенского, и школьные карты по истории крестовых походов.

В книге Ф. И. Успенского венецианские владения после четвертого крестового похода представлены на карте, озаглавленной: „Балканские государства в первой половине XIII в.“¹ В числе венецианских владений на карте Ф. И. Успенского неправильно показаны Родос, Закинф и Кефаления. Владения венецианских феодалов, ленников Латинской империи, включены в состав венецианской империи. Совершенно правильно в составе венецианских владений указаны Гераклея, Родосто, Галлиполи, но без всяких оснований исключен Лампсак.² Если признать правильным исключение из состава венецианских владений Корфу, как это сделано на карте, — а это правильно, — то не следовало включать в их состав также и Драча.

Наши школьные карты по замыслу составителей должны отображать политическую ситуацию, сложившуюся в юго-восточной Европе в результате четвертого крестового похода.

В карте, изданной Главным управлением геодезии и картографии в 1939 г., имеются следующие ошибки: во-первых, неправильно отнесены к венецианским владениям Ионические острова; во-вторых, неправильно исключены из состава Латинской империи Киклады и северные Спорады; в-третьих, неправильно исключены из состава венецианской колониальной империи Негропонт и владения на Пропонтиде; наконец, ничем не оправдано отнесение к составу венецианских владений Родоса. Все эти ошибки повторены и в вышедшем недавно новом издании карты.

В предлагаемых ниже картах автор стремился исправить ошибки, допущенные ранее в исторической картографии вопроса, поставленного в настоящей работе.

При составлении карт мы руководствовались следующими двумя соображениями: во-первых, мы не стремились педантически загромождать карты мало вразумительными географическими наименованиями, в правильности помещения которых на карте не может быть уверенности; во-вторых, карту действительных владений Венеции мы считали возможным и более или менее правильным дать только на определенную дату. В качестве такой даты был избран 1216 года, когда венецианские владения на землях Византийской империи оказались в состоянии относительной стабилизации.

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М. — Л., 1948, стр. 352—353.

² Это обстоятельство вызывает тем большее недоумение, что, как известно, Ф. И. Успенскому принадлежит работа, посвященная Лампсаку как венецианскому владению („Следы писцовых книг в Византии“. ЖМНП, 1884, № 1, 2).

В. Н. ЛАЗАРЕВ

**НОВЫЙ ПАМЯТНИК СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ XII в.
И ОБРАЗ ГЕОРГИЯ-ВОИНА В ВИЗАНТИЙСКОМ
И ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ**

В 1934 г. художником-реставратором В. О. Кириковым начата была реставрация иконы Одигитрии, входившей в состав иконостаса московского Успенского собора. При детальном исследовании этой иконы выяснилось, что она двусторонняя и что на ее обороте имеется старая живопись, покрытая густым слоем масляной краски.¹ По удалении последней и ряда слоев записей открылось великолепное поясное изображение Георгия, дошедшее на редкость в хорошем состоянии (рис. 1—2). Прекрасно сохранились лицо святого и вся правая половина фигуры. Сохранилась и большая часть старого золотого фона. Наибольшие повреждения имеются в левой половине фигуры, особенно заметные на плаще, на рукояти меча и по контуру левого плеча. Поскольку повреждения живописной поверхности затрагивают лицо в минимальной степени, постольку памятник сохранил всю силу своего эмоционального воздействия на зрителя.

Георгий представлен по пояс. Его могучая фигура целиком заполняет поле иконы, так что руки почти вплотную касаются обрамления. В правой руке Георгий держит копье, в левой меч. На нем чешуйчатые доспехи, поверх которых наброшен плащ. Из под доспехов виднеется рукав рубахи. Георгий выступает в образе храброго и стойкого воина, покровителя ратных людей. Особенно выразительно его лицо, своеобразно сочетающее в себе свежесть юности с мужественной силой героя (рис. 2). Правильный овал лица обрамлен густой шапкой коричневых волос. Большие, пристально глядящие на зрителя глаза, темные, красиво изгибающиеся брови, прямой нос, сочные губы — все эти черты так трактованы художником, что они придают лицу чисто архитектурную построенность. Кожа имеет очень светлый беловатый оттенок, переходящий на щеках в нежный румянец. От соседства с густыми зеленовато-оливковыми тенями и энергичной красной описью носа бело-

¹ Размер иконы $1,74 \times 1,22$. Произведенные И. А. Барановым пробные расчистки ликом богоматери и младенца дают основания считать икону Одигитрии современной изображению Георгия. Икона Одигитрии была целиком переписана в XIV в. опытным мастером, но под этим раскрытым на ликах слоем XIV в. скрывается живопись более древняя, относящаяся к XII в. Таким образом, мы имеем здесь двустороннюю икону — случай, далеко не единичный в практике русской живописи домонгольского периода. В настоящей статье нас интересует лишь целиком раскрытое изображение Георгия. См. Н. Гордеев. О памятнике древнерусского искусства. Журнал „Искусство“, 1947, январь—февраль, стр. 73—75 (эта статья носит характер предварительной публикации).

ватый оттенок кожи приобретает особую прозрачность, благодаря чему лицо получает как бы сияющий характер. При взгляде на Георгия невольно вспоминаются те замечательные слова из „Сказания о Борисе и Глебе“, которыми составитель этого сказания обрисовал внешность Бориса: „тѣльмъ бяше краснь, высокъ, лицьмъ круглѣмъ, плечи велицѣ, ... очима добраама, весель лицьмъ, ... свѣтѣся цесарьскы, крѣпкъ тѣльмъ, всячьскы украшенъ, акы цвьтъ цвьтый в уности свои. ...“¹ Как в древнерусской повести, так и на иконе воплощен поэтический идеал прекрасного юноши, находящегося в полном расцвете своих сил.

Икона из Успенского собора выделяется исключительной красотой колорита. Густые, чистые, интенсивные краски подобраны с таким расчетом, чтобы подчеркнуть душевную стойкость и храбрость молодого воителя. Фигура Георгия четко выделяется на золотом фоне светлого тона. На нем коричневые доспехи, пластины которых разделаны золотом. Плащ — плотного киноварного цвета, рукав рубахи — синий, перевязь плаща — темнозеленая, ножны меча — изумрудно-зеленые. В сочетании с беловатым оттенком кожи эти краски образуют ту мажорную цветовую гамму, в которой не осталось и следа от сумрачности византийской палитры, ее утонченных колористических сочетаний.

Н. В. Гордеев, впервые опубликовавший икону Георгия, отнес ее без всяких колебаний к началу XIII в.,² ничем не мотивировав такой датировки. Между тем вопрос о времени возникновения этого интереснейшего памятника решается далеко не так просто. В иконографии Георгия настолько много типического, традиционного, что очень трудно найти в ней точки опоры для обоснования той или иной датировки. Чешуйчатые доспехи, плащ, копье, меч — все это встречается в памятниках и чисто византийского, и восточного, и кавказского, и южнославянского, и русского круга, причем эти памятники датируются самыми различными эпохами — начиная от X и кончая XVI в.

Византийцы отдавали предпочтение фигуре стоящего Георгия, опирающегося левой рукой на щит, в правой же держащего копье (стеатит XI в. в Ватопеде,³ эмаль XI в. на крышке переплета с изображением архангела Михаила в сокровищнице Сан Марко,⁴ мозаика 50—60-х годов XII в. на стене пресбитерия собора в Чефалу,⁵ шиферная икона XII в. в Эрмитаже,⁶ икона XII в. с изображением Георгия, Феодора Тирона и Димитрия, там же,⁷ стеатит XIII—XIV вв. в Историческом музее⁸ (рис. 3 и мн. др.). Этот тип получил широкое распространение также на Кавказе (серебряные рельефные иконы XII и XIV вв. из Джумати и Хони,⁹ фреска XIII в. в Тимотесубани,¹⁰ рис. 4, житийная икона

¹ Н. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 78. „Сказание о Борисе и Глебе“ датируется концом XI—началом XII в.

² Н. Гордеев. Ук. соч., стр. 73, 75.

³ Н. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. С.-Петербург, 1902, стр. 203—204, рис. 81.

⁴ O. Dalton. Byzantine Art and Archaeology, Oxford, 1911, рис. 306.

⁵ O. Demus. The Mosaics of Norman Sicily, London, 1949, рис. 7a.

⁶ С. Гайдин. Резная шиферная икона св. Димитрия и Георгия. Сборник Гос. Эрмитажа, 1923 (II), стр. 31—42, табл. II.

⁷ В. Лазарев. История византийской живописи, М., 1948, т. II, табл. 204.

⁸ № 77091. Особая кладовая 13176. См. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Отд. VIII—XI. Москва, 1908, стр. 23—24. Рядом с Георгием представлен Феодор Стратилат; над ними парит полуфигура Христа.

⁹ Н. Кондаков. Опись памятников древности в храмах и монастырях Грузии, СПб., 1890, стр. 106—108; Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 255, табл. 166.

¹⁰ Д. Гордеев в Изв. кавказского отделения Моск. арх. общ., вып. V, Тифлис, 1919, стр. 26—29; Н. Толмачевская. Фрески древней Грузии, Тифлис,

Рис. 1. Икона Георгия, Оружейная палата, Кремль, XII в.

XIV в. из Убиси и др.); встречается он и на Руси (наиболее яркий пример — рельеф от 1234 г. Георгиевского собора в Юрьеве Польском,¹ рис. 17). Изображая Георгия в виде воина, византийцы обращались и к другому типу: в одной руке Георгий держит копье, другая же его рука покоится либо на рукояти меча, либо на ножнах (триптих Арбавиль сер. X в. в Лувре,² фреска нач. XI в. в церкви св. Варвары в Согоанле,³ записанные иконы XII в. (?) в Зографу на Афоне⁴ и др.). Иногда византийцы изображали Георгия с поднятым, лежащим на плече мечом (каменный образок XI в. из собрания Ханенко).⁵ Изображения Георгия с мечом были весьма популярны на Балканах (фрески церкви св. Никиты близ Чурчера, ок. 1320 г., церкви арх. Гавриила в Лесного, ок. 1349 г., церкви богородицы в Калениче, первая четверть XV в., монастыря в Копорине, первое десятилетие XV в. и др.)⁶ и особенно на Руси (икона XII в. из новгородского Юрьева монастыря в Гос. Третьяковской галлерее, рис. 13,⁷ новгородские иконы Спаса со святыми и Иоанна Лествичника, Георгия и Власия XIII в. в Третьяковской галлерее и в Русском музее, рис. 18,⁸ московская икона XIV в. из Гуслицкого монастыря,⁹ рис. 24, новгородская икона XV в. в Третьяковской галлерее¹⁰ и мн. др.).

Сделанный нами обзор иконографических типов Георгия-воина ясно показывает, что икона из Успенского собора органически входит в круг византийских, южнославянских и русских памятников X—XIV вв. В иконографии изучаемого нами памятника нет ничего такого, что выпадало бы из рамок традиционного понимания образа Георгия. Последний представлен с мечом и копьем, т. е. так, как его изображали и византийские, и сербские и древнерусские мастера. Есть лишь одна деталь в интересующей нас иконе, которая помогает не только уточнить ее дату, но и решить вопрос о том, принадлежит ли она византийскому или русскому художнику. Это жест левой руки Георгия: она не придерживает висящий сбоку меч, как мы это обычно встречаем на византийских изображениях (триптих Арбавиль в Лувре, иконы в Зографу); Георгий держит меч в согнутой руке, торжественно выставив его напоказ зрителю. В этом жесте есть нечто ритуальное, нечто

1931, стр. 13—14; В. Лазарев. Ук. соч., I, стр. 184, 349; Д. Гордеев в журнале „Советское искусство“, Тбилиси, 1940, № 4, стр. 45—50 (на грузинском языке). Приношу благодарность Д. П. Гордееву за любезное предоставление впервые публикуемой здесь фотографии.

¹ С. Фраткин. Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве Польском, „Светильник“, 1915, № 9—12; А. Бобринский. Резной камень в России, I, М., 1916, табл. 34, рис. 2; История культуры древней Руси, I, М.—Л., 1948, рис. 263.

² A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII Jahrhunderts. Zweiter Band. Reliefs. Berlin, 1934, табл. XIII. Ср. также триптихи из слоновой кости той же эпохи в Эрмитаже (табл. III), в Христианском музее в Ватикане (табл. XI) и в Британском музее (табл. XV).

³ G. de Jerphanion. Les églises rupestres de Cappadoce, Paris, 1925—1942, табл. 186, рис. 4.

⁴ Н. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 178—179, табл. XXII—XXIII.

⁵ Собрание Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, выпуск V, Киев, 1902, стр. 60, табл. XXXVII, № 1301 (со слишком ранней датировкой X в.).

⁶ V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, Beograd, 1930—1934, II, табл. LIX, CLIX; I, табл. 155a; II, табл. CLXXXVII.

⁷ А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, рис. 35.

⁸ В. Лазарев. Искусство Новгорода, М.—Л., 1947, табл. 31—32.

⁹ P. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter, Haag, 1930, рис. 113.

¹⁰ В. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 97.

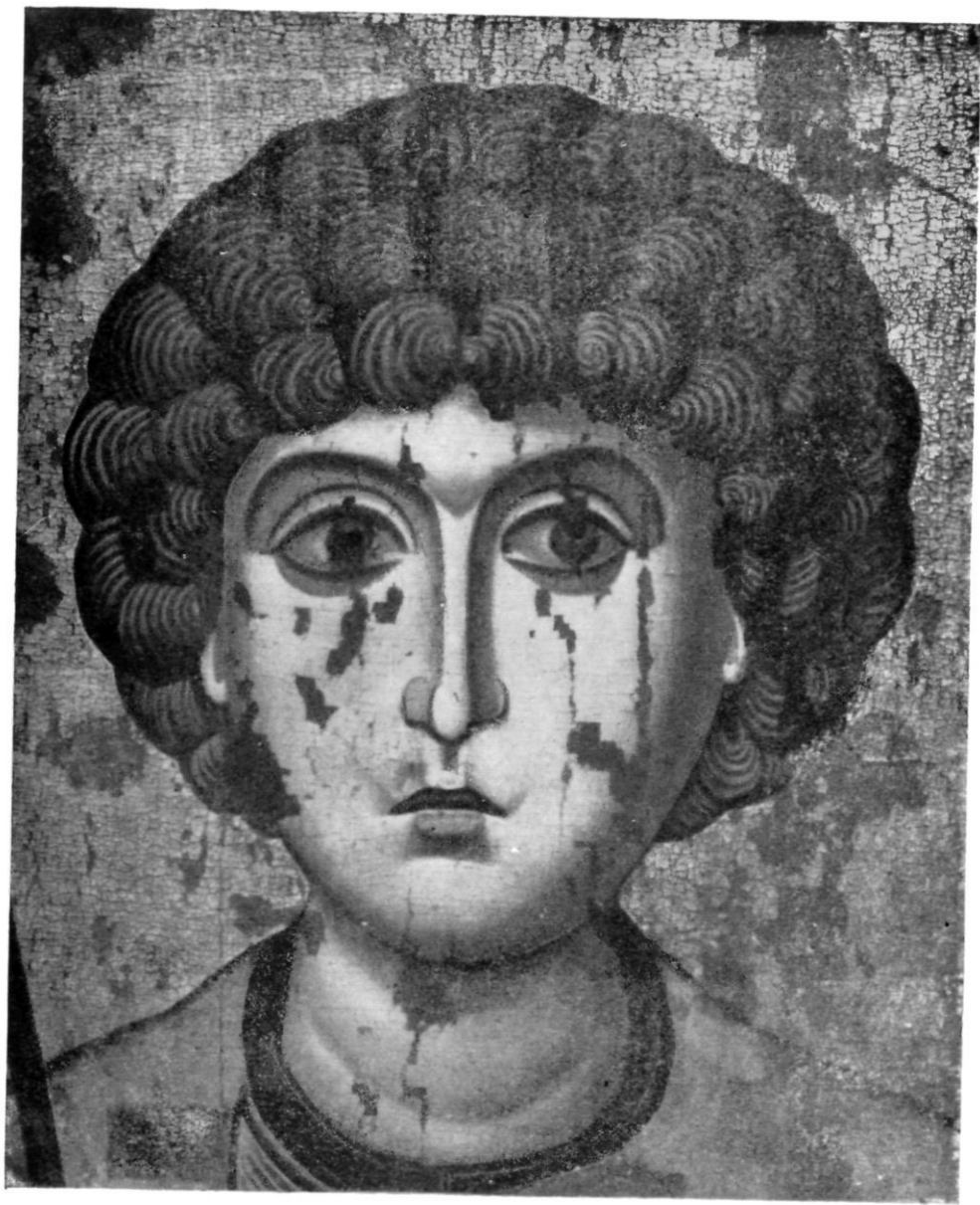

Рис. 2. Деталь иконы Георгия. Оружейная палата, Кремль. XII в.

Рис. 3. Георгий и Феодор Стратилат. Стеатит XIII—XIV вв.,
в Историческом музее, Москва.

Рис. 4. Георгий. Фреска XIII в. в Тимотесубани, Грузия.

такое, что было, несомненно, связано с какими-то местными воинскими обычаями. При такой трактовке меч приобретает символическое значение, как бы намекая на ратный подвиг. Мы увидим в дальнейшем, что это — специфически русская черта, фигурирующая и в ряде других чисто русских памятников.

Если иконография изучаемого нами памятника мало что дает для его датировки, то тем большее значение приобретает тип лица Георгия. Этот тип, при всей своей устойчивости, все же менялся на протяжении веков. Сложился он в Византии, повидимому, в конце X—в XI в. Для Георгия сделалось традиционным молодое, правильной овальной формы лицо с прямым носом, тонкими изящными бровями и пронзительным взглядом. Особенно характерная черта внешности Георгия — густая шапка волос, трактованных в виде симметрических кружочков, располагающихся рядами один над другим. В таком виде предстает перед нами Георгий уже на миниатюре из Псалтыри Василия II в Марчиане (1019 г.).¹ Своей классической зрелости этот тип достигает в памятниках XII в. — в фреске из церкви Асину на Кипре (1106—1132/33 гг., рис. 5),² в иконе Георгия, Феодора Тирона и Димитрия в Гос. Эрмитаже (вторая половина XII в.),³ на дверке сакристии в Лаврском музее в Киеве (XII в., рис. 6)⁴ и в замечательной грузинской фреске храма в Киндвиси (конец XII в., рис. 7).⁵ Как раз в этой группе памятников находит себе наиболее близкие иконографические аналогии тип Георгия из Успенского собора, что позволяет с большой долей вероятности отнести эту икону ко второй половине XII в.

Сравнительно недавно большинство открытых на русской почве икон и фресок XI—XII вв. совершенно механически приписывалось греческим мастерам. При этом исходили из той в корне ложной предпосылки, что русская живопись того времени якобы была несамостоятельной и целиком находилась в орбите влияния византийской художественной культуры. Открытия последних десятилетий наглядно показали несостоятельность этой точки зрения. Каждая расчистка новой фрески либо иконы убедительно демонстрировала не только высокое своеобразие древнерусской живописи, но и наличие в ней уже в столь раннее время различных школ и направлений, обладавших своими собственными кадрами мастеров. И если связи с Византией были весьма оживленными, что выражалось не только в приезде на Русь греческих художников, но и в привозе к нам произведений греческого мастерства, то эти связи не смогли пресечь процесс складывания местных школ, которые выдвигали и решали такие задачи, какие были продиктованы русской действительностью. В этом разрезе особенно интересно проследить, как видоизменялись и творчески перерабатывались на русской почве византийские типы.

Мы уже имели возможность убедиться в том, что памятник из Успенского собора очень близок по своей иконографии к византийским прототипам. На это указывают такие традиционные черты образа

¹ C. Diehl. Manuel d'art byzantin, Paris, 1925—1926, I, рис. 189.

² Γ. Σωτήριου. Τα βυζαντινά μνημεῖα τῆς Κύπρου. Α. Λεωκωιά, Ἀθήναι, 1935, табл. 80.

³ В. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 204.

⁴ Н. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. I. Коллекция синайских и афонских икон преосвященного Порфирия Успенского, Киев, 1912, табл. XIII, стр. 11. (Происходит из Иерусалима.) Кроме фигур Георгия и Николая, все остальные изображения грубо записаны.

⁵ Ш. Амиранашвили. Ук. соч., стр. 191—192, табл. 88.

Георгия, как его строгая фронтальная поза, тип лица с характерной густой шапкой волос, чешуйчатые доспехи, плащ, копье, меч. Но все эти черты, встречающиеся и в византийских памятниках, объединяются в нечто новое, даются в ином стилистическом контексте: так возникает образ, несущий на себе уже новую, по сравнению с византийскими решениями, печать.

Прежде всего хочется отметить несвойственную византийским иконам материальность и весомость фигуры Георгия. Данная крупным планом, она почти целиком заполняет поле иконы. В ней нет хрупкости и бесплотности византийских образов. Нет в ней и их сурового аскетизма. Лицо Георгия — светлое, сияющее, причем выражает оно не столько смирение, сколько духовную силу и твердость человека, готового постоять за свою родину. В этом лице воплощен идеал молодого воина, воспетый в русских летописях и воинских повестях. Византийское искусство не создавало столь жизнеутверждающих образов, в то время как в памятниках древнерусской живописи они встречаются нередко (см. росписи храма Софии Киевской и новгородских храмов XII в.). Если можно так выразиться, в иконе из Успенского собора византийский святой низведен с неба на землю. И хотя лик Георгия полон строгости, хотя ему присуща величавая монументальность искусства XII в., однако в нем отсутствует тот оттенок преувеличенного спиритуализма и потусторонней сосредоточенности, который типичен для большинства византийских икон. У Георгия открытое, прямодушное, земное лицо. И уже это одно не позволяет приписывать икону из Успенского собора кисти византийского художника.

Не византийскими являются в иконе также ее общий строй форм и колорит. В иконе отсутствуют столь излюбленные византийцами асимметрические сдвиги. Силуэт фигуры отличается строгим равновесием, голова поражает своей конструктивностью и кристаллической ясностью. Все линии лица, силуэта, плаща проведены твердой рукой художника, умеющего ценить красоту выразительной формы. При взгляде на лицо Георгия невольно вспоминаются новгородские иконы более позднего времени с их ни с чем несравнимой чистотой линий. О памятниках новгородской станковой живописи заставляет вспомнить и колорит иконы, совсем непохожий на византийскую палитру. Для него характерен открытый цвет — ясный и прозрачный, лишенный и намек на византийскую сумрачность. Особенно красив тон фона — светлое червонное золото. На фоне этого светлого золота белоснежное лицо Георгия кажется еще более юным и прекрасным.

Как мы уже отмечали, в иконографии изучаемого нами памятника есть лишь одна невизантийская деталь — жест левой согнутой руки, которая держит меч. Георгий выставляет этот меч напоказ подобно драгоценной реликвии. Известно, что наши далекие предки рассматривали меч как своего рода военную эмблему Руси. Вместе с тем меч являлся и символом власти, в частности — княжеской.¹

В этом свете становится понятным жест левой руки Георгия. Он выставляет напоказ меч либо как военную эмблему Руси, либо как знак княжеского достоинства. Если образ Георгия был заказан каким-либо русским князем в качестве иконы соименного ему святого, то вероятнее второе предположение. В этом случае Георгий выступает в роли патрона князя и держит меч как знак княжеского достоинства охраняемого им лица.

¹ Большой фактический материал по этому вопросу собран А. В. Арциховским. См. История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 418—422, 426—429.

Что Георгий действительно рассматривался на Руси как патрон соименных ему князей, доказывают сребренники с его изображением, вычеканенные великим князем Ярославом Владимировичем (его крестное имя было Георгий).¹ Н. П. Лихачев опубликовал печать с греческой надписью и полуфигурой Георгия, причем высказал весьма убедительное предположение, что печать эта принадлежит тому же Ярославу.² Изображения Георгия фигурируют также на печатях Юрия Долгорукого³ и великого князя Георгия Всеволодовича, убитого в бою на Сити в 1238 г.⁴ На первой из этих печатей Георгий представлен в рост, вынимающим меч из ножен, на второй — едущим на коне.

Какому из русских князей XII в. был соименен изображенный на нашей иконе Георгий? Ответ на этот вопрос весьма затруднителен, так как в XII в. было немало русских князей, носивших имя Георгий или Юрий (Юрий Долгорукий, младший сын Андрея Боголюбского — Георгий Андреевич, муромские князья Георгий Ярославич и Георгий Владимирович, туровский князь Георгий Ярославич, владимирский князь Георгий II Всеволодович и др.). Кто из них являлся заказчиком иконы из Успенского собора, можно было бы установить лишь в одном случае — если бы мы точно знали место происхождения иконы. Но, к сожалению, такие данные у нас отсутствуют. Одно несомненно — в московский Успенский собор икона попала из какого-то другого места. Наиболее вероятно, что она была привезена из Новгорода в числе тех икон, которые Иван Грозный вывез из Юрьева монастыря. В „Розыске“ дьяка Висковатого, источнике весьма надежном, прямо говорится о том, что хранящуюся в Успенском соборе икону Благовещения (так наз. „Устюжское Благовещение“) „...вземъ царь и великий князь в Великомъ Новеграде в Юрьеве Манастире“.⁵ Не исключена возможность, что тогда же и из того же Юрьева монастыря была взята и наша икона Георгия. Если искать для нее соименного князя, то таковым мог быть лишь младший сын Андрея Боголюбского — Георгий Андреевич.⁶ По просьбе новгородцев он был отправлен на княжение в Новгород. В 1174 г. он ходил с новгородцами, ростовцами и суздальцами на Ростиславичей, захвативших Киев. После того как новгородцы узнали об убийстве в 1174 г. Андрея Боголюбского, его сын был изгнан из Новгорода. Он отправился в суздальскую землю к своему брату Всеволоду, но и здесь его постигла неудача, и в 1176 г. он принужден был покинуть Владимир. Свою жизнь Георгий Андреевич закончил в Грузии, где стал первым мужем грузинской царицы Тамары.

¹ И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, СПб., 1882, стр. 60—62, табл. 13, 1—6.

² Н. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 154—156, рис. 72. Ср. Историю культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, рис. 223а, 1.

³ Н. Лихачев. Ук. соч., стр. 75, 78, 79.

⁴ Там же, стр. 79—80, рис. 37; ср. Историю культуры древней Руси, т. II, рис. 223б, 14.

⁵ „Розыск о богохульных строках и о сомнении святых честных икон дьяка Ивана Михайлова, сына Висковатого“. С предисловием О. Бодянского. Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете, 1858, книга вторая, Москва, 1858, стр. LI.

⁶ О Георгии Андреевиче см. ПСРА, I, стр. 155, 158; II, стр. 107, 109, 116, 315, 316; III, стр. 15, 16; IV, стр. 13; V, стр. 164—165; VII, стр. 88, 90; М. Brosset. Histoire de la Georgie, St. Pétersbourg, 1851, p. 288 сл.; С. Еремян. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам. „Научные труды Ереванского гос. ун-та им. Молотова“, 1946 (т. XXIII), стр. 389—421.

Рис. 5. Георгий. Фреска церкви Асину на Кипре. 1106—1132/33 гг.

Если Георгий Андреевич действительно был заказчиком нашей иконы, то ее следует датировать началом 70-х годов XII в., но не позднее 1174 г., когда Георгий Андреевич был изгнан из Новгорода. Против такой датировки отнюдь не говорит стиль иконы, недвусмысленно указывающий на XII в. как время ее исполнения.

Связывая икону из Успенского собора с Новгородом, мы прекрасно сознаем всю гипотетичность данного предположения. Обосновать эту гипотезу стилистическими аналогиями невозможно, так как известные нам новгородские иконы XII в. („Устюжское Благовещение“ и примыкающий к нему круг памятников) относятся к более позднему времени. Однако несомненно одно — в Новгороде XII в. грекофильское искусство находилось при дворе князей в большом почете.¹ Оно противостояло тому местному искусству, главным потребителем которого был посад и которое глубоко коренилось в народной почве. И как раз в группу новгородских грекофильских памятников XII в. икона Георгия входит вполне органической составной частью. Как мы видели, ее эмблематика тесно связана с феодальной средой и с теми представлениями, которые в этой среде сложились. Георгий — патрон князя и хранитель его оружия, — вот идейный замысел иконы из Успенского собора, повидимому, украшавшей Георгиевский собор княжеского Юрьево монастыря.²

Жест левой руки Георгия позволил нам протянуть от иконы нити к русской жизни, а также определить то реальное место, которое этот памятник занимал в духовной культуре XII в. Этот же жест помогает нам обосновать и отнесение иконы к новгородской школе.

Мы уже отмечали, что в византийских памятниках Георгий никогда не выставляет меч напоказ, а лишь придерживает его рукой, причем обычно меч висит у него на боку.³ Если византийские художники представляли Георгия в образе мученика, то они помещали в его руку крест и изображали его уже не в доспехах, а в хитоне, с накинутым поверх длинным плащом.⁴ Это был совсем другой иконографический тип. Русские художники не делали этого резкого различия между двумя типами: в одном изображении они объединяли и черты мученика, и черты воина.

В этом отношении особенно примечательны три новгородские иконы XIII в., от которых легко перекидывается мост к иконе Георгия. На одной из них, хранящейся в Русском Музее, представлены Иоанн

¹ Ср. В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 38—43.

² Основным образом Георгиевского собора была, повидимому, та большая икона Георгия в рост, которая ныне хранится в Третьяковской галерее. Это, однако, ни в какой мере не исключает наличия в Георгиевском соборе и других изображений Георгия. Поскольку икона из Успенского собора двусторонняя, постольку есть основание полагать, что она стояла в некотором отдалении от алтаря, благодаря чему ее можно было обозреть с обеих сторон. Ср. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, М., 1904, стр. 217.

³ Единственным известным нам исключением из этого правила является лишь одно византийское изображение. Это — фигура Феодора Стратилата на триптихе из слоновой кости (сер. X в., хранится в Британском музее; A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., II, табл. XV), близкая по жесту к Георгию иконы из Успенского собора. Но здесь святой держит меч не перед собой, как на нашей иконе, а слегка отведя его в сторону от корпуса, причем меч остается не отступнутым.

⁴ См. A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., табл. X (триптих из слоновой кости, X в., в Палаццо Венеция, Рим); G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle, III, Paris, 1905, табл. I (икона из стеатита в собр. Бэарн, XI—XII вв.) и мн. др.

Рис. 6. Георгий и Николай. Дверка сакристии
XII в. в Лаврском музее, Киев.

Рис. 9. Серебряная монета
Юстиниана.

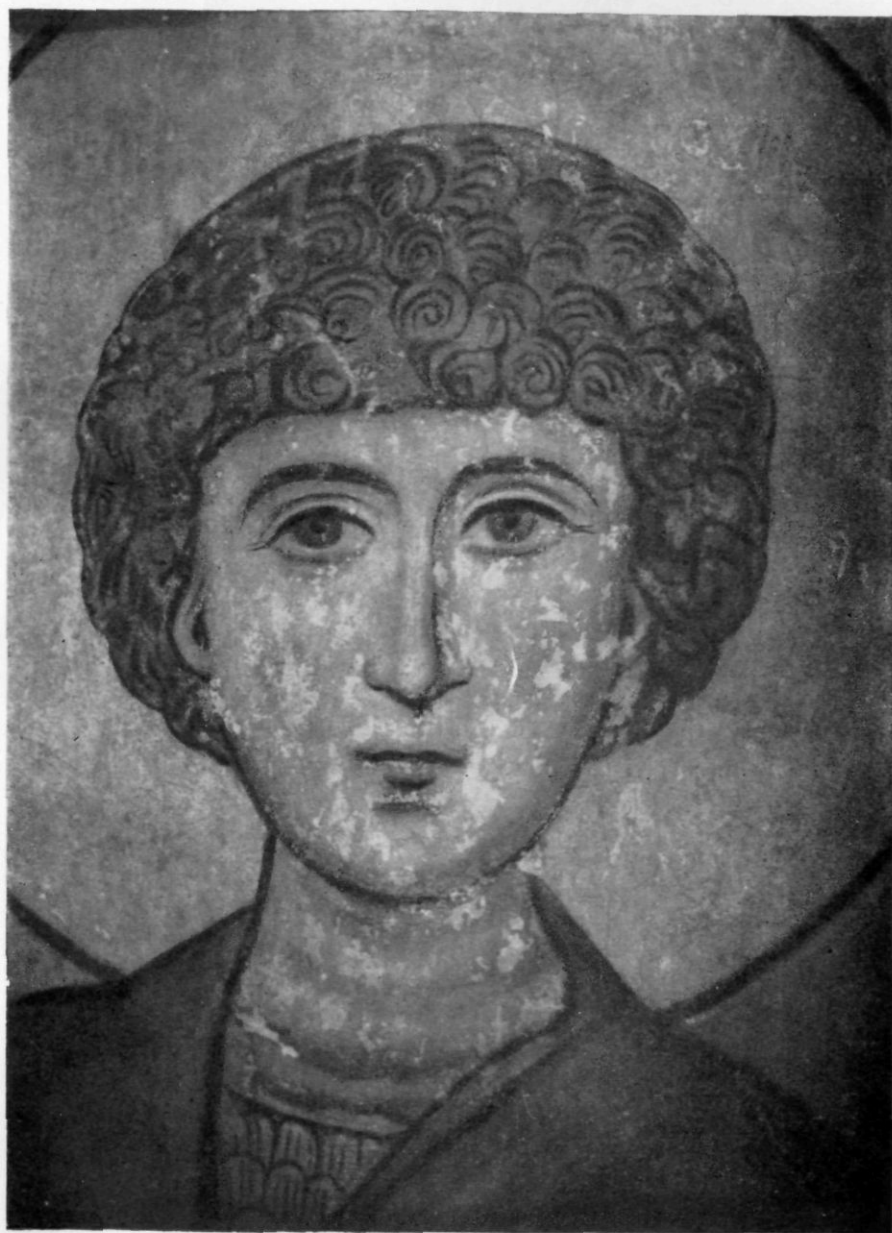

Рис. 7. Георгий. Фреска храма в Кинцвиси. Поздний XII в.

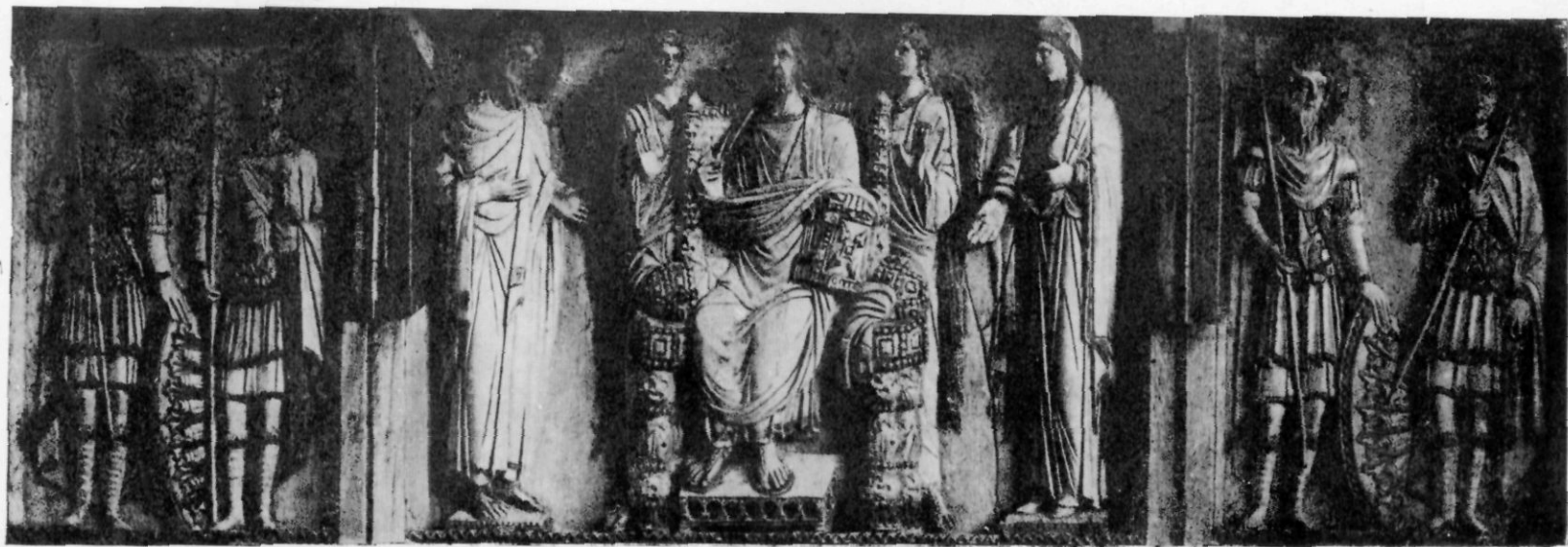

Рис. 8. Деисус со „святыми воинами“. Деталь триптиха из слоновой кости в Христианском музее в Ватикане X в.

Лествичник, Власий и Георгий.¹ Георгий облачен в доспехи, с наброшенным поверх длинным плащом (рис. 18). В правой руке он держит крест (атрибут мученичества), в левой же, совсем как на иконе Успенского собора, — меч (атрибут воина). Это совмещение в одном лице мученика и воителя, не встречающееся в византийской иконографии, несомненно, объясняется тем особым почитанием меча, которое имело место у славян. В таком же виде фигурирует Георгий на полях новгородской иконы Спаса XIII в. — в Третьяковской галерее.² И здесь он держит в правой руке крест, а в левой — меч. Характерно, что аналогичное совмещение в одном лице мученика и воина применяется новгородцами также в изображении Бориса и Глеба (см. фигурки на полях иконы Николы из Новодевичьего монастыря в Третьяковской галерее, рис. 17).³ При виде этих изображений невольно вспоминается меч Бориса, который носил Андрей Боголюбский,⁴ и меч Всеволода псковского, который был выставлен в качестве реликвии над его гробницей.⁵ Поскольку такое ритуальное выставление напоказ меча встречается лишь в новгородских иконах XII—XIII в., постольку это является солидным аргументом в пользу принадлежности иконы из Успенского собора к новгородской школе.

Среди раскрытых за последние десятилетия памятников древнерусской станковой живописи икона Георгия является не только одной из самых красивых, но и одной из древнейших. Все другие памятники больше тяготеют к концу XII—началу XIII в., икона же Георгия представляет более ранний этап развития. Поэтому особенно интересно было отметить в ней наличие таких черт, которые позволяют считать ее произведением кисти русского мастера.

Иконография Георгия является одной из наиболее разработанных областей истории византийского, южно-славянского, кавказского и древнерусского искусства.⁶ Этой теме посвящены многие десятки книг

¹ В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 45—46, табл. 31.

² Там же, стр. 46, табл. 32.

³ Там же, стр. 43—44, табл. 27.

⁴ См. Ипатьевская летопись под 1175 г.

⁵ См. Тверская летопись под 1137 г.

⁶ См. S. Baring-Gould. Curious Myths of the Middle Ages, London—Oxford—Cambridge, 1877 (новое изд. 1881); А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый, СПб., 1879; А. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. II. Св. Георгий в легенде, песне и обряде. Приложение к XXXVII тому Записок имп. академии наук, № 3, СПб., 1880; E. Wallis Budge. The Martyrdom and Miracles of Saint George of Cappadocia. The Coptic Texts edited with an English Translation, London, 1888; Я. Верховец. Подробное описание жизни, страданий и чудес великомученика и победоносца Георгия, СПб., 1893; Huber. Die Georgslegende, Erlangen, 1906; E. Gordon. Saint George, London, 1907; H. Bulley. St. George for Merrie England, London, 1908; H. Delehaye. Les légendes grecques des saints militaires, Paris, 1909; А. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах, Одесса, 1909; E. Hulst. St. George of Cappadocia in Legend and History, London, 1909; И. Крачковский. Легенда о св. Георгии Победоносце в арабской редакции. „Живая старина“, СПб., 1910, стр. 215 сл.; O. Freiherr von Traube. Die Darstellung des heiligen Georg in der italienischen Kunst, Halle, 1910; K. Krumpholtz. Der heilige Georg in der griechischen Ueberlieferung. Abhandlungen der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse, Bd. XXV, 3 Abh., München, 1911; J. Aufhäuser. Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Ueberlieferung. Byzantinisches Archiv, Heft 5, Leipzig, 1911; X. Лопарев. Новейшая литература о св. Георгии Победоносце. „Византийский Временник“, СПб., 1913, т. XX, вып. 1, стр. 25—50; С. Гайдин. Резная шиферная икона св. Димитрия и Георгия. Сборник Гос. Эрмитажа, Петроград, 1923, вып. II, стр. 31—41; I. Rosvaal. Nya Sankt Görans Studier, Stockholm, 1924; Н. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. 1, Прага, 1931, стр. 133—138;

и статей, подробнейшим образом разработаны различные редакции жития святого, детально изучены все те памятники, на которых встречаются его изображения, сделано множество попыток проследить истоки образа Георгия в античном и восточном искусстве, наконец, особенно тщательно проанализирован самый популярный сюжет георгиевской легенды — борьба с драконом. Обозревая всю эту непомерно разбухшую литературу, следует признать, что она засорена огромным количеством работ, не имеющих никакого научного значения.¹ В этих работах мы сталкиваемся и с наивной верой в историческое существование Георгия и во все его чудеса, и с лишенной малейших элементов критики романтической идеализацией святого, и со злобной фальсификацией истории с неприкрыто клерикальных позиций. Но даже в наиболее солидных исследованиях (как, например, Кирпичникова, Рыстенко, Крумбахера, Ауфхаузера, Мысливца) бросается в глаза засилье формально-классификационных схем. Вместо того, чтобы вскрыть настоящие причины эволюции образа Георгия, показать идейное содержание этого образа на различных этапах развития и его связи с жизнью и ее реальными запросами, буржуазные ученые обычно ограничивались простым собиранием материала и его чисто формальной классификацией (если речь шла о житиях Георгия, то львиная доля внимания уделялась вопросу о редакциях и их взаимоотношении, если же работа была посвящена иконографии святого, то в центре внимания стояла весьма внешне понятая классификация типов).

Между тем совершенно очевидно, что образ Георгия в разные эпохи имел разное значение, отражая те сдвиги в идейной жизни, которые были обусловлены социально-экономическим развитием Византии и сопредельных с нею стран. Вот эту идеологическую функцию образа Георгия нам и хотелось бы осветить в настоящей статье. Не претендуя на исчерпывающую полноту в подборе материала, мы стремимся лишь наметить основные этапы в развитии образа Георгия, порою привлекая для этого и совсем новые памятники.

Вопрос о том, существовал или не существовал „мученик“ по имени Георгий, погибший при преследовании христиан во времена Диоклетиана, не имеет существенного значения. Вполне возможно, что в Каппадокии действительно жил „юноша знатного рода“, занимавший высокое положение в войске и пострадавший за свои религиозные убеждения. Сообщаемые старыми источниками сведения о Георгии локализируются в Малой Азии и Палестине (Каппадокия, Никомидия, Диосполис (Лидда)).² Отсюда можно сделать заключение, что первоначально почитание Георгия было связано исключительно с местным культом, ограниченным определенной территорией. Это подтверждают и древнейшие посвященные ему храмы, расположенные в Малой Азии и прилегающих к ней областях: в Сардах, Шакке, Герасе, Эзре (515 г.). Нахите (623 г.).³

K. Künstle. *Ikonographie der Heiligen*, Freiburg in B., 1926, S. 263—279; Du Mesnil du Buisson. *Le lieu du combat de S. Georges à Beyrouth* Mélanges de l'Univ. Saint Joseph, XII, Beyrouth, 1927, p. 249—265; H. Delehayе. *Les origines du culte des martyrs*, 2 ed., Brüssel, 1933; И. Мысливец. *Св. Георгий в восточно-христианском искусстве*. „Byzantinoslavica“, 1933—34 (V), стр. 304—375 (на чешском языке, с франц. резюме); H. Elder. *George of Lidda, soldier, saint and martyr*, London, 1949.

¹ Ср. подробный список литературы, приложенный Эрхардом в книге Крумбахера (стр. XVI—XXXVII).

² J. Aufhäuser. Ук. соч., стр. 2—3.

³ Н. Кондаков. *Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*, СПб.,

Почитание Георгия как мученика началось не позже V в., однако от этого времени до нас не дошло никаких его изображений. Повидимому, почитанию живописных изображений Георгия предшествовал довольно длительный культ его реликвий (таковые, в частности, хранились в храме в Эзре).¹ Паломник Аркульф видел еще в VII в. в Константинополе колонну, к которой якобы был привязан Георгий во время своего мученичества в Диосполисе.² Наибольшее распространение почитания реликвий приходится на V—VI вв. В VI—VII вв. культ реликвий стал постепенно вытесняться на Востоке культом икон, в первую очередь — икон Христа и богородицы.³

Если старая иконографическая школа стремилась открыть иконы первых веков нашей эры, то теперь не подлежит сомнению, что культ икон возник сравнительно поздно, из чего, естественно, следует полнейшая недостоверность икон как исторических памятников. Усматривать в иконах наличие портретных черт исторически существовавших личностей не может ни один сколько-нибудь здравомыслящий человек. И если, начиная с VII в., в Византии создавались иконы Георгия, то они являлись в такой же мере плодом чистейшей фантазии, как и изображения других „мучеников“ и „святых“.

Есть все основания полагать, что поначалу культ Георгия был чисто местным явлением, и Георгий рассматривался в качестве рядового „мученика“ — посредника между богом и молящимся. Именно в таком виде Георгий представлен на одном сирийском кресте VI в.⁴ Он оказывает покровительство заказчику креста, как бы представляя ее отсутствующему Христу. Две надписи содержат моление о спасении и обращение к Георгию за посредничеством. Это древнейшее изображение Георгия свидетельствует о том скромном месте, которое он занимал в VI в. в пантеоне христианских святых. В облике Георгия еще нет никаких черт воина. Воином Георгий сделался много позднее, когда Византия вступила на путь энергичной военной экспансии и когда появилась настоящая „потребность“ в патронах и покровителях для императора, возглавлявшего войско, и его многочисленных военачальников.

Пристальное изучение различных редакций легенды о Георгии ясно показало, что в самых ранних редакциях жития святого, датируемых V в., всячески подчеркиваются его мученические подвиги.⁵ В описании отдельных мучений фантазия составителей ранних редакций жития не знает никаких пределов. Здесь царит та атмосфера необычайного и чудесного, которая типична для восточной монашеской среды, откуда, повидимому, и вышли самые ранние редакции. Георгий мучат 70 царей, мучения длятся 7 лет и носят самый разнообразный и жестокий характер; все орудия пыток оказываются бессильными перед мужеством и стойкостью „святого“, трижды воскресающего из мертвых.

1904, стр. 75; J. Aufhäuser. Ук. соч., стр. 168—169; И. Мысливец. Ук. соч., стр. 304; A. Grabar. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*, Paris, 1946, vol. I, p. 346.

¹ A. Grabar. Ук. соч., I, p. 346.

² *Itinera hierosolymitana, saeculi III—VIII*, éd. P. Geyer, *Corpus Script. Eccl. Lat.*, t. 39, Wien, 1898, p. 288.

³ Ср. A. Grabar. Ук. соч., II, стр. 343—357.

⁴ G. Schlumberger в „*Florilegium dédié à Melchior de Vogüé*“, Paris, 1909, p. 555—559.

⁵ Самый древний источник жития Георгия — Cod. Vindob. lat. 954. Греческий палимпсест датируется V в. См. K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 1—3, 106—109, 288.

Основной идейный замысел этого раннего жития совершенно ясен — создание идеального образа мученика, якобы готового принять любое мучение ради веры христианской. В эпоху борьбы христианской церкви с последними представителями угасавшего античного мира такой образ мученика целиком отвечал интересам этой церкви, поскольку в нем прославлялась готовность к самым невероятным жертвам ради торжества христианской религии.¹

Как доказал Крумбахер, церковные круги провели большую редакционную работу по исправлению архетипа жития Георгия. Этот архетип (с царем Дадианом) содержал в себе настолько много нелепого, зазорного и фантастического, что даже церковники принуждены были приняться за его чистку. Не позднее конца V в. родилась новая редакция жития, в которой мифический царь Дадиан был заменен исторической личностью — Диоклетианом. Вся история мученичества получала таким образом характер исторического „правдоподобия“ и приурочивалась к определенной эпохе — ко времени последнего крупного гонения на христиан. При этом были сглажены некоторые особо вопиющие противоречия и выброшены эпизоды, наиболее смущавшие здравый смысл (например, отпали 70 царей, железные ворота, проклятие в заключительной молитве Георгия и др.). Одновременно были вставлены новые эпизоды, „обогатившие“ историю юности Георгия. Чтобы окружить последнего ореолом еще большей святости, его мать также была превращена в „мученицу“.²

Несмотря на редакционную работу, все основные части из архетипа (с царем Дадианом) механически перешли в новый вариант (с императором Диоклетианом). В такой или более ранней форме житие Георгия вызвало резкое осуждение в „*Decretum Gelasianum*“ (кон. V в.?), где оно было приравнено к запрещенной апокрифической литературе.³ Несмотря на это, редакция с царем Дадианом и ранний вариант с императором Диоклетианом продолжали пользоваться широкой популярностью, о чем говорит новый запрет патриарха Никифора (нач. IX в.).⁴ Еще Никита Давид (кон. IX—нач. X в.), епископ Дадилы в Пафлагонии, открыто выражал свое возмущение нелепостями большинства тех сцен мученичества Георгия, которые фигурируют в его раннем житии. Никита утверждал, что все это выдуманно дьяволом, „отцом лжи“.⁵

Между 550 и 700 гг. церковь провела новую работу по редактированию жития Георгия. В основу новой редакции была положена версия с Диоклетианом. Так родился более поздний вариант с Диоклетианом, в котором имеется ряд поправок и добавлений, не настолько, однако, существенных, чтобы изменился „чудесный“ характер всего рассказа. Было уменьшено количество сцен мученичества, из которых сохранились лишь эпизоды с камнем, колесом, ямой для негашеной извести, раскаленными железными башмаками, ремнями. Зато была добавлена одна новая сцена мученичества — мученичество копьем.

Были совсем выброшены такие эпизоды (или из них были устранены наиболее резкие несообразности), как многократная смерть Георгия, сцены с вдовой и в спальном покое императрицы, мученическая смерть императрицы и др. Наконец, молитвы Георгия подверглись цензуре

¹ Крумбахер (Ук. соч., стр. 289) не исключает возможности, что ядро древнейшей редакции с царем Дадианом начало складываться уже в IV в.

² К. Krumbacher. Ук. соч., стр. 290—292.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 182—183.

на предмет исключения из них еретических элементов.¹ Но и на этом этапе редакционной работы церковь целиком сохранила фантастический характер рассказа, хотя житие Георгия и вызывало резкие критические замечания даже со стороны церковных деятелей.

Если в более ранних редакциях жития Георгия центр тяжести был перенесен на его мученичество, то позднее агиографы дополнили это житие развернутым циклом чудес. В рукописях XI в. фигурируют уже три чуда (с колонной вдовы, с пронзенным образом, с плененным пафлагонским юношей).² Позднее к этим чудесам присоединяются еще шесть новых, причем знаменитое „Чудо с драконом“ всплывает лишь в рукописях XII—XIII вв.³ Повидимому, и цикл чудес был создан в восточной монашеской среде, где агиография расцвела особенно пышно.⁴

В эпизодах с чудесами Георгий чаще всего выступает в виде конного воина (ἑφιππος στρατιώτης), либо конного героя (ἄνιρ ἑφιππος).⁵ Вполне возможно, что эти облачья были навеяны живописными изображениями. Но более вероятно предположить, что эти явления были обусловлены изменением общественных интересов. Вообще, для цикла чудес показательное нарастание воинских элементов. В нем говорится и о сарацинах, и о критских корсарах, и о болгарах.⁶ В „Чуде с пронзенным образом“ так описывается икона Георгия: „он был облачен в военные доспехи, ноги его были защищены медными поножами, он держал в руке копье, и взгляд его вселял страх тем, кто на него смотрел“.⁷ Это описание, встречающееся в греческих рукописях XI в., ясно показывает, как изменились к этому времени представления о святом: из некогда скромного, хотя и поражавшего своей сказочной стойкостью и выносливостью мученика он превратился в грозного воителя. О причинах столь решительной трансформации мы скажем позднее, когда перейдем к иконографии Георгия. Сейчас же нам хотелось бы отметить, что „Чудо со змием“, в котором Георгий изображается сидящим на коне, в военных доспехах и с копьем в руках, не может быть столь позднего происхождения, как это полагали Крумбахер и Ауфхаузер.⁸ Из того факта, что оно впервые фиксируется в рукописях XII в., было бы преждевременным делать вывод о его столь же позднем возникновении. Несомненно, это чудо было пущено в оборот церковными кругами не позднее IX в., иначе его изображение не встречалось бы среди росписей ранних пещерных храмов Каппадокии (кон. IX—нач. XI в.). И поскольку даже столь критически настроенный исследователь, как Ауфхаузер, допускает, что ряд чудес Георгия восходит к устной традиции VIII в.,⁹ постольку есть все основания утверждать, что и „Чудо с драконом“ было впервые создано около этого же времени.¹⁰

¹ Там же, стр. 292—295.

² J. Aufhauser. Ук. соч., стр. 1—4.

³ Там же, стр. 25, 237.

⁴ Там же, стр. 28—29.

⁵ Там же, стр. 2, 164.

⁶ Там же, стр. 3, 5, 7, 8.

⁷ Там же, стр. 164. Cod. Paris. gr. 1604, fol. 173 v. (XI в.). Это же „чудо“ фигурирует и в Cod. Mosq. bibl. syn. 381 от 1023 г.

⁸ K. Krumbacher. Ук. соч., стр. X, J. Aufhauser. Ук. соч., стр. 237.

⁹ J. Aufhauser. Ук. соч., стр. 237.

¹⁰ Весьма показательное, что такой тонкий знаток византийского искусства, как Я. И. Смирнов, относил появление сказания о чуде со змием к IX—XI вв. См. Я. Смирнов. Устойжское изваяние св. Георгия Московского Большого Успенского Собора. — Древности. Труды имп. моск. арх. общ., Москва, 1916, т. XXV, стр. 145.

Легенда о Георгии не получила дальнейшего развития в средневековой греческой и латинской литературе. Выработанные здесь редакции держались столетия, с незначительными изменениями. То же самое наблюдается и в литературе на восточных языках (характерно, что здесь особенно долго господствовала версия с царем Дадрианом). Новую жизнь эта легенда обрела лишь на почве национальных языков Запада и в славянских странах, где она была оплодотворена живым народным творчеством.¹

Обращаясь от литературных источников к памятникам византийского искусства, необходимо прежде всего остановиться на церквях, посвященных Георгию. Известно, что в Солуни уже в V в. существовал храм Георгия.² В Константинополе не позднее начала VI в. был основан монастырь его имени в Ксилокерке.³ Юстиниан (527—565) поставил храм Георгия в Визанах, в Малой Армении.⁴ Император Маврикий (582—602) заложил церковь Георгия в Девтероне, а в эпоху Ираклия (610—641) возникла другая константинопольская церковь Георгия, строителем которой был патриарх Сергей.⁵ Наконец, в середине XI в. император Константин Мономах основал знаменитый Георгиевский монастырь в Манганах.⁶ Все эти факты не оставляют никаких сомнений в том, что, начиная с VI в., великомученик Георгий почитался не только в Малой Азии, Сирии и Палестине, но также и при дворе византийских императоров.

О почитании Георгия в Константинополе говорят и два литературных свидетельства довольно позднего времени. Одно принадлежит перу Никифора Григоры (умер вскоре после 1359 г.). В своей „Римской истории“ он сообщает, что на стене Большого Дворца, перед часовней Богоматери Никопейской, знаменитый иконописец Павел представил Георгия на коне.⁷ Н. П. Кондаков, основываясь на упоминании русским паломником Антонием иконописца „Павла Хитрого“, кисти которого принадлежали в храме Софии „роспись или иконы из жизни И. Предтечи“, делает скороспелый вывод о тождественности обоих Павлов.⁸ И поскольку упоминаемый Антонием Павел был его современником, постольку Н. П. Кондаков относит изображение в Большом Дворце к концу XII в. Павел — настолько распространенное имя, что вполне допустимо существование нескольких известных греческих художников, являвшихся тезками. Поэтому вопрос о времени упоминаемого Никифором Григорой изображения остается открытым: оно могло быть исполнено и в XII в., и в первой половине XIV в.

Другое свидетельство принадлежит Псевдо-Кодину, чей трактат „О придворных чинах“ возник не ранее середины XIV в. Здесь рассказывается о том, как в праздник Рождества Христова в палату императора приносили воинские знамена (φλάμουλα). Среди них находились две хоругви с изображениями „Георгия конного“ и „Георгия с драконом“ (ἐτέρων ἔχον τὸν ἅγιον Γεώργιον ἑφιππὸν, ἄλλο δράκόντειον).⁹ Отсюда

¹ Ср. K. Krumbacher. Ук. соч., стр. 302.

² C. Diehl, M. LeTourneau, H. Saladin. Les monuments chrétiens de Salonique, Paris, 1918, p. 30.

³ Н. Кондаков. Византийские церкви и памятники Константинополя. Труды VI археолог. съезда в Одессе (1884 г.), т. III, Одесса, 1887, стр. 36—37.

⁴ Procopii Opera, ed. L. Dindorf, vol. II, p. 254.

⁵ Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 46—47, 164.

⁶ Там же, стр. 70.

⁷ Nicephori Gregorae Historia Byzantina, VII, 5 (ed. Bonn, v. I, 1829, p. 304. 10).

⁸ Н. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. 1, стр. 134—135.

⁹ Codinus. De officialibus palatii, c. 6 (ed. Bonn, p. 48, 4, 282 сл.). Я. И. Смир-

можно сделать вывод, что в XIV в. Георгий изображался на византийских знаменах и просто на коне, и в образе победоносца, сражающегося с драконом. В обоих случаях он выступал покровителем императора и его войска.

Среди памятников византийского искусства X—XII вв. нередко изображения Георгия в образе мученика.¹ На нем патрицианские одежды — хитон, длинный плащ с тавлием, полусапожки. В правой руке Георгий обычно держит крест. Греческая надпись на стеатитовой иконке XI в. из собрания Бэарн ясно показывает, какой смысл вкладывали византийцы в образы Дмитрия, Феодора Стратилата, Георгия и Прокопия, когда эти святые изображались простыми мучениками. „Явившиеся на четырех концах света стратилаты, послушные евангельским наставлениям, готовы принять награду избранных“.² Здесь подчеркивается смирение и послушание мучеников. Но в греческой надписи на триптихе из слоновой кости X в. в Палаццо Венеция в Риме дается уже иное, гораздо более воинственное истолкование миссии мучеников. В применении к Феодору Тирону, Евстафию, Прокопию и Арефе, также представленных в виде мучеников, говорится следующее: „Господь, породивший этих четырех мучеников, победоносно изгоняет с их помощью врагов“.³ Быстро феодализировавшееся византийское общество переносит в данном случае на мучеников черты воителей, успешно сражающихся с врагами.

Но этим дело не ограничилось.

С конца IX—X вв. в византийскую иконографию широко проникают образы „святых воинов“, призванных оказать покровительство василевсу и его приближенным. В связи с этим процессом стоит и постепенное вытеснение образа Георгия-мученика образом Георгия-воина. Повидимому, первый из них являлся пережиточной формой, сложившейся в более раннее время, когда и в литературных источниках Георгий выступал прежде всего в роли „мученика“. Потребность иметь как можно больше патронов для военного сословия, чьи позиции особенно окрепли к X в., логически привела к тому, что некогда скромный „мученик“ Георгий превратился в победоносного воина.

С X в. тип Георгия-воина становится господствующим в иконографии этого „святого“. Георгий изображается либо стоящим, опирающимся

и о в (Ук. соч., стр. 145) неверно расшифровывает греческий текст, когда утверждает, что во втором случае идет речь о знамени „с драконом или в форме дракона“. Никифор Григора говорит как раз о тех двух иконографических типах Георгия, которые представлены и рядом византийских памятников.

¹ Византийские эмали XI в. (O. Dalton. Ук. соч., рис. 304, 314); мозаика в Ксенофе XII в. (В. Лазарев. История византийской живописи, стр. 125, 324); стеатитовая иконка XI—XII вв. в собр. Бэарн (Mon. Piot., 1902 (IX), табл. XX); поделки из слоновой кости X—XI вв. (A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., II, табл. IX—30а, X, XXXVI, XXXVII, XLIX—135, 136, LXI—182, 184, 186, LXII—187, 189); росписи XII в. в Каранлек Килиссе и Эльмале Килиссе (G. de Jerphanion. Les églises rupestres de Cappadoce, I, p. 396, 434, табл. 99, 118). В житии Феодора Сикиота, умершего в 613 г., имеется следующее любопытное описание иконы Георгия: „adulescentem valde formosum, splendidis vestimentis ornatum, aurea fulgentem coma, et illi similem, quem pro S. Georgio in ejus historia pictum cernimus“ (Acta Sanctorum, aprilis, III, Antverpiae, 1675, p. 40 b). Повидимому, автор жития — Элевсий, называющий себя учеником святого Феодора, описал здесь современную ему икону Георгия. Если мы только не имеем дело с позднейшей интерполяцией, то это свидетельство бросает свет на древнейший иконографический тип Георгия.

² G. Schlumberger. Deux bas-reliefs byzantins de stéatite de la plus belle époque. Mon. Piot., 1902 (IX), p. 234.

³ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., II, стр. 33, табл. X.

на копье и щит, либо сидящим, с мечом в руках,¹ либо едущим на коне, либо поражающим дракона. Во всех четырех случаях он облачен в воинские доспехи. Очень часто его фигура дается в сопровождении других воинов (например Феодора Тирона, Феодора Стратилата, Проконпия, Меркурия, Евстафия, Димитрия, Нестора, Артемия), и тогда она входит либо в состав кавалькады, либо образует одно из звеньев строя. Даже Димитрий, который в первых редакциях его жития не имел никакого отношения к воинскому делу,² превращается в воина и наделяется характерными эпитетами — „великий воевода“ и „великий дука“.³

Феодалный класс, создавший своих „святых“ по образу своему и подобию, не только перенес на них все воинские атрибуты феодалов, но и сделал этих „святых“ своими союзниками и патронами. Известно, что Никифор Фока зывал к помощи „святых воинов“ в начале битвы, и что их изображения украшали воинские знамена.⁴ Василий II Болгаробойца изображен на известной миниатюре Cod. Marc. 17 в окружении шести икон „святых воинов“ (справа наверху представлен Георгий); художник стремился этим подчеркнуть значение той „помощи“, которая была оказана с их стороны императору и благодаря которой последний якобы одержал свою знаменитую победу над болгарам.⁵ На одной утраченной фреске, описанной в старом литературном источнике, зрителя видел императора Мануила Комнина получающим меч из рук Феодора Тирона.⁶ Царь Иван Асень II, после своей победы над греками при Клокотнице (1230 г.), воздвиг церковь в честь сорока мучеников-воинов, которых он рассматривал как своих прямых покровителей в этом сражении.⁷ К сожалению, до нас не дошли некогда весьма многочисленные памятники светской византийской живописи, иначе мы имели бы множество примеров того, насколько широко использовались

¹ Стеатитовая иконка XII (?) в. в Христианском Музее в Ватикане (А. Мийоэ. *L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata, Rome, 1906*, p. 124, рис. 87. Георгий представлен рядом с Феодором Тироном); рельеф XII—XIII вв. в Сан Марко (А. Venturi. *Storia dell'arte italiana*, II, Milano, 1902, p. 528—530, рис. 371); знамя Стефана Великого от 1500 г. в Военном Музее в Бухаресте (Н. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, стр. 81, рис. 38); болгарская фреска от 1503 (?) г. в Крекиковцах (А. Grabar. *La peinture religieuse en Bulgarie*, Paris, 1928, p. 327, табл. LVI—b и др.). См. И. Мысливец. Ук. соч., стр. 372. Повидимому, Мануил Фил (ed. Miller, I, 119, CCXXVI) мысленно представлял себе именно такое воинственное изображение Георгия, когда писал: „Великому Георгию-воину, сидящему перед городом и извлекающему наполовину меч из ножен“; „прекратив бой, в котором ты изгнал врага душ, вновь ты находишься в раздумье на отдыхе“.

² Н. Delehaye. *Les légendes grecques des saints militaires*, Paris, 1909. p. 103 ss.

³ Надписи на болгарских фресках в Бобошево и Драгалевцах. См. А. Grabar. Ук. соч., стр. 300, 310.

⁴ Const. Porphyg. *De cerim.*, app. ad lib. I, p. 481; G. Schlumberger. *Un empereur byzantin au dixième siècle*. Nicéphore Phocas, Paris, 1890, p. 67, 90. А. Н. Веселовский (Ук. соч., стр. 5) упоминает рассказ Тудебоды об осаде Антиохии в 1098 г.; в этом рассказе Георгий, Феодор и Димитрий являются на помощь христианам во главе небесного войства. В похвальном слове Неофита (Cod. Paris. gr. 1189) эти же святые называются соратниками и сопричастниками. На перстне отца царицы Тамары — Георгия III (1156—1184 гг.), с изображением стоящего Георгия, имеется следующая надпись: „Святой Георгий, Я, Георгий надеждою на тебя побеждаю врага“ (Н. Кондаков и Д. Бакрадзе. *Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии*, СПб., 1890, стр. 41). Все эти факты не оставляют сомнений в том, что феодалный класс рассматривал „святых воинов“ как своих прямых „покровителей“.

⁵ Ср. А. Grabar. *L'empereur dans l'art byzantin*, Paris, 1936, p. 86—87.

⁶ S. Lampros в *Νέος Ἑλληνομύθιον*, 1911 (VIII), № 81, p. 43—44.

⁷ А. Grabar. *La peinture religieuse en Bulgarie*. p. 97.

изображения „святых воинов“ (и в их числе Георгия) в батальных сценах, украшавших стены дворцов византийских василевсов.

Среди „святых воинов“ Георгий очень скоро занял одно из ведущих мест, сделавшись излюбленным патроном тех византийских императоров, которые особо прославились своими военными подвигами. Его изображения прочно утвердились на монетах Комнинов, начиная от Алексея I и кончая Исааком II.¹ Георгий либо дается в рост, рядом с императором (причем оба они держатся за греческий крест), либо чеканится одна его полуфигура. В обоих случаях Георгий выступает в образе воина, что подчеркивается такими его атрибутами, как меч, щит или копье. Образ Георгия переходит и на монеты Палеологов (например, Андроника II).² В последний раз мы встречаем его на монете Давида Комнина (1458—1461), безуспешно пытавшегося из Трапезунда атаковать Мехмеда II.³ Очень часто изображение Георгия попадает и на византийских печатях, что лишний раз доказывает популярность этого „святого“ в высших кругах византийского общества.⁴

С X в. Георгий, выступавший до этого в роли патрона василевса и его войска, начал выполнять еще одну идеологическую функцию: он вошел в состав той лейб-гвардии, которая призвана была „охранять Христа и богоматерь“. Под влиянием все более костеневшего византийского придворного церемониала изображения Христа и богоматери принимали все более застылый и торжественный характер. В этом отношении особенно показательны изображения Деисуса на триптихах из слоновой кости X в. (Христианский Музей в Ватикане, Лувр, рис. 8).⁵ Подобно василевсу Христос сидит на троне. Позади трона стоят в качестве телохранителей ангелы. В верхних регистрах боковых крыльев триптиха представлены в полном воинском вооружении „святые воины“ и в их числе Георгий. Как верные стражи, они несут охрану Пантократора. Не подлежит никакому сомнению, что вся эта сцена навеяна торжественными приемами в тронном зале императорского дворца, когда восседавший на троне василевс являлся своим приближенным в окружении телохранителей. И тот факт, что в числе этих телохранителей оказывается и Георгий, лишний раз говорит о невозможности отрывать иконографию от реальной жизни. Глядя на изображения Деисуса на триптихах из слоновой кости, невольно воспринимаешь эти изображения как одну из самых ярких иллюстраций к словам Энгельса о том, что христианская церковь выступала „в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя“.⁶

Изучая резкий перелом, наметившийся в иконографии Георгия к X в., невольно задаешь себе вопрос о его причинах. Почему образ Георгия-воина стал все решительнее вытеснять образ Георгия-мученика, и почему рядом с типом пешего воина появился тип конного воина, который позднее получил полное преобладание? — Чтобы ответить на

¹ J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, II, Paris, 1862, p. 193, табл. LIII—8; p. 197, табл. LIII—15, 16, 17; p. 198, 201, табл. LIV—1, 10, 13, 14; p. 211, табл. LVI—10; p. 220, табл. LVII—13; p. 223, табл. LVII—18.

² J. Sabatier. Ук. соч., стр. 249, табл. LX—6.

³ Там же, стр. 339, табл. LXX—19.

⁴ G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire byzantin, Paris, 1884, p. 17, 53, 55, 56, 114, 115, 127, 128, 144, 150, 218, 282, 292, 328, 339, 363, 405, 498, 522, 541, 549, 570, 572, 573, 582, 594, 605, 606, 612, 615, 618, 620, 632, 634, 639, 671, 672, 681, 692, 694, 695, 708, 713, 723, 724.

⁵ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., II, табл. XI, XIII.

⁶ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, М., 1952, стр. 34.

эти вопросы, необходимо остановиться на той общей ситуации, которая сложилась в Византии к IX—X вв.

В истории Византии IX—X вв. являются временем укрепления феодальных отношений. Господствующей силой становится военно-служилое сословие, на которое опираются „солдатские“ императоры. Непрерывный рост крупного землевладения приводит к усилению экономических позиций военной знати. Подавив в 824 г. восстание Фомы Славянина, жестоко расправившись в 872 г. с революционно-плебейским движением павликиан, византийские императоры встали на путь внутренней реакции и энергичной военной экспансии. В результате побед, одержанных византийским войском, азиатская граница империи передвинулась от Галиса до Евфрата и Тигра, захвачена была северная Сирия, завоеван Крит, разрушено болгарское царство. Со времен Юстиниана это была самая крупная экспансия византийской империи, границы которой отныне простирались на севере от Дуная до Антиохии и Сирии, на юге — от захваченной Армении до отвоеванной южной Италии. Вокруг империи образовалась целая цепь вассальных государств, которым Константинополь диктовал свои условия.

Почти все императоры Македонской династии (867—1057 гг.), если исключить преемников Василия II, были выдающимися полководцами. Они лично предводительствовали армией — обстоятельство, которое объясняет особо тесные связи между василевсом и военной знатью. После смерти Василия II (1025 г.) наблюдается быстрый спад „воинского духа“. Последним успехом византийского оружия был захват в 1031 г. Георгием Маниаком Эдессы. Затем начинается длинная цепь военных неудач и территориальных потерь. Власть попадает в руки придворных евнухов и высшего чиновничества, поддерживаемых духовенством. Быстро падает значение военной знати. Центральное правительство уменьшает расходы на армию и сокращает ее численность. Главной опорой империи становятся теперь наемные отряды, покупаемые на всесильное византийское золото. В связи со всеми этими сдвигами стоит утрата армией того исключительного положения, которое она занимала при воинственных императорах Македонской династии.¹

Появление в византийском искусстве обширной воинской тематики совпадает с периодом победы в Византии феодальных отношений и связанной с этим энергичной военной экспансии. Военно-служилое сословие, поддерживавшее „солдатских“ императоров, нуждалось в новых „покровителях“ и „патронах“. Так в византийское искусство пришли когорты „святых воинов“, которые прочно утвердились в дальнейшем в монументальной живописи, где для них был отведен нижний регистр росписи.² В числе этих „святых воинов“ пришел и Георгий, сменивший одевание и крест мученика на доспехи, копье и меч солдата.

Из всех иконографических типов Георгия наиболее широкое распространение получило его изображение в виде всадника, поражающего копьём дракона. Несомненно это „Чудо Георгия со змием“ восходит к какой-то очень старой устной традиции, которая бытовала на почве Малой Азии, где, вероятно, она впервые (не позднее конца IX в.) была облечена в литературную форму. Сейчас нас интересует не столько вопрос о литературных источниках этого иконографического типа, сколько вопрос о том, почему Георгий оказался посаженным на коня

¹ Ср. М. Левченко. История Византии, М.—Л., 1940, стр. 168.

² „Святые воины“ делаются с XI в. неотъемлемой частью в системе монументальной росписи. Здесь они выполняют роль и охранителей небесной иерархии, и патронов заказчика.

и почему именно Георгий-всадник приобрел столь большую популярность, что в конечном итоге оказались совершенно вытесненными типы Георгия-мученика и Георгия — пешего воина. Частичный ответ на этот вопрос был дан уже Н. П. Кондаковым, который правильно отметил, что „культ Георгия основался на значении конных армий для средневековья, которое устраивалось к жизни среди борьбы с конными полчищами кочевников“. „И сказания, и иконы Георгия Победоносца, поразившего змия-дракона, выработались именно в ту пору, когда народы восточной Европы оканчивали тысячелетнюю борьбу с кочевниками. Отсюда и обобщения культа Георгия, вождя-покровителя воинов, ставшего на Балканах покровителем земледелия, животных и скотоводства, кузны и мастерства у горцев Кавказа, народным героем и вождем у народов земледельческого севера, защитником от разбоя, борцом против демонов и язычников (поражает Диоклетиана — Демьянище)“.¹

Добавим к этому, что именно в X в. Византия довела до высокой степени совершенства систему охраны своих границ, в которой решающую роль играла легкая конница. Вся граница охранялась сетью небольших наблюдательных постов, соединенных с главной квартирой тщательно продуманной системой сигнализации. Как только проносился слух о приближении неприятеля, тотчас же по всем направлениям высылались кавалерийская разведка, под прикрытием которой проводили мобилизацию.² Известно, что легкая конница применялась на Руси уже с XI в.³ Вот этим возросшим значением конных армий и объясняется столь большая популярность образа Георгия на коне. И здесь мы имеем возможность протянуть нити от рождения нового иконографического типа к тому реальному историческому окружению, в условиях которого этот тип сложился.

Представители старой иконографической школы обычно выводили один тип из другого, игнорируя при этом идейное содержание образа. Этот метод механических сопоставлений и выведений более позднего из более раннего был доведен до абсурда в работах Стриговского. Особенно ясно порочность такого метода выступает в многочисленных исследованиях буржуазных ученых, посвященных античным и восточным истокам образа Георгия. Данный образ связывали и с Персеем,⁴ и с Гором,⁵ и с набатейским богом Фаммузом,⁶ и с Митрой⁷ и с Белле-рофонтом,⁸ и с Амешой-Спентови,⁹ и с епископом александрийским Георгием.¹⁰ Ахиллесовой пятой большинства этих сравнительно-истори-

¹ Н. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. 1, стр. 135.

² И. Диль. Основные проблемы византийской истории, М., 1947, стр. 84.

³ История культуры древней Руси, т. I, стр. 404.

⁴ Ν. Πολίτης. Νεολληνική μυθολογία. Περσεύς καὶ ἅγιος Γεώργιος. Ἀττικόν ἱμερολόγιον Εἰρ. Ἀσωνίου, 1872 (VI), σ. 174—193; E. Hartland. The Legend of Perseus, III, London, 1894—1896, p. 38—45, 175.

⁵ C. Clermond-Ganneau. Horus et saint Georges d'après un bas-relief inédit du Louvre. „Revue Archéologique“, 1876 (32), p. 196—204, 372—399, 1877 (33), p. 23—31. Ср. библиографию Эрхарда в кн. K. Krumbacher. Ук. соч., стр. XXVII.

⁶ S. Baring-Gould. Curious Myths of the Middle Ages, London—Oxford—Cambridge, 1877, p. 266—316.

⁷ A. von Gutschmid. Über die Sage vom H. Georg als Beitrag zur iranischen Mythengeschichte. Berichte über die Verhandlungen der Kgl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, 1861 (13), S. 175—202.

⁸ K. Lehmann-Hartleben в „Römische Mitteilungen“, 1923 (XXVIII), S. 265.

⁹ J. Strzygowski. Asiens bildende Kunst, Augsburg, 1930, S. 328.

¹⁰ J. Friedrich. Der geschichtliche Heilige Georg. Sitzungsberichte der philos.-philol. und der hist. Classe der Akad. der Wissensch. zu München, 1899 (II) S. 159—203.

ческих экскурсов является то, что образ Георгия-змиеборца был незнаком раннехристианскому и ранневизантийскому искусству, а потому и выведение его из аналогичных античных и восточных прообразов лишено всякого основания. Мы имеем здесь дело с совершенно беспочвенными домыслами, которые уже были подвергнуты столь сокрушительной критике, что это избавляет нас от необходимости останавливаться на них более подробно.¹ Поскольку иконографический тип Георгия-воина сложился не ранее IX в., постольку истоки этого типа следует искать в недрах самого византийского искусства.

Выше мы уже отмечали, что в византийском искусстве XI—XII в. Георгия чаще всего изображали в виде стоящего воина, который в правой руке держит копье, левой же опирается на щит. Так как в греческих поделках из слоновой кости, датируемых X в., этот тип еще не выступает в виде вполне сложившегося (Георгий, лицо которого лишено индивидуальных черт, то притрагивается к мечу, то держит копье наискось),² есть основание полагать, что завершение процесса его формирования относится лишь к концу X—нач. XI в. Тип этот несомненно восходит к изображению стоящего императора на монетах Аркадия, Феодосия II, Зинона, Анастасия, Юстина I, Юстиниана (рис. 9).³ В несколько видоизмененном виде встречается он и на монетах Константина Мономаха, Михаила VII Дуки и императоров из дома Комнинов.⁴ Весьма показательно, что фигуры Георгия-воина и Димитрия-воина ставятся в позу, традиционную для изображения императоров на монетах. Здесь лишний раз убеждаешься в том, насколько важную роль играла „императорская“ тематика в становлении византийской иконографии святых.⁵

Сложнее обстоит дело с идейными истоками образа Георгия-драконоубийцы. Борьба всадника с чудовищем принадлежит к числу тех образов в искусстве древнего Востока, которые имели космогоническое значение и выражали идею столкновения доброго и злого начала. Таков, в частности, и смысл борьбы Гора с Сетом-тифоном.⁶ В модифицированной форме этот образ существовал и в римском искусстве, где широчайшее распространение получили изображения скачущего на коне воина либо императора, попирающих варвара.⁷ Церковь использо-

¹ Ср. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 71—107; К. Krumphacher. Ук. соч., стр. IX, XXII—XXIII, XXVII, XXIX—XXXI, XXXII, 237—299, 303—317; J. Aufhauser. Ук. соч., стр. 171—174, 242—245; Я. Смирнов. Ук. соч., стр. 147; И. Мысливец. Ук. соч., стр. 305, 309—310.

² См. A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Ук. соч., табл. III, V, XI, XV. LXI—182, 184, 186, LXII—187, 189.

³ И. Голстой. Византийские монеты, СПб., 1912—1913, вып. 1—2, № 52, 53, 79, 81, 84, 85 (Аркадий); № 68 (Феодосий II); вып. 3—4, № 68 (Юстин I); № 53 (Юстиниан); J. Sabatier. Ук. соч., I, стр. 139—140, табл. VII—26 (Зинон). стр. 153, табл. IX—2 (Анастасий).

⁴ J. Sabatier. Ук. соч., II, стр. 159, табл. XLIX—11, стр. 163 (Константин Мономах); стр. 176, табл. LI—6 (Михаил VII Дука); стр. 190, табл. LII—14 (Алексей Комнин); стр. 262, табл. LXII—12 (Андроник III Палеолог); стр. 298, табл. LXV—II (Феодор III Ласкар).

⁵ В такой же позе представлен Феодор Стратилат на великолепной миниатюре ватиканского Менология (В. Лазарев. История византийской живописи, II, табл. 71). Левая рука Феодора Стратилата не опирается на щит, а держит его.

⁶ Ср. J. Strzykowski. Hellenistische und koptische Kunst in Alexandria. — „Bulletin de la société archéol. d'Alexandrie“, № 5, Vienne, 1902, S. 21—33.

⁷ P. Bienkowski. Die Darstellungen der Gallier in der hellenistischen Kunst. Wien, 1908, рис. 118, 119, 120, 124, 125—139, 141, 142, 143, 144-а, d. Известно, что под ногами коня статуи Марка Аврелия в свое время находилась фигура варвара. См. E. Mâle. L'art religieux du XII-e siècle en France, Paris, 1922, p. 250. В раннехристианское искусство этот образ перешел не позднее IV в. См. серебряное блюдо

Рис. 10. Георгий и Феодор. Роспись 28-й капеллы ок. Каранлек Килиссе в Каппадокии. XI в.

Рис. 11. Георгий. Роспись церкви св. Варвары в Согоанле
в Каппадокии, XI в.

вала данный образ для своих целей, вложив в него символический смысл. Евсевий сообщает, что Константин велел изобразить себя на картине, украшавшей Халку императорского дворца, в виде победителя над драконом (из контекста неясно, как был представлен Константин — стоящим или сидящим на коне).¹ Из письма того же Евсевия к Константину явствует, что под драконом в те времена подразумевалось язычество: „Теперь восстановлена свобода, и промыслом всемогущего и всеблагого бога сокрушен дракон“.²

Изображения конных „святых“ были особенно популярны в коптском искусстве.³ Среди почитаемых коптами драконоубийц чаще всего встречается Феодор. Повидимому, образ Феодора и лег в основу образа борющегося со змием Георгия. Это доказывает и житие Феодора Тирона, древнейшая письменная редакция которого датируется 890 г.⁴ Здесь рассказывается о том, как он освобождает от власти дракона город Евхаит. В житиях Феодора Стратилата, зафиксированных в рукописях XI—XII вв., фигурирует то же чудо с драконом, причем Феодор предупреждает об опасности женщина по имени Евсевия.⁵ Повидимому, знаменитое „Чудо со змием“ явилось не чем иным, как литературной переработкой этих эпизодов, которые оказались связанными с именем Георгия.⁶ Стремясь ввести в число „святых“ еще одного конного воина, агиограф IX (?) в. создал нового драконоубийцу, в результате чего мученик был посажен на коня и в руки ему вложено было копье. Так, повидимому, возник образ сражающегося со змием Георгия, который в дальнейшем вытеснил все другие иконографические типы.⁷

Древнейшие изображения Георгия-драконоубийцы встречаются в Каппадокии, иначе говоря, в той области, с которой связан культ великомученика. Среди росписей пещерных храмов Каппадокии образ Георгия-драконоубийцы фигурирует неоднократно (самые ранние примеры — 6-я капелла в Гереме, кон. IX—нач. X в.; 28-я капелла ок. Каранлек Килиссе — XI в., рис. 10; церковь св. Варвары в Соганле, нач. XI в., рис. 11).⁸ В росписи 28-й капеллы, как и на

из Керчи с изображением Константина II (L. Matzulewitsch. *Byzantinische Antike*, Berlin—Leipzig, 1929, табл. 23), а также более поздний диптих Барберини в Лувре (A. Grabar. *L'empereur dans l'art byzantin*, p. 48—50, табл. IV).

¹ Eusebios. *Vita Constantini*, lib. 3, cap. 3, ed. L. Dindorf, Leipzig, 1867.

² Цитирую в переводе И. Снегирева (Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. III, Москва, 1838, стр. 67).

³ G. Duthuit. *La sculpture copte*, Paris, 1931, табл. XV, XVI. Cp. J. Cledat. *Le monastère et la Necropole de Baouit*. Le Caire, 1904—1906, табл. LV, LVI; J. Strzygowski. *Der koptische Reiterheilige und der hl. Georg*. „Zeitschr. f. ägypt. Sprache“, 1903 (XL), S. 49.

⁴ H. Delehayе. *Les legendes grecques des saints militaires*, p. 127. Cp. W. Hengstenberg. *Der Drachenkampf des heiligen Theodor*. *Oriens Christianus*, 1912 (II), S. 78—106, 241—280.

⁵ H. Delehayе. Ук. соч., стр. 137.

⁶ Cp. J. Aufhauser. Ук. соч., стр. 238—239, 243.

⁷ И. Мысливец (Ук. соч., стр. 374) склонен думать, что развернутое „Чудо о змии“ (с царевной и ее родителями) имеет иной источник, чем простое изображение Георгия-драконоубийцы, в котором его восседающая на лошади фигура дана лишь в сопровождении змия. Для первого типа он принимает литературный источник XII—XIII вв., второй же тип он рассматривает как исторический (sic!) либо символический. Мы никак не можем согласиться с такого рода гипотезой. В основе обоих типов должен лежать единый литературный источник, но только в двух разных редакциях — более простой и более сложной. Более простая редакция возникла не позднее IX в., более сложная — не позднее XI столетия.

⁸ G. de Jerphanion. *Les églises rupestres de Cappadoce*, I, p. 97; p. 482, 608, табл. 135—1; II, p. 322—323, табл. 187—2. Георгий-драконоубийца неоднократно встречается и в более поздних каппадокийских росписях. См. G. de Jer-

фреске церкви св. Варвары около Эльмале Килиссе, Георгий представлен рядом с Феодором, что лишний раз указывает на близость этих „святых воинов“, один из которых, повидимому, послужил прототипом для другого. В связи с весьма частым изображением Георгия-драконоубийцы в каппадокийских фресках нелишним будет вспомнить, что именно малоазийская земельная аристократия поставляла главные кадры командного состава для византийского войска¹ и поэтому весьма логично, что в Каппадокии были столь популярны образы „конных святых“. Повидимому, местная знать рассматривала последних как своих патронов. Монахи же должны были воспринимать изображения драконоубийц как победителей над ересью, символизированной драконом.² Последнее предположение получает большую долю вероятности, если учесть, что борьба с павликианами закончилась лишь в 872 г., когда был взят штурмом город Тефрика.

На северной стене храма в Ахтамаре (915—921 гг.) восседающий на коне Георгий представлен рядом с двумя другими „конными святыми“ — Феодором и Сергием (Саргисом).³ Характерно, что и здесь его фигура дана вместе с его двойником Феодором.

Примечательной деталью ахтамарского рельефа является замена дракона фигурой скованного по рукам и ногам человека. Крайне обобщенная трактовка фигуры и частичные ее утраты затрудняют окончательное решение вопроса о том, изображен ли здесь царь Диоклетиан, как на грузинских фресках церкви Архангелов в Ипрари (1096 г.), церкви Кирика и Улиты в Накипари (1111 г.) и церкви Георгия в Накипари (1130 г.),⁴ или мы имеем здесь дело с особым армянским вариантом, в котором скованная фигура символизирует дьявола. Более вероятно второе предположение, так как к фигуре Диоклетиана никак не подходят оковы. Последние, повидимому, намекают на связанность дьявола „изволением Божиим“.

В византийском, в строгом смысле этого слова, искусстве образ Георгия-драконоубийцы встречается лишь в виде исключения (стеатитовый рельеф в Уольтерс Арт Галлери, XII в.; фреска храма Георгия в Расе, близ Нового Базара, 60-е годы XII в., мозаическая икона в Лувре, кон. XIII—нач. XIV в.⁵). Относившиеся весьма подозрительно к апокри-

phanon. Ук. соч., I, стр. 485 (церковь св. Варвары ок. Эльмале Килиссе); стр. 475, 608 (21-я капелла); стр. 495 (15-я капелла в Кезлар Килиссе); II, стр. 163 (церковь 40 мучеников ок. Сувека, 1216—1217 гг.); стр. 364 (Джанавар Килиссе); стр. 373 (Гюейк Килиссе). В Триконхе в Орта Кей (1293 г.) имеется изображение Георгия-драконоубийцы с надписью *ὁ Διόσκοριτης*; на крупе лошади сидит ребенок (там же, II, стр. 241—242). Повидимому, это обозначение Георгия связано с монастырем аналогичного названия на острове Аморгос (Кикладские острова). См. H. Grégoire. Saint George le Diasorite. „Revue de l'Instruction publique en Belgique“, 1909 (LII), p. 1—3; И. Мысливец. Ук. соч., стр. 322, 372. Характерно, что Крумбахер (Ук. соч., стр. 299) и его ученик Ауфхаузер (Ук. соч., стр. 169) отказывались признать в фреске из церкви св. Варвары в Соганле изображение Георгия-драконоубийцы, так как оба они опирались на данные литературных памятников и никак не хотели допустить, что „Чудо со змием“ возникло ранее XII в. Поскольку время росписи 6-й капеллы в Гереме точно неизвестно, постольку осторожнее относить самые ранние примеры Георгия-драконоубийцы к X в.

¹ М. Левченко. История Византии, стр. 168.

² О символическом средневековом изображении ереси в виде дракона подр. см. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 112.

³ J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, I, Wien, 1918, S. 296, рис. 330. Приношу благодарность И. А. Орбели, любезно предоставившему мне описание ахтамарского рельефа.

⁴ Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, М., 1950, стр. 187, табл. 68.

⁵ The Walters Art Gallery. Early Christian and Byzantine Art. Baltimore, 1947, p. 120, табл. LXXX—598 (якобы происходит из Константинополя; эта довольно

фическим сюжетам византийцы предпочитали изображать Георгия либо в виде пешего воина, либо в виде всадника, но без дракона (рельеф из жировика в Ватопеде, XI—XII вв.; рельеф из стеатита в Национальном Музее во Флоренции, XII в.; рельеф из стеатита в Археологическом Музее в Анжере, XII в.; роспись церкви св. Евфимии в Константинополе, XIII—XIV вв.; роспись церкви св. Анны в Трапезунде, XII—XIII вв.).¹ Последние изображения особенно интересны в том отношении, что они дают наглядное представление об облике византийских конных воинов.

Изображения конных воинов, и в их числе Георгия, были весьма популярны в Болгарии и в южной Италии, которые всегда поддерживали оживленные сношения с восточными областями византийской империи. Среди болгарских росписей образ конного Георгия попадает неоднократно (Перуштида, Драгалевцы, Кремиковцы).² В росписях пещерных храмов Южной Италии преобладает тип Георгия-драконоубийцы (Крипта ди Сан Бьяджо в Сан Вито деи Норманни, XIII в.; Крипта ди Санта Мария в Поджардо, XII в.; Крипта ди Сан Никола в Фаджано, XI в.; Крипта ди Сан Никола в Моттола, XIV в.; Крипта ди Санта Маргерита в Моттола, XIV в.),³ хотя встречается и обычное изображение Георгия на коне (Крипта ди Сан Никола в Моттола, XI в.).⁴ В монашеской среде образ Георгия-драконоубийцы рассматривается как символ победы над язычеством и ересями.

В наши задачи не входит изучение образа Георгия в болгарском, сербском и грузинском искусстве. Мы не собираемся также останавливаться на иконографии житийных циклов Георгия.⁵ Нас интересует другое — выяснение судьбы образа Георгия на русской почве. Как мы увидим, на Руси иконография Георгия прошла через три четко выраженных этапа развития. На первом этапе она была монополизирована великокняжескими кругами, которые намеренно сохранили за ней ее византийский характер, точнее говоря, присущий ей характер кастовой исключительности. Но уже с конца XII в. эта иконография, попав в народную среду, стала насыщаться новым идейным содержанием, что привело к решительной демократизации образа Георгия, который постепенно превратился из патрона князей в покровителя земледельцев. С конца XV в. образ Георгия начал все более отрываться от народных корней. Его вновь стали окружать ореолом исключительности, благодаря

грубая работа относится скорее к XII, чем к XI в., на чем настаивают составители каталога); Н. Окунев. Столпы святого Георгия. Развалины храма XII века около Нового Базара. „Seminarium Kondakovianum“, Прага, 1927 (1), стр. 242—243, табл. XXII—I (в сильно попорченной правой части композиции Н. Н. Окунев опознал остатки плеча и головы фигуры царевны; мы имеем здесь самый ранний из известных нам примеров сложного извода „Чуда Георгия о змий“); В. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 221, 361, т. II, табл. 304.

¹ Н. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 147—148 (на иконе из Ватопеда Георгий представлен с Димитрием, Феодором Тироном, Феодором Стратилатом, Прокопием, Меркурием и др. всадниками); L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins, Paris, 1936, табл. XVIII—4; G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. II. Basile II, Paris, 1900, рис. на стр. 132 (почти точное повторение флорентийского рельефа); A. Schneider в „Jahrbuch des deutschen arch. Inst. Arch. Anz.“, 1943 (58); G. Millet and D. Talbot Rice. Byzantine Painting at Trebizond, London, 1936, p. 30. Георгия на коне описывает и Никифор Григора (см. выше).

² A. Grabar. La peinture religieuse en Bulgarie, p. 28, 299—300, 326.

³ A. Medea. Gli affreschi delle cripte eremitiche Pugliesi, I—II, Roma, 1939, I, p. 94, 101, 132, 145, 186, 187, 219, 221, 225, II, рис. 43, 60, 121, 143, 156.

⁴ A. Medea. Ук. соч., т. I, p. 219, 221; т. II, рис. 140.

⁵ См. И. Мысливец. Ук. соч., стр. 325 сл.

чему он очень быстро утратил ту свежесть и полнокровность, которыми он обладал в памятниках XIII—XV вв.

Кульτ Георгия очень рано был занесен из Византии на Русь.¹ Уже в XI в. он пустил глубокие корни, из чего следует, что этот культ был усвоен Киевской Русью не позднее X в. У русских Георгий назывался в древности Юрий, Гюргий либо Гюрги (вероятно от греческого народного Γεώργιος и Γεοργύτης). Нам точно неизвестно, на смену какому языческому богу пришел Георгий: одни рассматривают его как наследника Ярилы,² другие — Перуна и Дажбога,³ третьи — Святовита,⁴ наконец, в последнее время все более склоняются к тому, чтобы связывать его с солнечным конным богом Хорсом.⁵ Чьим бы „наследником“ ни выступил на русской почве Георгий, одно несомненно — он вобрал в себя черты ряда „светлых“ и „благодетельных“ языческих божеств. Этому содействовало то обстоятельство, что весенний Юрьев день праздновался 23 апреля, так что Георгию нетрудно было сделаться богом весны, покровителем земледелия и, особенно, скотоводства.⁶ Но эта трансформация Георгия произошла на народной почве. В феодальной же среде он с самого начала почитался как покровитель князей и их ратных подвигов, причем есть все основания утверждать, что роль патрона военно-служилого сословия Георгий начал играть на Руси под прямым воздействием византийской практики. Это доказывают его древнейшие изображения на монетах и печатях, а также самые ранние иконы.

Известно, что крестным именем Ярослава было Георгий. Ярослав рассматривал соименного себе святого как своего покровителя и основал в 1037 г. (после победы над печенегами) монастырь его имени в Киеве.⁷ Георгиевская церковь этого монастыря была освящена 26 ноября киевским митрополитом Иларионом, вступившим на престол в 1051 г. Следовательно, освящение храма произошло не ранее этого года. Повидимому, тогда же Ярослав „заповеда по всей Руси творити праздникъ св. Георгия месяца ноября 26 день“.⁸ Георгию посвятил Ярослав и специальный

¹ О культе Георгия в России см. И. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, I, Москва, 1837, стр. 48; III, Москва, 1838, стр. 65—80; И. Калининский. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Зап. имп. русск. геогр. общ. по отд. этнографии, 1877 (VII), стр. 388—398; А. Кирпичников, Ук. соч., стр. 124 сл.; А. Веселовский. Ук. соч.; И. Жданов. Русский былевой эпос, I—V, СПб., 1895, стр. 273—279; А. Шапов. Сочинения, I, СПб., 1906, стр. 63—70; А. Рыстенко. Ук. соч., стр. 175 сл.; А. Макаренко. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Зап. имп. русск. геогр. общ. по отд. этнографии, СПб., 1913 (XXXVI), стр. 67—72, 123; Я. Смирнов. Ук. соч., стр. 170—171; В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 106—107; А. Зотов. Пути развития русского искусства в XIV—XVII веках. „Искусство“. 1950, № 5, стр. 41—42.

² Ефименко в Изв. Моск. Универс., 1871, № 8, стр. 457. Ср. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 150.

³ А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 152.

⁴ К. Haupt в Neues Laus. Magazin, 1860, S. 159 сл. Ср. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 152—154.

⁵ История культуры древней Руси, II, стр. 98 (статья Н. Ф. Лаврова. Религия и церковь).

⁶ Ср. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 153.

⁷ Лаврентьевская летопись под 1037 г. Ср. Н. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 148—149.

⁸ Ср. М. Максимович. Дни и месяцы украинского селянина. „Русская беседа“, 1856 (1), смесь, стр. 82; Е. Голубинский. История русской церкви, 1—2, стр. 408. Приведенная в тексте фраза взята из Пролога XIV в. (см. „Киевлянин“, кн. III, стр. 67). Мартынов (Annus ecclesiasticus graecoslavicus, под XXVI ноября) сообщает, что в константинопольской церкви Георгия ἐν τῷ Κιπριστηρ память святого отмечалась 26 ноября. Но греческой церкви неизвестен был праздник, который в этот день был установлен только на Руси.

придел в построенном им храме св. Софии.¹ Именем своего патрона назвал Ярослав „град Юрьев“, который он заложил после победы в 1030 г. над чудью.² Наконец, изображения Георгия фигурируют на монетах и печати Ярослава (ср. стр. 191).

Несомненно, что культ Георгия имел в глазах Ярослава глубокий политический смысл. Переноса на свои сребреники и печати изображения того самого святого, образ которого так часто фигурировал на византийских монетах и моливдовулах, Ярослав как бы прокламировал свое равенство с византийским императором. Повидимому, древнейшие русские печати имели греческие надписи. Весьма показательно, что на одной из самых ранних русских печатей, которую Н. П. Лихачев связывает с Ярославом и на которой вычеканена полуфигура Георгия, надпись на греческом языке гласит: „Господи помози рабу твоему Георгию, архонту“.³ Архонт был титулом, обозначающим самостоятельного властителя. И хотя титул этот не был пожалован византийским императором киевскому великому князю, последний смело его себе присвоил. Тем самым он лишний раз подчеркнул свою независимость от Византии.

В культе Георгия у Ярослава борются две тенденции: с одной стороны, — стремление использовать как своего патрона того святого, который покровительствовал и византийским императорам, с другой, — желание вывободить этот культ из-под ревнивой опеки греческого духовенства. Установив праздник Георгия 26 ноября, Ярослав ввел на Руси новый русский праздник, который не знала византийская церковь. Этот факт входит органическим звеном в цепь аналогичных явлений (борьба за право иметь русского митрополита, канонизация русских святых и т. д.). В данной связи хочется вспомнить то, что писал Б. Д. Греков в последнем издании „Киевской Руси“: „Обрусение христианского вероучения и церкви началось очень рано и шло в двух направлениях. Борьба за свою национальную церковную организацию велась в верхах русского общества: в ней принимали участие князья, окружающая их знать, высшее духовенство и отдельные церковные учреждения. Борьба за свою народную веру шла в народных массах, принимая здесь и форму активных выступлений под главенством волхвов за старую веру и форму сохранения в своем быту старых верований, вопреки всяким проповедям и воздействиям власти. Обе струи в конечном счете приводили к одному результату“.⁴

Историки древнерусской литературы считают, что греческое сказание о мучении Георгия и „Чудо Георгия, како избави дщерь цареву от змия“ были известны на Руси уже с XI в.⁵ „Чудо“ было приурочено церковью к празднованию осеннего Юрия. Когда это произошло — мы точно не знаем. Но очень вероятно, что уже великий князь Ярослав, „почитая“ книги „часто в ночи и в днь“, имел под руками и житие, и описание чудес своего патрона. Житие и описание чудес могли быть переписаны или даже впервые переведены теми „многими писцами“, которых „собрал“ князь, и которые по его повелению „прекладали“ „оть грекъ на словѣньское писмо и списаша книги многи“.⁶

¹ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitschen Zeit, Berlin—Leipzig, 1932, S. 18. В конхе здесь представлена полуфигура Георгия-мученика, а на сводах шесть сцен мученичества святого.

² А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 127.

³ Н. Лихачев. Ук. соч., стр. 155.

⁴ Б. Греков. Киевская Русь, Москва, 1949, стр. 386.

⁵ А. Рыстенко. Ук. соч., стр. 219—220. История русской литературы, I, Москва—Ленинград, 1941, стр. 98—99.

⁶ Лаврентьевская летопись под 1037 г. Ср. А. Рыстенко. Ук. соч., стр. 201.

Повидимому, именно Ярослав более всех других русских князей способствовал укреплению на Руси культа Георгия. В дальнейшем этот культ получил широкую популярность в феодальных кругах, считавших Георгия „своим“ святым. Все чаще встречается князя с именем Георгия, в честь него возводятся множество церквей,¹ его все решительнее начинают рассматривать как „помощника“ в борьбе с врагами.² Особенно почитал Георгия Юрий Долгорукий. Среди заложенных им городов числятся Юрьев Польский и Юрьев Подольский. По свидетельству Типографской летописи под 1152 г. он построил церкви во имя Георгия Победоносца во Владимире и в Юрьеве.³ Возможно, что как раз Юрий Долгорукий, в течение своих двадцатидвухлетних славных походов исхивший всю русскую землю вдоль и поперек, послужил прообразом для того Егория Храброго, которого воспела народная поэзия.⁴

От русского изобразительного искусства домонгольского периода до нас дошло очень мало памятников. Но и те случайные произведения прикладного искусства, пластики и живописи, которые уцелели, содержат достаточно данных для понимания образа Георгия в XII—XIII вв. Здесь прежде всего следует упомянуть чеканное изображение Георгия, украшающее шлем Ярослава Всеволодовича (нач. XII в.).⁵ Оно расположено на вершине шлема, где имеются еще полуфигуры Христа, св. Василия и Феодора. Георгий представлен со щитом и копьем, Феодор — со щитом и мечом. „Святые воины“ выступают тут в роли покровителей и охранителей собственника шлема, иначе говоря, в роли, в которой они обычно выступали и в Византии. Повидимому, многочисленные изображения Георгия на медных и каменных иконках, которые брали в поход, также предназначались для того, чтобы „охранить“ тех, кому эти иконки принадлежали.⁶ И не только — „охранить“ их, но и даро-

¹ Новгородский Юрьев монастырь с Георгиевским собором (основан в 1119 г. князем Всеволодом и игуменом Кириаком); деревянная церковь Георгия в Новгороде (1133 г.); Церковь Георгия в Каневе (заложена вел. кн. Всеволодом Олеговичем в 1144 г.); церковь Георгия во Владимире (построена в 1152 г. Юрием Долгоруким); церковь Георгия в Старой Ладозе (последняя треть XII в.); церковь Георгия в Юрьеве Польском (построена в 1234 г. кн. Святославом Всеволодовичем взамен обветшавшей церкви, воздвигнутой его дедом Юрием Долгоруким в 1152 г.); деревянная церковь Георгия в Новгороде (1181 г.); две деревянные церкви Георгия на Торгу и на Борьковой улице в Новгороде (1303 г.); церковь Георгия на Лубянице в Новгороде (1356 г.); церковь Георгия на Болоте в Пскове (1370 г.); церковь Георгия с Болота в Пскове (1493 г.); церковь Георгия на Б. Дмитровке в Москве (1493 г.); церковь Георгия со Вздоха в Пскове (1494 г.); церковь Георгия у Довмонтовой стены в Пскове (1548 г.) и др. См. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, вып. 2, стр. 302, 312, 317, 320, 323, 752, 754, 759; т. 2, вып. 1, стр. 393, 396, 399, 400. Ср. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 128.

² Ср. И. Калинин. Ук. соч., стр. 393.

³ Типографская летопись. П.С.Р.А., т. XXIV, Пгг., 1921, стр. 77.

⁴ А. Шапов. Сочинения, I, стр. 67.

⁵ История культуры древней Руси, II, стр. 448, рис. 226.

⁶ Среди множества иконок назовем лишь самые ранние: Исторический Музей в Москве. Каменная иконка XIII (?) в. (Георгий-Победоносец и „Три Марии у гроба господня“ на обороте, о. к. 9112/27468); Каменная иконка XIII—XIV вв. (Георгий на коне; о. к. 9142/35919); Исторический Музей в Киеве: Медная иконка с Подола Юрковица XIII (?) в. (Георгий-Победоносец; в 4552/175; Собрание Ханенко, вып. II, Киев, 1900, табл. XXVIII, № 315); Медная иконка XIII—XIV вв. (Георгий (?) Победоносец, в 1462/95) и др. В этом же музее хранится много крестов — энколпионов XIII—XIV вв., украшенных фигурами (в центре) и полуфигурами (на концах перекрестий) „святых воинов“. Обычно фигура дается в традиционном для византийского искусства виде — опирающейся руками на копье и щит. Отсутствие надписей не позволяет точно установить имена „святых воинов“, но многое говорит за то, что в центре чаще всего изображается Георгий. Гос. Третьяковская галерея: Каменная иконка XIII—XIV в. (Георгий-

вать им победу. Недаром на большинстве этих иконок мы видим Георгия, поражающего змия; здесь дан, следовательно, образ „победоносца“.

Среди памятников русской скульптуры домонгольского времени изображение Георгия встречается на одном из двух шиферных рельефов, происходящих из Дмитриевского (?) монастыря в Киеве (рис. 12).¹ Георгий представлен в образе змиеборца, как и обращенный к нему лицом Феодор Стратилат (на другом рельефе мы видим Нестора, поражающего гладиатора Лия и Дмитрия, также данных в виде восседающих на коне воинов). Несомненно Георгий и Дмитрий выступают как патроны Ярослава и его сына Изяслава-Дмитрия, построившего собор Дмитриевского монастыря в 1062 г. Усматривать здесь портреты обоих князей, как это хотел А. И. Некрасов, нет решительно никаких оснований.² Парные композиции „конных святых“, крайне распространенные на Востоке,³ были умело использованы Изяславом в целях прославления как его собственного патрона, так и патрона его отца.

Что „святые воины“ были весьма популярны в Киевской Руси, доказывают и росписи Кирилловской церкви, воздвигнутой супругою Всеволода Ольговича Мариею Мстиславною в 60-х годах XII в. Система росписи этого храма, принадлежавшего к „отъему“ монастырю Ольговичей и являвшегося их усыпальницей, крайне своеобразна, если только доверять записям 80-х годов XIX в. Повидимому, эти записи следуют довольно точно прорисям старых, лежащих под ними фресок. С первого же взгляда здесь бросается в глаза непомерно большое место, отведенное фигурам „святых воинов“.⁴ Последние украшают столбы,

Победоносец; инв. номер 12691). Оружейная Палата: Костяная икона XV в. (Георгий-Победоносец и фигуры и полуфигуры святых в обрамлении). Повидимому, молящегося Георгия следует опознать на фрагменте каменной иконки из собрания Ханенко. См. Собрание Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, стр. 44, № 1321, табл. XXXVIII. В собрании А. С. Уварова находилось немало каменных и металлических иконок с изображением Георгия-змиеборца. См. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. VIII—XI, Москва, 1908, стр. 18—19, рис. 8, стр. 46, стр. 72—82, рис. 58—64. В. Лесючевский (Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Гос. Русского Музея. Материалы по русскому искусству, Ленинград, 1928 (I), стр. 11—15) упоминает ряд змеевиков XII—XIII вв. с фигурами Георгия, поражающего змия. Изображения Георгия-Победоносца встречаются на образках-тельничках из Старицы (кон. XIV—XV в.). См. Н. Романченко. Образцы старицкого медного литья. Гос. Русский Музей. Материалы по русскому искусству, Ленинград, 1928 (I), стр. 38, рис. 1—2, 14. В. Н. Перетц (О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья, Ленинград, 1933, стр. 41) пишет: „Георгий на коне, поражающий дракона, известен на рельефе до 1078 г., затем на иконе XIV в. и часто на меднолитных иконках“.

¹ А. Некрасов. Рельефні портрети XI століття. Науковий Збірник Української Академії Наук, 1925 (XX), стр. 16—40; М. Макаренко. Скульптура й різьбярство Київської Русі передмонгольських часів. Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. Збірник перший, Київ, 1931, стр. 27 сл.; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 65—68; М. Щепкина. Киевские рельефные изображения XI века (рукопись); История культуры древней Руси, II, стр. 441—442.

² А. И. Некрасов ошибочно принял Нестора за Дмитрия Солунского, Дмитрия Солунского — за Изяслава и Феодора Стратилата — за Ярослава.

³ Изображения обращенных друг к другу всадников часто встречаются на памятниках сасанидского (K. Sarré. Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1925, табл. 70—71, 78, 99), коптского (J. Strzygowski. Der koptische Reiterheilige und der hl. Georg. „Zeitschr. f. ägypt. Sprache“, 1903 (XL), S. 49 сл.; Его же. Der Dom zu Aachen. Leipzig, 1904, S. 6 сл.), переднеазиатского (C. Preusser. Nordmesopotamische Baudenkmäler altchristlicher und islamischer Zeit, Leipzig, 1911, табл. 6, 9), армянского (J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, I, S. 288—289, рис. 329, S. 428—429, рис. 465) и грузинского (J. Baltrušaitis. Études sur l'art médiéval en Géorgie et en Arménie, Paris, 1929, p. 48) искусства.

⁴ Этот факт ускользнул от внимания всех исследователей, изучавших кирилловские росписи.

занимающие в интерьере храма доминирующее место. На левом столбе представлены стоящий Георгий с копьем и щитом (традиционный византийский тип) и еще два воина, на правом столбе — Александр, вынимающий меч из ножен, Феодор Стратилат и неизвестный воин. На сторонах столбов, обращенных к алтарю, мы видим Димитрия, Феодора Тирона и Бориса и Глеба. Вся эта когорта „святых воинов“ расположена здесь, конечно, не случайно. Кирилловский монастырь был построен на том месте, откуда Всеволод Ольгович начал в 1139 г. свое наступление на Киев, в результате которого ему удалось захватить великокняжеский престол. Он несомненно рассматривал всех этих „святых воинов“ и, в первую очередь, Георгия, как своих покровителей, содействовавших его победе над врагами. И весьма показательно, что в Кирилловской церкви рядом со „святыми воинами“ помещены фигуры национальных русских святых — Бориса и Глеба. Борис и Глеб выступают здесь в новой роли — воителей. По этому поводу В. И. Лесючевский правильно замечает: „Развившиеся в княжеской среде новые идеи проникают, наконец, и в церковь. Для представителей церковной мысли XII века Борис и Глеб перестают уже быть исключительно целителями. Так, уже для составителя „Сказания“ Борис и Глеб не только целители: „По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и защищениемъ князи наши противу вѣстающая държавино побѣждають и ваю помощию хваляться. Вы бо тѣмъ и намъ оружие земля рускыя забрала и утвержение и меча обоуду остра“.¹ Подобно тому, как в феодализировавшейся Византии X в. Георгий превратился из мученика в воина, так и в феодальной Руси Борис и Глеб из мучеников и целителей скоро сделались воинами.² Сходные социально-экономические условия породили сходные идеологические явления. Обращаясь с молитвами к своим „покровителям“, князья, естественно, ждали от них прежде всего помощи в своих ратных делах. Именно по этой линии и развивалась иконография Бориса и Глеба, постепенно сменивших кресты мучеников на мечи и копья (рис. 17).

Из Киева великокняжеский культ Георгия был занесен в Новгород, с которым Ярослав поддерживал самые оживленные связи. Юрьев монастырь, основанный в 1119 г. князем Всеволодом Мстиславичем, был тем политическим центром, который призван был заменить для княжеских кругов Софию, утраченную вместе с потерей Детинца, откуда князья были вытеснены ко второму десятилетию XII в.³ Расположенный против Городища, Юрьев монастырь находился целиком в орбите притяжения княжеского двора. Повидимому, Юрьев монастырь был заложен Всеволодом в честь патрона его отца, носившего два имени — Феодора и Георгия.⁴ Из Георгиевского собора этого монастыря происходит великолепная монументальная икона Георгия (рис. 13—14).⁵ Он изображен в рост. В правой руке он держит

¹ В. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусств. „Советская Археология“, 1946 (VIII), стр. 240.

² Ср. В. Лесючевский. Ук. соч., стр. 244—245.

³ М. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. „Советская Археология“, 1946 (VIII), стр. 175.

⁴ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, вып. 2, стр. 752.

⁵ Н. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. 1, стр. 134; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 72; В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 42. Прилагаемая схема записей ясно показывает, как мало до нас дошло от первоначальной живописи XII в. Основная реставрация иконы падает на XIV в. (лицо, руки, большая часть одежды). Но несомненно, что фигура все же сохранила свой первоначальный контур и основные детали одеяния и вооружения.

Рис. 12. Георгий и Феодор Стратилат. Рельеф XI в. из Дмитриевского (?) монастыря в Киеве.

Рис. 13. Икона Георгия из Юрьева монастыря в Новгороде. XII в.

Рис. 14. Схема живописных слоев на иконе Георгия из Юрьева монастыря.

Рис. 15. „Чудо Георгия о змии“. Фреска Георгиевской церкви в Старой Ладоге. XII в.

копье, левой сжал висящий у бедра меч. Из-за его плеча виднеется круглый щит, прикрепленный к ремню. К сожалению, из-за многочисленных утрат первоначальной живописи, восполненных записями XIV, XVI, XVII и XIX вв., трудно точно восстановить воинское одеяние Георгия. Но все же в основном оно может быть реконструировано. При этом следует подчеркнуть, что в одеянии имеется ряд не византийских черт. На Георгии дорогое красное корзно, украшенное золотыми узорами. Из под корзны и золотых нарукавников виднеется шелковая (?), с золотыми узорами, синяя рубаха, окаймленная золотым узорчатым бортом. Ноги плотно облегают красно-коричневого цвета штаны, также покрытые золотым орнаментом. На ногах высокие кожаные сапоги. Голову увенчивает диадема. Величавая и торжественная фигура Георгия воплощает силу и воинскую доблесть, являясь наглядной иллюстрацией к древнерусским воинским повестям. От нее исходит дух непоколебимой твердости, той самой твердости, которая позволяла русскому воинству одерживать победы над далеко превосходившими их по численности противниками. Икона из Георгиевского собора была несомненно написана русским (новгородским?) мастером. Если свидетельство третьей Новгородской летописи об окончании Георгиевского собора в 1140 г. достоверно,¹ то икона должна была возникнуть около этого времени. Она являлась „настольным“ либо „настенным“ образом.² За это говорит ее большой размер, никак не приспособленный для формы старой алтарной преграды.

Повидимому, из Георгиевского собора происходит также кремлевская икона Георгия, которую мы склонны рассматривать как вклад сына Андрея Боголюбского. Она составляет органическое звено в той группе великокняжеских памятников, исходной точкой которых был Киев с его высокоразвитым культом Георгия — патрона князя.

Совсем особое место среди ранних новгородских памятников с изображением Георгия занимает известная фреска Георгиевской церкви в Старой Ладоге (рис. 15).³ Здесь перед нами характерный пример проникновения в официальное церковное искусство апокрифа, получившего широчайшее распространение в русских духовных стихах. А. В. Рыстенко полагает, что стих о Георгии и драконе имел хождение уже в XII в.; первую русскую литературную редакцию этой легенды, восходящую к греческим источникам, он датирует XI в.⁴ Староладожская фреска, изображающая „Чудо Георгия о змий“, относится к 80-м годам XII в.⁵ Трудно точно сказать, что лежит в ее основе — русская переработка греческого списка либо сложившийся на ее основе духовный стих. Во всяком случае, это самое раннее (если не считать датируемой 60-ми годами XII в. фрески в Расе) изображение развернутого варианта „чуда“. Георгий имеет весьма мало воинственный вид. Он спокойно восседает на коне, идущем неторопливой, легкой поступью. В правой руке Георгий держит копье с развевающимся стягом. Он выступает здесь не столько как воин, сколько как заклинатель (известно, что в легенде Георгий заклинает змия именем бога, после чего змий „яко овца нача

¹ Ср. М. Каргер. Ук. соч., стр. 176—177.

² См. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, вып. 2, стр. 215—216.

³ Н. Бранденбург. Старая Ладога, СПб., 1896, табл. LXXXIII; Н. Кондаков. Русская икона, т. III, ч. I, стр. 137—138; В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 28—29.

⁴ А. Рыстенко. Ук. соч., стр. 219—220, 340—341.

⁵ Ср. В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 29. Датировка Н. П. Кондакова концом XIII в. ни на чем не основана.

лизати ноги его“).¹ На переднем плане представлен опустошивший землю лаодикийскую дракон, которого ведет на поводу царевна, обвиняющая вокруг его шеи свой пояс.² Вся эта мирная процессия приближается к городской башне, откуда выглядывают царь, царица и епископ. Овеянная чисто народной сказочностью, сцена совершенно утратила тот воинственный характер, который был присущ изображениям Георгия на памятниках, возникновение которых было связано с идеологическими запросами высших феодальных кругов. Своим содержанием и всем строем своих форм старолadoжская фреска уже тяготеет к произведению более позднего новгородского искусства с его ярко выраженными народными чертами.

Как и в Новгород, во Владимиро-Суздальские земли культ Георгия был занесен также из Киева. Здесь Юрий Долгорукий воздвигал храмы в честь своего патрона (во Владимире и в Юрьеве Польском), здесь же сохранилось самое воинственное по своему характеру изображение Георгия в древнерусской пластике. Это рельеф над порталом северного притвора Георгиевского собора в Юрьеве (рис. 16).³ Исполненный около 1234 г., этот рельеф воспроизводит фигуру Георгия в традиционном византийском типе воина: правой рукой Георгий опирается о копье, левая его рука покоится на щите. На Георгии длинная рубаха, доспехи и плащ, миндалевидный щит украшен геральдическим львом — гербом владимирских князей. И здесь, следовательно, Георгий-воин выступает как патрон князя, которого он охраняет и которому он оказывает покровительство в его военных предприятиях.

Если не считать старолadoжской фрески, то все древнейшие русские памятники с изображением Георгия оказываются связанными с княжескими кругами. В них дается истолкование образа Георгия в подчеркнuto воинственном духе. Георгий трактуется не как мученик, а как воин. Его обычные атрибуты — копье, меч, щит, на нем воинские доспехи, его монументальная фигура полна мужественности. Он вдохновляет князей на бранные подвиги, покровительствует всем их походам, охраняет их от смерти и приносит им победу. В русском искусстве домонгольской поры воинственному образу Георгия присущи именно те черты, которым дивились в русских ратных людях татары. В „Повести о приходе Батыя на Рязань в 1237 году“ военачальники Батыя следующими словами характеризуют храбрость „резвцов рязанских“: „Мы со многими цари во многихъ земляхъ на многихъ бранехъ бывали, а такихъ удалцовъ и рѣзвцовъ не видали, ни отци наши возвѣстиша намъ. Сии бо люди крылатии и не имѣюще смерти, тако крѣпко и мужественно ѣздѣ бяшася единъ съ тысящею, а два съ тмою. Ни единъ отъ нихъ не можетъ съѣхати живъ с побища“.⁴ Когда вспоминаешь образы Георгия на иконе из Юрьева монастыря и на рельефе Георгиевского собора, то они невольно воспринимаются как живая иллюстрация к этим словам.

¹ История русской литературы, т. I, стр. 98.

² В одном русском духовном стихе этот эпизод описан следующим образом:

„А ведет змею она на поясы,
Как коровушку будто дойную“.

См. А. Рыстенко. Ук. соч., стр. 324.

³ А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1. Соборы Владимиро-Суздальской области XII—XIII ст., Москва, 1916, табл. 34; С. Фраткин. Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве Польском. „Светильник“, 1915, № 9—12, стр. 93.

⁴ Н. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков, Москва, 1938, стр. 144.

Очень рано книжные легенды о Георгии, которые культивировались церковью, были занесены в народную среду и здесь, под воздействием старых местных традиций, былин и сказок, подверглись глубокой переработке. Этот процесс начался, повидимому, не позднее XI—XII вв. В результате с образом Георгия стали все более связываться народные представления, народные чаяния, мысли и чувства. На этом втором этапе развития образ Георгия быстро утратил все свои феодальные „атрибуты“, превратившись из патрона князей в покровителя земледельцев и скотоводов.

Такой трансформации образа Георгия немало содействовал уже отмеченный нами факт, — именно то, что церковный его праздник падал на 23 апреля. Это было время приближения весны, время пробуждения природы от зимней спячки. И получилось так, что с днем Георгия (23 апреля) была связана масса старых, подчас языческих обрядов, которые сопровождали у земледельцев празднование окончательной победы весны.¹ Так родились все те многочисленные обряды и заклинания, в которых Георгий занимает центральное место.²

В Юрьев день принято было служить обедни и молебствия, причем у Георгия испрашивалось благословение нивам и урожаю. Нередко крестьяне обходили засеянные поля с пирогом, водкой и другими припасами, обтыкали межу косточками, сбереженными от пасхального стола, и пели при этом следующую песнь:

Юрий вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На целое лето,
На буйное жито,
На ядронистое,
На полосистое.
Людзям на здоровье и т. д.

Обычно Георгия считали „водоносом“, поскольку „Юрьева роса“ увлажняла землю. При этом его образ стилизовался под ключаря, который

Узяв ключи золотые,
Атамкнуу землю сырусеньку,
Пусдив росу цеплюсеньку
На белую Русь и на увесь свет.

Георгия прославляли и за то, что он приносит тепло (отсюда пословица „Егорий с теплом, а Никола с кормом“).

Не меньшую роль играло и почитание Георгия как покровителя скотоводства. Он хранит скот от падежа и разных болезней и только за нерадивость пастухов предаст его на расхищение волкам (оттого, вероятно, и возникла поговорка: „Что у волка в зубах, то Егорий дал“). К 23 апреля в его честь крестьяне изготовляли из теста изображения коров, лошадей и других домашних животных, желая тем самым снискать своему скоту покровительство святого. Выгоняя из зимних стойл коров и лошадей, крестьяне ударяли их освященной вербой и как бы поручали заботам Георгия. По народному представлению,

¹ Ср. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 145.

² Для последующего изложения см. И. Снегирев. Ук. соч., стр. 70—76, 79; А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 133 сл.; И. Калинин. Ук. соч., стр. 389—392; А. Веселовский. Ук. соч., стр. 150 сл.; А. Шапов. Ук. соч., стр. 63—66.

Георгий лично выезжал 23 апреля в поле на своем белом коне, чтобы охранить скотину от хищных зверей, особенно от волков.

Если народные обряды и верования наполнили образ Георгия новым содержанием, то аналогичный процесс наблюдается и в русской народной поэзии, в так называемых духовных стихах.¹ Наиболее ранние редакции последних относятся к XI—XII вв. В основу их несомненно был положен апокриф. В более ранних редакциях духовных стихов чувствуется еще живая связь с этим апокрифом. Георгия преследует Демьянище (искаженное Дадиан) либо Диоклетианище, он испытывает муки мученические от топора, пилы, кипящей смолы, гвоздей. Позднее на апокрифическое ядро начали наслаиваться былинные и сказочные мотивы (эпизоды с сестрами и заставами и др.). В стихе об освобождении царевны Елизаветы от дракона связь с апокрифом также несомненна. Однако и здесь наблюдается процесс наслоения на первоначальный вариант элементов народной словесности.

Наезжал Егорий на люта змея,
На люта змея, люта огненна,
Как из рота огонь, з ушей по́лымя,
Из глаз в ней скоры сыпят огняныя,
Вот хотит Ягорья потрёбати,
Ягорий — свет проглагольвал:
Во люта змия, люта огненна!
Хоть съешь меня, да не сыта будешь,
Не ровен кусок, змей, подавишься.²

Эпизод битвы с драконом был позднее переработан в сражение со змиями. Во всех этих вариантах Георгий выступает как благотворная человеку сила. В позднейших редакциях духовных стихов данный момент оказывается еще более подчеркнутым. Во лбу Георгия сияет красное солнышко, по локоть руки он весь в „красном золоте“, по колена ноги — „в чистом серебре“. Он „наезжает“ на „землю светло-русскую“, на „леса темные и дремучие“, на „горы высокие“, на „холмы широкие“, на „терема златоверхии“, на „моря глубокие“, на „зверей могучих“. Он утверждает „веру крещеную“, он побеждает „веру бесерменскую“.

О широкой популярности Георгия на Руси говорит еще один весьма примечательный факт: к осеннему празднику Георгия, т. е. к 26 ноября, было приурочено в Московской Руси право крестьян переходить от одного помещика к другому. Это было единственное время в году, когда по окончании осенних работ (неделя до и после 26 ноября) крепостные, предварительно выполнив все свои обязательства по отношению к помещику, имели возможность использовать право выхода. Таким образом Юрьев день вплоть до конца XVI в. отождествлялся в сознании народа с возможностью облегчить свою тяжелую участь.

Только установившись на народных обрядах и на народной поэзии, можно понять дальнейшую судьбу образа Георгия в русском искусстве. Вероятно, с XIII в. Георгий-змиеборец начал решительно вытеснять в русской живописи Георгия-воина. Феодалный „святой“ принужден был „посторониться“, чтобы уступить место тому подлинно эпическому образу, к которому тянулись сотни нитей от живого народного творчества. Так изображения „Чуда Георгия о змии“ сделались постепенно излюб-

¹ См. А. Веселовский. Ук. соч., стр. 83 сл.; 125 сл.; А. Рыстенко. Ук. соч., стр. 256—343.

² А. Веселовский. Ук. соч., стр. 144.

Рис. 16. Георгий. Рельеф Георгиевского собора
в Юрьеве Польском. Ок. 1234 г.

Рис. 17. Борис и Глеб. Детали иконы Николы
в Третьяковской галерее, XII в.

Рис. 18. Икона Георгия, Иоанна Лествичника и Власия. Русский Музей. XIII в.

Рис. 19. Икона Георгия. Третьяковская галерея. XIV в.

Рис. 20. Икона Георгия. Русский музей. Кон. XIV в.

Рис. 21. Икона Георгия. Музей Русского Искусства в Киеве. Кон. XV — нач. XVI в.

ленным сюжетом в русском искусстве XIV—XV вв., особенно в искусстве Новгорода и прилегающих к нему областей. Восседающий на белом коне, он воспринимался как воплощение светлого начала, ведущего борьбу с враждебными человеку силами. К нему обращались за помощью земледельцы, с ним связывали надежды на обильные урожаи, у него просили об охране и исцелении скота.

Наибольшее количество памятников с изображением Георгия связано с Новгородом. Это вполне понятно, поскольку именно на новгородской почве сложились те условия, которые благоприятствовали демократизации образа Георгия. Ослабление власти князя, усиление вечевого строя, укрепление позиций посада, быстрый рост ремесленного производства, умелое использование огромных земельных массивов, отвоеванных у суровой природы, — все это способствовало быстрому подъему Новгорода, который не испытал к тому же татарского разгрома. На почве Новгорода не пресекалась художественная традиция, так что его памятники довольно равномерно распределяются на протяжении XII—XV вв.

Во второй половине XIII в. новгородские художники прибегали к той компромиссной форме изображения Георгия, составные элементы которой они унаследовали от более раннего времени. Георгий совмещает в себе черты мученика и воина: на нем хитон и плащ мученика и доспехи воина, он держит в руках крест и меч (икона Русского Музея с изображением Иоанна Лествичника, Георгия и Власия, рис. 19, икона Спаса и святых в Третьяковской галерее).¹ В виде мученика выступает Георгий и на деревянном ябле XIII в. из Исторического Музея, происходящем с Северной Двины. В его правой руке виднеется крест.² В известной „Погодинской“ иконе из Русского Музея, исполненной в начале XIV в., Георгий изображен уже в образе змиеборца (рис. 20).³ На полях иконы представлены различные сцены мучений, на среднике же мы видим развернутый вариант чуда с царевной Елисавой (вместо Елизаветы!) и с ее родителями и епископом, выглядывающими из башни. Все основные элементы этой композиции встречаются уже на старолადжской фреске. Но тот оттенок сказочности, который был свойствен росписи, еще более усилился на иконе с ее контрастами масштабов, своеобразным парением фигур в воздухе и наивной непосредственностью повествования. Царевна кажется игрушечной и таким же воспринимается и дракон, послушно ползущий за Елисавой. В Георгии нет ничего подчеркнуто воинственного. Хотя в правой руке его виднеется копье, он им никого не поражает, а несется вскачь, как бы устремляясь на своем белом коне в поле, чтобы охранить крестьянские посевы и скот.

Середину XIV в. датируются два новгородских изображения Георгия-змиеборца — икона в Гос. Третьяковской галерее⁴ и рельеф на

¹ В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 45—46, табл. 31—32.

² Там же, стр. 50, табл. 37а.

³ Русская икона, сборник III, Петроград, 1914, рис. на стр. 172; Н. Кондаков. Русская икона, III—I, стр. 135—136, т. II, табл. 14; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 161—162, рис. 163. Весьма характерно для принципиальных установок Н. П. Кондакова, что он усматривает даже в этой чисто русской иконе прямое подражание византийским образцам: „средник, — пишет он, — представляет копию с большого (греко-болгарского или грузинского?) образа, который, в свою очередь, был копией хорошей византийской иконы, вероятно, также начала XIII столетия“. Эта столь излюбленная Н. П. Кондаковым теория „копий“ (в данном случае даже „копий с копий“!) неизбежно приводит к недооценке самостоятельности русского искусства.

⁴ А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, стр. 172, рис. 114. А. И. Некрасов датирует икону слишком поздно (XV в.). Икона возникла не позднее середины XIV в., на что указывает ее стиль (тип лица с густым вохрением,

деревянном кресте от 1359 г. с Легощей улицы.¹ Икона (рис. 21) выдается своим архаическим строем форм. Георгий, чья голова увенчана диадемой (пережиток иконографии домонгольского времени), поражает копьем дракона. В правом углу изображена десница Христа, благословляющая Георгия на подвиг. Эта новая деталь получит в дальнейшем широкое распространение.

К концу XIV—началу XV в. относятся три прекрасно выполненных иконы Георгия, одна из которых хранится в Русском Музее,² а две других — в Третьяковской галлерее (обе происходят из собрания И. С. Остроухова).³ Мы имеем здесь дело с подлинными жемчужинами древнерусского искусства, несущими на себе яркий отпечаток народного творчества. На маленькой иконе Гос. Третьяковской галлерей Георгий изображен с мечом, как на памятниках грузинского искусства (фреска в Цаленджихе, роспись Набахтеви, крест из Чхари и др.).⁴ На обеих других иконах, в верхнем правом углу которых помещена десница, он держит копье (рис. 20). Вихрем несется белый конь, послушный воле восседающего на нем юного героя. Последний вонзает копье в пасть змия, воплощающего темные силы природы. Георгий дается носителем светлого начала. В его ослепительном блистании есть нечто такое, что уподобляет его сверкающей молнии. Пурпуровый плащ образует огненный ореол вокруг его фигуры и, кажется, нет такой силы в мире, которая смогла бы остановить стремительный бег этого всадника.

От XV в. до нас дошло немало икон Георгия как новгородской школы, так и северных писем. Георгий выступает здесь в традиционном типе — он поражает копьем змия, в правом верхнем углу виднеется десница. Фигура его крепкая, коренастая, в ней нет переутонченного изящества; наоборот, ей присуща чисто крестьянская сила.⁵ Этот образ держится еще в искусстве XVI в. как архаический пережиток (например, икона из собрания Васнецова с полуфигурой Аникия).⁶ Но с конца XV в. его все решительнее вытесняет другой тип Георгия — более стройный, изящный, утонченный. Усложняется также иконография, в которой усиливаются элементы церковности. Широкое распространение получает фигурка парящего ангела, увенчивающего главу великомученика короной.⁷ Наконец, эпизод с царевной подвергается дальнейшему усложнению: вместе с родителями изображается большая толпа народа, либо глядящая на единоборство Георгия с драконом

особо свободный экспрессивный рисунок и несколько нарочитая условность композиционного решения) и надпись. Необычной деталью иконы является черн^ый конь. Он встречается лишь на новгородской иконе XIV в. в Русском Музее. На этой иконе Георгий представлен вместе с Никитой.

¹ В. Лазарев. Искусство Новгорода, стр. 98. Недавно этот крест подвергся капитальной реставрации, освободившей его от всех позднейших наслоений и записей.

² Ю. Дмитриев. Путеводитель. Гос. Русский Музей. Древнерусское искусство. Ленинград—Москва, 1940, рис. на стр. 26.

³ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII века, рис. на стр. 63 и цветная таблица при стр. 208; Русская икона, сборник III, цветная таблица на стр. 127; В. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 108.

⁴ Шея и ноги коня украшены красными лентами в целях придания изображению большей праздничности. Здесь мы имеем дело с отражением в иконописи черт древнерусских обычаев.

⁵ Две иконы в Гос. Третьяковской галлерее (на одной характерная надпись: „с[вя]тый Егоргий“); икона в Вологодском Музее; икона из государственных фондов (фото-архив Гос. Третьяковской галлерей, № 23397) и мн. др.

⁶ Фото-архив Гос. Третьяковской галлерей, № 15535.

⁷ П. Муратов. Ук. соч., рис. на стр. 254; Н. Кондаков. Русская икона, II, табл. 91. Эта икона относится уже к середине XVI в., обнаруживая воздействие московского искусства.

с башни, либо выходящая из ворот города навстречу юному герою.¹ Это усложнение иконографического извода „чуда“ вполне отвечает общему духу искусства XVI в., для произведений которого характерны многофигурные сцены и особая обстоятельность рассказа.

Те новые тенденции, которые наблюдаются в трактовке образа Георгия с конца XV в., были обусловлены рядом существенных сдвигов, происшедших в это время в развитии новгородской культуры. Боярская республика, переродившаяся в неприкрытую олигархию, вела узко эгоистическую политику, которая мешала объединению русских земель. Консервативно настроенные боярские круги все более отрывались от народа, их пресыщенные вкусы делались все более камерными, в искусстве они более всего ценили изящную, отточенную форму. В этих условиях становятся понятными утрата образом Георгия былой жизненности и непосредственности, а также появление таких церковно-дидактических деталей, как фигура венчающего великомученика ангела. В этой же связи крайне показательно возрождение к XVI в. старых, феодальных типов Георгия. Георгия вновь начинают изображать в виде стоящего воина с копьем и мечом в руках. Если от первой половины XV в. сохранилось лишь одно такое изображение (небольшая иконка в Третьяковской галерее), причем представленный здесь Георгий всем своим обликом напоминает рядового городского ополченца,² то позднее стоящего Георгия дают в виде изящного воина, с луком и колчаном, либо с копьем и мечом; наибольшее внимание уделяется при этом передаче деталей его одеяния и вооружения (рис. 22).³ Особенно показательно икона Георгия из собрания А. И. Анисимова, ныне хранящаяся в Третьяковской галерее (рис. 23).⁴ Фигура „святого“ невольно заставляет вспомнить о строгановских иконах, — столько в ней хрупкости и нарочитого изящества. От былой эпической простоты образа здесь не осталось и следа. Такие памятники показывают, что иконография живо откликалась на изменение общественных вкусов.

Георгий-змиеборец изображался в XV—XVI вв. не только новгородскими, но и московскими,⁵ тверскими,⁶ ростовскими⁷ и ярославскими

¹ Икона из церкви Феодора в Кадниках нач. XVI в. (Фото-архив Гос. Третьяковской галереи, № 17409); икона в Киевском Музее конца XV — нач. XVI в. Любопытной деталью на последней иконе является падающий с головы Георгия шлем (рис. 21).

² В. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 97а.

³ Икона из Новгородского Музея (ныне хранится в Историческом Музее; не XIV в., как утверждает П. П. Муратов, а ранний XVI; см. П. Муратов. Ук. соч., рис. на стр. 198); створки двери с изображениями Георгия и Димитрия Солунского в Новгородском Музее (не XV, а ранний XVI в.; см. П. Муратов. Ук. соч., рис. на стр. 257); икона с изображением стоящих Георгия, Ильи и Димитрия (конец XV в.; фото-архив Гос. Третьяковской галереи, № 3340). В виде стоящих воинов изображаются также Феодор Стратилат и Феодор Тирон (икона конца XV в.; см. Masterpieces of Russian Painting. London, 1930, табл. XL). С мечом на плече и опирающимся левой рукой о щит представлен Георгий и на псковской иконе XV в. из с. Ракул (так наз. „Богоматерь Мирожская“; ныне хранится в Третьяковской галерее).

⁴ Фото-архив Гос. Третьяковской галереи, № 28175. Эта икона возникла в первой трети XVI в.

⁵ Три иконы нач. XVI и первой пол. XVI в. в Гос. Третьяковской галерее (на двух иконах Георгий-змиеборец представлен с ангелом, увенчивающим его главу мученическим венцом; на третьей иконе мы видим развернутый вариант „чуда“ — Елизавету с родителями и толпой народа).

⁶ Иконы нач. XVI в. в Гос. Третьяковской галерее (происходит из Кашина) и в Гос. Русском Музее (П. Муратов. Ук. соч., рис. на стр. 35). На обеих иконах дан развернутый вариант „чуда“ (с толпой народа). Изображение Георгия-змиеборца мы находим еще на одном тверском памятнике — на серебряной чаше тверского великого князя Георгия Александровича (А. Некрасов. Ук. соч., рис. 174).

⁷ Икона конца XV — нач. XVI в. в Гос. Третьяковской галерее (развернутый

мастерами.¹ Ничего нового в истолкование образа Георгия-драконоубийцы представители этих школ не внесли: они лишь ограничились использованием новгородского наследия. Особым путем стала развиваться иконография Георгия лишь на московской почве, где сложился совсем иной тип, которому суждено было занять свое почетное место в композиции русского иконостаса.

В XIV в. великокняжеская Москва культивировала еще старый иконографический тип Георгия, о чем свидетельствует икона, происходящая из Гуслицкого монастыря (рис. 24).² Эта вещь, возникшая, повидимому, на протяжении последней трети XIV в., тяготеет всем строем своих форм к искусству домонгольского времени. Георгий представлен в рост. На нем воинские доспехи с накинутым поверх них красным плащом. В правой руке Георгия виднеется копье, левой же рукой он придерживает стоящий у ноги меч, перевитый металлическим поясом, на котором он носился у бедра. Лицо имеет правильную овальную форму и отличается большой строгостью выражения. Этот воинственный образ Георгия является запоздалым ответвлением того иконографического типа, который господствовал в русском искусстве XI—XII вв.

Известно, что Георгий весьма почитался московскими князьями. Со времен Димитрия Донского его начали рассматривать как покровителя Москвы, ставший центром собирания национальных сил. Иван III, отправляясь в 1471 г. в поход на Новгород, призывал в числе других помощников „во бранех“ и „Егорья Храброго“.³ Его изображением он даже украсил в 1464 г. Флоровские ворота кремля.⁴ В московском искусстве XV в. образ Георгия-змиеборца сделался популярным несомненно под воздействием новгородского культа этого „святого“. Но в Москве, где сложилась классическая форма русского иконостаса, получил развитие и другой иконографический тип Георгия — тип мученика, представляющий ни что иное, как возрождение на новой основе древнейшего иконографического варианта.

Ядром обширной иконостасной композиции был Деисус: к восседающему в центре Христу подходят с обеих сторон богоматерь, Иоанн Креститель и святые, просящие о помощи людям. Они изображаются в молитвенных позах. Русским деисусным композициям, в отличие от византийских, присущ оттенок особой мягкости и глубокой человечности. Естественно, что исходя из этого идейного замысла, в деисусный ряд невозможно было ввести фигуры „святых воинов“; своим боевым видом они дисгармонировали бы с общим настроением деисусного чина. А между тем великокняжеская среда привыкла с давних пор рассматривать Георгия как своего патрона и покровителя. Мыслимо ли

вариант чуда с толпой народа; ангел представлен дважды — один раз получающим венец из рук Христа, другой раз — увенчивающим главу Георгия).

¹ Известная икона середины XVI в. в Гос. Третьяковской галлерее (П. Муратов. Ук. соч., рис. на стр. 259; Русская икона, выпуск 2, рис. на стр. 194). Эту икону, содержащую наиболее обстоятельный рассказ о „чуде“, раньше приписывали новгородской школе XV в. Н. Е. Мневa и Н. А. Демина отдали ее с полным основанием ярославскому мастеру.

² Н. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, стр. 80—81; P. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter, Haag, 1930, S. 300—301, рис. 113. Повидимому, московской работой является также деревянная иконка раннего XV в. в Историческом Музее (75058/ о. к. 9279). Георгий изображен в рост, с копьем и щитом в руках.

³ ПСРЛ., VI, стр. 9 (продолжение Софийской первой летописи).

⁴ ПСРЛ., XXIII, стр. 158 (Ермолинская летопись). Рельеф работы Ермолина, изображавший Георгия-змиеборца, дошел лишь во фрагментах, хранящихся в Третьяковской галлерее.

Рис. 22. Икона Георгия. Новгородский музей. XVI в.

Рис. 23. Икона Георгия. Третьяковская галерея, XVI в.

Рис. 24. Георгий и Николай. Икона из Гуслицкого монастыря. Кон. XIV в.

Рис. 25. Георгий. Икона из иконостаса Троицкого собора
в Загорске. 1425—1428 гг.

было в этих условиях исключить его из ряда заступников, просивших помощи у Христа? Конечно, нет. Оставался лишь один выход — вернуть Георгию облик смиренного мученика, облечь его в старые патрицианские одежды (хитон, длинный плащ с тавлием) и придать ему „в качестве дружки“ фигуру какого-либо другого мученика. Эта роль была отдана Димитрию, также весьма почитавшемуся на Руси в качестве одного из основных „святых воинов“. Так Георгий и Димитрий вошли в русскую иконостасную композицию, в которой они заняли крайние места.

Первый известный нам пример такого развернутого деисусного чина — старый иконостас Благовещенского собора, исполненный Феоданом Греком в 1405 г. совместно с русскими мастерами. Крайние фигуры Димитрия и Георгия были написаны, вероятно, Прохором с Городца.¹ Димитрий и Георгий фланкируют также деисусный чин Андрея Рублева, написанный им совместно с учениками в 1425—1428-х годах для Троицкого собора (рис. 25). Здесь фигурирует почти тот же тип, который за двадцать лет до этого был создан Прохором.² В дальнейшем Димитрий и Георгий прочно удержались в композиции русского иконостаса, в которой они обычно выступали „защитниками“ и „покровителями“ князей. Сменив воинские доспехи на хитон мученика, они воплощали отныне ту идею смирения, которая без остатка растворила в себе былой воинственный пыл этого образа. На этом третьем этапе развития образ Георгия быстро стал утрачивать свои народные черты. Он стал одним из элементов системы церковного искусства, в котором победил канонический принцип. Образ Георгия утратил свою былую жизненность и полнокровность.

Мы не ставим себе задачей проследить судьбу образа Георгия в живописи и скульптуре XVI—XVII вв. Ограничимся лишь кратким замечанием, что ничего принципиально нового русское искусство этих двух столетий для иконографии Георгия не дало. Образ святого все более отдалялся от живых истоков народного творчества и подвергался все большей аристократизации. Господствующий класс монополизировал его в своих узко классовых интересах. При Феодоре Иоанновиче монету с изображением Георгия давали за храбрость воинам для ношения на шапке или на рукаве. При Анне Иоанновне Георгий был введен в герб российского государства, где он сделался символом самодержавия и православия. Такова судьба образа Георгия, поочередно выступавшего в роли то стойкого мученика, то храброго воина, оказывавшего покровительство феодалам, то друга землепашцев и скотоводов, то заступника перед Спасом за московских князей и их подданных.

Мы сознательно выделили из средневековой иконографии тему Георгия. На ее примере особенно ясными становятся пороки старой иконографической школы, традиции которой остаются незывлемыми в современном буржуазном византиноведении. Не говоря уже о том, что в иконографическом методе содержание механически отрывается от формы, оно получает к тому же столь суженное и обедненное толкование, что

¹ И. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы Реставрации, 1926 (1), стр. 85 и рис. на стр. 81. И. Э. Грабарь приписывает фигуры Димитрия и Георгия Андрею Рублеву, с чем я никак не могу согласиться. Манера письма указывает на руку пожилого мастера, связанного со старыми традициями, что говорит в пользу авторства Прохора с Городца.

² Ср. В. Лазарев. О методе работы в Рублевской мастерской. „Доклады и сообщения филологического факультета Моск. ордена Ленина гос. ун-та им. Ломоносова“, Москва, 1946, вып. первый, стр. 62.

весь анализ сводится, строго говоря, к определению номенклатурного иконографического типа, живущего отвлеченной жизнью, никак не связанной с реальной действительностью. От этих иконографических „типов“ в лучшем случае перебрасывается мост к литургике, обычно же они существуют сами по себе, развиваясь по своим абстрактным законам. Такая в корне неверная трактовка содержания средневекового искусства ничем не оправдана, поскольку последнее, как и любое искусство, сложилось на реальной исторической почве, в определенных общественных условиях, а потому и содержание его на различных этапах развития отражало различные идеологические установки.

На примере истории образа Георгия мы пытались показать, в каком направлении надо изучать средневековое искусство. Мы имели возможность убедиться в том, насколько даже столь отвлеченная область искусства, как иконография Георгия, была прочно связана с общественной жизнью. Смена одного иконографического типа другим объясняется вполне реальными историческими причинами, ничего общего не имеющими с домыслами иконографов, вся и все сводящих к самостоятельной жизни „типа“. Появление типа Георгия-воина было столь же логично, как в свое время появление типа Георгия-мученика. В такой же мере закономерной была разработка первого типа на Руси, где в X—XII вв. сложились феодальные отношения. И, наконец, не было ничего случайного и произвольного в процессе демократизации образа Георгия на русской почве, как и в обратном процессе все более решительного отрыва данного образа от народных корней. За всеми этими сдвигами и изменениями скрывались социальные конфликты, реальные человеческие действия, помыслы и желания.

П. П. Муратов писал о древнерусской фреске и иконе, что они „являют редкий пример искусства чистого, имеющего весьма малую связь с жизнью, питающегося из себя, живущего и развивающегося в собственных традициях“.¹ По мнению Муратова, „русская иконопись в огромном большинстве случаев отделена пропастью от какой бы то ни было истории, литературы, природы и жизни“.² Аналогичные взгляды буржуазными учеными высказываются и в применении к византийскому искусству, памятники которого рассматриваются совершенно оторванно от реальной исторической почвы. При этом в них ищут идеального воплощения „вечных законов красоты“. Такой подход к средневековому искусству не имеет ничего общего с наукой. Старый иконографический метод, как и формалистическое истолкование искусства, не могут воссоздать связную картину художественного процесса и вскрыть его движущие силы. И цель нашей работы об образе Георгия заключается как раз в том, чтобы внести в этот вопрос необходимую методологическую ясность.

¹ П. Муратов. Ук. соч., стр. 32.

² П. Муратов. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова, Москва, 1914, стр. 1—2.

СООБЩЕНИЯ

М. А. ЗАБОРОВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДИСТОРИИ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Четвертый крестовый поход привлекал внимание как русской, так и западной буржуазной историографии. Его история была предметом изучения советских медиевистов.¹ Интерес историков к проблеме четвертого крестового похода станет понятным, если принять во внимание, что этот поход, происходивший в сложной международной обстановке конца XII — начала XIII вв., закончился в 1204 г. разгромом Византии и образованием Латинской империи, что он явился, как это установила советская историография, наиболее ярким проявлением грабительских устремлений западноевропейских феодалов и католической церкви в крестоносном движении.

Центральное место в исследованиях, посвященных истории четвертого крестового похода, всегда занимал вопрос о причинах так называемого отклонения крестоносцев к Константинополю. Буржуазные ученые собрали значительный материал источников для разрешения этого вопроса, так что к настоящему времени основные факты истории четвертого крестового похода выяснены с достаточной полнотой. Крупная заслуга в этом отношении принадлежит русским историкам (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, П. Митрофанов), которые доказали несостоятельность искусственных и односторонних построений западноевропейских буржуазных ученых и наметили правильный путь разрешения некоторых важных проблем истории четвертого крестового похода.² Однако и до сих пор в истории этого похода сохраняются „белые пятна“. Поэтому установление всей совокупности причин „отклонения“ крестоносцев на Константинополь все еще продолжает оставаться в ряду задач, стоящих перед историком крестовых походов.

Необходимость возможно более полного выяснения обстоятельств, определивших „перемену направления“ четвертого крестового похода, является тем более настоятельной, что в новейшей буржуазной

¹ См. М. В. Левченко. История Византии, М.—Л., 1940, стр. 224—230; В. В. Стоклицкая-Терешкович. Борьба западноевропейских государств за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. „Изв. АН СССР“, серия истории и философии, 1944, № 5, стр. 211—221; М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в., „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 152—177.

² См. М. А. Заборов. Крестовые походы в русской буржуазной историографии. „Византийский Временник“, т. IV, 1951, стр. 176 и сл.

историографии предпринимаются упорные попытки фальсифицировать историю этого наиболее „выдающегося“ из захватнических предприятий западноевропейских феодалов, именуемых крестовыми походами. Они проявляются, в частности, в стремлении ряда историков вернуться к старой, давно отвергнутой даже отдельными буржуазными учеными (П. Риан, Л. Штрейт, В. Норден, П. Митрофанов и др.) и, казалось бы, погребенной в архивах, теории „случайностей“. Эту теорию, назначение которой состояло и состоит в том, чтобы оправдать захват Константинополя крестоносцами, объявив его плодом сцепления случайных обстоятельств, во 2-й половине XIX в., отстаивали Н. де Вайи, Ж. Тессье и другие ученые защитники колониальной экспансии французского капитализма на Востоке. В новейшее время ее пытались возродить исследователи, выступающие в неприглядной роли апологетов империализма: реабилитация крестоносцев, захвативших в 1204 г. Константинополь, составляет одну из основных тенденций работ Э. Фараля¹ и Ш. Дилля,² Л. Брейе³ и Ж. Лоньона.⁴

Интересы исторической истины требуют восстановления — на основе объективных фактов, засвидетельствованных источниками, — подлинного хода событий, приведшего западноевропейских захватчиков под стены византийской столицы. Как известно, „своеобразный исход“ четвертого крестового похода был обусловлен взаимодействием многообразных причин, коренившихся, в последнем счете, в переплетении определенных экономических и политических интересов и противоречий различных западноевропейских государств и Византии в начале XIII в. В этой связи весьма важное значение при решении вопроса об „уклонении крестоносцев с пути“⁵ приобретает исследование дипломатической истории и особенно — предистории похода: в ней получили яркое выражение международные отношения и противоречия на Средиземном море, которые оказали непосредственное влияние на ход и результаты крестово-носной экспедиции.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть один из этапов дипломатической предистории четвертого крестового похода, а именно — выяснить роль франко-германской дипломатии в подготовительной стадии похода. Она особенно отчетливо проявилась при избрании предводителем крестовосного ополчения маркиза Бонифация Монферратского. Как известно, Бонифаций Монферратский сыграл активнейшую роль в судьбах крестовосного предприятия 1202—1204 гг.: он явился одним из непосредственных инициаторов „поворота“ крестоносцев к Константинополю. Но за ним стояли более могущественные силы феодального Запада. Изучение обстоятельств избрания Бонифация вождем крестоносцев позволит уяснить некоторые стороны „тайной истории“ четвертого крестового похода. Именно поэтому автор сосредоточил свое непосредственное внимание на этом эпизоде предистории похода. Разрешение этого вопроса, который сам по себе может показаться частным

¹ E. Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité, *Revue historique*, vol. 177, № III, Paris, 1936.

² C. Diehl. La quatrième Croisade („Histoire générale... par M. Glotz, Histoire du moyen âge“, t. IX, 1-re partie). Его же. L'Europe orientale de 1081 à 1453, Paris, 1945, p. 123—138, особенно p. 128.

³ L. Bréhier. Vie et mort de Byzance, Paris, 1947, p. 363.

⁴ J. Longnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée, Paris, 1949, особенно p. 24—28. См. А. Я. Гуревич. Фальсификация истории Латинской империи, „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 284—290.

⁵ Выражение Иннокентия III (Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim, ed. St. Baluzii, t. I, Parisiis, 1682, lib. V, № 161).

и второстепенным, на самом деле, как мы увидим, имеет немаловажное значение для понимания всей истории крестоносной экспедиции 1202—1204 гг.; разумеется, оно должно явиться лишь звеном в цепи исследований, направленных на заполнение пробелов, еще сохраняющихся, как было отмечено выше, в истории четвертого крестового похода. В этом смысле настоящая статья непосредственно примыкает к нашей работе „Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.“, опубликованной в предшествующем томе „Византийского Временника“. Установление обстоятельств избрания Бонифация поможет составить более отчетливое, чем это было до сих пор, представление о подготовке и развитии четвертого крестового похода, о действительных — тайных и явных — *auctores et actores rerum* в событиях 1199—1204 гг., и тем самым опровергнуть фальсификаторские домыслы буржуазной историографии, ныне открыто ставшей на службу захватническим планам американских империалистов.

I

Известно, что первоначально крупнейшие французские феодалы, откликнувшиеся на призыв Иннокентия III к крестовому походу, избрали своим предводителем графа Тибо Шампанского (1199 г.). Но в самый разгар подготовки похода, 24 мая 1201 г. Тибо Шампанский скончался. Баронам-крестоносцам предстояло избрать нового руководителя.

Вопрос о преемнике Тибо Шампанского сразу же приобрел большое политическое значение, выходявшее за рамки непосредственных интересов одних только участников крестового похода. Дело в том, что к 1201 г. крестовый поход становится одним из важнейших событий международной политики. При дворе германского короля Филиппа Швабского, в Венеции, а также в Римской курии стали возникать планы использования крестового похода в направлении, весьма далеком от того, которое являлось его официальной целью. Не Египет и не „Святая земля“, а Константинополь, к захвату которого стремилась Венеция и богатства которого издавна манили жадные взоры французских, немецких и итальянских феодалов, равно как и главы католической церкви, — Константинополь становится в 1200—1201 гг. прямым объектом хищных вожделений западных государств. Об этом свидетельствуют: во-первых, договор, который в апреле 1201 г. крестоносцы заключили с Венецией,¹ — он открывал перед венецианцами широкие возможности в смысле использования крестоносного воинства в своих экономических и политических интересах, т. е. для превращения „крестоносной глупости“ в „торговую операцию“;² во-вторых, усиленные переговоры Филиппа Швабского с бывшим византийским императором Исааком II Ангелом, которые происходили как раз в это время: как известно, германский король стремился использовать свои родственные связи с домом Ангелов (он был женат на дочери Исаака II Ангела — Ирине)³ для овладения византийским престолом; наконец, в-третьих, переписка Иннокентия III с византийским двором и Венецией: папа еще

¹ Текст договора (*Pacte de nolis*) см. в кн. G. L. Tafel und G. M. Thomas. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, I Theil, Wien, 1856, S. 362 ff.

² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса т. V, стр. 194.

³ *Nicetae Choniatae Historia*, ed. Bonn, 1835, p. 710—711.

в 1199 г. угрожал византийскому императору Алексею III восстановлением Исаака Ангела в случае, если он (т. е. Алексей III) не даст согласия на церковную унию и на активное участие сил Византии в крестовом походе.¹

Естественно, что при этих условиях вопрос о новом предводителе крестоносного войска получал важное значение прежде всего для тех, кто замыслил, по выражению Ф. И. Успенского, сделать из крестоносцев молот, а из Константинополя — наковальню:² если и не всё, то, во всяком случае, многое при осуществлении этих проектов могло зависеть от руководства крестоносным войском, от его вождя. Вот почему вопрос о замещении неожиданно умершего Тибо Шампанского не мог не беспокоить политиков, которые связывали с крестовым походом отнюдь не „благочестивые“ надежды. Им нужно было прежде всего подобрать такого предводителя крестоносцев, который был бы наиболее пригоден для исполнения их антивизантийских планов, а затем навязать эту кандидатуру крестоносному ополчению, — именно навязать, так как избрание вождя похода формально являлось делом самих крестоносцев, точнее говоря, совета крупнейших французских баронов, изъявивших намерение отправиться на „освобождение Святой земли“.

Что касается подбора подходящего кандидата, то эта задача была решена сравнительно просто. Преемник Тибо Шампанского был определен при дворе германского короля Филиппа Швабского, который в этот момент выступил в качестве наиболее активного из закулисных вершителей судеб крестоносной экспедиции: предводителем был назначен маркиз Бонифаций Монферратский.

Родственник Филиппа Швабского,³ он был с ним тесно связан в политических делах: Бонифаций поддерживал германского короля еще в 1200 г., в самом начале междоусобной войны Штауфенов и Вельфов, разгоревшейся в Германии после смерти Генриха VI.⁴

Но как добиться того, чтобы Бонифаций был избран вождем самими крестоносными сеньорами? Каким путем сделать так, чтобы при выдвижении кандидата на пост предводителя ополчения выбор баронов пал именно на маркиза Монферратского? — Это была нелегкая задача, но в конечном счете она была решена, и Бонифаций встал во главе крестоносного войска.

Каким же образом и кем было найдено это решение?

II

Вопрос об избрании Бонифация Монферратского вождем крестоносцев долгое время вызывал в литературе недоумение. Совсем недавно Луи Брейе высказал крайне скептическую точку зрения относительно возможности разрешить этот вопрос, заявив, что история никогда не узнает об этом.⁵ Между тем, источники позволяют разобраться, если не до конца, то, по крайней мере, частично, в этом, на первый взгляд действительно загадочном эпизоде предистории четвертого крестового

¹ См. подробно М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя, стр. 156—157.

² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 367.

³ См. D. Brader. Bonifaz von Montferrat bis zum Antritt der Kreuzfahrt (1202), Berlin, 1907, S. 158.

⁴ См. E. Winkelmann. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig, Bd. I, Leipzig, 1873, S. 169, 277.

⁵ L. Bréhier. Ук. соч., p. 366.

похода. Причем открывается чрезвычайно любопытная картина, показывающая сложный узел международных отношений, завязавшийся вокруг экспедиции, подлинной целью которой являлось завоевание Константинополя; выявляются новые факты, которые подтверждают, что замыслы организаторов похода — руководителей ряда феодальных государств Западной Европы — с самого начала имели антивизантийскую направленность.

Обратимся к источникам.

Историю избрания Бонифация предводителем крестового похода представляют обычно по данным Жоффруа Виллардуэна, маршала Шампанского, видного участника четвертого крестового похода, сочинение которого „Завоевание Константинополя“, несмотря на его крайнюю тенденциозность, является одним из важнейших источников по этому вопросу. По сообщению этого источника, дело происходило следующим образом.

После смерти графа Тибо Шампанского в Суассоне состоялось несколько совещаний крупнейших сеньоров, в числе которых был и сам Виллардуэн. На этих совещаниях обсуждался вопрос о том, кого поставить во главе крестоносного войска. Были сделаны предложения нескольким лицам, в частности, герцогу Одону III Бургундскому и графу Теобальду из Бара. Но они под разными предлогами (о которых, заметим попутно, Виллардуэн ничего не сообщает) отклонили эти предложения. Затем, словно по мановению волшебной палочки, на сцену выступает Бонифаций Монферратский. Его кандидатуру выдвинул не кто иной, как сам Виллардуэн. Естественно, возникает вопрос: что заставило его это сделать?

По причинам, которые будут ясны из последующего анализа источников, сам Виллардуэн обходит вопрос о мотивах, побудивших его выставить кандидатуру маркиза Монферратского. Из его рассказа видно только, что он обосновывал свой совет избрать Бонифация ссылками на личные достоинства последнего, говоря, что „*marquis Bonifaces de Monferrat est mult prodome et uns des plus prisiez qui huit cest jor vive*“¹

Авторы некоторых других хроник, содержащих какие-либо известия об избрании Бонифация, в частности, Робер де Клари и автор Морейской хроники рисуют дело таким образом, что инициатива в избрании Бонифация Монферратского принадлежала якобы самому суассонскому совету баронов в целом.²

Достоверность показаний этих хроникеров вызывает серьезные сомнения, причем текст Виллардуэна лишь подтверждает, а не рассеивает эти сомнения.

В самом деле. Маркиз был итальянцем, в Суассоне же держали совет французские феодалы. Затем: Бонифаций до сих пор зарекомендовал себя скорее на дипломатическом, чем на военном поприще, а для руководства крестоносным предприятием нужен был человек, военные таланты которого, во всяком случае, не уступали бы его дипломатическим способностям. Не случайно сам маркиз был вначале озадачен

¹ G. Villehardouin. La conquête de Constantinople, chap. VIII, ed. A. Pauphilet. „Historiens et chroniqueurs du moyen âge“, Paris, 1938, p. 82.

² Robert de Clari. La conquête de Constantinople, chap. III—IV, ed. A. Pauphilet. „Historiens et chroniqueurs du moyen âge“, Paris, 1938, p. 15—16; Chronique de la conquête de Constantinople et de l'établissement des français en Morée, ed. J. A. C. Buchon, Paris, 1825, p. 21 (ниже сокращ. Chronique de Morée).

сделанным ему предложением.¹ Далее: в момент заседаний суассонского совета Бонифаций формально вообще не являлся еще крестоносцем: это ясно видно и из рассказа Виллардуэна² и из повествования Робера де Клари.³ Наконец, — и это особенно важно, — Бонифаций Монферратский в своей политике, как о том уже было сказано, активно поддерживал Филиппа Швабского: маркиз, как и его род в целом, были известны своими гибеллинскими симпатиями. По выражению Ф. И. Успенского, Бонифаций был „завзятым гибеллином“.⁴

Конечно, проштауфенская ориентация Бонифация Монферратского была хорошо известна баронам, обсуждавшим в Суассоне вопрос об его избрании. Это обстоятельство не только не могло повысить шансы маркиза в глазах таких сеньоров, как граф Балдуин IX Фландрский, Гуго де Сен-Поль, Луи Блуасский, Симон де Монфор, но, скорее, наоборот: позиция Бонифация в германских делах неизбежно должна была вызвать у них резко отрицательное отношение к этому неожиданному кандидату в предводители экспедиции, участником которой он еще даже и не являлся. Почему?

Это объясняется тем положением, которое эти феодалы занимал в происходившей в то время распри Штауфенов и Вельфов в Германии. Дело в том, что в этой борьбе принимали активное участие французский король Филипп II Август и король Англии Ричард Львиное Сердце, причем Филипп II Август поддерживал Филиппа Швабского, а Ричард Львиное Сердце — своего племянника Оттона (IV). Союз двух Филиппов,⁵ возникший в 1198 г., был направлен против Англии и поддерживавших ее германских феодалов вельфской партии Оттона. Бароны же, участвовавшие в суассонских совещаниях, были тесно связаны с англо-вельфским лагерем. Еще совсем недавно, в 1198—1199 гг., они выступали в союзе с Ричардом Львиное Сердце против централизаторской политики своего сюзерена Филиппа II Августа и вместе с тем они поддерживали Оттона и его союзников, противившихся утверждению в Германии власти Штауфенской династии.

Разумеется, феодалы-крестоносцы не могли в какой-либо мере симпатизировать такому рьяному приверженцу Филиппа Швабского, германского союзника Филиппа II Августа, каким являлся Бонифаций Монферратский.

Кроме того, их отрицательное отношение к Бонифацию должно было быть тем более сильным, что последний не только являлся приверженцем штауфенского лагеря, но и был тесно связан как родственными узами,⁶ так и политическими интересами⁷ с самим ненавистным для них Филиппом II Августом. Между тем, хроники определенно сви-

¹ Robert de Clari. Ук. соч., гл. III, стр. 15: Quant li marquis oi ce, si ce merveilla mult de ce que li baron de France l'avait mandé...

² G. Villehardouin. Ук. соч., стр. 82.

³ Robert de Clari. Ук. соч., гл. IV, стр. 16. Впрочем, иначе в Gesta Innocentii III, § 46 (ed. S. Baluzii): по сообщению папского историографа, Бонифаций дал обет отправиться в крестовый поход по первому же зову Иннокентия III.

⁴ Ф. И. Успенский. История крестовых походов. СПб., 1900, стр. 120.

⁵ См. М. А. Заборов. Союз двух Филиппов, Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 7, М., 1948, стр. 93 и сл.

⁶ В письме к Иннокентию III от 1201 г. Филипп II Август рекомендует папе Бонифация как своего близкого родственника („carissimus consanguineus noster“), Regestum de negotio imperii, № 63, ed. S. Baluzii, p. 717. Более точные и полные сведения о родстве Бонифация и Филиппа II см. P. Scheffer-Boichorst. Deutschland und Philipp II August, „Forschungen zur deutschen Geschichte“, Bd. VIII, 1868, S. 510, Anm. 5, а также E. Fara I. Ук. соч., стр. 571.

⁷ См. ниже, стр. 231 и сл.

детельствуют о том, что многие из этих баронов англо-вельфской ориентации отправились в крестовый поход, в известной мере, потому, что хотели избежать таким путем мести короля Филиппа II Августа за свой недавний союз с Ричардом Львиное Сердце, — избежать репрессий со стороны Филиппа II Августа. Достаточно в подтверждение этого привести два свидетельства: Альбрик де Труафонтен прямо говорит, что „крест взяли сеньоры, которые недавно, при жизни короля Ричарда, отпали от Филиппа“;¹ более подробное сообщение встречаем мы в Геннегауских анналах: „Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, — читаем мы здесь, — печалась о смерти короля Ричарда и опасаясь козней французского короля, принял крест со многими баронами для того, чтобы уйти из-под его власти и избежать войны с ним“.²

Таким образом, интересы этой группы французских феодалов были враждебны политическим целям обоих Филиппов.

Все это неизбежно наталкивает на мысль о том, что французские бароны-крестоносцы, совещавшиеся в Суассоне, не могли по собственной инициативе выдвинуть на пост предводителя крестового войска Бонифация Монферратского. Связи маркиза с домами Штауфенов и Капетингов делали его фигуру в высшей степени одиозной для недавних приверженцев англо-вельфской партии, происхождения же и личные качества Бонифация не давали им никакого повода для его избрания.

Факт, однако, остается фактом: Виллардуэн предложил кандидатуру итальянского маркиза, французские феодалы избрали его. При этом, как можно видеть из лаконичного сообщения Виллардуэна (намеренная краткость — характерный прием этого хрониста-политика, к которому он прибегает обычно в тех случаях, когда ему необходимо скрыть историческую правду), — „избрали“ не очень охотно. Хронист пишет, что бароны долго пререкались („много было сказано слов за и против“ — „avant et arriere“), прежде чем согласиться с его предложением. Колебания и сомнения баронов понятны, если иметь в виду приведенные выше соображения: ясно, что имя Бонифация Монферратского, произнесенное маршалом Шампанским, не могло импонировать французским баронам, собравшимся в Суассоне. И, однако, повторяем, в конце концов они все же согласились с предложением Виллардуэна.

III

Мы уже указывали, что сам хронист нигде не раскрывает мотивов своих действий в отношении Бонифация Монферратского. Не раскрывает он также и того, что же побудило Балдуина Фландрского и других приверженцев англо-вельфской партии принять кандидатуру „завязного гибеллина“. Ответ на эти вопросы дают другие источники. Они показывают, что на поведение маршала Шампанского и бывших мятежных вассалов Филиппа II Августа повлияла одна „посторонняя“ сила и что именно вследствие этого их мнения и голоса были отданы представителю политических интересов, чуждых этим баронам.

¹ Albrici Trium Fontium Monachi Chronica. Monumenta Germaniae historica, Scriptores (далее цитируется: MGH SS) t. XXIII, p. 877.

² Jacobi de Guisia Annales Hannoniae. MGH SS, t. XXX, p. 241. Характерно, что бельгийский историк M. Walraet (Actes de Philippe I-er dit le Noble, Bruxelles, 1949, p. 64) категорически отрицает наличие у Балдуина Фландрского каких-либо политических мотивов для выступления в крестовый поход: оказывается, его влек к себе лишь „восточный мираж“.

Этой силой, оказавшей решающее влияние на баронов в вопросе избрания Бонифация, был нажим самого Филиппа II Августа.

Нам известны три хроники, авторы которых знают о прямом или косвенном вмешательстве, точнее сказать — давлении французского короля, которое предшествовало избранию Бонифация вождем похода. Вот что гласят показания этих хроник.

Анонимный составитель „Деяний Иннокентия III“ пишет: „Графы и бароны по совету короля Франции (разрядка наша. — М. Э.) призвали Бонифация, маркиза Монферратского“.¹

В итальянской хронике Созомена из Пистории мы находим аналогичное объяснение этого факта: „Князья по совету короля франков (разрядка наша. — М. Э.) избрали Бонифация, маркиза Монферратского, вождем христиан“.²

Наконец, уже упоминавшаяся Морейская хроника хотя и дает несколько иной вариант событий, но сохраняет существенную основу известий двух первых источников. Согласно Морейской хронике, последовательность событий была такова: сперва французские бароны через послов обратились к Бонифацию Монферратскому с просьбой взять на себя предводительство вместо скончавшегося графа Тибо Шампанского; маркиз якобы ответил послам, что он должен сначала выяснить, желает ли этого король Франции. Он едет во Францию, и король одобряет выбор баронов: „Что до меня, то мне весьма по душе сделанное Вам предложение, и я считаю, что Вы должны принять его как можно скорее“.³ В ответ на это, „маркиз склонил голову и почтительно приветствовал короля“.⁴

Несмотря на то, что в сообщении Морейской хроники имеется доля вымысла (например, сестра Бонифация Монферратского названа супругой Филиппа II Августа), а также хронологические неточности (хронист относит избрание Бонифация ко времени, предшествующему переговорам уполномоченных крестоносцев с Венецией, т. е. еще до смерти Тибо Шампанского), все же, и по данным этого памятника, Филипп II играет большую роль в избрании Бонифация вождем крестоносцев. Следовательно, известие Морейской хроники несколько не подрывает правдивости сообщений двух первых источников — „Деяний Иннокентия III“ и хроники Созомена из Пистории.

Из всего этого с очевидностью вытекает одно (и именно это, по причинам, теперь вполне понятным, скрыл в своем сочинении Виллардуэн): мотивы, которые заставили его выдвинуть кандидатуру Бонифация Монферратского, а остальных баронов в Суассоне — принять ее, были весьма „своеобразного“ свойства: *consilium regis Franciae* — вот что оказало влияние на Виллардуэна и разрешило сомнения баронов, которым маркиз не внушал какого-либо доверия. Именно этот *consilium* Филиппа II Августа покончил с их колебаниями и побудил их преодолеть свои неприязненные чувства к итальянскому князю. Бонифаций Монферратский был обязан своим избранием французскому королю Филиппу II Августу.

¹ *Gesta Innocentii III*, § 83, ed. *Epist. Innocentii III etc.*, t. I, p. 43—44: *Comites et barones cum consilio regis Franciae vocaverunt Bonifacium Marchionem Montisferrati*.

² *Sozomeni Pistoriensis Historia, Rerum Italicarum Scriptores*, t. I, Florentiae, 1748, p. 82: *Principes de regis Francorum consilio Bonifacium Montis Ferrati Marchionem christianorum ducem elegerunt*.

³ *Chronique de Morée*, p. 29.

⁴ Там же.

IV

В связи с этим обстоятельством, несколько приоткрывающим завесу над не вполне до сих пор уясненной предисторией похода, естественно возникает вопрос о том, какие цели преследовал Филипп II своим вмешательством в крестоносные дела, давлением на участников суассонского совета, рекомендацией баронам маркиза Монферратского?

Отвечая на этот вопрос, следует принять во внимание прежде всего факт существования в это время уже упоминавшегося выше „союза двух Филиппов“. Филипп II Август, несомненно, хотел оказать дипломатическую поддержку своему германскому союзнику. Об этом свидетельствует последующая дипломатия Филиппа II Августа, который в конце 1201—начале 1202 г. использовал Бонифация Монферратского в качестве доверенного лица.

В сентябре 1201 г. маркиз Монферратский прибыл во Францию. Здесь он принял звание вождя крестоносцев.¹ Во время его пребывания во Франции происходили переговоры между ним и Филиппом II Августом. Это видно, во-первых, из того, что в письме к папе от конца 1201 г. Филипп II, рекомендуя маркиза как своего близкого родственника, просит Иннокентия III вполне довериться устным пояснениям, которые даст маркиз: „По всем этим вопросам, — пишет папе Филипп II, — Вы можете вполне довериться нашему дражайшему родственнику маркизу Монферратскому, действующему от нашего имени“. ² Во-вторых, в своем ответе Филиппу II папа сообщает, что Бонифаций от имени Филиппа II сделал ему устно некоторые предложения: „Мы получили твое письмо и приняли к сведению то, что возлюбленный сын наш, знатный муж маркиз Монферратский предложил нам устно (*viva voce*) от твоего имени“. ³ Оба эти текста с очевидностью показывают, что Филипп II беседовал с маркизом и снабдил его „инструкциями“ для переговоров с папой.

Из письма Филиппа II к папе явствует, далее, что Бонифаций Монферратский, действуя в качестве уполномоченного Филиппа Швабского, добился того, что французский король предпринял попытку воздействовать на папу с целью заставить его изменить свое отношение к германским делам в пользу Филиппа Швабского (Иннокентий III в тот момент стоял на стороне Оттона). Действительно, — дальнейший ход событий был таков. Покинув Францию, маркиз отправился в Германию. Встретившись в конце декабря 1201 г. с Филиппом Швабским в Гагенау,⁴ он, как можно предполагать, сообщил ему об успешных результатах своего пребывания при французском дворе: он, маркиз, не только избран вождем крестоносцев благодаря содействию Филиппа II, но более того: Филипп II вручил ему, Бонифацию, письмо к Иннокентию III, которое может оказаться весьма полезным для Филиппа Швабского.

Это письмо Бонифаций передал Иннокентию III в начале марта 1202 г. В письме содержался протест против папской политики в Германии. Филипп II Август не только выражал свое недовольство тем, что Иннокентий III „старается всеми средствами через своих нунциев и легатов доставить Оттону императорскую власть“, ⁵ не только указывал,

¹ G. Villehardouin. Ук. соч., гл. IX, стр. 43—45.

² Regestum de negotio imperii, № 63.

³ Там же, № 64.

⁴ J. F. Böhmér. Regesta imperii, Stuttgart, 1847, S. 13.

⁵ Regestum de negotio imperii, № 63.

что „такое возвышение (Оттона), которому Вы намереваетесь необходимо содействовать, явится обидой французскому королевству“, но и прямо угрожал папе принять меры в случае, если он „станет упорствовать в своем образе действий“.¹ О том, что Бонифаций Монферратский, находясь в Риме, должным образом комментировал это письмо, не может быть двух мнений.

Из изложенного явствует, что рекомендация баронам Бонифация в качестве вождя крестового похода и своего рода ультиматум Филиппа II папе были мероприятиями одного и того же порядка. Цель того и другого состояла в оказании поддержки германскому союзнику Филиппа II Августа дипломатическим путем.

Бонифаций в Риме представлял интересы обоих Филиппов. При этом от имени Филиппа II Августа он заявил протест против содействия папы Оттону, а от имени Филиппа Штауфена изложил проект использования крестоносцев для захвата Византии, о чем сам Иннокентий III писал позднее византийскому императору Алексею III и о чем сообщает также анонимный папский историограф.² Филипп II и Филипп Швабский через Бонифация Монферратского одновременно предприняли дипломатические усилия в Римской курии, причем взаимное переплетение обеих линий этой дипломатии совершенно очевидно. В самом деле: Филипп II добивается избрания маркиза Монферратского вождем крестового похода; сразу же после этого он поручает маркизу выступить в пользу Филиппа Швабского перед Римской курией; Бонифаций из Франции едет ко двору Филиппа Швабского, а оттуда — в Рим, везя с собой предложения Иннокентию III об использовании крестоносцев для захвата Византии. Связь этих фактов, думается нам, несомненна.

Но исчерпывались ли цели Филиппа II Августа, навязавшего крестовым баронам Бонифация, одной лишь поддержкой политики его германского союзника в крестовом походе (разумеется, эта поддержка являлась лишь составной частью политики Филиппа II Августа во Франции, направленной на собирание и объединение французских земель под эгидой королевской власти)? Не питал ли сам французский король каких-нибудь захватнических замыслов по отношению к Византии? И если это было так, то не являлась ли рекомендация им Бонифация Монферратского на пост предводителя крестового войска политическим ходом, рассчитанным на получение непосредственных выгод от крестового похода для самой королевской власти во Франции?

Трудно дать категорический ответ на эти вопросы. Более чем скудные известия хроник позволяют лишь предполагать, что капетингский король, подобно Филиппу Швабскому, не прочь был попытаться протянуть и свою руку к ослабшей Византии. Вполне возможно, что он хотел оживить тайные надежды своего отца, Людовика VII, который стремился путем династического брака обеспечить Капетингам определенные права на византийский престол: с этой целью Людовик выдал в 1180 г. свою дочь, сестру Филиппа II, Агнесу за сына императора Мануила — Алексея (II).³ Не случайно современный хронист приписывает Филиппу II Августу заявление, обличающее непомерные притязания французского короля: „одного человека до-

¹ Regestum de negotio imperii, № 63.

² Epist. Innocentii III, lib. V, № 122, p. 673; Gesta Innocentii III, § 83, p. 43—44. См. подробнее М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя, стр. 160 и сл.

³ Robert de Torigni. Chronique, publ. par L. Delisle, t. II, Rouen, 1873, p. 87; Robert de Clari. Ук. соч., гл. XIX; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des östömischen Reiches, 2. Teil, № 1531, München—Berlin, 1925, S. 87.

вольно, чтобы управлять всем миром".¹ Однако каких-либо более конкретных данных о планах Филиппа II Августа в отношении Византии источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не содержат.

Так обстоит дело с вопросом о целях, с которыми Филипп II „посоветовал“ крестоносцам „избрать“ своим предводителем Бонифация Монферратского.

V

Причины „успеха“ Бонифация Монферратского нельзя, однако, сводить только к тому, что выдвижение его кандидатуры соответствовало намерениям Филиппа Швабского и его французского союзника — Филиппа II Августа. По многим причинам она устраивала также и Иннокентия III, и Венецию, которой, как известно, принадлежала главная роль в истории четвертого крестового похода. Алчный и корыстолюбивый честолюбец,² маркиз Монферратский не был лишен дипломатических способностей, — обстоятельство, которое должно было быть принято в соображение теми, кто строил на крестоносном предприятии определенные политические расчеты. Далее: в силу своих родственных связей Бонифаций Монферратский был заинтересован в агрессивной политике крестоносцев на Востоке³ — это также могло иметь немалое значение при выборе вождя крестоносцев.

Но особенно должно было привлекать венецианцев — основных *actores rerum* похода — то обстоятельство, что Бонифаций, подобно им самим, был далеко не чужд агрессивных намерений по отношению к Византийской империи.

Бонифаций Монферратский стремился к захвату земель на Балканском полуострове. Тотчас после завоевания крестоносцами Константинополя он предъявит требование о передаче ему Фессалоники с округой.⁴ Возможно даже, что маркиз Монферратский питал и гораздо

¹ *Historia regum Francorum. Recueil des historiens des Gaules et de la France*, t. XVII, p. 426.

² Заметим, что J. Longnon (Ук. соч., стр. 28) — в соответствии со своей общей тенденцией к крайней идеализации крестоносцев и их вождей — рисует облик Бонифация Монферратского исключительно в светлых тонах: вождь крестоносцев, в его изображении, не только благочестив, обходителен, великодушен, „щедр ко всем“ (III), но и к тому же он — „покровитель слабого против сильного“ и т. п. Гораздо более верно судил о маркизе Монферратском D. Brader (Ук. соч., стр. 170, прим. 40a), справедливо считавший, что к участию в крестовом походе Бонифация „побуждали отнюдь не идеальные мотивы“. Поведение маркиза Монферратского во время крестового похода и особенно накануне, во время и после взятия Константинополя, факты, передаваемые на этот счет Виллардуэном, Робером де Клари, Никитой Хониатом и другими источниками, полностью опровергают заведомо лживую характеристику, даваемую Ж. Лоньоном одному из наиболее хищных вождей феодального войска крестоносцев.

³ Отец Бонифация — Вильгельм III Монферратский принимал участие во втором крестовом походе. Старший брат Бонифация — Вильгельм Длинный Меч был женат на сестре Иерусалимского короля Балдуина IV и являлся графом Яффы и Аскалона, а Балдуин V, провозглашенный королем Иерусалимским в 1185 г., приходился маркизу племянником. Ср. E. Faral. Ук. соч., стр. 571. Другой его брат Конрад Монферратский владел Тиром и получил известность яростного защитника его в борьбе против Салах-ад-Дина в 1187 г. См. R. Röhricht. *Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge*, Bd. I, Berlin, 1874, S. 133 ff., 150 ff. В 1192 г. Конрад, участвовавший в третьем крестовом походе, при содействии Ричарда Английского получил корону Иерусалимского королевства. См. T. Ilgen. *Markgraf Conrad von Montferat*, Marburg, 1880, S. 119 ff.

⁴ O. Tafrali. *Thessalonique au quatorzième siècle*, Paris, 1913, p. 9. Существует предположение о том, что передача Бонифацию Фессалоники и других областей будущего Фессалоникийского королевства была предусмотрена уже в договоре

более далеко идущие замыслы. Характерно, что, как сообщает Гюнтер Перисский, после взятия Константинополя оставшееся в городе население встречало Бонифация возгласами „святой император и маркиз“,¹ — вероятно, в греческой столице знали о честолюбивых намерениях Бонифация. Действительно, в 1204 г. его имя будет фигурировать в списке кандидатов на престол Латинской империи. Тотчас после водворения на константинопольском престоле Балдуина IX Фландрского Бонифаций поспешит жениться на вдове Исаака II Ангела.²

При этом у Бонифация не было недостатка в формальных предложениях для „обоснования“ своих захватнических планов в Византии. Его брат Райнерий Монферратский был женат на дочери византийского императора Мануила—Марии (1179),³ и маркиз Бонифаций должен был наследовать приданое своей невестки—Фессалонику.⁴ Другой брат его, упомянутый выше Конрад Монферратский, одно время занимал видное положение при византийском дворе: в 1187 г. он женился на сестре Исаака II Ангела—Феодоре⁵ и оказал большие услуги своему тестю при подавлении мятежа Алексея Враны.⁶

Понятно поэтому, что Бонифаций должен был стать сторонником „восстановления“ Ангелов в Византии, на правах родственника которых он получал шансы удовлетворить свои „наследственно-территориальные“ притязания на Балканах, и, может быть, даже пробраться к власти в Византии. Бонифаций тем более настойчиво должен был стремиться к захватам в Византии, что его постигли крупные неудачи в борьбе с городскими коммунарами в собственных владениях.⁷

Все эти обстоятельства, вместе взятые, создавали чрезвычайно благоприятные условия для вовлечения Бонифация Монферратского в интриги, связанные с „восстановлением“ на константинопольском престоле Исаака II Ангела: как известно, именно „узурпация“ Алексея III по-

о разделе империи, заключенном между вождями четвертого крестового похода в 1204 г. Ср. P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale*, Paris, 1945, p. 180.

¹ Guntheri Parisiensis *Historia Constantinopolitana*, J.-P. Migne, *Patrol.*, t. CCXII, col. 245.

² G. Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, chap. LVIII, ed. cit., p. 131; Nicetae Choniatae *Historia*, p. 792.

³ Nicetae Choniatae *Historia*, lib. V, VII, p. 222, 261.

⁴ Известие о том, что Фессалоника была дана в приданое Марии Комнен, дочери Мануила, мы находим в двух источниках: об этом, во-первых, пишет французский хронист Robert de Tournai. Ук. соч., стр. 87: *Manuel imperator Constantinopolitanus dedit Rainerio, filio Willermi principis Montis Ferrati, filiam suam... et dedit ei honorem Thesolonicensium...*; во-вторых, аналогичное сообщение содержится в хронике хорошо осведомленного итальянского историка Sicardi episcopi Cremonensis *Chronicon* (MGH SS, t. XXXI, p. 173), где указывается, что Райнерий *promissam imperialem filiam cum Salonichensi corona suscepit*. Ф. И. Успенский (*История Византийской империи*, т. III, М.—Л., 1948, стр. 251) говорит вообще о „богатых поместьях“, полученных принцем Монферратским „вместе с рукою царской дочери“. Факт пожалований Мануилом земель представителям рода маркизов Монферратских засвидетельствован и в других памятниках: Никита Хониат (Ук. соч., стр. 261), правда, несколько глухо, упоминает о пожалованиях Вильгельму III Монферратскому каких-то земель. Ср. F. Dölger. Ук. соч., стр. 86. Далее, в 1204 г. Бонифаций отказался в пользу Венеции *de toto feudo quod Manuel quondam defunctus imperator dedit patri meo* (G. L. Tafel und G. M. Thomas. Ук. соч., т. I, стр. 513). Небезинтересно отметить, что уже в начале 80-х годов XII в. Бонифаций Монферратский, возможно, находился в Константинополе, где поддерживал „права“ Райнерия на Фессалонику. См. об этом D. Brader. Ук. соч., экскурс II, стр. 182—184.

⁵ Nicetae Choniatae. *Historia*, p. 497—498; F. Dölger. Ук. соч., № 1531, стр. 92. Подробно у T. Ilgen. Ук. соч., стр. 70 и сл.

⁶ D. Brader. Ук. соч., стр. 170, прим. 40а.

⁷ Там же.

служила в 1203—1204 гг. формальным поводом для „поворота“ крестоносцев на Константинополь *ad iustitiam iudicandam*.¹ И маркиз Монферратский впоследствии оправдал возлагавшиеся на него надежды.²

* * *

Таким образом, можно сказать, что тайные замыслы феодалов и феодальных государств Запада, направленные против Византии, получили новую благоприятную возможность для своей реализации благодаря вмешательству в события подготовительного этапа четвертого крестового похода Филиппа II Августа. В подготовке грабительского похода, направленного против Византии, приняли участие не только Венеция, штауфенская Германия и папство: Франция — в лице Филиппа II Августа — также оказала „посильное“ содействие его осуществлению.

Описанные события представляют интерес для изучения истории международных отношений и дипломатии в конце XII—начале XIII в. и их роли в организации похода западноевропейских феодалов против Византии. Анализ этих событий расширяет наши представления о тех силах феодального Запада, которые объединились для разбойничьего нападения на Константинополь, показывает, что четвертый крестовый поход с самого начала был задуман как агрессивное предприятие различных феодальных группировок многих стран Западной Европы против Византии.

¹ Выражение Иннокентия III (*Epist. Innoc. III, lib. I, № 353*).

² Небезинтересно сообщение Робера де Клари (*Ук. соч., гл. XXXIII, стр. 26*) о том, что Бонифаций Монферратский питал враждебные чувства к Византии потому, что желал будто бы отомстить за вероломное поведение Исаака II Ангела по отношению к Конраду Монферратскому (после подавления мятежа Алексея Враны). Хронист отмечает, что маркиз Бонифаций особенно рьяно стремился к походу на Константинополь, что он больше, чем кто-либо другой из вождей похода, хотел перемены его направления (*li marquis de Montferrat y metoit plus peine que nul qui y fust, d'aler en Constantinople*). Несомненно, что Робер де Клари верно подметил активность предводителя крестоносцев при осуществлении похода на Константинополь, но он не мог объяснить ее подлинную подоплеку. Нужно учитывать, что Робер де Клари, как участник похода, был представителем рядового рыцарства, а среди массы крестоносцев были распространены темные слухи о старых расприх Конрада Монферратского с византийским императором, слухи, которые принимались в качестве объяснения поведения Бонифация и которые передает хронист. Важно, однако, что в рассказе последнего, хотя и в фантастической форме, получили отражение реальные, чисто захватнические намерения Бонифация Монферратского по отношению к Византии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

1. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

А. Я. ГУРЕВИЧ и М. А. ЗАБОРОВ

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖУРНАЛА „BYZANTION“ за 1944—1950 гг.

Журнал „Byzantion“ является в настоящее время главным органом византиноведения в капиталистическом мире; в вышедших в последние годы четырех очередных томах его ярко проявился глубокий упадок этой отрасли буржуазной исторической науки.

Необходимо прежде всего констатировать чрезвычайную пестроту и мелочность тематики публикуемых здесь материалов. В большом количестве заметок, посвященных тем или иным терминам и выражениям источников, „святым“ и епископам, печатям и археологическим деталям, разбору отдельных известий о битвах, посольствах и т. д., совершенно невозможно уловить какую-нибудь общую идею, общий интерес к существенным вопросам истории Византии, словом — стремление к изучению закономерностей исторического процесса. Отсутствие такой единой направленности исследовательской мысли, крайнее распыление научных интересов историков, раздувание эпизодических, незначительных фактов византийской истории — явление далеко не случайное в современном буржуазном византиноведении. В. И. Ленин в свое время вскрыл идейную основу „интереса“ к мелочам и случайностям истории, ставшего господствующим в буржуазной науке в эпоху империализма. Этот „интерес“ является лишь выражением стремления буржуазных историков — идеологов идущей к гибели буржуазии — изгнать из истории закономерность, представить историю в виде бессвязного нагромождения случайностей — „загородить лес — деревьями“.¹ „... Отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития“, — таков, по мысли В. И. Ленина, классовый смысл этой „мертвой и мертвящей схоластики“.²

Авторы статей, помещенных в журнале, замаскированно или открыто отказываются от признания исторической закономерности и рассматривают исторический процесс как нагромождение случайностей. Хорошо известно, что „ученые лакеи“ буржуазии не хотят понимать роль классовой борьбы и значение социально-экономических проблем, — и все же собранные в журнале статьи поражают своим пренебрежением к истории

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 179.

² Там же.

народных масс, истинных творцов истории. Эти статьи свидетельствуют, с другой стороны, о том, какую роль придают идеологи буржуазии войне и религии — средствам массового уничтожения и массового обмана, — ибо в „Byzantion“¹е провозглашается, что именно война и религия являются творческими силами, формирующими общество. Буржуазные византинисты идеализируют византийское государство, преувеличивают значение византийской культуры и старательно подчеркивают то мнимо благодетельное влияние, которое „византийская цивилизация“ якобы всегда оказывала на соседние народы и и прежде всего — на славян.

Все это — признаки того, что современная буржуазная византинистика открыто вступила на путь фальсификации истории. Проанализировав в настоящем обзоре несколько важнейших статей из четырех томов этого журнала, мы постараемся вскрыть цели и приемы этой фальсификации.

Во всех четырех томах только одна статья ставит — во всяком случае, если поверить заглавию — существенную проблему истории Византии. Это статья П. Хараниса „К вопросу о социальном строе Поздней Римской империи“.¹

Подразумевая под „Поздней Римской империей“ Византию с III по XI в., Харанис пытается доказать, что строй Восточной Римской империи, созданный, по его словам, реформами Диоклетиана и Константина, оставался по существу неизменным вплоть до битвы при Манцикерте. Поэтому период, насыщенный крупнейшими социально-экономическими сдвигами и революционными событиями, изображается им как лишенный всякого развития. В полном единодушии с другими современными буржуазными историками² Харанис утверждает, что между историей Рима и Византии не было никакого перерыва. Обходя полным молчанием события V в., он умудряется не заметить и того огромного по своему значению и последствиям социально-экономического и этнического переворота, который произошел в Византии в VI—VII вв. и способствовал установлению феодального способа производства. Представляя историю Византии как непосредственное продолжение истории Рима, реакционные византинисты стремятся протащить идею о том, что римские традиции, под которыми они подразумевают „прочный государственный правопорядок“, „христианскую ортодоксию“ и т. п., были сохранены в средневековой Византийской империи и отсюда перешли в наследство „западной цивилизации“.³

Харанис так характеризует основные явления истории „Поздней Римской империи“: „Война и религия были двумя главными факторами, которые формировали общество империи и определили ее внешнее положение“ (стр. 57). Нетрудно видеть, что, выдвигая религию наряду с войной как один из важнейших факторов исторического развития, Харанис солидаризируется с другими современными буржуазными историками Поздней Римской империи, придающими церкви значение главной движущей силы в истории.⁴ Что же касается войны, то она в схеме Хараниса занимает первенствующее положение.

¹ P. Charanis. On the Social Structure of the Later Roman Empire, „Byzantion“, v. XVII, 1944—1945.

² Например, E. Darko. Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'empire romain aux premiers siècles du moyen âge, „Byzantion“, t. XVIII, 1946—1948.

³ См. Byzantium. An introduction to East Roman civilization, ed. by N. H. Baynes and H. St. L. B. Moss, Oxford, 1949. Introduction.

⁴ W. Seston. Diocletian et la tétrarchie, Paris, 1946; L. B. Holsapple. Constantine the Great, New York, 1942.

Уже начиная обзор истории „Поздней Римской империи“, Харанис указывает на следующие три момента, сыгравшие, по его словам, „преобладающую роль“ в закреплении сословий в период установления домината: грозившая империи внешняя опасность, сокращение населения и все возрастающая потребность государства в деньгах. Главенствующую роль он отводит внешнеполитическому положению империи. Социально-экономическое развитие Византии интересует его в несравненно меньшей степени. Проблемы кризиса рабовладельческого хозяйства в Поздней Римской империи для Хараниса не существует. Если в Византии и происходили какие-либо перемены внутреннего порядка, то, по мнению Хараниса, они были плодом деятельности государства. Так, коренные изменения в социальном строе Византии, которые произошли в VI—VII вв. в результате кризиса рабовладельческого строя, революционных движений угнетенных масс и вторжения на ее территорию славян и других племен, переживавших процесс разложения первобытно-общинного строя, выдаются им за результат реформ, произведенных якобы императорской властью с целью отразить натиск этих „варваров“. „Перед лицом этой внешней опасности, — пишет Харанис, — были предприняты важные меры, которые существенно изменили общественную структуру империи, вдохнули новую жизнь в ее общество“ (стр. 41—42). Эти меры выражались в том, что государство якобы произвело „трансформацию“ социального строя Византии и создало широкие кадры свободных крестьян. Состояние „социальной неподвижности“, введенное Диоклетианом и Константином, было заменено новым строем, опиравшимся на свободную общину.

„Мудрость Ираклия и его преемников, — пишет Харанис, — заключается в том, что вместо того, чтобы испомещать этих людей („варваров“ — А. Г. и М. З.) на государственных или частновладельческих землях в качестве колонов, они селили их как свободных людей свободными общинами, и тем самым в свободную сельскую общину были вдохнуты новые жизненные силы“ (стр. 48). Одновременно в византийском городе произошла смена закрепощенных коллегий свободными деками. Благодаря этому, считает автор, империя окрепла и смогла перейти в наступление на Востоке.

Таким образом, государство выступает у Хараниса в роли надклассовой силы, производящей коренные изменения в обществе.

В объяснении перемен, происшедших в социальном строе империи, Харанис расходится со многими буржуазными византинистами (например, Г. Острогорским), придерживающимися „фискальной теории“, в соответствии с которой возрождение свободной общины якобы произошло в результате фискальных реформ VII в., отменивших податную систему Диоклетиана. Однако Харанис не согласен с этими историками не потому, что они крайне преувеличивают значение финансовой политики империи, ибо, как мы видели, он сам изображает императоров демиургами истории. Он попросту считает, что причина возрождения общины заключалась не в фискальных, а в военных преобразованиях, произведенных при Ираклии и его преемниках. Это утверждение находится в полном соответствии с общей точкой зрения Хараниса, согласно которой „война делает историю“.

Наиболее выдающимся памятником, отражающим результаты военной реформы, Харанис считает „Земледельческий закон“. Не пытаясь решить вопрос о времени составления этого памятника, он категорически возражает против предположения о наличии в византийской общине VIII в. каких-либо пережитков коллективного землевладения

(стр. 44). Столь же решительно он отвергает влияние славянских переселений в Малую Азию на возрождение свободной общины в Византии, однако, не приводит никаких доказательств из источников.

Харанис не может не признать происходившего в течение последующих столетий упадка свободного крестьянства и его закрепощения крупными землевладельцами. Но и здесь его интересует не эта проблема, а роль государства, которое, по его мнению, выступало на стороне угнетенных народных масс. „Великие“ императоры X в., сознавая угрозу для государства, создавшуюся в результате этого процесса, попытались остановить его, ослабить гнет землевладельческой аристократии; на этой почве разыгралась социальная борьба, которая послужила главной причиной военных неудач империи в XI в. Игнорируя классовую борьбу крестьян против их угнетателей, которая вынуждала македонских императоров умерять аппетиты феодальной знати в конечном счете в интересах самих феодалов, Харанис изображает сопротивление аристократов мероприятиям государства как факт, лежащий „в основе всего развития внутренней политики империи в X в. и определивший ее судьбу“ (стр. 52). Результатом борьбы между императорами и чиновничеством, с одной стороны, и военно-землевладельческой аристократией — с другой, явилось, по его мнению, поражение в битве при Манцикерте (1071 г.), — событие, которое завершает в схеме Хараниса историю „Поздней Римской империи“.

Не представляя собой оригинального исследования, работа Хараниса соединяет точки зрения различных реакционных византинистов, либо „подправляет“ их на еще более реакционный лад. Игнорирование объективных законов исторического развития, роли революционных движений народных масс; извращение вопроса о происхождении и подлинном характере сельской общины, изображаемой как порождение политики государства, и связанное с этим отрицание наличия в византийской деревне элементов общинного землевладения; антиславянская тенденция, нежелание признать значение славянских вторжений в Византию для ее развития в VII и следующих веках; выдвигание на первый план войны и религии как главных факторов исторического развития; наконец, упорное подчеркивание роли государства, якобы преобразующего общество и создающего новые классы, — таковы характерные черты не только работы Хараниса, но и других сочинений современных „столпов“ буржуазного византиноведения.

Значительное место занимают в „Byzantion“е вопросы истории славян и их взаимоотношений с Византией. Однако статьи и исследования, посвященные этим проблемам, носят по своей политической направленности ярко выраженный антиславянский характер. Подлинная история славян и их связей с Византией не интересует авторов „славянских исследований“ в „Byzantion“е. Их действительный интерес сосредоточен на фальсификации истории славян, цель которой — принизить прошлое славянских народов, в частности, умалить их значение для истории Византии.

Своего рода программой антинаучной деятельности зарубежных византинистов в этой области является речь А. А. Васильева, занимающего „почетное“ место среди современных фальсификаторов истории Византии, речь, произнесенная им при открытии в Нью-Йорке в апреле 1946 г. „Первого конгресса, посвященного изучению истории Византии, славян и Востока“.

А. А. Васильев посвятил свое вступительное слово задачам изучения истории славянства, которые он сформулировал чрезвычайно четко:

он прямо призывает буржуазных историков бороться против советского славяноведения и византиноведения и рассматривать проблемы византийско-славянских отношений в совершенно ином направлении, чем это делается в советской исторической науке. Указывая, что история славян и их связей с Византией всегда являлась материалом, который использовался „в интересах того или иного социального и культурного движения“, Васильев „забывает“ при этом пояснить, что современная буржуазная историография извращает историю славян в интересах международного и прежде всего американского империализма, ведущего подрывную деятельность в странах народной демократии, хозяйничающего на Ближнем и Среднем Востоке и грубо попирающего суверенитет малых стран.

Васильев предпочитает говорить о... славянофильстве (!). Славянофильство с середины XIX в. явилось, по мнению Васильева, той питательной средой, в которой произошло русское византиноведение (курьезно, что к числу славянофилов он относит и Т. Н. Грановского, обнаруживая полное забвение истории русской культуры). Клевета на советское византиноведение, Васильев утверждает, что советские ученые якобы преувеличивают роль славян в истории Византии, и призывает буржуазных историков исследовать славянскую проблему в духе, чуждом подобных „крайностей“.¹

Не останавливаясь на статье Э. Хонигмана „Исследования по славянской церковной истории“,² в которой он пытается протащить излюбленную и истрепанную идейку западной буржуазной историографии об отсутствии исторической инициативы у славянских народов (эта статья уже подвергалась критическому разбору на страницах „Византийского Временника“),³ обратимся к рассмотрению работы П. Хараниса „Славянский элемент в византийской Малой Азии в тринадцатом столетии“.⁴ Харанис поставил перед собой двойную задачу: во-первых, показать незначительность славянских поселений на территории Византийской империи и, во-вторых, „подорвать“ ту научно доказанную точку зрения, согласно которой свободная община получила широкое распространение в Византии после славянских вторжений. Признавая, что Византия всегда была государством, чрезвычайно неоднородным по своему этническому составу, и что в исторических источниках неоднократно отмечается существование славян в Малой Азии, начиная с VII в., Харанис спешит опорочить эти указания источников. Поэтому он ставит под сомнение сообщения Феофана и других историков о численности славянских переселенцев. Образчиком „критики“ источников, к которой в этих целях прибегает Харанис, может служить его анализ рассказа патриарха Никифора о переселении в Малую Азию в VIII в. „племен славян“, численность которых хронист определяет в 208 тыс. человек. Отвергнув предположение Б. А. Панченко о том, что указанная цифра отражала лишь число воинов и, следовательно, общая численность переселенцев была значительно выше, Харанис отбрасывает затем и самые данные Никифора. По мнению Хараниса, морская переправа двухсот с лишним тысяч человек была невозможна.

¹ Подобные антиславянские тенденции проявляются и в других работах А. А. Васильева. См., в частности, его „The Russian attack on Constantinople in 860“, Cambridge—Mass., 1946, особенно стр. 64—70.

² E. Honigmann. Studies in Slavic church history, „Byzantion“, t. XVII, 1944—1945.

³ Ф. М. Россейкин. Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в., „Византийский Временник“, т. III, 1950.

⁴ P. Charanis. The Slavic element in Byzantine Asia Minor in the thirteenth century, „Byzantion“, t. XVIII, 1946—1948.

Однако, если припомнить переход вандалов в Северную Африку, или завоевание англами, саксами и другими племенами германцев Британии в V—VI вв., или массовые переселения скандинавов в Англию в IX в., а также ряд других перемещений крупных масс населения через морские преграды в раннее средневековье, то станет ясной несостоятельность аргументации Хараниса.

Тем не менее, последний совершенно произвольно сводит численность упомянутых Никифором славян, переселившихся в Малую Азию, к нескольким десяткам тысяч человек, хотя хронист ясно говорит о целых племенах. Харанис утверждает далее, что и эти переселенцы якобы вскоре утратили свою самобытность и подверглись нивелирующему воздействию Византийского государства. Правда, вспомнив о роли славянского населения Малой Азии в восстании Фомы Славянина, он вынужден все же признать, что „есть некоторые данные, которые указывают на то, что процесс византинизации (byzantinization) был медленным, и в течение многих лет славяне Малой Азии сохраняли, по крайней мере частично, свой славянский характер“ (стр. 79). В XI—XIII вв., продолжает Харанис, о славянах в Малой Азии источники почти ничего не сообщают. Подобное молчание он считает возможным объяснить тем, что славяне якобы были поглощены „византийцами“. Следовательно, заключает он, славяне не могли внести ничего нового в общественное развитие империи.

Между тем, совершенно ясно, что Византийская империя, подобно другим империям древности и средневековья, представляла „конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“.¹ Современные буржуазные византологи предпочитают, однако, подчеркивать мнимую космополитическую сущность Византии, под влиянием которой входившие в империю народы, по их словам, теряли свою самобытность.

Харанис высказывается против мнения В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других русских историков относительно крупной роли, которую сыграли славяне в истории Византии. Он утверждает, что славянские переселения не оказали никакого влияния на судьбы византийской сельской общины. Указывая, что община существовала на территории Восточной Римской империи задолго до появления здесь славян, Харанис игнорирует тот твердо установленный советской наукой факт, что именно заселение значительной части Византии народами, находившимися на последней стадии разложения первобытно-общинного строя, оживило разрушавшуюся и исчезающую византийскую общину и сделало возможным переход от рабовладельческого способа производства к феодальному. Подобно тому, как германцы „омолодили“ Западную Европу своим родовым строем,² так и вторжение славян содействовало гибели рабовладельческого хозяйства в Восточной Римской империи.³

Тщетные усилия Хараниса умалить роль славян в истории Византии, не останавливаясь при этом перед прямым искажением показаний одних источников и игнорированием других, ясно обнаруживают ту же политическую тенденцию, которая столь резко проявляется в статье Хонигмана и речи Васильева.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 161—163.

³ См. Византийский Временник, т. III, 1950, стр. 12—13.

Со статьей Хараниса непосредственно перекликается статья А. Бона „Славянская проблема в Пелопоннесе в свете археологии“.¹ А. Бон стремится всячески запутать проблему славянской колонизации Балканского полуострова вообще и Пелопоннеса — в частности. Он объявляет эту проблему одной из наиболее темных в истории и утверждает, что письменные источники, содержащие якобы очень редкие и неясные известия о славянах, не дают возможности ни установить времени проникновения славян в Пелопоннес, ни определить их роль и влияние (стр. 13). Игнорируя исследования советских историков — М. В. Левченко, А. В. Мишулина, Е. Э. Липшиц,² подробно проследивших историю славянских вторжений на Балканы в VI—VII вв. и убедительно доказавших огромное историческое значение славянских вторжений в Византию, сочетавшихся с народными движениями внутри империи и в период кризиса рабовладельческого строя способствовавших гибели рабовладельческой формации, А. Бон пытается создать впечатление, что все попытки разрешить эти вопросы, предпринимаемые „вот уже сто двадцать лет“ (стр. 13), ведут якобы только к бесплодному столкновению „диаметрально противоположных мнений“ (стр. 15). Вынужденный признать значение данных топонимики, свидетельствующих о широком расселении славян в Пелопоннесе, А. Бон, однако, тут же пытается преуменьшить доказательную силу этих данных ссылкой на то, что они якобы не позволяют судить о продолжительности существования славянских поселений (стр. 16); нигилистически подходя к поставленной им проблеме, А. Бон с необыкновенной легкостью разделяется и с вещественными доказательствами распространения славян в Южной Греции, заявляя, что до сего времени будто бы „не существует бесспорных позитивных доказательств присутствия славян в Пелопоннесе“ (стр. 16), хотя ему хорошо известны, например, раскопки могильников в Коринфе (сер. VII в.), подтверждающие факт славянских вторжений в Южную Грецию.³ Нет надобности подробно останавливаться на всей этой лженаучной эквилибристике. Важно, однако, отметить одну чрезвычайно характерную для состояния славянской проблемы в современном буржуазном византиноведении черту исследования А. Бона. Археологические данные и в особенности нумизматический материал заставляют его все же признать существование „длительного периода глубоких потрясений в стране“ (стр. 18), явившегося результатом прихода и утверждения „иноземного населения“ (*populations étrangères*), т. е. славян (стр. 19). Однако, верный себе, А. Бон извращает действительную картину распространения славян на Балканах, изображая славян в качестве „мирно инфильтрирующихся“ в империю, „не воинственных“, „постепенно проникающих элементов“ (стр. 14) — эта „инфильтрация“, по А. Бону, не была ознаменована какими-либо битвами славян с византийскими армиями (стр. 14), — она произошла *sans choc violent, sans action militaire* (стр. 19). Совершенно очевидно, что все это — досужие вымыслы, полностью противоречащие показаниям источников, которые рисуют историю славянских вторжений

¹ A. Bon. Le problème slave dans le Peloponnèse à la lumière de l'archéologie. „Byzantion“, t. XX, 1950.

² М. В. Левченко. Византия и славяне в VI—VII веках. „ВДИ“, 1938, № 4; А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи, „ВДИ“, 1939, № 1; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945.

³ См. G. K. Davidson. Archeological evidence for a slavic invasion of Corinth, „American Journal of Archeology“, v. XL, 1936, p. 128—129.

как бурный процесс борьбы славян против Византийского государства, пытавшегося наложить на славянские общины тяжелые путы византийского подданства.¹ В частности, известны многократные выступления против Византии и пелопоннесских славян — милингов и езеритов.² А. Бон возрождает старую теорию „ползучей“ и „постепенной“ славянской колонизации, признанную несостоятельной даже некоторыми буржуазными историками (например, Дж. Бьюри сравнивал славянское вторжение в Византию в VI—VII вв. с германскими вторжениями на территорию Западной Римской империи в IV—V вв.).³ Эта „теория“ полностью опровергнута в трудах советских ученых, которые доказали, что вторжения славян в империю в сочетании с восстаниями рабов и колонов означали революционную ломку рабовладельческих устоев Восточной Римской империи, обеспечившую переход к феодальному способу производства.

К разобранным уже статьям по славянской тематике примыкает работа Г. Вернадского „Начало Чешского государства“,⁴ в которой рассматривается вопрос о возникновении первого государственного образования западных и южных славян — так называемого государства Само (623—658 гг.). Г. Вернадский, один из ярых приверженцев антинаучной норманистской теории, и в этой статье остается верен самому себе. Вынужденный — в силу неопровержимости аргументов, приведенных в исследовании Н. П. Грацианского „Славянское царство Само“,⁵ — признать государство Само чисто славянским, а самого Само — славянином, он тем не менее разделяет распространенное в реакционной буржуазной историографии и находящееся в вопиющем противоречии с исторической действительностью мнение о „неспособности“ славян к самостоятельному государственному творчеству и о том, что „строителями“ славянских государств в раннее средневековье якобы выступали либо турки, либо германцы (стр. 315). Г. Вернадский считает, что факт образования государства самими славянами в VII в. представляет собой исключение, лишь подтверждающее якобы общее „правило“. Характерно, в частности, что будучи вынужден признать славянское происхождение Само, Г. Вернадский тут же приписывает восстание славян против аварского ига в 623 г. инициативе... византийской дипломатии (стр. 320—321). Конечно, за отсутствием каких-либо материалов в источниках, которые подтверждали бы его тезис о вмешательстве византийской дипломатии в качестве причины восстания 623 г., Г. Вернадскому приходится ограничиваться крайне натянутыми и совершенно неубедительными сопоставлениями различных фактов хронологического порядка.

Нельзя не отметить, что выводы Г. Вернадского о славянском происхождении Само, обставленные многочисленными оговорками, вызвали неудовольствие редакции „Byzantion“⁶, снабдившей эту статью специальным примечанием А. Грегуара: последний заявил в довольно бесцеремонной форме своего рода „протест“ против признания Само славянином и настаивал — вопреки ясным показаниям источников — на франкском происхождении Само.

¹ Е. Э. Липшиц. Ук. соч., стр. 139.

² Там же, стр. 138.

³ J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, v. II, 1931, p. 293 sqq.

⁴ G. Vernadsky. The beginnings of the Czech State, „Byzantion“, t. XVII, 1944—1945.

⁵ Н. П. Грацианский. Славянское царство Само, „Исторический журнал“, 1943, № 5—6.

Это давно опровергнутое советским ученым Н. П. Грацианским положение А. Грегуар упорно отстаивает и в своей статье „Происхождение и имя хорватов и сербов“, помещенной в том же номере рецензируемого журнала¹ (стр. 103).

В основе этой работы А. Грегуара, не скрывающего ее политической направленности, также лежит тезис о прирожденной якобы „неспособности“ славян к самостоятельному созданию государства. На сей раз этот тезис развивается применительно к сербам и хорватам. А. Грегуар путем поистине фантастических, крайне произвольных сближений имен (Хроват — Куврат и т. д.) приходит к заключению, что создателями государства хорватов были турки — протоболгары (стр. 103). А. Грегуара не смущают такие общеизвестные факты, как, например, то, что тюркское племя протоболгар при Куврате жило в степях Приазовья, тогда как хорваты в то время находились в долине реки Савы, т. е. на северо-западе Балканского полуострова, что наша летопись упоминает русское племя хорватов. Какое дело А. Грегуару до фактов? — С полной безапелляционностью он утверждает, что глава хорватского восстания против аваров был тюркского происхождения (там же), пытаясь подтвердить это абсурдное положение ложной аналогией с якобы франкским происхождением Само.

Подчеркнутая тенденциозность, резко выраженная антиславянская направленность этой работы, полная антинаучность исследовательских „методов“ А. Грегуара, пренебрегающего историческими фактами в угоду своей предвзятой концепции, характеризует лицо этого представителя современной византиноведческой науки на Западе.

В рассматриваемых томах „Byzantion“ а помещен ряд статей по истории крестовых походов и крестоносных государств на Востоке. В этих статьях затрагиваются в той или иной мере и вопросы истории Византии.

Крайней модернизацией проникнута сугубо антинаучная по своему содержанию работа английского историка Стивена Ренсимена „Переход первых крестоносцев через Балканы“.² Подлинная история перехода крестоносцев через византийские владения интересует С. Ренсимена очень мало, хотя он и занимается рассмотрением путей и хронологии их продвижения к Константинополю. Как известно, эти вопросы давно уже были изучены, и ничего нового в этом отношении статья английского византиниста не дает. Ограничиваясь повторением выводов, добытых наукой десятки лет назад, С. Ренсимен в то же время всячески замалчивает те факты, которые действительно заслуживают внимания беспристрастного историка, — в частности, факты насилий и грабежей западных феодалов на Балканах. Он даже не упомянул о зверствах, совершенных в Далмации Раймундом Тулузским, этим „наиболее выдающимся“ крестоносцем, как именует С. Ренсимен южнофранцузского искателя добычи. Между тем „подвиги“ Раймунда Тулузского на Балканах ярко описывает хронист Раймунд Ажилский, который рассказывает, например, о том, как граф приказал выколоть глаза и отрубить руки и ноги захваченным в плен далматинцам³ и т. д. Обходя множество подобных фактов, свидетельствующих о том, что весь путь

¹ H. Grégoire. L'origine et le nom des Croates et des Serbes, „Byzantion“, t. XVII, 1944—1945.

² S. Runciman. The First Crusader's journey accros the Balkan Peninsula, „Byzantion“, t. XIX, 1949.

³ Raimundi de Aguilfers. Historia Francorum qui ceperunt Jherusalem, Recueil des historiens des Croisades (Hist. occid.), t. III, Paris, 1866, p. 235—236.

западных крестоносцев по Балканскому полуострову сопровождался грабежами и разбоями по отношению к местному населению, С. Ренсимен сознательно искажает действительную картину перехода западно-европейских феодалов через Балканы в 1096/97 г. Это искажение облика крестоносцев-феодалов не является результатом незнания автором источников: оно составляет своего рода „предпосылку“ для всей концепции, лежащей в основе его статьи. Дело в том, что С. Ренсимен, — как это ни странно, если иметь в виду заглавие статьи, — поставил своей задачей изучить... организацию провинциального управления в балканских областях Византии: именно с этой целью он решил привлечь известия латинских хроник первого крестового похода о взаимоотношениях крестоносцев и Византии во время перехода первых через Балканы. Правда, никакого представления о византийской администрации в балканских землях статья С. Ренсимена не дает, поскольку автор не потрудился собрать хотя бы те немногие данные, которые имеются в латинских хрониках на этот счет.

Извращая источники, выдвигая совершенно необоснованные гипотезы (например, на стр. 212), С. Ренсимен стремится доказать, что грабежи и всякого рода „эксцессы“ со стороны крестоносцев в византийских владениях на Балканах являлись редким исключением, потому что Алексей Комнин будто бы позаботился о том, чтобы оказать крестоносцам дружественный прием. С. Ренсимен утверждает, что император привел в действие весь механизм византийской провинциальной администрации, чтобы снабдить крестоносцев съестными припасами и обеспечить им безопасность в пути (стр. 209—210). Несмотря на трудности, стоявшие перед ним, — крестоносцев было до 100 тыс. человек — Алексей, утверждает С. Ренсимен, успешно справился с этой задачей. Отсюда английский историк делает вывод, составляющий едва ли не главное „зерно“ его антиисторического построения, — вывод о совершенстве государственной машины Византии: он превозносит мудрость и тактичность византийских чиновников и всячески восхваляет мнимые достоинства византийской провинциальной администрации на Балканах (стр. 220—221).

В сущности перед нами обычная в буржуазном византиноведении идеализация византийской системы государственного управления, рассматриваемой, однако, в данном случае, в особом аспекте, а именно — с точки зрения ее способности наилучшим образом обеспечить интересы западных „союзников“ Византии.

Само собой очевидно, что как оценка С. Ренсименом политики Византии в отношении крестоносцев, так и его вывод о „совершенстве“ административного аппарата империи не имеют под собой никакого научного основания. В действительности Алексей Комнин, который, по словам его дочери и историографа Анны Комнин, был напуган известием о нашествии бесчисленных франкских ополчений,¹ не собирался заботиться о благополучии крестоносцев: он стремился к тому, чтобы оградить византийские владения от разнузданности грабительских орд, явившихся с Запада, не допустить того, чтобы все они подошли к Константинополю в одно и то же время.² Кроме того, император не прочь был, по возможности, ослабить крестоносные войска, чтобы сделать их предводителей сговорчивее в дальнейшем (как известно, Алексей

¹ Анна Комнина. Alexias. ed Bonn, 1878, t. II, p. 28—29.

² Ср. Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 148.

старался использовать войска крестоносцев к выгоде Византии): именно с этой целью отряды печенегов, находившиеся на службе у Алексея, получили приказ совершать постоянные налеты на крестоносцев, направлявшихся к византийской столице, — этот приказ неуклонно выполнялся, о чем с раздражением упоминают латинские хроникеры.¹ О каком-либо дружественном расположении Алексея Комнина к западным пришельцам не может быть и речи.

Что касается „совершенства“ правительственного механизма Византии в XI в., то оно является лишь фантастическим домыслом современных буржуазных ученых. „Совершенство“ государственной системы Византии проявлялось разве только в искусстве выколачивать подати.

Фальсификация С. Ренсимином событий XI в. имеет определенную политическую направленность. Автор „препарировал“ свою тему только для того, чтобы дать своеобразный „исторический урок“ тем странам, которые ныне оказались под пятой американских агрессоров: „мудрая и дружественная“ политика Алексея Комнина, якобы использовавшего „эффективные“ методы византийской администрации для обеспечения нужд крестоносцев, должна служить примером „в настоящее время“ — таков вывод С. Ренсимиена (стр. 221). „Исследование“ С. Ренсимиена представляет собой, таким образом, квази-исторический экскурс, написанный ради оправдания реакционной политики американских империалистов в Западной Европе и не имеющий никакого отношения ни к истории крестовых походов, ни к истории Византии.

С идеями работы С. Ренсимиена близко соприкасается по своей направленности статья П. Хараниса „Византия, Запад и возникновение первого крестового похода“, опубликованная в XIX томе „Byzantion“ а.² Она посвящена вопросу о роли византийской политики в возникновении первого крестового похода. В основе статьи лежат два положения: 1) после разгрома греков при Манцикерте (1071 г.) и вплоть до 1095 г. дипломатия Византии преследовала цель заручиться союзом западных сил для того, чтобы с их помощью изгнать турок-сельджуков из Малой Азии; 2) Запад в конце XI в. в лице папства охотно протянул империи руку помощи и выступил в роли спасителя Византии от турецкой угрозы. Вывод: византийская дипломатия на Западе и дружественная в отношении Византии политика папства явились непосредственными „возбудителями“ первого крестового похода.

Политический смысл концепции П. Хараниса совершенно ясен: он стремится показать, с одной стороны, историческое бессилие и беспомощность Византии, вынужденной обращаться на Запад за поддержкой против „восточных варваров“, и, с другой стороны — представить папство и „Запад“ в целом в качестве спасителя Византии от восточной опасности. Такова нехитрая подоплека статьи П. Хараниса, греческого историка, склонившегося перед долларом заокеанского „спасителя“ Греции и его верным слугой — Ватиканом. В конечном итоге политическая направленность его работы состоит в реабилитации разбойничьих подвигов западных феодалов во время первого крестового похода, совершенных по призыву папства, в изображении этих „подвигов“ в виде помощи Византии. Как видим, „помощь с Запада“ — излюбленная „идея“ современной маршализированной буржуазной историографии — высту-

¹ См. например, *Gesta Francorum*, lib. I, cap. VI, *Recueil des historiens des Croisades* (Hist. occid.), t. III, Paris, 1866, p. 123; *ibid.*, cap. X, p. 124.

² P. Charanis. *Byzantium, the West and the origin of the First Crusade*, „Byzantion“, t. XIX, 1949.

пает в работе П. Хараниса важнейшим фактором событий международной жизни конца XI в.

Порочные политические тенденции статьи П. Хараниса явственно обнаруживаются и при конкретном анализе событий, ближайшим образом предшествовавших первому крестовому походу. Так, П. Харанис старается доказать, что в 1095 г. Алексей Комнин, стремясь добиться выступления Запада против турок-сельджуков, направил своих послов на Пяченецкий собор. Обращение византийского императора, как он утверждает, встретило вполне благожелательный отклик у папы, и в Пяченце в ответ на просьбу послов Алексея Комнина Урбан II провозгласил крестовый поход (стр. 27), повторив затем в своей речи на Клермонском соборе призыв к оказанию помощи грекам (стр. 35).

Необходимо отметить, что вопрос, поднятый П. Харанисом, является далеко не новым. Фактическая сторона истории византийской политики на Западе накануне первого крестового похода давно уже выяснена. Русские византинисты В. Г. Васильевский¹ и Ф. И. Успенский,² на Западе — П. Риан³ и Ф. Шаландон⁴ (позднее Г. Острогорский⁵) показали, что Алексей Комнин действительно обращался на Запад. Но это происходило в промежуток времени между 1088 — началом 1091 гг., в критический для Византии момент, когда империя, по выражению В. Г. Васильевского, „тонула в турецком нападении“.⁶

Однако к лету 1091 г. Алексей Комнин с помощью половцев сумел избавиться от печенежско-турецкой опасности: нужда в помощи из Европы отпала. Поэтому появление в 1097 г. под стенами Константинополя крестоносцев, преисполненных откровенно грабительских намерений, не только не стояло в прямой связи с его просьбами о помощи, но было чревато для Византии серьезными опасностями и осложнениями. Именно это обстоятельство определило политику Алексея Комнина по отношению к крестоносцам.

Таким образом, уже давно было доказано, что просьба Алексея Комнина не являлась непосредственной причиной первого крестового похода: если призыв Алексея к Западу о помощи и имел место, то за пять-семь лет до начала крестового похода. Следовательно, этот призыв может рассматриваться в крайнем случае лишь в качестве весьма отдаленной и косвенной причины начала организации разбойничьего предпринятия западных феодалов.⁷

Тем более невозможно усматривать ближайшую причину первого крестового похода в стремлении Урбана II „спасти“ Византию. Римского

¹ В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, Труды, т. I, СПб., 1908, стр. 83—96 и Приложение IV, стр. 149—169.

² Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 139 и сл.

³ P. Riant. Inventaire critique des lettres historiques des croisades, I-ère partie, Archive de l'Orient latin, t. I, Paris, 1881, p. 101—105.

⁴ F. Chalandon. Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène (1081—1118), Paris, 1900, p. 129 ss, 155 ss; его же. Histoire de la première croisade, Paris, 1925, p. 17—18.

⁵ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, München, 1940, S. 225.

⁶ В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 77.

⁷ Отметим попутно, что, выдвигая версию об обращении Алексея Комнина к папе в 1095 г., П. Харанис только повторяет положение Л. Брейе, высказанное около 50 лет назад. L. Bréhier. L'Eglise et l'Orient au moyen âge. Les Croisades, Paris, 1907, p. 61—62. Впрочем, этот идейный предшественник П. Хараниса в те времена еще отдавал себе отчет в том, что, даже обращаясь на Запад за поддержкой, Алексей Комнин „был далек от того, чтобы поднимать большие армии“, и главное, что папа, призывая к крестовому походу, вовсе „не отвечал желаниям“ византийского императора; он преследовал собственные цели (которые, разумеется, Л. Брейе изображал как цели чисто религиозные).

первосвященника на самом деле интересовал другой вопрос. Урбан II жадно стремился к присвоению богатств восточной церкви. Он бросил призыв к крестовому походу отнюдь не ради спасения Византии, а для того, чтобы включить Ближний Восток в орбиту политического влияния Римской курии.

П. Харанис вновь возвращается к давно решенному в науке вопросу о времени обращения Алексея Комнина на Запад и фальсифицирует истинные мотивы крестоносной политики Урбана II лишь для того, чтобы реабилитировать византийскую политику папства, показать, что крестовый поход был вызван якобы дипломатическими сношениями Алексея Комнина с Римом, что призыв Урбана II в 1095 г. к крестовому походу был прямым откликом Запада на обращение Алексея Комнина, продиктованным желанием папы „спасти“ Византию.

В полном соответствии с глубоко порочной „концепцией“ П. Хараниса стоят и приемы „исследования“ им источников, которые подвергаются крайне искусственному, натянутому, противоречащему основным правилам критики исторических памятников и потому совершенно необудительному истолкованию.

В ином плане, но также чрезвычайно характерны для современной буржуазной медиевистики статьи Дж. Л. Ламонта „Сеньоры Сидона в двенадцатом и тринадцатом веках“¹ и М. Е. Никерсон „Сеньория Бейрута в двенадцатом веке и бейрутско-бланшгардский дом Брайсбаров“.² Обе статьи посвящены „разысканиям“ в области генеалогии и матримониальных отношений двух западноевропейских феодальных династий — Гренье и Брайсбаров, утвердившихся в захваченных крестоносцами в 1110 г. Сидоне и Бейруте — крупных торгово-промышленных центрах Востока.

Отдельные, не лишённые интереса наблюдения авторов по истории крестоносных государств в Сирии и Палестине тонут в массе генеалогических, матримониальных и хронологических фактов, перечисление которых составляет главное содержание статей. Невольно возникает вопрос об источниках такого, казалось бы, более чем странного, для историков середины XX в., интереса к истории феодальных династий и их отдельных представителей, интереса, который, заметим попутно, упорно проявляется в буржуазной медиевистике в последнее время (назовем хотя бы такие специальные исследования, как работы Ж. Ришара,³ М. У. Болдуина,⁴ Р. Л. Вольфа,⁵ не говоря уже о так называемых „солидных“ трудах, вроде сочинения того же Дж. Л. Ламонта об Иерусалимском королевстве⁶ или трехтомной работы Р. Груссе „История крестовых походов“,⁷ в которых вопросам династической истории также отведено непомерно большое место). Ответ на этот вопрос дают сами статьи Дж. Л. Ламонта и М. Е. Никерсон. „Увлечение“ династическими сюжетами является в работах этих и других буржуазных историков оборотной стороной их крайнего равнодушия

¹ J. L. La Monte. The Lords of Sidon in the Twelfth and Thirteenth centuries, „Byzantion“, t. XVII, 1945.

² M. E. Nickerson. The seignury of Beirut in the Twelfth century and the Brisebarre family of Beirut — Blanchegarde. „Byzantion“, t. XIX, 1949.

³ J. Richard. Le comté de Tripoli sous la dynastie Toulousaine, Paris, 1945.

⁴ M. W. Baldwin. Raimond III of Tripolis, Princeton, 1936.

⁵ R. L. Wolff. Baldwin of Flanders and Hainaut, First Latin Emperor of Constantinople, „Speculum“, 1952, № 3.

⁶ J. L. La Monte. Feudal Monarchy in the Kingdom of Jerusalem. Cambridge — Massachusetts, 1932.

⁷ R. Grousset. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. Paris, 1934—1936. Первый том переиздан в 1948 г.

к судьбам подлинных творцов истории — трудящихся масс, средневековых крестьян и ремесленников, — за счет труда которых существовали все эти Гренье, Брайсбары, Лузиньяны и прочие колонизаторы Ближнего Востока в XII—XIII вв. Кроме того, следует отметить, что и в этих статьях, трактующих как будто вопросы, которые должны представлять сугубо „академическое“ значение, имеет место извращение исторических фактов, цель которого — обелить западных крестоносцев, грабительски хозяйничавших в Сирии и Палестине, подчеркнуть „благодетельность“ их политики для туземного населения и т. д., — тенденция, чрезвычайно характерная для современных буржуазных историков латинских государств на Востоке.¹ Так, Дж. Л. Ламонт голословно отвергает свидетельства восточных историков (Михаила Сирийца и Абу-ль Фараджа) о разбойничьем поведении Жерара Сидонского (1147—1170 гг.) в Иерусалиме и в Антиохии (стр. 192). Так, М. Е. Никерсон говорит о „сердечных отношениях“, якобы установившихся при правителе Бейрута Готье I (1125—1126 гг.) между завоевателями-франками и „коренным населением“ (стр. 149), хотя это утверждение полностью опровергается свидетельством такого авторитетного источника, как „Иерусалимская история“ Фульшера Шартрского: последний сообщает о том, что арабские крестьяне отказывались платить подати (*ruricolae Sarraceni tributa... reddere nolabant*), и рассказывает, как правитель Бейрута прибегнул к силе, чтобы принудить их к повиновению.²

С особым удовлетворением оба автора повествуют о тех западных политиках, которые для укрепления своих позиций на Востоке разглагольствовали между мусульманскими правителями. М. Е. Никерсон специально указывает на то, как якобы умело „христиане использовали к собственной выгоде столкновения между мусульманами“ (стр. 182).

Идеологи империализма, ныне все более и более теряющего свои позиции в колониальных и зависимых странах, — буржуазные историки обращаются к деятельности западных колонизаторов XII—XIII вв., чтобы найти там „образцы для подражания“, следуя которым современные душители народов колоний могли бы сохранить свое господство на Ближнем Востоке. Как видим, даже „безобидные“ на первый взгляд матримониально-генеалогические разыскания современных буржуазных историков служат целям реакции.

В рецензируемых сборниках „Byzantion“³ публикуется ряд статей по истории международных отношений Византии. Подавляющее большинство из них находится на весьма низком научном уровне и ничего нового в науку не вносит.

К числу такого рода работ относится статья Р. Лопеса „Проблема англо-византийских отношений с VII по X столетие“,⁴ представляющая собой попытку доказать существование связей между англо-саксами и Византией задолго до нормандского завоевания 1066 г., после которого многие из покинувших Англию англо-саксонских феодалов появились в Византии на военной службе у императора.⁴ Факт переселения английских тэнов из северо-западной части Европы в далекий Констан-

¹ См. рецензию А. Гуревича на кн. J. Longnon. *L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée*, Paris, 1949, „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 284 и сл.

² Fulcherii Carnotensis *Historia Iherosolymitana*, lib. III, cap. XLV, *Recueil des historiens des Croisades (Hist. occid.)*, t. III, Paris, 1866, p. 473.

³ R. S. Lopez. *Le problème des relations Anglo-Byzantines du septième au dixième siècles*, „Byzantion“, t. XVIII, 1946—1948.

⁴ См. А. А. Васильев. *The opening stage of the Anglo-Saxon immigration to Byzantium in the eleventh century*, „Seminarium Kondakovianum“, IX, 1937.

тинополь дает основание Лопесу предположить, что Англия и в предшествующий период поддерживала сношения с Византией, ибо он считает невозможной иммиграцию англо-саксонских тэнов в совершенно не известную им страну. Лопес прав, когда он указывает, что удовлетворительно разрешить проблему англо-византийских отношений в период раннего средневековья возможно лишь при совместной работе специалистов по истории Англии и византологов. Историк Византии — Лопес, естественно, оказался в состоянии собрать данные по интересующему его вопросу, содержащиеся лишь в греческих источниках, оставив по существу необследованными памятники англо-саксонской истории, с которой он знаком преимущественно по литературе. Однако приводимые Лопесом сведения, по большей части давно известные в науке, не содержат ни одного бесспорного доказательства наличия каких-либо прямых отношений между Византией и Англией ранее XI в. И это вынужден признать сам автор рецензируемой статьи.

Сведения об англо-византийских отношениях, которые приводит Лопес, сводятся в основном к следующему. Прокопий Кесарийский, упоминая Британию, или, как он ее называет, „Бриттию“, отмечал, что король франков Теодоберт отправил вместе с посольством к Юстиниану нескольких жителей Англии: он хотел этим доказать, что его власть распространялась на их родину.¹ Далее, археологами обнаружены в Англии византийские драгоценности, попавшие в нее в VII в. В „Житии св. Иоанна“, патриарха Александрии, умершего в 616 г., содержится рассказ о посылке судна с зерном в Британию, где это зерно было частично обменено на цинк, якобы превратившийся по воле святого в серебро. Лопес высказывает предположение, что в этой легенде отразились действительно имевшие место торговые связи Византии с Англией, ставшие возможными после завоеваний Юстиниана в Западной Европе. Наличие в одном из англо-саксонских королевств, Мерсии, в VIII в. арабских монет в свою очередь указывает, по мнению Лопеса, на существование торговли англо-саксов с халифатом, а, следовательно, также и с Византией. От периода VIII—IX вв. никаких указаний на сношения между Англией и Византией он не обнаруживает. В X в., по его мнению, можно отыскать следы воздействия византийского права на англо-саксонское законодательство. Особо останавливается автор на том факте, что англо-саксонские короли иногда именовали себя титулом „басилевс“.

Нетрудно видеть, что все эти данные не могут служить доказательством существования прямых сношений между Англией и Византией. Некоторые элементы византийской культуры, как и влияние византийского права, действительно обнаруживаемые у англо-саксов, были принесены в Англию духовенством из Италии. Точно так же византийские драгоценности и монеты могли попасть в Англию окольными путями. Легенды, которые рассказывает Прокопий о Британии, свидетельствуют о чрезвычайно слабом знакомстве византийцев VI в. с англо-саксами.

Бряд ли много нового даст в этом отношении и изучение англо-саксонских источников. Однако отдельные указания в них все же можно почерпнуть. Так, например, в „Церковной истории“ Бэды (начало VIII в.) имеется сообщение о франкском епископе Аркульфе, посетившем Иерусалим, Дамаск, Константинополь, Александрию и „множество островов“ и на обратном пути на родину заброшенном бурей в западную часть Англии. Здесь он нашел приют у местного аббата по имени Адамнан,

¹ Прокопий Кесарийский. Война с готами, IV, 20.

который с его слов составил описание „святых мест“, „очень полезное для тех, кто живет далеко от стран, где были патриархи и апостолы, ничего не зная о них, помимо того, о чем можно прочесть в книгах“.¹ Аркульф мог сообщить жителям Англии много сведений и о Византии. Как явствует из слов Бэды, рассказы эти воспринимались с большим интересом, а автор их был награжден королем Нортумбрии, придававшим этим сведениям важное значение. Сообщение Бэды заслуживает внимания, так как, по рассказам Аркульфа, англо-саксы действительно имели возможность познакомиться с Византией. Однако вместе с тем, характер этого знакомства — через случайно попавшего в Англию франкского священника — и интерес, который пробудил рассказ Аркульфа, заставляет думать, что какие-либо прямые связи между обеими странами в это время отсутствовали. Лопес высказывает сомнение в том, что англо-саксонские эмигранты, покинувшие Англию в 1066 г., отправились бы в Византию, ничего о ней не зная. Но они могли получить интересовавшие их сведения от скандинавов, напавших на Англию непосредственно перед нашествием Вильгельма Нормандского и знакомых с Византией.

Таким образом, в целом проблема, поставленная Лопесом, не может считаться разрешенной.

Подобную же научную беспомощность демонстрирует исследование иезуита П. Губера о взаимоотношениях между иранским шахиншахом Хосровом II и византийским императором Мавриkiem.² В этой работе автор большей частью ограничивается повторением хорошо известных фактов из истории ирано-византийских отношений в конце VI — начале VII в. [Эти события в последнее время получили глубокое освещение в работе советского исследователя Н. В. Пигулевской „Византия и Иран на рубеже VI и VII веков“ (М. Л., 1946)]. Когда же П. Губер выходит за рамки известного материала, он либо копается в мелочах, пытаясь, например, проследить маршрут бегства Хосрова II в византийские владения, либо же пускается в совершенно не обоснованные фактами рассуждения о „переживаниях“ своих героев. Этот квази-психологический анализ сочетается у П. Губера со столь обычной для буржуазных историков идеализацией коронованных особ: по П. Губеру, Маврикий в своих отношениях с Ираном руководствовался, оказывается, не столько политическим расчетом, сколько... чувством сострадания к несчастному беглецу — Хосрову II; с другой стороны, последний в своей политике по отношению к Византии после 602 г. также исходил не столько из своих политических интересов, сколько из желания... отомстить Фоке за гибель своего „благодетеля“ Маврикия.

Для исследования П. Губера вообще чрезвычайно характерно крайнее преувеличение роли „царственных особ“ в истории: именно им принадлежит, по П. Губеру, ведущая роль в исторической жизни. Говоря о перевороте 602 г., П. Губер вовсе не пытается выяснить причины внутреннего ослабления Византийской империи, облегчившего последующие успехи Хосрова II; его не интересует положение народных масс и вообще процесс социально-экономического развития Византии. На первом плане у П. Губера — судьбы правителей.

С крайним преувеличением роли личности в истории в работе П. Губера связана и другая черта его „методологии“, примечательная

¹ Beda. *Historia ecclesiastica*, V, 15; См. *Opera historica*, ed. J. E. King, vol. II, p. 282.

² P. Goubert. *Les rapports de Khosrau II roi des rois Sassanide avec l'empereur Maurice*, „Byzantion“, t. XIX, 1949.

для современной буржуазной историографии, — отрицание закономерностей исторического развития. „Судьба империй зависит от невесомых случайностей“, — пишет П. Губер (стр. 97). В этих словах антинаучные принципы порочных построений историка-иезуита, стремящегося исказить исторический процесс, сформулированы с откровенным цинизмом.

Не имея возможности подвергнуть подробному рассмотрению остальное содержание четырех томов журнала, считаем необходимым в заключение отметить некоторые характерные особенности не затронутых нами в настоящем обзоре материалов, помещенных в этих томах. Это прежде всего подчеркнутый интерес к религиозно-церковной тематике; современные буржуазные ученые, игнорируя историю народных масс, проявляют, напротив, пристальное внимание к жизни и деятельности самых второстепенных представителей византийской церкви, занимаясь составлением списков и классификацией христианских „мучеников“ и „святых“ (С. Салавиль) и т. д.

Нам уже приходилось указывать на мелочность и незначительность тематики подавляющего большинства статей, помещенных в „Byzantion“. Прогрессирующая деградация современного буржуазного византиноведения особенно резко проявилась в последних — XIX и в XX — томах журнала, материалы которых поражают своей калейдоскопичностью и незначительностью поставленных в них вопросов. В этих томах можно найти и „научные“ размышления об историческом значении перенесения останков св. Лазаря с острова Кипра в Византию и о культе св. Григория в Боснии и скрупулезный анализ таких „существенных“ вопросов, как история покупки ворот константинопольской св. Софии и т. д., — вплоть до отдающих глубоким маразмом изысканий об александрийской коллегии вылавливателей прокаженных. Зато здесь совершенно отсутствуют исследования по сколько-нибудь действительно важным вопросам византийской истории. Последние томы „Byzantion“ а — свидетельство полного оскудения научной мысли буржуазных историков. Единственный интерес для специалиста в рецензируемых томах „Byzantion“ а могут представлять некоторые публикации эпиграфических и других источников.

В целом содержание этих томов журнала подтверждает факт крайнего вырождения буржуазного византиноведения, открыто ставшего на службу реакционной буржуазии.

II. РЕЦЕНЗИИ

А. Л. ЯКОБСОН. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОНЕС (XII—XIV вв.)

Материалы и исследования по археологии СССР, № 17
Изд-во Академии Наук СССР. Москва—Ленинград, 1950. 256 стр., 160 рис.,
40 + 22 табл. Цена 33 р. 50 к.

Давно уже ощущается необходимость в систематическом, подводящем итоги многолетних работ, обозрении богатых археологических материалов средневекового Херсонеса (или Херсона, как его называли средневековые источники), равно как и в монографии по истории этого города, причем построенной главным образом на этих именно материалах. Эту задачу — в отношении наименее исследованного позднесредневекового Херсонеса — взял на себя сотрудник Института истории

материальной культуры Академии Наук СССР А. Л. Якобсон, который выпустил в серии „Материалы и исследования по археологии СССР“ (вып. 17) книгу о Херсонесе XII—XIV вв.

Это — труд специалиста-археолога, уже немало лет производящего раскопки на херсонесском городище и упорно занимающегося разработкой полученных там материалов. В результате длительных, шаг за шагом расширявшихся, непосредственных наблюдений автор счел возможным суммировать археологические данные и сделать некоторые выводы относительно малоизученного периода в истории средневекового Крыма, преимущественно же его крупнейшего городского центра, каким был Херсон.

Так создалась книга А. Л. Якобсона, представляющая собой систематизированный свод некоторых существенных групп археологического материала, извлеченного из позднесредневековых слоев херсонесского городища; однако вряд ли ее можно считать — в силу неполноты археологических источников — работой монографического характера о средневековом городе Причерноморья.

Как сам автор определяет свое произведение? Он не отказался от краткого и свидетельствующего о максимальном охвате темы заглавия — „Средневековый Херсонес“, — однако на первых же страницах введения нашел необходимым сделать оговорку, что он вынужден самим материалом (его характером и количеством) написать „серию очерков“ (стр. 7), которые посвятил далеко не всем, а „лишь некоторым важнейшим сторонам материальной культуры средневекового Херсонеса“.

Автор оказался обладателем обильного, хотя и одностороннего, археологического материала и вместе с этим располагал довольно отрывочным и скудным материалом письменных (тем более, эпиграфических) источников. Последний вид источников (т. е. источники письменные), в силу того, что они касаются города, не оставившего своих хроник, не в состоянии помочь развертыванию последовательного изложения — и объяснения — событий не только менее заметной внутренней, но и внешней жизни Херсона. В воссоздании его истории невозможно обойтись без помощи красноречивого массового материала археологических памятников. Но, несмотря на достаточную сохранность городища, и они дефектны: автор, стремившийся показать наиболее полную картину жизни изучаемого им города, был принужден рисовать ее по данным лишь очень немногочисленных, вернее — единичных, хотя и важнейших, групп памятников. Его несколько более детальному анализу подверглась только архитектура жилищ некоторого числа вскрытых городских кварталов и керамика.

В связи с таким состоянием источников автор поставил своей задачей: 1) дать „картину внешнеполитической истории Херсона“, пользуясь известиями многочисленных, но по составу своему довольно бедных письменных источников (русских, греческих, латинских, восточных), опираясь при этом на данные довольно обширной русской и иностранной литературы, затрагивающей историю Крыма; 2) изучить подробно внутреннюю жизнь города, основываясь на археологическом материале, который в той или иной степени освещает быт населения и его занятия (особенно — гончарное ремесло), социальную топографию города и развившуюся в нем художественную культуру.

Разработка этих тем должна была привести автора к характеристике Херсона „как культурного центра Тавриды“.

Книга содержит четыре большие главы: I. „Очерк истории Херсона в XI—XIV вв.“, II. „Жилые кварталы“, III. „Ремесло“, IV. „Художественная культура“.

ственная культура"; о задачах работы и ее итогах говорится в кратком введении и в заключении.

Следует отметить, что большинство иллюстраций: чертежи и зарисовки, а также фотографии (в их числе — несколько цветных) выполнены самим автором. Вообще книга чрезвычайно обильно иллюстрирована; на 32 печатных листа текста приходится 160 рисунков, причем некоторые из них (13) даны на отдельных листах. Вне общей нумерации рисунков в текст включены еще: а) план Херсонеса и б) 22 таблицы с изображением сотен меток на черепицах. К книге приложены 40 таблиц, содержащих 167 отдельных изображений.

Как видно из перечня глав, вторая, третья и четвертая главы посвящены археологическим памятникам, т. е. основному объекту изучения А. Л. Якобсона.

Во второй главе автор — впервые в литературе по Херсонесу — сделал попытку показать основу города, как населенного пункта, а именно — массовое жилище. Он установил тип жилых домов и связанных с ними сооружений, вернее — пристроек хозяйственного назначения, окружавших двор. В распоряжении автора был, несомненно, археологический материал массового порядка, однако только из небольшого (по сравнению со всей площадью городища) числа городских кварталов; с одной стороны, А. Л. Якобсон исследовал кварталы северо-восточной части города, вскрытые Р. Х. Лёпером в 1908—1913 гг., с другой — он пользовался материалами позднейших раскопок северной, прибрежной части Херсонеса, производившихся Г. Д. Беловым в 1931—1940 гг. В первом случае автору приходилось восстанавливать ход работ и последовательность раскрытия памятников по весьма неполным и несовершенным дневникам Лёпера; во втором случае и документация раскопок осуществлялась на более высоком научном уровне, и сам автор, как постоянный участник работ, имел возможность разобирать материал полнее.

Убедителен вывод автора относительно разницы во внешнем виде и социальном содержании жилищ того и другого районов. В северо-восточных кварталах города, вытянутых вдоль его главной улицы, недалеко от самых крупных и парадных зданий — огромных базилик „Уваровской“ и „Восточной“, селилась сравнительно зажиточная часть его обитателей, в кварталах же по северному побережью города, выросших, как то показали раскопки, на заброшенных с IX в. пустырях и потому в XII—XIV вв. занимавших окраину города, жизнь была беднее и скромнее. В северо-восточных кварталах не редкость встретить ту или иную архитектурную деталь — резной камень, карниз, обрамление входа, — которая свидетельствует о богатстве внешнего убранства домов (обычно двухэтажных). Жители этих кварталов занимали довольно обширные усадьбы, имели общественную баню, некоторые из семей воздвигли даже собственные фамильные часовни-усыпальницы; в целях изготовления строительного материала для каких-то крупных сооружений они построили две большие обжигательные печи, а обычным в приморском городе промыслом — рыболовством — занимались сравнительно мало. Окраинное население северных береговых кварталов составляли, насколько можно судить по археологическому материалу, рыболовы, добывавшие рыбу на продажу и поддерживавшие свое существование также сельскохозяйственными работами на участках пригородных полей, а также мелкие ремесленники; об этом можно судить по тому, что в прибрежных кварталах обнаружены остатки небольшой

кузнечной мастерской и гончарная мастерская с двумя черепицеобжигательными печами (они действовали в XI—XII вв.).

Изучив археологический материал обоих вышеуказанных районов Херсонеса, автор не удовлетворялся сопоставлением их друг с другом; исходя из своих наблюдений (сравнивались зажиточность населения северо-восточного квартала, занимавшегося, по крайней мере частично, торговлей, и наличие занятия рыболовством и сельским хозяйством в северной части), он попытался наметить социальную топографию средневекового Херсона (стр. 90). Хотя эта проблема, несомненно, является одной из наиболее нужных и интересных при изучении истории города и заслуживает пристального внимания историка, тем не менее, в данном случае, она не могла еще быть достаточно аргументирована (опять же по причине малого количества материала, — например, для характеристики земледельческой техники служат пока что только три лемеха и один серп, причем два предмета дали раскопки 1933 г., два другие — беспаспортны; ср. стр. 95) и потому осталась пока лишь в качестве поставленного перед будущими исследователями вопроса. В связи с этим следовало в заглавии одного из параграфов второй главы (стр. 94) указывать на будто бы содержащийся в нем разбор признаков социальной топографии города. Как видно, пока удалось установить — и то лишь в самых общих чертах — только разницу в социальном облике двух районов города. ♪

В третьей главе автор исследует археологический материал, характеризующий херсонесские ремесла. К сожалению, в Херсонесе полно и богато представлена продукция только одного из них, гончарного ремесла. А. Л. Якобсон предупреждает читателя о том, что „материал этот (т. е. материал, рисующий ремесленное производство. — Е. С.) крайне неравномерно распределяется по отдельным видам ремесла: он в обилии представлен по гончарному делу, зато крайне скуден по различным видам металлообрабатывающего производства, а по целому ряду важных ремесел, например, по деревообделочному или кожевенному (мы прибавили бы еще ткацкому. — Е. С.), материала почти вовсе нет“ (стр. 101). Таким образом, автор вынужден ограничить показ ремесла Херсонеса одной керамикой. Он выделил в этой теме три части. В первой говорится о гончарной продукции самого массового распространения — о простой красноглиняной посуде, фрагменты которой наводят археологические слои городища, о глиняной таре и крупных вместилищах, как пифосы, амфоры, кувшины, о грубой кухонной посуде и о более тонкой, иногда художественно выполненной, столовой (неполивной и поливной), как то: чашки, тарелки, миски, блюда и т. п. Особо заметная группа парадной посуды, покрытой поливой и украшенной орнаментом и изображениями, отнесена в четвертую главу книги. Во второй части главы о ремесле заключено исследование о производстве кровельной черепицы, причем разработаны вопросы о внешних признаках, по которым следует отличать черепицу позднесредневекового периода от черепицы более раннего времени, и о разнообразнейших метках — их подобрано всего 324 образца — то в виде буквенных начертаний, то в виде условных обозначений (птицы, кони, всадники, изредка человеческая фигура и др.), которые вырезывались на матрицах и служили, по всей вероятности, знаком отдельного массового выпуска черепицы, изготовленной либо по заказу, либо же на продажу. Равным образом, особым небольшим исследованием является и третья часть главы о ремесле, содержащая очерк о гончарных печах, как о крупных, черепицеобжигательных, так и

о малых, для мелкой посуды, помещавшихся на дворах внутригородских усадеб.

Хотя автору и пришлось рассмотреть ремесло в Херсоне на узком материале только гончарного производства, несомненно сильно развитого в последние века существования города, тем не менее, на основе своих наблюдений, он делает немаловажный вывод: он полагает, что интенсивное развитие ремесла связано с последним в жизни города расцветом в XIII в. Херсон уступил тогда первенство в торговле Сугдее-Судаку, но генуэзская колония в Каффе еще не выросла и не могла пока подавлять старый ремесленный центр, каким был Херсон. Массовое производство керамики херсонскими ремесленниками обслуживало формировавшиеся в юго-западном Крыму феодальные княжества и их города (главнейшим потребителем был, вероятно, город, остатки которого сохранились в нынешнем Эски-Кермене). В первый период возвышения Каффы и возникшего рядом с ней Солхата Херсон снабжал и эти города продукцией гончарного ремесла. Таким образом, в XIII—XIV вв. развитое ремесло определяло экономику Херсона, в то время как в предыдущие века город обогащался главным образом за счет транзитной торговли, которая в юго-западном Крыму сократилась в XII в. и замерла в XIII—XIV вв.

В четвертой главе, в которую, быть может, вложен наибольший труд автора, показана художественная культура позднесредневекового Херсона, причем опять же почти исключительно на памятниках керамического производства. Эта глава служит продолжением и развитием предыдущей; она в основном посвящена поливной посуде с орнаментом и изображениями. „Поливная посуда — это тот вид прикладного искусства, который глубже всего проник в быт позднесредневекового Херсона, стал наиболее массовым видом искусства и потому полнее всего представлен в археологическом материале. Вот почему поливная посуда приобретает для нас преимущественное значение, как источник познания всей художественной культуры Херсона той поры“ (стр. 167). Этими словами автор пытается оправдать известную односторонность своего исследования, в котором ему пришлось строить выводы о художественной культуре только на данных керамики. Впрочем, как говорилось выше, такой уклон вызван главным образом ограниченностью археологического материала, несомненно недостаточного для всестороннего освещения художественной культуры целого города. Правда, в конце четвертой главы автор добавил небольшой отдел о монументальной архитектуре; он нашел нужным говорить об архитектурных сооружениях после гораздо более углубленного анализа глиняной посуды именно потому, что для периода XIII—XIV вв. в его распоряжении не было достаточно материала монументальных построек и по этой причине исследование их явилось лишь незначительным дополнением к изучению керамики.

А. Л. Лкобсон подверг внимательному изучению многочисленный материал херсонской поливной посуды. Масса неразобранных черепков (изредка среди них попадаются целые или почти целые предметы) теперь классифицирована и определена им в отношении хронологии, стиля, техники, существующих аналогий. Установив наличие двух типов художественной поливной керамики [а) красноглиняная полихромная, покрытая изнутри и частично снаружи ангобом, орнаментированная врезной линией и облитая свинцовой прозрачной поливой; б) белоглиняная с подглазурной росписью, выполненной кистью], автор в пределах этих типов упорядочил материал, разделив его на несколько групп.

На основании проделанного исследования автор приходит к выводу о наличии культурных связей позднего Херсона с юго-восточным Причерноморьем — с Трапезундом, с Грузией и Арменией, с малоазийским побережьем. Эти связи тянулись еще дальше, в Персию, в Месопотамию и в Сирию (также и на Кипр). Сколько-нибудь интенсивных связей с Египтом, с Грецией, даже с Константинополем для этого времени автор не отмечает. Однако керамика вышеназванных территорий, „вся эта разнообразная кавказская, сиро-месопотамская, малоазийская и византийская керамика позднего средневековья“ (стр. 171), настолько еще слабо изучена, что трудно поддается распределению по местным художественным школам. Тем не менее, в результате произведенных сличений, автор установил, что херсонские мастера были далеки от того, чтобы рабски следовать за художественными приемами и мотивами, привнесенными к ним с Закавказья или из Малой Азии. Херсонские керамические изделия в части художественной поливной посуды приобрели „специфический местный характер, ясно выступающий даже при беглом сравнении с керамикой Закавказья, а тем более, с керамикой других областей Ближнего Востока“ (стр. 187). Массовый материал, исследованный А. Л. Якобсоном, свидетельствует о локальном характере херсонской поливной керамики, хотя она и обладает, в большей или меньшей степени, чертами сходства с подобной же керамикой Закавказья, Персии, Малой Азии, а частично и с сиро-месопотамской керамикой. *Якобсон*

Однако читатель вправе ожидать, что после установления несомненного факта культурных связей Херсона с Закавказьем и Малой Азией автор подвергнет изучению связи этого города с территориями, расположенными к северу, к северо-западу и северо-востоку от Херсона. Каковы же были культурные связи (а для XIII—XIV вв. — их последствия) города с Киевской Русью, с Поднепровьем, с Подоньем и Тмутараканью? Ведь известно, что не только Херсон, но и другие городские центры таврического побережья играли роль транзитных пунктов — и в дипломатических, и в торговых отношениях. Находясь на скрещении путей, они позволяли устанавливать культурные связи отнюдь не в одном только направлении. Книга, которая, при всей неполноте содержания, имеет своей задачей подробное рассмотрение одного из археологических источников истории Херсона, а именно — его керамики, должна была дать ответ на вопрос о взаимоотношениях между культурой, развивавшейся в Херсоне, и оригинальной культурой Киевского Поднепровья. Известно, что связи между Киевом и Таврикой, даже при наличии кочевников в степях, не замирали окончательно.

Автор совершил ошибку, не продолжив и не углубив своего исследования в этом направлении и не добившись — при использовании пусть еще небольшого материала — того или иного ответа на важнейший сам по себе вопрос.

Итак, подводя итоги разбору второй — четвертой глав книги, приходится сделать следующие замечания.

Автор выбрал для своего труда заглавие, не отвечающее содержанию основной („археологической“) части его книги. По самому характеру и количеству археологических источников, на которых построено исследование, оно не является монографией, но представляет собой ряд очерков, а они не могут воссоздать картину жизни города в целом (нарисовать ее без значительных пробелов пока еще невозможно).

Археологический материал, которым располагал автор, оказывается ограниченным: это только керамика и городские жилища, причем, если

гончарное ремесло представлено полно (со стороны как рядовой, так и художественной продукции), то вторая анализируемая здесь группа памятников — жилища горожан — могла быть взята лишь из двух сравнительно небольших частей города и, будучи в общем типичной, все же не является исчерпывающей.

Автору не удалось освещение выдвинутых им крупных исторических тем: о ремеслах в Херсоне (анализировано только керамическое производство) и о социальной топографии города (установлена только разница в социальном облике обитателей двух частей города).

Важная тема о культурных связях Херсона получила ответ в смысле утверждения известной близости между этим городом и юго-восточным Причерноморьем. К сожалению, автор оставил не только без ответа, но даже без постановки чрезвычайно интересный и сам собой напрашивающийся вопрос о культурных связях Херсона с Русью. Одностороннее рассмотрение этой темы создало существенный пробел в книге.

При доминирующем положении керамики в исследовании А. Л. Якобсона (третья и четвертая главы) слишком поверхностна и несоразмерно скромна добавка к четвертой главе (в основном посвященной поливной посуде), относящаяся к монументальной архитектуре.

* * *

Прежде чем перейти к критике исторического обзора, помещенного в первой главе, следует сделать одно общее для всей книги замечание. На протяжении всей книги автор употребляет слово „Таврида“ как название средневекового Крыма домонгольского времени. Рассказывая о событиях конца XIII в., автор отмечает, что в ту пору „Таврида“ уже стала называться „Крымом“ (стр. 31, прим. 4); он указывает этими словами на тождественность обоих терминов. Но едва ли можно принять это наименование за подлинное историческое название и найти его в каком-либо средневековом источнике.

Как же, действительно, назывался Крым ранее того, как стал называться в позднее время „Газарией“ и параллельно этому — „Крымом“ (распространенное на весь полуостров название татарского города Солхата, или Эски-Крыма, нын. Старого Крыма)?

Античность не знает для Крыма названия Тавриды. Он назывался „Таврской землей“ или „Таврией“. Однако „Таврианией“ называлась часть Сицилии, поселением „Тавринов“, жителей сев. Италии, — нын. город Турин и, наконец, „Тавридой“ — остров у иллирийского побережья, к северу от о-ва Корфу. Иной Тавриды, кроме этого острова, в древности не было. Геродот же называл Крымский полуостров „Таврикой“. Вот это-то название („Таврическая земля“, „Таврика“) и удержалось в позднейшей истории, в средневековых источниках, которые рассказывают о Крыме.

Прокопий (VI в.) отметил, что часть страны Скифов и Тавров „и ныне называется Таврикой“¹ Генесий (X в.) писал, что император Михаил III вызвал к себе на помощь отряд „Скифов“ из „Таврики“.² В Ипатьевской летописи под 988 г. говорится, что Владимир „поиде на Греческую землю и пришед ко Корсуню... Прием же Володимер град греческий Корсунь (ныне же тамо Крым) и весь той остров, глаголемый Таврику“.³

¹ Procopius Caesariensis. De bello Gothico, IV, 5. § 23, ed. J. Haury, v. II, 1905, p. 507; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 388.

² Genesius, ex rec. C. Lachmanni, Bonn, 1834, p. 89.

³ Прибавление к ПСРА, т. II, стр. 255.

Таким образом, если называть Крым каким-то древнейшим названием, то надо говорить „Таврика“. Правда, А. Л. Якобсон не первый ввел в научный труд слово „Таврида“, которое употреблялось в русских дворянских кругах конца XVIII в. для определения только что завоеванного тогда Крыма и которое было создано, конечно, искусственно. Этим определением — хотя и неудачно — пользовались и В. Г. Василевский, и Ю. А. Кулаковский, и С. П. Шестаков, и др. Оно даже включено в указатель к последнему изданию „Повести временных лет“,¹ несмотря на то, что такого географического названия в тексте летописи нет.

Обзор истории Херсона в XII—XIV вв., заключающийся в первой главе и написанный с целью создания фона и перспективы для второй—четвертой глав, значительно слабее этих последних. Автор не проявил должного искусства в обращении с материалом письменных источников и далеко не всегда сумел соблюсти строго обязательные для историка правила тщательного и осторожного изучения текстов.

При чтении первой главы бросается в глаза, что автор упоминает чрезвычайно много самых разнообразных письменных источников. Однако мы не всегда можем быть уверены, что автор использовал их из первых рук. К тому же подчас автор дает излишние, ненужные ссылки. Нужно ли было, например, для характеристики татарских набегов на населенные пункты Крыма, ссылаться на Марино Санудо, автора XIV в., писавшего в Венеции (стр. 33)? Не достаточно ли было бы ограничиться сведениями, идущими непосредственно от обитателя одного из крымских городов и, быть может, современника событий (имею в виду цитированный автором сугдейский синаксарь с греческими приписками)? Ссылку на Марино Санудо А. Л. Якобсон заимствует у В. Г. Васильевского;² последний, в свою очередь, заимствует указание на этого писателя у В. Томашка;³ получается слишком сложный путь, через который ссылка на источник приходит к А. Л. Якобсону.

Не полностью, как следовало бы, использовал автор такой прекрасный эпиграфический памятник, каким является уникальная надпись 1059 г. с именем стратига Льва Алиата. Автор начал с того, что неправильно определил содержание надписи, не вчитываясь в ее текст: в нем нет речи о возобновлении крепостных сооружений города (стр. 17 и 18), и потому нет никаких оснований считать, что „важнейший участок обороны Херсона“ — имеется в виду место находки надписи близ оборонительной стены у Карантинной бухты — „с конца X в. не возобновлялся“, будучи разрушенным „при осаде и взятии Владимиром Корсуня в 989 г., ибо осада города, как убедительно показал А. Л. Бертье-Делагард, велась именно с этой стороны“. Как исследователя города, А. Л. Якобсона должно было интересовать, что за „сооружения“ перечислены в надписи, — она же называет, собственно, только ворота, причем одни из них относятся к преторию, т. е. к зданию, где проживал стратиг и помещался гарнизон, а остальные — к городу вообще, т. е. к любой части его стены. Примечательно, что в надписи ничего не сказано о стенах или башнях; таким образом, при внимательном чтении текста, нельзя заключить о возобновлении вообще „крепостных сооружений города“. Обращает на себя внимание и то, что ворота претория названы „железными“; можно предположить, что они были особенно крепкими, окованными железом, но напрашивается

¹ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. II, стр. 528.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. III. П. 1915, стр. CLXXVI, прим. 2.

³ W. Tomaschek. Ethnologische Forschungen über Osteuropa und Nordasien. I. Die Goten in Taurien, Wien, 1881, S. 42.

и другое предположение — что они были „цепными“, т. е. подъемными (следы таких ворот видны в крепостях Судака и Аккермана, правда, позднейших, но устройство крепостей было консервативно вплоть до появления огнестрельного оружия), потому что, хотя *ὁ σιδῆρος* значит „железо“ и отсюда „железный“ — *σιδήρεος*, но *τὰ σιδῆρα* на средневековом греческом языке означало „цепи“. Не хотели ли словом *σιδήραι* указать на то, что ворота были подъемные на цепях? Эти „цепные“ ворота были, судя по надписи, сооружены заново, тогда как остальные были только возобновлены.

Не следует цитировать текст „Повести временных лет“ по Ипатьевской летописи (т. е. по третьей редакции „Повести“), если он имеется в Лаврентьевской летописи (т. е. во второй редакции „Повести“). Тем не менее, автор поступает именно таким образом там, где передает рассказ о последнем поражении печенегов от Ярослава (стр. 17); это приводит к хронологической ошибке, как как автор на основании Ипатьевской летописи, не указывающей года этого события, относит его к 1034 г., поскольку эта дата — последняя дата в летописи, приведенная перед рассказом о поражении печенегов.¹ Однако более близкая к оригиналу редакция „Повести“ по Лаврентьевскому списку датирует это событие 1036 г.² То же самое относится: а) к рассказу о первом (в 1055 г.) появлении половцев (стр. 17) и б) к рассказу о первом нападении (2 февраля 1061 г.) половцев на русскую землю (стр. 17); оба эти рассказа нет никаких оснований передавать по Ипатьевской летописи. Равным образом, лучше (стр. 23) опираться на текст Лаврентьевской летописи в отношении событий 1084 г.; причем следует указать, что летопись имела в виду князя Давида Игоревича, умершего в 1112 г., сына Игоря Ярославича, а не Давида „Ростиславича“, потому что князя с таким именем вовсе нет в „Повести временных лет“.

Особенно неприятно и, признаться, неожиданно выглядит неточная транскрипция (стр. 20) текста Лаврентьевской летописи, относящегося к 1066 г.³ На 15 строк летописного текста приходится 9 неточностей: нельзя в подлинный текст летописи, в древнерусский язык, вставлять обозначение года по нашей эре, когда в тексте дан год по эре „от сотворения мира“; нельзя вводить произвольную пунктуацию и... отделять запятой подлежащее от сказуемого („оному же, пришедшу...“); следует правильно раскрывать титла, т. е. надстрочные знаки, указывающие на сокращение (надо „рече“, а не „реч“; надо „день“, а не „днь“) и т. п.

Нельзя согласиться с толкованием, которое дает автор по поводу известного греческого текста из похвального слова св. Евгению, взятого в передаче Ф. И. Успенского (стр. 28). Названный источник свидетельствует об обычном явлении в Византийской — в данном случае в Трапезундской — империи, а именно, о доставке в центр государственной подати, собранной с населения периферии. Для этой цели из столицы ежегодно направлялись специальные сборщики, выполнявшие свои функции при поддержке местной администрации и затем отвозившие собранные денежные суммы и натуральные взносы в столицу. Текст гласит, что „государственные подати с Херсона и с там же расположенных климатов Готии“ были погружены на корабль и переправлялись в Трапезунд в сопровождении „государственного архонта“ и некоторых „архонтов Херсона“. Под последними надо разумеать пред-

¹ ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 138—139.

² ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стр. 150—151 („Ярославу же сущю Новогороде...“).

³ ПСРЛ, т. I, 1926, стр. 166.

ставителей администрации города, которые отправлялись в ежегодную служебную поездку в Трапезунд. Текст ценен именно тем, что с полной ясностью устанавливает зависимость Херсона в XIII в. от Трапезундской империи. Хотя А. Л. Якобсон и предупреждает, что указанный текст и текст Ибн-ал-Асира, описавшего бегство населения и купцов после захвата Судака татарами в 1223 г. и бегство русских купцов в М. Азию после битвы при Калке, имеют в виду разные события, тем не менее, он почему-то отходит от прямого и простого понимания текста легенды о св. Евгении и обнаруживает в нем сначала „мирное путешествие херсонской знати и купечества в Трапезунд“ (стр. 28), а несколько ниже — „бегство херсонской знати и купечества из Херсона“ (стр. 29). Кроме того, оторвавшись от текста арабского писателя, автор без всяких оснований прибавляет то, о чем в арабском тексте нет ни слова, а именно — что судакские купцы бежали „частью на Русь“ (стр. 29). Как могло бы это быть, если татары, после победы на Калке, рассеялись в степи, гнали и грабили убежавших, которым не было известно, куда направятся их преследователи (после Калки татары пошли на Булгар, где потерпели поражение), а кроме того, вступившие в Крым татарские отряды также отрезали путь на север. Следовательно, незачем было „подкреплять“ сообщение Ибн-ал-Асира превратно истолкованным текстом легенды о св. Евгении, вычитав в рассказе о доставке государственной подати из Херсона в Трапезунд мнимое бегство херсонской знати и купечества; незачем было и направлять спасавшихся от татар судакских купцов „на Русь“, когда источник об этом ничего не говорит.

Весьма небрежно процитирован текст из „Истории ромеев“ Никифора Григоры; он приведен с пропуском, хотя опущенные слова о выходе венецианских триер из Босфора (τὸν τοῦ Εὐξείνου πύλου διὰ ὥσωντες αἰχμένα)¹ были бы весьма интересны для понимания данного места хроники; кроме того, в нем говорится о „порте Византия“, т. е. Константинополя, а вовсе не о каких-то неопределенных „гаванях Византии“ (стр. 38).

Если бы автор поинтересовался нужной ему статьей договора от 6 мая 1352 г. между Иоанном Кантакузином и Генуей, то увидел бы, что запрещение плавать в Тану касалось только византийских судов, но вовсе не касалось венецианских (стр. 39).

Чрезвычайно важный для истории Крыма договор 1381 г. содержит, как известно, специальный пункт о подчинении генуэзцам 18 селений вокруг Солдайи, на которых была возложена уплата подати; эта обязанность выражена словом „rendenti“, вовсе не обозначающим „присоединенные“ (стр. 39). Кроме того, те же „18 приморских деревень“, по А. Л. Якобсону (стр. 19, прим. 2), составляли будто бы „морское побережье Готии“, что неверно; эта „riperia marina Gotie“ являлась полосой побережья между Судаком и Балаклавой, 18 же селений вокруг Судака не имели к ней прямого отношения.

Дошедший до нас неполностью договор 1204 г. о разделе владений Византийской империи не являлся договором „между Балдуином и Дандоло“ (стр. 28, прим. 1), а официальным соглашением между вождами крестоносцев и Венецией, фиксировавшим раздел владений после завоевания 1204 г.

В небольшом отрывке из записок Вильгельма Рубрука (стр. 26) допущены три неточности, объяснимые тем, что автор пользовался переводом А. Ю. Малеина, который, будучи классиком, перевел

¹ Nicephorus Gregoras. Byzantina historia, cura L. Schopeni, v. II, Bonn., 1830, p. 880.

произведение XIII в., исходя из норм классической латыни; такие переводы не годятся для специального исследования.

Недостаточно точно определение той роли, которую играл Херсон среди городов Византийской империи. Автору представляется, что Херсон был „проводником византийской политики в Причерноморье“ (стр. 21), что он выполнял специальные функции дипломатического посредника между Византией и кочевниками, был своеобразным дипломатическим форпостом Константинополя на севере (ср. стр. 12—13). Это верно, но только отчасти, так как дипломатическая роль херсонцев являлась лишь следствием пограничного положения города, который в течение ряда веков был средоточием интенсивной торговли Константинополя и малоазийского черноморского побережья с обитателями южнорусских степей, с самой Русью, с приволжским северо-востоком. Пограничный Херсон был прежде всего значительным торговым центром империи, связывавшим ее с важнейшими в торговом отношении областями, и в силу своего географического положения служил пунктом, откуда было возможно зорко наблюдать за политической ситуацией в Северном Причерноморье и на прилежащих к нему территориях. Иллюстрацией к сказанному и является приводимое А. Л. Яковсоном свидетельство летописи о том, что корсунцы известили византийского императора о походе Игоря с флотом на Византию в 944 г. Но, если заглянуть в летописный текст под 941 г. или продолжить его чтение, то обнаружится, что о том же извещали Византию и болгары, обращая внимание и на то важное обстоятельство, что русские „наiali суть к себе печенеги“ (944 г.). Кроме того, невозможно упускать из вида факт тесного переплетения в средние века торговой и дипломатической деятельности. Купцы, как западные, так и восточные, как христианские, так и мусульманские, весьма часто выполняли поручения политического характера либо параллельно с торговыми делами, либо даже специально, как опытные путешественники и знатоки чужих краев. Игорь направлял в Царьград „слы и гостье“, и летописец, показывая состав посольства, перечисляет „слов“ и „купцов“.

События 1066 г., описанные в ближайшем к ним источнике, Лаврентьевской летописи, в ее ценнейшем древнем ядре — записях Никона, естественно очень интересуют автора (стр. 20—23) потому, что, с одной стороны, они тесно связаны с объектом его изучения, Херсоном, а с другой — отражают отношения между Херсоном и Русью. Однако в аргументации своих соображений автор не достиг ни ясности, ни точности. При разборе отрывка „Повести временных лет“, помеченного 1066 г., А. Л. Яковсон правильно отделил друг от друга два последовательно обрисованных летописцем события: 1) отравление тмутараканского князя Ростислава Владимировича херсонским катапаном и 2) восстание корсунцев, побивших этого катапана камнями. Первое событие автор склонен понимать в духе предположений М. Д. Приселкова о „триумvirате“ (в 1059—1068 гг.) старших Ярославичей, державших союз с Византией против половцев; в связи с этим автор полагает, что катапан был подослан в Тмутаракань по указанию византийского императора — союзника русских князей Изяслава, Святослава и Всеволода, чтобы, устранив Ростислава, как захватчика, облегчить возвращение Глеба, сына Святослава, в причерноморское княжество. Придерживаясь такого мнения, автор отвергает соображения как В. В. Мавродина,¹ так и

¹ В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. „Ученые записки Ленингр. Гос. Пед. ин-та им. Герцена“, т. XI, 1938.

А. Н. Насонова,¹ причем без достаточных к тому оснований, потому что они принимают во внимание, а А. Л. Яковсон отбрасывает слова летописца о тревоге греков (неясно, кого имеет в виду источник — вообще ли византийцев или только корсунян) по поводу расширения влияния тмутараканского князя на соседние с его княжеством области, т. е. усиления Руси в Приазовье и Причерноморье. В. В. Мавродин думает, что беспокойство византийцев было вызвано их торговыми интересами (что вполне возможно); А. Н. Насонов полагает, что оно было порождено общим политическим положением (что тоже не исключено). У обоих названных исследователей текст летописи — „сего же убоавшися грецы“ — оказывается учтенным и отражающим реакцию Византии на нежелательное для нее расширение сферы влияния тмутараканского князя. А. Л. Яковсон возражает (стр. 21), аргументируя тем, что, насколько известно, в дальнейшем подобных шагов византийская дипломатия не предпринимала, и что русское тмутараканское княжество продолжало существовать почти до конца XI в. Однако в свете общего положения в самой Византии такое утверждение оказывается несостоятельным. До Тмутаракани ли (внимание к которой возобновилось затем в XII в.) ей было в последующие годы, на которые приходится и политический переворот (приход к власти Романа Диогена и его окружения), и нарастание опасности от турок-сельджуков (битва при Манцикерте), и потеря последних владений в Италии (взятие Бари), и экспансия Роберта Гвискарда на Восток? К сожалению, автор весьма редко принимает в расчет широкую историческую картину рассматриваемого им времени.

Что касается второго события, отмеченного „Повестью“ под тем же 1066 г., то едва ли прав А. Л. Яковсон, когда он пишет (стр. 21): „Если верить летописи, это (т. е. побитие катапана камнями в Херсоне) произошло тотчас после возвращения катапана в Корсунь“, и (стр. 22) „летописец произвольно связал два разновременных события и соответственно этому объединил их причинной связью“. Пожалуй, как раз наоборот: если верить летописи, то никакой причинной связи в словах летописца ни усмотреть, ни почувствовать нельзя. Современник и, быть может, очевидец события (отравления Ростислава) Никон для полноты представления о катапане, о котором он только что рассказал, добавляет к слову, что он же известен еще следующим, а именно тем, что корсунцы побили его камнями. Так понимает это место летописи и Б. А. Романов.²

Восстание в Херсоне, во время которого толпа побил камнями представителя византийской власти, стратига (или катапана), правильно определяется А. Л. Яковсоном, как „яркий эпизод классовой борьбы“, но сущность этой борьбы им не раскрывается, так как он не имеет данных, чтобы назвать борющиеся классы и определить их требования. То, что он пишет на стр. 21 о „пошлинах и налогах, усердно выколачиваемых с горожан херсонским коммеркиарием“, (об ошибке, связанной с пониманием термина „коммеркиарий“, см. ниже) и о том, что „торговые льготы“ являлись (?) „ослаблением налогового пресса“ — не звучит убедительно. Повидимому, события в Херсоне напоминали то, что часто разыгрывалось в средневековых городах. Корсунские купцы либо требовали новых торговых привилегий, либо не соглашались с уменьшением уже имевшихся у них торговых льгот и потому

А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Вост. Европы. „Исторические записки“, вып. 6, 1940.

² Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. I, стр. 311.

поднялись против херсонской администрации, причем борьба, как это обычно бывало, велась не их руками, а они — крупное и среднее купечество, повидимому, немалочисленное в еще оживленном торговом городе, каким мог быть Херсон во второй половине XI в., — возбудили и подняли городскую бедноту, пользовавшуюся в качестве оружия лишь камнями. При этом следует обратить внимание еще на одно событие. В конце правления Романа Диогена вновь вспыхнули социальные волнения; в Константинополе стали друг против друга сторонники Михаила VII, его матери Евдокии и его воспитателя и советника Пселла и сторонники еще пытавшегося удержать свое влияние разбитого под Манцикертом Романа Диогена. Опорой последнего были некоторые армянские феодалы, среди которых встречается фамилия Алиатов. Быть может, Херсон по своим политическим симпатиям стал на сторону Михаила VII Дуки и отвернулся от Романа Диогена после его поражения в 1071 г. Если допустить это, станет понятно, что корсунцы могли побить камнями неугодного им стратига, которым мог быть упоминавшийся в надписи 1059 г. Лев Алиат, возможно, являвшийся приверженцем павшего императора. В связи с общим положением в империи на Херсоне могли тяжело отзываться и экономические мероприятия всеильного при Михаиле VII временщика Никифорицы, которые привели к созданию государственной монополии хлебной торговли и т. д.

Все эти соображения не подкрепляются никакими данными источников, но в известной мере вытекают из общей исторической ситуации тех лет. Эту последнюю А. Л. Якобсон не хочет учитывать, несмотря на то, что ее анализ позволил бы высказать некоторые гипотезы, но довольствуется материалами, привлеченными В. Г. Васильевским в его статье „Два письма византийского императора Михаила VII Дуки“ (опубликованной в 1875 г.). Эти материалы были нужны Васильевскому для определения возможного адресата писем, а А. Л. Якобсон использует их для того, чтобы подтвердить факт восстания в Херсоне, упомянутого Никоном, и для попытки его датировать. К сожалению, эти материалы представляют собой весьма зыбкую почву для выводов, как предупреждал читателей и сам Васильевский, который писал: „Источники, из которых мы почерпнули известия, служащие в объяснение византийских документов, слишком поздны и смутны“.¹ Действительно, если не оба, то во всяком случае один из источников, использованных Васильевским, очень сомнителен и вряд ли может служить солидной опорой. Рассмотрим их. Первый из них — Татищев, автор „Истории Российской“, второй — аббат Одерико, написавший по заказу Екатерины II историю генуэзских колоний. Поскольку Татищев имел в своем распоряжении ныне утраченные источники, его сообщения ценны. Из слов Татищева явствует, что „корсуняне отреклись“ от Михаила VII, который просил Святослава и Всеволода Ярославичей о помощи против них, и что Святослав послал на Корсунь сына своего Глеба и племянника своего Владимира. Это случилось незадолго до смерти Святослава (ум. в 1076 г.), а сразу же после низложения Михаила VII (в 1078 г.) Всеволод отозвал своего сына Владимира из крымского похода. Характер восстания в Херсоне по этим известиям из „Истории“ Татищева установить не удастся. Что же касается известий об этих событиях в сочинениях Одерико, то они, не привнося в общем ничего существенного, к тому же вовсе подозри-

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, СПб., 1909, стр. 30.

тельны. Васильевский извлек их не непосредственно, а через ссылку Э. Муральта (служившего в середине XIX в. библиотекарем Публичной библиотеки в Петербурге), который указывает на 13-е письмо в сочинении Одерико „*Lettere linguistiche*“ (1792 г.).¹ Примечателен отзыв Васильевского о своем источнике: „Все это было бы просто и ясно, но беда вот в чем: нам приходилось иметь в руках... сочинение Одерико, однако ничего подобного приведенному рассказу о восстании Корсуня мы не нашли ни в 13 письме, ни во всем сочинении. Мы думали сначала, что Муральт сделал грубую ошибку, просто сочинив свое известие при помощи Татищева. Но теперь, после выхода в свет второй половины Хронографии 1057—1453 гг., мы должны отказаться от такого предположения. Мы видим, что Муральт пользовался неизданными сочинениями и бумагами Одерико; следовательно, по всей вероятности, в самом деле взял у него интересующее нас известие, но по какой-то ошибке или небрежности перемешал цитаты, что с ним, правду сказать, случается“.² А. Л. Якобсон без всякой проверки воспринятых им от Васильевского источников исходит из них в своих рассуждениях о восстании в Корсуне. Между тем, можно проверить точность утверждения Васильевского о существовании каких-то „бумаг“ Одерико. Во II томе „Хронографии“ Муральта, впервые под 1316 г. (стр. 518: „*Oderico, notices mss à Gênes, chez de Muralt p. 4*“) и дальше несколько раз повторено упоминание об этих рукописях Одерико, всегда в отношении XIV и (преимущественно) XV вв. Но при этом важна ссылка на статью самого Муральта (о генуэзских колониях, опубликованную им в 1859 г.), в которой хотя и говорится о некоторых документах из истории генуэзских колоний в Крыму (вероятно, сведения об этих документах и были взяты из архива Одерико), но нет ни слова о восстании в Херсоне. Ученый аббат этими вопросами не занимался, а Муральт этих вопросов не включал в цитируемую им свою статейку 1859 г. Приходится вернуться к предположению Васильевского, так как оно весьма правдоподобно, а именно, что Муральт заимствовал приводимое им известие из „Истории“ Татищева и, следовательно, ничего нового не сказал.

А. Л. Якобсону не стоило приводить для доказательства своих положений столь шаткий „источник“; однако, если уж он был им взят, то хотелось бы видеть его более точно понятым автором. Дело в том, что слова Муральта „*Les habitants de cette ville, rivaux de Kaffa et de Soldaya, ne pouvant obtenir de l'empereur certains privilèges commerciaux, se soulèvent contre son autorité...*“ едва ли соответствуют такому переводу (стр. 21): „обитатели этого города, побережья Кафы и Солдаи, не смоги получить от императора определенные торговые привилегии, восстали против своего начальства (своей власти)“. Нетрудно заметить, что „*rival*“ значит „соперник“ (хотя неясно, при чем тут Кафа, не имевшая в XI в. никакого торгового значения!) и что „*son autorité*“, „его власть“ относится к императору, а не к херсонским начальникам.

Таким образом, как нам представляется, автор должен был бы не пользоваться готовым набором источников даже такого авторитетного ученого, как В. Г. Васильевский, а заново их пересмотреть и затем объяснять интересующие его события, исходя из лучшего и неоспоримого для данного случая источника — из русской летописи.

¹ E. Muralt. *Essai de chronographie*, v. I, St. Pétersbourg, 1871, p. 28.

² В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 29, прим. 1.

написанной в этой своей части таким прекрасным историком, каким был Никон, сам, к тому же современник и свидетель событий 60-х годов XI в. в Крыму.

Никак нельзя оправдать измышлений А. Л. Якобсона по поводу херсонского стратига Георгия Цулы (стр. 16). Это лицо упоминается в источниках дважды: а) на свинцовой печати, найденной в Херсонесе в 1884 г. („Георгию Цуле, императорскому протоспафарию и стратигу Херсона“);¹ б) в хронике Кедрина, где повествуется о походе византийского флота в 1016 г. против „Хазарии“, о подчинении этой области и о захвате в плен ее архонта Георгия Цулы.² Хотя автор и предупреждает, что все высказанное им — „не более, чем догадки“, но, как хорошо известно, догадки историка, будучи вполне допустимыми, должны быть чем-то обоснованы, а этого как раз и нет в домыслах относительно роли Георгия Цулы. Несмотря на имеющееся у нас точное определение должностного положения Георгия Цулы — он был, как видно по его печати, византийским стратигом Херсона, — автор объявляет его „хазарским правителем“, „хазарином Цулой“ (всего лишь на основании его не-греческого прозвища!). Исходя из подобной характеристики Цулы, автор придумывает ряд фантастических событий: 1) военный переворот в Херсонесе, совершенный хазарским гарнизоном, и захват Херсона хазарами вскоре после ухода русского войска Владимира, 2) „политический маневр“ Цулы, стремившегося, якобы, предотвратить окончательное падение хазарской власти в Крыму — обращение его к императору с предложением „своих услуг и верноподданничества“ в качестве византийского топарха херсонских климатов и Херсона, 3) согласие императора, но без особого доверия к Цуле, 4) стремление императора „избавиться от своего хазарского вассала“, конфликт, посылка флота для ликвидации „временного хазарского засилья в Херсонесе“. Весь этот рассказ для разъяснения события 1016 г. является каким-то перегруженным выдумками подобием истории, какой-то ничем не оправданной ее реконструкцией.

Текст Кедрина о морском походе 1016 г. сообщает нечто иное. Византийский флот был послан Василием II „в Хазарию“. В источнике XI—XII вв. название Таврики „Хазарией“ вполне естественно (известно, что „Крым“ назывался так и в XIII—XV вв.). В Константинополе могли так называть страну, через которую, как правило, в течение веков (с конца VII по середину X в.) пролегал путь в коренную Хазарию, т. е. на Северный Кавказ, и в подчиненные хазарам области по восточному побережью Дона (Саркел). Корабли, отплывшие в „Хазарию“, должны были — вероятнее всего — направиться к Херсону. В тексте Кедрина нет ни малейшего намека на хазар или на представителя хазарской власти (у А. Л. Якобсона — „хазарский правитель“, а у В. Юргевича, ук. соч., стр. 42, даже „последний крымский хаган“!). Таким образом, флот не был послан сокрушать хазарское владычество в Крыму, а направился к крымским берегам с иной целью, которая определена в самом тексте. Ведь в нем говорится, что начальник флота Монг подчинил „область“ (χώρα, т. е. страна, земля, область, но и „город“) и захватил в плен ее архонта Георгия Цулу. На его имени сходятся свидетельства хроники и печати. Напрашивается вывод, что флот Василия II в 1016 г. был послан в Таврику („Хазарию“) для усмирения Херсона. Этот город нередко проявлял оппозицию византийскому пра-

¹ В. Юргевич. Свинцовые печати, принадлежащие Музею. „Записки Одесского общества истории и древностей“, т. XV, 1889.

² Cedrenus, ed. J. Bekker, Bonn, 1839, v. II, p. 464.

вительству и затем бывал усмиряем императорскими войсками. В данном случае можно предположить, что заодно с херсонцами действовал и их стратег. Что же касается Хазарии и низвержения хазарского владычества, то последнее уже совершилось за полвека до этих событий, когда Святослав в 965 г. не только разбил хазар под Саркелом, но подорвал силы их государства далекими походами на Северный Кавказ („на ясов и касогов“). Преувеличивать значение и силу хазар в Таврике, да еще в начале XI в., после походов Святослава и Владимира, нет никаких исторических оснований.¹

Неправильно приписывать известному в византийских и в ряде средиземноморских торговых городов таможенному чиновнику, называвшемуся всюду на Леванте „коммеркиарием“, функции сбора податей (стр. 19 и 21). Коммеркиарии собирали только пошлину с ввозимых или провозимых товаров. В связи с этим нельзя не указать на недоразумение, происшедшее с именем одного из коммеркиариев, упоминаемым на его свинцовой печати из Херсонеса. Краткая греческая надпись моливдовула называет коммеркиария Дамиана, но А. Л. Якобсон почему-то не дочитал до конца этого имени, расположенного на двух строках,² и оперирует вместо „Дамиана“ непонятным именем „Дамеа“ (стр. 19). Неправильно определять византийский титул патрикия как чин (стр. 19), так как это был почетный титул, не связанный с определенной должностью.

Приводя тексты письменных источников в переводе, надо с оглядкой вставлять слова оригинала, чтобы они соответствовали русским словам, около которых они поставлены. Например, на стр. 38 греческое слово *ἐκεῖθεν*, означающее „оттуда“, отнесено к русским словам „разные места“; или, на стр. 27, в пояснение формулы договора Византии с Генуей в 1169 г. вставлено несколько недостаточно соответственных по смыслу греческих слов.

Следует отметить, что первая глава, содержащая 17 параграфов, излишне мелко расчленена. Многообещающие пространные заголовки параграфов не всегда отвечают содержанию. Например, параграф 9 называется „Херсон в конце XI в. Русско-херсонские отношения“, но о последних сказано предельно мало (стр. 25): „Затормозилась торговля Киева с Византией, надолго заглохли русские торговые связи с Херсоном... Русско-херсонские отношения были прерваны“, — и это все!

К сожалению, книга не свободна от мелких промахов. Например, не следует называть автора похвального слова св. Евгению Лазарем, когда он был Иоанном, тем более, что именно так он и назван в том самом издании текста А. И. Пападопуло-Керамевсом (1897 г.), которое цитировано А. Л. Якобсоном (стр. 28). — Неправильно считать, что частичное занятие сельским хозяйством (на пригородных участках) херсонских ремесленников было их особенностью (стр. 96); наоборот, это явление — обычное для всех средневековых городов, даже столь крупных, как Париж. То же самое можно сказать и относительно знаков каменотесов на обработанном строительном камне. Применение таких знаков было вообще широко распространено в средневековых корпорациях каменщиков.

Относительно стиля автора нельзя упрекнуть: как правило, стиль его ясен, прост, неотяжелен слишком длинными фразами; однако

¹ Следует отметить, что до А. Л. Якобсона эту же ошибку допускали и А. А. Васильев, и В. Г. Васильевский.

² А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. „Вестник древней истории“, 1939, № 1, стр. 124, № 4.

некоторые слова чрезмерно „разговорны“, например: „загород“ (стр. 15), „кладовка“ (в ряде мест), „проулок“ (стр. 89, но на стр. 92 — переулок), „задворок“ (стр. 72). Едва ли каменную ограду называют „забором“ (стр. 89); едва ли усадьбу можно определить как „приземистую“ (стр. 92); едва ли хороши выражения, что „половцы промышляли рабами“ (стр. 24) или что Русь в XIII в. является „этнической группой“ (стр. 35). Рыболовство считается промыслом и его обычно не причисляют к сельскому хозяйству (стр. 97). Неудобно хорошо известный город Трир (Trier) транскрибировать по-русски „Триер“ (стр. 159). Если склонять имя собственное „Инкерман“, то следовало бы склонять и „Эски-Кермен“. Едва ли уместно множественное число в названиях крымских деревень „Партенит“ (стр. 124, 125, 134 и др.) и „Лака“ (стр. 248, 249), хотя в житии Иоанна Готского говорится о „торжище Парфенитов“. На стр. 254 вкралась не выверенная в отношении предлогов фраза: „говоря о позднем средневековье, мы должны иметь в виду уже не Византию..., а о юго-восточном Причерноморье, особенно об области Трапезунта, а через нее с Закавказьем — Грузией и Арменией — влияние которых всегда очень сильно сказывалось в Трапезунте“. Нехорошо злоупотреблять словом „ибо“: „ибо эта керамика, хотя и привозилась в Херсон, но в очень небольшом количестве, ибо находки ее крайне редки“ (стр. 180, 176 и др.). Имеются столь досадные в научной книге ошибки в ссылках: на стр. 13 — следует 1889 г. (год издания „Киевской старины“), а не 1899 г.; на стр. 33 — следует стр. CLXXVI (у Васильевского), а не CLXXX; на стр. 39 — следует стр. 258 (в „Византийском Временнике“, т. II), а не 358; на стр. 28 — следует стр. 174 (у Васильевского), а не 184; на стр. 28 — издание Пападопуло-Керамевса называется не „Сборник материалов...“, а „Сборник источников по истории Трапезунтской империи“; на стр. 38 — перепутана глава и год текста из хроники Никифора Григоры.

В книге А. Л. Якобсона очень много опечаток, хотя в приложенном списке их значится только двенадцать. В 17 названиях перечня сокращенно цитируемых изданий (стр. 256) осталось 11 ошибок. Примечания особенно пестрят опечатками в иностранных названиях книг, причем далеко не всегда можно отнести ошибки за счет типографии. Во французском заглавии работы Сильвестра де Саси допущено 7 ошибок (стр. 39), во французском же заглавии книги Гейда (стр. 9 и 34) — три ошибки, столько же в названии книги Стржиговского (стр. 211 и 213). С ошибками дано греческое название работы Орландоса (стр. 86). Вместо слова „fouilles“ — раскопки, оставлено „feuilles“ — листья (стр. 191); некоторые английские слова не дописаны (стр. 195, 237); в длинном латинском названии издания произведено неправильное его сокращение (стр. 38); многочисленны ошибки в окончаниях иностранных прилагательных мужского и женского рода (стр. 21, 230 и др.), в знаках ударения и т. п.

Каковы же выводы из всего вышесказанного? Книга А. Л. Якобсона свидетельствует о нужной работе автора в области средневековой археологии Причерноморья; ее вторая, третья и четвертая главы обнаруживают опыт автора в исследовании археологических памятников. В этих главах представлен массовый материал раскопок в научно обработанном виде и даны заключения к каждому разделу — о жилище, о простой керамике, о поливной керамике. С некоторыми положениями автора нельзя не согласиться. Это относится к его представлению о расцвете ремесленного (точнее — гончарного) производства в позднем Херсоне и о наличии оживленного рынка в окружающих областях.

Правильна постановка автором вопроса о социальной топографии города. Интересен показ типов массового жилища рядовых херсонцев в XII—XIV вв. Но, тем не менее, основная часть книги, посвященная изучению археологических источников, несмотря на значительный труд автора, не представляет собой той монографии, которая обещана заглавием книги, не отвечающим, как сказано выше, ее содержанию. Наряду с этим выступают и другие серьезные недостатки, перечисленные выше. Особенно надо подчеркнуть грубое упущение автора при исследовании вопроса о культурных связях Херсона, выразившееся в антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья.

Историческая (т. е. построенная на материале письменных источников) часть труда А. Л. Якобсона страдает серьезнейшими недостатками. В работе над этим материалом автор не проявил необходимого умения. Соображения, высказываемые им в той части его книги, где он опирается на эти, более далекие от археологии источники, либо упрощены и обеднены, либо, наоборот, отягчены недопустимыми домыслами. Автор при этом не обладает техникой исследования исторического текста. Поэтому едва ли было правильно предпосылать „археологическим“ главам книги обширную и не проработанную по-настоящему „историческую“ главу и создавать тем самым ложное впечатление как о письменных источниках, так и о самой истории средневековой Таврики.

Е. Ч. Скржинская

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Издательство Академии Наук СССР. Ответственный редактор академик
Е. А. Косминский. Редакторы Б. Т. Горянов и Ф. М. Россейкин.
Москва, 1951, стр. 319.

Выход в свет рецензируемого „Сборника“ имеет важное значение для преподавания в вузах истории Византии. Наша учебная литература располагает довольно значительным количеством источников по истории западноевропейского феодального общества, переведенных на русский язык и либо изданных отдельно, либо собранных в хрестоматиях. Что же касается истории Византии, то по этому весьма крупному разделу средневековой истории до появления настоящего „Сборника“ мы не имели пособия, которое могло бы быть поставлено в один ряд с существующими хрестоматиями по истории западного средневековья. Между тем, советская медиевистика совершенно правильно стремится покончить с однобоким „западническим“ направлением в изучении истории феодального общества; в связи с этим все большее внимание уделяется, в частности, проблемам византийского феодализма. Исследование кардинальных вопросов истории византийского феодализма ставится на принадлежащее им по праву место в разработке общей истории средневековья. Поэтому следует признать, что издание „Сборника документов по социально-экономической истории Византии“ отвечает назревшей, настоятельной потребности советской исторической науки.

Правда, около половины „Сборника“ составляют переводы византийских источников, опубликованные ранее, но это отнюдь не снижает его ценности. Дело в том, что, во-первых, переводы эти, в свое время

помещенные в различных, большей частью старых, журналах и сочинениях (Ф. И. Успенского, В. Н. Бенешевича, П. В. Безобразова и др.), далеко не всегда и не во всех книгохранилищах можно иметь под рукой, и, во-вторых, большое количество документов и материалов — и притом весьма ценных — впервые даны в рецензируемом издании в русском переводе.

„Сборник“ состоит из: 1) общего предисловия; 2) четырех основных разделов, в которых размещены документы (в соответствии с четырьмя основными периодами византийской истории, выделяемыми авторами), причем каждой из этих групп источников предпослана вводная статья составителя данного раздела; 3) „Приложений“, в которых даны карты, библиография по социально-экономической истории Византии, толковый словарь греческих терминов, встречающихся в „Сборнике“.

Работа выполнена членом-корреспондентом АН СССР Н. В. Пигулевской, проф. М. В. Левченко, научными сотрудниками ИИ АН СССР Б. Т. Горяновым и Е. Э. Липшиц, Ф. М. Россейкиным, канд. ист. наук А. П. Кажданом и др.

Одним из крупных достоинств „Сборника“ является то, что в нем впервые поставлен один из важнейших вопросов византиноведения, — вопрос периодизации византийской истории. В „Сборнике“, совершенно правильно, по нашему мнению, различаются четыре периода в тысячелетней истории Византии: разлагающейся рабовладельческой империи (IV—VI вв.), становления феодального общества (VII—IX вв.), торжества феодального строя (X—XII вв.) и разлагающегося феодализма (XIII—XV вв.). Вместе с тем, в надлежащей степени подчеркнуты и специфические особенности феодальной формации в Византии, такие, например, как сохранение рабства после краха рабовладельческой системы, т. е. после VII в., отсутствие элементов капиталистического способа производства на заключительном этапе византийской истории и т. д. Данная авторами периодизация базируется на марксистско-ленинском понимании исторического процесса: за основу деления истории Византии на определенные этапы принимаются изменения, происходившие в социально-экономическом строе византийского общества.

I

Переходя к более детальному рассмотрению вводных статей „Сборника“, позволим себе выразить некоторые сомнения относительно отдельных положений, с которыми мы здесь встречаемся.

Во вводной статье первого раздела, содержащей социально-экономическую характеристику ранней Византии и написанной Н. В. Пигулевской, между прочим, дан анализ социального состава непосредственных производителей в сельском хозяйстве: мы видим здесь рабов, посаженных на землю, и колонов, находившихся в различной степени зависимости от крупного землевладельца, крестьян-общинников и мелких земельных собственников. Указав на эти категории непосредственных производителей, Н. В. Пигулевская пишет далее: „Следует отметить и другое явление, наличие в V и VI вв. крепостных, сидящих на монастырской, церковной или епископской земле — париков. Этот термин хорошо известен в более поздних документах и монастырских актах; для этого раннего времени он встречается в сирийских хрониках, как сирийский эквивалент термина *ṭāṭbe* — *tautbe* (от корня *iteb* — „сидеть“). В число париков вербовались наиболее бедные представи-

тели непосредственных производителей и жили на монастырской земле в положении крепостных" (стр. 10). Невольно возникает вопрос: что хочет сказать автор этим „дополнением"? — Если только то, что зависимые, прикрепленные к земле колонны сидели и на монастырских, и на церковных землях, — это положение правильно и бесспорно, — то стоило ли выражать эту мысль столь мудреным способом? Если же автор хотел сказать нечто большее, если он считает, что в ранней Византии имелась еще одна группа зависимого крестьянства, факт существования которой не получил отражения в кодексе Юстиниана, то следовало развернуть это положение, обосновать его. Но именно этого автор и не делает: ведь филологическое сближение сирийского слова, означающего „сидеть", с хорошо известным термином византийского феодального права более позднего времени не является доказательством, по крайней мере, — достаточным доказательством того, что, помимо перечисленных автором, существовала еще особая категория „крепостных", сидящих на церковно-монастырских землях. Да и сам автор, подводя итоги данному им анализу социального состава непосредственных производителей (на стр. 13), уже „забывает" об этой группе: он не говорит о ней более, а в документах не дает текста, подтверждающего его гипотезу.

В таком виде положение Н. В. Пигулевской способно вызвать вполне обоснованные сомнения читателя; не включенное самим автором в его общие выводы по вопросу об аграрных отношениях в Византии IV—VI вв. и не подкрепленное соответствующими документами, оно повисает в воздухе.

Относительно вводной статьи второго раздела „Сборника" (она трактует проблемы славянской колонизации и развития византийского феодализма в VII—IX вв. и принадлежит перу Е. Э. Липшиц) надо заметить прежде всего, что в этой статье было бы вовсе не лишним четкое отмежевание — на основании гениального учения И. В. Сталина о языке — от марристских заблуждений в области затрагиваемых автором вопросов. Известно, что имеющая более чем столетнюю давность концепция иллирийско-фракийского происхождения южного славянства получила в свое время „подкрепление" в пресловутой теории „взрывов" Н. Я. Марра и не так давно была в новой марристской одежде преподнесена советскому читателю академиком Н. С. Державиным. Поэтому отмежевание от этой концепции в данном случае явилось бы вполне уместным.

Вызывает сомнение положение автора о том, что императоры-иконоборцы в своей внутренней политике „предприняли ряд реформ в направлении, подсказанном требованиями народных масс" (стр. 68, разрядка наша. — Н. С.). В качестве доказательства этого тезиса Е. Э. Липшиц указывает на иконоборческое движение, поднятое Исаврами, на Эклогу, в которой „провозглашалась необходимость борьбы с поборами судейских чиновников" (стр. 68), и „Земледельческий закон", — законодательные памятники, связываемые с именами Льва III и Константина V. Однако против выдвигаемого автором объяснения реформ Исавров, которые якобы были „подсказаны" народными массами, говорит ряд соображений: восстание Фомы Славянина — движение несомненно народное и массовое — шло не под иконоборческим, а скорее под иконодальским знаменем; что касается поборов судейских чиновников, осужденных „Эклогой", то они не поощрялись ведь и кодексом Юстиниана; наконец, неубедительна ссылка автора и на „Земледельческий закон": издание этого законодательного памятника, признававшего крестьянскую общину, фиксировавшего

земельные отношения, сложившиеся на территории империи после широкого расселения в ее пределах славян, было продиктовано определенными государственными соображениями — не только тем, что византийское централизованное государство не могло оставить без юридического оформления очень важной стороны фактически сложившихся отношений, но также и тем, что крестьянская община и мелкое крестьянское землевладение отвечали основным государственным потребностям.

Гораздо убедительнее звучит другое положение Е. Э. Липшиц: „Законодательство и мероприятия их (императоров-иконоборцев. — Н. С.) имели ярко выраженный классовый характер, защищая интересы крупного светского землевладения“ (там же). Совершенно очевидно, что этот правильный тезис не согласуется с ранее высказанной автором мыслью о том, что реформы исаврийских императоров были „подсказаны требованиями народных масс“.

В связи со списком фем, помещенным на стр. 69 и 70, возникает вопрос: почему в составе фем нет Критского дуката? Здесь приводится перечень фем, сложившихся к началу IX в., а Крит был захвачен арабами только в 825 и 826 гг.

Введение к документам третьего раздела „Сборника“, содержащим материалы для характеристики византийского феодализма X—XII вв., написано проф. М. В. Левченко. В своем содержательном очерке, данном на основании источников, М. В. Левченко по-новому ставит вопрос о происхождении аграрного законодательства императоров Македонской династии, а именно — он выдвигает оригинальную мысль о том, что корни этого законодательства следует искать не только в противоречиях, существовавших между отдельными группами феодалов, но также в классовой борьбе между династами и убогими: „Новелла 934 г. и следующие за ней новеллы были не чем иным, как уступкой, которую низшие классы вырвали у феодалов в результате острой классовой борьбы, использовав противоречия между отдельными прослойками господствующих классов“ (стр. 127).

При всей бесспорности этого положения, следовало бы все-таки тут же заметить, что значение указанного фактора не было одинаковым при издании каждой новеллы в отдельности. Для Никифора Фоки и Василия II, например, большое значение имели мотивы иного рода. У Василия II было гораздо более оснований бояться не народных восстаний, а именно динатских мятежей. Впрочем, М. В. Левченко в других местах своего введения и сам показал это с надлежащей убедительностью и ясностью (стр. 132, 133).

Автором введения последнего раздела „Сборника“ („Поздневизантийский феодализм“) является Б. Т. Горянов. В этом введении вызывает решительные возражения следующий тезис: „Латинские завоеватели не лишали византийских феодалов-архонтов их земель. Источником распределения новых феодальных держаний были, главным образом, нерозданные императорские, государственные земли“ (стр. 230). Это заключение сделано Б. Т. Горяновым на основании Морейской хроники, которая действительно представляет дело именно таким образом. Но автору следовало бы принять во внимание, что Морейская хроника — это источник, данные которого имеют сравнительно узкое — в территориальном отношении — значение: она изображает в основном порядки, существовавшие в Пелопоннесе.

Засвидетельствованное Морейской хроникой отношение завоевателей к местным архонтам диктовалось слабостью феодальных банд Шамплита и Виллардуэна и сильным сопротивлением местного населения.

На большей части остальных территорий империи, захваченных крестоносцами, последние держались иной политики. Это отчасти видно из тех документов, которые приведены в данном разделе „Сборника“ самим Б. Т. Горяновым. Мы имеем в виду сообщение Никиты Хониата: „Ромеи, которые бежали вместе с императором (большинство из них было знатного рода, опытные в военном деле, происходившие из городов Фракии), хотели присоединиться к маркизу (Бонифацию Монферратскому, возглавлявшему Фессалоникское королевство, вассальное по отношению к Латинской империи. — Б. Г.) и оказать ему возможную помощь. Он же отказал им, говоря, что не нуждается в войнах-ромеях. После этого они с той же просьбой обращаются к императору Балдуину. Снова получив отказ, они обращаются к Иоанну“ (царю болгар. — Н. С.) (стр. 253). Видным участником раздела Византийской империи была, как известно, Венецианская республика, эксплуатировавшая доставшуюся ей часть империи также феодальными методами. Республика всюду стремилась решительным образом поддержать представителей собственной венецианской знати; к услугам местной аристократии венецианцы прибегали только по особым соображениям. Достаточно указать для примера на систему мероприятий, которые были проведены ими на Крите, Корфу и в других местах.

Начиная с 1211 г., республика св. Марка несколько раз направляла на Крит представителей знатных венецианских фамилий — рыцарей и „рядовых“ венецианцев — пехотинцев; на них возлагались оборона и управление островом, им предоставлялось право эксплуатации местных земель и местного крепостного населения.¹ В 1207 г. дож Пьетро Цини инфеодировал остров Корфу, город и крепость на нем Пьетро Микьеле и девяти другим венецианским нобилем.² Подобный же порядок установился во Фракии и Малой Азии, в Галлиполи и Лампсаке.³

Правда, на Крите некоторые лены были переданы местным феодам-архонтам, но это было лишь вознаграждение за предательство по отношению к собственным соотечественникам. Дука острова Анджело Градениго предоставил в ленное владение земли Константину и Эпано Сиврито и „тем, что с ними“, но с условием, что эти вассалы помогут захватить неуловимых для венецианцев братьев Мануила и Константина Драконтинуло и изгнать с острова эмиссаров Никейского императора Иоанна Ватаца.⁴ Некий Алексей Каллергий получил даже звание венецианского нобиле, но он был обязан этим особым обстоятельствам: дело в том, что Алексей Каллергий почти двадцать лет держал в страхе венецианских феодалов на Крите, и возведение его в звание нобиле было ценой, которой венецианцы купили у него отказ от продолжения борьбы.⁵

Венецианцы требовали от своих вассалов на острове, чтобы они не принимали к себе на службу греков даже в качестве рядовых воинов.⁶ И это была не только правительственная политика, но и требование самих феодалов. От 1302 г. сохранился документ, представляющий собою наказ феодалов Крита своему посланцу в Венецию — Энрико

¹ Andreae Danduli Chronicon. Rerum Italicarum Scriptores (Muratori, SS), v. XII, col. 337.

² Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta (FRA DA), v. XIII, p. 57, 58.

³ Там же, стр. 209; Andreae Danduli Chronicon, col. 334.

⁴ FRA DA, v. XIII, p. 323, 325.

⁵ Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus Venetorum, ed. F. Cornero, Venezia, 1758, p. 158 ss.

⁶ FRA DA, v. XIII, p. 244.

Градениго, который должен был изложить дожу их нужды и пожелания; среди этих пожеланий мы находим также и следующее: „Скажите там, чтобы греки не могли быть владельцами феодалов и быть членами Совета феодалов“ (Совет феодалов существовал на Крите в качестве Большого Совета при дуке острова. — Н. С.).¹

Можно было бы привести и другие данные, идущие в разрез с приведенным выше утверждением Б. Т. Горянова. Кроме того, общеизвестно, что одной из причин слабости Латинской империи было как раз отсутствие спайки между пришлыми захватчиками и местными феодалами-эксплуататорами, насильственно лишенными своего прежнего положения; крестоносным грабителям, которые шли на Восток с целью захвата там для себя ленов и крепостных, не нужны были „воины ромей“.

II

Документальные материалы, представленные в „Сборнике“, весьма разнообразны и в целом дают отчетливое представление об основных вопросах социально-экономической истории Византии. Бесплезно говорить о том, что в „Сборнике“ надлежало поместить еще те или другие документы, — область таких пожеланий практически безгранична. Постановка этого вопроса имеет смысл только в том случае, если бы в „Сборнике“ были помещены такие документы, без которых легко можно было бы обойтись, и, наоборот, — пропущены более или менее важные документы и материалы.

Однако в этом отношении к составителям „Сборника“ нельзя предъявить сколько-нибудь значительных претензий. Позволим себе все же указать на некоторые места „Сборника“, относительно которых такого рода пожелание, как нам думается, было бы уместным.

На стр. 242 помещено известие Никиты Хониата, в котором он говорит о географической неосведомленности „крестоносных болванов“, проявленной ими при дележе империи. Само по себе приведенное место Никиты Хониата очень красочно, но этот отрывок не имело смысла помещать в „Сборнике“, так как данное известие Никиты Хониата не соответствует действительности. Достаточно заглянуть в акт о разделе империи, чтобы убедиться в том, что здесь не назван ни один из тех городов, ни одна из тех областей, которые фигурируют у Никиты. Это и понятно: если „крестоносные болваны“ действительно знали плохо то, что собирались делить, то этого отнюдь нельзя сказать о венецианцах, которые составляли ровно половину комиссии по разделу (12 человек). Вместо этого известия византийского историка следовало бы лучше поместить известия западных источников, характеризующие отношение крестоносцев к местному населению (мы имеем здесь в виду известия Сикарда Кремонского, Фландрской хроники, Виллардуэна).² Это явилось бы практической реализацией справедливого утверждения Б. Т. Горянова о необходимости разоблачать буржуазных историков, идеализирующих латинское завоевание и пытающихся создать „миф о благополучном положении масс при Латинской империи“ (стр. 231).

¹ *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque Levantis illustrantia*, Venetiis, 1880, p. 4.

² *Sicardi episcopi Chronicon*. Muratori, SS, v. VII, col. 620; G. Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, chap. LXVII, ed. A. Pauphilet. „*Historiens et chroniqueurs du moyen age*“, Paris, 1938, p. 141; *Chronique de Flandre*, cap. 9.

В том же четвертом разделе, думается, не совсем удачно выбраны документы для характеристики исключительного положения, каким пользовались в Византии иноземные купцы: здесь помещены грамоты Андроника Палеолога — испанским купцам и правителя Пелопоннеса — Фомы Палеолога — купцам дубровницким (стр. 269). Было бы, однако, лучше привести договоры византийских правительств с генуэзцами и венецианцами, например Нимфейский трактат и договор с венецианцами от 1268 г. или одно из его последующих воспроизведений.¹ Отметим, что гораздо более правильный в этом отношении принцип подбора документов выдержан в третьем разделе „Сборника“: составитель его, М. В. Левченко поместил здесь не договорные грамоты с пизанцами или генуэзцами, роль которых в Византии в XII в. не была еще особенно значительной, а грамоту императора Мануила венецианцам (стр. 214).

В четвертом разделе было бы полезно также поместить некоторые выдержки из трактата Бальдуччи Пеголотти, характеризующие торговые операции Константинополя и некоторых других греческих городов в XIV в.²

Перевод избранных составителями „Сборника“ текстов сделан тщательно, в общем хорошим языком, и не вызывает серьезных возражений по существу. Можно указать лишь на отдельные мелкие промахи или недостаточно точную работу редакторов, допустивших различную передачу одних и тех же слов и терминов в разных отрывках. Вот несколько примеров.

В документе № 19 (перевод Ф. И. Успенского) второго раздела „Сборника“ налоговый термин *jugum* передан как „ярмо“, а в документе № 20 этот же термин в переводе Н. В. Пигулевской оставлен в его греческой форме „югон“ (стр. 26—27). Подобным же образом греческий термин для обозначения главы венецианского правительства *doge* передается на русский язык то как „дука“ (стр. 215), то как „дукс“ (там же), то, наконец, как „дож“ (стр. 240), хотя именно последняя форма — „дож“ — является общепринятой в русской исторической литературе. Б. Т. Горянов в документе № 18 четвертого раздела „Сборника“ греческое *τοις κεφαλαιουβυτοις* переводит словом „чиновники“; тот же термин в документе № 20 передан более точно — „сборщики поголовной подати“ (стр. 260, 261). Греческое *πρακτορες* Б. Т. Горянов то оставляет без перевода („практоры“), то передает этот термин как „сборщики податей“ (стр. 263, 264).

Переводы, заимствованные из старой книги М. М. Стасюлевича („История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых“), хотя и подверглись некоторым поправкам, но отредактированы они недостаточно тщательно. Это в особенности касается „Иерусалимских Ассиз“.

Так, в переводе главы второй этого памятника французское *la Court de la Borgesie* передано по-русски как „Палата граждан“ (стр. 243). Сомнительно, чтобы это было правильно: французскому *borgesie* соответствует итальянское *borghesi* или латинское *burgenses*, но отнюдь не *cives*, — следовательно, лучше было бы назвать это отделение курии Иерусалимского короля „Курией для горожан“ или „Палатой для горожан“. Равным образом лучше было передать по-русски французское *la Haute Court* не как Верхняя, а как „Высокая Палата“ (стр. 243).

¹ FRA DA, v. XIV, p. 64, 65, 84 ss.

² Balducci Pegolotti. La practice della mercatura, ed. A. Evance, Cambridge, 1936, p. 38, 39, 40 ss.

В главе пятой того же текста неясно передано французское *qui ont court... et justice*: „люди, заседающие в палате и суде“ (стр. 245). В какой палате, в каком суде? Текст следовало передать: „бароны, имеющие свою курию и свой суд“. Очень неуклюже звучит перевод М. М. Стасюлевича в такой фразе из Виллардуэна: „Наши получили по крайней мере 400 тыс. марок серебра и более 10 тысяч всякого рода сбруй“ (стр. 240, разрядка наша. — Н. С.).

Плодом крайней небрежности редакторов следует признать и отдельные явные ляпсусы, встречающиеся в „Сборнике“.

В разделе первом „Сборника“ документ № 14 в переводе В. С. Шандровской датирован 296 г., тогда как в тексте документа датой его назван второй год правления императора Домициана, правившего, как известно, не в III, а в I в. (стр. 24).

Совершенно непонятно, почему документ № 23 в разделе четвертом назван документом о „продаже земли родичам“, когда в нем идет речь о продаже частным лицом своего земельного участка монастырю Лемвиотиссы (стр. 265).

III

Приведенные в „Сборнике“ тексты снабжены комментарием частью в подстрочных примечаниях к документам, частью в виде отдельного толкового словаря („Указатель терминов“). По поводу этого комментария следует также сделать несколько замечаний.

В комментарии, данном к термину „актимон“ (стр. 178), говорится: „Актимоны значит неимущие, и, повидимому, они не даром так назывались. У них не было скота и, по всей вероятности, земли“. Но тут же, буквально несколькими строками ниже, говорится о том, что актимоны имели ослов, что актимоны „платят пастбищного за крупный скот по одному милнарисию со штуки, а за овец каждый актимон платит, согласно пропорции, по 1 номисме со 100, например за 50 овец полномисмы“. Этот комментарий заимствован из работы П. В. Безобразова „Патмосская писцовая книга“¹ и воспроизведен в „Сборнике“ без необходимых оговорок и исправлений.

В „Указателе терминов“, составленном доцентом А. П. Кажданом, некоторые толкования вызывают достаточно обоснованные, как нам кажется, сомнения. Кроме того, в отдельных случаях объяснения тех или иных терминов в „Указателе“ не согласованы с объяснениями тех же терминов, даваемыми в других разделах „Сборника“. Так, в „Указателе“ читаем: „Дулопарики — категория зависимого крестьянства, приближающаяся к парикам“ (стр. 305). Может быть, было бы правильнее сказать иначе: дулопарики — категория париков, приближающаяся к рабам. Так, по крайней мере, понимает этот термин Б. Т. Горянов в своей вводной статье к четвертому разделу документов (стр. 234). Во всяком случае подобное несоответствие не может не смущать внимательного читателя „Сборника“.

В объяснении термина „марка“ (стр. 308) имеется в виду кельнская марка, составлявшая в весовом выражении около 234 г серебра. Мы хорошо знаем стоимость ее в византийских перперах, или солидах для конца XII и начала XIII в. Гунтер Перисский в своей „Константинопольской истории“ говорит: „Перпер это золотая монета, равная по стоимости одной четверти марки“.² Термин марка в документах „Сбор-

¹ „Византийский Временник“, т. VII, 1900.

² Guntherus Parisiensis. *Historia Constantinopolitana*, ed. P. Riant. „*Ekuviae sacrae Constantinopolitanae*“, Geneva, 1877, p. 78.

ника“ встречается в описании Константинополя, данном Одоном де Диогило, историком второго крестового похода, — именно в том месте его сочинения, где он говорит о стоимости рубашек в Константинополе. Французский хронист пишет: „Мы покупали рубашку менее чем за 2 денария, а 30 рубашек — за 3 солида без 1 марки“ (стр. 238). Если принять во внимание, что солид и перпер равны между собою (так это отмечено и в „Указателе“), то получится, что 30 рубашек в Константинополе стоили 3 солида без... четырех солидов... Ясно, что в тексте — в самом оригинале или в переводе — имеется какая-то путаница. Таким образом, в данном случае самое объяснение термина дано правильно, но — в отрыве от того текста, который комментируется.

Составителя „Указателя“ можно упрекнуть еще и в том, что он дал толкование не всем терминам, которые встречаются в приведенных документах. Без всякого объяснения оставлены, например, такие слова, как примикийрий, практор, протокентарх, простагм, проастий и некоторые другие (стр. 164, 191, 192, 198, 220, 255 и др.).

IV

Весьма важной составной частью „Сборника“ является „Библиография по социально-экономической истории Византии“, которая составлена научными сотрудниками Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Несмотря на то, что этот отдел „Сборника“ скромно назван „Кратким справочником“, библиография почти с исчерпывающей полнотой дает представление об основных изданиях источников по истории Византии, а также и о важнейшей русской буржуазной и советской литературе по этому предмету. Для начинающего изучать историю Византии этот „Краткий справочник“ явится незаменимым пособием.

При всем том следовало бы все-таки несколько пополнить отдельные разделы „Библиографии“, предложенной в „Сборнике“.

Это прежде всего относится к разделу „Классики марксизма-ленинизма“, в котором, как это ни странно, отсутствуют гениальные работы И. В. Сталина о языкознании, имеющие исключительное значение, в частности, для разрешения важных этнических проблем Балканского полуострова.

В список важнейших изданий источников также следовало бы внести некоторые дополнения. Поскольку в списке иностранных изданий источников указаны три тома „Документов по древней истории торговли и государства Венеции“ Г. Л. Тафеля и Г. М. Томаса, охватывающих время до 1299 г., постольку было бы вполне логичным указать также и на продолжение этого издания уже только одним Г. Л. Томасом в известном итальянском собрании источников „*Monumenti editi dalla Deputazione Veneta*“, где даны документы с 1300 г. В Дипломатарии, который мы имеем в виду,¹ содержится большое количество источников, характеризующих именно социально-экономические отношения в поздней Византии.

„Константинопольская история“ Гунтера Перисского в списке источников приведена в издании 1725 г. Было бы лучше указать всю серию мелких повествований, относящихся к истории четвертого крестового похода, изданную П. Рианом.²

Мы уже отмечали, что было бы полезно поместить в разделе документов некоторые тексты из трактата Балдуччи Пеголотти; это

¹ Венецианско-левантйский Дипломатарий назван выше, стр. 274, прим. 1.

² См. выше, стр. 276, прим. 2.

сочинение также должно было бы быть указано и в перечне источников для истории хозяйственной жизни Византии в XIV в.

В списке исследовательских трудов по истории Византии составители стремились дать лишь наиболее важные работы русских ученых, однако не всегда выбор составителей „Краткого справочника“ достаточно продуман. Укажем, в частности, что в списке фигурирует работа Б. А. Панченко „Латинский Константинополь и папа Иннокентий III“, но отсутствует такое сочинение, как работа Т. Флоринского „Южные славяне и Византия в XIV в.“ (СПб., 1882); указана спорная по своему содержанию работа Ф. И. Успенского „Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний“, но не названа его диссертация, посвященная истории возникновения второго Болгарского царства и имеющая большое значение для характеристики социально-экономических отношений в Византии на стыке XII и XIII вв., равно как и рецензия на нее В. Г. Васильевского.¹

Следует подчеркнуть, что составители „Библиографии“ правильно взяли курс на более или менее подробное указание работ русских историков и ограничились только самыми основными из сочинений иностранных ученых.

Несколько слов по поводу географических карт, помещенных в „Приложениях“. Прежде всего следует выразить сожаление по поводу того факта, что составители не поместили ни одной карты для истории Византии XII и XIII вв.

Карты, помещенные в „Сборнике“, выполнены с большою тщательностью. Они в основном правильно изображают те географические ситуации, которые составители имели в виду представить.

Вызывает сомнение, однако, карта Византии в IX и X вв. Не подлежит сомнению, что при императорах Македонской династии Сербия во всяком случае находилась в вассальной зависимости от Византии: спор ведь идет только о том, какая это была зависимость — реальная или номинальная. Следовало бы поэтому дополнить карту указанием на территории, находившиеся в вассальной зависимости от Византии.

Карта Константинополя VI—XIV вв. была бы еще более полезной, если бы она воспроизводила не только обычное деление на основные районы и указывала основные памятники архитектуры и искусства, но давала бы названия важнейших улиц, хотя бы той же Месы, и некоторых кварталов, которые так часто по разным поводам упоминаются в источниках, — в частности, тех, что приведены в самом „Сборнике“ (например, кварталы вдоль Золотого Рога). Карту можно было бы дать в этом случае в несколько большем масштабе.

На этом рассмотрение отдельных частей „Сборника“ можно закончить.

„Сборник“ издан не плохо во всех своих разделах, но в академическом издании хотелось бы видеть меньше погрешностей в написании отдельных греческих слов, — мы имеем в виду главным образом произвольную замену ударений знаками придыхания.

В заключение еще раз считаем своим долгом заметить, что „Сборник“ крайне необходим историческим факультетам и историческим отделениям историко-филологических факультетов наших вузов.

Было бы очень хорошо, если бы примеру византиноведов последовала также и группа историков-славистов АН СССР, так как при изучении средневековой истории славянских народов преподаватели

¹ ЖМНП, 1879, ч. 204.

и студенты встречаются с не меньшими, если не с большими трудностями в отношении источников, чем при изучении истории Византии.

Н. П. Соколов

НОВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ

М. В. ЛЕВЧЕНКО. СИНЕЗИЙ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ЕГО РЕЧЬ „О ЦАРСТВЕ“

Ученые записки ЛГУ № 130, вып. 18. Ленинград, 1951, стр. 222—249.

Проф. М. В. Левченко в своей небольшой, но исключительно ценной статье дал марксистскую характеристику личности и взглядов видного политического деятеля начала V в. — Синезия Киренского, одного из тех крупных политиков рабовладельческого общества, которых выдвигали города Востока накануне краха античного мира. На конкретном материале автор статьи убедительно опровергает нелепый тезис эволюционистской буржуазной историографии о том, что переход от античности к средневековью не носил якобы революционного характера, что имело место будто бы лишь постепенное перерождение античного общества и т. п. В работе М. В. Левченко Синезий представлен как убежденный рабовладелец, рьяно защищавший устои рабовладельческого общества. Синезий ясно сознавал опасность совместного революционного выступления рабов и „варварских“ дружин и призывал напрячь все силы гибнущего общества, чтобы сохранить прежний порядок. Свои политические взгляды Синезий высказал в речи „О царстве“.

Статья М. В. Левченко не свободна от недостатков. К их числу следует отнести то, что в ней не совсем четко охарактеризовано социальное лицо Синезия. М. В. Левченко считает Синезия представителем родовой (стр. 224) (может быть — родовитой?) знати. Но этим нельзя определить социальную принадлежность Синезия. Аристократия в период краха рабовладельческого строя не была монолитной. Существовала феодализирующаяся земельная аристократия, мало заинтересованная в судьбах города, — аристократия, представители которой, подобно Кассиодору и Сидонию Аполлинарию, легко уживались с „варварами“ и которая могла слиться с „варварской“ знатью в процессе феодализации. Синезий не принадлежал к этой категории восточно-римской знати. Более того: он чувствовал непримиримую вражду к аристократам такого рода (к ним относился Кесарий). Синезий относился к той части землевладельческой знати, которая была в то же время и городской знатью, связанной с традициями полиса. Она видела в Римской империи не власть чужеземных завоевателей, а считала ее союзом городов. М. В. Левченко вряд ли прав, полагая, что взгляды Синезия на государство коренным образом отличались от ранее господствовавших среди греков представлений о Римской империи (стр. 241). Достаточно сравнить политические взгляды Синезия на Римскую империю с воззрениями ритора Элия Аристида.

Думается также, что для более полного уяснения вопроса о социальной природе взглядов Синезия, как выразителя политических настроений определенной группы городской знати, следовало бы, кроме того, сопоставить мировоззрение ритора Птолемаидского со взглядами Либания, его старшего современника, все сочинения которого носят ярко выраженный политический характер. Синезий, подобно Либанию,

выражал взгляды декурионата крупных городов. Едва ли можно объяснить позицию Синезия тем, что он не нес повинностей декуриона (ср. стр. 224 и стр. 245). Во всяком случае, в момент составления речи „О царстве“ Синезий выполнял чрезвычайно разорительную и требующую тяжелого личного труда литургию — *προσβεία*.

Следовало бы упомянуть о деятельности Синезия по защите города: это характеризовало бы его лучше, чем упоминание о его будущей епископской деятельности. М. В. Левченко, кажется нам, совершенно прав, отвергая взгляд о зависимости Синезия от Диона, — Синезий мог иметь взгляды, самостоятельно развившиеся под влиянием современных ему политических событий.

Кроме речи „О царстве“ М. В. Левченко широко использует другое произведение Синезия — *De Providentia*, — в котором описываются события большой исторической значимости — здесь обрисована та сложная ситуация, которая существовала в Константинополе в начале 400 г.: готы получили отпор там, где, казалось, они были наиболее сильны. Гайна был в состоянии предупредить Одоакра на 75 лет, но ему не удалось захватить власть.

К сожалению, М. В. Левченко не остановился на вопросе об участии народных масс в событиях 400 г., между тем, Синезий сообщает об этом много важных данных. М. В. Левченко подробно характеризует политические взгляды и мировоззрение рабовладельческой знати, но совсем не затрагивает вопроса о настроениях народных масс. В представлении М. В. Левченко, массы выполняли только пассивную роль: рабовладельцам удалось „разжечь религиозный фанатизм масс и натравить их на ариан-готов — еретиков“ (стр. 248). Мы полагаем, что М. В. Левченко не прав, считая религиозный фанатизм единственной причиной выступления народных масс против готов. Ведь в начале деятельности Иоанна Златоуста константинопольские массы были настроены сочувственно к арианам. Почему же теперь они так возненавидели готов? Конечно, готские вожди были честолюбивыми, продажными насильниками. Но дело было не только в этом — городские массы понимали возможные последствия готского завоевания, ужасы, которые оно несло с собою. Константинополь, захваченный „варварами“, превратился бы в развалины. Представители знати (типа Кесария) могли бы сговориться с готами; но ремесленники, мелкие торговцы были бы перебиты, уведены в плен, — именно такая участь постигла позднее население городов на Западе. К тому же в Константинополе еще были живы традиции античного полиса: городские массы, сами подвергавшиеся эксплуатации, дорожили, однако, достижениями античной культуры и были патриотами своего города. М. В. Левченко приводит рассказ Синезия о том, как нищенка, видя, что готы вывозят из Константинополя ценности, встревожилась за судьбу города. Почему старуха, не имевшая ничего, кроме деревянной чашки для сбора милостыни, была так обеспокоена будущим восточноримской столицы? Потому, что народным массам не безразлична была судьба города. Можно даже сказать больше: городским массам не безразлична была судьба античной культуры в целом. Феодализовавшаяся знать могла не тревожиться за судьбы античной культуры — для этой знати будущность была в ее поместьях, в замках; городская культура не представляла для нее интереса. Аристократы типа Синезия защищали античную культуру своекорыстно, — поскольку она обслуживала их интересы, как рабовладельцев. Только широкие массы горожан проникнуты были подлинным „античным патриотизмом“, который они и проявили как

в 378 г., спасая Константинополь от Фритигерна, так и в 400 г., спасая его от Гайны. Именно народные массы избавили Константинополь от угрожавшей ему гибели. Правда, будущее принадлежало феодализму, — но феодализм не обязательно должен был утвердиться в условиях полной ликвидации города, как это было, например, в Меровингской Галлии. Феодализм мог утвердиться и при сохранении большого города, который после краха рабовладельческого общества мог превратиться из античного полиса в типичный средневековый город — эмпорию. Кроме „меровингского“ пути складывания феодального строя был и другой, менее тягостный для городского населения, не связанный с уничтожением античного наследия. Отстояв от гибели большие города, такие, как Константинополь и Фессалоники, городские массы сохранили для будущего часть тех культурных ценностей, которые были созданы в рабовладельческий период, — и этим помогли ускорить развитие производительных сил в дальнейшем. Таково, на наш взгляд, историческое значение тех событий, свидетелем которых был Синезий.

Статья М. В. Левченко выиграла бы, если бы автор проследил, что из программы, выдвинутой Синезием в речи „О царстве“, было претворено в жизнь после победы его единомышленников (т. е. в правление Анфимия „Великого“). Отметим попутно одну неточность на стр. 245: Иоанн Златоуст назывался не патриархом, но архиепископом Константинопольским. В целом статья М. В. Левченко представляет большой интерес и принесет пользу не только византинистам, но и историкам, работающим в области изучения истории древнего мира.

М. Я. Сюзюмов

А. П. КАЖДАН. РАБЫ И МИСТИИ В ВИЗАНТИИ IX—XI веков

Учебные записки Тульского государственного педагогического института, вып. 2, Тула, 1951, стр. 63—84.

В своей работе А. П. Каждан предпринял интересную попытку установить, насколько значительным был удельный вес рабовладельческого уклада в Византии IX—XI вв. Автор поставил перед собой задачу собрать данные о рабах и мистиях, имеющиеся в источниках IX—XI вв. Необходимо отметить, что А. П. Каждану удалось собрать довольно большое количество известий о применении труда рабов в крупных хозяйствах византийской землевладельческой знати. О значительных пережитках рабовладельческих порядков в Византии до сих пор говорилось лишь в общей форме: конкретные данные, которые бы подтверждали существование этих пережитков, почти не приводились. Теперь следует считать установленным факт использования рабов в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве IX—XI вв. Этим опровергаются все попытки рассматривать сохранение рабства в период раннего феодализма в качестве элемента бытовой роскоши.

А. П. Каждану удалось также собрать интересный материал о мистиях, разбросанный в нарративных источниках, законодательных памятниках и агиографической литературе, и установить, что труд мистиев широко применялся в разных отраслях хозяйства этого времени. Важно, в частности, наблюдение А. П. Каждана об отсутствии сведений об использовании мистиев в крупных имениях светской землевладельческой провинциальной знати. Несомненно, что работа А. П. Каждана представляет интерес для советского византиноведения.

Однако некоторые положения автора являются, на наш взгляд, спорными и вызывают недоумение.

А. П. Каждан а priori тесно связывает труд рабов с трудом мистиев, считая сохранение того и другого пережитком рабовладельческого строя (стр. 63, 79). Однако можно сомневаться, что наемный труд в условиях раннего феодализма генетически связан именно с рабовладельческими отношениями. Исследования академика Е. А. Косминского доказывают, что наличие таких безземельных или малоземельных работников, *qui de labore manuum victus perquirunt*, вполне совместимо с феодальным способом производства.

Сомнителен вывод автора о полном исчезновении мистиев после XI в.: упоминание о *μισθαρνός* встречается в документах более позднего времени.

Несколько неясным представляется самый предмет исследования. Если изучается положение лиц наемного труда, то следовало бы не ограничивать исследование одним термином *μισθός*, но присоединить и данные относительно употребления других терминов и выражений о труде за плату. Если же исследование ограничивается терминами *μισθός* и *μισθαρνός*, то необходимо было бы установить связь принятого автором значения термина с другими пониманиями термина *μισθός*.

У автора наблюдается тенденция уподобить положение византийского мистия положению средневекового цехового подмастерья на Западе. Вряд ли можно с этим согласиться. Желая подвергнуть сомнению значение данных „Книги Эпарха“, А. П. Каждан приводит пример из жития Илии Нового о мистии, нанявшемся на длительный срок. Однако этот пример явно неудачен: в житии речь идет не о мистии, а об ученике; разумеется, мальчиков отдавали на обучение не на месяц, а на гораздо более значительный срок. В Византии, по нашему мнению, не было подмастерья, тесно связанного с мастером.

Автор не различает по смыслу слово *μισθός* от слова *μισθαρνός*; между тем, значение второго термина шире первого. Мистий означает только *mercennarius*, тогда как слову мистот в латинских текстах соответствуют и *mercennarius*, и *colonus*, и *locator*, и *conductor*. При этом, в связи с разбором вопроса о значении термина „мистий“ (стр. 79 сл.) необходимо было бы отметить, что закон Анастасия никакого отношения к мистиям не имеет и что он приведен Е. Э. Липшид („Византийское крестьянство и славянская колонизация“, „Византийский сборник“, М.—Л., 1945, стр. 126—129) в главе о мистиях по явному недоразумению.

Стремился ли автор выяснить правовое положение рабов и мистиев в византийском обществе IX—XI вв.? В ряде мест своей работы он, как кажется, делает такую попытку (стр. 71, 72, 79). Но в этом случае совершенно непонятно, почему автор не привлек документов действующего права того времени. В исследовании А. П. Каждана совершенно не использованы „Василики“, на которые автор смотрит как на памятник, отличавшийся „книжностью и архаичностью терминологии“ (стр. 80), и которые на самом деле были опубликованы в X в. в качестве действующего права. Именно в „Василиках“ можно найти много интересного материала о правовом положении рабов и мистиев X в. Совершенно недостаточно использован также такой яркий источник, как Пира, вовсе не использован включенный в „Василики“ свод морских законов. Кроме того, из поля зрения автора выпали сведения о рабах, имеющиеся в нашей летописи — материал первостепенной важности (договоры с греками относятся именно к X в.; статьи, в которых затрагивались вопросы о рабах, касались и византийских рабов).

Почти полностью игнорируя юридические документы, А. П. Каждан ограничивается по преимуществу случайными упоминаниями о рабах и мистиках в агиографической, нарративной литературе и отдельных новеллах; он обходит основной материал, в котором содержится юридическая теория того времени и подробно излагаются права тех или других социальных групп византийского общества. Этим объясняются, думается, отдельные, недостаточно точные, а иногда и неверные утверждения автора.

Неправильно утверждение о том, что раб не нес ответственности за свои преступления (стр. 71). В „Василиках“ приводится ряд случаев, в которых только раб, а не его господин, отвечал за совершенные им (рабом) поступки. Неверно утверждение автора, что по Юстинианову законодательству сын рабыни и свободного признавался свободным (стр. 74) — *partum ancillae matris sequi conditionem, nec statum patris in hac specie considerari...* Вызывает недоумение положение о том, что только с XI в. рабов стали привлекать в качестве свидетелей (стр. 71). И в Юстиниановом праве и в „Василиках“ предусматривались случаи использования показаний рабов. По воззрениям того времени считалось предосудительным лишь показание раба против его господина (да и то не всегда). В этом смысле нужно понимать приведенный на стр. 71 пример со спафарокандидатом в Пире.

Неточно утверждение, что „раб мог вступать в брак со свободными“ (стр. 72). Это было запрещено законами. Новелла Льва VI, на которую ссылается автор, давала свободному право выкупить рабыню, освободить ее и только затем жениться на ней; при этом выкупить рабыню можно было также отработкой выкупной суммы. Не соответствует действительности и следующее положение: „Законодательство Василия I ограничивает и без того жалкие права рабов..., запрещая рабу выступать на суде, что не было прямо сформулировано в Юстиниановом законодательстве“ (стр. 74). И Юстинианово законодательство и „Василики“ подробно указывают, в каких случаях раб мог возбуждать дело перед судом против третьих лиц помимо своего господина.

Нельзя не отметить некоторой тенденциозности автора в подборе текстов. Так, например, А. П. Каждан выдвигает предположение, согласно которому в источниках старым термином „рабы“ обозначаются иногда „более широкие круги зависимых людей“ (стр. 66). Это неправильно, — во всех юридических документах IX—XI вв. под термином ойкает понимается только раб. На стр. 75 тенденциозно сформулирован смысл 38-й новеллы Льва VI: Лев даровал императорским рабам не право владения, как утверждает автор, а право собственности (*χρηίστης* — не *possessio*, а *proprietas*). Вызывает возражение отождествление клириков с зависимыми крестьянами (стр. 77). Отрывок из текста завещания Воилы приведен в тенденциозной передаче: никакого „ограничения“ свободы вольноотпущенников, о котором пишет А. П. Каждан (стр. 76—77), не было; Воила персонально назначил пятерых лиц на церковные должности, притом эти клирики по завещанию должны были получать рогу из доходов имения. Разумеется, все низшее духовенство и все церковные служащие выплачивали епископу некоторую сумму, но эти обычные взносы — не оброк, равно как выполняемые клириками *ὀφεία* — не барщина... О положении клириков как должностных лиц церкви, дает ясное представление 49 новелла Иоанна Комнина.

Конечно, могло случиться, что крепостной становился священником, но из этого не следует, что назначение священником было ограничением свободы отпущенного на волю раба.

Иногда автор тенденциозно передает тексты для того, чтобы доказать, что рабы использовались в качестве рабочей силы в основном лишь крупными землевладельцами. На стр. 68, где речь идет о продаже пленных, автор истолковывает новеллу Иоанна Цимисхия таким образом, что пленные продавались будто бы только архонтам. Между тем в 25 новелле Цимисхия говорится также о продаже воинами пленных и своим товарищам, рядовым стратиотам. Следовательно, рабы направлялись также и в мелкие хозяйства простых стратиотов. На стр. 73 А. П. Каждан указывает, что, согласно показанию Кедрина, пленные арабы, захваченные на Крите, были направлены работать на поля. На самом деле текст хроники говорит о том, что рабов было так много, что ими наполнены были и городские дома и поля. Из 38 новеллы Льва VI не видно, чтобы крупные землевладельцы не были заинтересованы в предоставлении своим рабам права собственности на лично ими и их трудом приобретенные вещи. Эта новелла могла быть выгодной для архонтов и других крупных землевладельцев в той же мере, что и для императора.

Неясно, из чего следует, что византийцы в X в. считали труд мистиев непроизводительным (стр. 83). Из приведенного автором текста вытекает только то, что мистий был временным работником и в силу этого не был заинтересован в сохранении имущества своего работодателя. Однако едва ли можно думать, что наемный пастух работал хуже, чем пастух несвободный. Нельзя согласиться с утверждением А. П. Каждана, будто византийская церковь выступала, как правило, против рабовладения (стр. 74). Церковь никогда не осуждала институт рабовладения, но демагогически признавала отпуск рабов на волю благочестивым делом. Вызывает сомнение, почему Феодосий Печерский отражал взгляды византийского духовенства, а не окружающей его социальной среды Киевской Руси (стр. 74).

Все эти недостатки, однако, не могут поколебать общей оценки работы А. П. Каждана, содержательной и полезной для всех занимающихся социально-экономической историей Византии.

М. Я. Сюзюмов

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ XIV века. СОСТАВИЛ А. С. ХАЧИКЯН

Институт истории Академии Наук Армянской ССР. Материалы по истории армянского народа. Книга вторая. Издательство АН Арм. ССР. Ереван. 1950 г. XXXIII + 757 стр.

Армянские источники содержат материал по истории Византии, дополняющий данные византийских памятников; этот материал сплошь да рядом не использован в византийской историографии. Внимание буржуазных историков Византии привлекали преимущественно произведения армянских историков и хронистов, государственные и церковные документы и т. п. Иначе говоря, буржуазные историки интересовались материалами, созданными преимущественно представителями господствующих классов Армении или же выразителями их идеологии. Не отрицая весьма существенного значения многих из указанных источников, следует вместе с тем отметить, что отдельные стороны живой действительности или вовсе не находили в них отражения, или же

искажались в соответствии с требованиями господствующей идеологии. Эти источники содержат мало фактов о жизни народных масс, об экономическом быте Армении, об идеологии эксплуатируемых классов населения и т. д. Если буржуазных византинистов этот недостаток определенных категорий армянских источников не смущал, то перед советскими историками Византии и Армении это обстоятельство выдвигало задачу поисков таких новых источников, которые могли бы восполнить указанный пробел.

Рецензируемое издание и является одной из попыток восполнить этот недостаток. Хотя это издание имеет своей целью расширение круга источников для изучения истории прежде всего армянского народа, книга эта имеет большую ценность и для историков Византии последнего периода, и для историков Ближнего Востока. В книге собрано 845 пометок и записей на полях, сделанных в XIV в. в армянских рукописях. Из них 513 записей извлечено из рукописей, хранящихся в Государственном хранилище рукописей при Совете Министров Армянской ССР (в Матенадаране), и 332 записи — из давно опубликованных, а также ненапечатанных описаний рукописей. Надо отметить, что подавляющая часть записей опубликована в настоящем издании впервые.

Составителем сборника Л. С. Хачикяном тексту записей предпослано большое введение, по существу, являющееся общим исследованием изданного им материала. Автор введения указывает, что сопоставление с источниками другого рода приводит к выводу о достоверности записей, заключающих известия о событиях, современных авторам этих заметок. Очень важно заключение Л. С. Хачикяна о социальном составе авторов записей, которые были, как он показал, выходцами из трудовых слоев общества или же представителями низшего духовенства. Они видели жизненные невзгоды неимущих кругов населения, которые порождались нашествиями иноземных врагов, обложением и поборами, установленными захватчиками Армении, и делали в свободных местах рукописей свои записи, руководствуясь не официальными предписаниями, а живым сочувствием к бедам своих собратьев. Вот почему в этих записях порой отражены данные о повседневном быте народа, отсутствующие в трудах историков и хронистов. Благодаря этому записи дают более объективную оценку событиям, чем труды историков, хронистов и писателей, принадлежавших к господствующему классу.

Имеется еще одно обстоятельство, делающее материалы, представленные в настоящем издании, особенно ценными — ведь от XIV в. исторические произведения на армянском языке дошли до нас в очень незначительном количестве, так как большая часть рукописей погибла в результате нашествия орд кочевников. Вместе с тем Л. С. Хачикян справедливо указывает на известный трафарет в этих записях. Авторы, скопанные церковной идеологией, не были в состоянии понять действительные причины тех или иных явлений современности. Причины бедствий, например, они связывают с „греховностью“ человечества и т. п. Все ужасы монгольского ига авторы записей расценивают как кару за неверие и прегрешения.

Записи дают весьма убедительный материал о беспощадной эксплуатации и жестокостях монгольских властителей. Богатые города Армении — Ани, Карс, Хлат, Маназкерт, Ван, Арчеш, экономическое значение которых ясно не только по армянским, но и по византийским источникам, — в XIV в. потеряли большую часть своего населения,

которое постепенно эмигрировало в Киликию, Крым и в другие края. Приходил конец и власти светских феодалов Армении. Относительную устойчивость сохранила армянская церковь, приспособившаяся к требованиям новых правителей.

Такая обстановка в Армении напоминала то, что происходило в Византийской империи. И, конечно, записи людей XIV в., дающие материал для истории Армении, косвенно имеют немалое значение для освещения как внутренней истории Византии, так и политики империи на Востоке.

Записи, подчас очень скудные, дают в целом ясную картину тяжелого податного обложения при монгольских эльханах. Они представляют как бы летопись бесконечных нашествий „зверей в образе человека“, в особенности, — орд Тамерлана. В результате всех бедствий, в том числе голода и эпидемий, население покидает насиженные места. Даже в Сарай-Берке, столице Золотой Орды, оказались беженцы — армяне, о чем свидетельствует запись 1319 г. Однако в далекие края удастся бежать не всем — преимущественно купечеству и лишь отчасти ремесленникам.

В своем исследовании Л. С. Хачикян указывает на явление, характерное, впрочем, не только для одной Армении: армянские феодалы всячески стремились спасти свое достоинство при поддержке церкви. Они вступали в ряды сановного духовенства и таким образом сохраняли свои права на земли и всякого рода имущество. Однако и это не всегда спасало феодалов. Еще в правление Газан-хана (1295—1304 гг.) принявшие ислам монголы усилили бремя податного обложения и распространили его на армянскую церковь. Записи дают сведения о сооружении монастырских укреплений, о высших учебных заведениях монастырей Гладзора и Татева, об отдельных видных представителях монашеской идеологии, о писцах и т. д. Очень существенны данные записей о названиях местностей, относительно которых не дошло до нас никаких известий в исторических трудах армянских авторов. Впервые из этих записей приходится узнавать о населенных местах, от которых не осталось ровно никаких следов. В записях упомянуто приблизительно 500 населенных пунктов. Сведения писцов рукописей о себе дают возможность получить представление о тяжелой жизни крестьянства, так как писцы почти поголовно были выходцами из крестьян.

Некоторые записи представлены в художественном изложении, а порой и в стихах. Так, например, писец Тума в красочно-стихотворной форме описывает нашествие Тамерлана, сообщая, что его орды „перебили беспощадно армянский и грузинский народ“, и восклицая: „какое земное существо может рассказать о злодеяниях Тимура?“ Эта запись была сделана писцом Тумой в 1391 г. на рукописи поэта Григора Нарекаци (X в.), которую Тума переписал в Ване.

Собиранием рукописных записей еще в XVIII—XIX вв. занимались видные представители арменоведения, среди которых следует упомянуть имена М. Чамчяна, Л. Алишана, Г. Пиркалемяна и Г. Срвандзтяна. Благодаря им спасены многочисленные материалы записей, извлеченных из рукописей, варварски уничтоженных султанскими башибузуками в Западной Армении во время империалистической войны 1914—1918 гг. Но записи сохранены и составителями описаний армянских рукописей, хранящихся в ряде стран, и в первую очередь в СССР. В статье Л. С. Хачикяна указывается весь этот материал, в той или иной степени использованный при составлении настоящего сборника.

записей. Однако основная часть материала Л. С. Хачикяном извлечена непосредственно из рукописей Матенадарана.

Трудным делом было определение хронологии записей. Известно, что в армянских источниках встречается хронология различных систем. Вследствие этого текстологу приходится натапливаться на большие затруднения при определении дат. Составителю удалось установить известное единство в датировке записей, что придает всему заключенному в сборнике материалу последовательность. С филологической стороны тексты подготовлены весьма тщательно. Три указателя — предметный, имен географических и личных — составлены исчерпывающе. В предметном указателе можно найти ссылки на материалы по отдельным темам, как, например, о нашествиях, о бедствиях, о ремесле писцов, о должностях и титулах, и т. д. Предметный указатель как бы намечает, на что может рассчитывать исследователь, обращающийся к настоящему сборнику источников.

Материал записей в целом убедительно показывает, сколь губительны были последствия нашествий монгольских орд на территории Армении, и, в частности, в тех ее областях, которые когда-то входили в состав Византийской империи. Очень слабые связи между Киликийской Арменией и Византийской империей почти не отражены в записях. Это и понятно. Киликийская Армения доживала свой век; ее конец наступил в 1375 г. Но в записях заметно бросается в глаза назойливое стремление папских агентов, как их называют авторы записей, — „фра“, проникнуть во все дела Армении.

Из записей видно, что в XIV в. делается немало переводов разнообразной литературы с латинского. Так, например, в записи, сделанной в рукописи перевода „Толкований философских книг“, автором которых назван Петр Арагонский, переводчик Акоб Крнеци отмечает заслуги некоего иеромонаха Иоанна, который объединил латинских и армянских деятелей для перевода „многих душеполезных и просвещающих книг“ (1344 г.). Другая запись на рукописи евангелия (1335 г.) показывает, что переписчик работал в Ломбардии в монастыре „Сан-Пенет“. В записи на „Книге молний“ священника Беды отмечается, что перевод сделан с латинского в Кафе (1356 г.). Но старые связи с Византией все же не порывались. В рукописи „Толкования грамматики Исаяи Нисского“ писец Аствадатур указывает, что работа выполнена в Константинополе (1360 г.), „в стране греческой“. В рукописи же „Толкований вселенских посланий“ Саргиса (Сергия) Благодатного писец Павхос упоминает, что писано „в городе Халатан супротив Константинополя, в стесненное и трудное время, когда турок осаждал нас и Стамбул“ (1398 г.).

Перечисленные выше записи и многие другие содержат материал, характеризующий экспансию папства, стремившегося проникнуть в Армению, равно как и известия о натиске тюрко-монгольских завоевателей с Востока.

Составитель сборника указывает, что им изучен весь рукописный материал за исключением рукописей, хранящихся в Ленинграде. Об этом приходится очень сожалеть, так как в Ленинграде имеется довольно ценная во многих отношениях коллекция армянских рукописей. Хотя составитель полагает, что этот недочет можно будет исправить в дальнейшем, включив соответствующий материал, если он будет найден, вготавливаемый им сборник записей XV в., следует все же признать, что пренебрежение ленинградскими рукописями ничем не оправдано.

Материал, представленный в настоящем сборнике, относится к различным географическим пунктам, а авторы записей работали иногда в местностях, весьма удаленных от Армении. Исследователю настоящего материала очень помогла бы карта с нанесением на нее тех точек, где были сделаны записи.

Издание памятных записей XIV в. обогащает советскую историческую науку новыми, очень интересными данными по истории СССР, Византии и Переднего Востока. Следует пожелать, чтобы были выпущены материалы такого рода, относящиеся и к последующим векам.

И. К. Кусикьян

М. МАТЬЕ и К. ЛЯПУНОВА. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТКАНИ КОПТСКОГО ЕГИПТА

Государственное издательство „Искусство“. М.—Л., 1951, стр. 252,
в том числе 48 таблиц.

Опубликованная издательством „Искусство“ книга М. Э. Матье и К. С. Ляпуновой „Художественные ткани коптского Египта“ представляет выдающееся явление в советской искусствоведческой литературе: в сущности она является первым нового типа научным каталогом музейных собраний, ставящим задачи не только публикации и формального описания памятников, но и цели настоящего исторического исследования вещественного материала, с широким привлечением письменных источников, использованных с позиций марксистско-ленинской методологии¹.

Одно из богатейших в мире собраний памятников так называемого коптского Египта, хранящееся в Эрмитаже, до настоящего времени почти не было опубликовано. Несмотря на серьезные трудности для исследования, объясняемые, в частности, дефектами методики археологических раскопок конца XIX в. (буржуазные исследователи пренебрегали точной фиксацией условий находки памятников), этот исключительно многообразный по своему составу материал дает возможность поставить, а в некоторых случаях и разрешить ряд интереснейших исторических вопросов.

Памятники Египта, особенно хорошо сохранившиеся благодаря климатическим условиям этой страны, позволяют охарактеризовать разные стороны быта и различные области ремесла переломного этапа в истории Египта, периода ломки рабовладельческого строя и становления нового — феодального: керамика, ткани, изделия из кожи, бронзы, кости, каменные рельефы, надписи и пр. являются ценнейшим источником для истории III—VII вв. н. э.

Авторы рецензируемой книги — исследователи коптской культуры, в частности искусства, известные как по своим работам обобщающего характера², так и по специальным статьям, посвященным отдельным

¹ В известной мере ей близка по характеру издания книга К. В. Тревер „Памятники греко-бактрийского искусства“ (М.—Л., 1940), представляющая собой первый том серии „Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа“.

² М. Э. Матье и К. С. Ляпунова. Греко-римский и византийский Египет. Путеводитель по выставке, Л., 1939. Их же. История техники эллинистического, римского и коптского Египта (в кн. „Очерки по истории техники древнего Востока“, М.—Л., 1940).

группам памятников¹. Некоторые вопросы, освещаемые в вводных главах работы, были уже намечены в этих предварительных статьях.

Книга делится на две основные части: первую — обобщающую, рассматривающую коптские ткани как памятники культуры, и вторую — представляющую собственно каталог, снабженный иллюстрациями. Первая часть состоит из четырех глав: I. Коптский Египет и изучение памятников его культуры. II. Техника коптских тканей. III. Древнеегипетские традиции в коптом искусстве. IV. Сюжеты коптских тканей V века.

В первой главе (стр. 3—19) дается краткая, но яркая картина исторических судеб Египта со времени Александра Македонского до VI в. н. э., главным образом в IV—VI вв. н. э. Особое внимание при этом уделяется вопросам идеологии, процессам ломки старой надстройки и формирования новой; подчеркивается длительное сохранение элементов культуры древнего Египта, испытавшей на себе влияние эллинистической, а позднее христианской идеологии. Следуя основным положениям работы И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, авторы вскрывают на конкретном историческом материале активную роль надстроечных явлений рассматриваемого периода и указывают на обычно игнорируемое буржуазной наукой своеобразие путей развития различных народностей (в частности, египетской), входивших в состав древних и средневековых государственных объединений. Следует всячески приветствовать также попытку авторов определить социальную сущность различных форм идеологии, выяснить классовые корни борьбы язычества и христианства, а также так называемых еретических учений, имевших столь широкое распространение в Египте. Плодотворна, в частности, мысль о сохранении древнеегипетских традиций в идеологии сепаратистски настроенных кругов египетской знати; позднее те же тенденции нашли свое отражение в ересь. Все эти вопросы, затронутые в историческом введении, неразрывно связаны с характеристикой коптского искусства и, в частности, художественных тканей. Дальнейшее изложение таким образом получает твердое историческое обоснование.

Глава заканчивается краткой историей изучения коптских памятников, включающей критику современного состояния буржуазной науки и отмечающей прогрессивное значение работ русских ученых, в первую очередь В. В. Стасова, а также собирателя коптских коллекций Эрмитажа В. Г. Бока.

Содержание второй главы (стр. 20—33) выходит за пределы ее названия. Помимо характеристики техники изготовления тканей, в ней содержится описание назначения сохранившихся тканей и принципов их украшений, а также условий находок некоторых документированных памятников, что позволяет уточнить их датировку и социальную принадлежность; сюда же, — по нашему мнению, не вполне оправданно, — включено и сопоставление принципов украшения тканей с принципами других видов искусства, причем особенно детально рассматриваются мозаичные полы. Авторы делают здесь ряд интересных наблюдений, отмечая, например, постепенное усиление подробности композиции, нарастание схематизации

¹ М. Э. М а т ъ е. Коптская расписная керамика Эрмитажа. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа (далее ТОВЭ), т. I, 1939; е е ж е. Коптские и египетские магические женские статуэтки, там же; е е ж е. Древнеегипетские мотивы на тканях византийского Египта, ТОВЭ, т. III, 1940; К. С. Л я п у н о в а. Коптская ткань с мифом о Геракле, ТОВЭ, т. I, 1939; е е ж е. Изображения Диониса на тканях византийского Египта, ТОВЭ, т. III, 1940.

и условности; эти черты, характеризующие стиль, значительно сыграли бы в контексте следующих глав, несколько искусственно отрывающих (как будет сказано ниже) содержание изображений от стиля; сами авторы частично возвращаются к этой теме в конце четвертой главы.

Большой интерес представляет третья глава (стр. 34—50) — „Древнеегипетские традиции в коптском искусстве“ [являющаяся переработкой статьи М. Э. Матве „Древнеегипетские мотивы на тканях Византийского Египта“ (ТОВЭ, т. III, стр. 117—145)]. Если первые русские исследователи коптских древностей только указывали на необходимость изучения древнеегипетских элементов в искусстве коптов, то автор рассматриваемой главы, будучи видным знатоком искусства Древнего Египта, прослеживает эти традиции на длинном ряде неоспоримых примеров, подкрепляя свои выводы данными литературы и искусства. Выявляя сохранение старых традиций в памятниках IV—VI вв., автор одновременно изучает процесс переосмысления сюжетов в соответствии с требованиями времени. Данная глава резко порывает с обычными концепциями буржуазной науки. Буржуазные ученые, как правило, отрывают историю Древнего Египта от так называемого христианского периода и тем более — от периода после арабского завоевания. Между тем „качественные особенности“, присущие каждому народу, тот вклад каждой нации в общую сокровищницу мировой культуры, о котором говорил И. В. Сталин,¹ сказывались, может быть, в менее ярко выраженной форме, и на предшествующих этапах развития различных народностей. Одним из достижений советской науки является выяснение роли различных народов в создании культуры человечества на разных этапах ее развития, — культура этих народов, входивших в состав эллинистического, римского, византийского, арабского и других государственных объединений, сохраняла известные качественные особенности.

Четвертая глава, названная „Сюжеты коптских тканей V века“ (стр. 51—80), менее отчетлива по кругу включенных в нее вопросов. Значительная часть ее посвящена довольно детальному разбору образов и сюжетов, связанных с греко-римской мифологией и литературой;² авторы отмечают своеобразные черты коптского претворения этих сюжетов, указывают на новое осмысление ряда мотивов, возникавшее, в частности, в связи с распространением христианства.

Авторы останавливаются (стр. 69—80) на „изменении стиля этих изображений“ (стр. 69), обусловленном требованиями новой, зарождавшейся в это время феодальной идеологии. Исходя из стилистического анализа, авторы создали некоторые критерии для датировки тканей. Следует признать удачным опыт выделения отдельных групп тканей по принципу их иконографической и стилистической общности. В заключение вновь (ср. гл. II) приводятся некоторые соображения по вопросу о социальном составе владельцев тканей.

При всех достоинствах рассмотренной первой части книги, принципиально отличающих ее от доныне известных каталогов коптских тканей, она не лишена и ряда недостатков как более общего, так и частного порядка.

¹ Речь И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года. „Большевик“, 1948, № 7, стр. 2.

² Эти части являются переработкой статей К. С. Ляпуновой, опубликованных в ТОВЭ, т. I и III.

Прежде всего, представляется недостаточно убедительным ограничение рамок издания IV—V вв. и исключение в связи с этим из его состава более поздних тканей; столь же мало убедительным представляется нам и исключение из каталога тех тканей, которые имеют орнаментальные изображения.¹ Мотивировка хронологического ограничения тем обстоятельством, что издаваемые ткани „были созданы в последний период борьбы язычества и христианства в Египте и отразили в своих изображениях ход развития этой борьбы; ткани же VI—VII веков имеют уже иной характер, и их изображения отражают в основном идеи и образы победившего христианства“ (стр. 19), вызывает серьезные сомнения. Полностью учитывая значение религиозных форм идеологии в рассматриваемый период, отнюдь нельзя считать этот момент решающим для периодизации даже такого конкретного материала, как ткани. К тому же авторы вступают в противоречие с собственным пониманием исторического процесса: борьба старых и новых форм идеологии в полном соответствии с борьбой старых (античных) и новых (феодалных) форм общества еще далеко не была закончена в V в. Античные сюжеты и образы, воплощенные в памятниках Константинополя и многих других центров, продолжали жить и в последующие века так же, как они сохранялись в памятниках литературы, в пережитках языческих культов и т. п.

С другой стороны, несмотря на то, что в ходе изложения (как, например, на стр. 21 при определении различных форм туник, на стр. 23—24 — при описании техники изготовления узоров, на стр. 26 — в рассказе о погребении Аврелия Коллуфа и в ряде других мест) неоднократно встречаются беглые указания на основания для датировки тканей, читателю все же остается неясным, каковы основные критерии для определения времени изготовления тканей. Не слишком ли увлекаются авторы критерием сюжета изображений, не совпадающим, кстати говоря, с понятием идейного содержания: не могут ли эти сюжеты навести их иной раз на спорные датировки? Было бы несправедливым обвинять авторов в том, что они при датировке игнорируют вопросы стиля (стиль, кстати говоря, не ограничивается формой, как это следует из нечетких формулировок на стр. 49 или 71, а органически включает и содержание), — в частности, этим вопросам уделено внимание в последнем разделе четвертой главы; однако, признавая сосуществование различных стилистических групп, они пренебрегают этим обстоятельством при датировке вещей и исходят из наличия единой линии развития стиля. Между тем ряд фактов говорит о том, что в эту переломную эпоху такой единой линии развития не было. Сосуществование разных стилистических групп как в период до победы христианства, так и после нее не подлежит сомнению. Христианская тематика должна была отразиться и в памятниках V в.; отсутствие ее в числе сюжетов на тканях рассматриваемого периода представляется сомнительным. В то же время мифологические образы, не чуждые искусству периода Юстиниана и даже более позднего времени, естественно представлены и на тканях VI в.

Быть может, привлечение орнаментальных тканей (не следует ли предполагать, что они в большей мере отражали народное искусство?) дало бы также ключ к датировке ряда сюжетных.

¹ Это можно объяснить лишь желанием наиболее полно опубликовать памятники. В таком случае рецензируемое издание следует рассматривать как первый том каталога.

Значительным пробелом книги, имеющей хорошее историческое предисловие, является отсутствие хотя бы краткой характеристики других вещественных памятников рассматриваемой эпохи. Изредка привлекая аналогии из других областей изобразительного искусства, авторы нигде не дали даже простого перечня вещей, находимых вместе с тканями; бесспорно, в каталоге тканей это не должно было носить развернутого характера, но в форме справки, в частности, при описании коллекции Эрмитажа такой перечень совершенно необходим.

Заканчивая первую главу, авторы подчеркивают, что они „не стремились дать полное и исчерпывающее исследование истории развития изображений на коптских тканях IV—VI веков н. э.“ (стр. 19), и действительно третья и особенно четвертая глава скорее представляют экскурсы по этим вопросам, чем исчерпывающее изложение темы. Само по себе это законное право авторов; следовало бы лишь привести в соответствие с фактическим содержанием структуру книги и ее оглавление.

Рассмотренные главы снабжены необходимыми примечаниями (стр. 81), дополняющими текст рядом интересных наблюдений.

Переходя к более мелким конкретным замечаниям, следует обратить внимание на некоторые неудачные формулировки, имеющиеся в первой главе. Так, первая же фраза книги, говорящая о большой историко-художественной ценности египетских тканей IV—V вв., неправильно ограничивает их роль лишь „своеобразным воспроизведением не сохранившихся современных им памятников изобразительного искусства и в особенности живописи“ (стр. 3). Между тем не подлежит сомнению самостоятельное значение публикуемого материала, имевшего сравнительно широкое распространение.

Вызывает сомнение формулировка на стр. 6, где говорится о том, что при Птолемах „основная масса жителей страны — население сельских общин — живет своей прежней жизнью“. Из этого следует, что новые формы культуры создаются лишь в Александрии. Однако создание этих новых форм навряд ли могло совершаться безо всяких сдвигов в жизни широких масс эксплуатируемого населения страны. На стр. 7 правильнее было бы говорить о включении Египта в 395 г. в Восточно-Римскую, а не Византийскую империю. Неточным представляется нам положение о том, что „одной из особенностей социальных отношений на Востоке было несколько более длительное сохранение значения городов по сравнению с Западом“ (стр. 12), — на самом деле городская жизнь не замирала в Византии, как и в ряде других стран Востока в течение всего средневековья.

В небольшом разделе, посвященном технике окрашивания тканей, не вполне правильно указывается, что Финикия представляла собой единственный район добычи пурпура; отнюдь не точно и указание, что применение его было „не всем доступно“ (стр. 25): правильнее было бы сказать, что носить подлинные пурпурные ткани было привилегией высших кругов придворной знати. Жаль, что авторы не указывают дат папирусов, содержащих данные об окраске тканей.

Как уже упоминалось выше, неоправданным является включение в главу о технике производства тканей отдельных фактов, касающихся социального положения владельцев некоторых сохранившихся тканей. Нам представляется также, что было бы более правильным выделить вопрос о принципах датировки и классификации тканей в самостоятельный раздел.

Непропорционально большое место в изложении занимают страницы, посвященные сопоставлению некоторых типов тканей с мозаичными полами (стр. 29—33). Остается неясным, единственный ли это вид искусства, связанный с украшением тканей. Надо бы поставить вопрос о возможности проводить аналогии с резьбой по камню, кости и т. п. К тому же цель всех проделанных авторами — самих по себе вполне убедительных — сопоставлений остается недостаточно ясной.

Вызывает сомнение также и то, насколько закономерна попытка авторов изолировать вопрос о цвете тканей, о наличии однотипных и многоцветных тканей от других моментов стилистической характеристики. Как известно, полихромия — явление, отличающее византийское искусство и искусство ряда других стран Востока на определенном этапе, теснейшим образом связана с рядом других стилистических черт.

Как отмечалось выше, особенно удачной следует признать третью главу, однако и в ней имеются некоторые промахи. Наименее убедительно среди многочисленных иных сопоставлений с древнеегипетскими мотивами сравнение так называемых „мальчиков с локоть“ с маленькими фигурками слуг, располагавшихся рядом с вельможами (стр. 48). Не говоря о том, что в рассматриваемую эпоху такое противопоставление размеров основных и второстепенных персонажей уже было широко распространено, — фигурки этих мальчиков, как нам кажется, имеют значительные аналогии с эротами.

Наконец, мы считаем спорным утверждение авторов, будто бы идеи, нашедшие свое отражение на предметах, имевших сравнительно широкое распространение, отражают вкусы одних лишь владельцев тканей (стр. 50), — не будет ли более правильным считать, что на них отразились также и вкусы тех, кто создавал эти вещи? Это тем более вероятно, поскольку у нас нет оснований предполагать, что египетские художественные ткани этого времени изготовлялись исключительно на заказ.

Четвертая глава, как уже упоминалось выше, отводит преимущественное внимание сюжетам тех коптских тканей, которые связаны с греко-римскими традициями. Хотя эта тема в большей мере интересовала буржуазную науку и была предметом неоднократного исследования зарубежных искусствоведов, авторы сумели внести в этот вопрос много нового, предложив удачные определения сюжетов некоторых групп Эрмитажных тканей. Быть может, однако, в данном случае было бы более целесообразно сопоставить их с современными им памятниками (живопись катакомб, стенные мозаики, резьба по мрамору и кости), чем в поисках первоисточника иной раз восходить к микенским прототипам (стр. 65). С другой стороны, правильно борясь с порочной методологией буржуазных искусствоведов, приписывающих „все лучшее, сделанное коптским искусством, греко-римским или иранским мастерам“ (стр. 15), — авторы книги все же уделяют большое внимание античным влияниям и полностью игнорируют связи коптского искусства с восточной культурой. Между тем анализируя, например, изображения всадников, следовало бы обратиться и к восточным аналогиям.

Общим недостатком этой главы (как и главы второй) является некоторая нечеткость в постановке ее основной темы, несоответствие ее заглавия содержанию. Далеко не все сюжеты, встречающиеся на коптских тканях, являются предметом исследования авторов (достаточно для этого ознакомиться с перечнем их в каталоге); с другой стороны, в эту главу входит не только анализ сюжетов, но и заслуживающие

всяческого одобрения стилистические характеристики отдельных групп памятников.

Вторая часть книги представляет каталог тканей IV—V вв. из собрания Эрмитажа (стр. 75—161).¹ Первые два подразделения каталога даются по функциональному признаку: завесы (№ 1—6) и туники (№ 7—11). Остальные восемь — по характеру сюжетов: портреты (№ 12—14); ткани с изображениями нильских божеств, нильской природы и жанровых сцен на берегах Нила (№ 15—21); ткань с изображением жанровой сцены (№ 22); ткани с изображением эротов (№ 23—33); с мифологическими сюжетами (№ 34—123), с изображениями всадников (№ 124—193); с изображениями человеческих фигур и всадников (№ 194—370); птиц и рыб (№ 371—409). Подавляющее большинство всех этих памятников воспроизведено на 48 таблицах. Для каждого памятника авторы указывают краткое наименование, материал, технику изготовления, размер, перечисляют краски, а затем приводят довольно развернутое описание (более подробное, чем в каталогах западноевропейских и американских собраний) и дату; в заключение указано состояние памятника (сохранность), происхождение его, а также инвентарный номер, ссылка на таблицу и аналогии. Не вполне ясным для читателя остается вопрос о принципе, по которому в описание включаются или не включаются указания на раскраску отдельных деталей; можно лишь предполагать, что указания приведены в тех случаях, когда репродукция не дает представления о распределении цветов. Технику воспроизведения таблиц можно признать удовлетворительной, хотя фактура тканей в них не всегда передана. Было бы полезно увеличить количество цветных таблиц.

Подводя итоги, следует признать, что рецензируемая книга представляет серьезное, принципиально новое, марксистское исследование большого, сложного и очень интересного историко-культурного и художественного материала. Применение марксистско-ленинского метода и, в частности, творческое использование работ И. В. Сталина, позволило авторам поставить, а в ряде случаев и разрешить интересные научные проблемы.

М. Э. Матье и К. С. Ляпунова привели в систему, опубликовали, определили и датировали основной фонд коптских тканей IV—V вв. — богатейшего советского и одного из лучших в мире собраний. Работа М. Э. Матье и ныне уже покойной К. С. Ляпуновой должна быть продолжена с учетом некоторых высказанных здесь замечаний.

Издательство „Искусство“ положило начало выпуску научных каталогов замечательных художественных и историко-культурных собраний крупнейшего советского музея. Остается непонятным, почему, однако, оно сочло необходимым стыдливо умолчать (не указав в названии книги) о том, что данная работа является научным каталогом коллекции Государственного Эрмитажа. Раскрытие богатейших фондов собраний наших музеев представляет большой интерес для широких кругов советских читателей и посетителей музеев.

Остается пожелать, чтобы хорошее начинание было не случайным эпизодом, а плановым систематическим делом издательства „Искусство“.

А. В. Банк

¹ По непонятному недосмотру последнее обстоятельство не отражено в заглавии раздела.

E. STEIN. HISTOIRE DU BAS-EMPIRE, TOME II. DE LA DISPARITION DE L'EMPIRE D'OCCIDENT À LA MORT DE JUSTINIEN (487—565)

Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949.

Второй том „Истории Византийской империи“ содержит изложение событий от падения Западной Римской империи до конца правления Юстиниана I (527—565) и является посмертным трудом Эрнеста Штейна, подготовленным к печати Ж. Р. Паланком.

Э. Штейн не сразу стал византиноведом. Его первые труды были посвящены исследованиям в различных областях истории Римской империи.¹ Исследование по византийской истории Штейн избрал темой своей докторской диссертации,² как и темой *opus habilitationis* при утверждении в звании профессора,³ и с этих пор обратил все свои научные интересы на изучение истории Византии.

Предпринятому Штейном обобщающему труду по истории Византии предшествовали многочисленные подготовительные этюды, посвященные преимущественно изучению византийских центральных и областных государственных учреждений.⁴ Первый том рецензируемого труда Штейна, в котором он использовал много ранее не изученных исторических источников,⁵ вышел в Вене в 1928 г. Немедленно после окончания работы над первым томом Штейн начал сбор материалов для второго тома, который он рассчитывал довести до конца правления императора Ираклия (610—641). Однако автору удалось составить лишь предварительный набросок второго тома в этом первоначально намеченном объеме. Обилие привлеченных Штейном источников заставило его отказаться от первоначального замысла и закончить этот том правлением Юстиниана I, перенеся весь остальной материал в третий том, который из-за смерти автора не увидел света.

Рецензируемый второй том труда Э. Штейна состоит из следующих глав: I. От падения Западной Римской империи до смерти Зинона (476—491); II. Внешняя история римского Востока при Анастасии I (491—518); III. Теодорих Великий: организация и апогей королевства остготов в Италии (493—518); IV. Церковная, административная и экономическая политика Анастасия I (491—518); V. От смерти Анастасия I до вступления на престол Юстиниана I (518—527); VI. Император Юстиниан I; его внешняя политика и войны до взятия Равенны Велizarием (527—540); VII. Религиозная и церковная политика Юстиниана до эдикта против Оригена (527—543): *Corpus juris civilis*; VIII. Внутренняя история правления Юстиниана до падения Иоанна Каппадокийского (527—541); IX. Сношения империи с восточными и дунайскими

¹ Zum Gebrauch des prokonsularischen Titels seitens der römischen Kaiser. „Klio“, XII (1912), S. 392—396; Beiträge zur ältesten römischen Geschichte. Wiener Studien, XXXVII (1915), S. 353—366; Kleine Beiträge zur römischen Geschichte. „Hermes“, LII (1917), S. 558—583; Untersuchungen über das Officium der Prätorianerpräfektur seit Diokletian, Vienne, 1922, 77 S.

² Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit. „Klio“, XVI (1919), S. 40—71.

³ Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches, Stuttgart, 1919, VIII, 200 S.

⁴ Untersuchungen zum Staatsrecht des Bas-Empire. „Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte“, Romanistische Abteilung, XLI (1920), S. 195—251; Ein Kapitel vom persischer und vom byzantinischer Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. „Mitteilungen zur osmanischen Geschichte“, II (1925), S. 1—62.

⁵ Geschichte des spätrömischen Reiches, I: Vom römischen zum byzantinischen Staate, 284—476, Wien, 1928.

соседями от начала второй персидской войны Юстиниана до его смерти (540—565); X. Войны в Африке, Испании и Италии (540—565); XI. Возрождение монофизитства, спор о трех главах и последний богословский эдикт Юстиниана (542—565); XII. Золотой век византийской литературы; XIII. Внутренняя история правления Юстиниана от падения Иоанна Каппадокийского (541—565). Кроме того, том содержит 26 экскурсов, затрагивающих отдельные вопросы истории Византии этого периода.

Штейн определяет византийскую историю, как „совокупность исторических фактов, следующих за классическим античным миром, прямо и очевидно из него вытекающих“; это не только „переход от античности к средневековью“, но даже сама „античность в средневековье“.¹ И „если исследования (истории Византии. — Б. Г.) требуют известного знакомства с невизантийским миром, то еще настойчивее они требуют знания римских древностей“. Этими положениями определяется антинаучная „концепция“ истории Византии, развиваемая Штейном.

Еще в предисловии к первому тому рецензируемого труда Штейн писал, что, никогда не покидая твердой почвы источников, он якобы „не делал никакого насилия над последней в пользу какой-либо идеи исторической философии или какого-либо мировоззрения (*weltanschauliche Meinung*), каковы бы они ни были“. Эти уверения в беспристрастности истолкования источников — общая черта буржуазных историков вне зависимости от того или иного направления их общественно-политических взглядов, которое они стремятся завуалировать подобными заявлениями. И в этом отношении Штейн не составляет исключения.

Прежде чем подвести итоги изучения того или иного раздела, автор систематически проверял свои выводы в предварительных этюдах: случайно прошло 17 лет после выхода в свет первого тома, пока он закончил свою рукопись. Но, как и у большинства буржуазных историков, тщательная, скрупулезная работа Штейна над источниками, его стремление подробно изучить мельчайшие, часто второстепенные детали византийской истории не соответствуют значению конечных общих выводов автора. Так, несмотря на то, что в своих многочисленных этюдах (из которых мы назвали лишь немногие) Штейн уделял немалое внимание анализу деятельности учреждений Византийской империи, ему не удалось притти в своем труде к широкому обобщающим выводам. Это объясняется тем, что византийские учреждения рассматриваются Штейном с формально-юридической точки зрения. Буржуазный историк, Штейн отказывается от исследования закономерностей процесса развития общественно-экономических отношений Византии, полностью игнорирует важнейшую для историка задачу — изучение классовой борьбы и народных движений, без понимания которых нельзя правильно объяснить смены одних форм государственного управления другими.

Принятая Штейном периодизация византийской истории ни в какой мере не может удовлетворить советского историка-марксиста. Историю Византии он делит на три периода: ранневизантийский, средневизантийский и поздневизантийский. Первый из них обнимает время от Диоклетиана до Ираклия (284—641); это — эпоха всемирного могущества византийского государства; средневизантийский период, в котором Византия еще остается первой мировой державой, характеризуется

¹ Annuaire du cercle pédagogique des professeurs de l'enseignement moyen sortis de l'Université de Louvain, XXXVI (1938), p. 10—12.

с точки зрения Штейна длительной борьбой с арабами и внутренней реорганизацией, достигающей наибольшего размаха при Македонской династии; после 1081 г. начинается поздневизантийский период — время упадка Византии, полное многих испытаний перед катастрофой 1453 г.

Порочность этой периодизации состоит прежде всего в ошибочном стремлении поставить знак равенства между поздней Римской и Византийской империями, между которыми на самом деле лежит резкая грань — революционный переход от рабовладельческой к феодальной общественно-экономической формации. Нет никаких оснований относить начало истории Византии к 284 г., т. е. к моменту воцарения Диоклетиана. В такой же степени столкновения с арабами и реформы государственного устройства не могут быть признаны историческими вехами, достаточными для того, чтобы выделить время с 641 по 1081 г. в некий самостоятельный период. Наконец, между 1081 г. и 1453 г. — датой конца империи — лежит продолжавшаяся 57 лет полоса существования Латинской империи, создающая определенный „водораздел“ между предшествующим и последующим периодами: каждый из них имеет свои особенности и различия, так что их никак нельзя без ущерба для научной истины втиснуть в рамки одного и того же периода. Схема периодизации, предложенная Штейном, близка ко многим другим схемам, выдвигавшимся буржуазными византинистами, которые избирали критерием для периодизации случайные, произвольные даты, трактованные ими в качестве вех византийской истории. Научная периодизация истории Византии, как и истории любой другой страны, может быть построена лишь на основе марксистско-ленинского учения о смене общественно-экономических формаций.

Первые пять глав рецензируемого труда содержат изложение внешней и внутренней истории Византии от падения Западной Римской империи до вступления на престол Юстиниана I (это время выделяется Штейном как особый „подпериод“). Автор пытается установить отличительные черты начала и конца этого периода. По его мнению, в IV в. язычество сохраняет еще свою жизнеспособность, латинский язык — свое преобладающее значение по сравнению с греческим, сенаторские фамилии — традиции древнего Рима, вследствие чего империя носит скорее римский, чем византийский характер. В VI в., напротив, римского, — полагает Штейн, — ничего не остается, кроме „политической организации и государственной концепции“ (кавычки мои. — Б. Г.), которая будет еще долго существовать в сознании византийцев. Государство в Византии тесно связано с религией; в нем настолько господствуют восточные элементы, что, с точки зрения Штейна, к этому времени можно считать оконченным процесс смещения Востока и Запада, составляющего, по мысли автора, квинт-эссенцию „византизма“ (стр. 7—8).

Если отбросить тезис о вытеснении латинского языка греческим (которое, кстати, происходит позднее, чем это думает Штейн), если отвлечься от ошибочной переоценки автором „жизнеспособности“ остатков язычества в IV в., то остается одно основное положение, свидетельствующее об идеалистической основе концепции Штейна. Это — мысль о неизменной политической организации и о какой-то изначальной надклассовой „государственной концепции“, которой якобы было обеспечено длительное существование в Византии. Чисто идеалистическая интерпретация византийской истории сближает Штейна со многими другими современными буржуазными византинистами, твердящими,

как, например, Г. А. Острогорский, о „Reichsidee“, как о единственной и неизменной движущей силе истории Византии на всем ее протяжении.

Хотя первые пять глав, при составлении которых автор частью пересмотрел старые и изучил новые источники, содержат некоторые интересные наблюдения по частным вопросам, тем не менее, в этих главах имеется ряд ошибочных положений; на важнейших из них мы считаем необходимым остановиться.

В параграфе о церковных делах и религиозной политике Зинона автор утверждает, что в IV в. арианство и язычество объединились в борьбе против господства официальной церкви, а в V в. последняя будто бы вступила в союз с язычеством для общей борьбы против монофизитства (стр. 23). Утверждения о существовании подобных „коалиций“ ни на чем не основаны, а „союз“ официальной церкви с язычеством, якобы созданный для борьбы против монофизитства, вообще был невозможным в то время, когда господствующая церковь вела энергичную борьбу против остатков язычества, нередко прибегая в этой борьбе к жестокому террору против „инакомыслящих“. Идеалистическая концепция Штейна проявляется в неприкрытой форме, когда он утверждает, что подобный союз (корни которого, если бы он действительно имел место, следовало бы искать в специфических особенностях расстановки классовых сил) мог быть создан по плану, разработанному неоплатоником-язычником Пампрепием. Вообще все изменения, происходившие в соотношении сил во время ожесточенной религиозной борьбы IV—V вв. Штейн объясняет исключительно деятельностью отдельных участников этой борьбы, которая основывалась будто бы на всегда заранее разработанных планах действий и т. д. Например, изменение религиозной политики правительств в 482 г. автор „объясняет“ сношениями Илла с духовным главой монофизитов (стр. 24); отход Зинона от борьбы с монофизитами, эдикт „Энотикон“ (482 г.), в котором подтверждались постановления первых трех вселенских соборов и подвергались анафеме Несторий и Евтихий, также объясняются исключительно деятельностью церковников, окружавших в это время императора Зинона (стр. 25—26). Ошибкой является утверждение Штейна о том, что в Сирии были весьма сильны позиции официальной церкви. Известно, наоборот, что Сирия была одним из наиболее сильных оплотов монофизитства.

В искаженном свете рисует автор внутреннюю историю государства Одоакра: он заявляет, что, по странной иронии истории, „свобода римской знати, за которую некогда умерли Брут и Кассий, никогда не была установлена с такой полнотой, как при первом варварском короле, правившем в Италии“ (стр. 41). Исследования советских историков показали обратное, а именно — то, что в государстве Одоакра были сильно ущемлены привилегии крупных землевладельцев: последние начали восстанавливать свое прежнее положение лишь после завоевания Италии войсками Юстиниана I. Сам автор противоречит себе, когда отмечает, что многие поместья крупных земельных магнатов были распределены небольшими участками между воинами Одоакра (стр. 42). В этой связи следует отметить, что автор, продолжая свои предварительные исследования, внес много нового в изучение характера деятельности *comitiva rerum privatorum*, в функции которой входило распределение конфискуемых у римской знати земель (стр. 51—52).

Довольно полно освещена Штейном внутренняя политика и административные реформы императора Зинона (стр. 65—75). Автор под-

робно анализирует эти реформы, вносившие ряд изменений в функции правительственного аппарата, главным образом, областного. В частности, он детально рассматривает реформу 435—436 гг. (об изменении порядка юрисдикции сената), излагая предварительно историю относящегося к этому вопросу законодательства, начиная с реформы 440 г., по которой *clarissimi* и *spectabiles* лишились права участия в заседаниях сената.

Переходя к изложению событий правления Анастасия I (491—518), Штейн уделяет внимание восстаниям факций, происходившим в Константинополе и во многих городах империи в начале правления Анастасия I и поддержанным народными массами. Однако мы напрасно стали бы искать у автора анализа социального состава факций и димов, сущности классовых противоречий между фракциями и внутри их. Вследствие отсутствия такого анализа подлинный характер движения димотов остается у Штейна невыясненным, и это обстоятельство лишний раз подтверждает тот факт, что буржуазные ученые не в состоянии правильно характеризовать эти движения. Только советские ученые, вооруженные марксистско-ленинской методологией исторического исследования, способны решить эту задачу, о чем свидетельствуют работы А. П. Дьяконова,¹ Н. В. Пигулевской² и М. В. Левченко.³ В параграфе „Абиссиния и Йемен“ (стр. 101—105), несмотря на большое количество привлеченных источников, автору не удалось с достаточной полнотой проследить связи Византии со странами Востока. Эти связи были глубоко изучены советским историком Н. В. Пигулевской в ряде ее статей⁴ и особенно в монографии „Византия на путях в Индию“ (1951 г.), обобщающей накопленный автором материал многолетних исследований.

Содержание третьей главы, трактующей о роли Теодориха в организации королевства остготов в Италии (стр. 107—156), собственно говоря, выходит за пределы истории Византии, как таковой. Введение этой главы можно объяснить лишь тем, что Штейн, как мы уже отмечали, рассматривал Византию как непосредственное продолжение Римской империи и поэтому стремился проследить судьбы ее западной части на примере, в частности, „варварского“ королевства остготов. Автор крайне идеализирует личность Теодориха, приписывая исключительно ему все глубокие изменения в общественно-экономическом и политическом строе Италии, происшедшие за время существования остготского королевства. Он заявляет, что если для Константина и Феодосия I эпитет „Великий“ можно допустить лишь с натяжкой, то в отношении Теодориха его можно применить без всякого ограничения (стр. 107). Штейн называет Теодориха вдохновителем последнего

¹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (*τὰ δῆμι*) в V—VII вв. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945, стр. 144—227.

² Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 129—159, 159—164.

³ М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 164—183.

⁴ Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов (сирийские источники по истории Ирана и Византии), „Записки Института востоковедения АН СССР“, VII (1939), стр. 55—78; Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв., „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 184—212; Первоисточники истории кушито-химьяритских войн (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке), „Византийский Временник“, т. II, стр. 74—93; Эфиопия и Химьяр в их взаимоотношениях с Восточно-Римской империей, „Вестник древней истории“, 1948, № 1, стр. 87—97; Законы химьяритов. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 51—61.

подъема римской культуры, мудрым примирителем античной цивилизации и „германизма“, боровшихся в течение полутысячелетия. На самом деле социально-экономическая политика Теодориха была направлена на удовлетворение интересов крупного землевладения — как прежнего римского, сенаторского и церковно-монастырского, так и крупного остготского, вновь создававшегося на базе земельных пожалований Теодориха. По мысли Маркса, „его (Теодориха. — Б. Г.) большая ошибка заключалась в том, что он не только сохранил *римскую экономику*, законы, магистратуру и т. д., но и обновил их в известной мере“.¹ Штейн совершенно умалчивает о частых народных движениях, которые имели место в правление Теодориха и были направлены против усиливавшейся эксплуатации со стороны крупных землевладельцев. Исследуя реформы Теодориха на основе данных исторического произведения Кассиодора и других источников, автор уточняет понимание ряда деталей административного устройства остготского королевства. В частности, он показывает характер института *saiones* и *comitias*, назначавшихся исключительно из рядов остготской военной знати и игравших большую роль в управлении королевством. Освещена в этой главе также и внешняя политика Теодориха.

Четвертая глава посвящена изучению церковной, административной и экономической политики Анастасия I (491—518). Изменение церковной политики Анастасия I в сторону установления терпимого отношения к монофизитам Штейн ошибочно объясняет его личными симпатиями, основанными якобы на глубоком уважении к современным ему вождям монофизитов (стр. 157). На самом деле эта политика вызывалась необходимостью считаться с силой монофизитов в восточных провинциях, являвшихся мощными экономическими центрами империи.

В извращенном виде представлено в труде Штейна восстание 513 г., во главе которого стоял комит федератов Виталиан (стр. 177—185). Это движение, в котором принимали активное участие широкие народные массы, автор объясняет исключительно их недовольством примиренческой политикой Анастасия I по отношению к монофизитам. Бесспорно, что религиозные противоречия играли значительную роль в борьбе факций.² Однако в основе народных движений, происходивших в правления Анастасия I и Юстиниана I, лежали изменения в общественно-экономическом строе, повлекшие за собой обострение классовых противоречий и вызвавшие острые конфликты не только среди руководящих групп факций и димов,³ но и выступления эксплуатируемых групп населения против господствующей верхушки внутри этих организаций. Часто эти движения разрывались в настоящие восстания, угрожавшие императорскому трону.⁴ Только под этим углом зрения можно правильно расценить восстание, во главе которого стоял Виталиан.⁵

С достаточной полнотой изучена Штейном финансовая политика Анастасия I, которой он дает положительную оценку. Известно, однако, что финансовые мероприятия первых византийских императоров тяжело отражались на положении трудящихся масс империи. Автор

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1938, стр. 21.

² М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 172.

³ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 175.

⁴ Там же, стр. 176.

⁵ См. Н. В. Пигулевская. Ук. соч., стр. 136—139.

детально исследует характер применения *сυνωνή* (римского *coemptio*), по которой обложение поземельной податью в натуральной форме было заменено денежным на основе золотого исчисления и был установлен новый порядок сбора этого важнейшего налога с общин: взимание налогов с мелких землевладельцев было изъято из ведения декурионов и предоставлено виндикам-откупщикам, что сильно увеличило доходы византийского государственного казначейства. Как отмечает Штейн, в 498 г. было уничтожено *auri lustralis collatio*, причем ущерб, понесенный от этой меры казной, был с избытком возмещен реформой *coemptio*. Автор исследует далее монетную реформу Анастасия, укрепление системы *ἐπιβολή* (*adiectio*). При Анастасии, как показывает Штейн, не только зачастую уничтожались правовые различия между *ἐπιβολή ὁμοδούλων* и *ἐπιβολή ὁμοκλήσεων*, но посредством *adiectio* невольные земли присоединялись к возделываемым владениям. Эдиктом префекта претория Зотика это было запрещено. Кроме того, Анастасий издал указ, запрещающий применение *ἐπιβολή ὁμοκλήσεων* к владениям, управлявшимся *comitiva sacri patrimonii*.

Излагая (в пятой главе) события от смерти Анастасия I (518) до вступления на престол Юстиниана I (527), Штейн вносит мало нового в обычное для буржуазной историографии освещение этого периода, если не считать его вряд ли обоснованной попытки пересмотреть общепринятый среди буржуазных византиноведов взгляд на личность Юстина I, которого все историки справедливо расценивают, как жалкую посредственность.

Вся остальная часть книги (стр. 275—780) Штейна посвящена правлению Юстиниана I. Прежде чем приступить к анализу отдельных сторон деятельности императора, автор дает общую оценку личности Юстиниана I, которого он, следуя принятой буржуазными историками традиции, безмерно идеализирует. В оценке юстиниановской внешней политики Штейн допускает ряд нелепостей. Так, говоря о значении войн Юстиниана I, он утверждает, что „без византийского завоевания Италии нельзя понять ни подъем венецианского могущества, ни образования Неаполитано-Сицилийского государства, первого государства нового времени (sic!)“ и что „еще в XII в. западная политика императора Мануила Комнина носит отпечаток „империализма“ (кавычки мои. — Б. Г.), возникающего при Юстиниане“ (стр. 277). В описании Штейна Юстиниан наделяется страстью к славе, которая, оказываясь, побуждает его ко многим „благородным“ действиям, любовью к богословским исследованиям, в которых он мог показать свою „эрудицию“, стремлением лично редактировать издаваемые им законы и т. д. В то же время автор пишет о терпимости Юстиниана к критике, о его скромности, расточает похвалы якобы исключительной трудоспособности императора (стр. 278—279), его заботам об единстве религии, его руководству по кодификации законодательства. Идеализация Юстиниана давно уже стала традицией у буржуазных византинистов, и ничего оригинального в этом отношении работа Штейна не дает.

Очерк о внешней политике Юстиниана рисует картину завоевательных войн Юстиниана (имевших целью, как полагает автор, превратить Средиземное море в „*mare nostrum*“), а также его оборонительных войн, задачей которых было преградить натиск славянам в пределы империи. Собранный автором материал показывает, что славяне серьезно угрожали империи. Опираясь на данные многих источников, в том числе и таких, которые ранее никем не были использованы, Штейн отмечает, что болгары овладели в Иллирике тридцатью двумя

крепостями; захватив Кассандрию, Потидею, они проникли во Фракийский Херсонес, даже пересекли Геллеспонт и прорвались на малоазийский берег, подвергнув его опустошению и сломя сопротивление Анастасия у „Длинной стены“, которую историк VI в. Евагрий называл „знаменем бессилия, памятником трусости“.

Известный интерес представляет изложение автором вопроса об организации управления в Северной Африке после завоевания королевства вандалов (стр. 318—328). Автор останавливается на создании *magisterium militum Africae* с центром в Карфагене.

В седьмой главе своего труда, основываясь главным образом на историческом сочинении Прокопия Кесарийского, Штейн исследует церковную политику Юстиниана.

Что касается общей оценки юстиниановского законодательства, как и всей его государственной деятельности, то Штейн, будучи буржуазным историком, оказывается совершенно бессильным разобраться в сущности того и другого. Советские ученые впервые дали единственно правильную научную характеристику деятельности прославленного буржуазными историками Юстиниана I, основанную на гениальном сталинском учении о переходе от рабовладельческой формации к феодальной.¹ Советские историки установили, что Юстиниан — прежде всего душитель угнетенных масс, „потопивший в море крови восстания константинопольского плебса“, жестоко подавлявший все и всяческие проявления революционного движения не только в Византии, но и в Западной Римской империи, что „вся внутренняя политика этого императора, его „прославленное“ законодательство преследовали одну цель: укрепить распадавшийся под ударами революции рабов рабовладельческий строй и подавить эту революцию“.²

Штейн посвящает особый параграф восстанию „Ника“ (532 г.) (стр. 449—456). Однако, это самое значительное в истории Византии VI в. народное движение, это крупнейшее восстание городского населения,³ закончившееся разгромом димов вследствие нерешительности и измены примкнувшей к восстанию враждебной Юстиниану части сенаторской аристократии,⁴ не получило в рецензируемой работе правильного освещения.

Очень подробно, разбирая некоторые частные вопросы, излагает Штейн деятельность Юстиниана в области административных реформ, уделяя особое внимание реформам, непосредственно проводившимся Иоанном Каппадокийским во время его второй префектуры (стр. 463—470). К интересным выводам пришел автор, изучая реформы провинциального управления в Армении (стр. 470—472), Малой Азии (стр. 472—473), исследуя новую магистратуру (*quaestura exercitus*), созданную в 536 г. (стр. 474—476), рассматривая организацию византийского управления в Египте.

Девятая и десятая главы труда Штейна посвящены изучению внешней политики Юстиниана от 540 г. до конца его правления. Здесь очень подробно излагаются события войн с Персией, войн в Африке, Испании и Италии. Особый параграф посвящен событиям на придунайской границе Византии, где в правление Юстиниана происходили непрерывные вторжения антов, болгар и славян (стр. 521—525). Однако автор при этом ограничивается лишь внешним изложением событий,

¹ См. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 9—10.

² Там же, стр. 10.

³ Н. В. Пигулевская. Ук. соч., стр. 141.

⁴ М. В. Левченко. История Византии. Краткий очерк, М.—Л., 1940, стр. 61.

связанных с походами славян, не затрагивая вопроса об их огромном историческом значении, вопроса, который был подвергнут всестороннему изучению в трудах советских ученых.¹

После длинных экскурсов, посвященных завоевательным войнам Юстиниана, экскурсов, в которых не дается никакой оценки реакционной сущности его внешней политики, Штейн переходит к анализу положения Италии после византийского завоевания (стр. 612—622). В этом разделе автор также нанизывает большое количество как известных, так и вновь отмечаемых им фактов, не пытаясь дать этим фактам надлежащей оценки.

Реакционная сущность законов Юстиниана, изданных им для завоеванной Италии, наиболее полно предстает перед нами в Прагматической санкции 554 г. Этим актом Юстиниан стремился повернуть вспять колесо истории, восстанавливая старые римские учреждения и старые порядки, уничтожая все следы „тирании“ Тотилы, организуя погоню за бежавшими колонами для водворения их в имения прежних владельцев. Реакционное законодательство Юстиниана еще более ухудшило тяжелое положение народных масс Италии, доведенных до нищеты длительными войнами. Сильно уменьшившееся за годы войн население не в состоянии было обрабатывать земли, большое количество которых оставалось невозделанными. Но Штейн не замечает всего этого: он ограничивается лишь ничего не говорящим замечанием о том, что „во многих отношениях это законодательство не соответствовало реальному положению дел“ (стр. 615). Ошибочно утверждение Штейна о том, что после завоевания Италии сенаторское сословие потеряло свое прежнее значение, — весь дух Прагматической санкции свидетельствует о том, что она была направлена на всемерное укрепление сенаторского землевладения.

В оценке автором деятельности Юстиниана содержится много других ошибочных и порочных положений. Штейн, как и остальные представители буржуазной исторической науки, приложил немало усилий, чтобы поддержать миф о „великом“ царствовании Юстиниана, о его „великих деяниях“, миф, разоблаченный и навсегда похороненный советским византиноведением. Советские историки показали, что правление императора Юстиниана было периодом кратковременного торжества рабовладельческой реакции, последней отчаянной попыткой рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс.²

Одиннадцатая глава рецензируемой работы посвящена церковным делам второй половины (542—565) правления Юстиниана. В этой главе идет речь о новом усилении монофизитского движения, о споре по поводу трех глав и о последнем богословском эдикте Юстиниана. Автор, конечно, не смог дать правильной оценки религиозной политики

¹ См. Н. В. Пигулевская. Авары и славяне в сирийской историографии. „Советское востоковедение“, М.—Л., 1941, т. II, стр. 27—36; А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII веков. „Вестник древней истории“, 1946, № 1, стр. 20—34; В. И. Пичета. Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков, там же, 1947, № 3, стр. 95—99; Б. Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй, там же, 1939, № 1, стр. 308—318. Подробную библиографию вопроса см. в „Сборнике документов по социально-экономической истории Византии“, М., 1951, стр. 295—297.

² См. З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его „История войн с готами“. Вступительная статья к изданию „Прокопий из Кесарии. Война с готами“, перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 7.

Юстиниана и не сумел показать, что под маской борьбы за чистоту христианской религии Юстиниан необычайно жестоко расправлялся со всяким свободомыслием.¹

Двенадцатая глава носит название „Золотой век византийской литературы“. В этом названии слышатся отзвуки распространенной среди буржуазных литературоведов и историков искусства ошибочной теории о том, что в царствование Юстиниана происходит якобы последний расцвет античной культуры. Эти ученые забывают известные факты, свидетельствующие о том, что Юстиниан во имя борьбы за чистоту официальной религии обрушивал жесточайший террор на малейшее проявление инакомыслия, что именно он закрыл в 529 г. Афинскую высшую школу, что Юстиниан поддерживал лишь тех писателей, которые слепо проводили его политику превращения религии в оружие порабощения масс правительственному деспотизму этой теократической империи, душившей ростки всего прогрессивного в византийской культуре. При Юстиниане „вся духовная жизнь находилась под строжайшим контролем государства, которое беспощадно пресекало всякую оппозиционную мысль, всякое новшество, всякое либеральное богословское течение... Максимально централизованный государственный аппарат зорко следил за тем, чтобы в господствующее мировоззрение не просачивались какие-либо посторонние влияния... Инакомыслящих отправляли в ссылку либо приговаривали к смертной казни“.² Таким образом, вся политика Юстиниана была направлена к тому, чтобы всемерно поощрять творчество идеологов официального христианства, „отцов церкви“, которые должны были доказать „слабость“ человеческого разума, подавить всякую свободу мысли и самостоятельность в деятельности оппозиционных элементов византийского общества. Время правления Юстиниана никак не может быть названо „золотым веком“ византийской литературы. Наоборот, если в последующие эпохи, как, например, в эпоху иконоборчества, появляются прогрессивные течения в науке, литературе и искусстве, то такие явления могли иметь место лишь как следствие победы над затхлым режимом — сплошного засилия церковников-мракобесов, основы которого были заложены Юстинианом.

В рассматриваемой главе Штейн в первую очередь дает анализ творчества последних представителей литературы, писавших на латинском языке, — Кориппа, Аратора и др. Заслуживает внимания указание Штейна, что значение произведений Кориппа до сих пор недооценивалось его исследователями. Действительно, прежние исследователи (Скутш, Манидиус, Шанд, Гозиус, Диль и др.) не принимали во внимание того, что сочинения Кориппа могут послужить важным источником для изучения событий в Африке, восстания Кутцины 543 г., могут позволить восстановить много неизвестных до этого подробностей, касающихся истории войн за завоевание Северной Африки.

Расцвет греческой литературы Штейн усматривает в творчестве Романа Сладкопевца (стр. 696—697) и некоторых других представителей церковной поэзии, прославлявших официальную православную религию.

Говоря о прозаических произведениях этого времени, автор останавливается на сочинениях некоторых представителей агиографической

¹ См. З. В. Удалцова. Прокопий Кесарийский и его „История войн с готами“. Вступительная статья к изданию „Прокопий из Кесарии. Война с готами“, перевод С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 7.

² В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, М., 1947, стр. 17.

литературы и на „Христианской топографии“ Космы Индикоплова. Однако последнему произведению автор посвящает несколько беглых строк, не только ничего не прибавляющих к нашим представлениям об этом писателе, но и значительно уступающих исследованиям советских историков в этом направлении.¹

Раздел главы, посвященной историкам и хронографам этой эпохи, не дает почти ничего нового по сравнению с тем, что известно о них из сочинений буржуазных историков византийской литературы и исследователей, анализировавших творчество византийских историков этого периода, — Крумбахера и других. Основное место в этом разделе уделено историческим произведениям Прокопия Кесарийского (стр. 709—723). Разумеется, мы не найдем здесь определения, интересы каких классовых групп отражал этот виднейший историк юстиниановской эпохи; Штейн не понимает, что Прокопий был под влиянием оппозиционных настроений старой рабовладельческой аристократии² и стремился к восстановлению былого могущества „высшей рабовладельческой знати, группировавшейся вокруг сената“.³ Не столь подробно останавливается Штейн на характеристике творчества Петра Патрикия и Иоанна Лиды, не отмечая других историков этой эпохи, заслуживающих не меньшего внимания.

Последняя, тринадцатая глава труда Штейна посвящена внутренней истории правления Юстиниана в последние годы его царствования (541—565), со времени смещения Иоанна Каппадокийского. Отметим, кстати, что подобная „периодизация“ правления Юстиниана, опирающаяся на такую случайную дату, как „падение“ ничем не приметного сановника, прославленного буржуазными историками лишь за то, что он был верным лакеем Юстиниана, угодливым проводником его реакционной политики, может только служить лишним примером полнейшего произвола в принятой Штейном „системе“ периодизации византийской истории.

В этой последней главе Штейн установил некоторые новые детали, касающиеся функций таких сановников, как *refendarii a secretis*, куропалатов и т. д. Посвятив далее ряд страниц описанию стихийных бедствий и эпидемий, разразившихся в это время в Византии, затронув вопрос о развитии производства шелка, автор кончает свою книгу описанием последних дней Юстиниана.

Дополнением к книге Штейна служат обширные комментарии („экскурсы“), содержащие богатый фактический материал, в особенности по вопросам структуры и функций византийского правительственного аппарата. К книге приложен длинный перечень источников и три исторические карты.

В своей работе Штейн не мог избежать пороков, присущих исследованиям всех буржуазных ученых-византистов. Внутренняя история Византии рассматривается им почти исключительно в плане анализа структуры и функций административного аппарата империи, которому автор придает исключительное значение в ее судьбах. Это — одно из наиболее ярких проявлений идеалистического понимания исторического процесса, свойственное Штейну, как буржуазному ученому. Важнейшие вопросы социально-экономической истории, классовой борьбы, как, например, борьба димов и факций, имевшая большое значение, факти-

¹ См. Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 199 сл.

² Э. В. Удальцова. Ук. соч., стр. 15.

³ Там же, стр. 18.

чески остаются без рассмотрения, либо, в лучшем случае, излагается один только фактический материал, без попытки какого-либо обобщающего анализа событий. Идеалистическая методология Штейна привела его к ошибочной, основанной на случайных признаках, периодизации византийской истории. Уделяя много места освещению завоевательных походов Юстиниана, Штейн проходит мимо внутренней истории областей, временно захваченных византийскими войсками; он не вскрывает реакционного характера политики Юстиниана в этих областях. Совершенно обойден автором важнейший вопрос о славянской колонизации и роли славян в формировании византийского феодализма, разрешенный в трудах советских историков (Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, А. В. Мишулин, М. В. Левченко, Б. Т. Горянов, Э. В. Удальцова).

В целом большой труд Штейна, составлявшийся на протяжении почти двух десятилетий, труд, в котором собран значительный фактический материал, является свидетельством вырождения буржуазного византиноведения. Не случайно поэтому прогрессивные круги буржуазной Франции, интересующиеся правильной научной трактовкой византийской истории, издали в переводе на французский язык книгу советского ученого М. В. Левченко по истории Византии. Только советская историческая наука, владеющая единственно научным методом исторического исследования, способна разрешить сложные вопросы истории византийского феодализма.

Б. Т. Горянов

LOUIS BRÉHIER. LE MONDE BYZANTIN

T. II. *Les institutions de l'empire Byzantin*. Paris, 1949.

T. III. *La civilisation Byzantine*. Paris, 1950.

Работа Луи Брейе по истории Византии, изданная во Франции в исторической серии „Эволюция человечества“,¹ чрезвычайно ярко показывает состояние маразма и упадка современной буржуазной исторической науки вообще, византиноведения — в частности. Брейе — один из наиболее известных западноевропейских византинистов, автор большого количества исследований по различным вопросам истории Византии, вице-президент шестого Международного конгресса византинистов, заседавшего в Париже в 1948 г.

Труд Брейе состоит из трех томов: I. „Жизнь и смерть Византии“ (политическая история империи), — эта книга уже была подвергнута критическому разбору в советской историографии;² II. „Учреждения Византийской империи“; III. „Византийская цивилизация“.

Таким образом, автор поставил перед собой цель осветить все стороны жизни византийского общества на протяжении тысячелетнего периода его существования. Американская и западноевропейская критика считает, что Брейе удачно выполнил эту задачу. А. Васильев называет его второй том „византийской энциклопедией по внутренней истории империи“.³ Третий том „Византийского мира“, по мнению А. Берра — руководителя серии и автора предисловия к рецензируемой

¹ L'évolution de l'humanité. Synthèse collective. Dirigée par H. Berr.

² Рецензия Э. В. Удальцовой. „Византийский Временник“, т. II, 1949, стр. 337—360.

³ „American historical review“, vol. 55, N° 1, oct. 1949.

работе, — дает возможность узнать „психологию этого мира, который он (Брейе) изучил во всех его аспектах“.¹ Эти одобрительные отзывы буржуазных историков не случайны. Сочинение Брейе является обобщающим трудом по истории Византии в современной буржуазной историографии, и ему присущи все отрицательные стороны, свойственные последней. Автор „Византийского мира“ всецело находится в русле тех порочных идей, которые характерны для западноевропейской историографии. Ее методологическую основу составляет идеалистическая концепция истории. В этом отношении весьма показательным выступление президента шестого Международного конгресса византинистов Габриэля Милле, заявившего, что история Византии представляет особый интерес, ибо Византия „сохранила законы античности, мысль и идеал Греции, римское право, сочетала ясный разум средиземноморской цивилизации с глубоким религиозным чувством Востока“.²

Об идеалистическом подходе Брейе к историческим явлениям свидетельствует самое расположение материала в его труде. После тома, который содержит изложение политической истории империи, следует том, посвященный характеристике императорской власти, изучению структуры бюрократического аппарата, характеристике права и судебной организации, финансов, дипломатии, армии, церковных институтов. Наконец, третий том охватывает вопросы материальной жизни общества, семейного и хозяйственного быта, нравов, верований, культуры и идеологии. Коренные проблемы экономики и социальных отношений Византии рассматриваются автором очень кратко и лишь после анализа учреждений империи, которые исследуются в полном отрыве от социально-экономического строя византийского государства. Построение работы несет на себе печать искусственности: многие вопросы трактуются дважды: во II томе — в их юридическом аспекте и в III томе — в плане экономического.

Идеализм Брейе отчетливо проявляется уже в первой главе II тома — „Источники императорской власти“. Автор пытается объяснить неограниченность императорской власти господством в Византии теории божественного происхождения этой власти. С другой стороны, заявляет Брейе, доктрина божественного права, которая давала императору такое могущество, оправдывала также мятежи; опираясь на нее, можно было доказать, что избранный богом государь неправильно использовал свою власть; таким образом, в Византии опасность государственных переворотов была неизбежным следствием самой концепции верховной власти (т. II, стр. 66). Смена династий на всем протяжении истории империи рассматривается как проявление борьбы двух отвлеченных принципов — принципа наследственности власти государей и теории непосредственного вмешательства бога в выборы данного императора. С IX в., по мнению Брейе, одержал верх первый принцип, отсюда — большая продолжительность династий IX—XV вв. и большая сопротивляемость их попыткам узурпации (т. II, стр. 20—21). Эпоха Палеологов объявляется автором „триумфом законности“ (т. II, стр. 25).

Таким образом, анализ конкретной действительности подменяется надуманными умозрительными рассуждениями. Автор совершенно игнорирует всю совокупность внутренних и внешних факторов — сложные перипетии борьбы между различными фракциями господствующего класса в обстановке широких народных выступлений и внешних

¹ Le monde Byzantin, t. III, avant-propos, p. XXV.

² Actes du VI-e congrès international d'études byzantines, Paris, 1950, p. 10.

столкновений, — без учета которых невозможно понимание причин возвышения и падения отдельных династий.

Столь же поверхностной и идеалистической является трактовка особенностей строения и развития византийских учреждений. Брейе пишет: „Теория императорской власти, сложившаяся в Византии, является основой ее политических и административных учреждений“ (т. II, стр. 89). Описывая централизованное византийское государство и отмечая коренное отличие его от европейских государств раннего средневековья, автор даже не делает попытки поставить вопрос о причинах, обусловивших существование в Византии государства с сильной центральной властью и обширным бюрократическим аппаратом. Развитие и изменение структуры центрального и провинциального аппарата рассматривается, как правило, вне связи с социальной и экономической жизнью общества. Точно так же совершенно изолированно от социальной среды анализируется византийское право и организация суда. Брейе ищет объяснения характерных черт судебной организации Византии в „юридическом духе — наследстве древнего Рима, — который царил в учреждениях империи“ (т. II, стр. 219). С той же идеалистической точки зрения он трактует проблему создания византийского уголовного кодекса и реформ в сфере гражданского права. Так, все развитие уголовного права объясняется автором, с одной стороны, влиянием идей стоиков и неоплатоников на заимствованную Византией римскую систему наказаний и, с другой стороны, благотворным воздействием церкви (якобы смягчавшей нравы общества),¹ что привело к введению права убежища и замене смертной казни менее жестокими наказаниями (т. II, стр. 240). Явно идеализируя византийское законодательство, Брейе усматривает его влияние на западноевропейское право не в заимствовании последним сохранившихся в Византии норм римского права, регулировавших товарно-денежные отношения, а в приобщении народов Западной Европы к „понятиям общественного интереса, государственного блага“ (т. II, стр. 180).

В следующих главах II тома — „Дипломатия“ и „Армия и оборона империи“ — действительные отношения вновь оказываются искаженными. Брейе заявляет, что характер сношений Византии с другими народами предопределялся... концепцией императорской власти. Попытка решить важную проблему тысячелетнего существования Византии сводится к поверхностному утверждению, согласно которому причиной длительного существования империи являлись будто бы удачно организованная система обороны и выдающаяся дипломатия; военные учреждения и дипломатия объявляются фундаментом византийского государства.

Излагая историю церковных институтов империи, Брейе исходит из глубоко идеалистического представления о каком-то якобы самостоятельно совершавшемся развитии церковного права и теории, считая их отправным пунктом в истории церкви. Так, например, он пишет: „учение об автономии церкви оказывало такое же влияние на устройство судебных трибуналов, как и на режим собственности“ (т. II, стр. 523). Он даже не пытается выявить действительную роль церкви в феодальном мире, социально-политическое содержание ее институтов.

Равным образом история философии и науки рассматривается Брейе в отрыве от конкретной социально-экономической истории. Такой подход к истории философии и науки обуславливает всякого

¹ Даже стремление церкви расширить сферу своей юрисдикции Брейе объясняет... желанием церкви дать преступникам возможность морально возродиться посредством покаяния (т. II, стр. 243).

рода лженаучные толкования, даваемые автором различным явлениям идеологической жизни Византии; так, отличие византийской патристики от западноевропейской Брейе объясняет свойственной якобы византийцам „склонностью к метафизической интуиции, которая дает возможность познать место, занимаемое человеком в мировом порядке“, — у писателей Запада эта „склонность“, по мнению французского историка, отсутствовала (т. III, стр. 420—421). Брейе рассматривает отдельные философские системы Византии и влияние на них философии Платона и Аристотеля под углом зрения чистой филиации идей.

Далее, излагая взгляды исихастов и варлаамитов и историю борьбы между ними, он признает, что спор исихастов вышел из умозрительной сферы, что идеи, являвшиеся предметом спора, стали оружием одной из двух больших политических и социальных партий против другой и что соглашение между ними было невозможным. При этом основной причиной победы исихастов в XIV в. Брейе считает популярность монахов (т. III, стр. 438), в то время как в действительности эта победа являлась выражением торжества реакционных общественных сил (после разгрома восстания зилотов), результатом глубокой реакционности мистического учения паламитов, ставшего философией господствующего класса эпохи упадка Византии, а также того, что вследствие слабости развития зачатков капиталистических отношений, гуманистическое движение, зародившееся в первой половине XIV в., не могло получить в Византии сколько-либо значительного размаха. Поэтому совершенно необоснованным является утверждение автора относительно „триумфа гуманизма“ в Византии этого периода (т. III, стр. 438).

Таким образом, при анализе политических, правовых взглядов общества и соответствующих им учреждений Брейе целиком стоит на идеалистических позициях.

Брейе, как большинству современных буржуазных ученых, глубоко чужда идея закономерности общественного развития, чуждо представление о развитии общества как о процессе последовательной смены социально-экономических формаций, о революционном характере перехода от одного способа производства к другому.

Брейе не видит основных особенностей раннего периода истории Византии, в частности, более длительного, чем на территории Западно-Римской империи, сохранения рабовладельческой формации и перехода в VII в. к новым, феодальным отношениям. Он не останавливается на вопросе о роли рабства в IV—VI вв. — в период кризиса византийского рабовладельческого общества, а также — на проблеме сохранения рабовладельческого уклада в эпоху складывания феодальных отношений, хотя, как известно, это обстоятельство, составлявшее одну из характерных черт истории Византии, наложило значительный отпечаток на дальнейший ход развития византийского общества. О рабах бегло упоминается в двух разделах III тома: в главе о семье и семейной жизни автор говорит о наличии в Византии рабов, являвшихся членами „familia“ в античном смысле слова, и в главе о сельском хозяйстве — о рабах, обрабатывавших землю крупного поместья. Об использовании рабского труда в ремесле вообще не упоминается. Процесс постепенного освобождения рабов в Византии объясняется не тем, что рабский труд стал экономически невыгодным и поэтому появилась потребность в более инициативном работнике, а тем, что „освобождение рабов рассматривалось как доброе дело“ (т. III, стр. 15 и 164).

В главе, посвященной характеристике промышленности Византии, содержится лишь перечисление различных отраслей византийского

ремесла, описание производимых изделий и краткие сведения об учениках. Автор избегает ставить такие важные проблемы, как, например, вопросы внутренней организации ремесла, устройства ремесленных корпораций, вопрос о роли труда наемных рабочих-мистиев в цехах, о социальном расслоении внутри эргастриев и положении мелких ремесленников, наконец, — о структуре государственных мастерских.

В то время, как еще русские буржуазные ученые (Ф. И. Успенский и др.) доказали, что в Византии развивались феодальные отношения, Брейе нигде не ставит вопроса о византийском „феодализме“ и вообще не пытается установить характера господствовавшего в Византии социально-экономического строя. Термин „феодализм“ ни разу не встречается в его работе. Изучению социально-экономических вопросов отведен лишь небольшой раздел III тома — менее $\frac{1}{7}$ его части. Брейе рассматривает аграрный строй Византии статически, смешивая различные периоды и не замечая принципиального различия между эпохой распада рабовладельческого строя, эпохой складывания феодальных отношений, временем наивысшего развития византийского феодализма и периодом его разложения. При освещении отдельных конкретных вопросов (структуры крупной земельной собственности, цен на землю и пр.) он привлекает примеры, относящиеся к самым различным эпохам — от IV до XIV вв. Так, рисуя картину крупного хозяйства в Египте позднеримской эпохи (V—VI вв.), автор наделяет его теми же характерными признаками, которые были свойственны поместью VII—VIII, IX, XI, XII и XIII вв., не замечая различия ни в методах эксплуатации непосредственных производителей, ни в характере внеэкономического принуждения и т. д.

Брейе не только бессилён решить кардинальные проблемы истории Византии, — он отказывается от самой постановки этих проблем. Единственный процесс, который он замечает в сфере социально-экономических отношений, — это процесс постепенного поглощения мелкой крестьянской собственности крупной; однако в трактовке этого вопроса он допускает ряд ошибок.

Брейе видит лишь количественную, а не качественную сторону процесса исчезновения самостоятельных мелких крестьянских хозяйств, который в действительности свидетельствует о коренных переменах в самой социальной структуре общества — возникновении и укреплении феодальной собственности на землю, которая составляла основу нового, феодального способа производства. По Брейе, крестьянские хозяйства существовали в некотором количестве в IV—VI вв., в VII в. их число увеличилось, ибо „мелкая собственность развилась за счет серважа (т. III, стр. 167), а в дальнейшем, с XI в. оно постепенно все более уменьшается, пока, наконец, мелкие свободные собственники не исчезают полностью в последний период существования империи.

Итак, VI—VII вв., являвшиеся в действительности переломным периодом в истории Византии, временем полной ликвидации старых общественных отношений под ударами восстаний народных масс империи и вторжений славян, — согласно Брейе — период простого увеличения числа крестьянских хозяйств. Он даже не упоминает о массовой славянской эмиграции, сыгравшей столь крупную роль в исторических судьбах империи. Брейе утверждает, что „своим спасением и своим величием в X в.“ империя была обязана реорганизации армии — фемной реформе (т. II, стр. 352), которую он описывает вне какой бы то ни было связи с характеристикой аграрного строя. Брейе не понимает,

что эта реформа стала возможной именно вследствие происшедшего в империи аграрного переворота.

Не замечая революционного характера перехода Византии к новому, феодальному строю, Брейе рисует ее историю как плавное развитие римских учреждений и культуры. Он противопоставляет путь развития Византии тому, по которому шло развитие Западной Европы; там произошел полный разрыв с римскими традициями и, вследствие „варварских“ вторжений и революций, возникли „варварские“ монархии, а затем — феодальный режим, полностью противоположный в своей основе строю Римской империи. В отличие от Запада, „в Византии то же публичное и частное право, те же учреждения господствовали без перерыва на протяжении десяти веков... Все, что исчезло на Западе при соприкосновении с варварами, сохранилось в Византии: понятие государства и публичного права, города и городские классы, техника различных ремесел, искусство и науки“ (т. II, стр. 580—581). Подчеркивая эту „историческую преемственность и верность римским традициям“ (т. II, стр. 581), Брейе рассматривает византийские институты как „органическое развитие римского государства“ (т. II, стр. 582), происходившее при некотором восточном влиянии, еще большей эллинизации восточной половины империи. Это влияние, по Брейе, проявилось в заимствовании с Востока отдельных характерных черт политического строя, быта и т. д.; к числу этих элементов общественного строя Византии, развившихся якобы под восточным влиянием, относятся: важное политическое значение дворцовых должностей, в значительной части замещавшихся евнухами, этикет и титулы знати (т. II, стр. 583), заточение женщин, моды, одежды, прически, ношение пышных и ярких тканей и драгоценностей, пытки, суеверия, магия, астрология и манихейская доктрина (т. III, стр. 571).

Стремление объяснить все особенности византийской экономики, политических и правовых учреждений, а также ее культуры и быта заимствованием римских или восточных элементов приводит автора к механическому и крайне упрощенному расчленению истории Византии на римские и восточные „начала“. Таким образом, крайняя методологическая беспомощность Брейе имеет своим результатом отказ от признания внутренней закономерности исторического развития. Запад, по мнению Брейе, перешел к новой фазе развития — „к феодальному режиму“, в Византии же получили дальнейшее развитие римские начала, с некоторой примесью восточных, что, однако, не привело к коренному изменению византийского общества.

В свою очередь, отказ от признания внутренней закономерности исторического процесса приводит Брейе к переоценке им значения внешних влияний: он часто считает внешнее влияние одной страны на другую решающим фактором изменения основного направления исторического развития. Автор полагает, например, что возрождением городов, ростом торговли и ремесла, быстрым развитием экономики с XI в. Западная Европа была обязана... Византии. Он пытается доказать это антиисторическое положение следующим образом: в VIII в. Византия остановила волну арабских вторжений, а в IX и X вв. она положила конец морскому разбою сарацин в двух бассейнах Средиземного моря и восстановила свободу мореплавания и морской торговли. „Результаты этого великого события, — продолжает Брейе, — не заставили себя ждать. Запад, остававшийся полуварварским, был, в известном смысле, возрожден этим восстановлением международной торговли, которое привело к образованию сети городов и крупных портов, а также к форми-

рованию городского класса, организации итальянского, каталонского и провансальского флота, открытию больших международных ярмарок, подъему промышленности определенных областей и, в общем и целом, — к новому расцвету экономики. В политическом аспекте это возрождение способствовало образованию упорядоченных и хорошо управляемых государств“ (т. II, стр. 584). Итак, влиянием Византии объясняются важнейшие перемены в общественном строе Европы, в действительности являвшиеся результатом роста производительных сил и других внутренних процессов.

Эта переоценка роли Византии в истории Европы связана со свойственной автору идеализацией Византии, о чем мы скажем ниже.

Точно таким же образом, полностью игнорируя внутренний ход развития западноевропейских государств, Брейе пытается приписать и некоторые другие крупнейшие сдвиги в истории всей Западной Европы и отдельных ее стран влиянию Византии. Он пишет: „На островах Риаљто Венеция превратилась в город, организованный точно по образцу Константинополя, у которого она восприняла цивилизацию“ (т. III, стр. 136). Более того, все идейное и культурное содержание эпохи Возрождения в Западной и Центральной Европе Брейе приписывает исключительно влиянию византийских ученых. Он утверждает, что благодаря Византии, спасшей от разрушения сокровища античной цивилизации и боровшейся в течение 1000 лет за их сохранение, Запад приобщился к культуре античности. По Брейе, это „приобщение“ произошло благодаря тому, что европейцы были обучены византийскими учеными и философами, которые появились в Италии и других странах Запада еще до крушения Византии, но лишь после 1453 г., в результате их массового бегства с родины, смогли полностью познакомить Европу с интеллектуальным наследством Византии; поэтому „в течение последней половины XV в. и первой трети XVI в. эллинизм буквально завоевал Европу“ (т. III, стр. 572). Наиболее знаменитые представители западного гуманизма — Рейхлин, Эразм Роттердамский, Бюэ и другие обучались у византийских ученых. Лишь после смерти в 1472 г. Виссариона Никейского, дворец которого был центром эллинистической пропаганды, это движение продолжило первое поколение западных эллинистов. Таким образом, „это широкое движение мысли, изменившее облик мира, ... было тесно связано с интеллектуальным творчеством Византии, и западная образованность изменила с XV в. свое направление благодаря трудам византийских филологов“ (т. III, стр. 574).

Развивая свой тезис о перенесении гуманизма в Европу из Византии, Брейе совершает ряд серьезных ошибок. Как известно, гуманизм был идеологией буржуазии эпохи первоначального накопления, выступившей против феодализма и против всей системы феодального мирозерцания. Зарождение новой идеологии и культуры было следствием глубоких изменений общественного строя Европы. Между тем, идеалист Брейе не только не связывает этой перемены в сфере идеологии с возникновением нового способа производства, но самое изменение условий общественной жизни считает следствием широкого „движения“ мысли в период Возрождения. На самом деле ученые, бежавшие из Византии, повысили на Западе интерес к культуре древней Греции и Рима, привезли ряд ценных рукописей, обучали греческому языку и т. д., но они отнюдь не были, как думает Брейе, „настоящими инициаторами Ренессанса“ (т. III, стр. 488). Наоборот: возможность их активной деятельности сама по себе была обусловлена возникшей в Европе настоящей потребностью в знатоках греческого языка и античной культуры.

Наконец, Брейе ошибочно считает Возрождение возвратом к античности, не улавливая принципиально иного, нового содержания этой культуры и идеологии. Он сводит все идейное движение Возрождения к изучению античной культуры, которое, по его мнению, получило распространение благодаря красоте литературной формы древних, богатству их языка, высокой и чистой морали, дававшей наиболее прекрасные образцы добродетели, мужества и бескорыстия (т. III, стр. 489). Между тем, подлинное значение гуманизма заключалось в его антифеодалных идеях, которые, являясь мощным оружием в руках молодой буржуазии и выступавших против феодального строя народных масс, активно содействовали развитию и укреплению капиталистических отношений.

С целью обоснования своей „теории“ перенесения гуманизма из Византии в Европу Брейе намеренно смещает хронологические рамки, умалчивая о том общеизвестном факте, что начало Возрождения в Италии относится не к XV, а к XIV в.

„Теория“ Брейе не случайно вызывает похвалу Берра, который называет страницы его книги, посвященные гуманизму, наиболее важными „с точки зрения роли идеи, а следовательно — нашей (!) концепции истории“.¹

Как и у многих других буржуазных историков, отказ Брейе от признания объективной исторической закономерности влечет за собой переоценку им роли личности в истории. Могущество Византии было, по мнению Брейе, результатом деятельности византийских императоров и их приближенных, якобы смело разрешивших основные государственные проблемы. Императорам и их приближенным всецело приписывается успешное введение феодного устройства, увеличившего обороноспособность Византии, законодательная защита мелкой крестьянской собственности, которой угрожали динаты, создание хорошо организованной бюрократии, мудрая дипломатия, защита промышленности и торговли — источника процветания страны, политика заселения опустошенных войнами и эпидемиями областей эмигрантами и т. д. (т. II, стр. 582, 364 и др.). В свою очередь, многие крупнейшие поражения Византии рисуются, как следствие неудачной политики отдельных императоров и целых династий. Ошибки династии Ангелов вызвали, по мнению Брейе, распад империи и ее завоевание в 1204 г. западноевропейскими рыцарями (т. II, стр. 24). Постепенный упадок Византии в XI—XV вв. и ее гибель в значительной мере объясняются отказом византийских императоров этого периода, начиная с Романа Аргира, отменившего в 1028 г. законы Василия II, от политических принципов, на которых зиждилось величие империи, и неустойчивостью их внешней политики (т. II, стр. 383 и др.).

Не менее характерны для современной буржуазной историографии отрицание классовой борьбы в Византии, отчетливо проступающее в работе Брейе, и связанная с этим идеализация византийского государства.

Один из основных тезисов, который стремится доказать Брейе, заключается в следующем: „социальная история Византии представляла собой непрерывную борьбу между крупными земельными собственниками и центральной властью“ (т. III, стр. 152). Эта „постоянная борьба императоров против местных сил являлась внутренней драмой империи“ (т. II, стр. 90). Автор утверждает, что эта борьба и была борьбой.

¹ *Le monde Byzantin*, t. III, avant-propos, p. XXI.

двух классов — „провинциальной земельной знати, смешавшейся с кастой военачальников, и дворцовой бюрократией, ... враждебной военной аристократии“ (т. II, стр. 383). Начавшаяся в XI в. борьба между провинциальной военно-служилой знатью и столичной бюрократией сыграла роковую роль в истории империи. Византия все более слабеет вследствие упадка центральной власти под ударами крупных собственников, захвативших различного рода привилегии и иммунитетные права.

Но, подробно останавливаясь на противоречиях между различными фракциями господствующего класса и уделяя большое внимание вопросу о росте могущества динатов, ограничивших императорскую власть, Брейе обходит молчанием борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, которая в Византии протекала чрезвычайно остро и которая составляла основную черту истории Византии, как и любого другого феодального общества. Он ничего не говорит об эксплуатации крестьян, возраставшей по мере развития феодальных отношений, о расслоении внутри цеха и об эксплуатации подмастерьев, учеников и наемных рабочих. Равным образом замалчивается история многочисленных широких народных движений, которые в VI—VII вв. были одной из основных сил, обусловивших революционный переход к новому, феодальному способу производства и которые сыграли столь важную роль в последующий период. В частности, описывая крестьянскую общину на основании данных „Земледельческого закона“, Брейе не указывает на то, что община послужила основной ячейкой упорного сопротивления крестьян крупным землевладельцам.

Единственные факты из истории социальной борьбы в Византии, на которых Брейе останавливается — восстания димов и движение зилотов; но эти восстания изображены в его книге в искаженном виде, — в соответствии с общей тенденцией автора к всемерному затушевыванию классовых противоречий. Брейе (подобно С. Манойловичу, И. Янсенс и Ж. Братиану), указывая на социальные и политические различия между димами (т. II, стр. 197—198), считает димы социально-однородными организациями: венеты, по его утверждению, принадлежали к аристократии, а прасины — к низшим слоям городского населения, причем обе партии были „защитниками народа“ (т. II, стр. 198). Как показали исследования советских ученых — А. П. Дьяконова, М. В. Левченко и Н. В. Пигулевской, основную массу димов составили народные массы города и деревни, которые во время крупных восстаний 532 г., 602 г. и др. выступали как против правительства, так и против руководящих групп димов (аристократов-землевладельцев, возглавлявших венетов, купцов и владельцев ремесленных предприятий, возглавлявших прасинов). Таким образом, массовые движения димов были ярким проявлением классовой борьбы эксплуатируемых против всех прослоек господствующего класса в период кризиса рабовладельческого общества. Брейе неправильно оценивает значение этих движений в ходе исторического развития Византии.

Останавливаясь на движении зилотов в 1342—1349 гг., Брейе пишет о выступлениях масс Фессалоники, Адрианополя и других городов против знати. Но он сразу же извращает действительный характер расстановки классовых сил, изображая союзника Анны Савойской — Алексея Апокавка (стремившегося использовать народные движения в борьбе правительства „законного“ короля Иоанна V против узурпатора — Кантакузина) как врага знати, якобы благожелательно настроенного по отношению к беднейшим слоям населения городов. Причиной падения

Фессалоники Брейе считает ссору между двумя архонтами города — Алексеем Метохитом и вождем зилотов Андреем; действительные причины поражения восстания — незрелость городского плебса и др. — остаются вне поля зрения автора. Брейе умаляет размах этого крупнейшего народного восстания, не упоминая, что для его подавления Кантакузину пришлось обратиться за помощью к туркам. В целом Брейе дает общую отрицательную оценку восстанию зилотов; он заявляет, что оно способствовало увеличению анархии (т. II, стр. 216), тогда как на самом деле значение его заключалось совсем в другом: поражение зилотов означало для Византии ликвидацию последней возможности спасения.

Игнорируя классовую борьбу, Брейе, естественно, останавливается лишь на внешней истории еретических движений и их догматической стороне. Он не делает попытки проследить, почему с определенными историческими периодами связано бурное развитие еретических движений, какие слои населения поставляли их участников, какие устремления и чаяния выражали доктрины „еретиков“ и т. п. Таким образом, от него ускользает социальная сущность прогрессивных плебейско-крестьянских антифеодальных движений павликиан и богомилов. Причиной распространения богомилства в Болгарии он считает не внутренние процессы, происходившие в это время в стране, а переселение в нее императорами-иконоборцами и Иоанном Цимисхием жителей восточных провинций империи, последователей манихейства, и бегство в Болгарию павликиан в конце IX—X вв. (т. III, стр. 295 и 297).

Представляя развитие Византии как процесс, лишенный глубоких внутренних противоречий, признавая лишь наличие антагонизма между провинциальной знатью и столичной бюрократией в последний период существования империи, Брейе, подобно А. Грегуару, А. Андреадису и многим другим представителям современного буржуазного византиноведения, изображает византийское государство в идиллических тонах. „Обоснование“ реакционной идеи о надклассовом характере византийского государства является одной из основных задач труда Брейе.

По утверждению Брейе, в IV—V вв. жители империи, принадлежавшие к различным народностям, осознали свою солидарность перед лицом варваров, свою связь с великим римским прошлым, свой патриотизм и приверженность к благу империи (т. II, стр. 2—3). Следовательно, период крупнейших восстаний рабов и колонов, нередко объединявшихся с вторгавшимися „варварами“, изображается французским историком как эпоха трогательного единодушия всех народов и всех слоев населения империи, сплотившихся будто бы для защиты своего отечества (Брейе даже говорит о появлении в источниках этого периода термина „национальный“ в современном значении слова — т. II, стр. 2). Это вымышленное автором „единодушие“ в защите „отечества“ он объясняет тем, что византийское государство имело будто бы своей целью „защиту общих интересов, которые можно выразить одним словом: общее дело, республика — понятие, исчезнувшее на Западе и уцелевшее в Константинополе“ (т. II, стр. 218). Поэтому, — заключает Брейе, — византийское государство с его правосудием, финансами, дипломатией, почтой, армией представляет собой образец современного государства, существовавшего в средние века. Сильная центральная власть обеспечивала социальный порядок и экономическую независимость государства (т. II, стр. 248); византийский бюрократический аппарат являлся, по мысли Брейе, рациональной системой правления, так как благодаря ему в Византии, в отличие от других стран, была

возможна социальная жизнь, основанная на силе закона (т. II, стр. 168). В этих словах получила яркое выражение тенденция к затушевыванию подлинного эксплуататорского характера византийского государства, которое, подобно другим государствам средневековья, всегда являлось орудием господства правящего класса.

Брейе свойственна столь распространенная в буржуазной литературе (Ш. Диль, Г. Острогорский и др.) идеализация деятельности представителей Македонской династии. В частности, Василий I и Лев VI изображаются как защитники интересов народных масс, озабоченные предоставлением беднякам возможности приносить жалобы на магнатов (т. II, стр. 225—226). Стремясь убедить читателя в том, что в Византии существовала тесная связь между императором и народом, Брейе — вопреки общеизвестным фактам — приписывает народу, „законным“ путем обращавшемуся к императору, огромное влияние на политику последнего, а также преувеличивает роль народа в выборах императора, которые он называет демократическими (т. II, стр. 7). Неоднократно автор говорит о „развитии династического чувства“ у народа (т. II, стр. 33), о „привязанности населения к законной династии“ (т. II, стр. 22; см. также т. II, стр. 34 и 36) и пр. Утверждая, что образование в Византии было общедоступным и учащиеся императорского университета „представляли все классы общества“ (т. III, стр. 487), Брейе называет „чрезвычайно демократичным“ и метод вербовки чиновников для государственного аппарата: эта вербовка открывала, по его мнению, доступ к наиболее высоким государственным должностям — по крайней мере до XI в., — всем подданным (т. II, стр. 154).

Реакционная сущность всех этих положений Брейе выступает совершенно ясно. Брейе говорит о социальном благополучии в Византийской империи — стране жесточайших классовых противоречий и в Константинополе, который, по словам К. Маркса, „... все более становится главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе“.¹

Как известно, огромная бюрократическая машина империи, содержание которой всей своей тяжестью ложилось на трудящихся, являлась одним из органов государства для подавления и эксплуатации угнетенного класса — Брейе же изображает ее хранительницей порядка, безопасности и законности, действовавшей якобы в интересах широких слоев населения. Несомненным извращением исторической действительности является утверждение автора о единодушии между императором и его подданными, питавшими будто бы искреннюю привязанность к своему законному повелителю.

В Византии государственная власть — политическая надстройка — в период кризиса рабовладельческого общества активно боролась за сохранение старого базиса, старых форм эксплуатации, а в следующую эпоху — развития феодальных отношений — деятельно укрепляла последние, защищая свой базис.

Поэтому во время крупных восстаний народные массы города и деревни выступали не только против господствующего класса, но и против его оплота — рабовладельческого (восстания димов и др.), а позднее — феодального государства. Проявлявшееся иногда „влияние“ народа на политику императоров было в действительности результатом этих восстаний: например, аграрное законодательство Македонской династии, столь восхваляемое Брейе, являлось в определенной степени

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 193.

следствием восстания Василия Медной Руки в 932 г. и других мощных народных движений.

Брейе дает высокую оценку системе постоянного надзора и „опеки“ над населением, составлявшей одну из особенностей византийского деспотического государства. Государственное регулирование экономической жизни, строгая и мелочная регламентация ремесла, производившаяся в интересах государства и стеснявшая развитие ремесленного производства, объявляются причиной „величия и успеха экономических мероприятий Византии“ (т. III, стр. 221) в эпоху наибольшего могущества империи, а их исчезновение в следующий период — причиной захвата византийской торговли итальянскими городами.

Сильная, опиравшаяся на обширный бюрократический аппарат власть, которая сделала Византию оплотом деспотизма, — вот что особенно привлекает симпатии автора. Благодаря этой власти, — считает он, — Византии не пришлось пережить тех революционных потрясений, которые имели место на Западе, и в стране без всякого перерыва (*hiatus*) продолжали развиваться унаследованные от древности учреждения и традиции (т. II, стр. 218). В Византии, якобы избежавшей массовых народных революций и испытавшей лишь государственные перевороты, царил, по выражению Брейе, консервативный дух (*l'esprit conservateur*), который автор сравнивает... с духом современной Англии; по мнению Брейе, этот консервативный дух в Англии выражается в уважении к традиции, которое является политическим орудием, скрепляющим единство страны; в Византии он проявлялся в приверженности к обычаям, целью которых было возвеличение императорского достоинства и превращение его в объект почитания (т. II, стр. 65—66). Следовательно, Брейе восхваляет Византию именно за те характерные черты византийского государства, которые побудили К. Маркса назвать его „самым худшим государством“.¹ Стремление идеализировать это государство заставило Брейе вступить на путь фальсификации истории.

Полная методологическая беспомощность Брейе лишает его возможности понять основные причины гибели Византийской империи. Считая положение Византии V—X вв. блестящим, Брейе отказывается признать, что уже в VIII—X вв. начали развиваться те процессы, которые он сам считает причиной упадка и крушения византийского общества и „неожиданное“ возникновение которых он относит к XI в. Действительно, в качестве причин этого упадка и гибели Византии Брейе отмечает, с одной стороны, усиление крупных светских и церковных земельных собственников, приобретение ими проний и закрепощение ранее свободного крестьянства, с другой, — связанный с увеличением могущества династов упадок государственной власти; последний имел своим следствием крушение византийской монетной системы и утрату экономической независимости империи, столица которой превратилась в поле битвы между Генуей и Венецией, что сделало невозможным возрождение торговли и ремесла (см. т. II, стр. 165, 248, 583; т. III, стр. 225 и др.). Однако Брейе не понимает, что все эти явления в действительности были выражением более всеобъемлющего процесса — процесса феодализации византийского общества, начавшегося задолго до XI в. Мы уже указывали, что Брейе вообще отрицает наличие феодального строя в Византии.

Идеалистическая концепция Брейе обуславливает органическое непонимание им определяющего значения уровня развития произво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 192.

дательных сил и характера производственных отношений, составляющих в своем единстве господствующий в данный период способ производства. Лишь исследование византийского феодализма и присущих ему характерных особенностей (наличие дофеодальных укладов — рабовладельческого и общинного и т. п.) может послужить ключом к уяснению истории Византии. Тупик, в который зашло византийское общество, был следствием специфики развития феодального строя, слишком медленного его разложения и слабости возникавших зачатков капиталистических отношений; выходом из этого тупика могла быть лишь коренная ломка существующих порядков. Все эти проблемы остаются совершенно вне поля зрения Брейе.

В заключение следует отметить еще один вопрос, трактовка которого подверглась грубому искажению на страницах рецензируемой книги, — вопрос о русско-византийских отношениях и о характере и размерах влияния византийской культуры на русскую.

Автор придерживается распространенной в современной буржуазной историографии и сугубо реакционной так называемой „норманистской“ теории происхождения русского государства. Следуя за тенденциозными построениями А. Васильева,¹ Брейе изображает варягов „основателями первого русского государства“ (т. III, стр. 202). Он приписывает варягам заслугу основания русских городов (равным образом, крупнейший славянский порт на Балтийском море — Волин — был, по его мнению, создан норманнами), а также — установления торговых сношений с соседними народами, в частности, с Византией (т. III, стр. 202—203). Между тем, Б. Д. Греков и другие советские ученые неопровержимо доказали на основании письменных источников и памятников материальной культуры (кстати, в большей своей части неизвестных Брейе, который знаком лишь с археологическими материалами, найденными в XIX в. — т. III, стр. 193), что русское государство, являвшееся продуктом развития общественных отношений на его определенном этапе, уже существовало у славянских народов к моменту прибытия Рюрика в Новгород, и что варяги восприняли более высокую культуру славян, имевших много городов, развитое земледелие и находившихся в торговых сношениях с арабами и другими народами.

Повторяя лживые измышления А. Васильева,² пытавшегося посредством прямых подлогов принизить историческую роль русского народа, Брейе заявляет, что „Русь, будучи независимой, занимала подчиненное положение в иерархии государств. Она не только была подчинена в церковном отношении вселенскому патриарху, но... она всегда считалась в Константинополе вассальным государством империи“ (т. II, стр. 285, см. также т. II, стр. 473). В подтверждение этого Брейе ссылается на выражение Пселла, назвавшего вторжение русских в 1043 г. мятежом, на фрески собора св. Софии в Киеве, изображающие Ярослава, дарующего византийскому императору модель церкви, на принятие русскими князьями лишь при Иване III титула царя и, на то, что русские нередко оказывали военную помощь Константинополю.

Необоснованность аргументации Брейе очевидна. Связь русской церкви с византийской, разумеется, не является доказательством вассальной зависимости Руси, в наличии которой пытается убедить читателя Брейе. Еще меньше основания считать принятие царского титула Иваном III свидетельством зависимого положения Руси в пред-

¹ A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860, Cambridge, 1946.

² A. Vasiliev. Was old Russia a vassal State of Bizantium? „Speculum“, 1932.

шествующую эпоху. Посылка русскими военных дружин на помощь византийскому императору говорит о том, что Византия часто вынуждена была прибегать к помощи русских в период серьезных внешних и внутренних осложнений. Походы Святослава являются достаточным свидетельством того, насколько опасным соседом для Византии являлось Киевское государство в период обострения отношений между ними. Доказательством равноправного положения Руси и Византии является также содержание русско-византийских торговых договоров, о которых лишь вскользь говорит Брейе (т. III, стр. 204). Упомянутый Пселлом поход 1043 г. показателен именно в отношении непоколебимости политики охраны равноправия Руси, проводившейся Ярославом, как и другими русскими князьями. В княжение Ярослава, на изображение которого на фреске ссылается Брейе, проводилась энергичная борьба с попытками Византии подчинить Русь своему влиянию. Достаточно упомянуть об избрании русского митрополита Иллариона, о грандиозном киевском строительстве, предпринятом с целью повышения значения столицы государства и т. п. Такого рода факты игнорируются Брейе, так как полностью разрушают его концепцию.

Столь же лишено всякого научного обоснования утверждение Брейе, что русское искусство якобы было по существу византийским искусством, перенесенным на Русь вместе с христианством (т. III, стр. 565). Он пытается доказать, что киевская церковная архитектура была прямым подражанием византийской, что киевская, новгородская и суздальская школы живописи будто бы лишены всякой оригинальности; в образцах росписи рукописей и икон и в стенной живописи Киева, Новгорода XI—XV в., Москвы XIV—XV вв. автор видит исключительно византийское влияние (т. III, стр. 566—570). Таким образом, отрицается яркая и самобытная культура Киевского и — позднее — Московского государства, великие культурные традиции русского народа, художественный гений которого, восприняв лучшие византийские, армянские, сасанидские и другие образцы, создал собственное, неповторимое в своем своеобразии искусство (оригинальная архитектура церквей Киева, Новгорода, Чернигова и других городов, новые художественные композиции и стиль русской живописи и пр.). Брейе отрицает творческую самостоятельность величайшего мастера русской живописи конца XIV—начала XV в. — Андрея Рублева, знаменитую „Троицу“ которого он называет шедевром... византийского искусства эпохи Палеологов (т. III, стр. 276).

Труд Брейе, задавшегося целью дать полное изложение византийской истории, учреждений и цивилизации, даже претендующего на выяснение „темперамента народа, его идеала, его жизни в ее конкретной реальности“ (т. III, стр. 1), ярко показывает бессилие буржуазного историка-идеалиста, который не в состоянии постигнуть внутреннюю связь исторических событий. Лишенная твердой научной основы, история в его изображении превратилась в хаотическое скопление фактов, которым дается извращенное толкование. Общие выводы, которые автор пытается формулировать, доказывают лишь его полную неспособность к обобщениям. Иногда Брейе изображает „законы“ общественного развития, являющиеся полной нелепостью. Так, например, он находит, что история древнеримской империи и история Византии имеют между собой много общего: в обеих империях сменялись в регулярном ритме периоды спокойствия, процветания и мира и периоды военных мятежей и внутренних усобиц. В подтверждение своего „открытия“ Брейе приводит цифры, свидетельствующие о приблизительно одинаковом соотношении количества императоров, убитых во время переворотов,

низложенных и умерших естественной смертью в Римской империи и в Византии (т. II, стр. 17).

Неумение выделить основное в обширном материале, которым Брейе располагал, приводит к тому, что он уделяет много места целому ряду второстепенных вопросов, подробно описывая частную жизнь императоров, придворный церемониал, внутреннее убранство церквей и отдельные детали религиозного культа, костюмы и прически византийцев и т. п. Игнорирование наиболее существенных вопросов истории Византии и неправильное освещение проблем, затронутых в „Византийском мире“, приводит к полной неудаче попытки Брейе дать, на основании работ других буржуазных ученых, синтез истории Византии. Эта неудача не случайна: она знаменует собой глубокий упадок современного буржуазного византиноведения.

М. Л. Абрамсон

F. DVORNIK. THE PHOTIAN SCHISM

History and Legend, Cambridge, 1948.

В последнее время Ватикану отводится все более значительная роль в планах международной реакции. Ватикан приобретает особое влияние благодаря своему огромному опыту пропаганды реакционной идеологии, накопленному в течение столетий. Не в силах найти в арсенале средств воздействия на массы никаких доводов, кроме апелляции к „западной культуре“ и „европейской цивилизации“, империализм хватается за христианство. Идеологи католицизма, стремясь к консолидации своих сил, выдвигают противоречащий историческим фактам тезис о том, что христианская церковь всегда якобы была единой и сплоченной. В частности, они придают огромное значение доказательству того, что в своем воздействии на славянские народы Восточной Европы западная и восточная церковь действовали якобы единым фронтом и именно этому воздействию славянские народы будто бы и обязаны развитием своей культуры.¹

В связи с этим в католической историографии наметился отход от прежних представлений о так называемой фотийской схизме, обусловившей разрыв между западной и восточной церквами в IX в. Одним из видных сторонников этой точки зрения был кардинал Гергенрөтер,² прямо называвший Фотия виновником этого разрыва.

Автор рецензируемой книги бывший чешский католический епископ Франтишек Дворник, не вернувшийся в Чехословакию из эмиграции после 1945 г., полностью порывает с прежними воззрениями и пытается пересмотреть вопрос о фотийской схизме.

Патриарх Фотий — одна из значительных фигур в истории Византии IX в. Незаурядный и плодовитый писатель, оставивший после себя немалое наследство, он сыграл большую роль в литературной жизни этого столетия. В то же время Фотий являлся крупным церковно-политическим деятелем. Именно он проводил мероприятия по распро-

¹ A. Gregoire. The Disruption of European Unity: the Greek Schism and its lasting political implications. „Belgium“, II (1942).

² J. Hergenröther. Photius, Patriarch von Konstantinopel, Regensburg, 1867—1869.

странению христианства среди славянских народов Восточной Европы; с его именем связаны и проповедь солунских братьев, и принятие Болгарией христианства. Служа политическим интересам византийского правительства, Фотий пошел на разрыв с папой Николаем I, когда тот под предлогом вмешательства в борьбу церковных партий в Византии выступил с непомерными политическими притязаниями. Этот разрыв и составил „первую схизму“ Фотия. Мнение, что такого же направления продолжал держаться Фотий и в годы своего второго патриаршества, было общепризнанным в буржуазной исторической литературе.

Ф. Дворник отказывается от этого представления. Как гласит предисловие к книге, Дворник считает, что „историки и церковники Запада ошибались во взглядах на Фотия“. К каким же выводам приходит сам Ф. Дворник?

В первой части, озаглавленной „История“, автор подробно останавливается на событиях первого патриаршества Фотия, рассматривая сложную политическую ситуацию в момент избрания Фотия на место удаленного патриарха Игнатия. Автор отмечает, что современные Фотию церковные историки, в том числе и Никита Пафлагонянин, обвиняют Фотия не только в нарушении канонических правил об избрании патриарха, но и в жестоких гонениях на партию своего предшественника.

Уже при изложении этих событий автор начинает осторожно реабилитировать Фотия. Прежде всего он стремится навязать читателю вывод, что не Фотий и его сторонники первые начали борьбу. Наоборот, утверждает Ф. Дворник, именно игнатиане, ядром которых было многочисленное, укрепившееся после восстановления иконопочитания и поэтому рьяно рвавшееся в бой монашество, потребовали от Фотия, чтобы он всю свою деятельность подчинил указаниям „законного“ патриарха (Игнатий, удаленный с кафедры, не сложил с себя патриаршего сана). За игнатианами новому правительству Михаила III и Варды чудились фигуры свергнутой царицы Феодоры и ее партии, и поэтому на них обрушилась волна правительственных репрессий. По мнению Ф. Дворника, Фотий был непричастен к этим гонениям.

Взгляды автора раскрываются далее при трактовке им вопроса о соборе 861 г., созванном папой Николаем I для пересмотра дела Игнатия. Собор 861 г. всегда привлекал внимание историков. Именно на этом соборе папа обнаружил свои хищные экспансионистские устремления, потребовав передачи (формально — „возврата“) под его юрисдикцию Сицилии и Македонии (Сиракузской и Солунской епархий). Рисуя обстановку и ход событий на соборе, автор крайне тенденциозно изображает политику Фотия и в то же время всячески воздерживается от осуждения действий папы. Он говорит о пышной встрече папских легатов, о желании Фотия пойти на компромисс и даже утверждает, что византийское правительство разрешило демонстрации в пользу Игнатия, стремясь избежать осложнения отношений с римской курией. Все это пишется с целью подвести читателя к выводу о том, что Фотий на соборе 861 г. решительно проводил политику мира и уступок.

Болгарский вопрос, вставший на очередь дня после собора 861 г., определил изменение отношений между римской и константинопольской церквами. С принятием христианства в середине IX в. Болгария на короткий период входит в сферу церковного влияния Византии. Этому событию предшествует (равно как и следует за ним) ожесточенная борьба Рима и Византии за влияние в стране, борьба, которая привела к резкому обострению отношений между обеими церквами, пока актив-

ное вмешательство папы в болгарские дела не вызвало, наконец, ликвидации кажущегося церковного единства. „Папа посылал к болгарам *итальянских миссионеров*, это дало повод к *полному разделению церкви на 2 части*“.¹

Ф. Дворник предлагает иное истолкование этих событий. Автор цитирует письмо, по его мнению, написанное Фотием папе после собора. В нем Фотий, мягко и почти извиняясь, пытается оправдать свои действия на соборе 861 г. Больше того, на основании одного чрезвычайно туманного места в письме автор делает вывод о том, что Фотий был готов пойти на серьезные территориальные уступки папе, а именно — отказаться от прав на Иллирик. Он бы сделал эти уступки еще на соборе, „не наложив император своего вето“ (стр. 93). Эта тенденция доказать миролюбие Фотия и Николая I расходится с теми фактами, которые приводит сам автор. Уже в 862 г. обнаружилась заинтересованность папы в принятии христианства Болгарией. Он ведет об этом переговоры с византийским послом, патрикием Львом; послу было дано понять, что уступка болгарской церкви римскому престолу и явится „ценой, ожидаемой папой за новый пересмотр дела Фотия и Игнатия“ (стр. 96). Фотий же не думал отказываться от Болгарии (как, по всей вероятности, не думал отказываться и от Иллирика). Когда все попытки добиться уступок от Фотия оказались тщетными, папа созвал собор итальянских епископов (апрель 863 г.), на котором Фотий был отлучен от церкви, якобы за незаконный захват патриаршего престола. Несмотря на то, что Ф. Дворник сам указывает на эти факты, он считает возможным изложить причину разрыва 863 г. следующим образом: „Страдания Игнатия, рассказанные папе Николаю, довели до слез этого святого человека, настоящего защитника церкви и всех обездоленных“ (стр. 108). Ничего, кроме иезуитского ханжества, не кроется за этими „лирическими“ отступлениями, так же как и за дальнейшими попытками изобразить папу бескорыстным политиком: „Какими бы мотивами ни руководствовался Николай, нет впечатления, что он лелеет надежду на возвращение Болгарии“, — пишет автор на стр. 111. Насколько лицемерны эти выводы, явствует из того, что папа весьма активно боролся против посылки франкских миссионеров в Болгарию. Когда в 866 г. князь Борис обратился в Рим с просьбой прислать епископа и ответить на ряд вопросов церковного порядка, Николай I своими *Responsa ad consulta Bulgarorum* дал свидетельство своей заинтересованности в установлении влияния папского престола в Болгарии. Более того, вскоре он направляет письмо Фотию с ультимативным требованием освободить патриарший престол в пользу его „законного“ владельца — Игнатия. Болгарский „интерес“, таким образом, продолжает определять отношения обеих церквей. Фотий не остался в долгу; в письме Борису он декларативно утверждает примат константинопольского патриарха. И автор безуспешно старается отрицать политическое значение борьбы за Болгарию, утверждая, что Фотий, подчеркивая значение константинопольской церкви, пытался произвести наиболее благоприятное впечатление на Бориса (стр. 127).

В 867 г. в Константинополе был созван собор, на котором Николай I заочно судили, объявили низложенным и предали проклятию. Это и было актом „первой схизмы“ Фотия. Освещение этого события должно было быть своего рода тяжким испытанием для Ф. Дворника, принимая во внимание наметившуюся тенденцию его исследования. Автор

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 41.

прежде всего пытается отрицать широкое политическое значение разрыва между церквями. „Принято считать, что собор в 867 г. выступает... против принципа верховенства Рима... Я настаиваю на том, что энциклика Фотия упоминала только так называемых епископов, проповедующих в Болгарии“ (стр. 122). Далее: „В актах собора 867 г. нельзя найти ничего другого, кроме критики поведения папы. Это так же мало относится к отрицанию супрематии папы, как и критика личного поведения Александра VI“ (там же). Короче, автор отказывается придавать действиям Фотия в 867 г. смысл политического выступления против Рима и его притязаний и сводит церковно-политический кризис IX в. к личной борьбе двух первосвященников. Хотя автор всячески старается преуменьшить значение схизмы 867 г., он все же не может вовсе отрицать этот исторический факт. Он называет схизму „несчастливым поступком“, „отчаянным поступком Фотия“, „подвергшим опасности все христианство“ (стр. 130). Эти lamentации могут иметь одно объяснение. Факт разрыва 867 г. мешает автору последовательно провести мысль о неизменности крепких уз между обеими церквями, необходимую ему для „обоснования“ его тенденциозных выводов.

Но если Ф. Дворник скрепя сердце допускает схизму 867 г., он категорически отрицает так называемую „вторую схизму Фотия“.

Деятельности Фотия в годы его второго патриаршества посвящена важная глава работы: „Второй раскол Фотия. Историческая мистификация“. Уже из заглавия явствует, что автор намерен пересмотреть старое представление о том, что Фотий и вторично явился виновником церковного раскола. В исторической литературе (И. Гергенрётер) было принято мнение, что „вторая схизма“ Фотия была осуществлена им на соборе 879 г. Ф. Дворник порывает с этим взглядом. Цель его — доказать, что собор 879 г. не выносил никакого решения о разрыве с Римом, и он доказывает это на материале латинских источников, используя данные о том, как реагировала римская церковь на собор 879 г. Автор опровергает старое представление, будто бы после этого собора Фотий сам был подвергнут отлучению римской церковью. Он подвергает обстоятельному анализу сборник латинских антифотиевых документов, именуемый им *Collectio*, и ему действительно удается доказать, что большинство этих документов является фальшивкой, „собственной стряпней (cooking) составителей *Collectio*“ (стр. 236). Но сделав это разоблачение, звучащее тем более красноречиво, что оно принадлежит католическому ученому, автор в описании дальнейших событий по-прежнему извращает факты. Он утверждает, что папа Иоанн VIII „соглашается аннулировать все антифотиевы решения, принятые его предшественниками (папами Николаем I, Марином) и собором 869—870 г., и санкционирует все акты собора, привезенные ему легатами“ (стр. 238). Он пишет, что Фотий в ответ на выражение такого миролюбия идет всецело навстречу папским пожеланиям. Ссылаясь на книгу Ж. Гэ (J. Gay. *L'Italie Méridionale et l'Empire Byzantin*, Paris, 1901), автор утверждает, что Болгария, якобы добровольно „уступленная“ Константинополем, переходит под власть римского папы. Все это дает автору возможность заявить, что „стремление к действительному и постоянному согласию было искренним и у папы Иоанна VIII, и у Фотия“ (стр. 212). В этом и заключается то новое освещение, которое вносит автор и которое „обычно ускользает от исследователей“ (там же).

Трудно судить, была ли Болгария действительно подчинена Риму в церковном отношении, ибо она через несколько лет добилась церковной независимости, а затем и собственной патриархии. Важно

выяснить другое. Почему курия сравнительно легко приняла решения собора 879 г., безусловно направленные против римских интересов? Внимательно следя за ходом событий, которые излагает сам автор, можно найти объяснение этому. Оказывается, папа Иоанн VIII испытывал острую нужду в византийских войсках, сражавшихся против арабов в Южной Италии. Такова истинная причина „постоянного“ миролюбия Рима. Выводы же, которые пытается отсюда сделать автор, весьма характерны для общей направленности его книги. Временный маневр римской курии он изображает ее постоянной тенденцией, рисуя экспансионистскую политику Рима как политику мира и согласия. Иными словами, автор берет на себя задачу реабилитировать римскую церковь периода формирования ее политических и территориальных притязаний. „Второй раскол Фотия, считающийся таким роковым для дружественных отношений между церквами, принадлежит к области легенды“ (стр. 236), — к такому выводу приходит автор в конце первой части своей книги. Возникновение и развитие этой легенды Ф. Дворник рассматривает во второй части книги — „Легенда“.

Это, безусловно, поучительный раздел. Пытаясь выполнить свою задачу, автор волей-неволей раскрывает приемы, при помощи которых изготовлялись каноны католицизма. Нельзя доверять показаниям римских церковных историков X в., говорит он. Не сообщает правды ни монах Эрхемперт в истории беневентских лангобардов, ни автор „Anselmo Dedicata“. Но не они, продолжает автор, несут ответственность за то, что искаженные сведения о борьбе Фотия с игнатиянами и Римом выросли в легенду о фотиевом расколе. Причина этого кроется в огромном престиже, которым пользовался в Средние века папа Николай I, „великий предшественник Григория VII“. Иными словами, вопрос о „схизме“ родился лишь в период борьбы папства с империей. Бонизо Сутрийский, сподвижник Григория VII, объявил, что папы всегда обладали правом отлучать монархов, приводя в пример „отлучение“ Михаила III. История с „отлучением“ Михаила III — чистый вымысел, но этой фальшивкой Бонизо, как признает автор, „ввел традицию в Средние века“. Особенное же внимание в эпоху борьбы за инвеституру привлек 22-й канон собора 869 г., отлучившего Фотия; этот канон запрещал возведение в епископы из мирян. Вопрос о соборе 869 г., а вместе с ним и весь вопрос о Фотии, „неожиданно занял видное место в литературе этого периода“. Папство, выступающее с притязаниями на мировое господство, использовало церковные раздоры полуторавековой давности для обоснования собственных требований. И здесь „реформаторы времени Григория VII добивались успеха с усердием, которое заставило их исказить факты в угоду полемическим (читай: политическим!) целям“ (стр. 295). В справедливости этого вывода автору нельзя отказать. Вопросу о канонизации, признании „вселенским“ собора 869 г., содержащего 22-й канон, посвящена отдельная глава. Автор приводит многочисленные документы IX—XI вв., свидетельствующие, что собор 869 г. не считался „вселенским“. И вдруг в начале XII в. он оказывается таковым. Что же произошло? Канонисты папской курии „открыли вселенский собор 869 г. вместе со знаменитым 22-м каноном“ (стр. 320). Вина Фотия в создании раскола не была доказана в XII в. Об этом говорят историки (Ив Шартрский, кардинал Деуседит и др.). Официально актами „освященного“ вселенского собора Фотий был признан „схизматиком“, и это обстоятельство и сыграло значительную роль „в возникновении того, что мы на Западе называем легендой о Фотии“ (стр. 330).

В XVI в. угасший было интерес к этой, казалось бы, далекой схизме внезапно вспыхивает вновь в связи с Реформацией. В своих выступлениях вожди протестантов используют пример Фотианских споров как образец борьбы, которая шестьсот лет назад велась против „преступлений“ папства („Магдебургские Centuriae“). В ответ на эти выступления в 1602 г. появился труд кардинала Барония — „Анналы“. Бароний использовал значительное для того времени количество источников, в том числе письма самого Фотия, Скилицу, Глику, и его „Анналы“ приобрели в католической традиции репутацию наиболее аргументированного труда о Фотии. Весь свой кардинальский и „ученый“ авторитет автор обрушивает на Фотия. Последний в его изображении — глава схизматиков, еретиков, даже язычников... Мнение, установившееся в западной исторической литературе после Барония, по существу уже не пересматривалось никем.

Ф. Дворник отрицательно относится к книге Барония. Он отмечает, что она появилась со специальными целями: „его долгом было защитить авторитет верховных первосвященников от ожесточенных нападок протестантов“, поэтому книга его и искажает факты. Если вследствие политических притязаний папства в XI в. возникает искаженная легенда о Фотии, то свое завершение она получает в период контрреформации, окончательно превратившись в фальшивку. Так, принявшись за реабилитацию Фотия, римский епископ против своей воли разоблачает католическую кухню лжи и фальсификации истории.

Всю книгу Ф. Дворника от начала до конца пронизывает стремление реабилитировать Фотия, стремление доказать, что Фотий руководствовался лишь одним желанием — сохранить мир в церкви. Предвзятость этого вывода обусловлена политическими тенденциями автора, на которых мы остановимся ниже, но уже и здесь необходимо отметить, что Ф. Дворник прямо искажает исторические факты. На самом деле, Фотий не был миротворцем: это можно явственно видеть из тех многочисленных фактов, которые собрал автор и которые он так тенденциозно пытается истолковать. Напротив, в отказе подчиниться папскому диктату вскоре после избрания, в прямом разрыве 867 г., в упорном стремлении добиться своих целей в годы второго патриаршества видно стремление вести свой собственный курс, независимо и вразрез с папской политикой. Важно то, что подобный характер поведения патриарха диктовался не отвлеченными церковными интересами, а вполне реальными притязаниями византийского правительства на славянские земли. В этих странах политика константинопольской патриархии была откровенно экспансионистской, и на заседаниях собора 879—880 г. сторонники Фотия — Прокопий Кесарийский и Григорий Эфесский — открыто призывали к захвату новых земель, к восстановлению Римской империи в прежних пределах.¹ Миссии в славянские страны были для Фотия лишь средством подчинения соседних стран, а его усилия закрепить влияние Византии в одном из крупнейших славянских государств — Болгарии рисуют лицо этого политика.

Ф. Дворник не отрицает факта активного вмешательства Фотия в дела соседних народов. Более того, в том, как Ф. Дворник относится к политике Фотия в этом направлении, явственно отражаются взгляды этого представителя воинствующего католицизма. Он прямо ставит Фотию в заслугу его экспансию в славянских государствах. По его

¹ М. А. Заборов. „Византийский Временник“ в 1949 и 1950 годах. „Вопросы истории“, 1951, № 4, стр. 115.

мнению, Фотий был выдающимся деятелем своей эпохи именно потому, что он взял на себя „великую миссию“ христианизации славянства, и тем самым якобы определил всю дальнейшую историю славянства.

Откровенная апология папства в книге Ф. Дворника заставляет автора делать самые фантастические выводы. Так, известное письмо папы Николая I от сентября 865 г. с требованием уступки Болгарии и с притязанием на власть *super omnem terram, id est super omnem ecclesiam* неожиданно понимается как „первый шаг к почетной и мирной ликвидации всего конфликта“ (!) (стр. 109). Откровенным мракобесием дышат заявления о „гордой борьбе пап за свободу“ (!?) в XI в., возглавляемой „благородной фигурой Григория VII“.

Преследуя цель затушевать значение схизмы, автор усиленно выдвигает на первый план внутреннюю борьбу в восточной церкви. И здесь автор реабилитирует Фотия. Именно игнатиане, по его мнению, разжигают борьбу Рима с Фотием, доводят папу Николая I до разрыва с Византией; продолжая бороться с Фотием, когда тот уже помирился с Римом, они, в изображении Ф. Дворника, оказываются виновниками раскола, и неудивительно, что именно деятельность игнатиан именуется в конце книги „схизмой“ (стр. 275).

Совершенно антинаучными являются попытки автора установить связи между расколом IX в. и предшествующими церковными и политическими движениями. Он находит связь между борьбой сторонников и противников принципа „*oikonomia*“ (подчинение церкви государству в IX в.) и иконоборчеством, монофизитством и борьбой партий цирка. Он даже видит аналогию между действиями Фотия, боровшегося против игнатиан-студитов, и борьбой императоров-иконоборцев. При этом автор ограничивается лишь выяснением внешнего сходства фотианских споров и иконоборчества, — он далек от мысли о различии исторических эпох, обусловивших разное содержание движений. В беспомощных попытках автора найти сколько-нибудь удовлетворительное объяснение церковного раскола IX в. отчетливо проявляется глубокий упадок современной буржуазной исторической науки.

Книга Ф. Дворника — это попытка реабилитации Фотия, ее задача — доказать, что схизмы не было, что Фотий не был враждебен римской церкви, что в отношениях обеих церквей всегда преобладали не рознь и раскол, а миролюбие и единение, неизменно покупавшиеся ценой уступок со стороны восточной церкви. И когда позднее, при Михаиле Керуларии, разрыв между обеими церквями действительно произошел, этот разрыв был встречен отрицательно даже в среде византийского клира (стр. 394). По мысли Ф. Дворника, христианству свойственно единство, характеризовавшее отношения между Западом и Востоком и не исчезавшее в критические периоды их истории.

При всей ее мнимой объективности книга Ф. Дворника несет в себе определенную политическую тенденцию. Пересмотр взглядов на Фотия, начатый Дворником еще в 30-х годах, завершается им в послевоенные годы, в период возросшей активности католицизма. Тезис об „исторических корнях“ единения католицизма и православия используется в качестве одного из средств воздействия на широкие массы трудящихся-католиков. Он служит тем же глубоко реакционным и антинародным целям, что и обветшалый „лозунг“ о необходимости сплочения христианского мира перед лицом „безбожного большевизма“.

Такова истинная цель книги Франтишека Дворника.

М. М. Фрейденберг

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ

СИНЕЗИЙ КИРЕНСКИЙ. О ЦАРСТВЕ

(Перевод и предисловие М. В. Левченко)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы издаем в русском переводе речь „О царстве“ греческого риторатора конца IV—начала V в. Синезия Киренского,¹ являющуюся ценнейшим источником для изучения идеологии господствующего класса Восточной Римской империи этого времени.

Научная литература о Синезии довольно значительна: в XIX в. о нем писали Э. Клаузен, А. Дрюон, Р. Фолькман, А. Остроумов, Ф. Краус, А. Гарднер, О. Зеек, И. Р. Асмус, а в последнее время — Г. Грюцмахер, И. Гермелин, Дж. Беттини, Х. Пандо, К. Костер, К. Лакомбрад.²

Буржуазные ученые занимались главным образом частными вопросами: установлением дат отдельных событий жизни Синезия, исправлением текста его произведений и т. п., но ни один из них не мог дать общую характеристику взглядов и деятельности Синезия, ибо, идеализируя Синезия, они не рассматривали его как представителя определенного общественного класса. Последняя задача может быть выполнена только историком-марксистом.

Синезий родился около 370 г. в Киренаике, иначе называемой Пентаполем. Фамилия, к которой он принадлежал, была знатная, и Синезий сам очень гордился своим происхождением — разумеется, мнимым — от потомков Геракла.³ Большую часть жизни Синезий не занимал никаких государственных должностей, не принадлежал он и к сенатскому

¹ Эта речь издавалась неоднократно. Новейшее издание: *Synesii Cyrenensis Hymni et opuscula*, rec. N. Terzaghi, Roma, 1939—1944 (далее: N. Terzaghi), vol. II, p. 5—62. Новейший перевод (на французский язык) с комментарием: C. Lacombrade. *Le discours sur la royauté de Synésios de Cyrene*, Paris, 1951.

² E. T. Clausen. *Commentatio de Synesio philosopho*. Copenhagen, 1831; H. Druon. *Études sur la vie et les oeuvres de Synésios*, Paris, 1859; F. X. Kraus. *Studien über Synesius von Kyrene*, „Theologische Quartalschrift“, XLVII, 1865; R. Volkman. *Synesius von Cyrene*, Berlin, 1869; А. Остроумов. *Синезий Птолемандский*, М., 1879; A. Gardner. *Synesius of Cyrene, Philosopher and Bishop*, London, 1886; O. Seeck. *Studien zu Synesius*. „Philologus“, LII, 1894; I. R. Asmus. *Synesius und Dio Chrysostomos*. „Byzantinische Zeitschrift“, IX, 1900; G. Grützmacher. *Synesius von Cyrene, ein Charakterbild aus dem Untergang des Hellenismus*, Leipzig, 1913; I. Hermelin. *Zu den Briefen des Bischofs Synesius*, Uppsala, 1934; G. Bettini. *L'attività pubblica di Sinesio*, Udina, 1938 (эта работа, к сожалению, оказалась мне недоступной); J. C. Pando. *The Life and Times of Synesios as revealed in his work*, Washington, 1940; C. H. Coster. *Synesius a curialis of the time of the emperor Arcadius*, „Byzantion“, XV, 1940—1941; C. Lacombrade. *Synésios de Cyrene, hellène et chrétien*, Paris, 1951. См. также М. В. Левченко. *Синезий в Константинополе и его речь „О царстве“*. Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, 1951, № 130, вып. 18.

³ N. Terzaghi, v. II, p. 291.

сословию, но его родовитость вместе с образованностью и способностями выдвинули его на одно из первых мест в Пентаполе. Курия Киренаики в 399 г. поручила посольство в Константинополь Синезию именно потому, что он был представителем знатнейшей фамилии Пентаполя. Синезий и в дальнейшем принимал самое живое участие в судьбах своей провинции. Он сохранил теснейшие связи с влиятельными людьми в столице и Александрии и оказывал значительное влияние на провинциальную администрацию. Наконец, этот провинциальный аристократ стал епископом, митрополитом, главой всех епископств Киренаики.

Произведения Синезия знакомят нас с жизнью восточноримского аристократа в деревне, с его хозяйственными занятиями, научными и литературными интересами, с его мировоззрением и общественной деятельностью. Они показывают, что Синезий не был одинок, что он выражал интересы определенной классовой группировки, ревностно отстаивавшей интересы рабовладельческой империи. Таким образом, изучение жизненного пути Синезия помогает нам уяснить вопрос о роли аристократии в судьбах Восточной Римской империи этого времени.

Синезий был воспитан в духе языческих традиций. Он получил блестящее образование под руководством известной Ипатии в александрийской неоплатонической философской школе, где преподаватели уделяли большое внимание точным наукам; в то же время александрийская школа не отличалась такой непримиримой враждебностью к христианству, как школа афинская.¹

Синезий явился в Александрию около 394 г., вскоре после возмущения язычников в 391 г.,² за которым последовали жестокие репрессии. Несомненно Ипатия, которой было в это время около 20 лет, не принимала никакого участия в александрийском восстании, хотя в нем, по свидетельству Сократа, участвовали многие философы.³ Но если Ипатия и не была замешана в восстании 391 г. и сохранила возможность продолжать свои занятия, все же в руководимой ею школе были недовольны создавшимися порядками, правительственной политикой Феодосия I, хозяйничаньем готов при дворе императора, преследованиями языческих философов и погромом в Александрии, который учинил епископ Феофил. По крайней мере, Синезий постоянно жалуется, что истинные философы в его время не пользовались никаким уважением ни у правительства, ни у общества. Между тем, по его мнению, государство можно возродить только на основе философии.

Под руководством Ипатии Синезий основательно изучил философию и приобрел обширные математические и астрономические познания, самостоятельно занимаясь усовершенствованием физических и астрономических приборов.⁴

В Александрии Синезий усвоил неоплатонизм, — идеалистическое учение, придававшее большое значение мистике, отвлекавшее человека от действительности, заставлявшее его искать в самоуглублении мнимое утешение и забвение земных бед. У Синезия, как у типичного представителя аристократии, уже в ранние годы ярко проявляется высокомерное отношение к народным массам. Он всегда подчеркивает, что наука и образование должны быть достоянием аристократии. Философия,

¹ W. von Christ. *Geschichte der Griechischen Literatur*. Bd. II, München, 1913, S. 863.

² Sozomenus. *Hist. ecclesiastica*, VII, 15; Socrates. *Hist. ecclesiastica*, V, 16.

³ Socrates. Ук. соч., V, 16.

⁴ H. Druon. Ук. соч., стр. 234, 264; C. Lacombrade. *Synesios de Cyrene*, p. 42 sq.

с его точки зрения, должна была быть уделом избранных (ер. 143), тогда как массам оставалось довольствоваться крохами знаний. Отвергая народные верования, к числу которых он относил и христианство, Синезий, однако, считал, что не следует разрушать эти „ложные верования“, так как для масс необходимы иллюзии (ер. 105).

Закончив свое образование в Александрии и посетив Афины и Антиохию, Синезий жил некоторое время в своем родном городе. Затем аристократия Пентаполя направила его к императору в Константинополь просить об облегчении податей и защите от „варваров“. Охотно приняв предложенное ему поручение, так как посольство в Константинополь предоставляло ему возможность заняться общественной деятельностью.

По поводу времени пребывания Синезия в Константинополе в научной литературе существуют большие разногласия. Дело в том, что Синезий, по его собственному свидетельству, пробыл в императорской резиденции три года (*ἐν αὐτοῦ τρεῖς*).¹ Далее, в письме к своему другу Пилемону (ер. 61) он рассказывает, что когда в Константинополе началось землетрясение, он поспешно оставил город, не успев попрощаться со своим другом консулом Аврелианом. Так как Аврелиан был консулом в 400 г., то большинство исследователей XIX в. приурочивало отъезд Синезия к этому году и его прибытие в Константинополь относил к 397 г.

Эта точка зрения была отвергнута О. Зееком, который обратил внимание на следующее обстоятельство. Синезий в сочинении „О провидении“ говорит о своем присутствии в столице во время уничтожения готского войска, триумфального возвращения Аврелиана и низложения префекта претория Кесария.² „Тогда показалось и чужестранцу (под чужестранцем Синезий подразумевает себя.—М. Л.) блаженным то, что ему раньше было тягостным, и он больше не жаловался на принудительное пребывание [вдали от родины], во время которого он был очевидцем явления божества“.³ Таким образом, Синезий несомненно был в Константинополе во время префектуры Кесария и являлся свидетелем его низложения в 402 г. Так как, сверх того, хроника Марцелина приурочивает к 402 г. сильное землетрясение в Константинополе, то мы должны присоединиться к датировке Зеека и отнести время пребывания Синезия в Константинополе к 399—402 гг.⁴

Когда Синезий в 399 г. появился в Константинополе, чтобы добиться облегчения налогов для Киренаики, положение было крайне напряженным — Восточная римская империя стояла перед угрозой революции рабов. Народные массы во Фракии, сыгравшие активнейшую роль в адрианопольской катастрофе 378 г., были готовы в любую минуту выступить против рабовладельцев.

В Константинополе Синезий попал в бурный водоворот политических смут и волнений. В течение длительного времени Синезий дожидаясь удобного случая, чтобы представиться императору Аркадию. Самому Синезию в это время пришлось пережить немало затруднений. Впоследствии он вспоминал о своем пребывании в Константинополе, как о самом тяжелом времени своей жизни.⁵

¹ N. Terzaghi, v. II, p. 175.

² Там же, т. II, стр. 120.

³ Там же, стр. 108.

⁴ O. Seeck. Ук. соч., стр. 442—458; ср. его же. Arkadios — in Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, Bd. II, 1896. Sp. 1144—1151.

⁵ N. Terzaghi, v. I, p. 19.

Но как в Александрии, так и в Константинополе Синезий скоро нашел друзей. Киренский аристократ, ученик знаменитой Ипатии, он скоро стал своим человеком во влиятельном в столице литературном и научном кружке — панэлленионе, главой которого был философ и софист Троил.¹ Кружок этот объединял представителей константинопольской знати, интересовавшихся литературой и наукой. Здесь устраивались дискуссии на литературные и философские темы, читались и обсуждались литературные произведения. В то время считалось хорошим тоном, чтобы высшие чиновники интересовались или делали вид, что интересуются, литературой. Поэтому в кружок входили многие влиятельные лица. Членом этого кружка был и префект претория Аврелиан. Синезий сблизился с ним, надеясь при его помощи добиться осуществления цели своей миссии. То, что Синезий пользовался покровительством Аврелиана, подчеркивает он сам в сочинении „О провидении“, уподобляя Аврелиана Осирису и выставляя его образцом государственного деятеля.

Очевидно, только при содействии Аврелиана Синезий смог получить аудиенцию у императора, чтобы в своей знаменитой речи „О царстве“ изложить перед ним нужды родного города. Это произошло во второй половине 399 г., во всяком случае до падения Аврелиана (конец 399 г.).²

Можно думать, что Синезий произнес свою речь перед большим собранием, быть может — перед сенатом. Подобные речи у большинства риторов и софистов состояли из двух частей: в первой они изображали идеал императора, а во второй — чертами идеального императора ритор наделял того государя, к которому он обращался. Все подобные речи обычно весьма однообразны, полны грубой лести.

Синезий отказывается от подобных образцов. Обращаясь к императору, он как бы совершенно забывает о главной цели посольства, о частных интересах Киренаики, и затрагивает положение дел во всей империи, выдвигая в своей речи, таким образом, более широкие планы, чем те, какие можно и должно было ожидать от представителя провинциальной курии. О Кирене и о цели своего посольства он говорит только в начале речи при поднесении императору золотой короны, обыкновенного подарка в подобных случаях. Основная цель его речи — указать средства, которые, с его точки зрения, могут предотвратить крушение рабовладельческой империи.

Ошибочно видеть в Синезии, как делает это большинство буржуазных ученых, непрактичного идеалиста, которому не доставало политической проницательности и политического опыта. Речь „О царстве“ смела и продуманна. Синезий, несмотря на всю „свободу“ своей критики, умеет и молчать, где нужно. Так, вынужденные необходимостью мероприятия Феодосия по отношению к готам, которые для Синезия являются первопричиной всех зол, объясняются в речи милосердием и великодушием этого императора. Зная благочестивую настроенность Аркадия, оратор много раз подчеркивает, что благочестие является основой государства.

Но в то же время он негодует на трудность доступа к императору, на придворный этикет, который кажется Синезию заимствованным от „варваров“. Все это, по мнению Синезия, не дает императору возможности узнать жизнь и людей. Придворных императора Синезий, не стесняясь, называет шутами. Эти шуты и евнухи своей болтовней и

¹ С. Lacombrade. Ук. соч., стр. 128.

² R. Volkman. Ук. соч., стр. 26.

интригами держат ум императора как бы в тумане и отдаляют его от общения с умными людьми. В другом месте по поводу недоступности императоров Синезий желчно замечает, что они скрываются в глубине своих дворцов подобно ящерицам, убегающим от света в свои норы, чтобы люди не видели, что и они такие же люди, как и все прочие.

Не менее резко Синезий обрушивается на роскошь императора и его вельмож. Недовольный роскошью и замкнутостью императоров, Синезий возмущается и той обстановкой, в которой императоры обыкновенно появлялись перед народом. Он негодует на множество телохранителей, окружающих императора и составляющих, по его выражению, „в войске новое войско“.

Совершенно очевидно, что подобная речь могла быть произнесена перед императором только в том случае, если оратор чувствовал себя не одиноким, если он ощущал за собой поддержку влиятельной и могущественной группировки, глашатаем которой он выступал в данном случае. Несомненно, что оратор из Кирены в своей речи являлся выразителем интересов сторонников Аврелиана.

Синезий проявляет в своей речи известную дальновидность. Он как бы предвидит событие, потрясшее через десять лет всю Европу, а именно захват готами под предводительством Алариха „вечного города“ Рима и оккупацию „варварами“ западноримских провинций. Для него совершенно ясно, что рабовладельческая империя находится на краю гибели. Он подчеркивает: „Все мы теперь помещены на тончайшем острие ножа. Дело бога и императора устранить эту угрозу Римской империи, которая уже обозначилась и может проявиться во всей своей страшной силе“.

Оратор правильно определяет и причину нависшей над империей опасности. Синезий понимает, что внедрившиеся в империю вооруженные „варвары“, объединившись с восставшими рабами — такими же „варварами“, — угрожают империи и рабовладельцам настоящей катастрофой. Поэтому свою речь Синезий направляет против готов. Он восстает против заполнения римской армии „скифами“ и против допущения этих „варваров“ к военным и гражданским должностям. Поступок Феодосия I, на вербовавшего 40 тысяч готов-федератов во главе с их собственными вождями в состав армии Восточной Римской империи, Синезий считает в высшей степени неосмотрительным. Включать „варваров“ в войско, допускать их к государственным должностям, по мнению Синезия, все равно, что помещать хищных волков в стадо овец.

Ссылаясь на исторические примеры, оратор угрожает своим слушателям возмущением рабов; со страхом вспоминает он о восстании рабов под руководством Крикса и Спартака. В своей речи он выступает откровенным защитником рабовладельцев. Подобно Платону и Аристотелю, Синезий не сомневается в том, что сама природа создала „варваров“ рабами римлян и греков. Он считает рабов особой породой людей, предназначенной к подчинению, рассматривает их как часть имущества, как своеобразный источник материальных благ для лиц, создающих высшие ценности. У него нет и тени сомнения в справедливости рабства. Он только удивляется, как в Римской империи „скифы“ могут быть одновременно рабами частных лиц и господами государства.

Синезий требует, чтобы „варвары“ были лишены права занимать высшие правительственные должности. По мнению Синезия, их следует отстранить от военной и гражданской службы, силой римского оружия изгнать их из пределов империи или же, разоружив, заставить

обрабатывать землю в качестве колонов. В своем отношении к „варварам“ Синезий коренным образом расходится с Фемистием, который в речи „О мире“ оправдывал готофильскую политику императора Феодосия. Фемистий утверждал, что существует коренное различие между современными ему римскими императорами и ранее жившими государями, ибо в прошлом каждый царь был правителем одного народа: так, Кира, по его мнению, можно назвать *φιλοπέρσης*, Александра Македонского *φιλομακεδών*, Августа — *φιλορώμιος*.¹ Но, продолжает Фемистий, кто хочет быть истинным царем, тот должен заботиться о всех народах без исключения и быть *φίλανδρος*.¹ Эта речь оправдывает политику Феодосия громкими фразами о мировом значении Римской империи. Фемистий высказывает мысль, что император должен щадить своих врагов. Более того, по его мнению, готы в качестве союзников могут быть полезны самой империи.

Синезий решительно протестует против этих пагубных иллюзий. Он утверждает, что военные должности должны стать почетными и на них следует назначать исключительно римских граждан. „В семействах, как и в государствах, на мужчине лежит обязанность защиты от внешней опасности, а на женщинах бремя домашних работ.“ „Что касается меня, — говорит автор, — то если бы даже [варвары] принесли нам славные победы, мне было бы стыдно принимать от них такую услугу“.

Требуя очищения римской армии от „варваров“, Синезий настаивает на расширении круга лиц, привлекаемых к службе в войске. В армию должны быть призываемы не только плебеи и земледельцы. Все без различия звания и состояния должны защищать отечество. „Вместо того, чтобы позволять скифам носить оружие, нужно требовать от нашего земледелия людей, которые привыкли им заниматься, которые готовы защищать родину. Нужно для этого исторгнуть философа из школы, ремесленника из мастерской, торговца из лавки. Призовем далее шумящую и праздную чернь, проводящую время в театрах, пока есть еще время — если она не хочет скоро перейти от смеха к плачу — и пока еще нет никакого препятствия римлянам иметь свою отечественную армию“.

Таким образом, Синезий считает возможным в условиях Восточной Римской империи привлечение широких слоев населения в войско. Это показывает, что хотя Восточная империя, подобно Западной, представляла в то время „...гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных“² (собранные в сочинениях Синезия многочисленные факты прекрасно иллюстрируют это определение Энгельса), все же восточноримские рабовладельцы чувствовали себя более прочно, чем их собратья на Западе. Это объясняет нам, почему предложения Синезия не показались слушателям абсурдом, почему он мог мечтать о возвращении „доброго старого времени“, когда Рим наводил страх на „варваров“, когда он господствовал над миром и все ему покорялось.

Обращаясь со своими предложениями к Аркадию, Синезий, повидимому, полагал, что достаточно императору захотеть осуществить начертанный им идеал, как дела империи примут другой оборот.

Впрочем, действительно ли речь Синезия содержала программу политических реформ? Некоторые биографы Синезия считали эту речь выдающимся образцом риторского искусства того времени, указывая,

¹ Themistii Orationes, ed. L. Dindorf, 1832, p. 58.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 153.

вместе с тем, что его советы и наставления носят слишком общий, отвлеченный характер, являются своего рода риторическими упражнениями на данную тему.

И. Асмус даже доказывал, что все содержание речи Синезия заимствовано у греческого ритора конца I—начала II в. Диона из Прусы,¹ но это, конечно, неверно. Бесспорно, что Синезий почерпнул у Диона ряд мыслей и образов, что мораль Диона и отношение к жизни в известной мере близки Синезию, который, в свою очередь, нередко оперирует образами и понятиями платоновской философии. Можно указать далее, что Дион раньше Синезия ставил и по-своему разрешал тему об отношениях государства и философа,² о роли философа, как советчика, что Дион раньше Синезия определил понятие тирана.³

Синезий изучал не только Диона из Прусы. Известное влияние на него оказали и речи Фемистия. Однако между Синезием и его предшественниками существует коренное различие: при рассмотрении речей Диона и Фемистия мы легко установим, что они разбирали вопросы, завешанные античной философией и риторикой. Современные им политические отношения крайне поверхностно отражены в их речах, которые в значительной мере посвящены риторическим упражнениям. В отличие от них Синезий затрагивает животрепещущие вопросы, интересовавшие современное ему общество, останавливается главным образом на тех проблемах, которые подсказывались положением государства в данное время. Конечно, при рассмотрении злободневных политических вопросов он нередко пользуется традиционными образами и оборотами речи, но не разработка и систематизация представлений античных философов о государстве, а решение практических проблем представляется ему наиболее существенным. В этом его отличие от Диона и Фемистия.

Иными словами, если Фемистий и Дион — прежде всего философы и риторы, то Синезий выступает как политический деятель, излагающий свои политические взгляды, как откровенный идеолог верхушки рабовладельческого класса.

Поэтому для понимания общественной борьбы того времени одна речь Синезия дает гораздо больше, чем все речи Фемистия. И если Синезий многим обязан и античной и позднейшей греческой литературе, то он не просто повторяет прочитанное. Мы встречаем у него традиционные термины и понятия, но он привлекает эти понятия и термины как материал для обсуждения занимавшего его вопроса, выдвинутого самой жизнью.

Не приходится отрицать, что известное влияние на политические идеи Синезия оказали Платон, Дион из Прусы и Фемистий. Из идеалистической философии Платона Синезий почерпнул, повидимому, представление об исключительной роли философии для государства; отсюда же он заимствовал и образ царя-философа, а также ряд понятий: определение тирана как врага закона, параллели между государством и душой, сравнение солдат со сторожевыми псами и др.

Влияние Диона также сказалось во внешней форме сочинения, в стиле, в подборе слов и терминов.⁴ Но если от формы обратиться

¹ I. R. Asmus. Synesius und Dio Chrysostomus, „Byzantinische Zeitschrift“, XI, 1906, p. 85—151.

² В. Е. Вальденберг. Политические идеи Диона Хрисостома. Л., 1927, стр. 1539.

³ Там же, стр. 1549.

⁴ I. R. Asmus. Ук. соч., стр. 91, 148.

к содержанию, к идеям, то можно увидеть, что ничего характерного для Диона, ничего такого, в чем Дион является самостоятельным и значительным, Синезий у него не взял. Можно указать ряд тем, которые сходным образом трактуются обоими писателями: значение друзей для царя, сравнение царства с тиранией и в связи с этим отдельные черты в характеристике царя и тирана, отношение царя к войнам, сравнение царя с пастухом и т. д. Но многие из этих тем Синезий мог самостоятельно найти у Платона, Аристотеля и других авторов, а некоторые из них после Диона развивал Фемистий в многочисленных речах.

Для нас гораздо более важны, чем эти литературные традиции, политические идеи Синезия, в которых он совершенно самостоятелен. Его теория очищения римского государства от „варваров“ продиктована политическими интересами класса рабовладельцев. В то же время Синезий коренным образом отличается от греческих мыслителей античности, эпигонов Аристотеля, в том числе и Диона, своим отношением к государству. Известно, что утрата независимости и подчинение чужеземцу римскому игу заставили идеологов греческой аристократии выступить с осуждением государства как такового. Греческие философы осмыслили свое враждебное отношение к чуждой государственной власти в форме осуждения всякого государства.¹

У Синезия отношение к государству меняется коренным образом. Резко расходясь с Дионом, этот греческий философ оказывается защитником Римской империи. Дион весьма определенно выражает свое отрицательное отношение к существующему государству, дает его суровую критику. Однако мы не находим у него изображения того, как государство, с его точки зрения, должно быть построено. Повидимому, он считал реформы делом безнадежным и ненужным. Синезий также резко критикует существующие порядки Римской империи, но он критикует их с целью спасти империю от угрожающей ей гибели; он требует именно с этой целью немедленных, неотложных реформ, которые он считал реально осуществимыми в данных политических условиях. Забота о сохранении Римского рабовладельческого государства (τῆς Ῥωμαίων πράξεως) стоит у него на первом месте. Синезий хочет видеть империю восстановленной в ее былой славе и могуществе. И он, и те круги, которые инспирировали его речь, обнаруживают значительную дальновидность, проявившуюся в умении подметить то главное и существенное, мимо чего равнодушно проходили тысячи современников.

Ф. И. Успенский, характеризуя речь Синезия „О царстве“, подчеркивает, что она полностью отвечала „нуждам и потребностям греческого народа того времени“.² Мы, конечно, не можем с этим согласиться; на самом деле, она отвечала нуждам и потребностям аристократов — рабовладельцев Восточной Римской империи, к числу которых принадлежал Синезий и интересы которых он защищал в первую очередь. Синезий предстает перед нами как представитель рабовладельческого класса, как ярый реакционер, который отстаивал старые порядки; те реформы, которых он требовал, были нацелены на сохранение рабовладельческой империи. Он отстаивал рабство, оправдывая его

¹ Dionis Opera, ed. H. v. Arnim, 1893, vol. 1—2, Berlin, 1893—1896, or. 4 Διόνειος περὶ τυραννίδος; or. 7 Διόνειος ἢ περὶ ἀρετῆς; В. Е. Вальденберг. Политическая философия Диона Хрисостома, Изв. АН СССР, 1926, стр. 968.

² Сборник отчетов о премиях и наградах за 1912 г., СПб., 1913, стр. 109—110.

мнимой неполноценностью значительной части человечества (так называемых „варваров“), он откровенно считал науки и образованность достоянием аристократии. Синезий был политический деятель, который ревностно защищал эксплуататорские порядки Римской империи.

Мечтая о возрождении римской славы, презирав трудящиеся массы, Синезий был, разумеется, бессилен указать выход из кризиса. Но важно отметить то обстоятельство, что в конце IV в. горячими римскими „патриотами“ оказываются греческие архонты, греческая родовитая знать, представителем которой в данном случае и выступает Синезий. Необходимо также признать, что эта знать с большим рвением и искусством защищала римские рабовладельческие порядки на Востоке, чем это делали римские магнаты Запада. Об этом свидетельствует и дальнейшая история пребывания Синезия в Константинополе.¹

Подробнейший рассказ Синезия о драматических событиях 400 г. в сочинении „О провидении“ исправляет показания других источников и дополняет их такими деталями, какие мог дать только очевидец. Синезий рассказывает, как Гайна и готы внезапно ночью были охвачены страхом пред безоружным населением Константинополя, как они бежали из города, увозя своих жен и детей. Многие впали в такое отчаяние, что запирались в домах, ожидая пожара, другие бросались на суда и мечтали спастись на островах, в деревнях или убежать в отдаленные города, так как любое место казалось им безопаснее императорской резиденции.² Синезий очень драматично описывает столкновение у городских ворот в ночь с 11 на 12 июля 400 г., переросшее в настоящее сражение. Одна старуха, живущая подаянием, заметила, что готы увозят ценности и, бросив чашку, в которую собирала милостыню, с плачем стала проклинать готов, полагая, что они замышляют погубить город. Гот, услышавший ее проклятия, хотел мечом разрубить ей голову, но был убит на месте подоспевшим на помощь константинопольцем.³ Сбежался народ и завязалась ожесточенная драка. Жителям города после жестокой борьбы удалось захватить ворота и закрыть их. Значительная часть готов осталась запертой в городе.

Рассказ Синезия об истреблении оставшихся в городе „варваров“ проникнут такой же ненавистью к ним, как и сообщения Сократа, Созомена и Зосима. Синезий описывает, как готы, нашедшие убежище в храме, все были там сожжены, несмотря на просьбы их защитника Кесария.⁴

После истребления готов в Константинополе переговоры, начатые с Гайной, не могли быть, конечно, успешны. Префект претория Кесарий, правда, и теперь не терял надежды вернуть Гайну. Но народ требовал возвращения Аврелиана и враждебных готам сановников. Дворец был окружен многочисленными толпами, которые совершали благодарственные молебствия по поводу случившегося и настоятельно требовали возвращения изгнанников. Аркадий обещал вернуть Аврелиана и других изгнанников, но Кесарий еще некоторое время оставался у власти. Гайна начал открытую войну, но готы были разьединены. Гот Фравитта, откровенный приверженец язычества, был облечен высшей воинской властью. Ему удалось уничтожить войско Гайны при попытке

¹ Подробности см. М. В. Левченко. Синезий в Константинополе и его речь „О царстве“, стр. 242—246.

² N. Terzaghi, v. II, p. 111.

³ Там же, стр. 112 и сл.

⁴ Там же, стр. 118.

переправиться через Теллеспонт. Согласно Зосиму, Гайна бежал за Дунай, но был здесь убит гуннским вождем Ульдисом 23 декабря 400 г. Что касается западных готов, находившихся в Иллирике под предводительством Алариха, то они уже наметили себе более безопасное место жительства в западной части империи.

Таким образом, в самом начале V в. Восточной римской империи удалось сохранить свою независимость и разгромить готов, в то время как Западная империя через несколько десятилетий пала под ударами восстаний рабов и вторжений „варваров“.

Позиции рабовладельцев оказались на Востоке более прочными, чем на Западе. И на Востоке, и на Западе процесс развития общественных отношений неизбежно приводил к известной децентрализации, росту самостоятельности отдельных земельных магнатов, однако в Восточной империи оказались налицо факторы, затормозившие этот процесс. Крупное имение не превратилось здесь в самодовлеющий хозяйственный организм, не связанный с городом, чуждый рыночных отношений. Оно оставалось втянутым в торговый оборот, так как крупные города с десятками и сотнями тысяч жителей нуждались в значительных массах сельскохозяйственных продуктов. Но крупные землевладельцы на Востоке были заинтересованы в сохранении рабовладельческого государства не только потому, что они нуждались в охране своих торговых интересов. Напуганные революционным движением рабов и колоннов, повлекшим за собой адрианопольскую катастрофу 378 г., крупные землевладельцы на Востоке в основной своей массе сознавали необходимость сплочения вокруг императорской власти и сохранения централизованного государства.

Точно так же византийские купцы и ростовщики были заинтересованы в сохранении рабовладельческого государства, которое было необходимо им для охраны торговых путей и завоевания новых рынков, которое обеспечивало им огромные прибыли.

Поэтому рабовладельцы в Константинополе, активным идеологом которых являлся Синезий, оказались достаточно сильны, чтобы разжечь религиозный фанатизм масс и натравить их на „варваров“ — готов.

События в Константинополе имели отклик и в Риме, выразившийся в перевороте 408 г. и падении Стилихона. Но на Западе соотношение сил оказалось иным, и попытка ликвидировать господство „варварской“ знати только ускорила крах империи.

С возвращением Аврелиана Синезий мог закончить свои дела и отправиться на родину. Однако ему не пришлось дожидаться окончательного решения своего дела. Он так и не получил необходимую грамоту, закреплявшую исходатайствованное им облегчение от податей, потому что одно случайное обстоятельство ускорило его отъезд из Константинополя. Константинопольское землетрясение в 402 г. заставило Синезия покинуть столицу раньше, чем он предполагал.

В нашу задачу сейчас не входит следить за дальнейшим жизненным путем Синезия и его общественной деятельностью, но уже из изложенного видно, что рассуждения буржуазных историков об утопичности и неосуществимости проектов Синезия нужно признать слишком упрощенными. Конечно, стремление Синезия возродить при помощи философии „древние славные времена“ римской рабовладельческой империи было неосуществимым, так как разложение рабовладельческого общества зашло и на Востоке достаточно далеко. Но из этого все же нельзя делать вывод, что деятельность Синезия была целиком утопична и безрезультатна. Силы рабовладельцев на Востоке оказались

более значительными, чем на Западе. Синезий мог видеть ослабление кризиса, угрожавшего самому существованию империи, в связи с ликвидацией готского засилья в Константинополе и в войске Восточной империи. В речи Синезия „О царстве“ ярко отразилось его мировоззрение как представителя определенного класса — греческой рабовладельческой аристократии, которая в страхе перед революционным движением рабов в конце IV в. стремилась укрепить римское государство.

СИНЕЗИЙ КИРЕНСКИЙ. О ЦАРСТВЕ

(Перевод с греческого М. В. Левченко)

1. Нужно ли при входе сюда опускать глаза тому, кто послан не от богатого и могущественного города и не принес с собой робких и льстивых речей, рабских произведений риторики и поэзии? Будет ли он осужден на молчание в этом дворце, если ему не покровительствует слава его отечества, если он не может прелестями своей речи доставить удовольствие императору и его советникам? Вот появилась [перед вами] философия, но охотно ли примете вы ее? Когда она является после долгого отсутствия, кто может отказаться ее признать, кто откажет ей в гостеприимстве, ею заслуженном?

Если она нисходит к вам, то не для себя, а для вас, так как вы не можете к ней отнестись с презрением без вреда для самих себя. В речи, которую она будет пред вами держать, не будет места желанию нравиться: она не домогается того, чтобы обольщать сердца выражениями пустыми и мимолетными, выставляя напоказ украшения людского красноречия. Напротив, тем, которые ее принимают, она, серьезная и вдохновенная божеством, влагает в уста достойную и мужественную речь, не домогающуюся того, чтобы низкой лестью снискать благосклонность вельмож. В своей суровой свободе, чужая в царском дворце, она не входит сюда, чтобы расточать наудачу и по всякому поводу похвалы императору и императорскому двору. Это для нее не нужно. Она хочет не только несколько взволновать умы, но поразить их с силой и, поражая, исправлять. Императоры должны с большим почтением принимать речь свободную и независимую.

2. Похвала обольстительна, но пагубна. Она подобна ядовитому питью, смешанному с медом, которое предназначается осужденным на смерть. Разве тебе неизвестно, что мастерство повара, вызывающее у нас искусственный аппетит изысканными блюдами и слишком утонченными приправами, вредит нашему здоровью, тогда как медицина и гимнастика ценою недолгих лишений укрепляют тело? Я хочу быть в числе тех, которые несут здоровье, хотя бы с риском возбудить твой гнев. Ибо как острота и горечь соли препятствует разложению мяса, так истина в речи оздоравливает дух юного императора, готового заблудиться вследствие произвола его власти. Итак, выслушайте терпеливо этот новый и еще не употребляемый род речи; не обвиняйте ее за дерзость; не обрекайте прежде, чем она начнется, на молчание за то, что она не старается понравиться, но вместо того, чтобы льстить молодым людям, сообщает им суровые правила и серьезные наставления.

Если вы сумеете вынести ее присутствие, если похвалы, которые вы привыкли слушать, не испортили ваш слух, то

„это — действительно я перед вами“.¹

3. Меня послала к тебе Кирена увенчать твою голову золотою короной, а твою душу — философией; Кирена, город греческий, имя древнее и почтенное, некогда предмет воспевания тысячи поэтов, теперь же бедная и опустошенная, груда развалин, просящая императора, чтобы он сделал что-либо, достойное ее древнего происхождения. Ты можешь облегчить ее страдания, если только захочешь, и от твоей воли зависит, чтобы со временем я снова явился к тебе, представив другую корону от имени моего отечества, уже счастливого и цветущего. Но теперь, каково бы ни было настоящее положение моей страны, я имею право говорить свободно пред императором, ибо истина составляет главное достоинство речи, а родина оратора не делает его речь лучше или хуже.

Итак, начнем с божьей помощью и приступим к ответственной из речей или, вернее сказать, из трудов. Заботящийся о том, чтобы один единственный человек — император был наилучшим, должен кратко коснуться всего, что поневоле затрагивает душу императора, — как восстановить все дома, все города, все народы, большие и малые, соседние и отдаленные. Согласись только, чтобы мы прежде всего условились в том, что ты выслушаешь мою речь. Разумно не вспугивать зверя преждевременно. Скажем, что должно делать императору и чего не должно, противопоставляя честное бесчестному. Ты же, рассмотрев то и другое, поймешь, что тебе надлежит [делать] и возлюбишь благо, ибо его одобрила философия, а зло отвергнешь; таким образом стремись первое всегда делать, а другого впредь не допускать. Поэтому во время [моей] речи при перечислении того, что не должно делать, и в чем вместе со мной и ты сам сознаешь за собой вину, ты негодуй и красней за себя, за то, что тот или другой недостаток свойственен тебе. Эта краска стыда обещает добродетель раскаяния, и этот стыд является божественным и таким представляется Гесиоду.² Тот же, кто упорствует в ошибках и стыдится сознаться в невежестве, не получает пользы от раскаяния и нуждается не в целительных речах,³ но, как говорит мудрый муж, — в наказании. Итак, философия с самого начала представляется суровой и тягостной.

4. Я вижу, что некоторые из вас уже смущаются и считают недопустимой такую свободу речи, но, с одной стороны, разве я не обещал именно так выступать, и вы, зная это заранее, должны были держаться стойко и противостоять нападению, да и тебе это приятно слушать [ведь] все [тебя так] прославляют. И я соглашаюсь, что такой обширной власти, как у тебя, нет ни у кого другого: у тебя собраны груды богатств, превышающие [богатства] Дария; [у тебя есть] многие мириады всадников, воины, используемые в качестве стрелков и панцырные [в таком количестве], что если бы они имели вожда, то против них было бы бесполезно всякое сопротивление. Тебе поклоняются превышающие всякое число города, которых большую часть ты не видел, и они не надеются, чтобы ты когда-либо их увидел. Все это и мы

¹ Гомер. Одиссея, XXI, 207. Слова Одиссея, который открывается своим верным рабам.

² Ср. Гесиод. Труды и дни, стк. 197—200.

³ λόγον ἰατρικόν. Ср. „Больной души врачи — советы добрые“ — Эсхил. Прометей, стк. 378.

лучше всякого другого назовем истиной. Но в чем я не соглашаюсь с другими? Они это ставят тебе в заслугу и называют тебя счастливым. Я же меньше всего ставил бы это в заслугу, а подчеркивал бы больше всего твое счастье. Это не одно и то же, но совершенно различны счастье и заслуги. Ибо считают счастливым за нечто внешнее, восхваляют же за внутренние достоинства, которыми закрепляется счастье. Одно даруется судьбой независимо от достоинств человека, другое — самостоятельно приобретенное благо души. Поэтому одно само по себе является прочным; внешнее же счастье скоропроходящее и изменчиво и часто обращается в свою противоположность. И для сохранения его нужна помощь божества, нужен ум, нужно искусство и время, нужны многие деяния, обширные и разнообразные, которые не испытаны никаким опытом и не легки для тех, кто испытывается. Счастье легко может выпасть на долю людей, но оно не сохраняется без труда. Ты видишь, какие жизни являются предметом театральных трагедий.¹ Терпят несчастья не только плебеи и бедняки, но и лица могущественные, владетельные особы и тираны. Ведь маленький дом не рушится в момент великого несчастья, и бедность выдерживает тяжесть невзгод, но чем могущественнее человек, тем чувствительнее для него опасность и измена счастья. Однако весьма часто добродетель предшествует счастью, и прекрасные достоинства доставляют людям счастье, как если бы судьба стыдилась не воздать честь очевидным достоинствам. Не нужно ходить далеко, чтобы подкрепить это примерами. Вспомни отца и увидишь, что власть ему была дана в награду за добродетель. Счастье не является причиной добродетели, но зато некоторые своими доблестными деяниями приобретали счастье. Пусть, император, и тебя причислят к таким [людям], чтобы не напрасно философия здесь произносила речь. Пусть правление будет тем для тебя важно, что оно упрямляет и возвышает в добродетели, которая порождает нужду в вещах, достойных твоего величия и не допускает образа жизни, не соответствующего императорскому.

5. Нужно стремиться к тому, чтобы душа стала царственной, нужно защищать счастье, чтобы его не упрекали в непоследовательности, так как начало твоей жизни было куда счастливее, чем у отца.² Тому военная слава принесла императорскую власть, — тебя же императорское достоинство побуждает к военным подвигам, и ты обязан величием счастьем. Он завоевал блага трудом, — ты же их без труда получил в наследство. И все-таки нужно трудиться, чтобы [их] сохранить. И это, как я уже раньше сказал, трудно и требует тысячи глаз, чтобы счастье, как это часто бывает, не свернуло на середине пути подобно коварным спутникам; ведь с ними мудрецы сравнивают счастье за его непостоянство. Разве ты не видишь, что даже отца [хотя очевидно, что он за славные свои подвиги был провозглашен императором] зависть и на старости не оставила без трудов, так же как и бог не оставил без увенчания. Но он должен был выступать в поход против двух тиранов³ и, победив обоих, он умер во время триумфа над вторым,⁴ уступив не кому-либо из людей, а природе, против которой бессильны и храбрость оружия и хитрость ума. Но доблесть он унес

¹ Ср. Dionis Opera, XIII, 2.

² *ὡς οὖν ἐμοῖς φρονέουσιν σοὶ τε καὶ τῷ πατρὶ προήλθεν ὁ βίος* — буквально: так как неодинаково начиналась жизнь твоя и [твоего] отца.

³ Сянезий имеет в виду походы Феодосия против Максима в августе 388 г. и Евгения в сентябре 394 г.

⁴ Феодосий I умер 17 января 395 г.

в могилу, оставив вам в наследство прочную императорскую власть. Пусть же для вас сохранит ее добродетель, а через добродетель сохранит сам бог. И если везде необходима божья помощь, то в особенности тем, которые получили счастье не собственными трудами, борьбою и искусством, но, как вы, по наследству. Тот, кого больше всего одарил бог и кому дал возможность еще совершенным мальчиком называться великим императором, тому необходимо переносить всякий труд, воздерживаться от всяких жизненных удобств, отказывать себе в сне, принимать на себя бремя великих забот,¹ если только он хочет быть достойным имени императора.

Хорошо старое изречение, что не количество подданных делает императором, а не тираном, точно так же как количество овец не делает пастухом мясника, который гонит их на бойню, чтобы не только утолить свой голод, но и другим продать на обед.

6. Этим-то, полагаю, отличается император от тирана, пусть даже судьба у них одинакова. И как тот, так и другой господствуют над множеством людей. Тот, кто соединяет свои интересы с благом подданных, кто готов страдать, чтобы оградить их от страданий, кто подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, кто бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда, тот — пастух для овец, государь для людей. Но кто пользуется властью неумеренно, употребляет ее на удовольствия и забавы, думая, что она должна служить к удовлетворению всех его страстей, кто считает выгодным начальствовать над многими, если они служат его прихотям, кто, коротко говоря, хочет не стадо кормить, но самому от стада кормиться, того я назову мясником для скота, того я назову тираном, если он начальствует над разумными людьми. Вот тебе единственная возможная норма царственного поведения. Ты подвергни самого себя проверке; если будешь соответствовать этой [норме], то справедливо должен присвоить себе почетный титул почетного дела; если же окажешься не соответствующим ей, то должен постараться устранить несоответствующее и приспособиться к [этой] норме. Я считаю, что юность способна на всякие подвиги, лишь бы кто-нибудь ее побудил к подражанию добродетели. Ибо юность способна к любым сильным увлечениям, подобно рекам, которые неудержимо стремятся вперед, если им предоставлен свободный простор. Поэтому-то молодому императору и нужно, чтобы философия руководила им и предохраняла от неправильного пути. Разным добродетелям близки разные пороки, и отступив от стези добродетели [ты приходишь] к соответствующему пороку. Императорской власти близка тирания и почти с ней соприкасается, так же как безрассудство соприкасается с храбростью, расточительность со щедростью. Гордый, если не удерживается философией в должных границах, если несколько выходит из рамок, становится заносчивым и умственно неполноценным. Не страшись никакого другого порока для царской добродетели, кроме тирании, и различай [эти понятия], пользуясь указаниями данной речи, а в особенности тем, что император свои склонности подчиняет законам, а для тирана его склонности служат законом.² Власть — вот то, что у них общего, а [образ] жизни — противоположный.

7. Вершины благосостояния и счастья достигает тот, у кого все подчиняется воле. Воля же подчиняется благоразумию и, будучи

¹ Это же выражение Синезий употребляет в сочинении „О провидении“ (I. 12. N. Terzaghi, v. II, p. 88).

² Ср. Dionis Opera, III, 43.

госпожой во внешних проявлениях, уступает власть своей сожительнице, как превосходящей, и принимает от нее правила того, что должна делать. Власть сама по себе еще не приносит счастья. Не во власти заключается установленное богом блаженство, но к этому должно присоединиться или, вернее, этому должно предшествовать благоразумие, которое наилучшим образом упорядочивало бы власть. И я называю совершенными такую жизнь и такого человека, в которых соединены оба эти качества и сохраняются в равновесии; [совершенен] тот, кто рожден властвовать, и способен властвовать; он и непобедим, так как сила и мудрость [в нем] совпадают.

Взятые же в отдельности они не имеют значения: сила неразумна, а благоразумие бессильно. Поэтому я восхищался мудростью египтян. Дело в том, что Гермеса египтяне представляют с двумя лицами, молодым и старым; первое обозначает силу, второе благоразумие. Так как одно без другого не приносит пользы, то у них у преддверия храмов помещаются изображения сфинксов, скрытый символ соединения той и другой добродетели, в котором звериное туловище обозначает силу, а человеческая голова — благоразумие. Сила тела, лишенного разумного руководства, действует безрассудно, все смешивает и приводит в хаос. И опять-таки совершенно непригоден для действия ум, лишенный помощи рук. Только соединение всех добродетелей является украшением государя. Благоразумие же в особенности подобает ему. Итак, приобрети себе эту [добродетель] в проводники; остальные три¹ последуют за старшей сестрой, и ты немедленно будешь иметь их всех подругами и соратниками.

8. Я говорю речь, которая вначале может показаться неуместной и странной, но тем не менее преисполнена истины. Я слабость сравниваю с силой и бедность с богатством и изобилующих всем с нуждающимися во всем. Если лишенные благоразумия будут сравниваться друг с другом, то бедные и негодные частные лица окажутся даже предпочтительней властителей, лишенных разума и благоразумия, так как они совершают меньше ошибок, и их душевная порочность не найдет столько практического применения. Внешние блага, которые мои наставники Платон и Аристотель обычно называют орудиями,² в равной мере могут служить орудиями как пороков, так и добродетелей. Поэтому и оба эти мужа, и те философские школы, которые ими созданы, не удостоили их ни лучшего, ни худшего названия, но назвали орудиями, по временам хорошими, по временам — дурными, в зависимости от употребления тех, кто ими пользуется. Поэтому следует молить, чтобы у преступника отсутствовали орудия, чтобы его преступные склонности остались без исполнения. Одновременно нужно желать, чтобы орудиями обладал тот, кто может ими хорошо пользоваться, от кого все — и города и частные лица — получают пользу, чтобы природа добродетели не прозябала в неизвестности без употребления и деятельности, но чтобы она израсходовала свою силу на благо людей. Таким образом, нужно пользоваться находящимися под рукой благами, и только таким единственным образом и ты должен ими пользоваться.

Итак, и отдельные семейства, и города, и племена, и народы, и материки, — пусть все пользуются провидением и благоразумной заботливостью государя, которому бог, являющийся первообразом разумных

¹ Синезий имеет в виду силу, умеренность и справедливость, которые, по представлениям риториков того времени, вместе с мудростью составляли четыре основные добродетели.

² Ср. Аристотель. Этика, I, 8.

вещей, дал как бы образец своего провидения и приказал, подражая небесному, исправлять несовершенства земного. Он, носящий сходное имя, является другом великого царя, если не обманывает название.¹ Но оно не обманывает, ибо к нему прилагают и другие из божественных имен. Прежде чем объясним это, будет своевременным предпослать для выяснения нечто из философии.

9. Нигде никогда не было найдено имя, которое определяло бы сущность божества. Но неспособные определить сущность бога люди желают прикоснуться к нему через то, что происходит из него.

Так, его называют отцом, создателем, или как-нибудь иначе, или началом, причиной, — это все его свойства, из него вытекающие. Равным образом, называя его царем, будешь пытаться определить его природу пониманием тех, которые имеют царя, а не его собственную природу. Перехожу к тому его имени, говорить о котором я обещал, но откладывал до настоящего момента. Разве это не то имя, какое присвоено земному царю и с ним соединено, которое, я говорю, он должен заслужить и доказать, что оно дано не ложно. Я был бы рад, если бы имя, присвоенное земному царю, присваивалось бы ему не лживо, а по заслугам. Все как просвещенные, так и непросвещенные народы единодушно признают, что бог благ, и это заявляют все единодушно и по общему согласию. В остальном же о боге высказывают разные мнения и удивительным разнообразием представлений разделяют его непорочную и нераздельную природу. Но эта благость божия, хотя она стоит вне сомнения, не обнаруживает бездеятельности в действии, а подкрепляется последующим. Не голое название благости звучит в ушах, но такое, какое представляется эффективным, и которым можно воспользоваться. Само это определение показывает, что бог является причиной всякого блага. Священные молитвы наших отцов в чтимых святилищах взывают не к божеству, возвышающемуся над всем, не представляют его как властителя, но почитают его провидение и заботу. Божество — податель того, что приличествует божеству — жизни, благосостояния, разума и всего, что относится к последующему, но о чем пристойно упомянуть сначала. Тебе же подобает никогда не оставлять строй, в котором ты поставлен, не подражать общему [с богом] имя, но усердствовать в подражании, не только осыпать города всеми видами благодеяний, но делать счастливым, насколько можно, каждого из подданных. И тогда только, называя тебя великим царем, мы будем отвечать истине, не по привычке, но по внутреннему убеждению души, используя язык, как выразитель искреннего мнения. И вот я в [своей] речи опишу императора, как бы создавая [его] статую. Ты же сделаешь эту статую движущейся и одушевленной.

Итак, приступаю к делу, заимствуя, если это нужно будет, приходящее на ум у древних и блаженных мужей. Ты же без всякого сомнения полюби то, о чем одинаково мыслят древние и новые мудрецы, не меньше других, но больше, как и подобает императору.

10. Благочестие прежде всего пусть будет составлять прочное основание, на котором статуя будет стоять твердо и непоколебимо, так как при нем никакая сильная буря не может ее потрясти. Пусть оно везде будет нас сопровождать, везде проявляться, в особенности же в главе [государства]. Начиная с этого речь, я считаю, что государь первый из всех при божьей помощи должен научиться управлять самим собою, должен устроить монархию в своей душе. Ибо хорошо знай,

¹ Βασιλεύς — по-гречески и господь, и император.

что человек не простое существо, имеющее только один вид, но бог вложил в состав одного живого существа смешанное и разнообразное множество качеств, и я полагаю, мы представляем гидру, животное странное и более, чем многоголовое. Не одним и тем же мы думаем, стремимся, печалимся, или гневаемся, не одним и тем же мы радуемся и опасаемся. Ты видишь здесь и различие мужского элемента и [женского, храбрости и трусости. Есть и совершенно противоположные свойства], но есть и общее для всех свойство, которое мы называем умом.

Считаю должным, чтобы он властвовал в душе государя и уничтожил в ней охлократию и демократию страстей. Тот получит подобающий принцип властвования, кто сделает его приспособленным, кто усмирит и сделает ручными лишённые разума части души, покорит их разуму и подчинит их множеству единому разумному управлению. Такой и частный человек и государь является божественным, государь тем более, что сообщает свою добродетель всем народам, и благами его одного пользуется множество людей. Необходимо, чтобы в нем царило и даже на лице отражалось вдохновенное внутреннее спокойствие. Это зрелище не будет вызывать страх, но будет достойно почтения. При таком тихом и спокойном расположении духа он вселяет удивление в друзьях (иными словами в добрых), на врагов же и людей злых наводит страх. Раскаянию нет места в его душе, потому что если он что делает, то делает по общему согласию всех частей души, потому что они организованы одной властью и не отказываются быть частями и объединяться в одно целое. А кто разделяет стремления этих частей, кто позволяет, чтобы они в действиях были многообразны и поочередно владели организмом, того ты видишь то высокомерным, то подавленным, то смущенным, то волнуемым страстями, то скорбями, то удовольствиями, безумными желаниями, так что он никогда не похож на самого себя.

„На что дерзаю, — вижу... Только гнев
Сильней меня...“, —

сказал некто,¹ признав свою раздвоенность и борьбу противоречивых стремлений. Это первое и вполне достойное государя дело — быть царем над самим собой, поставить разум укротителем домашнего зверя; ведь непристойно управлять бесчисленным количеством людей, а самому рабствовать пред постыднейшими господами — удовольствиями, скорбями и другими подобными зверями, обитающими в живом существе.

II. Так начав с самого себя, государь потом будет общаться прежде всего с приближенными и друзьями, с которыми он будет советоваться обо всем. Пусть называет их друзьями, не издеваясь над названием, не прикрывая жестокое и суровое властвование названием, более мягким, чем верным.

Какое приобретение для государя может сравниться с дружеским общением!² Какое соучастие в счастье приятнее! Кто тверже в перенесении превратности судьбы! Кто искреннее в похвалах, кто наименее тягостен в суровом порицании? Какое доказательство доброты и благочестия государя может быть очевиднее для народа, чем то, когда он делает счастливыми тех, дружбой которых он пользуется. Через это он покажет себя достойным дружбы и людям отдаленным и для добрых будет весьма желательным удостоиться дружбы императора. Обратное бывает у тиранов, относительно которых есть прекрасная поговорка:

¹ Euripides. *Medea*, v. 1078 sq. Перевод И. Анненского, стр. 1274—1275.

² Ср. Dionis. Opera, I, 30 и III, 86 sqq.

„Подальше от Зевса и [его] молнии“,¹ так как их коварное обращение с окружающими показывает, что гораздо безопаснее праздная жизнь, соединенная с покоем, чем опасности, которые встречаются на выдающемся посту. Ибо не успеет кто-либо стать счастливым вследствие дружбы тирана, как становится предметом сострадания вследствие его вражды. Государь же знает, что совершенство у бога и что бог в силу извечной своей сущности выше управляемых, тогда как для человека, управляющего многими и подобными ему людьми, собственная его природа недостаточна для попечений о всяком деле. Стараясь пополнить этот недостаток природы, он входит в общение с друзьями и тем увеличивает свою собственную силу; он, таким образом, будет видеть глазами всех, слышать ушами всех и пользоваться советами всех, направленными на общую цель.

12. В то же время император должен проявлять величайшую бдительность, должен использовать все средства, имеющиеся во дворцах, для того, чтобы оградить себя от низкой лести, принимающей личину дружбы. Ибо одной ею, даже при бодрствующих оруженосцах, расхищается империя. Если он [льстец] не будет сразу задержан, то энергично проскользнет во внутренние сокровищницы и нападет на самое драгоценное достояние государей — на их душу. Вообще любовь императора к своим друзьям — дело отнюдь не маловажное. Она сделала всем известного Кира и Агесилая славнейшими из государей среди греков и варваров. Приняв решение о том, что должно быть сделано, он утвердит это решение советом друзей. Для того же, чтобы дело было сделано, оно нуждается во множестве рук.

13. Подвигаясь вперед, наша речь выводит государя из дворца и после друзей передает его воинам, как бы вторым друзьям, повелевает явиться на военное поле, чтобы произвести смотр людям, коням и оружию. Здесь с всадниками он будет упражняться на коне, состязаться в беге с пешими, будет упражняться с тяжело вооруженными и с легко вооруженными воинами, бросать метательные копья, чтобы участием в делах привлечь каждого в живое общение, чтобы, называя воинов своими соратниками, не оказаться притворщиком и лжецом. Может быть, тебе и неприятно слышать, что нами возлагается на тебя труд, но, поверь мне, над государем труд имеет мало власти. Кто не прячется от труда, того труд не побеждает. Когда император занимается физическими упражнениями, живет на открытом воздухе, учится владеть оружием, весь народ на это смотрит. Он привлечет взоры всех присутствующих, и никто не станет смотреть в другое место, когда государь на виду что-нибудь делает, и в ушах всех прозвучит каждое деяние императора. Привычка солдат часто видеть государя возбуждает в их душах преданность к нему, которая имеет огромную силу и значение. И какое царство сильнее, чем то, которое ограждено любовью? Какое частное лицо, какой маленький человек свободнее и безопаснее, чем тот государь, которого не боятся, но за которого боятся подданные? Этот военный народ прост и благороден, и к нему легко найти соответствующий подход. Сам Платон называет вооруженный народ стражами и особенно сравнивает его с собаками,² животным, которое сознательно и бессознательно различает друзей от врагов. Наоборот, что может быть постыднее императора, которого защитники империи узнают только при посредстве художников. Это частое общение будет

¹ См. Suidas. Lexicon, s. v. πόρρω.

² Платон. Политика или государство, пер. Карпова. СПб., 1863, стр. 123 сл., стр. 237.

приносить пользу не только тем, что войско будет с ним связано, как единый организм, но и тем, что многое, совершающееся в это время [т. е. во время общения], будет помогать улучшению военного дела, развитию полководческого искусства и подготовке к более важным и серьезным предприятиям. Немалое дело также [иметь возможность] во время сражения называть по имени военачальника, его помощника, или начальника конного отряда, или тагмы, или знаменосца, или, наконец, кого-либо из ветеранов и воодушевить их, всех тех, которые, как я говорю, занимают первые места в каждом конном и пешем соединении. Гомер, изобразив одного из богов во время сражения ахейн [с троянцами], говорит, что он ударом скипетра наполняет юношей „великою силой“¹, так что душа

„Пламенней прежнего рвется на брань и кровавую битву“²,

а руки и ноги не могут сохранять покоя, ибо

„Рвутся в битву и ноги внизу и поверху руки“³,

другими словами, „бросаются в бой добровольно“. Я думаю, что то же совершит император, если назовет своих по имени, воспламенит жаждой славы того, кто не возбуждается военной трубой, а воинственного воина поощрит к сражению. Едва ли найдется такой, который не показал бы усердия перед государем. Поэт, повидимому, понимал, что как миролюбивый, так и воинственный государь получит отсюда великую пользу. Первый он показал, какое большое значение для возбуждения воинской бодрости имеет то обстоятельство, чтобы и рядовые воины были известны полководцу. Он выводит Агамемнона, который не только воинов называл по имени, но и своего брата уговаривал обращаться к каждому мужу по отцу и по роду, быть со всеми приветливым, не держаться надменно.⁴ Ибо чтить — значит хвалить, напоминая о совершенном им хорошем и удавшемся подвиге. Видишь у Гомера, как царь хвалит простого человека. И кто пощадит свою кровь, услышав похвалу государя! Вот что ты приобретешь от частого общения с воинами, а затем ты узнаешь их нравы и жизнь и будешь понимать, где и в каких обстоятельствах надлежит употреблять тот или другой воинский строй. Обрати внимание и на следующее: император — мастер сражения, как сапожник — обуви, и как смешон тот сапожник, который не знает инструментов своего ремесла, так смешон и государь, если он не умеет пользоваться воинами.

14. Чтобы не отклониться от плана, перехожу к настоящему, касающемуся всех разделов речи.

„Может быть, с помощью бога, речами своими удастся

Дух мне его взволновать: уговоры доходчивы друга“.⁵

Итак, я полагаю, что ничто и никогда не причиняло Римской империи такого вреда, как та театральная пышность, окружающая фигуру императора, которая в тайне подготавливается священнослужителями и выставляет вас в варварском облике. Не любят сожительствовать истина и фальшь. Но ты не оскорбляйся, так как это не твоя вина, но тех, кто первыми ввели эту пагубную болезнь и передали потомкам зло, возрастающее со временем. Ваша пышность и боязнь,

¹ Гомер. Илиада, XIII, 60 (перевод В. Вересаева).

² Там же, XIII, 74 (перевод Н. И. Гнедича).

³ Там же, XIII, 75 (перевод В. Вересаева).

⁴ Там же, X, 68—69.

⁵ Гомер. Илиада, XV, 403—404 (перевод В. Вересаева).

что вы сделаетесь предметом меньшего почитания, если станете часто позволять лицедреть себя, держит вас взаперти, [превращая в] своих собственных пленников, причем вы очень мало видите, очень мало слышите, теряя мудрые уроки опыта. Вы радуетесь только телесным удовольствиям и преимущественно тем, которые более других погружают в материю — наслаждениям вкуса и осязания. Ваше существование подобно существованию полипа. Вы отвергаете обыкновенное человеческое состояние, не достигая однакоже совершенства, свойственного человеку. Ибо те, с которыми вы имеете общение в ежедневной жизни и в других делах, и которым доступ во дворец более свободен и более легок, чем даже стратигам и лохагам, и которых вы находите для [своего] удовольствия — это люди с малой головой и малым умом, настоящие недоноски, несовершенные произведения природы, подобные фальшивой монете, подделываемой трапезитами. И глупый человек становится даром, достойным того, чтобы быть предложенным императору, и чем он глупее, тем этот дар больше! Они в одно и то же время беспричинно радуются и плачут; их жесты, крики, всякого рода шутки помогают вам тратить время и разгоняют при помощи еще большего зла то душевное смущение, которое порождается вашей жизнью, не сообразной с природой. Глупые мысли и смешные слова лучше достигают до ваших ушей, чем мысли мудрые, исходящие из красноречивых уст философа. Какую пользу вы извлекаете из этой удивительной праздности, в то время как вы держите в подозрении наиболее разумных из народа и проявляете высокомерие к ним, а глупых допускаете к себе и перед ними раскрываетесь? Но проследи мысленно, в какое время расширялась территориально империя парфян, македонян, древних мидян и та, в которой мы живем. Тогда ведь были расширены ее границы, когда войны и граждане долго оставались в строю вне дома, спали на голой земле, не избегали трудностей, не увлекались удовольствиями. Заботливо приобретая блага и дойдя до величайшего благосостояния, они не могли без труда и благоразумия сохранить его. Счастье уподобляется бремени более тяжелому, чем свинец. Оно может придать носителю, если он окажется недостаточно сильным.

15. Природа подготавливает душевную силу, а создает ее упражнение. К упражнению, государь, тебя призывает философия, предостерегая от печальных последствий. Все разрушается средствами, противоположными тем, при помощи которых было создано. И я считаю непристойным, чтобы римский государь нарушал отеческие установления, не вчера и третьего дня проникшие в государство, отклонившееся от правильного пути, но те, которыми было создано его могущество. Если не веришь мне, то, во имя божества, управляющего царями, выслушай меня терпеливо (ибо язвительна речь моя!). В какое время — думаешь ты — римские дела находились в лучшем состоянии — после того ли, как вы стали носить золотые и пурпурные одежды, после того ли, как драгоценные камни, извлекаемые из недр гор и бездн отдаленного моря, обременяют ваши головы, покрывают ваши ноги, блистают на ваших поясах, прикрепляются к вашим одежам, служат для вас застежками, украшают ваши троны? Так разнообразием и пестротой цветов вы сделали подобны павлинам, стали предметом, любопытным для созерцания, и на себя навлекаете гомеровское проклятие — каменные ризы.¹ Для вас еще недостаточно этих риз! Когда вы носите титул консула, вы не можете войти в помещение, в котором

¹ Гомер. Илиада, III, 57.

собирается сенат — для избрания ли должностных лиц или для совещания — не будучи одеты в пеплос того же рода. Тогда те, которые на все смотрят, воображают, что вы одни счастливы между всеми сенаторами, что вы действительно исполняете свои обязанности. Вы гордитесь своей ношей: вы походите на пленника, который, будучи закован в золотые цепи, не сознает своего несчастья: прельщенный блеском своих цепей, он не замечает, как плачевна его жизнь в плену. Разве свободнее он, чем тот несчастный, члены которого закованы в самые грубые деревянные колодки! Мостовая и голая земля слишком грубы для ваших нежных ног; вы можете ходить только по золотому песку. Караваны и корабли с большими издержками привозят вам из отдаленных стран этот драгоценный песок; многочисленная армия занимается его разбрасыванием. В самом деле нужно, чтобы всюду император находил удовольствие, даже под своими ногами. Неужели теперь вы поступаете лучше, когда императоров окружает таинственность, когда, подобно ящерицам, убегающим от света в свои норы, вы скрываетесь в глубине ваших дворцов, дабы люди не видели, что и вы такие же люди, как они? Разве не тогда [было лучше], когда нашей армией предводительствовали полководцы, которые вели жизнь солдата. Почерневшие от солнца, простые и безыскусственные, чуждые театрального блеска, в войлочных лаконских шапках, которые ныне возбуждают смех в детях, рассматривающих изображения [полководцев], они и взрослым не кажутся счастливыми, а в сравнении с вами представляются просто несчастными. Но зато они, эти воины, не нуждались в том, чтобы окружать стенами свои города, чтобы защитить себя от нападений со стороны Азии и Европы. Наоборот, своими подвигами они заставляли неприятелей заботиться о защите их собственных очагов. Часто они проникали даже за Евфрат для преследования парфян и за Истр для нападения на гетов и массагетов. Последние же теперь приняли другие имена вместо прежних, а некоторые изменили и лица каким-то способом, чтобы казаться новым и страшным племенем, вышедшим из земли; они, поселив страх в наши души, в свою очередь переоправляются [на наши берега этих рек] и вынуждают нас покупать мир;

„ежели ты не одеешься в крепость“.¹

Но оставим, если угодно, сравнение древних времен с настоящими, чтобы не показалось, будто мы, под видом совета, наносим оскорбление, подчеркивая, что императорская власть настолько же удалась от истины, насколько возросла ее надменность.

16. Если наша речь задержалась довольно долго на окружающей вас роскоши, то мы желаем, чтобы она уделила некоторую долю внимания прежнему деревенскому и простому быту императоров. Хорошо противопоставить друг другу расточительность и бережливость и, таким образом, сопоставляя оба эти качества в их противоположности, ты пожелаешь истинной красоты государя, отбросив все фальшивое и пустое. Расточительность во всей ее полноте мы показали на этой мишуре;² бережливость же нужно искать в другом месте, а не здесь. Она не допускает ничего лишнего — это ее не занимает. Ее поведение —

¹ Гомер. Иллиада, IX, 231 (перевод Н. И. Гнедича).

² В издании Миня (J. P. Migne. Patrologia graeca, t. LXVI, col. 1081. B) дано чтение *χορφατων*; мы принимаем чтение *χορφατων*, которое содержится в ряде рукописей. См. N. Terzaghi, v. II, p. 35. Ср. C. Lacombrade. Le discours sur la royauté, p. 55.

вот что, пожалуй, дает о ней представление. Ведь действия сопровождают замыслы живущих сообразно с природой. Итак, стоит упомянуть о нравах и делах одного императора. Это будет достаточно для характеристики целого. Говорят, некогда существовал император, не очень древний, которого легко могли знать деды современных стариков, если только они не были молодыми, когда у них родились дети и дети их не были молодыми, когда их сделали дедушками. Итак, говорят, что он отправился с войсками против Аршакидов, угрожавших Риму, и добрался до крайних армянских гор. Прежде чем напасть на неприятельскую территорию, он захотел пообедать и приказал войску взять из обоза запасы, так как [считал], что поблизости есть все, что угодно. При этом он указал на поля парфян. Когда они находились в таком положении, появились неприятельские послы, которые ожидали, что они предстанут сначала перед знатыми представителями государя, клиентами и докладчиками, и только спустя много дней государь займется делами посольства. Случилось, что в то время государь обедал. Телохранители, отборные войско, молодые, высокорослые, светловолосые и тщательно причесанные

„сами красавцы лицом, головою“¹

с золотыми щитами и золотыми копьями, — в это время нигде не были видны. Из их появления мы обычно заключаем о приближении императора, подобно тому, как появление первых лучей света служит предвестником солнца. Но там все войско выполняло свои обязанности, одновременно являясь телохранителем государя и государства. Они же [государя] держали себя просто, были государями не по внешним украшениям, и по душевным качествам, и внутренними качествами отличались от толпы, а внешним видом были подобны массе. В этом виде, говорят, послы застали Карина.² Пурпуровая его одежда лежала на земле, на траве, а пищу составляла вчерашняя похлебка из толченого гороха с кусками старой соленой свинины. Итак, когда он их увидел, то, говорят, не встал и нисколько не изменил своего положения, позвал их к себе и сказал, что он — Карин повелел в тот же день объявить их молодому государю, что если он не поспешит дать ему удовлетворения, то все их пастбища и поля в одну лунную ночь сделаются еще более голыми, чем голова Карина. Говоря это, он снял шапку, чтобы показать голову, ничем не отличающуюся от покрывающего ее шлема, [и прибавил], — что если они хотят есть, то могут опустить руку в горшок; если же нет, то пусть тотчас удалятся и будут вне римского лагеря, ибо их миссия закончена. Когда они сообщили множеству врагов и предводителей все, что видели и слышали и то, что, вероятно, произойдет, на всех напал ужас и страх при мысли о необходимости сражаться с такими врагами, царь которых не является царем, не стыдится своей плешивости и, приготовив горшок с едой, приглашает сотрапезников. Надменным царем овладел страх, и он, облаченный в тиару и царский кафтан, готов был все уступить одетому в хитон из грубой шерсти и шапку из войлока.

17. Думаю, что слышал про другого, более близкого к нам, чем этот. Ведь невероятно, чтобы кто-нибудь не знал о том императоре,

¹ Гомер. Одиссея, XV, 332 (перевод П. А. Шуйского).

² Синезий смешивает, очевидно, Карина с каким-то другим императором, так как Карин не совершал походов против парфян (персов). R. Volkmann (Ук. соч., стр. 32) полагал, что Синезий говорит о Каре; Н. Дрюон (Ук. соч., стр. 114) считал этого императора Пробом.

который, проникая в неприятельские пределы под видом посольства, выполнял функции разведчика.¹ Тогда стоять во главе городов и войск значило выполнять общественные обязанности, и поэтому столь многие категорически отказывались от власти. И один из них, прожив всю жизнь императором, утомленный трудом, добровольно стал частным человеком.² Я покажу, что самое слово царь появилось поздно, оставленное римлянами с того времени, как народ изгнал царей. Ибо мы с того времени вас почитаем и называем царями; вы же сознательно или бессознательно, уступая привычке, казалось, желали избежать одиозности этого названия. Поэтому в письменных обращениях к городам, к частным лицам, префектам, к начальствующим из варваров никогда не употребляли названия царь, но называли себя императорами. Императором же называется полководец, облеченный полной властью. И Ификрат, и Перикл вышли из Афин полководцами-императорами. И не оскорбляло это название свободного афинского народа, но сам он установил эту магистратуру, как законную. В Афинах был и так называемый царь — второстепенный, подначальный магистрат. Я думаю, что народ, пользовавшийся полной свободой, употреблял это имя в насмешку. И император у них — это не монарх, но [человек] достойный и по делам, и по имени. Разве не ясно, что это был признак благо-разумного образа мыслей в Римском государстве, что монархия, несомненно там установившаяся, гнушалась ужасов тирании, остерегалась и избегала пользоваться наименованием „царская власть“. Монархию делает ненавистной тирания; императорская же власть делает ее желанной, и Платон называет ее божественным благом для людей.³ Он сам учит, что нужно освободиться от всякого высокомерия и тщеславия, чтобы сделаться соучастником божества. Ибо бог не напоминает выступающего на сцене или совершающего чудеса фокусника, но „подвигаясь по тихой дороге, справедливо улаживает человеческие дела“,⁴ готовый участвовать во всем происходящем сообразно природе. Поэтому полагаю, что государь является общим благом и должен быть скромным. Тираны скрываются, хотя и привыкли к фокусам, и когда появляются, внушают страх. Мы им не завидуем, когда они, лишенные истинного величия, прибегают к притворству. Тот, кто не имеет ничего здорового и сам сознает это, — как он может не избегать света! Ведь этим он избегает презрения к себе. Но солнца до сих пор никто не презирал, хотя оно самое обычное зрелище.

Поэтому государь, если он истинный государь, убедит в этом других тогда, когда он будет для всех вполне доступен. Ничуть не меньше, если не больше, он будет предметом удивления. Ибо того хромого мужа, которого в своем труде восхваляет Ксенофонт, не презирали ни те, которых он вел, ни те, через страны которых он проходил, ни те, против которых он направлялся, хотя он весьма часто появлялся публично в самых людных местах каждого города, делал все на глазах тех, кто хотел видеть полководца Спарты.⁵ Но он, переправившись с небольшим войском в Азию, почти лишил власти человека, которому бесчисленные народы поклонялись, как богу; во всяком случае, он смирил его высокомерие. Когда отозванный отечественными властями,

¹ Возможно, что Синезий имеет в виду Галерия. Ср. Eutropius, Breviarium historiae Romanae, IX, 25.

² Имеется в виду Диоклетиан.

³ Платон. Политика (пер. Карпова. М., 1879, стр. 143).

⁴ Еврипид. Троянки, стк. 887—888.

⁵ Ксенофонт. Агесилай.

он покинул свои азиатские предприятия, то одержал многочисленные победы над греками, и был побежден в сражении тем единственным человеком, который по справедливости превосходил Агесилая простой нравов. Это был Эпаминонд. Всякий раз, как увенчивающие его города приглашали его на пиршества, он являлся на них (он не мог поступить иначе, не возбуждая со стороны магистратов против себя обвинения в преступлении) и пил кислое вино, „чтобы, — говорил он, — Эпаминонд не забыл о домашней пище“.

Когда афинский юноша осмеивал ножны его меча, сделанные грубо из самого плохого дерева, он сказал: „Когда будем сражаться, то ножны тебе не понадобятся, а за меч ты не будешь упрекать меня“. Если царское дело править, то править должны имеющие опыт в правлении, знающие привычки и образ жизни подданных. Мы хорошо понимаем, что все организуются благоразумными и скромными людьми, а не заносчивыми и варварами, и поэтому гордость и роскошь должны быть изгнаны из [здорового] государства, так как у него нет ничего общего с чуждым ему.

18. Мы возвратимся в своей речи к началу, а ты возврати императорское достоинство к прежнему обычаю, ибо при установлении воздержного образа жизни и возвращении благоразумия обязательно возвратятся прежние блага и произойдет и коренная отмена всего несоответствующего [этому]. Ты же, государь, будь инициатором возвращения благ и возврати нам государя, служителя государства. Уже невозможно дальше оставаться в том состоянии нерадения, в котором ты находишься; невозможно идти дальше [по этому пути]. Все мы теперь помещены на тончайшем острие ножа; дело бога и императора по отношению к государству устроить этот кризис римской империи, который уже зародился и должен выйти наружу. Продолжая речь и рисуя образ государя, как бы желая воздвигнуть прекраснейшую статую, я показываю ясно, что кризис уже назревает, что ему должна воспрепятствовать сильная и мудрая императорская власть. И насколько от меня зависит, я буду содействовать, чтобы ты стал тем, кто воспрепятствует этому [кризису]. Бог же всегда и во всем милостив к добрым и помогает им.

19. Теперь оставим эти общие рассуждения о качествах идеального государя и перейдем к настоящему положению дел. Философия нас учит, что государь должен часто общаться с воинами, а не сидеть в своем дворце. Она учит, что этим постоянным и повседневным общением приобретается любовь их, которая является единственной и величайшей охраной государя. Но когда философ, любящий императора, предписывает ему жить с воинами и разделять с ними упражнения, то каких воинов разумеет он? Очевидно тех, которые происходят из наших городов и сел, тех, которых страны, подчиненные твоей власти, посылают к тебе, как защитников, и которые избираются для защиты государства и законов, которым они сами обязаны попечениями, оказанными им в их детстве и юности, тех, которых Платон сравнивает с верными собаками. Но пастух остерегается помещать волков вместе с собаками, ибо, хотя взятые молодыми и, повидимому, прирученные, они со временем сделаются опасными для стада: тотчас, как только они почувствуют ослабление бдительности и строгости собак, они бросятся на овец и пастуха. Законодатель не должен давать оружия тем, которые не рождены в его стране и не воспитаны установленными там законами, ибо какое ручательство имеет он за их благорасположенность. Только человек безрассудный, или пустой мечтатель, может видеть многочисленных юношей, чуждых нашим учреждениям и нашим нравам,

занимающихся военными упражнениями, и не страшиться их. Ибо мы или должны думать, что они мудры, или, если в этом отчаяться, то признать, что скала Тантала висит над нашей империей на тончайшем волоске. Они бросятся на нас, когда почувствуют, что могут сделать это с успехом. Некоторые признаки уже предвещают близкую опасность.

У империи, как у больного тела, воспалены многие члены. Инородные частицы мешают ей восстановить покой и здоровье. Но для того, чтобы излечить отдельное лицо, как и целое государство, нужно устранить причину зла: это правило употребляют как врачи, так и императоры. Ибо не заботиться о защите от варваров, как будто они нам преданы, и в то же время позволять гражданам быть свободными от военной службы, что это значит, как не стремиться к гибели! Скорее, чем позволять скифам носить оружие, должно требовать от нашего земледелия людей, которые им занимаются и которые готовы его защищать. Исторгнем поэтому философа из школы, ремесленника из мастерской, торговца из лавки; призовем эту чернь, шумящую и праздную, проводящую время в театрах, пока есть еще время действовать — если она не хочет в скором времени перейти от смеха к плачу; пока еще нет никакого препятствия для создания собственной армии из римлян. В семействах, как и в государствах, на мужчине лежит обязанность защиты, а на женщине — бремя домашних хлопот. Можем ли мы допустить, чтобы у нас были чужие мужчины защитники? Не постыднее ли уступать им воинскую славу в столь обильной сильными мужчинами империи? Что касается меня, то если бы они принесли нам даже славные победы, мне было бы стыдно принять от них такую услугу.

Это, во всяком случае, „знаю я, понял“.¹

И понятно всякому, обладающему разумом, что когда это „мужское“ и „женское“ не является братским и не связано никаким родством, малейшего предлога достаточно, чтобы вооруженные пожелали стать господами граждан и не приученные к войне могли быть вынуждены сражаться с опытными в военном деле. Но прежде чем дело дойдет до этого, до чего отчасти и дошло, нам следует возвратить римские помыслы и приучиться самим добывать себе победы, причем варвары не должны в этом принимать никакого участия, — их нужно удалить из всех учреждений.

20. Сперва должно им запретить доступ к высшим должностям и исключить их из сената, потому что они презирают эти почести, считающиеся у римлян высочайшими. При виде того, что теперь происходит, бог войны и богиня Фемида, присутствующая на собраниях, должны часто, я думаю, скрываться от стыда: полководец, одетый в звериные шкуры, командует воинами, одетыми в хламиды; варвары, завернувшись в грубый плащ и надев сверху тогу, приходят рассуждать с римскими магистратами об общественных делах, восседая в первом ряду после консулов, выше стольких почетных граждан. Потом, выйдя из сената, они снова надевают одежды из звериных шкур и смеются с своими товарищами над этой тогой, одеждой, как они говорят, неудобной для людей, которым нужно носить меч. Странность нашего поведения меня часто удивляет, но вот что особенно меня смущает. Во всех семействах, пользующихся достатком, рабами бывают скифы; скифы накрывают на стол, готовят еду, разливают вино. Служители, носящие носилки, на

¹ Гомер. Одиссея, XVII, 193 и 281 (перевод П. И. Шуйского).

которые садятся их господа на улицах, также скифы. Вообще скифы — племя, издревле рожденное для рабства, достойное и годное только на служение римлянам. Но чтобы эти люди, белокурые и причесанные на манер эвбеян, были в одной и той же стране рабами частных лиц и хозяевами государства — это зрелище неслыханное, удивительное для других. Если это не так, я не знаю, что называется загадкой.

Некогда в Галлии Крикс и Спартак, люди из низких гладиаторов, назначенные быть очистительными жертвами за римский народ в амфитеатре, убежали и, вооружившись для ниспровержения законов, начали войну рабов, самую ужасную из всех, какие только выдерживали римляне. Нужны были против них полководцы, консулы и счастье Помпея, чтобы спасти государство от угрожающей гибели. Те, которые соединились с Криксом и Спартаком, были не из той же страны, из которой эти предводители, и не принадлежали к одной и той же народности, но общность их судьбы и благоприятный момент сделали их единомышленниками. Случай соединил их в одном предприятии; ибо, думаю, естественно, что всякий раб — враг своего господина, когда надеется его победить. Не находимся ли и мы в подобных обстоятельствах? Не хуже ли будет тот бич, который мы себе приготовляем? Ибо теперь дело идет не о начатом только двумя людьми, презревшими всех богов, возмущении, но о полностью вооруженных, [происходящих] из того же самого племени, из какого и наши рабы, кровожадных ордах, допущенных к нашему несчастью в империю, имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности.

„Какая наша ошибка!“¹

Кроме воинов, находящихся под их начальством, эти полководцы несомненно пожелают видеть присоединенными к их рядам наших самых смелых и самых дерзких рабов, готовых совершить все роды злодеяний, чтобы только насладиться свободой. Должно ниспровергнуть эту силу, нам угрожающую, нужно затушить этот пожар, еще скрытый. Не будем дожидаться, чтобы чужестранцы проявили свою ненависть; зло, легко уничтожаемое в зародыше, укореняется со временем. Император должен очистить свою армию, как очищают хлебные поля, отделяя дурные зерна и чужеродные семена, заглушающие рост чистой пшеницы. Если тебе кажется, что я советую отнюдь не легкое дело, не забывай, над какими людьми ты являешься императором, о каком народе я веду речь. Ведь римляне победили всех и этим прославили свое имя между людьми. Они победили всех, с кем вели войны, и силой и умом. И они обошли всю землю, как боги, которые, как говорит Гомер,

„Смотрят, надменные, кто и кто справедливые люди“.²

21. Скифы же — племена, как говорит Геродот,³ да и мы сами это видели, одержимые трусостью. Из них ведь во все страны доставляются рабы. Блуждающие и не имеющие отечества, они постоянно переменяют страну, — отсюда это выражение, перешедшее в поговорку: „пустыня скифская“.⁴ Как повествуют те, которые передают памяти древние события [т. историки], их изгоняли с своих мест сначала киммерийцы,⁵

¹ Цитата из какого-то несохранившегося сочинения.

² Гомер. Одиссея, XVII, 487 (перевод П. И. Шуйского).

³ Геродот. I, 105.

⁴ Эсхил. Прометей, стк. 2.

⁵ На самом деле Геродот (IV, 1) рассказывает, что скифы преследовали киммерийцев.

после — другие племена, потом женщины [амазонки], позже наши предки и наконец — царь Македонский. Изгнанные из одной страны, они идут в другую, чтобы быть изгнанными снова. Они не останавливаются до тех пор, пока преследуемые одними [неприятелями] они не натаккиваются на других. Но когда они нападали внезапно на неподготовленных, то временно приводили все в расстройство, как, например, некогда у ассирийцев, мидян и палестинян. И теперь к нам они пришли не с целью начать войну, но в виде просителей, после того, как снова были изгнаны. Римляне встретили их не оружием, а добротой,¹ как и надлежит поступать по отношению к просителям. Невежественный народ отблагодарил за справедливость тем, что возгордился и забыл о благодеянии. Наказанный за это твоим отцом, выступившим против них с оружием, он снова оказался жалким просителем со [своими] женами. Тот же, победитель в войне, оказался побежденным милосердием. Он возвысил просителей, сделал их союзниками, удостоил гражданства, высших должностей, наделил этих убийц римской землей; это был человек, проявивший в милосердии благородство и великодушие своей природы, но варвары не понимают добродетели. С этого времени и до настоящего дня они не перестают осмеивать нас, зная, что они должны были от нас получить и что получили. Слава об этом открыла путь к нам и их соседям. И из чужеземцев многие конные стрелки, оставив отечество, отправляются к сговорчивым людям и требуют гостеприимного приема, поступая по образцу этих негодяев. И мне кажется, что зло все более увеличивается благодаря тому, что народ называет убеждением, соединенным с принуждением. Ведь философия, которая ищет средств для выражения мыслей, не должна затруднять себя подбором названий — ведь и народные [выражения] делают мысль ясной и четкой. Разве для нас не трудное дело отвоевать славу.

„Выгнав отсюда собак, посланных злою судьбою“.²

Если послушаешь меня, то это трудное [дело] представится самым легким. Увеличив собственные полки, а у полков уверенность в себе, создав собственное войско, ты придашь государству то, в чем оно оказалось нуждающимся. Гомер это предприятие приписывает лучшему.

„Гнев же не легок царя, питомца владыки Кронида“.³

Итак, нужен гнев против этих людей. Пусть они или в зависимом состоянии обрабатывают землю, как это некогда делали мессеняне для лакедемонян, положив оружие, или пусть бегут тем же путем, каким пришли, и объявят обитающим по ту сторону реки, что нет уже у римлян прежней кротости, но что управляет ими молодой и благородный государь.

„Взметчивый муж, и невинного вовсе легко обвинит он“.⁴

Пусть будет так. Таковы должны быть подготовка и воспитание воинственного государя.

22. Только тому возможно сохранить мир, кто может покарать нападающего. И я сказал бы, что государь должен быть осведомлен во всем, относящемся к миру и не желать причинять несправедливость

¹ В тексте игра слов: „Не слабым оружием, но мягкими нравами“ (μαλακῶτέροις τοῖς ὅπλοις, ἀλλὰ τοῖς ἥθεσιν).

² Гомер. Илиада, VIII, 527.

³ Там же, II, 196 (перевод В. Вересаева).

⁴ Там же, XI, 654 (перевод Н. И. Гнедича).

другим [но в то же время] должен собрать силы, чтобы самому не подвергаться обидам. Если он сам не сможет вести войну, то войну ему объявят другие. Но мир желательнее войны, так как к войне мы готовимся ради мира; мир же, являющийся целью, уже в силу одного этого по справедливости должен быть предпочитаем. Так как империя разделена на две части: войско и гражданское население, то будет правильным уделить поочередно должное внимание тому и другому и после воинов заняться городами и гражданским населением,¹ которому при помощи воинов мы доставляем блага земледелия и государственности. Следует посетить какие возможно города и народы. О тех частях империи, которые не удастся посетить, нужно позаботиться насколько возможно наилучшим образом.

23. Посольства, и раньше считавшиеся священными, теперь должны цениться выше всего. Вступая в общение с ними, государь узнает отдаленное так же, как и близкое, и без помощи зрения будет осуществлять заботу управления. Хотя он и не будет видеть, но восстановит упавшее, поможет нуждающимся народам, освободит от повинностей обремененных старыми повинностями, выполнит обещания, уничтожит войны и позаботится о всем другом. Так при помощи посольств, подобно богу, император может

„все видеть и слышать“.²

Пусть он будет легко доступен, как кроткий отец,³ не делая различия между ближайшими и отдаленными. Так говорил о миролюбивом государе когда-то Гомер.

24. И прежде всего нужно приказать воинам, чтобы они щадили горожан и деревенских жителей и отнюдь не были им в тягость, помня о трудах, которые те приняли ради них. Император воюет для защиты достояния городов и деревень и [для этого] набирает воинов. Поэтому тот, кто отгоняет от меня чужестранного врага, а сам обходится со мной дурно, тот по моему мнению не отличается от собаки, которая в течение долгого времени отгоняла волков, помышляя на досуге без помех растерзать стадо вместо того, чтобы получить в награду молоко. Поэтому совершенный мир заключается в таком воспитании воинов, чтобы они относились к безоружным, как к братьям, и брали только то, что установлено законом.

25. Не подобает государю также истощать города поборами. Да и на что много денег хорошему государю, не приученному гордыней ума к большим издержкам, не носящему в себе заносчивого честолюбия, а ведущему благоразумный образ жизни, не тратающему по ребяческому обычаю на сценические игры плоды труда трудолюбивых людей, не вынужденному необходимостью вести частые войны, которые, как говорил лакедемонянин,⁴ всегда ненасытны. Ибо наша речь делает доброго государя огражденным от заговоров и вторжений. Если он будет довольствоваться необходимым, то он не будет нуждаться в излишествах. Поэтому ему можно не быть обременительным сборщиком налогов, [ему можно] прощать известную часть недоимок, устанавливая налоги, соразмерно силам налогоплательщиков. Напротив, корыстолюбивый государь хуже торговца, потому что тот заботится о семье; у этого же низость мысли не имеет извинения. Я часто наблюдал, какое влияние

¹ δῆμος, т. е. димы.

² Гомер. Илиада, III, 277.

³ См. Гомер. Одиссея, II, 47 и др.

⁴ Синезий имеет в виду Архидаму, сына Агесилая. См. Плутарх. Клеомен, 27.

оказывает каждая из страстей на охваченных ею людей, (я имею ввиду частных лиц) и считаю профессию, ставящую своей целью наживу, низкой, нечестивой и совершенно неблагородной; в одном только большом государстве она может занимать не совсем низкое место. Такие люди сами являются виновниками своей низости потому, что мыслят о главном и второстепенном в противоречии с велениями природы. Природа тело определила на служение душе, внешние блага на служение телу. Последнему она дала второстепенное место. Они же и душу и тело подчиняют наживе. Поэтому бесчестия самих себя и порабощая главное в себе, что они могут сделать или посоветовать великого и благородного? Признавая их ниже и ограниченнее муравьев, я не покраснею за истину. Ибо те измеряют приобретение потребностями жизни, тогда как эти находят возможным жизнь измерять приобретением и потребностью прибыли. Добрый государь должен отстраняться сам и ограждать своих подданных от этой заразы, чтобы добродетельный управлял добродетельными, возбуждая соревнование в добродетелях, и сам государь пусть явится участником и распорядителем этого соревнования. Позорно, сказал некто, состязаться публично в метании копья и в борьбе, награждать победителей этих состязаний венками и никак не соревноваться в воздержности и добродетели.¹ Вероятно, больше, чем вероятно и даже совершенно несомненно, что этому настроению государя будут следовать города, и восстановится древнейшая золотая славная жизнь, устраняющая зло и дающая простор для всех благ и прежде всего для благочестия. Вождем же и в этом пусть будет государь, испрашивая свыше благословение на начало всякого большого и меньшего дела. Поистине ничего нельзя увидеть и представить почтеннее того государя, который впереди народа, воздевая руки, поклоняется общему своему и своего народа царю. Благочестивому государю разумно умиловать божество прославлением и служением, вступая с ним в общение таинственными связями. Кто почтителен к богу, тот будет также расположен и к людям и будет являть себя им таким, каким сам познает царя [т. е. бога]. При этом, естественно, проявится все должное. А моя речь снова возвратится к тому, о чем я говорил немного раньше.

26. Признаком государя мы считаем его благодеяния, благотворительность в раздаче благ и милостей и другие присущие также и богу качества, которые мы перечисляем. Это и то, что было сказано раньше, прежде чем мы объявили о намерении в своей речи изобразить идеал государя, теперь будет изложено по частям, и пусть статуя будет окончена. Основное же заключается в том, что как раздаватель благ он должен быть неутомимым в выполнении этого, так же, как неутомимо солнце, изливающее лучи на животных и растения. Оно делает это без всякого труда, так как содержит в своей сущности свет и источник света. Итак, внедряясь естественно во все проявления жизни, пусть [государь] сам управляет всем, куда только взор его проникает. И тех, кто всего ближе стоит к его трону, кто уступает одному ему, а первенствует над прочими, пусть вдохновит царским настроением души, возложит на них обязанность помогать людям сообразно полученных каждым полномочий.

27. Затем при таком пространстве империи необходимо извне посылать правителей. Должен быть произведен тщательный отбор судебных архонтов, так как эта забота ответственная и божественная. Ибо же-

¹ Слова киника Диогена — см. Diogenes Laertius, VI, 27.

ление видеть каждое место и человека, и [рассмотреть каждую] тяжбу требует больших разъездов, и даже Дионисий, поставленный властителем одного острова и притом не целого, не мог обеспечить о нем заботу. Через немногих попечителей должно позаботиться о многих. Можно назвать божественным и всеобщим попечением то, которое основывается на незыблемом порядке и не пренебрегает малейшими частями, чтобы и малое не осталось без призрения и ничто таким образом не ускользнуло от его внимания. Пользуясь этим, бог не сам занимается каждым из мелких дел, но использует природу, как орудие, оставаясь в обычном состоянии, и является причиной всех благ, являясь причиной причин. Так и государю нужно заняться попечением о всем. Правителей, с которыми он будет разделять власть, он должен иметь справедливейших и прекраснейших. Для него легче знать немногих, чем многих, и узнать, хорошо или худо они управляют. Он должен избирать правителей по достоинству, а не по богатству; в болезнях мы доверяемся не тем врачам, которые богаты, но тем, которые наиболее сведущи в своем деле. Тем больше должно предпочитать богатому архонта, знающего искусство управления, так как на него возлагается и больше ответственности в результате плохого или хорошего ведения дел. Справедливо ли избирать в правители того, кто порочным образом приобрел богатство, и предпочитать его хотя и бедному, но справедливому и добродетельному человеку, который именно потому, что был справедлив, не стыдится общения с бедностью. Но разбогатевший каким-то образом, купивший власть, не знает, как он станет поборником правды. Кажется мне, что не легко он возненавидит несправедливость и пренебрежет богатством, а скорее наоборот, он превратит присутственные места в места продажи правосудия. Мало вероятно, чтобы он с открытым лицом и холодными глазами смотрел на золото. Напротив, он будет питать почтение, уступать и, наконец, пожелает отблагодарить того, к кому он должен питать благодарность, так как за долю богатства он уступил тому [интересы] государства и отдал за плату города, как какую-то продажную вещь. Он знает, что благодаря этому он сделается почитаемым и восседает на возвышенном троне, на который с подобострастием взирают не только многочисленный плебс, но даже и благородные люди — справедливые и бедные.

28. Но ты сделай так, чтобы несколько ценился и ревнитель добродетели, хотя и бедный. Пусть не скрывается от тебя ум человека, справедливость и прочее множество добродетелей, прикрытые худой одеждой, но выдвигай такого человека, почти добродетель, чтобы она находила общественное применение. Нужно, чтобы она не оставалась дома в бездействии, но чтобы она действовала открыто и вела борьбу. Твердо помни, что если ты теперь ее прославишь, то сам будешь прославляем всеми долгие времена, дав образчик счастливого царствования. Если это сделаешь, то тотчас увидишь многих, стыдящихся приобретенных богатств, других гордящихся добровольно избранной бедностью, и изменятся существующие в настоящее время мнения об этом, так, что приобретать богатства будет считаться предосудительным, а бедность будет занимать почетное место. Из всего великого и прекрасного, что бог даровал императорскому достоинству, не меньше, а больше всего можно удивляться и прославлять его сильное влияние на своих подданных, так как государь может изменять мнения, внедренные долгим обычаем и предшествовавшей роскошью, если открыто будет уважать и превозносить противоположное. То, что нравится государю, необходимо должно расти и усваиваться многими.

29. Дойдя до этого в своей речи, я желаю вознести мольбу относительно своих любимцев. О если бы, государь, тебя пленила любовь к философии и истинной образованности! Ибо из того, что я сказал прежде, необходимо следует, что у тебя будет много в этом соперников, и пусть они будут в какой-нибудь чести и уважении.

В настоящее время, когда она [любовь к философии] считается презренной, есть опасность, что она погаснет совершенно, и в данный момент даже не существует никакого облегчения тем, которые желали бы ее воспламенить. Но разве только о философии я выражаю пожелания? Разве ей будет хуже, если она будет удалена от сообщества людей? Но она помещает свой очаг у бога, о котором много заботится, когда пребывает здесь. А если ее, сошедшую на землю, здесь не принимают, она остается у своего отца, справедливо говоря нам:

„Не нуждаюсь в этой я чести. И так воля Зевеса
Меня вознесла“.¹

Дела же человеческие в зависимости от ее присутствия и отсутствия становятся хуже и лучше и даже достигают вершин счастья и бездны неудач. Поэтому за них и за философию я возношу мольбы.

О если бы даровал бог и я осуществил то желание, которое выразил Платон,² но не добился его осуществления! О если бы я видел, что в тебе философия соединилась с государственной властью! Никто тогда не услышит более моих рассуждений о государстве. Ибо время уже замолчать, так как в одной речи я охватил все. Насколько я смог, я дал то, к чему стремился сначала, обещая в своей речи показать тебе образ государя.

Поистине моя речь является только тенью предмета. Тебя же прошу оживить его и сделать реальностью. И я увижу это спустя короткое время, и ты возвратишь мне образ государя, если мои речи не проскользнули мимо твоих ушей, но влились в них и внедрились в глубине твоей души. Я убежден, что не без божественного промысла философия устремилась к этому увещанию, но по внушению божества, которое, как легко предположить, желает улучшить твои дела. Я же по справедливости буду первый наслаждаться всходами моих посевов, увидя тебя в действительности таким государем, каким рисовал в идеале, когда приготовил и держал речь о нуждах городов.

ВИЗАНТИЙСКАЯ САТИРА „ТИМАРИОН“

(Перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской. Предисловие Е. Э. Липшиц)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византийская сатира „Тимарион“ написана неизвестным писателем XII в. Диалог представляет собой один из редких в византийской литературе образцов светской сатирической прозы.

Греческий текст „Тимариона“ привлек к себе внимание исследователей еще в самом начале XIX в. В одной из рукописей Ватиканской Библиотеки, вывезенной Наполеоном во Францию, текст этот

¹ Слова Ахилла — Гомер. Илиада, IX, 607.

² Платон. Политика или государство, СПб., 1863, стр. 284 (перевод Карпова).

следует за сто сорока девятью диалогами Лукиана. Он был издан в 1813 г. Б. Газе вместе с полным латинским переводом и обширным комментарием.¹ В 60-х годах XIX в. А. Эллисен переиздал „Тимарион“ с немецким переводом и значительной частью комментария Газе.² На русском языке „Тимарион“ в полном виде появляется впервые.³ Этому интересному литературному памятнику был посвящен ряд исследований.⁴ Тем не менее многие важные вопросы, связанные с его происхождением, остаются не только не разрешенными в буржуазной литературе, но и вовсе не поставленными. Буржуазные исследователи, интересовавшиеся по преимуществу вопросом о соотношении этого диалога с произведениями Лукиана и идентификацией выведенных в Тимарионе персонажей с известными византийскими деятелями, не делали даже попытки раскрыть социальный смысл сатиры, выяснить классовое лицо ее автора и определить сущность его воззрений. Между тем эти вопросы чрезвычайно важны не только для оценки „Тимариона“ как литературного произведения, но и для понимания тех явлений общественной жизни и культуры, которые в нем отражены.

Задача всестороннего изучения „Тимариона“, представляющего собой выдающийся литературный памятник и своеобразный исторический источник, не может быть, разумеется, решена в кратком введении, которое лишь намечает основные пути для его анализа.⁵

Сатира написана в часто использовавшейся в византийской литературе диалогической форме, в форме живой беседы Тимариона с его другом Кидионом, которому он рассказывает о необыкновенном исходе своего путешествия на фессалоникскую ярмарку. Заболев на обратном пути, он оказался переброшенным в полумертвом состоянии в преисподнюю, где встретил много знакомых и ему и Кидиону людей.

Таким образом автор, пользуясь приемом Лукиана (в частности, Некромантии), переносит действие в основном в загробный мир и дает ряд критически заостренных характеристик деятелей своего времени, повидимому, недавно умерших.

Однако прежде, чем повести своего героя в преисподнюю, автор знакомит его с эгемоном Фессалоники Палеологом (гл. 6—9), который охарактеризован в диалоге в самых хвалебных тонах. Эпитеты, прилагаемые Тимарионом к Палеологу, находят весьма близкие аналогии в других византийских панегириках второй и третьей четверти XII в., как, например, в „Надгробном слове“ Ирине-Берте Зульцбахской, жене

¹ B. Hase. Notices et extraits des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale, t. 9, 1813.

² A. Ellissen. Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur, Bd. IV, Leipzig, 1860.

³ Перевод описания ярмарки в Фессалонике из „Тимариона“ см. в „Сборнике документов по социально-экономической истории Византии“, М.—Л., 1951, стр. 212—213.

⁴ Ср., например, H. F. Tozer. A Byzantine Satire. „Journal of Hellenic Studies“, II, 1881; M. Treu. Ein Kritiker des „Timarion“, „Byzantinische Zeitschrift“, I, 1892; J. Dräseke. Michael Psellos im „Timarion“, „Byzantinische Zeitschrift“, VI, 1897; Его же. Byzantinische Hadesfahrten, „Neue Jahrbücher für das klassische Altertum“, 29, 1912; C. Diehl. Communication sur le Timarion, „Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres“, 1929; Его же. La légende de l'empereur Théophile, „Seminarium Kondakovianum“, v. V, 1931; H. Tode. De Timarione dialogo byzantino, Greifswald, 1912 (diss.) Ср. ред. J. Dräseke. „Wochenschrift für klassische Philologie“, 1913, s. 1422 ff. и „Byzantinische Zeitschrift“, Bd. XXII, 1913, S. 211.

⁵ Не лишняя интереса попытка дать ответ на некоторые вопросы, связанные с „Тимарионом“, была предпринята Н. А. Карповой в дипломной работе, защищенной в ЛГУ в 1948 г.

императора Мануила Комнина, написанном фессалоникским архиепископом Василием Охридским.¹

Упоминание о встрече героя сатиры с Палеологом дает важные указания на время создания этого анонимного произведения.

Еще Газе установил тот факт, что описанный в „Тимарионе“ эгемон Фессалоники был не кто иной, как известный политический деятель первой половины XII в. севаст Михаил Палеолог, сын Георгия Палеолога и Анны Дуки.²

Сведения о жизни, деятельности и времени смерти Михаила Палеолога, дающие возможность установить *terminus ante quem* написания сатиры, содержат и греческие, и латинские источники XII в.

Иоанн Киннам, современник Мануила Комнина, рассказывает о севасте из дома Палеологов, который императором Иоанном по неизвестной причине был сослан, а при Мануиле возвращен из ссылки.³ Позднейшая судьба Палеолога была выяснена В. Г. Васильевским.⁴ Собранные им данные свидетельствуют о том, что Михаил Палеолог не надолго пережил взятие греками Бари в 1155 г.⁵

Таким образом, время возможного пребывания его на посту эгемона Фессалоники следует относить к периоду до ссылки его, о которой говорит Киннам и которая имела место в правление Иоанна Комнина (1118—1143 гг.).⁶

На обратном пути с ярмарки, ярко описанной в диалоге, герой сатиры, отрекомендовавший себя как философ и уроженец Каппадокии, „находящейся за пределами империи“ (ἐν ᾧ δὲ, ἄτε Καππαδοκίης ἐκ τῆς ὑπερῶρου) (гл. 5), тяжело заболел.

Полумертвый от болезни, потеряв желчь — один из составляющих его организм элементов, герой был перенесен двумя проводниками в подземное царство.

Именно здесь и разворачивается действие сатиры. Среди мертвецов, встречающихся Тимариону на его пути в суд мертвых и на обратном пути из суда, оказываются политические деятели, писатели и ученые, известные из истории Византии и античного мира.

Если первый из них — старец, „родом из Великой Фригии“, „отпрыск знатной и прославленной семьи“ (гл. 18) — может быть лишь предположительно отождествлен с кем-то из предков эгемона Михаила Палеолога,⁷ то в отношении второго автор вполне откровенен.

Лежащий в шатре, мучительно и горько страдающий человек с выколотыми глазами, к которому автор относится с живой симпатией, — это не кто иной, как византийский император Роман Диоген (1067—

¹ В. Г. Васильевский. Василия Охридского, архиепископа (митрополита) Солунского, неизданное надгробное слово. „Византийский Временник“, т. I, 1894, стр. 105 сл.

² В. Hase. Ук. соч., стр. 153. Точку зрения Газе разделяет и F. Chalandon. Jean II Comnène et Manuel Comnène, Paris, 1912, p. 219.

³ Cinnamus. Epitome, rec. A. Meineke, Bonn, 1836, II, 17; ср. Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов, СПб., 1859, стр. 75.

⁴ В. Г. Васильевский. Из истории Византии в XII в. Южно-Итальянская война. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 113 сл.

⁵ Иоанн Киннам. Ук. соч., стр. 166; Cinnamus. Ук. соч., IV, 7; Otto Freisingen. Gesta Friderici, III, 23. MGH SS, t. XX, 1868, p. 156. См. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 119.

⁶ В. Hase (Ук. соч., стр. 157) относит его пребывание в Солунии к концу 30-х годов XII в.

⁷ A. Ellissen. Ук. соч., стр. 163.

1071). „Незнакомец был хорошего роста и хотя не очень плотен; ширококост и с мощной грудью“ (гл. 20).¹

Автор „Тимариона“, рассказывая вкратце историю Романа Диогена, упоминает о том, что он был не только ослеплен, вследствие предательства, но был еще и отравлен своими врагами.²

Старик, сидящий рядом с ним — „один из знатнейших людей Великой Фригии (πρεσβύτερος τῶν εὐπατρίδων ἐστὶ τῶν κατὰ τὴν μεγίστην Φρυγίαν)“, вероятно, может быть отождествлен с Качатуром, одним из полководцев императора Романа.³

Следующим человеком, с которым Тимарион встретился, был знаменитый ритор Феодор из Смирны, занимавший кафедру риторики (πρόεδρος, ὁπότερος φιλόσοφος) в Константинополе.

Последователь Аристотеля и автор нескольких философских произведений, Феодор из Смирны был участником церковного собора, состоявшегося при императоре Алексее Комнине и патриархе Николае III (1084—1111 гг.),⁴ может быть, именно того, который осудил ученика Иоанна Итала — Нила и учение богомилов.⁵

Затем Тимарион знакомит своего друга с императором Феофилом, который, по словам автора, занял место в суде царства мертвых рядом с Асклепием, Эаком, Миносом, Гиппократом, Эрасистратом и Галеном.

По характеристике Тимариона, „Феофил“, который был некогда императором в Византии, вместе с ними творит ныне суд, и ни одно решение не имеет силы без его согласия. „Ты, конечно, знаешь, — говорит Тимарион Кидиону, — от тех, кто описывал его жизнь, сколь бесконечно справедлив он был“... (гл. 29). Немного далее он отмечает (гл. 33), что в то время, как на эллинах была богатая одежда, на Феофиле „ничего пышного и яркого не было... он был одет с величайшей простотой и даже небрежно во все темное“. Император Феофил (829—842 гг.), о котором здесь идет речь, известный своей иконоборческой деятельностью, и авторами других источников характеризуется как придерживавшийся политики показного демократизма. С его именем были связаны некоторые популярные в Византии анонимные сказания⁶ о раскаянии Феофила, „о добрых деяниях императора Феофила“, ставившие целью оправдать в глазах потомства „опорочившего“ себя приверженностью к иконоборческой ереси Феофила. Эти сказания, созданные, вероятно, вскоре после восстановления иконопочитания в кругах, близких к его вдове Феодоре, рисуют Феофила справедливым и доступным, лично творящим суд императором; они отразились в хрониках продолжателя Феофана и псевдо-Симеона,⁷ и их, повидимому, имеет в виду автор „Тимариона“.

¹ Характеристика внешности Романа Диогена в диалоге вполне согласуется с показаниями других источников. Ср. Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., СПб., 1884, стр. 99.

² Может быть, Иоанном Дукой. См. J. Dräseke. Michael Psellos im Timarion, S. 485, где проведено сопоставление данных по этому вопросу, имеющихся в источниках.

³ Таково было предположение Б. Газе, отвергнутое А. Эллиссеном и И. Дрезеке. Последний предполагал, что в лице этого старика изображен Михаил Пселл, — гипотеза, на наш взгляд, мало вероятная.

⁴ A. Ellissen. Ук. соч., стр. 15. Ср. В. Насе. Ук. соч., стр. 146.

⁵ См. об этом соборе Ф. И. Успенский. Богословское и философское движение в Византии в XI—XII вв. ЖМНП, ч. 277, 1891, стр. 146—147.

⁶ См. W. Regel. De Theophili imperatoris benefactis. Analecta byzantino-rossica, Petropoli, 1891, p. 40—43.

⁷ Theophanes Continuatus, ed. Bonn, 1838, p. 87 sq., ibid., p. 627 sq.

В суде Тимарион встретился со знаменитым философом, ученым и политическим деятелем XI в. Михаилом Пселлом. Автор, правда, не называет его по имени, но весь характер описания, не лишённого доли иронии, даёт все основания для такого отождествления.

Пселл выведен в „Тимарионе“ дважды: в суде (гл. 41) герой увидел „некоего софиста из Византии, который... благодаря своим способностям и ловкости давно уже исполнял в судилище эти обязанности [составителя судебных протоколов—Е. Л.]“. „Сейчас (сказали Тимариону служители) ты сам увидишь... как быстро он продиктует писцу только что вынесенный приговор“. „Итак, после краткого перерыва судьи послали за ним, и когда софист в сопровождении Аристарха появился, шаг за шагом перечислили ему отдельные пункты своего решения. Софист тотчас же принялся диктовать, заметно заикаясь, так как и здесь не избавился от своей кривой губы“ (ὁποῦ ἐλλείπον τῇ πόλῳ οὕτω γὰρ τὴν ἀγκυρότητα τοῦ χεῖλους ἀπέβαλεν).

Эта характеристика Пселла дополняется несколькими параграфами ниже (гл. 45), где рассказывается, как „давешний софист из Византии“ пришел к философам и софистам. Первые, хотя и встретили его радостно, не приглашали его сесть и разговаривали с ним стоя. Вторые же „оказали ему большие почести: все как один встали при его появлении. Когда византиец устал, он либо садился тут же, в их кругу, либо покоился на возвышении, в кресле, которое ему приносили. Все восхищались прелестью и сладостью его речей, ясностью и простотой слога, плавностью манеры и умением так подбирать слова, чтобы они соответствовали и приличествовали какому угодно содержанию. Часто софисты, видя его, повторяли „О светозарный император“. Последнее обращение взято из сохранившейся в двух рукописях Лавренцианы речи Пселла, начинающейся словами „ὦ βασιλεῦ ἡμεῖς“.¹

Воздавая таким образом должное Пселлу как софисту и писателю, владеющему хорошим слогом, автор однако достаточно тонко намекает на то, что он отнюдь не считает Пселла философом, достойным занять место в ряду перечисленных им античных мудрецов—Парменида, Пифагора, Мелисса, Анаксагора, Фалеса и других основателей философских школ.

Тимарион, характеризуя этих античных философов, знакомит своего друга и с двумя людьми, которых мудрецы гнали и отталкивали. Первый из них был Диоген, основатель кинической школы (гл. 43), а второй—византийский ученый XI в. Иоанн Итал. Попавшего в преисподнюю Иоанна Итала Пифагор упрекает за то, что тот, будучи по облику христианином, „надев на себя одежду истинного галилеянина“, пытался общаться с языческими философами. Пифагор предлагает Иоанну избрать либо одно, либо другое (гл. 44). Автор называет Иоанна Итала кичливым „Константинопольским отребьем“ и заставляет его лаять и кусать Диогена. Древние мудрецы смеются над Иоанном Италом, считая его не достигнувшем ничего в грамматике автором писаний, явившихся общим посмешищем, а сам Иоанн тщётно обращается к диалектике Аристотеля и к силлогизмам, с помощью которых он мог бы разбить своих противников.

Эта картинка—злая карикатура на одного из наиболее крупных философов Византии XI в.

¹ Bandini. Catalogus codicum Graecorum in bibliotheca Laurentiana, t. II, Florentia, 1768, p. 415; Plat. LVII, cod. Gr. XL, № 37. Cp. A. Ellissen. Ук. соч., стр. 178—179, 183.

Иоанн Итал, по словам Ф. И. Успенского, подвергся церковному отлучению за то, что он „не согласовал свою философскую систему с церковным учением“.¹

О деятельности Итала подробно рассказывает Анна Комнина,² которая относится к нему так же недоброжелательно, как и автор „Тимариона“.

По словам Анны Комнины, Иоанн Итал был родом из Италии и прожил долгое время в Сицилии. Сицилийцы, восстав против власти ромеев, призвали на помощь итальянцев, среди которых был и отец Итала. Он привел с собой сына, который хотя и не был еще достаточно взрослым, чтобы вступить в войско, однако следовал за отцом и изучал военное искусство итальянцев. Когда же Георгий Маниак, взбунтовавшись, занял Сицилию, отец Итала со своим сыном бежали в фему Лангобардия, находившуюся под властью византийского императора.

Оттуда Иоанн Итал попал в Константинополь, „славившийся, — по словам Анны Комниной, — наукой и словесным искусством“. „Ибо со времени Василия Порфирородного и до Мономаха, хотя образованность и была в пренебрежении у большинства, но не совершенно еще заглохла. Во время же императора Алексея она оживилась и поднялась и пользовалась вниманием у любителей просвещения“.

Далее Анна Комнина подробно рассказывает об обучении Итала. Итал стал учеником Михаила Пселла, „который, хотя и не особенно много посещал учителей, но благодаря природным способностям и остроте ума, а может быть, и вследствие божьей помощи, ... достиг вершин учености, овладел эллинской и халдейской наукой (τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ τὰ Χαλδαίων) и был в те времена знаменит своей мудростью. Но занимаясь с ним, Итал, будучи по характеру своему варваром, чуждым просвещения, не мог проникнуть в сущность философии. Учителей он не выносил даже во время обучения и, полный дерзости и варварского нахальства, считал, что и не учившись, имеет перед всеми преимущество, и на первых же уроках поспорил с самим Пселлом. Изучив диалектику, он ежедневно производил смятение в публичных собраниях, подбирая софистические остроты и излагая весь предмет в софистической форме“.

Иоанн был, как говорит Анна, приближен ко двору Михаилом Дукой и его братьями, хотя его и считали „ниже Пселла“.

Рассказав затем о его предательстве во время миссии, возложенной на него в Эпидамне, о его бегстве в Рим и поселении (после возвращения в Константинополь) в монастыре Пиги при церкви Сорока мучеников, она сообщает затем, что после пострижения Пселла Итал занял его место и стал ипатом философов, занимаясь объяснением сочинений Аристотеля и Платона.

Следующая затем характеристика Итала вполне аналогична той, которая дана в „Тимарионе“: „Пользуясь славой многоначитанного человека, он в сущности был сильнее всех лишь в истолковании весьма трудной философии перипатетиков, а главное — в диалектике. В других науках он не имел особенных сведений: в грамматике спотыкался и не отведал нектара риторики. Вследствие этого речь его не была стройна и не имела изящества, отличием ее была жесткость и напыщенность,

¹ Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 107.

² Анна Комнина. Alexias, rec. L. Schopenus, v. I, Bonn, 1839, p. 256 sqq. Ср. Анна Комнина. Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, СПб., 1859, стр. 245 сл.

слово его соответствовало нахмуренным бровям и пропитано было суровостью... Особенно искусный в диалектике, он душил противника непрерывным рядом вопросов, спутывая и смущая его ум. Кто раз попал в его дебри, уже не выбирался из них. Вообще он был весьма невоспитан и слишком подчинялся порывам... Ибо разговор он вел и языком и руками; ему мало было привести собеседника в недоумение и заградить уста его молчанием, рука его вцеплялась еще в бороду и в волосы и оскорбление следовало за оскорблением“.

Давая затем его портрет, Анна Комнина отмечает, что он хотя и знал греческий язык, но произношением походил на иноземца, не чисто произносил и коверкал слоги, говорил „по-деревенски“.

В сходных чертах Анна Комнина рисует и учеников Иоанна Итала, „которых она потом часто видела во дворце; ни одной науки они не знали в точности, выдавали же себя за диалектиков беспорядочными движениями и страстными кривляниями“.

Быть может к их числу и следует отнести того спутника Итала, который так нелестно охарактеризован в „Тимарионе“ (гл. 43).

Учение Итала было осуждено в 1082 г. императором Алексеем Комниным; церковный суд предал Итала анафеме и повелел заключить в монастырь.¹ Отражая эти события, автор „Тимариона“ говорит, что Итал был „ненавистен даже галилеянам“.

Одной из наиболее бросающихся в глаза черт диалога является то исключительное внимание, которое автор уделяет вопросам медицины. Уже самая болезнь и перемещение Тимариона в загробный мир трактуется автором в плане сатиры на учение античных медиков, якобы гласившее, что „человеку невозможно существовать, лишившись одного из четырех, составляющих его организм элементов, хотя бы тело его было в остальном еще крепким“ (гл. 13).

Резко критически оценивая врачебные познания Асклепия, Гиппократа и Эрасистрата, Феодор из Смирны, — а вместе с ним и автор, отдает явное предпочтение Галену, которому он присваивает эпитет „божественный“ (θεῖον). Однако и его труд „О различных видах лихорадок“ (περὶ διαφορᾶς πυρετῶν)² страдает, по мнению Феодора, значительными пробелами. „Как-то он даже сказал, что дополнения будут больше того, что уже написано“ (гл. 29).

В еще более резкой форме автор осуждает Асклепия при описании сцены суда: „Лицо его было скрыто сверкающим покрывалом из золотых нитей, прозрачным лишь настолько, чтобы Асклепий мог все видеть, оставаясь сам невидимым — суетная гордыня терпящего пренебрежение божества“.

Оправдание Тимариона и осуждение проводников его в загробный мир, следовавших букве медицинских суждений Гиппократа и Асклепия, завершает эту критическую оценку.

Интерес автора „Тимариона“ к медицинским вопросам не случаен. В составленном Николаем Месаритом в конце XII в. описании Константинопольского университета, находившегося в подворье церкви Апостолов, особое внимание уделено его медицинскому факультету, где живо обсуждались вопросы того же порядка, как и те, о которых шла речь, примерно, на полустолетие раньше в „Тимарионе“.³

¹ Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. „Известия Русск. археол. института в Константинополе“, II, 1897, стр. 3—8.

² См. Mewaldt. Gallenos, in Paulys Real-Encyclopädie, VII, 1912. Sp. 586.

³ Ср. A. Heisenberg. Die Apostelkirche in Konstantinopel, Leipzig, 1908. S. 93.

Интерес к медицине и увлечение медицинскими спорами в Константинополе в конце XI и начале XII в. засвидетельствован также Анной Комниной, рассказывающей о профессоре медицины (*διδάσκαλος τῶν ἰατρῶν*) Николае Калликле, который лечил ее отца.¹ Николай Калликл был приглашен для консультации к заболевшему императору. Однако, по словам Анны Комнины, Николай Калликл при обсуждении характера болезни остался в меньшинстве.

Из переписки Феофилакта Болгарского с Николаем Калликлом известно, что последний был знаменитым врачом и имел хорошую медицинскую библиотеку.

Любопытно отметить, что Николай Калликл был в чрезвычайно близких отношениях с семьей Палеологов, которой неизвестный автор сатиры уделяет столь большое внимание и к которой он выражает столь большое уважение. Два известных стихотворения Николая Калликла обращены к членам семьи Палеологов и, в частности, к матери эгемона Михаила Палеолога Анне Дуке.

Сочинения Николая Калликла еще недостаточно обследованы² и частично остаются неизданными. Дальнейшие исследования покажут, не можем ли мы увидеть в этом враче и писателе, безусловно близком к семье Палеологов, неизвестного пока автора „Тимариона“. В пользу этого предположения говорят не только медицинские интересы автора диалога, но и время создания сатиры, относимой и по другим признакам к середине XII в. Во всяком случае несомненно, что сатира возникла в кругах, близких ко двору Комнинов.

Автор „Тимариона“ объектом своей критики избирает именно тех прогрессивных ученых, которых критиковали и во дворце Комнинов. Так, наиболее предвзятой следует признать ту оценку, которая дана Иоанну Италу и его единомышленникам. Автор сатиры полностью разделяет точку зрения на Иоанна Итала, которая господствовала при дворе Комнинов и была ярко выражена Анной Комниной, высмеивавшей этого выдающегося ученого. Уже из этого одного можно было бы заключить о том, что сатира вышла из кругов, близких ко двору.

С придворной литературой Комнинов роднит сатиру весь ее стиль и прежде всего пристрастие к цитатам из Гомера, поэмы которого стали в придворных кругах излюбленным чтением и предметом подражания. Достаточно напомнить тот факт, что жена Мануила Комнина Ирина-Берта прославлялась Иоанном Цецом как величайшая почитательница Гомера, „гомеричнейшая“ царица.³ Видный сановник Константин Котерди покровительствовал Иоанну Цецу, работавшему над поэмой, в которой аллегорически истолковывалась „Илиада“ Гомера.⁴ Комментари к Гомеру писал, как известно, и Евстафий Солунский.

Равным образом, подобно Анне Комниной, автор весьма сдержанно относится к Пселлу.

Дань восхищения он отдает лишь эгемону Фессалоники — Палеологу, родственнику императорской семьи. Неудивительно поэтому, что в сатире мы тщетно будем искать каких-либо ноток недовольства существующим общественным строем. Описывая загробный мир, автор указывает, что и там, как и на земле, остается нерушимым деление на богатых

¹ Анна Комнина. *Alexias*, v. II, 1878, p. 367.

² Ср. С. П. Шестаков. Три поэта византийского ренессанса, „Ученые Записки Казанского университета“, 1906, VI—VIII, стр. 1—36.

³ В. Г. Васильевский. Василия Охридского неизданное надгробное слово, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 93.

и бедных. Последние его не интересуют. Не на них и рассчитано все произведение, написанное в духе подражания Лукиану на языке, далеком от разговорного.

Известное свободомыслие автора в вопросах религии, сказавшееся в самом замысле диалога, рисующего загробный мир в сатирической форме, и в том, что в суде мертвых одним из судей выведен иконоборец Феофил, могло быть проявлено при византийском дворе XII в., где подобного рода идеи были модными.

ТИМАРИОН

I. Кидион: Тимарион, добрый друг! „Ты, ненаглядный мой свет, Телемак, возвратился“¹. Но что до сих пор мешало тебе вернуться? Ведь ты обещал скоро быть обратно. „Молви, в мечтах ничего не тай, пусть мы оба узнаем“² — тебе предстоит говорить со своим старинным и вновь обретенным другом.

Тимарион: Милый Кидион, раз уж ты, стремясь услышать о моих несчастиях, напомнил творения Гомера, придется и мне в своем рассказе заимствовать стихи у трагических поэтов, чтобы повесть возвышенных страданий облеклась у меня в столь же возвышенные слова.

Кид.: Говори же, любезный Тимарион, не медли, чтобы не разжигать более моей жажды, и не мучай меня дольше.

Тим.: „Увы, зачем коснулся, хочешь вновь раскрыть“³ и „Зачем“, как говорится, „влечешь нас от стен Илиона?“⁴ Впрочем, пусть прологом к моему рассказу послужат стихи Еврипида; ведь от них будет удобно перейти к столь же печальному.

„Нет страшных зол и нету слова их назвать,

Тяжелых бед и мук, сужденных божеством,

Что снести не могут плечи мужа смертного“⁵.

„Нет на земле существа злополучнее смертного мужа“⁶.

Поверь, милый друг, если я тебе расскажу все, что со мной происходило день за днем, ты, конечно, предпочтешь, чтобы я молчал и вовсе не говорил, хотя сейчас и жажду моей повести.

II. Кид.: Начни же, добрейший, свою историю, пока не скрылось солнце и не наступил час, когда принято распрягать быков; ведь мне ради важного дела надо еще засветло выбраться домой.

Тим.: Кидион, друг мой, ты слышал от меня еще до того, как я распрощался с тобой, сколь благочестива и угодна богу была цель моего путешествия. Поэтому нет нужды мне повторять, а тебе слушать уже известные вещи. Так вот, с тех пор, как я, распрощавшись с тобой, покинул город, божья помощь сопутствовала мне и уготовила счастливую дорогу и озаботилась о всякой малости на моем пути. Чтобы

¹ Гомер. Одиссея, XVI, 23 (перевод Жуковского).

² Гомер. Илиада, I, 363 (перевод Минского). В дальнейшем во всех случаях, где нет специальных оговорок, цитируем „Одиссею“ в переводе Жуковского. „Илиаду“ — в переводе Минского.

³ Еврипид. Медея, 1317 (перевод наш. — С. П. и И. Ф.).

⁴ Гомер. Одиссея, IX, 39 (стих перефразирован).

⁵ Еврипид. Орест, 1—3 (перевод наш. — С. П. и И. Ф.).

⁶ Гомер. Илиада, XVII, 446 сл. (перефразировано).

быть кратким, скажу, что я, неважняя на мое жалкое обличье философа, был подарен царскими приемами и лаской. Попечение всевышнего позволило мне повидать всех живших на моем пути старинных друзей: один встречался мне, идя в поле, другой — по дороге к дому, третьему о моем приходе говорил раб, случайно проходивший и неожиданно столкнувшийся со мной или работавший в поле, тут же, где я проезжал; словом, не было никого, кто, увидев меня, не оказал бы мне гостеприимства. Что перечислять все пышные и богатые приемы, раз уж я называл их царскими и блистательными?! Из этого ты можешь заключить, милый друг, что существует некое предустановление, сообразно которому блага жизни даруются тем, кто избрал удел философа. Ведь и я, ничего не взяв с собой и не запасшись ни едой, ни питьем, сразу, с первой же остановки в пути не был лишен этих благ, и они щедро изливались на меня. До самой Фессалоники все складывалось благополучно и счастливо; что же касается моего возвращения, оно было сверх меры горестно и, поистине, напоминало трагедию.

III. Кид.: Как же ты, однако, торопишься, друг мой, как ты комкаешь свой рассказ и всего касаешься налету, ни на чем не останавливаясь подробно! Еще не покончив толком с путешествием из дому и ни словом не обмолвившись о своей жизни на чужбине, „мыслью обратно летишь“, ¹ точно преследуемый собаками или какими-нибудь скифами, спешишь возвратиться в Византий, словно здесь твое единственное спасение и убежище. Успокойся, милый; ничего страшного не случится, если ты подробно расскажешь мне все, что с тобой произошло.

Тим.: Какая любознательность, друг мой: тебя прямо не насытить рассказами о чужих краях. Хорошо, я начну по порядку, но ты не сетуй, если я позабуду какую-нибудь пролетевшую мимо ворону, камень, подкатившийся под копыта лошади или придорожный терновник, зацепившийся за мою одежду. Так вот, я направлялся в прославленную Фессалонику, желая попасть туда еще до праздника святого Димитрия; дух мой был исполнен веселья, а тело бодрости. Праздность, ты знаешь, мне не милее, чем мясо свиньи иудею; заниматься книгами было невозможно, зато представлялся случай охотиться, и я ходил на берег Аксия. Это — самая большая из македонских рек; она зарождается в Болгарских горах отдельными маленькими ручейками, а затем, спускаясь, сливает их в единое русло и течет, как сказал бы Гомер, „широко и мощно“ ² по Древней Македонии к Пелле и неподалеку от нее впадает в море. Об этом крае, поистине, стоит рассказать: пахарю он дарит различные плоды земли, стратиотам — простор носиться на конях, стратигу — еще больший простор строить и перестраивать отряды; он словно создан для воинских упражнений, потому что ряды не разрываются — ведь местность совершенно ровная, нигде ни камня, ни кустика. Всякому, кто там охотился, понятно, что Федре, даже не любя Ипполита, с наслаждением носилась бы по равнине, скликала собак, гонялась за пестрыми ланями.

IV. Таковы окрестности реки Аксия. Я жил здесь с новыми и старинными друзьями и до праздника с удовольствием предавался охоте, а когда он наступил, вернулся в Фессалонику. Посетив тамошние святыни и храмы и почтив их должным образом, я отправился на ярмарку,

¹ Гомер. Одиссея, III, 142.

² Гомер. Илиада, II, 653.

палатки которой раскинулись за городскими воротами; она начинается за шесть дней до праздника и кончается сразу же после воскресенья.

К и д.: Снова наш Тимарион становится самым собою! Чуть только перестанешь за ним следить, он возвращается к своей старой привычке: признаёт в рассказе только начало и конец и вовсе пропускает все, что было в середине. Так и теперь, словно забыв мою просьбу и свое обещание, не рассказав по порядку о ярмарке, о множестве палаток и великолепии, о толпах народу и богатстве, о разнообразии товаров, он сейчас же перешел от начала ее к концу, намереваясь этим ограничиться. Но „Ты не укрылся от взора Атрида, любимца Арея“.¹

Тим.: Боюсь, милый Кидион, если я послушаюсь тебя и построю свою повесть по твоему вкусу, нам придется провести здесь всю ночь. Но что делать? Просьбы друзей, как видно, закон и мало отличаются от велений тиранов. Нельзя не повиноваться им, каковы бы они ни были. Поэтому я начну.

V. День святого Димитрия — такой же большой праздник, как Панафинеи в Афинах или Панионии в Милете; это — величайшее македонское торжество, и стекается на него народ не только тамошний, македонский, но всяческий и отовсюду: греки из разных областей Элады, мисийские племена, населяющие пространство вплоть до Истра и пределов Скифии, кампанцы, италийцы, иберы, луситанцы, кельты из-за Альп. Коротко говоря, даже побережье Океана посылает молящихся поклониться этому святому — так велика его слава по всей Европе. Я же, человек из дальней Каппадокии, не бывавший на этом празднике, а питавшийся только слухами о нем, жаждал стать очевидцем пышного зрелища и позаботился, чтобы ничто не ускользнуло от моего внимания. Для этого я устроился на холме, возвышавшемся рядом с ярмарочной площадью, и без помехи все разглядывал. Ярмарка выглядела так: палатки купцов, выстроенные одна против другой, тянулись ровными рядами; отстоя далеко друг от друга, эти ряды создавали в середине широкий проход для густых толп народа, снующих по ярмарке; взглянув на эти густо застроенные ровные улицы, ты сказал бы, что это [параллельные] линии, протянутые в даль из разных точек.

Под углом к ним шли стройные ряды других палаток; этих было немного, так что они выдавались незначительно и выглядели короткими лапами какого-то пресмыкающегося. Это было любопытное зрелище: палатки, в действительности, тянулись двумя рядами, но симметричность их расположения и густота создавали видимость единого тела, ибо перед глазами вставало чудище из ларей, опирающееся, как на лапы, на расположенные под углом палатки. Клянусь нашей дружбой, когда я с холма глядел на этот строй лавок, они представлялись мне многоножкой с длинным туловищем и массой коротеньких лапок на брюхе.

VI. Если же тебя, мой любознательный друг, интересует, что заполняло прилавки и что я увидел, спустившись с холма, — то представь себе, — все на свете, что создается руками ткачей и прях, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, все, что торговые корабли везут к эллинам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами.

¹ Гомер. Илиада, XVII, I. В тексте цитата умышленно искажена, поэтому даем ее в собственном переводе.

Все это купцы привозят прямо в древнюю Македонию и Фессалонику, а города Евксинского Понта сначала посылают свои товары в Византий и лишь затем обогащают ими ярмарку: множество вьючных лошадей и мулов везут из Византии их дары. Правда, все эти вещи я увидел позднее, когда спустился. Но еще наверху я дивился множеству всевозможных животных, голоса которых, сливаясь в мощный многоголосый рев, наполняли мне уши: кони ржали, быки издавали мычание, овцы блеяли, поросята хрюкали, лаяли собаки, сопровождавшие хозяев и охранявшие порой от волков, порой от грабителей.

Вдоволь налюбовавшись на все и насытившись виденным, я, приверженный к другого рода зрелищам и, в первую очередь, к церковным торжествам, отправился в город. Праздник святого Димитрия длится три ночи кряду; сонм священников и монахов, образуя два полухория, возносит песнопения во имя мученика. Над этим сонмом поставлен архиерей, устрояющий празднество как подобает и смотрящий за исполнением обряда. Празднество всенощное, и справляется оно при свечах и факелах, „а как Заря розонерстая вышла из сумерек ранних“, ¹ говоря словами Гомера, в преддверии храма появляется эгемон Фессалоники, окруженный пышной толпой телохранителей; множество всадников и немало пеших составляют свиту и уготовляют его блистательный выход.

VII. Так как народ за городскими воротами напряженно дожидался эгемона, с любопытством вытягивая шеи задолго до его появления, я также смешался с толпой зевак. Примерно на расстоянии стадии я заметил торжественный поезд и немалую усладу получил от этого зрелища. Что мне описывать окружавшую эгемона толпу, ничем не примечательную, состоявшую частью из крестьян, частью из городского люда? Зато его приближенные, подобало бы назвать их строем верных, являли, поистине, дивную картину: все в расцвете юности, исполненные сил, ученики и сподвижники воинственного Арея, украшенные пестрыми шелковыми плащами, кудрявые и белокурые. Взглянув на любого, ты бы вспомнил стих „Одиссея“: ведь на затылке природа „кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила“. ² Горячие арабские иноходцы с гордой поступью были под отроками; на скаку они словно отрывались от земли и стремились ввысь. Казалось, они чувствуют себя участниками пышности, которая сказывалась в богатстве их золотом и серебром отделанной упряжи; словно тешась своей красотой, они круто изгибали шеи, чтобы взглянуть на этот золотой и серебряный блеск. Отроки приближаются размеренным шагом, воинским строем совершая путь. Отстав от них не на много, торжественно выступал эгемон. Его сопровождали и опережали эроты, музы и хариты. Какими словами, милый Кидион, передать тебе осенившие мою душу блаженство и опьянение ликованием?

Кид.: Скажи, друг мой, кто таков эгемон, какого он рода, как ты заметил его на дороге и рассказывай по порядку все остальное, исполняя мою прежнюю просьбу.

VIII. Тим.: Что касается происхождения эгемона, то, судя по тому, что я услышал в ответ на свои расспросы, и по отцовской, и по материнской линии он — потомок богатых и имеющих заслуги домов. Дед его со стороны отца, обладавший значительным богатством и пользовавшийся известностью, был первым из первых в Великой Фригии.

¹ Гомер. Илиада, I, 477.

² Гомер. Одиссея, VI, 230.

Так вот, старинные предания этого деда или [рассказы] о нем сделали древлечение¹ его прозвищем. Отец эгемона не только „в премудрости древлей искусен“;² он — отважный воин и славится как стратиг; в награду за доблесть он получил прекрасную супругу. Ее род также знатный из знатнейших, в жилах ее течет царская кровь, и происходит она из прославленного дома Дук (род этот, как ты знаешь, знаменит великими подвигами; по мнению многих, он получил свое начало в Италии от потомков Энея, а впоследствии обосновался в Константинополе).

Нет человека, который бы не слышал о ее отце, украшенном достоинством ипата и огмеченном величайшими заслугами стратига, даровавшем дочери не только знатное происхождение, но и всяческие духовные совершенства. Все это я узнал от тогдашних моих спутников, знакомых с историей его рода. Немногое, вероятно, из многого и из великого лишь малое стало мне известно по недостатку времени. Но вернемся снова к прерванному рассказу и пойдем дальше.

IX. Итак, во главе шествия, прокладывая дорогу, двигался, как я сказал, отряд воинов. Только затем, словно прервалась сплошная цепь, отстав немного от юношей, показался пышный дука. Ни вечерняя, ни утренняя звезда не являются так дивно, как в этот час предстал перед нами он. „Блестящи очи его, как от вина, и зубы его белы, как млеко“.³ Дука строен телом, высок ростом, прекрасен и соразмерен всеми членами, так что к нему можно отнести известные слова: „нельзя ничего ни отнять, ни прибавить“. Стан его высок и строен, как кипарис, но шея, изгибаясь, несколько клонится долу, словно природа, умеряя чрезмерность его роста, создала этот изгиб, чтобы дука свободно поворачивался навстречу всему. Прежде остального, еще из далекой дали, ты замечал его взор. А когда дука приблизился к нам, стоявшим на дороге и с естественным благоговением дожидавшимся его появления, все в нем стало казаться каким-то изменчивым и неуловимым. Подобно питью, что „с полезными зельями вместе и горечи много содержит“,⁴ выражение его глаз менялось, являя временами прелесть Афродиты; когда ты взглядывался в него пристально, взор его выражал суровость Арея, а немного спустя — величие самого Зевса. Затем глаза эгемона, которые он пристально вперял во все окружающее, совершенно уподоблялись очам Гермеса — так остры и живы они были; взор как бы пояснял его речи и придавал им убедительность. В таком блеске достоинств предстал предо мною дука в этот день.

Волосы его не совсем черны и не очень светлы; смягчая резкость этих цветов, смешение их создавало какой-то удивительно приятный оттенок. Ведь черные волосы кажутся неприбранными и некрасивыми, белокурые же женственны и слишком нежны, а смешение того и другого цветов в мужественность облика вносит некоторую мягкость. Не меньшая искусница, чем сама Сапфо, природа с тщанием брильянтика ювелира отделала его речь, создав ее полной убедительности, прелести и музыкальной соразмерности. Восхищенный ею, ты, несомненно, воскликнул бы, как спартанцы: „Воистину, божественный муж!“ Вероятно, — друг мой, и ты был бы рад услышать его.

¹ παλαιολόγος.

² Гомер. Одиссея, II, 188. Ввиду невозможности выделить эти слова в имеющихся переводах, даем свой перевод.

³ Бытие, XLIX, 12.

⁴ Гомер. Одиссея, IV, 230. Стих перефразирован. (Перевод наш. — С. П. и И. Ф.)

Х. И вот, как только этот доблестный муж вступил в святой храм и обратился с молитвой к мученику, народ стал по обычаю славословить своего эгемона. Дука встал на отведенном для него возвышении и призвал к себе архиерея — так, вероятно, предписывалось правилами или обычаем. Когда затем с великим тщанием (ибо присутствовали столь высокие посетители) были исполнены все подобающие этому дню обряды, зазвучало истинно-ангельское пение, благодаря ритму своему, тону и полной совершенства смене оттенков, становившееся все более сладостным. Песнопение исполняли не только мужчины; женщины, святые монахини, стоя в левом крыле храма и разделенные на два полухория, тоже принимали участие в прославлении мученика. По окончании службы и поминальных обрядов, я, воззвав к святому, испросил у него счастливого возвращения, затем вместе со всем народом и дукой вышел из храма и отправился домой. Какими словами, Кидион, перескажу я тебе все ужасы, которые случились со мной после этого? Если при одном только упоминании о них меня охватывает глубокая печаль, представь себе, что я перенес, познакомившись с тяжелыми бедами и губительными недугами.

Кид.: Говори же, милый Тимарион, и рассказывай о своих мытарствах, ведь из-за них-то я и стремился услышать твою историю. А обо всем прочем ты уже поведал достаточно подробно.

XI. Тим.: Так вот, Кидион, когда после богослужения я добрался до своей гостиницы, меня скрутила жестокая лихорадка; за одну ночь она довела меня до полусмерти и, как я ни торопился поскорее возвратиться в родные края, крепко-накрепко приковала к постели. Она, милый друг, и была причиной задержки, о которой ты спрашивал в начале нашей беседы. Мне казалось необходимым переждать приступ, чтобы, распознав характер болезни, применить надлежащее лечение. День я провел сносно, вероятно, благодаря тому, что питался одной зеленью с уксусом, а на следующий (т. е. на третий от начала болезни) лихорадка снова повторилась, и стало совершенно ясно, что она перемежающегося свойства, ибо врачебное искусство точно определило ее особенности. С этого часа я стал считать болезнь неопасной и, надеясь, что после пятого приступа она и вовсе пройдет (ибо такова ее природа), смело пустился в обратный путь, рассчитывая, что быстро поправлюсь и благополучно вернусь домой. Но на деле облегчение оказалось лишь началом страдания и предвестием смерти. Ведь когда приступ лихорадки прошел, за ним последовало воспаление печени и сильнейший понос, в результате которого я вместе с кровью терял один из основных элементов организма — желчь; понос снес мое тело и терзал желудок подобно змее.

XII. Таким образом, многие напасти разом завладели моим телом. Прежде всего — тяготы путешествия, способные не меньше, чем болезнь, свалить и более крепкого человека; затем — воспаление печени, этот непрестанный внутренний жар, понос, подобный верной смерти, рези во внутренностях, словно когтящие железом и, вдобавок к этому — долгий пост, прямым путем ведущий в могилу. Вьючная лошаценка тащила меня в Византий, измученного всеми бедами, словно безжизненный тук. До поры до времени, милый Кидион, пожалуй, большую часть пути, мое жалкое обессиленное тело это выдерживало, но, когда мы приблизились к Гебру, самой знаменитой реке во Фракии, вместе с путешествием оборвалось и мое существование: мне не суждено было жить дольше.

Здесь сон, отец пресловутой и...¹ смерти, охватив меня, не знаю, как и рассказать об этом, увлек за собой в аид. Я дрожу от страха, когда вспоминаю все пережитое, и ужас лишает меня голоса.

Кид.: Ты не уйдешь от меня, милый друг, прежде чем не расскажешь о своем пребывании в подземном царстве.

ХIII. Тим.: Так вот, Кидион, потому что тело мое было вконец обессилено, как поносом, так еще более того двадцатидневной голодовкой, я погрузился в последний, видимо, сон. В мире, как известно, существуют некие демоны-мстители, по божьему промыслу карающие преступивших его законы, и благие, благом воздающие благочестивым, а также демоны-проводники, которые низводят отделившиеся от тела души к Плутону, Эаку и Миносу, чтобы после испытания по законам и обычаям подземного царства, определилась там их участь и место. Так, Кидион, случилось и со мной; еще до полуночи к моей постели, лежа на которой я только начал забываться, спустились по воздуху темные обликом тенеподобные существа. Едва заметив их, я оледенел от неожиданности и лишился дара речи; как я ни напрягал голос, он мне не подчинялся.

Была ли это явь или сон, я не сумею сказать, ибо от страха лишился способности ясно мыслить. Во всяком случае, видение было таким отчетливым и определенным, что до сих пор словно стоит перед моими глазами. Да, столь ужасные приключились со мной тогда, друг Кидион, вещи. Стоящие над моей постелью демоны словно наложили нерушимые оковы мне на уста то ли своим внушающим ужас видом, то ли благодаря какой-то тайной силе и, лишив меня способности говорить, зашептались друг с другом: „Это — тот самый, — сказали они, — который утратил один из элементов своего существа, так как потерял всю желчь; он не может дольше жить, располагая лишь тремя остальными. Ведь в аиде высечено на стеле изречение Асклепия и Гиппократы, гласящее, что человеку невозможно существовать, лишившись одного из четырех составляющих его организм элементов, хотя бы тело его было в остальном еще крепким. Поэтому, несчастный, — прибавили они уже полным голосом, — следуй за нами и, как мертвец, соединишься с мертвыми“.

ХIV. Хотя и против воли, я последовал за ними (что же мне, не имеющему никакой поддержки, оставалось делать?), подобно им несясь по воздуху, легко, без усилий, лишенный тяжести, не делая движений ногами, как бегущие с попутным ветром корабли, не зная помехи, устремляясь вперед и вперед, так что можно было слышать легкий свист нашего полета, подобный звуку пущенной из лука стрелы.

Когда мы, нисколько не намкнув, переправились через реку, которую молва нарекла Ахеронтом и мои спутники тоже называли так, то приблизились к какому-то отверстию в земле, немного большему, чем обычный колодезь. Зияющий оттуда мрак показался мне отвратительным и страшным, так что я не хотел спускаться. Но демоны заставили меня идти в середине, а затем один из них, вниз головой ринувшись во тьму, угрожающим взглядом велел и мне следовать за собой. Я стал сопротивляться, руками и ногами цепляясь за края колодезя, пока оставшийся на поверхности демон, нанося удары по щекам и спине, не столкнул меня в эту черную дыру. Затем мы прошли долгий путь по мрачной пустыне и, наконец, достигли железных ворот, которые закрывают вход в подземное царство. Никому невозможно спастись

¹ В тексте лакуна.

отсюда бегством: ворота ужасны и величиной своей, и тяжестью, и крепко кованой обшивкой. В них нет ничего из дерева, а все из самого твердого железа; они наглухо затворяются железными засовами невероятного размера, тяжести и толщины.

XV. Перед воротами — стража; драконы с огненными глазами и клыкастый пес, которого элины называли Кербером, страшно скакать, какой свирепый и ужасный, а по ту сторону, подобные теням мрачного вида привратники с отвратительными лицами, заросшие [волосами] и высохшие, словно они спустились сюда прямо из разбойничьего вертепа в горах. Хотя вид их был так устрашающ, заметив моих проводников, они услужливо открыли ворота. Кербер, вилая во все стороны хвостом, приветливо завизжал, драконы зашипели умиротворенно, и демоны повели меня, уже совершенно покорного. Да и как мне было сопротивляться, когда я ни в ком не мог найти поддержки и был обречен на страшное и неведомое мне существование? Едва я ступил за ворота, привратники пристально взглянув на меня, сказали: „Это — тот самый, о ком вчера говорили у Эака и Миноса, что он, потеряв одну из составных частей своего организма и живя с остальными тремя, т. е. без желчи, остается на земле вопреки учению Гиппократ, Асклепия и всего врачебного сонма.

Ну, вводи же этого безумца, позволяющего себе рассуждать об особенностях человеческого организма! Ведь где это видано, чтобы смертный, без одной из четырех основных жидкостей, продолжал оставаться на земле и жить земной жизнью?!”

XVI. Кид.: Все это, милый Тимарион, очень страшно, я понимаю, и сам содрогаюсь от одного твоего рассказа. Но как же, скажи, тебе удалось в такой темени рассмотреть лица привратников и как следует разглядеть все остальное?

Тим.: Аид, друг мой, погружен в полный и непроницаемый мрак, но там пользуются искусственным светом — лучинами, угольями, факелами, — это в ходу у простого народа. А те, кто в прежней жизни были имениты и богаты, зажигают лампы и живут при ярком освещении. Я встречал много таких, когда посещал жилища мертвецов и их трапезы.

Кид.: Рассказывай теперь, пожалуйста, по порядку!

Тим.: Так вот, когда железные ворота закрылись за нами, мы перестали нестись по воздуху, как прежде, со свистом и быстротой, словно торопясь пройти здесь, как по вражеской земле, но стали двигаться неспеша, пешком, медленной поступью, то ли потому, что мои спутники устали от непрерывной гонки, а может быть безжалостные все-таки пожалели меня. Мы миновали множество убогих домишек бедняков, и повсюду их обитатели выходили навстречу моим проводникам и почтительно вытягивались перед ними, словно дети перед учителем.

XVII. Вдруг мы подходим к залитому светом дому; перед ним, прямо на земле лежал старик с небольшой бородой. Он облокотился на левую руку, подпирая ею щеку. Рядом с ним стояла большая медная чашка, наполненная соленой свининой и фригийской капустой, плавающими в жиру. Старик раздумчиво запускал туда руку, загребая еду не двумя или тремя пальцами, а всей пятерней и жадно подносил к губам, словно подхватывая на лету. На вид он казался приветливым и беззлобным и на проходящих глядел добродушно и даже ласково. Взглянув и на меня кротко и дружески, он сказал: „Подойди сюда, садись рядом со мной и угощайся; отдавай здешней еде“. Но я не

согласился — и потому, что перемена судьбы вывела меня из равновесия, и потому, что боялся как бы провожатые не пустили в ход кулаки. Они на каждом шагу обменивались приветствиями с мертвецами, словно вернулись из долгого путешествия и все время останавливаясь, чтобы побеседовать, давали и мне возможность присмотреться к здешней жизни.

Пока я разглядывал этого старика, ко мне подошел какой-то простолюдин, человек как будто вполне приличный, и стал подробно обо всем расспрашивать: кто я, и откуда родом, и какой вид смерти привел меня в аид. Я рассказал ему все чистосердечно и по порядку.

XVIII. Поскольку этот человек вступил со мной в разговор, я, в свою очередь, спросил его, кто тот старик и как его зовут. А добрейший мой собеседник, ставший отныне мне другом, сказал: „Не спрашивай, пришелец, его имени потому, что тебе небезопасно задавать этот вопрос, а мне — на него ответить. Законы Эака и Миноса определили суровое наказание тем, кто спрашивает или сообщает имя этого старика. Согласно их велению, многое из того, что связано с ним, должно сохраняться в тайне, а то, что можно, я тебе расскажу. Родом он из Великой Фригии и, как говорят, отпрыск знатной и прославленной семьи. Он прожил свою жизнь достойно, умер бодрым стариком и теперь, как видишь, проводит здесь дни, купаясь в жиру“. Так сказал мой новый приятель; я в это время оглянулся, и на глаза мне вдруг попались две жирные, толстые, лоснящиеся мыши, похожие на поросят, которых хозяева откармливают пшеничной мукой и отрубями. В волнении от этого неожиданного зрелища я снова заговорил: „Добрейший друг, здесь в аиде в самом деле так же ужасно и отвратительно, как это изображается живыми людьми в их проклятиях. Но что и у вас водятся мыши — это кажется мне самым нестерпимым; ведь меня, из-за отвращения к мышам, несколько примиряла с переселением сюда надежда, что я избавлюсь от этих тварей. А раз мне и здесь суждено воевать с ними, пусть я снова умру и вторично низойду уж не знаю в какое царство!“

XIX. Немного помолчав, этот добряк снова обратился ко мне: „Я удивляюсь, друг мой, твоей необразованности и неосведомленности в самых простых вещах. Неужели ты не знаешь, что мыши — землеродные и что во время засухи, когда поля начинают покрываться трещинами, они через эти трещины выползают на поверхность? Ведь им, по правде, больше пристало водиться под землей и жить в аиде, чем наверху, в домах живых, так как рождаются они здесь и уже отсюда выползают на поверхность. Поэтому дивись не тому, что у нас есть мыши, а тому, что они ручные и живут бок о бок с человеком, не ведая страха перед кошками. Разве ты не видишь, как радостно они следят за этим поедающим солонину стариком, как веселятся, двигают челюстями и облизывают морды языком, будто им достается больше жиру, чем самому хозяину“. И правда, когда я пригляделся к мышам, все так и оказалось, как он говорил. „Замечаешь ли ты, — продолжал мой собеседник, — как они нацелились на его бороду и только и ждут, когда он заснет. Едва они услышат храп, который старик издает во сне, они тут как тут — облизывают его подбородок, измазанный жирной едой, лакомятся доотвала приставшими крошками и остатками и живут этим, как видишь, весьма недурно“.

XX. Небольшая задержка моих провожатых позволила мне узнать все это; вскоре они двинулись с места и, снова пустившись в путь, мы сделали около четырех стадиев и миновали множество домов, пока

не оказались у белоснежного шатра, залитого светом ярких ламп, откуда доносились тяжкие стоны. Я оглянулся вокруг и увидел, что мои спутники снова остановились побеседовать с мертвецами (с которыми они, очевидно, были хорошо знакомы и дружны), незаметно, таясь от их глаз, подошел к шатру и стал разглядывать, что делается внутри и кто так мучительно горько стонет. Там на земле лежал какой-то человек с выколотыми глазами; он покоился на левом боку, опираясь на локоть; ложем ему служил лаконский ковер. Незнакомец был хорошего роста и, хотя не очень плотен, ширококост и с мощной грудью.

„В полный он рост распростерся, забыв о своих колесницах“¹

Муку ядущему хлеб, но утеса лесистой вершины“² не был подобен

Возле него сидел какой-то старец, стараясь уговорами и увещаниями облегчить его тяжчайшие муки. Но несчастный как будто не хотел внять ему; он то и дело покачивал головой, отстраняясь от старика. Изю рта у него струей тек яд.

XXI. Когда я хорошенько разглядел внутренность шатра и, обернувшись в сторону своих провожатых, быстро отошел и стал их разыскивать, я столкнулся вдруг с каким-то давним, судя по виду, здешним жителем, совершенно высохшим, как обычно бывают те, кого сводят в могилу изнурительные лихорадки. Едва взглянув, он по цвету моего лица сразу же понял, что я здесь не старожил (ведь покойники, попадающие в аид, некоторое время сохраняют следы живого румянца и по этой примете их отличают без труда) и, приблизившись, сказал: „Привет тебе, пришелец, расскажи мне, что делается наверху. Сколько скумбрий дают теперь на обол? Сколько тунцов разной породы и селедочек? Почем оливковое масло, вино, хлеб и все остальное? Чуть не забыл спросить у тебя самое главное — каков нынче улов сарделей? Когда-то в той жизни я ими лакомился с наслаждением и предпочитал их зубатке“. Так он спрашивал, и на все вопросы я ответил сущей правдой. А рассказав ему, как обстоят дела на земле, я сам пожелал узнать, кто обитатель шатра, что за старец сидит над ним и какова причина стонов.

XXII. Этот добрый человек стал рассказывать: „Обитатель шатра, чьи стенания ты слышал, — знаменитый Диоген из Каппадокии.

При жизни ты, конечно, знал его историю: как он достиг царства, как пошел походом на восточных скифов, как попал в плен, как впоследствии снова обрел свободу, но, придя в Византий, не вернул себе трона. Во время войны он попал в руки своих врагов и теперь, как видишь, слеп, благодаря их предательству, и, вдобавок, коварно опоен ими губительным ядом. Сидящий подле него старик — один из знатнейших людей Великой Фригии, ближайший советник и сподвижник Диогена при жизни. И теперь, скорбя о его участи, он, в память старинной близости, неотлучно находится при Диогене и стремится, по мере сил, облегчить ему воспоминание о перенесенных муках подобающими словами и увещаниями“.

Такое поведал мне этот простодушный человек. Тут опять появились мои проводники и стали меня подгонять, говоря: „Торопись предстать перед судилищем и освободить нас“.

„И здесь, — воскликнул я, — суды, разбирательства и приговоры, совсем как на земле!“

¹ Гомер. Илиада, XVI, 775 (перевод наш. — С. П. и И. Ф.).

² Гомер. Одиссея, IX, 191 (перевод наш. — С. П. и И. Ф.).

„Тут-то им и место, — отвечали демоны, — ибо тут тщательнейшим образом взвешивается вся человеческая жизнь, и каждому воздается по заслугам, и решения этого суда непреложны“.

XXIII. Такие разговоры мы вели по пути, а пройдя еще немного, встретили человека высокого роста, с совершенно седыми волосами, очень изможденного; он, впрочем, был приветлив и словоохотлив, разговаривая, надувал щеки и широко улыбался.

„Привет вам“, — сказал он моим спутникам, — и спросил: „Кто этот новый обитатель аида, которого вы только вводите сюда?“ С этими словами незнакомец повернулся ко мне и, пристально на меня уставившись, стал внимательно изучать мое лицо.

Немного помолчав он громко и радостно воскликнул: „милостивые боги, да ведь это Тимарион! Мой милый Тимарион, с которым мы не раз делили пышные трапезы, который посещал мои лекции в пору, когда я занимал кафедру риторики в Византии“. Он обнял меня обеими руками и от всей души расцеловал. А я замер, устыженный дружеским приемом человека, по всей видимости, значительного, которого я, однако, не узнавал; я не мог понять, ни кто это такой, ни как этого человека надлежит приветствовать. Он заметил мое замешательство и поспешил избавить меня от него словами: „Неужели, милый друг, ты не узнаешь Феодора из Смирны, знаменитого ритора, чья слава в искусстве произнесения пышных торжественных речей гремела на весь Византий?“

Выслушав это, я ужаснулся теперешней худобе Феодора и всему его облику.

„Учитель, — сказал я, — я помню и голос, и блеск речей, и манеру говорить, и статность, присущие при жизни Феодору Смирнскому. Но, что тело его поражено подагрой, что перед императором он говорил, только если его приносили на носилках, что даже есть ему приходилось в постели, приподнявшись на локте, — это не вяжется у меня с твоим прежним здоровым и цветущим видом“.

XXIV. „Я разрешу, дорогой ученик, и это твое недоумение, — сказал Феодор. — На земле, в той жизни, произнося речи для услаждения императоров, я получал в награду много золота и достиг значительного богатства, которое тратил на пышный стол и сибаритские пиршества.

Ведь ты и сам, как частый мой гость, знаешь, какая поистине царская роскошь отличала эти трапезы. Отсюда моя подагра, узлы на пальцах, обильная слизь, сковывающая мне суставы и делающая их неподвижными. Это породило боли, которые терзали мне душу и тело; с той поры я стал болеть и обессилел. Здесь внизу у меня все иначе: философский образ жизни, простой стол, спокойная и, можно сказать, беззаботная жизнь. Я обуздал свой прожорливый желудок кресс-салатом, мальвой и асфоделем и теперь только понял правоту мудрого беотийца. Ведь люди не знают,

„что на великую пользу идут асфодели и мальва“.¹

Коротко говоря, прежняя моя земная жизнь — это были софистические ухищрения и радующая толпу словесная игра, теперешняя же — философия и подлинное знание, чуждое пустословия и суетного тщеславия.

Я поведал тебе все это из желания покончить с твоими заблуждениями и возобновить нашу прежнюю близость. Теперь ты знаешь обо мне все; в свою очередь, Расскажи просветившему тебя, какой смертью ты сведен в могилу и каков повод твоего переселения сюда“.

¹ Геспод. Труды и дни, ст. 41 (перевод В. Вересаева).

XXV. „По правде сказать, — отвечал я, — никакого повода для этого не было, любезный учитель: ни вражеского меча, ни нападения разбойников, ни несчастного случая, ни продолжительной болезни, которая снедала бы мое тело, но, как мне кажется, только произвол вот этих моих спутников, насильно исторгнувших меня из тела, еще вполне жизнеспособного. Чтобы ты узнал все по порядку, с начала до конца, скажу, что, посетив Фессалонику и уже собираясь в обратный путь, я свалился от жестокой лихорадки, вызванной воспалением печени и сопровождавшейся сильнейшим поносом. Я истекал желчью, лишь слегка окрашенной кровью. Понос мучил меня непрерывно до самого Гебра; ты, конечно, помнишь эту широкую и судоходную фракийскую реку.

На берегу ее я остановился в какой-то гостинице, желая дать отдых и себе, и лошадям, и в этот вечер не страдал от болезни. Поэтому я решил провести там еще одни сутки и, действительно, поступил так. Настала ночь, все в доме погрузилось в глубокий сон; уснул и я.

В недобрый час — около полуночи, когда я еще грезил, эти злобные демоны подходят к моей постели. Увидев их, я потерял голос и не в силах был стряхнуть забытие. В таком состоянии я и был отторгнут от тела, ничего не услышав о причине, кроме слов: „Это человек, который лишился всей желчи — одного из основных, составляющих организм элементов; по приговору Асклепия, Гиппократата и всего врачебного сонма ему нельзя дольше жить“ и затем:

„Несчастный должен быть разлучен со своим телом“.

XXVI. Так они сказали. Теснымым не знаю какой силой, я был сдавлен в своем собственном теле, словно комок шерсти, и мгновенно вытолкнут через ноздри и рот, подобно дыханию. Теперь, как видишь, я низведен в аид и вспоминаю стих:

„Быстро от тела умчалась душа и в аид опустилась“.¹

Однако, если справедливы рассуждения наших злосчастных софистов о предопределении, я еще не исполнил своего земного срока и был отделен от тела насильственно. Теперь, поскольку в подземном царстве существуют суды и разбирательства, исправляющие несправедливость, поддержи своего ученика, когда он внесет жалобу на беззаконие этих преступных демонов“.

Во время этого рассказа я проливал слезы, и Феодор, тронутый ими и полный сострадания, ответил: „Не теряй мужества, друг мой, — я сделаю для тебя даже то, что превышает мои силы, и могу смело пообещать, что ты покинешь аид, чтобы жить во второй раз и обрести столь желанное тебе воскресение. Смотри только, не забудь прислать мне с земли все, по чему я соскучился — моей любимой еды“.

XXVII. „Слова твои, блистательный наставник, — сказал я, — прежде чем они успели осуществиться, — кажутся мне невероятными, чудесными и поистине подобными тем загадочным существам, которыми ваятели и живописцы украшают здания, — гиппокентаврам, сфинксам и другим мифическим тварям древних.

Объясни мне, однако, прославленный из риториков, на что ты надеешься, обещая освободить меня отсюда, когда вдобавок ко всему судьи — Эак и Минос — эллины и враждебны мне, галилеянину, и ты сам — ученик и последователь Христа“.

„На что я надеюсь, — отвечал Феодор, — и тебе хорошо известно. Я ведь обладаю гибкостью ума, которая легко побеждает все доводы

¹ Гомер. Илиада, XVI, 856.

противника и помогает быстро отвечать на любой вопрос и любое возражение, а также находчивостью в выборе надлежащих средств, речью плавной и вместе с тем ясной и, наконец, познаниями в медицине.

Благодаря этому я при самых ничтожных возможностях сумею одолеть пресловутых эллинских богов-целителей.

XXVIII. Ведь Асклепий при своей дутой славе и ложной божественности уже много лет не издает ни звука; а если его заставляет нужда, когда к нему обращаются с вопросами (сам он старательно устраняет всякий повод для беседы), спрашивающий должен строить свою речь в расчете на утвердительный или отрицательный ответ, и Асклепий, в зависимости от своего решения, кивает или отрицательно качает головой; таковы, видишь ли, его вещания.

Гиппократ же, если и говорит, то немного, одну, самое большее две фразы и те в весьма загадочной, совсем не подходящей для судебных речей манере и вдобавок чудно, вроде, например, такого: „Размягченное очищать и приводить в движение, а непереваренное отнюдь“. Или: „При расстройствах желудка и рвотах“. Все это только забавляет судей, говорящих на другом языке.¹

Минос ведь критянин, а Эак — фессалиец, настоящий эллин из древней Эллады; если какой-нибудь иониец или дорянин из попадающих в аид покойников попробует у них разговаривать по-своему, они издеваются над ним и прямо покатываются со смеху.

Что касается Эрасистрата, то он совершенно не посвящен ни в какую премудрость и чужд грамматике; не очень тверд он также и в медицине, а свою жалкую и пустую славишку приобрел лишь благодаря опыту, природной сообразительности и тому, что брался за все. Только поэтом он угадал страсть Антиоха к Стратонике и с тех пор был, как только можно, превознесен.

XXIX. А божественный Гален, которого я трепещу больше, чем остальных, по божьему, может быть, соизволению не участвует сейчас в совете врачей; причина, которой он это объясняет, как я сам недавно слышал — его книга „О различных видах лихорадок“. Теперь он сидит где-нибудь в углу и, спрятавшись от сутолоки и шума, восполняет пробелы в своем сочинении. Как-то он даже сказал, что дополнения будут больше того, что уже написано. Так вот, поскольку Гален отсутствует, мне не составит труда взять верх над этими бессловесными знаменитостями.

Ты только не бойся того, что судьи язычники; они в высшей степени преданы справедливости и за это удостоены судейских кресел.

Вера предстоящих перед ними их нимало не заботит, ибо всякому, по его желанию, дозволено придерживаться своей.

Теперь, когда галилейская вера распространилась по всей земле и подчинила себе и Европу и большую часть Азии, провидению угодно было присоединить к прежним эллинским судьям одного христианина. Феофил, который был некогда императором в Византии, вместе с ними творит ныне суд, и ни одно решение не имеет силы без его согласия. Ты, конечно, знаешь от тех, кто описывал его жизнь, сколь бесконечно справедлив он был, поэтому нет опасности, что мы будем обойдены вниманием или не добьемся справедливости; лишь бы нам предстать, наконец, перед судом.

¹ Не представляется возможным передать оттенок ионийского диалекта, на котором писал Гиппократ, проявляющийся здесь только в особенностях надежных окончаний и отсутствии слияний в глагольных формах.

Воздержись только от выступления, ибо ты не знаком с ведением судебных дел, и предоставь мне право говорить за тебя“.

XXX. Между тем, подошли мои проводники и стали расспрашивать Феодора, знает ли он меня. Он отвечал, что я его ученик, и прибавил: „Я отправлюсь теперь вместе с вами, чтобы выступить за него на суде, против вас, причинивших ему такую несправедливость и до срока похитивших из жизни“. Так он сказал, и мы все вместе пошли вперед; пройдя около пятнадцати стадиев по этой мрачной и темной местности, мы вдруг замечаем мерцание какого-то света.

По мере того, как мы подходили ближе, он становился все ярче, и так, постепенно выйдя из мрака, мы оказались на залитой светом равнине, омываемой водой, поросшей всевозможными деревьями, через которую протекала полноводная река. В пестрых рощах громко и мелодично пели птицы, земля была сплошь устлана травой и, как я услышал от Феодора, давно уже изучившего все в аиде, здесь никогда не бывает ни зимы, ни смены этого цветения; все нетленно и никогда не старится: деревья всегда отягчены спелыми плодами, всегда стоит весенняя пора,¹ ничто не меняется и не подвержено увяданию. Это и были знаменитые на земле Елисейские поля и Асфаделев луг. Так просвещал меня мой софист, когда мы впервые заметили издалика разлитое здесь сияние.

XXXI. Дойдя до этого залитого светом места, мы, по просьбе Феодора, опустились на траву, чтобы немного отдохнуть, а затем отправились дальше по направлению к судилищу.

Как человек не знакомый с судебной премудростью и, кроме того, непривычный говорить, я чувствовал сильное беспокойство и, подойдя к учителю, поведал ему свои опасения. Он же мудрыми словами вдохнул в меня бодрость и уверял, что все решится в мою пользу. „Смотри только, — говорил он, — чтобы ты, ожив вновь, прислал мне с земли то, по чему я скучаю. Ведь с тех пор, как я попал сюда, мне не привелось еще попробовать даже похлебки, сдобренной свиным салом. Все что нужно, я потом растолкую, когда судьи разрешат тебе возвратиться на землю“.

Пока мы вели такого рода беседы и продолжали идти вперед, на расстоянии полета стрелы показалось судилище, где как раз завершилось рассмотрение дела о несправедливом умерщвлении Цезаря Кассием и Брутом.

Каково было решение — не могу сказать, потому что мои помыслы целиком занимала собственная судьба, и я совершенно был поглощен ею.

XXXII. Пока Кассий и Брут выходили из судилища, ко мне приблизились тамошние служители и спросили: — „А ты что скажешь, мертвец? Ничего, тебя скоро введут!“ Мой софист, слегка оттолкнув меня локтем, сам взял слово.

„О служители закона, — обратился он к ним, — скорее введите нас к справедливейшим судьям, и вы станете свидетелями тягчайшего и нечестивейшего из хранимых человеческой памятью преступлений, которое эти прекрасные люди совершили по отношению к злосчастному Тимариону.“

Но раз нас, по здешним законам, охраняет ваше покровительство, мы свободны от своих злокозненных проводников и будем жаловаться Миносу, Эаку и Феофилу из Византия на этих преступивших закон и справедливость мужей. Хватайте их и ведите в судилище, пусть дадут

¹ Так в тексте.

ответ, на каком основании они пренебрегли установлениями подземного царства. Разве дозволено в аиде отторгать душу от тела еще жизнеспособного настолько, что больной сидит в седле и ежедневно поглощает по целой курице?!"

XXXIII. Как только Феодор произнес эти слова, служители, схватив моих проводников, ввели их вместе с нами внутрь и все мы предстали перед Эакон, Миносом и гадицеянином Феофилом.

На эллинах была просторная одежда, головы, как у арабских военачальников, покрыты чалмой, на ногах высокие цвета фиалки крепиды.

Ничего пышного или яркого не было, напротив того, на Феофиле; он был одет с величайшей простотой и даже небрежно во все темное. По рассказам, он и в пору своего царствования был таким же — неказисто и без роскоши одетым, зато блистал и был славен правым судом и другими добродетелями. Хотя Феофил был столь небрежен в костюме, глаза его сияли, а лик был чист и спокоен.

Рядом с ним стоял некто в белом одеянии, безбородый, похожий на евнуха из покоев императриц; и он тоже был светел, и лик его сверкал, подобно солнцу. По временам он шептал что-то на ухо императору. Я стал говорить моему учителю: „В том, кто восседает на судейском кресле я, благодаря твоему недавнему рассказу, узнаю Феофила из Византии, а кто стоящий подле него евнух — не могу догадаться“. Феодор ответил: „Неужели, дражайший Тимарион, тебе неизвестно, что при каждом христианском императоре есть ангел, который руководит его поступками. И сюда, в аид, они следуют за императорами подобно тому, как не оставляют их при жизни“.

Пока мы обменивались такими речами, служители судилища дали знак, чтобы воцарилась тишина; мой софист надул по своему обыкновению щеки, придав лицу значительное выражение и, потирая руки, громким голосом стал говорить.

XXXIV. „Тимарион, сын Тимоника, обвиняет Оксибанта и Никтиона, проводников усопших. Законы подземного царства недвусмысленно гласят, что душа до тех пор не должна быть низведена в аид, пока тело целиком или в одной из существенных своих частей не будет разрушено и не лишится душевных сил; что даже после того, как они разобщатся, душа, пребывая вне тела, целых три дня должна находиться рядом; только по прошествии этого срока проводникам усопших дозволяется овладеть ею. И все же Оксибант и Никтион презрели эти божественные установления и, когда Тимарион был еще здоров, ел, пил и сидел в седле, они, эти не в меру исправные и рьяные проводники, в гостинице на берегу Гебра, появились перед ним среди ночи и насильно отторгли от тела душу, еще неразрывно с ним соединенную и не поддающуюся их воле, от чего она до сих пор не успела зажить, и с нее продолжает каплями струиться кровь; ведь душа Тимариона, когда проводники насильственно овладели ею, была прочно связана с телом.“

Поэтому, о судьи, справедливо, чтобы Тимарион вновь вернулся на землю, обрел собственное тело и сполна прожил отпущенный ему судьбою срок. Лишь после этого, когда наступит естественный предел его существования, ему надлежит быть отторгнутым от своей плоти, вновь низведенным в аид и неизбежно сопричисленным сонму мертвых“. Он кончил, и Минос, гневно взглянув на моих проводников, говорит: „Теперь ваша очередь отвечать, злокозненные! Знайте, что тяжкой будет расплата, если окажется, что вы действительно преступили законы“. На это более дерзкий Никтион заметил:

XXXV. „Мы, о божественные судьи, с незапамятных кроновых времен несущие эту службу, хорошо осведомлены обо всем, что касается мертвых, и знаем причины, по которым души низводятся в подземный мир. Этот злополучный Тимарион, как мы заметили, на пути из Фессалоники до величайшей фракийской реки потерял вследствие поноса четвертую часть необходимых для жизни элементов, т. е. желчь. Знаменитейшие врачи научили нас считать несогласным с законами природы, чтобы человек продолжал жить, буде он обладает лишь тремя основными элементами организма. Узнав, что Тимарион в течение тридцати суток истекал желчью, мы пришли и отозвали его душу, в уверенности, что ей не полагалось долее оставаться в таком ослабевшем теле.

Изрекайте же, справедливейшие судьи, ваш приговор, и мы беспрекословно подчинимся законам“.

Таково было оправдание моих проводников. Судьи недолго пошептались между собой и решили в этот день не принимать никакого решения. „Тут, — говорили они, — необходимо присутствие великих врачей Асклепия и Гиппократа; только при их участии может быть вынесен справедливый приговор, так как дело требует врачебных познаний. Поэтому, отложим пока разбирательство. Через два дня мы соберемся вновь и вместе с врачами разрешим вашу тяжбу“.

С этими словами судьи поднялись со своих мест и направились в более отдаленную часть луга. А нас обоих вместе с моими проводниками здешние служители повлекли в недавно покинутые мрачные урочища, но не в самую глубину их, а туда, где они граничат с Елисейскими полями, и порождаемый их сопредельностью свет кажется сумеречным.

XXXVI. Пока судьи предварительно обсуждали дело, Феодор наклонился к моему уху и прошептал: „Подойди вон к тому дереву (он показал пальцем на высокую, густую сосну), под ним ты найдешь различные овощи и обычные, и диковинные для тебя. Набери себе всяких — ничего вредного здесь не растет, но все приятно на вкус и годится в пищу и, раз уж тебе предстоит задержаться, мы вместе с удовольствием этим полакомимся. Здешние овощи, впитывая благоуханные дуновения и воздух, обладают приятным запахом и до того, как попадут в желудок, и впоследствии“.

Я с готовностью послушался учителя и, отправившись к сосне, набрал столько овощей, сколько мог унести. Не успел я вернуться назад, как все мы — и наши нынешние проводники, и мои прежние, с которыми у нас была тяжба, двинулись в путь. На пороге светлого и темного пределов мы провели двое суток, а с наступлением третьих встали, как сказал бы живой, почти с петухами и вновь направились к судилищу. Быстро совершив путь — никто не успел нас опередить — мы очутились перед судьями.

„В ризах шафранного цвета заря над землей распростерлась“.¹

Асклепий и Гиппократ, сидя рядом с судьями, совещались и решали, какого я заслуживаю приговора; они потребовали, чтобы глашатай судилища ознакомил их с три дня назад внесенной жалобой на Никтиона и Оксибанта, и он, как велит обычай, произнес: „Лица, три дня назад внесшие жалобу на Никтиона и Оксибанта, пусть приблизятся, дабы выслушать сейчас решение божественного суда“.

¹ Гомер. Илиада, XXIV 694; см. также VIII, 1.

XXXVII. Тут служители ввели нас всех, и истцов и ответчиков, перед лицо судей. Мой учитель обдумывал свою речь, а я внимательно разглядывал Асклепия и Гиппократ. Лица первого мне, однако, не удалось увидеть: оно было скрыто сверкающим покрывалом из золотых нитей, прозрачным лишь настолько, чтобы Асклепий мог все видеть, сам оставаясь невидимым — суетная гордыня терпящего пренебрежение божества. Гиппократ же напоминал араба в своей высокой, заостряющейся кверху чалме. На нем была одежда до полу, ничем не подпоясанная, сплошная от головы до пят, без выреза где бы то ни было; он носил длинную седеющую бороду и был, подобно стойкам, наголо острижен. Может быть, от него перенял такую манеру стричься Зенон, заповедавший ее и своим последователям. Пока я рассматривал судей, секретарь достал протокол и начал громко читать:

„Тимарион, сын Тимоника, обвиняет Оксибанта и Никтиона...“ Далее последовало все от начала до самого конца, и я вновь услышал о предварительном рассмотрении дела и о решении судей отложить его до того дня, когда Гиппократ и Асклепий будут присутствовать в совете.

По окончании чтения знаменитые врачи, посоветовавшись вполголоса друг с другом и пригласив также Эрасистрата принять в этом участие, некоторое время хранили молчание. Гиппократ прервал его и, метнув грозный взгляд на моих проводников, произнес: „Дайте ответ, Никтион и Оксибант, какой болезнью страдала душа Тимариона? Застали ли вы ее уже отторгнутой от тела? И не разобили ли насильственно с плотью, когда они были еще прочно связаны, чтобы низвести в эти пределы?“

XXXVIII. После краткого раздумья они стали оправдываться следующими словами: „Мы не совершили, искуснейший из врачей, ничего незаконного или противоречащего установленным вашей наукой правилам. Ведь сами вы строжайше определили, что ни одно существо не может не только жить на земле, но даже родиться, не обладая четырьмя основополагающими элементами: кровью, слизью, желчью черной и желтой. Если же кто-нибудь из живых лишится одного из этих четырех элементов, он становится нежизнеспособным. Руководствуясь этим, мы несли на земле возложенную на нас службу и, когда узнали, что злополучный Тимарион в течение тридцати суток, не переставая ни днем, ни ночью, истекает желчью, почти всегда смешанной с кровью, заключили, умудренные своим искусством, что ему невозможно жить долее. В самом деле, как же у него после всего этого, при безостановочном поносе, могла сохраниться хотя бы часть этого основного жизненного сока? Поэтому-то не потребовалось никаких усилий, чтобы отделить душу Тимариона от тела. Стоило только прикинуть к его ноздрям, и мы без малейшего сопротивления, одним легким движением губ исторгли ее из глубин, ибо тело было обессилено длительной болезнью“.

Сказав это, Никтион и Оксибант смолкли, а служители судилища обратились к нам: „Изложите и вы, со своей стороны, что считаете нужным, но как можно короче, чтобы первый из врачей — бог врачевания Асклепий мог удалиться из совета, где он давно не был и куда по многу лет не приходит с тех пор, как причислен к сонму бессмертных и избегает общения с людьми“. Тут мой софист раздул щеки и начал так:

XXXIX. „Божественные судьи и славные князья науки! То, о чем ораторствовали эти низкие люди, привлекая, в ущерб справедливости,

все красноречие на погибель несчастного Тимариона, вы уже выслушали. Теперь остается убедиться, что эти хитросплетения уготованы ими во вред только самим себе“.

В это время Гиппократ наклонился к уху одного из служителей и осведомился, кто этот развязный вития, который защищает меня, и откуда родом. А тот стал рассказывать, что Феодор, будучи родом из Смирны, вырос в Византии, занял там кафедру риторики, наполнил двор громом своих речей и удостоился великих почестей и милости императоров. Вот что мне удалось услышать из его рассказа Гиппократу. Феодор, между тем, продолжал: „Что Тимарион не был еще обречен смерти, признают, надеюсь, и сами проводники. Как же могло случиться, что тело человека, который верхом покинул Фессалонику, оказалось мертвым и потеряло связи с жизнью? Оставляя все это в стороне, я напомним, что законы царства мертвых повелевают, чтобы после отделения души от тела, по умершем совершались, в зависимости от его веры, причем каждой вере обычные иные, заупокойные обряды (христиане совершают их на третий, девятый и сороковой день) и только затем душе надлежит низойти в подземное царство. Несмотря на это, Никтион и Оксибант, не дожидаясь совершения священных заупокойных обрядов, препроводили душу Тимариона в ад“.

Тогда Никтион запальчиво воскликнул: „При Тимарионе не было никого, кто мог бы совершить в его память все необходимое. Ведь во Фракии он был проездом и, как чужой для всех, не имел человека, который справил бы...“¹

— „А если вы утверждаете, что не злокозненно исторгли душу Тимариона, пусть сведущие люди осматрят ее; на ней до сих пор висят клочья мяса, так как она была насильственно разлучена с телом“.

XL. Для этого были тотчас назначены Оксидеркион и Никтолевст. Тщательно осмотрев мою душу, они сообщили суду следующее свое заключение: „Поверхность тимарионовой души повсюду, даже при беглом осмотре, обнаруживает следы борьбы, т. е. обычные для павших на поле сражения пот и кровь. После тщательного исследования отдельных ее участков мы заметили в некоторых местах свежую кровь и почувствовали свойственный живому запах; кроме того, выяснилось, что на ней остались частицы мяса, также окровавленные и не успевшие омертветь“.

„Вот вам, судьи, подтверждение моих слов! — с торжеством закричал Феодор. — Как же могло тело Тимариона, раз душа была еще столь прочно с ним связана, утратить один из своих основных элементов, когда, по мнению величайших врачей, при потере любого из них природа без малейшего сопротивления порывает связи тела и души?“

И то обстоятельство, что извергнутая Тимарионом жидкость была по своему происхождению не элементарной, но представляла собой превращенную вследствие воспаления печени в желчь ежедневно потребляемую пищу, и то, что экскременты больного неизбежно были той же природы, т. е. содержали желчь и кислоту, — станет очевидно после исследования. В его душе² вы обнаружите желчь в области печени, где происходит образование крови; в результате этого потребляемая пища была отравлена желчью, и желчь входила в состав

¹ В рукописи лагуна, кончающаяся, как видно из следующего пассажа, речью Феодора из Смирны.

² По представлению автора, душа умершего являет собою точный слепок его физического облика; поэтому Феодор из Смирны узнает Тимариона в аиде, а эксперты обнаруживают на поверхности души кровь и в области печени желчь.

извержений. Поэтому они представляли собой не элементарную чистую желчь, но обычные экскременты, смешанные с желчью, вырабатываемой, вследствие воспаления печени, в количестве, превышающем нормальное¹.

XLI. Этими словами Феодор кончил свою речь. Судьи некоторое время молчали, ибо глашатай потребовал полной тишины, а затем после краткого совещания с врачами, когда черепки для голосования были по обычаю опущены в стоявшие тут же урны, вынесли мне оправдательный приговор.

Вслед за этим началось составление протокола. Тут выступил на сцену некий софист из Византии, который, как рассказали мне служители, благодаря своим способностям и быстроте, давно уже исполнял в судилище эти обязанности. „Сейчас ты сам увидишь, — прибавили они, — как быстро он продиктует писцу только что вынесенный приговор“. Итак, после краткого перерыва судьи послали за ним, и когда софист в сопровождении Аристарха появился, шаг за шагом перечислили ему отдельные пункты своего решения. Софист тотчас же принялся диктовать, заметно заикаясь, так как и здесь не избавился от своей кривой губы. Аристарх записывал его слова, а Фриних был дан ему в помощники.

Готовый приговор передали секретарю, а затем громко, чтобы все слышали, огласили.

„Божественным советом великих врачей и богом врачевания Асклепием постановлено, чтобы Никтион и Оксибант, проводники усопших, преступившие законы подземного царства, с этого дня оставили свою службу, Тимарион же был возвращен на землю и водворен в собственное тело; лишь по истечении определенного ему судьбою срока, после того, как над ним будут совершены положенные заупокойные обряды, Тимариону надлежит быть вновь низведенным в аид теми, кто будет тогда отправлять эту службу“.

XLII. Затем судьи поднялись со своих мест, и совет был распущен. Эак, Минос и Феофил направились в свое обычное пристанище на Асфоделевом лугу, в другую часть которого торжественной поступью устремился вместе с остальными врачами Асклепий.

Христиане ликовали, испускали громкие клики, обнимали моего мудреца из Смирны и превозносили до небес за удачный конец речи, ее построение и расположение частей. Те же служители, которые в свое время ввели меня в судилище, теперь провожали нас через аид, так как на них была возложена обязанность вывести меня на землю. И вот, когда мы повернули туда и стали пересекать пределы мрака, мы достигли той части подземного царства, где находились жилища философов и риторов. Мой учитель, утомленный в равной мере и путешествием, и умственным напряжением, стал просить проводников, чтобы я вместе с ним провел эту ночь в обители мудрецов, ибо мое отправление на землю было назначено уже на утро, а ему жребий судил оставаться здесь вечно.

Далее случилось так, что

„Прочие боги, равно как и мужи, бойцы с колесницы,
Спали всю ночь, лишь меня не радовал сон безмятежный“.¹

Охваченный жаждой как можно больше узнать о царстве мертвых, я ночь напролет не смыкал глаз, неустанно наблюдая за всем, что происходило вокруг.

¹ Гомер. Илиада, II, 1—2. Автор перефразирует текст и вместо „Зевса“ пишет „меня“.

XLIII. Я видел Парменида, Пифагора, Мелисса, Анаксагора, Фалеса и других учредителей философских школ; все они спокойно сидели рядом, мирно и без споров беседовали друг с другом, обсуждая некоторые положения своей науки. Только Диогена все с отвращением сторонился и не допускали в свое собрание, так что он без усталости ходил из стороны в сторону и вследствие своего необузданного и дерзкого нрава готов был сцепиться с первым встречным. Я был также свидетелем того, как Пифагор резко оттолкнул Иоанна Итала, желавшего примкнуть к этому сообществу мудрецов. „О, дерзостный, — сказал он, — надев на себя одеяние истинного галилеянина, которое принявшие крещение выдают за божественные святые ризы, ты стремишься общаться с нами, чья жизнь была отдана познанию постижимой рассудком мудрости? Либо скинь это вульгарное платье, либо сейчас же оставь наше братство!“ Иоанн не пожелал расстаться со своим одеянием. За ним по пятам следовал похожий на евнуха человек, скорее всего шут, очень остроумный и бойкий на язык, который в каждого встречного стрелял своими ямбами. Был он, впрочем, совершенной пустышкой, хотя хвастал бог знает чем, обманывая невежественную толпу. Кому ни придется встретиться с ним, никто не найдет в нем ни зернышка мудрости и ни капли приятности. Казалось, этот человек целиком усвоил нрав своего господина — тот ведь такой же завистливый, злоречивый, легкомысленный и так же любит пускать пыль в глаза, а к тому же обладает еще и другими пороками, обычно сопутствующими перечисленным.

XLIV. В аиде Иоанну суждено было найти достойного противника; стоило ему только, проходя мимо собаки Диогена,¹ чья дерзость после смерти значительно увеличилась, пустить в ход свое обычное хвастовство, как он негаданно поплатился самым жестоким образом. Диоген, не стерпев кичливости Иоанна, накинулся на него с лаем и рычанием, как злой пес; тот, в свою очередь, облаял Диогена, так как сам был из школы киников, и в результате они сцепились. Иоанн зубами впился Диогену в плечо, а тот сдавил ему горло и наверняка задушил бы, если б римлянин Катон, проникший в общество философов, не спас своего соотечественника. „Ничтожество, — крикнул Диоген, — сам Великий Александр, целый Азией управлявший, как собственным поместьем, подойдя ко мне в Коринфе, когда я грелся на солнце, держался со мной робко и почтительно. А ты, константинопольское отребье, ненавидящий даже своим галилеянам, разговариваешь дерзко и кичливо?! Клянусь кинической философией, зачинателем которой я признан повсюду, если ты еще раз осмелишься заговорить со мной, придется тебе вторично подышать подлой смертью“. Тут Катон взял Иоанна за руку и увел далеко прочь; когда они достигли пределов, населенных софистами и риториками, те вскочили со своих мест и стали швырять в него камнями, крича: „Убери его, Катон! Нам он совершенно чужд, так как за всю свою жизнь не достиг ничего в грамматике, а писания его были общим посмешищем“. Под влиянием столь тяжелых оскорблений Иоанн с криком бросился бежать. „О, Аристотель, Аристотель, — взывал он, — где вы, силлогизмы и ухищрения диалектики? Если бы вы сейчас пришли мне на помощь, я бы наголову разбил здешних незадачливых философов и софистов и прежде всего этого пафлагонского свинопаса, Диогена“.

¹ Непереводимая игра слов: по-гречески, *кукиос* значит и „собачий“ и „кинический“.

XLV. Между тем вернулся давешний софист из Византия и приблизился к философам; его встретили радостно: „Привет тебе!“ — слышалось со всех сторон. Несмотря на это, он разговаривал с ними стоя, и ни философы не приглашали его сесть, ни сам он этого не делал. Софисты же, когда он достиг их обиталища, оказали ему большие почести: все, как один, встали при его появлении. Когда византиец уставал, он либо садился тут же, в их кругу, либо покоем на возвышении, в кресле, которое ему приносили. Все восхищались прелестью и сладостью его речей, ясностью и простотой слога, плавностью манеры и умением так подбирать слова, чтобы они соответствовали и приличествовали какому угодно содержанию. Часто софисты, видя его, повторяли „О, светозарный император!“ Это, оказывается, как я узнал из расспросов, были первые слова его речи, обращенной к императору.

Ки д.: Что же, любезный Тимарион, неужели ты больше ничего не расскажешь о своем учителе из Смирны? Как к нему относился синедрион философов?

Тим.: С этими блистательными основателями целых школ, друг мой, Феодор почти не общался, если не считать его редких вопросов о какой-нибудь частности их учения. Обычно он беседовал с риторам и софистами — Полемоном, Геродом и Аристидом. С ними, как с земляками, он держался без робости и беседовал непринужденно; а они приглашали его в свой кружок, лишь только он появлялся, и делали советчиком и судьей всяких риторических фигур, описаний и других тонкостей своего искусства.

XLVI. Все это, друг мой, я узнал за ту летнюю ночь, которую провел вместе со служителем судилища¹ и Феодором. Они, за поздним часом, предавались сну, тогда как я все время посвящал наблюдениям. На утро мой софист подошел и стал торопить меня: „Скорее собирайся, дражайший Тимарион, чтобы отправиться на землю. Знай, что за многие годы никому другому из умерших не выпадало на долю такое счастье. Смотри только, не забудь прислать мне всего, на что меня тянет“.

„С большим удовольствием, — отвечал я, — я предоставляю к твоим услугам все, что могу. Говори, чего тебе хочется, чтобы я мог тебе угодить; перечисли все, в чем испытываешь нужду“.

„Пошли мне, милый, пятимесячного ягненка, парочку свежих жирных трехгодовалых куриц, какими торгуют в птичьих рядах на базаре, и у которых корм, благодаря искусству людей, задававших его, толстым слоем откладывается на ножках; пошли также молочного поросеночка не старше месяца и вымя молодой свиньи, как можно более жирное и сочное.“ Тут Феодор заключил меня в объятия и на прощание сказал: „Счастливого пути, возвращайся на землю! Без помехи и в полном здравии постарайся добраться до своего дома, прежде чем слух о твоей смерти дойдет до Византия, и все близкие и друзья, которых у тебя, помнится, много, успеют оплакать твою гибель“. После этого я с ним расстался, и мы, не теряя времени, отправились в путь, нигде больше не задерживаясь. Слева от дороги я успел, однако, заметить Филарета из Армении, Александра из Феры и злодея Нерона, копавшегося в куче человеческого навоза, зловоние которого достигало моего носа. Вскоре мы дошли до устья ведущего в аид колодца, без

¹ Здесь Тимарион впадает в противоречие: в гл. 42 он рассказывал о двух служителях судилища, которым было поручено вывести его на землю.

труда поднялись по нему на воздух, и глазам моим предстали Плеяды и Большая Медведица.

XLVII. Я был теперь в недоумении, куда держать путь, чтобы найти свое тело, но неся по воздуху, словно гонимый дуновением ветра, пока не достиг берега реки и не узнал гостиницу, где оставался мой труп. Здесь, на берегу Гебра, провожатый покинул меня, и я сквозь отверстие в крыше, куда уходит дым очага, проник в дом. Прикинувшись к своему телу, я вновь вошел в него через ноздри и рот. Оно совершенно застыло от стужи и было охвачено оцепенением смерти, так что этой ночью мне грозила опасность замерзнуть. На утро, быстро собрав свои вещи, я отправился в Византий.

И вот, целый и невредимый, милый Кидион, я рассказываю тебе свои приключения. А ты окажи мне услугу — най и еще не погребенных покойников, которым можно было бы отдать заказанные мне Феодором лакомства, чтобы таким образом переправить их моему учителю. Пусть только это не будут порядочные люди, привыкшие к чистоте и опрятности, которым такое поручение, вероятно, будет противно, а какие-нибудь грязные пафлагонцы с базара, почтущие за честь для себя спуститься в ад с куском свинины подмышкой. Однако, уже время спать. Давай, мой друг, распрощаемся и отправимся по домам.

ГЕОРГИЙ ГЕМИСТ ПЛИФОН. РЕЧИ О РЕФОРМАХ

(Перевод и предисловие Б. Т. Горянова)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди византийских писателей, историков и философов последнего века существования империи особое место занимает Георгий Гемист Плифон, перевод двух речей которого мы публикуем в этом томе „Византийского Временника“.

Биографические сведения о Плифоне крайне скудны. Мы не знаем точно ни года его рождения, ни года смерти. Известно лишь, что он только на несколько лет пережил падение Константинополя. Однако, исходя из встречающегося у Георгия Трапезунтского указания, что Плифон жил почти сто лет, дату его рождения относят обычно к 1355 г.¹ Известно, что в юности ему пришлось провести несколько лет в турецком плену в Адрианополе, обращенном в это время в резиденцию султана.

В дальнейшем Плифон переехал в Мистру, где усиленно занимался литературой и философией. В это время им были написаны некоторые трактаты на религиозные темы, исторические, географические и астрономические произведения. Наиболее известным из этих ранних произведений Плифона является его „История Греции после битвы при Мантине“. К 1415 г. относятся его докладные записки императору Мануилу II Палеологу (1391—1425) и его сыну деспоту Феодору Палеологу Младшему о положении в Пелопоннесе, в которых намечен широкий план социально-политических реформ, имевших целью спасение империи.

Когда император Иоанн VIII Палеолог (1425—1448) в начале своего царствования прибыл в Морею, он советовался с Плифоном о важном

¹ C. Alexandre in; Pléthon. Traité des lois, Paris, 1855, p. XL, n. 2.

политическом деле того времени — о церковной унии. Как это видно из письма Георгия Схолария к экзарху Иосифу, к этому времени была уже закончена основная работа Плифона о законах.¹ В 1437 г. он был назначен сопровождать императора Иоанна VIII Палеолога на Флорентийский собор, где решался вопрос о церковной унии. На соборе Плифон был включен в избранную из греков комиссию шести, которая должна была подготавливать материалы для диспутов. Свое пребывание во Флоренции Плифон широко использовал для установления связей с деятелями литературы, науки и искусства. Там он познакомился с Косьмой Медичи и в частых беседах разъяснял ему основные положения платоновской философии, тогда еще не известной в Италии. По просьбе многих лиц, в том числе и самого Медичи, Плифон составил тогда свой небольшой трактат о различии между аристотелевской и платоновской философией — „περί ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρειται“.² Этот трактат вызвал новую вспышку борьбы между аристотелизмом и платонизмом.

После собора Плифон вернулся в Пелопоннес, где занял в Мистре судейскую должность. Обязанности судьи он исполнял до конца своих дней. Год смерти Плифона, как выше сказано, точно не установлен. На основании ряда соображений издатель текста произведения Плифона о законах К. Александр относит его кончину ко времени между 1450 и 1456 гг. Один из почитателей Плифона Малатеста в 1475 г. извлек его останки из могилы в Мистре и перенес их в Римини.³

Важнейшее произведение Плифона — это трактат „Законы“ (Νόμοι), где он изложил свои религиозно-философские и политические взгляды.⁴ Против идей Плифона, отраженных в этом произведении, выступил Георгий Схоларий, будущий патриарх Геннадий. Геннадий говорил впоследствии, что он вступил в эту борьбу скорее ради защиты религии, чем из любви к Аристотелю.⁴ В письме к экзарху Иосифу Геннадий рассказывает, что после смерти Плифона его книга попала в руки правителей Пелопоннеса, которые и передали ее Геннадию. Сперва он хотел сохранить те главы, которые касались физики, логики и т. п., но, прочтя книгу заново, он пришел к убеждению, что ни одна часть этого сочинения не должна избежать цензуры, так как все оно пронизано язычеством, и греховность сквозит в каждом слове.⁵ Признанный языческим, труд Плифона был сожжен, за исключением нескольких листов, сохраненных в качестве вещественных доказательств.

Письмо Геннадия к экзарху Иосифу носило официальный характер. Это видно из того, что оно кончается предписанием всем, кому попадет в руки книга Плифона, сжечь ее; те же, кто ее спрячет, будут подвергнуты отлучению от церкви.⁶

Во вступлении к этому сочинению Плифон говорит, что эта книга трактует „О законах и о лучшем государственном устройстве, о котором думали люди и к которому и порознь, и сообща (καὶ ἰδίᾳ καὶ κοινῇ) стремились, добиваясь, чтобы человечество могло вести, насколько это возможно, прекраснейшую, счастливейшую жизнь“.⁷ Однако как раз те листы трактата, которые касаются устройства идеального

¹ С. Alexandre. Ук. соч., стр. 412—413.

² Изд. J. P. Migne. Patrologia graeca, t. CLX, col. 889—934.

³ С. Alexandre. Ук. соч., стр. LXXXVIII.

⁴ Письмо Геннадия к Марку Эфесскому. С. Alexandre. Ук. соч., стр. 288—291.

⁵ С. Alexandre. Ук. соч., стр. 438.

⁶ Там же, стр. 440.

⁷ Там же, стр. 16.

государства, стали жертвой огня. Но мысли Плифона о государственном устройстве, к счастью, сохранились в двух его речах о положении в Пелопоннесе. Эти речи Плифона являются одним из ценнейших памятников по истории социально-политических идей в Византии XV в.

Мысль о необходимости широких реформ государственного и общественного устройства родилась у Плифона в условиях тяжелой внешне-политической обстановки начала XV в., когда самое существование Византийской империи было поставлено под угрозу.¹ В письме к Мануилу II Палеологу² Плифон прямо называл политику императора в Пелопоннесе неправильной, утверждая, что она не только не способна использовать внешние средства для защиты от турок, но и игнорирует необходимость укрепить государство посредством прочной внутренней организации. Предваряя то, о чем он впоследствии будет говорить в речах о положении в Пелопоннесе, Плифон указывал в письме, что в первую очередь должно быть создано народное войско. В 1415 г. император прибыл в Пелопоннес.³ Все население полуострова было привлечено к строительным работам для укрепления перешейка.⁴

В это время как раз и была написана речь Плифона к императору Мануилу, которая начинается пространными рассуждениями о значении Пелопоннеса; автор называет его важнейшей областью Византийской империи. По мнению Плифона, пелопоннесское население является древнейшим и самым чистым типом греческого народа. Плифон доходит до утверждения, что „с того времени, как помнят люди, эту страну населяли только греки, и никакие другие народы здесь никогда не жили“. По его словам, даже „пришельцы, временно завладевшие этими местами, ... ничего не изменили, так как греки постоянно владели этой страной и никогда ее не покидали“ (гл. 2). Далее Плифон излагает преимущества географического положения Пелопоннеса. По своей естественной безопасности, — говорит Плифон, — „ни одна страна не может иметь лучшие условия“, предоставляя „населяющим ее возможности, не имея больших вооружений, отражать всякие вторжения... Через всю страну тянутся сплошные горные цепи, подобные естественным крепостям, вследствие чего враги, даже если бы им удалось захватить [находящиеся внутри] равнины, не могли бы овладеть всей страной“ (гл. 4). Эти особенности истории и географии Пелопоннеса должны были доказать Палеологам необходимость обратить особое внимание на его устройство (гл. 5).

Нечего и говорить, что рассуждения о неизменности этнографического состава населения Пелопоннеса лишены всяких оснований. Если современная наука и не принимает положения И. Ф. Фальмерайлера о полной славянизации Пелопоннеса и исчезновении там греческого

¹ Cp. F. Schultze. *Geschichte der Philosophie der Renaissance*. Bd. I. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen, Jena, 1874, S. 39.

² Там же, стр. 41. Это письмо напечатано впервые у J. Müller. *Byzantinische Analekten*. Sitzungsberichte der phil.-hist. Klasse d. Akad. d. Wiss., Wien, Bd. IX, 1852, S. 400 ff.

³ G. Phrantzes, ed. I. Bekker, Bonn, 1838, p. 96; I, 35, p. 107.

⁴ Об укреплении императором Мануилом Коринфского перешейка Дука совсем не упоминает, а Халкокондиль сообщает лишь очень кратко (Chalcocondyles, rec. I. Bekker, Bonn, 1843, p. 183 sq., cf. p. 216). Гораздо подробнее известие Франдзи в первой книге, где он рассказывает, что император через 26 дней после своего прибытия в гавань Кенхреа, именно 8 апреля 1415 г., приказал очистить перешеек и на всем протяжении от одного моря к другому возвести стены с 153 укреплениями на известном расстоянии друг от друга (G. Phrantzes. I, 33, ed. Bonn).

населения, то во всяком случае нет никакого сомнения в том, что в VI—VIII вв. славяне заселили почти всю Грецию, в том числе Пелопоннес.¹ Славяне оказали глубокое влияние на формы общественного устройства Византийской империи. Сейчас излишне повторять прочно вошедшие в науку положения о том, что славяне своим общинно-родовым строем „омолодили“ Византию, ускорили процесс ее феодализации, внесли в ее жизнь важные изменения. Плифон в своих построениях исходил из представлений о неизменном и стабильном общественном строе пелопоннесских греков, которые, по его мнению, к XV в. оставались такими же, какими они были в классическую эпоху античной Греции. Нужно вообще заметить, что идеализация классической древности заходит у Плифона так далеко, что он в своих речах о проектах социально-политических реформ не упоминает ни одним словом о тысячелетней истории Византийской империи.² Для Плифона, например, враждебные действия турок, угрожавших существованию империи, являются лишь формой мести за покорение их далеких предков, которых он называет паропамисадами, живших на территории Афганистана и завоеванных Александром Македонским на его пути в Индию.³

Свое обращение к императору Мануилу II Плифон писал, когда турки-османы, самые жестокие ассимиляторы, калечившие сотни лет балканские народы,⁴ прочно укрепились на Балканском полуострове и все теснее сжимали кольцо вокруг Византийской империи. Поэтому одно из первых мест в предложениях Плифона по переустройству общества и государства занимают проекты реформ, относящихся к преобразованию военного устройства Византии.

На протяжении многих веков система стратиотских участков являлась основой обороноспособности империи. Однако уже при Комнинах сделаны были большие шаги в сторону вытеснения стратиотского войска наемниками. К концу XIII—началу XIV в. система воинских участков была почти полностью разрушена. Смертельный удар этой системе нанесло полувековое господство латинских феодалов. Несмотря на некоторые меры, принимаемые византийским правительством для восстановления и укрепления стратиотских участков, эта система в эпоху Палеологов терпит окончательное крушение. Однако память о ней была жива в умах передовых людей Византии. Понятно поэтому враждебное отношение к распространению системы наемных войск, которое мы встречаем у Плифона. В обращении к императору Мануилу Плифон (гл. 9) упоминает о проекте нового налога с целью содержания армии наемников для охраны истмийских крепостей. Мы не знаем,

¹ См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945, стр. 137 сл.

По вопросу об оценке трудов Фалльмерайера см. А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи. „Вестник Древней истории“, 1 (6), М., 1939, стр. 294. См. также перечень источников и использованной литературы в статье Б. Т. Горянова. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. Там же, стр. 308—318; оценка трудов В. Г. Васильевского по этому же вопросу дана в труде акад. Б. Д. Грекова. История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. Там же, стр. 338—351. См. также вступительную статью Н. В. Пигулевской к „Сборнику документов по социально-экономической истории Византии“, М., 1951, а также вступительные статьи к разделам этого же сборника Н. В. Пигулевской, Е. Э. Липшиц, М. В. Левченко и Б. Т. Горянова.

² J. Ph. Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters, II. Theil, Stuttgart u. Tübingen, 1836, S. 313—314.

³ Речь к деспоту Феодору, гл. 2.

⁴ См. И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

о каком проекте идет речь, так как другие источники не сохранили об этом никаких сведений. Плифон выражает резко отрицательное отношение к этому проекту, говоря, что ему кажутся смешными попытки спастись от внешней опасности путем найма чужеземных войск. По его мнению, большая часть армии должна состоять из местных уроженцев, а не из чужеземцев, так как последние из спасителей и стражей часто превращаются в противников.¹ Наемники не смогут отразить опасности, и тогда правительству снова придется обратиться к местным жителям, обремененным одновременно и военной службой и налогами и поэтому совершенно разоренным и не имеющим уже возможности вооружиться на свои средства.²

Предложения Плифона о военном устройстве тесно связаны с его планами реформ в области налогового обложения, о чем мы будем говорить ниже. В речи к деспоту Феодору Плифон предлагает (гл. 23) все население разделить на два разряда — на облагаемых налогами и на обязанных военной службой, в зависимости от того, к какому занятию люди имеют большую склонность. Человек не может, — говорит в другом месте Плифон, — в одно и то же время нести военную службу и питать себя и других. Ведь войско не всегда имеет добычу, достаточную для всех воинов, вследствие чего им приходится тратить многое, взятое из дому, а это могло бы быть использовано государством.³

Поэтому Плифон предлагает, чтобы воины были совсем освобождены от налогового обложения.⁴ Граждане, обремененные налогами и обязанные, кроме этого, военной службой, в случаях призыва уклоняются от несения службы, а из являющихся, — говорит Плифон, — большинство приходит невооруженными.⁵ Те, кто остается в войсках, — продолжает он, — заняты мыслями о хозяйстве и о необходимости уплаты налогов. Поэтому, учитывая серьезность внешнеполитической опасности, нужно заранее заняться решительными преобразованиями, ибо нельзя проводить их тогда, когда беда уже разразилась.⁶

В тех областях, где не все граждане способны нести военную службу, по мнению Плифона, следовало разделить население на две группы — воинов, свободных от налогов, и иждов, обязанных уплатой податей. В других областях, где большинство населения окажется способным к военной службе, его следует разделить на две группы уже по другому принципу. Здесь эти группы должны были чередоваться, т. е. по очереди то работать на земле, то нести военную службу. Таким образом, между ними будет возможно распределить и заботу о своем хозяйстве, и охрану государства.⁷

Плифон стоит на вполне реальной почве, когда он предлагает заботиться главным образом о сухопутных войсках.⁸ Действительно, давно уже прошли времена, когда Византия, имея мощный флот, могла соперничать с другими государствами в борьбе за господство на море. Сейчас, говорит Плифон в обращении к деспоту Пелопоннеса Феодору, речь идет об империи, которая потеряла почти все свои владения и сохранила лишь два города во Фракии, часть Пелопоннеса и, кроме

¹ Речь к деспоту Феодору, гл. 10.

² Речь к императору Мануилу, гл. 10.

³ Там же, гл. 8.

⁴ Там же, гл. 11.

⁵ Там же, гл. 7.

⁶ Там же, гл. 8.

⁷ Там же, гл. 14.

⁸ Там же, гл. 11.

того, „то там, то здесь какой-нибудь островок“.¹ Понятным поэтому становится предложение Плифона сосредоточить внимание на создании сухопутной армии, способной к борьбе против врагов, угрожавших империи. Каждому пешему воину Плифон советует дать одного илота, всаднику — двух. Следовательно, каждый воин будет пользоваться плодами хозяйства илота, защищая в свою очередь земли и скот крестьян.

Какова же сущность реформ Плифона? Прежде чем выяснить это, необходимо сделать одно общее замечание. Плифон был ученым мечтателем,² который верил в могущество инициативы мудрого правителя, способного проникнуться сознанием необходимости переустройства социально-политических отношений и провести в жизнь выдвинутый философом план реформ. Эта надежда на мудрого правителя наиболее ярко выражена Плифоном в конце его речи к императору Мануилу. Теперь, — говорит Плифон, — все зависит от высочайшего решения императора. Если император примет это мудрое решение, то оно будет проведено в жизнь.³ Эту же мысль Плифон проводит и в своем обращении к деспоту Пелопоннеса Феодору. „Если бы тебе, нашему правителю, — говорит Плифон, — ... бог внушил желание провести в жизнь великое и прекрасное, ... то было бы не трудно осуществить все это, и наше спасение не было бы безнадежным... Если бы ты пожелал провести в жизнь нечто великое и прекрасное, то ты не легко нашел бы что-нибудь более великое и прекрасное, чем спасение народа и укрепление государства. Это укрепление не может состоять не в чем ином, как во введении надлежащего государственного устройства“.⁴

Реформам государственного устройства Плифон придает большое значение, считая их основным условием для поднятия благосостояния населения и процветания страны. Это свое убеждение он подкрепляет многими примерами из истории древней Греции и Рима. Плифон напоминает, что лакедемоняне лишь тогда получили гегемонию над греками, когда Ликург установил у них образцовое законодательство. Причину же поражения лакедемонян и утери ими гегемонии он видит в их отходе от установленного Ликургом государственного устройства. Возвышение Рима он также объясняет его образцовым государственным устройством, а его ослабление — ухудшением форм государственности. Приводя ряд других примеров (возвышение арабов, славян), он делает общий вывод, что народы находятся в хорошем или плохом положении в зависимости от хорошего или плохого государственного устройства. Поэтому, — говорит он, — нет никаких других средств и путей для того, чтобы из теперешнего тяжелого положения притти к лучшему, кроме преобразования государственного устройства.

В разработанной Плифоном системе государственного устройства мы находим многие элементы, почерпнутые им из арсенала идей платоновской „Политии“. Деление общества на разряды, предложенное Плифоном, весьма напоминает соответствующие идеи „Политии“ Платона.⁵ К первому разряду Плифон относит тех, кто сам работает, — непосредственных производителей. Второй разряд — это люди, предоставляющие работникам тел, т. е. инвентарь и скот, — иначе говоря, —

¹ Речь к деспоту Феодору, гл. 20.

² Ср. J. Ph. Fallmerayer. Ук. соч., стр. 317.

³ Речь к императору Мануилу, гл. 25.

⁴ Речь к деспоту Феодору, гл. 21.

⁵ H. F. Tozer. A Byzantine Reformer. „The Journal of Hellenic Studies“, VII (1886), p. 370.

средства производства. Третий разряд состоит из людей, обеспечивающих всем гражданам безопасность и защиту.¹ В речи к деспоту Феодору (гл. 8) Плифон уточняет предлагаемое им деление на разряды. Первым, самым необходимым и наиболее многочисленным разрядом (*πρῶτον μὲν καὶ ἀναγκαιώτατον μέρος καὶ γένος καὶ πλείστον*) являются производители (*τὸ αὐτοργικόν*), т. е. земледельцы, скотоводы и все те, кто собственными трудами добывают плоды земли (*ἐκ γῆς πορίζομένων καρπῶς*). Ко второму разряду Плифон относит ремесленников и купцов. Ремесленники доставляют производителям предметы, необходимые им в их повседневной жизни. Купцы посредством обмена устраняют несоответствие в распределении необходимых населению товаров, вывозя их из областей, где имеются излишки, в области, где ощущается их недостаток. Сюда же относятся и мелкие торговцы (*καπηλοὶ*), в отличие от крупных купцов (*ἐμπόροι*), перепродающие непосредственно отдельным потребителям сельскохозяйственные продукты и предметы ремесленного производства. Кроме этих двух разрядов имеется еще особая группа правителей (*τὸ ἀρχικὸν φύλον*), в функции которых входит охрана всего государства. В состав этого разряда входят местные правители, судьи, другие чиновники и воины, возглавляемые императором.

Плифон требует резкого разделения функций людей, относящихся к различным разрядам общества. Владельцы, ремесленники, купцы — все они должны были выполнять лишь свои функции, не вмешиваясь в чужие дела. Особенно подробно он останавливается на „правителях“, которым, по его мнению, должно быть чуждо все, что не связано с управлением. Как крупная, так и мелкая торговля должны быть совершенно запрещены лицам, входящим в их число. И воины должны быть отделены от остального народа, как и вообще охраняющие от охраняемых.² Когда кто-нибудь из торговцев привлекается к управлению, то он, если только окажется способным, должен целиком отказаться от торговли, в противном случае его следует освободить от обязанностей государственного служащего.³ Доказывая необходимость подобного разграничения функций, Плифон прибегает к образному сравнению: „Ведь мы не пользуемся ослами для работы, исполняемой благородными конями, как и благородными конями для работы ослов. Я думаю, что и не всеми лошадьми мы пользуемся для одной и той же цели, но некоторыми пользуемся для военных целей, некоторыми же — для перевозки тяжестей. Гораздо важнее и среди людей произвести подобное разделение, а не смешивать их“.

Разделение функций отдельных классов населения, которое мы встречаем в схеме Плифона, получает дальнейшее развитие в предлагаемой им налоговой системе. Все виды налогов Плифон разделяет на три группы.⁴ К первой группе он относит государственные повинности, которые он объединяет общим названием *ἀγχαρεία*, ко второй — денежные налоги и к третьей — подати натурой. Повинности, по мнению Плифона, являются самым тяжелым видом налогов. И действительно, из других источников мы знаем, каким тяжелым бременем ложились эти повинности по строительству укреплений (*κατοικοτικῶν*), собственно *ἀγχαρεία*, т. е. ямская повинность, военный постой, повинность по строительству судов (*κατεργαστικῶν*). Все повинности, как правильно отмечает

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 12.

² Речь к деспоту Феодору, гл. 10.

³ Там же, гл. 24.

⁴ Там же, гл. 12.

Плифон, тяжело отзывались на крестьянстве, отрывая крестьян от сельскохозяйственных работ, зачастую в самое горячее время, что губительно отражалось на их хозяйстве. Денежные налоги также являются тяжелыми, по мнению Плифона, так как они взимаются многими сборщиками и собираются частями несколько раз в течение года. Яркое представление о бремени денежных налогов дает хотя бы известный *πρακτικόν* (руководство) по сбору налогов Константина Пергамена, сборщика податей Фессалоникской фемы, относящийся к началу XIV в.¹ К тому же податное население Византийской империи подвергалось насилию и злоупотреблениям со стороны огромной массы чиновников, среди которых большинство принадлежало к финансовому ведомству. Это и имеет в виду Плифон, отмечая, что налоги собираются многочисленными сборщиками (*ὅτι πολλοὶ εἰσπραττομένοι*).

Самым легким и справедливым Плифон считает установление взноса определенной части натуральных продуктов. Этот вид налога он считает наименее обременительным, так как он должен взиматься одним сборщиком и одновременно со сбором урожая. Наименее обременительным этот вид налога является, по мнению Плифона, и потому, что каждый плательщик вносит его в зависимости от мощности своего хозяйства. Поэтому Плифон предлагает перевести все налоги на эту форму обложения, самую легкую для плательщиков и самую выгодную для государства. Однако Плифон обнаруживает непонимание общественных отношений своего времени. В поздневизантийское время, как и повсюду в средневековой Европе, процесс замены взносов натурой и барщинных повинностей денежными налогами зашел уже слишком далеко, чтобы его можно было приостановить, повернув вспять развитие общественно-экономических отношений подобными проектами. Ясна поэтому ошибочность выводов некоторых исследователей, пытающихся речи мечтателя, целиком погруженного в воспоминания о „золотом веке“ античной Греции, использовать, как заслуживающий серьезного отношения источник. Неудивительно, что такие исследователи, которые ставят знак равенства между античными реминесценциями и актовым материалом и считают, что они в одинаковой степени дают основание для обобщений, приходят к ошибочному выводу, будто проект Плифона свидетельствует о наличии тенденций к развитию натуральной ренты.²

Налоги, как мы уже видели, уплачивал лишь один разряд населения — непосредственные производители. Это предложение Плифон обосновывает тем, что все их нужды удовлетворяются двумя другими разрядами: правители и воины обеспечивают им порядок и безопасность, ремесленники и купцы доставляют орудия производства и предметы потребления. Людей, вносящих налоги, Плифон называет илотами.³ Однако илоты Плифона — совсем не илоты древней Спарты.⁴ Наоборот, мы уже отмечали, что земледельцам Плифон приписывает первостепенное значение в государстве. Он называет их (илотов) всеобщими кормильцами, требует, чтобы с них не взыскивалось налогов.

¹ L. Petit et W. Regel. Actes de l'Athos, III. Actes d'Esphigmenou. „Византийский Временник“, т. XII, 1906. Приложение, стр. XV—XVII. Перевод его — „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“. М.—Л. 1951, стр. 270—271. Анализ — Б. Т. Горянов. „Византийское крестьянство при Палеологах“. „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 44—45.

² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 120.

³ Речь к императору Мануилу, гл. 13.

⁴ Н. Е. Тоzer. Ук. соч., стр. 372.

больше, чем установлено по закону, чтобы они не привлекались ни к каким другим повинностям и чтобы с ними обращались как можно лучше и справедливее.

После уборки урожая, по проекту Плифона, производится подсчет полученных сельскохозяйственных продуктов. В первую очередь должны быть восстановлены затраты земледельцев на семена, скотоводов — на пополнение поголовья. После этого все учтенные продукты должны быть разделены на три части, из которых одна идет непосредственным производителям, вторая — собственникам средств производства и третья — государству. Те, кто обрабатывает землю своими средствами производства, получают две трети полученного дохода. Третью часть они отдают государству и тем, кто охраняет порядок и безопасность.

В своих проектах переустройства общественных отношений Плифон исходит из „естественного права“, исключающего частную собственность на землю. Вся земля, — говорит Плифон, — как это дано природой, должна быть общей для всех на ней живущих, и никто не имеет права превращать ее в личную собственность.¹ Каждый желающий может, где он хочет, возделывать почву, выращивать плоды и строить жилища. Однако он может распоряжаться тем или иным участком лишь до тех пор, пока обрабатывает его своим трудом. Как только он бросает работу, земля, которую он обрабатывал, переходит в распоряжение государства, которое передает ее другим непосредственным производителям. От своего предложения Плифон ожидает большого подъема производительных сил, ибо земли не будут лежать бесплодными, если каждому будет предоставлена возможность с одинаковым правом обрабатывать землю, где он пожелает. И отдельным лицам, и обществу, — говорит Плифон, — это принесет лишь пользу.²

Взгляды Плифона на политическое устройство отличаются крайней умеренностью. Плифон различает три формы государственного устройства — монархию, олигархию и демократию. От последней он не ожидает ничего хорошего, так как, по его мнению, народ якобы не может разумно решать государственные дела. Причину этого Плифон видит в том, что среди народа имеется много необразованных людей, вследствие чего невозможно достигнуть взаимного понимания и согласованных действий на благо всего общества.³ Он склоняется к мнению „наиболее здраву рассуждающих людей“, по которому лучшей формой правления является монархия. К монархии он советует добавить нечто вроде государственного совета. В состав совета должно входить умеренное количество наиболее образованных людей, которые в своей деятельности руководствовались бы исключительно общим благом. Советники не должны принадлежать ни к слишком богатым, ни к нищим гражданам. Первыми будет владеть лишь страсть к наживе, а вторые — станут думать только о том, как удовлетворить свои потребности. Стремлением к общему благу могут руководствоваться лишь люди среднего состояния, из числа которых Плифон и рекомендует вербовать советников.

Плифон останавливается и на некоторых экономических вопросах. Сюда в первую очередь нужно отнести его предложения относительно регулирования ввоза и вывоза. Его цель — обеспечить население страны товарами местного происхождения и сделать государство независимым от ввоза чужеземных товаров. Доказывая возможность обходиться

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 18.

² Там же, гл. 19.

³ Речь к деспоту Феодору, гл. 7.

товарами местного производства, Плифон особенно протестует против ввоза чужеземных одежд, наносящего огромный вред государству. В стране, — говорит он, — имеется достаточно сырья — шерсти, льна, хлопка и др., чтобы сделать совершенно ненужным ввоз готовых изделий из-за Атлантического „моря“ и обеспечить собственное производство одежды в размерах, которые могли бы удовлетворить потребности населения.

Все ввозимые товары Плифон подразделяет на два вида. Ввоз одних товаров он считает выгодным для государства, других — вредным. Он протестует против того, чтобы предоставлять ввоз и вывоз товаров исключительно игре торговых интересов купцов и требует, чтобы внешняя торговля регулировалась государством.¹ Товары, ввоз которых он считает полезным, следует освободить от пошлин. В речи к деспоту Феодору Плифон объясняет, что лишь железо, оружие и некоторые другие весьма нужные товары должны быть при ввозе освобождены от пошлин.

Вывоз товаров, которые полезно оставить в стране, следует допускать лишь при обложении их высокими пошлинами. Он обращает также внимание и на то, что установление подобных налогов увеличит государственные средства, которые можно будет направить на усиление обороноспособности страны в ее борьбе против внешних врагов.

В этой же связи Плифон протестует против роскоши, принявшей широкие размеры в кругах византийской аристократии. Сильный царственный орел, — говорит он, — вовсе не имеет пестрой окраски и не блещет золотыми перьями, а павлин, менее всего могущественный, пестро разукрашен.

Плифон рассматривает также проблему денежного обращения. Если первые Палеологи еще поддерживали стоимость монеты на удовлетворительном уровне, то, начиная с XIV в., ухудшение качества монеты было настолько значительным, что византийские золотые монеты, некогда всюду признававшиеся, потеряли всякий кредит.² Порча монеты, столь опасная, но легко дававшая большие денежные средства, так распространилась в эпоху Палеологов, что философ XV в. Гемист Плифон рекомендует возвратиться к первобытному обмену для торговых сделок. И действительно, Плифон обнаруживает полное непонимание процессов развития общественных и экономических отношений своего времени, ибо он не может ничего предложить для оздоровления обращения, кроме совершенно нереального проекта перехода к натуральному обмену.

Следует отметить, наконец, резкие высказывания Плифона против монашества. Известно, какую роль играло в Византии церковно-монастырское землевладение. В эпоху, когда жил и творил Плифон, класс феодалов, интересы которого проводились в жизнь византийским пра-

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 23. Повторяем неоднократно высказывавшуюся нами точку зрения, что в Византии не создались условия для развития капиталистических отношений. Тем более не могло быть и не было никакой «греческой буржуазной прослойки», как это указывал М. А. Заборов (см. „Византийский Временник“, т. IV, 1951, стр. 270). Речи Плифона могли лишь отражать настроения византийских феодалов, которые страдали от полного вытеснения к XV веку собственно-византийских товаров с рынков целиком захватившими в свои руки всю внешнюю и почти всю внутреннюю торговлю на Балканском полуострове итальянскими купцами.

² А. Andréades. De la monnaie et de la puissance d'achat métaux précieux dans l'Empire byzantine, „Byzantion“, I, 1924, p. 78.

вительством, был уже не в состоянии ставить преграды росту богатств церквей и монастырей.

Плифон требует, чтобы тем, кто, как они говорят, ведут духовный образ жизни (τοῖς δὲ φιλοσοφεῖν μὲν φάσκουσιν), было бы решительно запрещено пользоваться какой-либо долей государственного богатства. Монахи, по мнению Плифона, свободны от всяких общественных обязанностей, они поклоняются богу лишь ради собственного спасения. Поэтому, — говорит он, — никто не должен допускать, чтобы награждение этой чрезмерной богобоязненности считалось бы богоугодным делом. Мало этого, Плифон считает, что государству приносят огромный вред раздачи государственного имущества людям, которые не несут никаких обязанностей по отношению к государству и ведут образ жизни бездельников и трутней (ἀργὴν καὶ κτηνηώδη ἔξιν σφίσιν αὐτοῖς κατασκευάζοντας),¹ не испытывая никакого стыда. Расходы государства на монастыри приносят большой вред укреплению государственной безопасности. Если, — говорит Плифон, — всех доходов государства едва хватает на издержки по общей безопасности, то что же останется на государственные нужды, если придется кормить такой рой трутней (σμῆνος κτηνῶν).²

В своем введении к изданию речей Плифона А. Эллиссен говорит, что Плифон в осторожных выражениях рисует монашество, как паразитическое растение в государстве.³ Однако нападки Плифона на монашество отнюдь нельзя назвать „робкими“,⁴ ибо, если бы они были такими, то они не вызвали бы суровых гонений церковников.

Возникает еще один вопрос: какое влияние оказали идеи Плифона на современное ему общество? Создал ли он сколько-нибудь значительную школу своих последователей? Философские идеи Плифона вряд ли могли найти большой круг сторонников. Его планы в области социально-политического устройства также не овладели умами византийцев XV в. Однако мы знаем из указаний Матвея Камариота, написавшего две речи против атеиста Плифона, что последнему удалось создать секту своих приверженцев. В одной из своих речей он прямо говорит, что имеются те или другие лица, „зараженные плифоновской чумой“ (εἶναι τινὰς καὶ ἄλλους τοὺς μετεσχηκότας τῆς πλεθωνικῆς λύμης).⁵ Из высказываний Харитонима и других современников также видно, что Плифон создал кружок своих сторонников в Мистре.⁶ В другом месте своей речи Камариот снова рассказывает о сторонниках Плифона. Называя Плифона безбожником, восстановителем отвратительного язычества, он говорит, что Плифон, спрятав свою доктрину из лицемерия, живет жизнью зайца (τὸ δὲ λεγόμενον, λαγὼ βίον ἔζη), открываясь только своим сторонникам, храня книги, чтобы они были опубликованы после его смерти, книги, предназначенные для того, чтобы и после смерти Плифона не переставать губить человеческий род (ἵνα μὴδ' ἀποθανὼν γούν παύσαιο τοὺς τῶν ἀνθρώπων λυμáινεσθαι γένος). Мы знаем, наконец, что Михаил Апостолий в письме к Плифону изъявлял желание вступить в число членов основанного им тайного сообщества.⁷ Это сообщество,

¹ Речь к императору Мануилу, гл. 16.

² Там же, гл. 17.

³ A. Ellissen. Ук. соч., стр. 26.

⁴ А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 183.

⁵ Matthaei Camariotae. Orationes duae contra Plethonem de Fato, ed. H. S. Reimar, Bataviae Lugdunensis, 1721, p. 4.

⁶ F. Schultze. Ук. соч., стр. 53.

⁷ C. Alexandre. Ук. соч., стр. 370.

однако, было весьма немногочисленно и распалось вскоре после смерти Плифона, как об этом говорил Иероним в речи, посвященной памяти Плифона.

Стремясь сделать свой скромный вклад в разработку истории поздней Византии, автор этих строк работает над анализом памятников византийской литературы XIII—XV вв. Предлагаемая читателю краткая характеристика речей Плифона о реформах имеет целью привлечь внимание византинистов к исследованию византийского города и, следовательно, к решению вопроса об истоках гуманизма в Византии. Этот вопрос, запутанный буржуазными историками, может быть правильно решен лишь советскими учеными, вооруженными единственно научным марксистско-ленинским методом исследования.

Автор этих строк будет считать эту задачу выполненной, если сделанный им перевод направит новые силы византинистов на изучение важнейших проблем истории византийской культуры и продвинет решение сложной проблемы о ее характере в поздней Византии, а также издавна ведущегося, но до сих пор не решенного спора о взаимоотношениях византийской культуры XIII—XV веков и культуры Запада этого периода.

ГЕОРГИЙ ГЕМИСТ ПЛИФОН. РЕЧИ

Речь к императору Мануилу о положении Пелопоннеса

1. Божественный самодержец! Война, которая велась твоими могущественными сыновьями против господствовавших в Пелопоннесе франков [в тексте: италийцев], успешно, с решающим успехом завершена. Большинство их наиболее удобно расположенных владений, долгое время оторванных от нас, теперь возвращены нам. И в отношении всех остальных владений они должны были полностью признать наше господство. Все это увеличивает Вашу славу и укрепляет Вашу власть, а для общей безопасности и пользы, если даст бог, создаст в будущем еще более благоприятные обстоятельства. Теперь мне следует высказаться и предложить то, что, на мой взгляд, может принести большую пользу, если мои советы будут приняты. Если же они не будут проведены в жизнь, то это немало повредит общему спасению.

2. Прежде всего, государь, я хочу кратко сказать, что главным образом надлежит Вам сделать для этой страны. И не потому, что я считаю Вас мало заботящимся о стране, а для того, чтобы в моем слове не было пропущено то, что следует делать. Мы, которыми Вы руководите и правите, являемся народом греков, как об этом свидетельствует наш язык и отцовское воспитание. А для греков никакая другая область не является более родной и близкой, чем Пелопоннес и та часть Европы, которая примыкает к нему, вместе с соседними островами. Ибо с того времени, как помнят люди, эту страну населяли только греки, и никакие другие народы здесь не жили до них. И чуждые пришельцы, сменявшие друг друга, не завладели (Пелопоннесом), тогда как греки постоянно владели этой страной и никогда ее не покидали.

3. Всеми признается, что Пелопоннес изю всех этих областей является первой и самой выдающейся областью греков. Общеизвестно, что происходившие отсюда греки совершили самые великие и славные дела.

Даже для того великого города на Босфоре, который теперь является Вашей столицей, эта область справедливо может быть названа матерью и родиной, так как Византий прежде населяли греки-дорийцы, дорийцы же, конечно, [происходили] из Пелопоннеса. Когда же из итальянского Рима туда была послана блестящая колония, и в результате этого Византий значительно вырос, новые пришельцы не были чужды пелопоннесцам, ибо потомки Энея и сабиняне равными частями населяли Рим. Сабиняне же происходили из Пелопоннеса и были спартанцами.

4. Вот из-за чего страна эта не должна быть пренебрегаема ни Вами, царствующими, ни нами, подданными, и о ней нам следует заботиться, как о самой родной и близкой. Я уже не буду говорить, что эта страна не уступает никакой другой ни достоинствами своего климата, ни плодородием, ни обилием всего необходимого для жизни, — но разве есть какая-нибудь область более удобная для обороны? Будучи одновременно и островом и материком, она предоставляет населяющим ее возможности, не имея больших вооружений, отражать всякие вторжения и, со своей стороны, когда они хотят, вторжением в соседние страны быстро ими завладевать. Через всю страну тянутся сплошные горные цепи, подобные естественным крепостям, вследствие чего враги, даже если бы им удалось захватить [находящиеся внутри] равнины, не могли бы овладеть всей страной.

5. Вот почему об этой стране нужно заботиться не только потому, что она так близка нам, но также из-за ее достоинств: ведь лучшее имущество, конечно, заслуживает ревностной заботы. Если же эта забота падает на всех, кто относится к народу греков, то в первую очередь на Вас, царствующих, которым вручена забота обо всех. К Вам же это относится больше, чем ко всем прежде царствовавшим. Ибо когда латиняне [в тексте: итальянцы] захватили страну и владели ею в течение долгого времени, никто другой, как императоры Вашего дома, вернули ее обратно. Ты сам, император, наряду со многими другими твоими прекрасными деяниями, предпринял такое великое и блестящее дело, как постройка стены вдоль Истмийского перешейка, которая будет и теперь и в будущем иметь большое значение для усиления безопасности страны. Поэтому Вам подобает к прежним Вашим благодеяниям присоединить последующие, чтобы показать, как Вы всегда стремитесь к прекрасным делам для того, чтобы уже совершенные благие дела могли быть как можно лучше продолжены и перенесены на будущее время.

6. По моему мнению, принятие мер по благоустройству страны [Пелопоннеса] будет иметь не малое значение для безопасности и благополучия великого города [т. е. Константинополя], о чем в настоящее время я считаю излишним говорить подробно. О том, насколько эта страна заслуживает величайшего внимания, достаточно, мне думается, было сказать в немногих словах. А теперь я хочу говорить о тех мерах, какие Вам следует предпринять в дополнение к уже совершенным благодеяниям, какие улучшения являются наиболее неотложными и какие принесут наибольшую пользу. Однако до этого я хочу обратить внимание на то, что нехорошо устроено в делах [этой страны].

7. Прежде всего можно заметить, что львиная доля пелопоннесцев занимается земледелием, а некоторые — скотоводством, добывая себе этими занятиями средства к существованию. Одни и те же люди должны платить налоги государству и выполнять военную службу. Налоги взы-

скиваются небольшими долями, но часто и многими [сборщиками], причем большинство их взыскивается деньгами, а не произведениями природы. И вот когда этих людей призывают в войско, из многих являются лишь немногие, а из являющихся большинство приходит невооруженными. Но и у тех, кто остается в войске, нет желания быть в нем долго, так как их влечет домой их хозяйство, которое обложено налогами и тем не менее должно кормить их и дома, и в войсках. Невелика же польза от войска, которое не является постоянным или не вооружено.

8. Что это именно так и, действительно, чрезвычайно шатко, всякий, кто пожелает, может понять уже из рассмотрения самой этой организации. К тому же ход последней войны является лучшим доказательством, что дела обстоят именно так. Ибо как может человек в одно и то же время нести военную службу и питать и себя, и других? И ведь не всегда войско имеет добычу, достаточную для всех воинов, вследствие чего им приходится тратить многое взятое из дому, а это могло бы быть использовано государством. При таком [военном] устройстве и Истмийский перешеек не может быть в достаточной мере укреплен, да и если вспыхнет другая опасность, нет уверенности, что она будет отражена. Прежде чем мы окажемся перед лицом такой [беды], куда еще мы находимся в безопасности, нужно исправить то, что гнило и непрочно и, насколько возможно, приготовиться к тому, чтобы легко устоять, если даже это и случится. Ибо весьма трудно проводить какие бы то ни было преобразования, когда находишься уже в опасности.

9. Некоторые предлагают установить взимаемый с каждого хозяйства налог, чтобы на эти средства содержать наемников для истмийских крепостей, и считают, что придумали этим нечто великое и замечательное. Они считают, что только это может поправить дело, и уже подсчитывают, какие средства даст этот налог. Мне же кажется смешным, если мы, вредя нашим согражданам, надеемся спастись путем найма чужеземных воинов. Ибо разве мы не вредим им, если, оставляя за ними охрану укреплений, еще сильнее облагаем их налогами? Ибо если и теперешние налоги губительны, и многие их не выдерживают, то что же получится, если они будут еще увеличены?

10. Если возникает какая-нибудь опасность, эти наемники, конечно, не будут в состоянии ее отразить. Нам придется тогда снова прибегнуть к нашим воинам, совершенно разоренным, безоружным, которые будут не в состоянии ни устоять на поле боя, ни помочь нам чем-нибудь. А ведь находящиеся у Истма под руководством божественного вождя постоянные отборные отряды не в состоянии будут отразить нападение, если не будут поддержаны достаточным по численности и боеспособности войском. В этом отношении мы похожи на людей, которые заболели от невоздержанного образа жизни, но не желают перейти на диету, а думают вылечиться какими-нибудь лекарствами и амулетами, которые им кто-нибудь посоветует. Поэтому при таких обстоятельствах не будем ожидать помощи от таких советчиков. Ничто не поможет, если не произойдет большая и основательная перемена во всей обстановке и преобразование всего того, о чем я говорил.

11. Прежде всего должно быть изменено такое устройство, при котором одни и те же люди одновременно являются обязанными и военной службой, и уплатой налогов. Все пелопоннесцы должны быть разделены на две части — с одной стороны — на подлежащих военной службе, а с другой — на облагаемых налогами, причем каждого нужно

относить к той группе, к которой он кажется наиболее подходящим. Обязанные военной службой полностью должны быть освобождены от налогов; а налоги, малые или большие, не должны взыскиваться многими сборщиками и взиматься в деньгах. Ибо при теперешнем способе взимания это является большой тяжестью как для платящих, так и для собирающих налоги. Должен быть установлен единый налог, вносимый натурой и взимаемый одним постоянным сборщиком. Налог должен быть таким по виду сдаваемого продукта и по величине, чтобы он соответствовал возможностям [плательщиков] и был бы наиболее легким для вносящих налог.

12. Каким должен быть налог, чтобы он мог быть наиболее подходящим, я объясню подробнейшим образом. Плоды трудов всех по справедливости разделяются на три части: первую часть — тем, кто производит работу, вторую — тем, кто доставляет работающим средства производства и третью — тем, кто обеспечивает безопасность. К производящим работу принадлежат земледельцы, виноградары и пастухи; средствами для этих работ являются быки, виноградники, стада скота и другое в этом роде; обеспечивающие же всем безопасность — это воины, которые за всех подвергаются опасности. Правители же и государственные чиновники охраняют государственные дела, малые и большие. Император осуществляет надзор над всем, общее руководство и следит за общим благосостоянием. Если из этих частей какой-нибудь части недостает, то не может получиться ничего полезного. В первую очередь должны быть налицо производящие работу, также обязательно иметь средства для их работы, и охраняющих, если желать пользы от всей работы.

13. В соответствии с этим плоды трудов, будь то вино, масло, хлопчатобумажные ткани или же приплод от стад, молоко, шерсть или что-нибудь в этом роде, должны быть разделены на три части. Когда плоды будут подсчитаны и земледельцам будут возвращены затраты на семена, а пастухам на восполнение поголовья, то одна часть должна быть отдана работающим, другая — доставляющим средства производства, а третья — государству. Кто работает с собственными средствами производства, получает две части, третью же отдает государству. Тот, кто получает средства для производства от государства, должен ограничиться третьей частью плодов своей работы, если только они не оставляют себе больше законной части, иначе договорившись с казной. Если же производство идет на общие средства, то производители получают половину. Ничего другого, что заслуживало бы упоминания, они не должны вносить. Людей же, которые таким образом вносят налоги, можно назвать илотами, так как они свободны от военной службы и подлежат обложению налогами. Их можно назвать всеобщими кормильцами, с них нельзя взыскивать налога больше, чем установлено, и притом только один раз; нельзя привлекать их к другим повинностям, а обращаться с ними [следует] как можно лучше и справедливее.

14. Когда будет так устроено, каждому пешему воину нужно дать одного илота, всаднику же — двух. Каждый воин будет иметь возможность пользоваться плодами своего хозяйства и получать долю от илота, будет ли последний работать на собственные или на государственные средства. Таким образом, это не будет мешать воину нести военную службу, и он сможет оставаться на своем посту. Во всех областях граждане должны быть по этому способу разделены на воинов и илотов, ибо не все способны нести военную службу. Там же, где большинство окажется способным к военной службе, следует разделить

их на очереди, а затем заставить людей одной очереди работать на общие средства. И так по очереди одна часть будет работать, а другая нести военную службу. Сколько илотов нужно будет дать полководцам и командирам отрядов, это Вам следует определить; я хочу лишь дать некоторый совет. Из трех илотов, которые будут даны каждому из них, один должен быть всадником, одновременно исполняющим обязанности слуги своего начальника и воина, причем за эту двойную службу его следует вознаграждать так, как он договорится с казной. Нужно также установить, какое количество илотов должно быть определено и божественному вождю войска. Наконец, и священнослужители высших разрядов должны пользоваться услугами илотов наравне с военачальниками, так как вследствие холостой жизни они не могут пользоваться услугами ни жены, ни детей.

15. Что касается тех, кто, как они говорят, ведут духовный образ жизни и требуют себе много благ от государства, то они не должны пользоваться ничем из общественных запасов. Они могут неограниченно пользоваться плодами своих трудов, не должны вносить налоги, но ни в какой мере не [должны] пользоваться государственными богатствами, что, как я думаю, справедливо и соответствует их образу жизни. Непристойно и несправедливо [будут поступать] и они сами, если будут брать что-либо от казны, и те, кто им станет давать. Те люди, к которым поступают государственные налоги, получают это вознаграждение как стражи общества за свои труды, ибо они трудятся ради общей безопасности. Эти же люди, занятые духовным, не имеют никаких обязанностей перед обществом, ибо общественное богослужение выполняют другие, — они же, отказавшись, как говорят, от всего, поклоняются богу лишь ради самих себя, заботясь лишь о собственном спасении. И если они требуют себе под предлогом собственной добродетели плату, которая должна быть дана защитникам государства, а другие дают им это, отнимая у тех, кто действительно заслужил, — то только тот сочтет это справедливым, я думаю, кто сам охвачен суеверием, третьей формой безбожия, и считает, что богу нужны эти чрезмерные дары.

16. Мне кажется, что такие [действия] не совпадают с учением тех, кто первоначально установил этот [монашеский. — Б. Г.] образ жизни; ведь они учили, что каждый должен работать сколько может, чтобы поддерживать по возможности свое существование, ни в коем случае не пользуясь принуждением. Нет сомнения, что государство испытывает ущерб от такой готовности к неуместным расходам, когда принимаются требования на выдачи из государственного имущества людьми, которые не несут никаких обязанностей, лишь вредят государству и ведут образ жизни бездельников, подобных трутням, не испытывая от этого никакого стыда. Лучшим доказательством несправедливости этих людей является то, что они идут навстречу желаниям наших врагов, без стыда губя и растрачивая наши материалы, необходимые для охраны общей безопасности. Точно так же и те, которые требуют платы в вознаграждение за большие и важные, как они говорят, услуги, оказанные некогда ими или их предками, в настоящее время работают на всеобщую погибель, не только требуя незаконного вознаграждения, но действуя совершенно неразумно, не понимая, что если государство погибнет, то оно и им не сможет принести никакой пользы.

17. Если некоторые из этих людей за большие оказанные ими услуги или принесенные государству жертвы сохраняют нетронутыми свои имущества или получают известную скидку, то я считаю вполне спра-

ведливым, чтобы они со своей стороны несли соответствующие обязанности, довольствуясь почетом вместо вознаграждения. Ведь в этом случае большие доходы, которыми они пользуются, или большие обязанности, которые они выполняют, приносят государству большую пользу, и они не уподоблялись бы в этом случае корове, которая, по пословице, топчет ногами, разбрызгивает то молоко, которое дает, или тем, про которых говорится у Гесиода, что они „возлюбят, что гибель несет им“.¹

Если и так всех доходов государства едва хватает на издержки по общей безопасности, что же тогда останется на государственные нужды, если нужно будет кормить такой рой трутней, из которых одни, как они говорят, рассматривают себя как духовных лиц, в то время как другие вообще остаются праздными, требуя для себя гораздо больше, чем те, которые заняты на государственной службе? Вы должны поэтому все устроить правильно: как то, что касается отдельных лиц, так и прежде всего прочего то, что содействует улучшению положения государства.

18. Теперь я снова обращусь к тому, от чего я отступил. Следствием всего сказанного является то, что вся земля, как это дано природой, должна быть общей для всех на ней живущих, и никто не должен превращать ее в личную собственность. Каждый может, где он пожелает, на ней выращивать плоды, строить жилища и возделывать почву. Каждый должен считаться хозяином возделываемого им участка до тех пор, пока он не оставляет работы на нем; он никому не должен ничего платить, и никто не может вредить ему или препятствовать, кроме того только, кто раньше его получил [этот] участок для обработки, — как устанавливается законом в отношении общей, а не частной собственности. Если кто-нибудь облагается налогами в числе илотов, тот должен, как было сказано, вносить третью часть доходов государству, но не более, и никто не может его более обременять, если он выполнит то, что с него следует. Тот же, кто служит в армии или на государственной службе, должен быть свободен от всяких повинностей, за исключением службы, которая на него возложена.

19. Если кому-нибудь покажется, что я излагаю невиданные и невероятные предложения, пусть он тогда возьмет надо мною верх, когда докажет, что предлагаемое мною не является наилучшим и выгоднейшим государству и вместе с тем отдельным гражданам. Ведь тем, которым будет казаться, что они лишились участка, можно в виде утешения указать, что у них отнята не их собственная земля, но что земля будет взята в общественное пользование, если они не хотят ее обрабатывать. Все будет обрабатываться и приносить плоды, а не будет лежать бесплодным, если всем будут предоставлены равные права на обработку земли, в любом месте, так что и обществу и отдельным лицам это принесет лишь пользу. Если дела будут устроены по предлагаемому образцу, это будет иметь самые лучшие последствия для Пелопоннеса. Будет достаточно людей для охраны Истма и для охраны находящихся повсюду крепостей, для отражения возможных вторжений, для походов за пределы нашей страны, если понадобится; будет всего достаточно и для домашнего обихода божественного правителя. Так что трудно сказать, в чем будет недостаток, если все произойдет таким образом и такое устройство будет создано.

¹ Гесиод. Труды и дни, стк. 58 (перевод В. Вересаева).

20. Не лишним будет к уже сказанному прибавить следующее. Всегда и всюду, о император, имеются преступники, которые по законам должны быть лишены жизни. Теперь применение этого наказания против преступников вышло из употребления. Некоторые из них вместо этого подвергаются членовредительству, а некоторые совсем ускользают от всякого наказания. И то и другое кажется мне неблагоприятным. Членовредительство является варварским, ни в коем случае не греческим обычаем, оно не свойственно нашему народу и представляет, кроме того, отвратительное зрелище. Но и отпускать преступников безнаказанными вредно или опасно для государства. Мне кажется наиболее благоразумным наказанием, полезным как общинам, так и государству, если преступников заставить работать и использовать их на строительстве, например на постройке истмийских укреплений или на каких-нибудь других работах. Тогда и войны не должны будут выполнять эти работы, разве только в случае особой необходимости, да и не надо будет дополнительно обременять тех, чья обязанность состоит, как мы говорили, в уплате налогов.

21. Не следует пренебрегать средствами для устранения недостатков [нашей] монеты. Чрезвычайно неразумно пользоваться плохими сортами чужеземных монет, — ведь это приносит выгоду иностранцам, а нам — обидные насмешки. Также и в этом отношении предлагаемый мною совет может сильно улучшить положение. Ибо если облагаемые налогами вместо денег будут вносить продукты, и, с другой стороны, те, кто получает доходы от государства, также будут получать натурой, это уже во многом пойдет на пользу делу. Тогда понадобится значительно меньше денег в монетах, а для каждодневного обмена подойдет любая имеющаяся монета. К тому же Пелопоннес, как кажется, не нуждается настоятельно в монете, которая имеет обращение в других странах. Наша страна, кроме того, не нуждается в привозных товарах, за которые нужно расплачиваться деньгами, за исключением железа и оружия. Эти же предметы можно легко обменивать на хлопчатобумажные ткани. Таким образом, мы могли бы без вреда избавиться от плохой чужеземной монеты.

22. Нуждаться в чужеземных платьях — также большая глупость. Немалым вредом для государства является, если мы в стране, которая имеет в достаточном количестве шерсть и где нет недостатка в льне, виссоне и хлопке, не выделяем из них, как сами умеем, платья и поступаем так, как будто мы не можем обойтись без привезенной из-за Атлантического моря и даже обработанной там ткани. Для нас будет действительно более достойно, если мы обойдемся местными тканями, чем если мы будем чужеземные ткани считать лучшими, чем отечественные.

23. Поскольку я упомянул о ввозимых товарах, следует вообще высказаться о ввозе и вывозе товаров. Что касается ввозимых товаров, то ввоз некоторых является выгодным, а других невыгодным, тогда как среди товаров, предназначенных для вывоза, одни вывозить выгодно, что же касается других, то безразлично, вывозить их или нет. Однако и эти нельзя оставлять без внимания и допускать, чтобы сделки совершались в зависимости от случая. Неплохо для государства, если и здесь будет устанавливаться, что полезно и что вредно. На предметы, которые полезно ввозить, не должны накладываться и взиматься пошлины ни со своих граждан, ни с чужеземцев, чтобы этим облегчить ввоз. С другой стороны, товары, которые выгоднее оставить в стране, должны допускаться к вывозу лишь при высоких вывозных пошлинах, чтобы,

из-за невозможности выгодного вывоза, они оставались в стране для пользования своим гражданам. Если же, несмотря ни на что, эти товары все-таки будут вывезены, то государство, по крайней мере, извлечет выгоду и из вырученных средств сможет оплатить расходы на посольства или на какие-нибудь другие цели.

24. Однако эти меры могут быть введены и позднее. Но для того чтобы уже сейчас обеспечить безопасность, в первую очередь нужно предпринять то, что относится к укреплению войска, к облагаемым налогами, которые должны взиматься справедливым, удобным и не обременительным способом. Если кто-нибудь сможет посоветовать что-нибудь лучшее и более удобное, пусть это будет принято. Но ни в коем случае дела не могут быть оставлены без улучшения и без внимания, в том виде, как они есть, так как это чрезвычайно вредно и опасно. Я думаю, что трудно придумать что-нибудь лучшее и более полезное, чем то, что я предлагаю, да еще такое, чтобы это не трудно было осуществить. Очень плохо, если дела останутся в их теперешнем состоянии, которое чревато большой опасностью. Здесь потребуется лишь, о император, твое высочайшее решение. Для тебя, повелевающего нами во всех делах, не составит никакого труда решиться на то, что, будучи лучшим и справедливейшим, принесет наибольшую пользу как всему обществу, так и отдельным гражданам.

25. Если ты в силу твоей верховной власти поручишь мне привести все эти дела в порядок, то я возьму на себя эту должность, и если даже никто другой не возьмется за это, я обязуюсь устроить дела в Пелопоннесе по тому плану, который я теперь изложил в своей речи. При этом, о император, я хочу настоятельно просить, чтобы это дело не поручалось тем, кто постоянно осаждает тебя просьбами вовсе не из хороших побуждений. Если только руководить настойчиво и без склонности к плохому, то тогда будет не трудно устроить все так, как я предлагаю в своей речи. Теперь я сказал, что я считаю нужным исполнить, и по каким причинам. Твоим божественным сыновьям я также изложил свои планы в форме речи. Теперь все зависит от твоего высочайшего решения. Если ты примешь это мудрое решение, то оно также хорошо будет проведено в жизнь. Пусть бог направит тебя на это прекрасное для всех решение.

Речь-совет к деспоту Феодору о Пелопоннесе

1. Для спасения находящихся на корабле кормчий имеет право делать все, что считает нужным, так же как и полководец для победы своих воинов. Ни мореплавателям, ни воинам не удалось бы даже на короткое время сохранить порядок, если бы они не подчинялись одному человеку.

Мы ясно видим, что при таких острых положениях, когда возникает большая опасность, единовластие оказывается самой верной и полезной формой правления.

Тем не менее мы знаем, что и на корабле всякому матросу, желающему предложить что-нибудь для общего спасения, и в войске солдату, придумавшему удачный выход, разрешается подать совет и сообщить кормчему или командиру то, что пришло ему на ум.

А они должны его выслушать и или последовать совету или отвергнуть его, но без раздражения и снисходительно. Ведь вполне простижительно, если в момент общей опасности кто-нибудь считает, что забота

об общем спасении лежит и на нем. На тебя, божественный правитель, твоим отцом, нынешним императором, возложена вся забота о нашем государстве и о народе, — он получил управление нами как наследие от своих предков, и тебе следует вести дела по твоему собственному усмотрению, но вместе с тем так, чтобы и для нас это было полезно, ибо все послушны твоей воле и никто не осмеливается противоречить тебе.

2. В отношении тебя дело обстоит именно так. Мы же находимся среди величайших опасностей. Нам угрожают со всех сторон — и с суши и с моря; нас в собственной стране притесняют как варвары, так и собственные граждане, а больше всего эти находящиеся в близком соседстве с нами варвары, называвшиеся в древности Паропамисады. Эти варвары были разбиты Александром, сыном Филиппа, и находившимися с ним греками во время его похода на Индию, а теперь, после такого длительного промежутка, они разыскивают сторицею с нас, греков, за перенесенное ими тогда. Они теперь настолько превосходят нас в силе, что при каждом нашествии угрожают нам окончательной гибелью. При таких обстоятельствах, мне кажется, не будет неуместным, если, размышляя о всеобщем благе, может быть, больше, чем другие, я предложу тебе, нашему повелителю, такие вещи, которые, по моему убеждению, и тебе будут полезны и нам всем послужат ко спасению. Прежде всего, однако, я прошу тебя, если не все в моей речи покажется приятным, но что-нибудь ты сочтешь резким, простить меня, предпочитающего полезное и лучшее приятному. Но я вижу, что врачи, заботясь о спасении и здоровье больных, не боятся самых ужасных кушаний, напитков и вообще лекарств, в то время как повара, напротив, приятностью своих яств во многом вредят телу. Таким образом, не всегда помогает приятное, но иногда и неприятное приносит пользу.

3. Прежде всего следует помнить, что даже в самых тяжелых обстоятельствах ни отдельные граждане, ни государства и народы не должны терять надежду на спасение. Со многими уже было так. Троянцы, после того как их родина была разорена греками, вместе с Энеем из Фригии отправились в Италию, а впоследствии населили Рим вместе с сабинянами, происходившими из Спарты, и потом достигли такого господствующего положения, которого на человеческой памяти никто не достигал. Так и персы, после их покорения Александром с греками и македонянами, когда Македонское государство было завоевано римлянами с помощью парфян, пришли к немалому величию. Также и с Римским государством, бывшим тогда великим, персы постоянно воевали с переменным успехом и наконец одержали такую блестящую победу над римлянами, что на многие поколения обложили их данью.

4. Поэтому было бы несправедливо, если бы мы сами оставили себя на произвол судьбы, не пытаясь даже спастись. Но, даже в самых плохих обстоятельствах, надеясь на лучшее, мы должны стремиться со всем усердием к успешному завершению наших дел, чтобы по возможности добиться более счастливого и благополучного состояния. Однако нет никакого другого способа коренным образом вывести государство или народ или вообще человеческие дела из плохого состояния иначе, как преобразовать государственное устройство. Ибо нет никакой другой причины хорошего или плохого состояния государства, кроме хорошего или плохого его устройства. Если случайно государство и придет к желаемому благополучию, то это будет непрочным и

скоро может снова измениться к худшему. В большинстве случаев благосостоянием государства обязаны своему хорошему устройству, в то время как плохое устройство государства ведет к общему упадку и гибели.

5. Греки добились славы для своей общины во всем мире лишь тогда, когда Геракл, сын Амфитриона, освободив страну их от злодеяний, принес им законность и стремление к добродетели. Ибо до Геракла народ греков был мало известен, над ним господствовали даиды и кадмиды, чужеземцы из варварских стран. Ко времени же после Геракла относятся великие победы греков как в Элладе, так и в варварских странах. Лакедемоняне лишь тогда получили гегемонию над греками, когда Ликург установил у них достойное похвалы законодательство. И они были разбиты и отстранены от гегемонии не раньше, чем отошли от установленного [им] государственного устройства. К тому же они начали стремиться к господству на море, в то время как раньше они вели лишь сухопутные войны. Конное дело у них было поставлено очень плохо, так как о содержании лошадей заботились богатейшие граждане. Когда была нужда в войске, они передавали оружие намеренному народу, не всегда умевшему с ним обращаться. Они беспрестанно властвовали над союзниками. Поэтому они были побеждены фиванцами во главе с Эпаминондом, который ревностно следовал учению пифагорейцев. Также и Филипп, бич для фиванцев, который был воспитан известным Эпаминондом, превратился в верховного повелителя греков. И Александр, его сын, воспитанный своим отцом, а также Аристотелем, сделался предводителем греков, а после подчинения персов также и повелителем Азии.

6. Римляне благодаря своему образцовому государственному устройству достигли великого господства. И дела у них стали клониться к упадку не раньше, чем они начали менять установленный порядок. Сарацины были некогда незначительным арабским племенем и подчинялись римлянам. Но когда у них были установлены законы и введено новое государственное устройство, это послужило им [если не для чего-нибудь другого] [то по крайней мере] лишь для расширения их территории и усиления военной мощи. Они прежде всего стали во главе родственных им арабов, затем отняли у римлян многие лучшие области, овладели Ливией и, подчинив себе персов, захватили их владения под свою власть. Многие другие народы вселенной, введя у себя новые законы и удачно пользуясь ими, кажется достигли благоденствия. Также и варвары, которые овладели нами, пользуясь подобными законами, достигли большой мощи. И если принять во внимание все остальное, то мы увидим, что народы и государства, в зависимости от хорошего или плохого устройства, находятся в хорошем или плохом положении. Если поэтому мы станем рассуждать, какими средствами мы можем найти спасение и какими путями мы можем из теперешнего положения перейти к лучшему, то нет другого способа, как преобразовать государственное устройство, т. е. из теперешнего плохого состояния перейти в лучшее. Государство [и государственное устройство] состоит из многих частей, из которых каждая может сделать их хорошими или плохими. Если из этих частей преобладают хорошие и подходящие, то и всё государство хорошо устроено, если же преобладают плохие, то и государство плохо устроено.

7. Существуют три главных вида государственного устройства — монархия, олигархия и демократия, и каждый из них имеет многие разновидности, по которым государства управляются лучше или хуже.

По мнению наиболее здраво рассуждающих, лучшим из них считается монархия, имеющая хороших советников и законы, имеющие должную силу. В качестве советников лучше всего иметь известное число хорошо образованных людей. Можно опасаться, что весь народ, среди которого, из-за большого количества необразованных людей, трудно или невозможно достигнуть взаимного понимания, может принять многие неразумные решения. С другой стороны, от очень небольшого числа людей-правителей, заботящихся лишь о собственной выгоде, трудно ожидать хороших советов. Напротив того, умеренное количество хорошо образованных людей, из которых одни соображают одно, другие — другое и все руководятся лишь общим благом, лучше и вернее всего подают советы государству. Хорошо также, если советники имеют умеренное состояние, не будучи ни слишком богатыми, ни совсем нищими. Ибо одни из-за страсти к богатству будут советовать только то, что может принести им выгоду, а другие, вследствие своей бедности, будут смотреть только за тем, чтобы удовлетворить свои потребности. Люди же умеренного состояния будут заботиться лишь о том, что принесет пользу всему обществу. Вот это относится к советникам.

8. Дельными законами, вообще говоря, являются такие, которые каждому в государствах и народах определяют круг его действия и запрещают вмешиваться в дела, которые его не касаются. В каждом государстве первым, самым необходимым и наиболее многочисленным классом являются трудящиеся, т. е. земледельцы, животноводы и все те, которые собственными трудами добывают плоды земли. Этим и остальной массе граждан государства служит другой класс — класс ремесленников, купцов, лавочников и им подобных. Ремесленники доставляют предметы, необходимые людям в их повседневной жизни. Купцы посредством ввоза и вывоза таких предметов, которых в одной области излишек, а в другой недостаток, выравнивают это несоответствие и этим оказывают услуги тем, кто из-за своих дел не имеют времени для этих занятий. Лавочники покупают у ремесленников и купцов вещи и продают их отдельным лицам по их потребностям. Наконец, другие приобретают средства к жизни, продавая свою рабочую силу то здесь, то там.

9. Кроме этих имеется еще класс правителей, на обязанности которых лежит сохранение и защита всего государства, состоит ли оно из одного или нескольких народов. Во главе их стоит император, или иной правитель, в то время как другие управляют частями народа или государства. Невозможно убедить всех людей сохранять справедливость, никого не обманывать и не стремиться к чужому имуществу, так как никогда нет недостатка в людях, которые оставляют свою работу в поле или другую работу, доставляющую им средства к жизни, и стремятся к овладению плодами чужих трудов. Против этих людей установлены должности судей и других государственных служащих, а для военных дел — воины с их начальниками. Так как тем, на обязанности которых лежит защита всех, откуда-нибудь должно доставляться содержание, то от производителей требуются налоги для прокормления служащих в охране и выплаты им жалования. Таково происхождение налогов.

10. При наличии этих трех главных классов государства каждому из них соответствуют особые ремесла и занятия, и хорошие законы должны определить, чтобы каждый занимался своим делом и чтобы никто не вмешивался в ремесла и занятия другого класса. Для правителей не подходит никакое служебное занятие, так как всякий вид

службы противоречит делу управления. К таким служебным занятиям относятся также и крупная и мелкая торговля. Благоразумные законы не должны разрешать правителю как торговли, так и любого другого несвободного занятия. Воинов нужно отделить от народа, как и вообще охраняющих от охраняемых. Эти должны, будучи свободными от всех налогов, нести военную службу и подвергаться опасности за всех, а те, выполняя свои обязанности, в то же время, в меру своих сил, нести нетяжелые налоги для содержания правителей и военачальников. Большая и самая основная часть войска должна состоять из местных уроженцев, а не из чужеземцев, так как чужеземцы в большинстве случаев являются неверными, часто превращаясь из спасителей и стражей в противников. Местные же люди, если о них внимательно заботятся, являются наиболее надежными и верными. Большинство земледельцев, содержащееся в армии за свой счет, может, соединяясь в группы, сообща обрабатывающие землю, чередоваться и по очереди работать на земле и нести военную службу, так что между ними будет вполне возможно распределить и заботу о собственном хозяйстве и охрану государства.

11. В войске пешие воины должны быть отделены от всадников. Пешие воины должны быть разделены на отряды и боевые порядки, возглавляемые лохагами и таксиархами, а всадники — на эскадроны и полки во главе с илархами и синтагматархами, с тем, чтобы они могли быстро и в полном порядке появляться всюду, где это нужно. Не следует одновременно заботиться об обоих видах военной силы, сухопутной и морской, но постоянно об одной, и если это позволяет характер народа и государства, а также и природа страны, главным образом о сухопутной силе, чтобы, растрачивая свое внимание на оба вида войска, не упускать многое в каждом. Мощь страны должна опираться на способности военачальников и храбрость воинов, а не на искусство владельцев кораблей и прочих плохих людей. Управляющие страной должны доставать средства из собственной страны, а не из чужих стран. Находясь вдалеке в большинстве случаев от приморских стран, нужно, за исключением крайних случаев, вести войну только со своими ближайшими соседями, а не [многими сразу] одновременно с соседями и с отстоящими далеко. Все это во многом способствует улучшению и укреплению военной мощи.

12. Имеется три вида, на которые можно разделить налоги: повинности, взнос определенной суммы, в наличных деньгах или иных ценностях, и взнос определенной части продуктов. Повинности являются самым тяжелым для облагаемых видом налогов, вносимым не продуктами производства, а физическим трудом. Они неудобны также и для сборщиков налогов, так как их присутствие необходимо ежегодно во время производства работ. Установление определенной денежной суммы, не менее обременительной для платящих налоги, является неравномерным: при необходимости ее исчисления невозможно полностью учесть состояние плательщиков, установив податную мощность каждого из них, так как она не является постоянно одинаковой. Еще более тяжелой она является потому, что вносится частями в течение целого года и взимается многочисленными сборщиками. Взнос же определенной части натуральных продуктов является наименее обременительным, принимая во внимание время сбора урожая, а также более легким и удобным, чем любой другой вид налогов такой же ценности, ибо соответствующая часть взимается одновременно со сбором урожая. И, наконец, из всех налогов он является наиболее равномерным и справедли-

ливым, так как каждый плательщик вносит его в зависимости от мощности своего хозяйства. Таким образом, этот вид налогов является самым легким, самым справедливым и самым выгодным для государства, если он взимается при справедливом распределении. Теперь следует обсудить, как должно справедливейшим образом происходить это распределение.

13. Для получения дохода плоды земли требуют трех элементов: труда, средств производства, с помощью которых работают производители, т. е. скота, виноградников, пастбищ и всего подобного, и охраны всего этого. Поэтому они [плоды земли] принадлежат по справедливости работающим, тем, кто доставляет средства производства, и, в-третьих, охраняющим и управляющим всем, которых мы называли императорами, военачальниками и иными правителями. Поэтому тем, которые обрабатывают землю сами и на свои собственные средства там и когда им это нравится, принадлежат две части дохода: одна за труд, а другая за понесенные издержки. Третью же часть они должны вносить государству и тем, кто заботится об общей безопасности, которые в то же время должны быть освобождены от всяких налогов и остальных служебных повинностей. И это будет самым справедливым налогом, который был бы достойным даром, обеспечивая людей, которым поручены государственные дела. Вот это относится к налогам.

14. Образ жизни как всех граждан, так в том числе и правителей, должен быть не расточительным, а умеренным. Они должны обходиться без легкомысленных и бесполезных чужеземных нарядов, постоянно быть готовыми к войне, все время имея наготове все необходимое для военных действий. Военные действия потерпят значительный вред, если средства бесполезно растрачиваются. Плоды страны, как и куда кто пожелает, могут быть вывозимы лишь в случае уплаты половины их стоимости в качестве вывозного налога, если их хотят вывезти нашим союзникам за границы. Таким образом, они должны вывозиться лишь при условии, если местный купец по крайней мере вдвойне оплатит свою прибыль при торговле с чужеземными странами. Только в случае обмена на железо, оружие и некоторые другие весьма нужные товары вывоз может быть освобожден от всякого обложения. Нельзя пользоваться ни неполноценной ни чужеземной монетой, так как она причиняет значительный вред государству. Ибо монетное обращение имеет не малое значение для государства. Подделывающие монеты не должны подвергаться странным варварским наказаниям, чтобы и после наказания снова продолжать свои преступления. Если некоторые кажутся неисправимыми, то гораздо лучше лишить их жизни и освободить их душу от тела, которым они не умеют правильно пользоваться. Из-за калечения людей испорченные и бесполезные тела являются излишним грузом для государства.

15. Такими и подобными им являются законы хорошо устроенного государства; все равно, большого или малого. Для всего общества и отдельных лиц важнее правильное воззрение на бога. Главными тремя пунктами [догматами] являются следующие. Во-первых, что из сущностей бог есть главная сущность; во-вторых, что бог заботится о людях и устраивает все человеческие дела, большие и малые; в-третьих, что он по своему благоусмотрению правильно и справедливо управляет всем, никогда не отступая от того, что следует в каждом случае ни из-за даров людей, в которых он не нуждается, ни из-за чего-нибудь другого. Раз это так, то отсюда следует, что благоговейное поклонение богу, жертвы и приношения, производящиеся

с должной мерой и благочестивыми намерениями, являются свидетельством признания, что все хорошее происходит от божества. Заблуждающиеся в этом позволяют думать, что ими овладели один или два вида безбожия. Те, которые допускают преувеличенную роскошь в богослужении как у себя дома, так и в городе, как будто большой стоимостью жертв они могут изменить что-нибудь, то, так как они скорее имеют вид желающих откупиться от какой-нибудь вины или обязательства, а не принести жертву, им свойственен третий вид безбожия. Если же указанные основания и мнения у отдельных лиц и во всем обществе пустили крепкие корни, то всюду, где они господствуют, процветают нравственные добродетели и стремление к лучшему.

16. Все дурное и все великие человеческие грехи происходят от противоположных взглядов. Всегда имеются люди, которые неблагоприятно рассуждают. Некоторые вообще не верят в существование бога. Другие верят в его существование, но не в его заботы о человеке. Третьи верят и в его существование и в его заботы, но считают, что жертвами, приношениями и молитвами можно побудить его не относиться строго к правосудию. Из этих двух противоположных мнений о божестве, как из источников, происходят два не менее противоположные жизненные правила. По одному из них добродетель считается единственным или высшим добром, а по другому целью жизни является удовольствие. Природа человека состоит из божественного и смертного начал. Это признают все одаренные умом люди как среди греков, так и среди варваров, считая, что божественное начало — душа, а смертное — тело. Те, которые следуют склонности к божественному, по свойственному им богопочитанию считают направляющей линией всей жизни добродетель и добро, которые руководят всеми делами людей. Те же, которыми управляют смертные и звериные начала, ошибаются в мнении о боге, считая удовольствие целью жизни, и совершают поэтому всюду многие плохие дела. Между ними находятся те, которые стремятся к славе и богатству, в то время как слава является отражением добродетели, а деньги — лишь средством к жизни.

17. В каждом веке были люди, которые стремились к добру, как, например, Геракл, сын Амфитриона, который, дав грекам хорошие законы и внушив им усердие к добрым делам, сделался известным во всей вселенной. Он и показал свое высшее совершенство многочисленными трудами и подвигами. Далее, когда у лакедемонянина Ликурга умер бездетным его брат-царь, его вдова почувствовала себя беременной. Она предложила Ликургу погубить зародыш, жениться на ней и овладеть царством. Однако Ликург не согласился на это предложение, противоречащее справедливости, но всеми способами постарался сохранить сыну брата жизнь и оставить за ним отцовский сан. Затем, избранный государством в законодатели, он установил всеми хвалимое государственное устройство, создав самое лучшее государственное устройство как среди греков, так и среди варваров. Далее Александр, царь Македонии, сделавшись, вследствие своей храбрости и ума, вождем всех греков, создал для греков и македонян гегемонию во всей Азии. И из варваров перс Кир, своей доблестью не только освободил персов из-под власти мидян, но и сделался владетелем над ними и над всей Азией.

18. Из других же Александр из Илиона, сын Приама, при суде над богинями и выборе образа жизни пренебрег Герой, хранительницей добродетели, и Афиной, создательницей славы, предпочел и выбрал Афродиту, богиню сладострастия. Он нисколько не сокрушался о потере

им обещанного Герою царства и счастливой жизни, основанной на добродетели, как и о военной силе, даре Афины, и почетной и славной жизни. Вместо этого он в качестве награды за свой несправедливый приговор взял дочь Тиндара лакедемонянку Елену, жену Менелая, сына Атрида. Целью его было наслаждение, ибо она была весьма красива, хотя и с позорнейшими и преступными чувствами, чем он погубил и себя и свое отечество. Также и ассириец Сарданапал своей изнеженностью и обжорством погубил господство своих граждан ассирийцев, попавших под иго мидян. Так и у римлян Нерон, совершая многие ужасные и бесстыдные поступки, убил свою мать и сам погиб ужасной смертью. Он пренебрегал и своим отечеством, и лишь доблесть римлян, еще не настолько павшая, не дала им окончательно погибнуть.

19. Много есть и других людей как среди правителей, так и среди народа, совершающих большие или меньшие грехи. К ним принадлежат и те, которые считают тенью и пустыми словами справедливость, правду и всеобщее благо, стремятся лишь к золоту и другим ценностям, измеряют благополучие одеждами, серебром и золотом, постоянной ленью и обжорством и ни во что ставят как свою, так и их детей и всего государства безопасность и свободу. Существуют и такие, которые, пока не появляется золото или что-нибудь подобное и пока они рассматривают все само по себе, являются самыми сильными ораторами в пользу справедливости и правды; но когда появляется золото или что-нибудь ему равноценное, их язык тотчас же цепенеет, уста закрываются и они молчат о справедливости, так как все их рвение направлено к противоположному. Если государства управляются такими и им подобными людьми, они находятся в плохом состоянии, так как даже лучшие законы далеки от исполнения, и все смешивается в беспорядке. Ибо государства нуждаются не только в хороших, но и в действующих законах. А сильными законы становятся при добродетели правителей, при трех видах богобоязни, о которых говорилось.

20. Мы сейчас нуждаемся только в спасении и самосохранении. Мы видим, к чему свелось великое господство римлян, которым, потерявшим все, остались лишь два города во Фракии и Пелопоннесе, да и тот не на всем своем протяжении, и, кроме того, то там, то здесь какой-нибудь островок. Но так как спасение государства возможно лишь при надлежащем устройстве, то теперь следует установить хорошие законы и по возможности поставить наилучших правителей. Ибо чем в более плохом положении находятся наши дела и чем большая у нас слабость по сравнению с противостоящими нам мощными врагами, тем настоятельнее необходимо правильным государственным устройством смягчить наши трудности. А каким образом создается хорошее государственное устройство, об этом мы сказали самое главное и для настоящего положения дел провести полезные мероприятия вовсе уж не так трудно. Ибо если от одного человека зависит, сделать это или нет, то это не может быть ни невозможным ни особенно трудным.

21. Говоря о единой воле, я думаю прежде всего о твоей воле. Если бы тебе, правителю, облеченному высшей властью над нами, бог внушил желание провести в жизнь великое и прекрасное, так как ты по своему характеру склонен к добродетели и к прекрасному, то было бы не трудно осуществить все это, и наше спасение не было бы безнадежным. Ибо в этом заключается все, от чего зависят наше спасение или наша гибель. Если бы ты пожелал провести в жизнь нечто великое и прекрасное, то ты не легко нашел бы что-нибудь бо-

лее великое и прекрасное, чем спасение народа и укрепление государства. Это укрепление не может состоять не в чем ином, как во введении надлежащего государственного устройства. Самое же лучшее государственное устройство может быть создано не иначе, как я это изложил и как это во всех веках происходит в обладающих лучшими законами государствах.

22. Если ты сам этого желаешь и обратишь на это свою мысль, то ты без труда найдешь соратников, ибо прежде всего самых способных людей ты обратишь на занятие государственных должностей, а остальных приведешь к повиновению убеждением, хорошим обращением и наказаниями. Ты будешь пользоваться двумя этими способами, убеждением по отношению к благомыслящим и гневом по отношению к провинившимся. Ибо хороших результатов можно достигнуть лишь задумав это и старательно к этому стремясь. И сохранить эти хорошие результаты можно, лишь соединяя разум с установленной целью. Свои государственные преобразования ты можешь начать с выбора своих советников, установив необходимое их количество. С этого хорошо начать и затем следовать далее в делах устройства и преобразования. Ты должен внушить им, в какой большой опасности находятся наши дела и что у нас нет никакого другого спасения, кроме правильного преобразования государственного устройства. Ведь и для больных, если им становится вредным их обычный образ жизни, нет никакого другого способа искоренения своей болезни, чем перемена образа жизни на более полезный.

23. Затем ты должен много сделать для улучшения военного устройства, разделив пелопоннесцев на два класса, на обязанных военной службой и на облагаемых налогами в зависимости от того, к какому занятию люди имеют большую склонность. Не должно быть больше людей, которые в одно и то же время несли бы военную службу и облагались бы налогами. Ибо ты не можешь спасти самого себя и народ, не победив врагов. А победить врагов нельзя, не имея войска, не столько многочисленного, сколько благомыслящего и сознательного. Весьма трудно, чтобы войско, обязанное платить налоги, сохраняло бы благоразумие и сознательность, и поэтому на воинов, на которых лежат такие большие обязанности, трудно рассчитывать.

24. Ряды правителей нужно очистить от торгующих. Всем им нужно запретить заниматься как мелкой, так и крупной торговлей, чтобы они могли целиком посвятить себя работе по управлению, возложить на них обязанности по охране общей безопасности. Они не должны заниматься подсобными делами, причем преступными делами, вредить трудящемуся населению, сколько они смогут. Если же отдельные лица из торговцев будут привлечены в число правителей, то, если они окажутся способными, они должны либо отказаться от торговли, либо быть освобожденными от обязанностей государственной службы. Нельзя не провести такого разделения, нельзя смешивать торговцев с правителями, воинов с илотами, возлагать на илотов обязанности охраны. Это было бы самое плохое государственное устройство, при котором нельзя было бы совершить ничего великого и прекрасного. Ведь мы не пользуемся ослами для работы, исполняемой благородными конями, как и благородными конями для работы ослов. Я думаю, что и не всеми лошадьми мы пользуемся для одной и той же цели, но некоторыми пользуемся для военных целей, некоторыми же для перевозки тяжестей. Гораздо важнее и среди людей произвести подобное разделение, а не смешивать их.

25. Вместо многочисленных налогов, собираемых понемногу и часто неправильно, нужно установить один, который, как я говорил, является самым справедливым и состоит во взносе третьей части производимых продуктов. Этот налог является самым удобным для облагаемых и наиболее выгодным для государства. Из-за этого налога никто не будет покидать свою страну и никто не будет подвергаться несправедливостям со стороны сборщиков, которым выгодно, чтобы благосостояние облагаемых улучшалось, так как и им больше будет обеспечена следуемая им часть налогов. Из числа илотов ты можешь взять столько, сколько тебе потребуется для обслуживания твоего домашнего хозяйства, остальных же оставить для правителей и военачальников в количестве, какое ты сам установишь. Каждого из них нужно заставить в соответствии с предоставленным ему количеством илотов содержать и определенное количество слуг, которые несли бы военные обязанности. Ибо не подобает, чтобы они утопали в роскоши за счет государственного имущества, делая то, чего только ждут враги, т. е. расточая средства, необходимые для укрепления общей безопасности. Это может обеспечить также и то, что может потребоваться для пропитания и расходов для тебя и других. Все доходы должны быть обращены на снабжение армии, а наряду с этим и на обеспечение потребностей императора, военачальников и всех правителей. Те, кто расточают средства, необходимые для войны, теряют собственное достоинство, становясь людьми, которые весьма почитаются врагами и делаются опасными для сограждан.

26. Обрати внимание на примеры из природы. Орел называется царственной птицей, издавна посвященной Зевсу. Он вовсе не имеет пестрой окраски и не блистает золотыми перьями. Павлин же, пестрый и украшенный золотом, но менее всего царственен по природе. Имеется много других птиц хуже павлина, которые пестро расцвечены. Поэтому нужно опасаться, что если кто-нибудь появляется в пестром и расшитом золотом платье, то он, подобно павлину, считает достойной лишь внешнюю красоту. Сообрази же теперь, кто является более достойным или приятным: тот, чьи стремления направлены на то, чтобы обеспечить в войне безопасность страны, причем он довольствуется скромным платьем и вообще умеренным образом жизни, так что его уважают даже враги и он может быть хорошим советником высшей власти, или же тот, кто, разодевшись в шитое золотом платье, дрожит и боится врагов? Если вы были бы пастухами, как использовали бы вы молоко? Пользовались ли бы вы умеренной частью для себя, а другой для кормления сильных собак, которые охраняли бы стадо от нападения диких зверей, чтобы ваше стадо сохранялось для вас, чтобы вы продолжали быть пастухами и долго пользовались бы плодами своих трудов? Или же вы предпочли бы без всякой меры глотать молоко, обливая им свои платья, а вместо сильных собак кормить маленьких собачек, лисиц или даже медведей, самых прожорливых из животных и никуда не годных для охраны? Этими, а также и другими, нападшими извне, ваше стадо очень скоро было бы растерзано и погибло бы. Очень похожим мне кажется также, если бы вы хотели кормить людей, которые пристают к вам с лестью и хитростью, или таких, которые могли бы проглотить все за один раз и вследствие своей жадности не могут себя обуздать.

27. Если ты хочешь делать то, что является справедливым и самым полезным как для тебя самого, так и для остального народа и что доставляет настоящее и чистое удовольствие благородному и хорошему

человеку, то употреби на это все свое старание. Не отступай от этой цели и не обращай внимания, если кто-нибудь из прежних императоров или правителей или даже если ты сам прежде установил иначе, или если твои действия кому-нибудь и не доставят удовольствия. Ты должен испытать все, не боясь ничего, что может принести пользу. Ты ведь знаешь, что ради спасения всего тела режут и жгут, отсекают руки и ноги. Поэтому и ты должен делать все, что пожелаешь, что тебе покажется нужным для спасения всего государства, а в отношении остального испросить согласия твоего святейшего отца — императора. И если он увидит твоё стремление, целиком направленное к этим целям, то он легко согласится с твоими просьбами и священными пожеланиями. Если же ты проведешь в жизнь самое главное, что относится к спасению, то не трудно будет выполнить и остальное, что будет способствовать благоустройству государства. Таким образом, вследствие всех этих мер образуется самое благоустроенное государство. Подумай, что чем большую честь мы готовы тебе воздать, тем больший получится вред, если случатся какие-нибудь несчастья. Именно тебе подобает думать об общем благе и заботиться о нем без всякого промедления. Не годится медлить, когда опасность близка, и не хорошо делать какие бы то ни было отсрочки. Ибо правильно сказал Гесиод:

„Ибо медлительный муж никогда не поборет несчастья“.
